
Джек Вэнс
Легенды Умирающей Земли
Входит в 100 лучших книг в жанре фэнтези
fanzon

Легенды Умирающей Земли

Джек Холбрук Вэнс

Аннотация
Джек Вэнс. Легенды Умирающей Земли
Кугель и Неборазрывный Брызгосвет. Сага о Кугеле
  Глава I. От Голечной косы до Саскервоя
  Глава II. От Саскервоя до отмелей Таствольда
  Глава III. От Таствольда до Порт-Пердусса
  Глава IV. От Порт-Пердусса до Каспары-Витатус
  Глава V. От Каспары-Витатус до Квирнифа
  Глава VI. От Квирнифа до Перголо
Риальто Изумительный
  Предисловие
  Глава I. Мюрте
  Глава II. Тучеворот Охмура
  Глава III. Моррейон

Аннотация

100 лучших книг в жанре фэнтези.

Premio Gigamesh.

Финалист премий Locus.

Сага о Кугеле Пройдохе, Кугеле Счастливчике и Кугеле Бесстрашном продолжается!

Перед вами фэнтези, полное сатиры, декадентских услад и изощренных приключений, а также поражающей всякое воображение магии, которая не отличается от науки.

В этом мире тишина «слишком невинная», и что ни шаг, то вас ждет «неприятнейший сюрприз». Здесь важно не ошибиться в выборе, ведь смеется тот, кто смеется последним.

«Джек Вэнс настолько усовершенствовал трюк создания новых миров, до такой степени обманчиво реальных, что через некоторое время собственный дом кажется вымышленным». – *Джерри Пурнелл*

«"Умирающая Земля" Джека Вэнса – невероятно красивый бриллиант в россыпи сокровищ мировой литературы фэнтези. Величественный памятник, штучная, изумительная вещь». – *Fantlab*

«Книга, которая лежала в основе создания ролевых игр системы Dungeons & Dragons». – *Amazon*

Джек Вэнс
Легенды Умирающей Земли

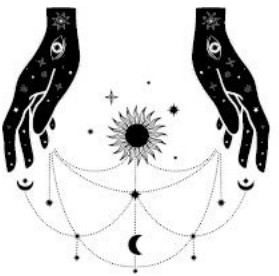
Jack Vance
CUGEL: THE SKYBREAK SPATTERLIGHT
Copyright © 1983, 2005 by Jack Vance
RHIALTO THE MARVELLOUS
Copyright © 1984, 2005 by Jack Vance
© Александр Фет, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023
Перевод книги выполнен по окончательному варианту текста произведений и одобрен семьей автора.
Оформление Елены Куликовой

* * *

Джек Вэнс /Джон Холбрук Вэнс/

Родился в 1916 году в Сан-Франциско, рос на ранчо и с детства полюбил фантастику. После учебы в Калифорнийском университете служил на флоте и именно в это время начал писать рассказы, которые превратились в роман «Умирающая Земля». Публиковаться Джек Вэнс начал рано — как музыкальный обозреватель (он играл на трубе в университетском джазовом коллективе), а первый фантастический рассказ вышел в 1945 году. В дальнейшем Вэнс написал более 50 рома-

нов и повестей в различных стилях фантастики и был многократно награжден премиями Hugo, Nebula, World Fantasy Award. Его произведения попали в авторитетнейший список «100 лучших книг в жанре фэнтези», составленный Майклом Муркоком. В 1996 году Джек Вэнс за заслуги перед жанром был удостоен титула Грандмастер, а в 2001 году введен в Зал славы научной фантастики и фэнтези.



Просторы Великого Мофолама
Мелантинская Пучина
Ампридатвир
гора Лиу
Оплот Мель-Пахузаса
Потерянный остров
Кансапара
Кочнакский Айл
Музей Человека
Саппос
горы Фер Акила
Затерянная страна
Кобальтовая гора
Степи Рухнувшей Стены
Картезель
Воды Сапры
Замок Мимр
Великий лес
Даа
Усадьба Мазирвана
Старый Город
Кайин
Залив Санредле
Сфир
Асколанс
Мореннские горы
Озеро Фиолорн
Эфрет
Железные горы
Тюремный замок
Гвасан
Баутик
Пустоши Модаргы
Лайденур
Альмерия
С
З
В
Ю

Северное море
Кобальтовая гора
Мелль
Равнины Опароны
Горы Фер Акида
Воды Савры
Великий лес Даа
Морепронские горы
Старый Ромат
Озеро Фиолори
Кайин
Эфред
Железные горы
Асколаис
Альмерия
Сонганское море
Поселок Азеномей
Старый лес
Южная Альмерия
Смолод
Сиэль
Долгий Эрм
Переклад Бенбаджа
Пределы Мерса
Мар
Озеро Вулль
Блезные Промонты
Пустоши Судун
лес Сантальба
Гундар
горы Магнатца
Лумарт
Лелиас
Страна Зловещих Воспоминаний
Эрзе-Дамат
Болота Лалло
Дравенский лес
Серебряная пустыня
Средняя степь
Просторы Великого Мофолама
Восточная Альмерия

Кугель и Неборазрывный Брызгосвет
Сага о Кугеле

Глава I
От Голечной косы до Саскервоя

1. Флютик

Юкоуну, прозванный в Альмерии Смешливым Волшебником, снова сыграл с Кугелем одну из своих пагубных шуток. Опять Кугель, подхваченный в воздух, был перенесен над океаном Вздохов и сброшен на унылый пляж, известный под наименованием Голечной косы.

Поднявшись на ноги, Кугель стряхнул песок с плаща и поправил шляпу. Он стоял не дальше чем в двадцати метрах от того места, где приземлился в первый раз (по воле того же Юкоуну). Теперь, однако, у него не было с собой шпаги, а в поясной сумке не осталось ни терция.

Кугель очутился в абсолютном одиночестве. Вокруг не было ни звука, кроме шорохов ветра в песчаных дюнах. На восточном горизонте в море выступал туманным очертанием мыс, на западе — еще один, столь же удаленный; к югу простиралось море — и там тоже не было ничего, кроме отражения старого красного Солнца.

Замерзшая голова Кугеля начинала оттаивать,

и по мере возобновления мыслительных процессов на него накатывали, одна за другой, волны различных эмоций, главным образом ярости.

В эту минуту Юкоуну, надо полагать, от души наслаждался иронией судьбы. Кугель потряс высоко поднятым кулаком, угрожая южному небосклону:

— Юкоуну! Ты наконец превзошел себя! И на этот раз ты заплатишь за все! Отныне я, Кугель, — посланец Немезиды, ангел мщения!

Еще несколько минут Кугель возбужденно расхаживал взад и вперед, выкрикивая проклятия, — человек с длинными руками и ногами, гладкими черными волосами, впалыми щеками и чрезвычайно подвижным, язвительно искривленным ртом. Полдень давно миновал — Солнце потихоньку опускалось над западными пустырями, как больное животное, неуверенно пробирающееся вниз по крутому склону. Учитывая этот факт, Кугель, будучи прежде всего человеком практического склада ума, решил отложить дальнейшие тирады. Гораздо важнее было поскорее найти место, где можно было бы переночевать. Пожелав напоследок, чтобы Юкоуну покрылся пульсирующими от боли гнойниками, Кугель преодолел небольшую галечную

осыпь, взобрался на гребень дюны и стал обозревать окрестности.

На севере в холодную сумрачную даль уходили трясины, перемежавшиеся порослями чахлой черной лиственницы.

Восточные пустоши, где находились Смолод и Гродзь, Кугель удостоил одного мимолетного взгляда; обитатели Кутца долго не забывали обиды.

До южного горизонта и дальше простирался вялый, равнодушный океан.

Далеко на западе однообразная береговая полоса упиралась в гряду низких холмов — достигнув моря, она образовывала мыс… Внимание Кугеля сразу привлекла красная искорка, мелькнувшая на фоне темного склона.

Такой красноватый отблеск мог объясняться только отражением солнечного света от стекла!

Кугель запомнил примерное расположение отблеска, погасшего по мере перемещения Солнца. Соскользнув с дюны на пляж, он поспешил по берегу на запад.

Солнце скрылось за мысом, на пляж опустились серовато-лавандовые сумерки. Памятуя о том, что где-то в северных окрестностях находился отрог Долгого Эрма (огромного леса, чреватого самыми

зловещими возможностями), Кугель заставил себя прибавить ходу и побежал трусцой по песку на полусогнутых ногах.

Черная гряда холмов росла на фоне темнеющего неба, но впереди не было никаких признаков человеческого жилища. Кугель пал духом. Теперь он шел гораздо медленнее, внимательно изучая местность, и наконец, к своему величайшему удовлетворению, заметил крупный особняк замысловатой архаической конструкции, скрывавшийся за деревьями буйно разросшегося сада. Окна нижнего этажа тускло светились янтарными огнями — зрелище, обещавшее долгожданный покой утомленному припозднившемуся путнику.

Кугель тут же повернул к этому строению и приблизился к нему, не принимая обычных мер предосторожности (как правило, сначала он бы произвел разведку и, может быть, заглянул бы в окна, прежде чем заявить о своем присутствии). Его заставили поторопиться две белесые фигуры, появившиеся поодаль, на краю леса, и бесшумно отступившие в тень, как только он на них взглянул.

Проворно вскочив на крыльцо, Кугель тут же взялся за цепь, висевшую у двери, и потянул ее.

Где-то внутри послышался приглушенный звон.

Прошло несколько секунд. Кугель тревожно обернулся через плечо и снова дернул цепь. Наконец он услышал медленные шаги — кто-то удосужился ответить на звонок.

Дверь приоткрылась: в щель осторожно выглянул тощий, бледный, сутулый старичок со сморщенной физиономией.

— Добрый вечер! — самым любезным тоном произнес Кугель. — Могу ли я поинтересоваться, кто живет в этом прекрасном старом доме и как называется это место?

Старик недружелюбно ответил:

— Эта усадьба Флютик, здесь живет мастер Тванго. По какому делу вы пришли?

— У меня нет никакого особенного дела, — беззаботно отозвался Кугель. — Я всего лишь путник и, кажется, заблудился. Если это возможно, я бы хотел воспользоваться гостеприимством мастера Тванго и провести у него ночь.

— Совершенно исключено. Откуда вы пришли?

— С востока.

— Тогда продолжайте идти по дороге в лес и спуститесь с холмов в Саскервой. Там вы найдете приют и все необходимое на постоялом дворе

«Голубые фонари».

— Это слишком далеко. В любом случае меня ограбили — у меня не осталось ни гроша.

— Здесь вы не найдете убежище. Мастер Тванго терпеть не может нищих и бродяг.

Старик начал было закрывать дверь, но Кугель вставил в проем носок башмака:

— Подождите! На краю леса два белых призрака! Уже стемнело, и я не смею идти дальше!

— В этом отношении могу посоветовать только одно, — сказал старичок. — Ожидающие в лесу существа, по всей вероятности, так называемые ростгоблеры, или, если вы предпочитаете научную терминологию, гиперборейские ленивцы. Вернитесь на пляж и зайдите на три метра в воду — это предохранит вас от нападения голодных ростгоблеров. А после восхода Солнца вы сможете подняться в холмы и дойти до Саскервоя.

Дверь закрылась. Кугель беспокойно оглянулся. У входа в сад — там, где ведущую к дому дорожку плотной стеной обступили старые тисы, — он увидел пару неподвижных белых фигур. Кугель снова повернулся к двери и резко дернул цепь звонка.

Снова прозвучали медленные шаги, приоткрылась дверь.

— Да, сударь? — спросил старичок.

— Упыри уже в саду! Я не смогу дойти до пляжа!

Старик открыл было рот, чтобы ответить, но промолчал и моргнул — ему в голову пришла какая-то новая мысль. Склонив голову набок, он с хитрецой поинтересовался:

— У вас нет никаких финансовых средств?

— Я уже вам говорил — у меня не осталось ни гроша.

— В таком случае… Как вы смотрите на возможность трудоустройства?

— Я готов работать, если это позволит мне выжить, само собой!

— В таком случае вам повезло! Мастер Тванго предлагает работу каждому, кто желает и способен ее выполнять. — Старый привратник отступил от входа, и Кугель с облегчением протиснулся внутрь.

Старик захлопнул дверь почти торжественным жестом.

— Пойдемте, я проведу вас к мастеру Тванго, и вы сможете обсудить с ним условия вашего найма. Как прикажете к вам обращаться?

— Меня зовут Кугель.

— Проходите же! Возможности вас не разочару-

ют… Так вы идете или нет? У нас во Флютике не любят терять время зря!

Тем не менее Кугель не торопился следовать за стариком.

— Объясните мне в общих чертах, в чем заключается предлагаемая работа? В конце концов, я человек образованный и воспитанный, мне не приличествует заниматься чем попало.

— Не беспокойтесь! Мастер Тванго принимает во внимание любые преимущества. Ах, Кугель, как вам повезло! Если бы только ко мне вернулась молодость! Сюда, пожалуйста.

Но Кугель все еще сомневался:

— В первую очередь мне следует привести себя в порядок. Я устал, мне пришлось пережить несколько крупных неприятностей. Прежде чем совещаться с мастером Тванго, я бы хотел освежиться и чем-нибудь закусить. По сути дела, давайте подождем до завтрашнего утра — тогда я смогу произвести гораздо лучшее впечатление.

Старик возразил:

— Во Флютике все делается точно по правилам — каждая статья расходов засчитывается в дебит заработной платы того или иного служащего. На чей счет надлежит занести стоимость вашего ужина? На счет Гарка? Или Гукина? Или на счет

самого мастера Тванго? Абсурд! Цена предоставленной вам провизии будет неизбежно вычтена из заработка Вимиша — другими словами, из моего заработка. Ни в коем случае! Я наконец выплатил все задолженности и собираюсь уйти на покой.

— О чем вы говорите? Ничего не понимаю, — проворчал Кугель.

— О, вы скоро все поймете! Пойдемте к Тванго!

Кугель неохотно последовал за Вимишем в помещение со множеством стеллажей и шкафов — расставленные на полках экспонаты позволяли предположить, что здесь хранилось собрание редкостей.

— Один момент! Подождите здесь! — прихрамывая и волоча тощие ноги, Вимиш вышел из комнаты.

Кугель прошелся туда-сюда, рассматривая экспонаты и прикидывая в уме их приблизительную стоимость. Странно было обнаружить подобную коллекцию в таких безлюдных, диких местах! Он наклонился, чтобы изучить пару небольших человекоподобных гротесков, изготовленных с исключительным вниманием к деталям. «Потрясающая работа! Просто шедевры!» — подумал Кугель.

Вимиш вернулся:

— Тванго скоро вас примет. Тем временем он поручил мне предложить вам чашку чая из вербены и две питательные галеты — бесплатно.

Кугель выпил чай и съел галеты.

— Гостеприимство Тванго делает ему честь, хотя, конечно, носит чисто символический характер. — Он указал на стеллажи: — Все это — личная коллекция мастера Тванго?

— Совершенно верно. Перед тем как основать нынешнее предприятие, он был известным торговцем редкостями.

— Я бы сказал, что у него причудливые, даже странные вкусы.

Вимиш поднял брови:

— На этот счет ничего не могу сказать. На мой взгляд, во всех этих вещах нет ничего необычного.

— Позвольте с вами не согласиться, — сказал Кугель. Он указал на пару гротесков: — Например, мне редко приходилось видеть настолько тщательно изготовленные и в то же время настолько отвратительные статуэтки, как эти. Невозможно не восхищаться навыками скульптора, спору нет! Как ощерились их клыкастые рожи! Начинаешь верить, что они излучают злобу и вот-вот

на тебя набросятся! Тем не менее невозможно также отрицать, что это создания болезненного, извращенного воображения.

Обсуждаемые изделия выпрямились во весь рост. Один из гротесков хрипло произнес:

— Не сомневаюсь, что у Кугеля есть достаточные основания для столь нелицеприятных суждений. Тем не менее ни Гарк, ни я не страдаем забывчивостью — особенно тогда, когда нас оскорбляют.

Другой гротеск поддержал товарища:

— Замечания Кугеля нанесли незаживающую рану моему самолюбию. У него язык без костей. — Гоблины соскочили на пол и выбежали из помещения.

— Вы обидели Гарка и Гукина, — укоризненно покачал головой Вимиш. — А они сидели здесь только для того, чтобы охранять ценные экспонаты Тванго от попыток хищения. Но что поделаешь? Сделанного не воротишь. Пойдемте — пора представить вас мастеру Тванго.

Вимиш провел Кугеля в большой рабочий кабинет, уставленный дюжиной столов, заваленных грудами ведомостей, ящиками и различными прочими предметами. Гарк и Гукин, надевшие аккуратные кепки с длинными козырьками,

красную и синюю, сидели на скамье и злобно поглядывали на Кугеля. За огромным столом у противоположной входу стены сидел Тванго — приземистый, грузный человек с маленьким подбородком, маленьким капризным ртом и лысиной, окруженной лакированными черными кудряшками. Подбородок Тванго украшала аккуратная козлиная бородка.

Как только Кугель и Вимиш зашли, Тванго повернулся в кресле:

— Ага, Вимиш! Насколько я понимаю, этот господин — Кугель. Добро пожаловать во Флютик, Кугель!

Кугель снял шляпу и поклонился:

— Сударь, благодарю вас за гостеприимство, оказанное путнику темной ночью.

Тванго сложил бумаги на столе, в то же время краем глаза наблюдая за Кугелем. Указав на стул, он сказал:

— Садитесь, пожалуйста. По словам Вимиша, вы могли бы устроиться к нам на работу — на определенных условиях, конечно.

Кугель вежливо кивнул:

— Я был бы рад рассмотреть возможность выполнения обязанностей, соответствующих моей квалификации и позволяющих получать надле-

жащее вознаграждение.

Вимиш, стоявший в стороне, подтвердил:

— Именно так! Условия трудоустройства во Флютике всегда оптимальны и даже в худшем случае безукоризненны.

Тванго прокашлялся и усмехнулся:

— Старина Вимиш! Мы сотрудничали много лет! Но теперь мы в расчете, и он желает удалиться на покой. Не так ли, Вимиш?

— Вы совершенно правы, мастер Тванго!

Кугель осторожно предложил:

— Не могли бы вы разъяснить, какие обязанности выполняются и какие льготы предоставляются на различных должностных уровнях? Оценив преимущества тех или иных вакансий, я мог бы точнее определить, какие из моих навыков оказались бы для вас самыми полезными.

Вимиш воскликнул:

— Предусмотрительный запрос! Кугель проявляет похвальную сообразительность! Если я не заблуждаюсь, во Флютике его ожидает успешная карьера.

Тванго снова поправил бумаги на столе.

— Сущность моего предприятия очень проста. Мы извлекаем и реставрируем древние сокровища. Я произвожу экспертизу и опись, после чего

мы пакуем экспонаты и продаем их экспедитору в Саскервое, а тот уже доставляет их конечному получателю — насколько мне известно, выдающемуся чародею в Альмерии. Если мне удается обеспечить максимальную эффективность выполнения работ на каждом этапе (Вимиш позволяет себе называть мой подход педантичным и даже дотошным), иногда это приносит небольшую прибыль.

— Я хорошо знаком с Альмерией, — заметил Кугель. — Кто чародей, скупающий экспонаты?

Тванго усмехнулся:

— Экспедитор Сольдинк отказывается назвать заказчика, чтобы я не продавал антиквариат без посредника, извлекая двойную прибыль. Но из других источников я узнал, что получателем товаров является некий Юкоуну из Перголо… Кугель, вы что-то сказали?

Кугель с улыбкой прикоснулся к животу:

— Прошу прощения, отрыжка… Примерно в это время я обычно ужинаю. Как насчет вас? Вы собираетесь подкрепиться? Может быть, нам следует продолжить обсуждение за вечерней трапезой?

— Всему свое время, — обронил Тванго. — Продолжим, однако… Вимиш давно координировал наши археологические раскопки, и теперь его

должность освобождается. Вы когда-нибудь слышали о Скорогрохе?

— Признаться, нет, не слышал.

— Тогда мне придется сделать небольшое отступление. В эпоху Кутцевских войн восемнадцатого эона Ундерхерд, демон из преисподней, вмешался в дела Высшего Света, в связи с чем Скорогрох решил снизойти на Землю и навести порядок. По неизвестной причине — лично я подозреваю, что у него просто закружилась голова, — Скорогрох плюхнулся в болото. В месте его падения образовался небольшой кратер, ныне заполненный жидкой грязью и находящийся у меня на заднем дворе. Чешуя Скорогроха сохранилась по сей день. Она рассеялась по кратеру, и мы добываем эти драгоценные чешуйки.

— Вам сопутствовала удача — в том, что кратер оказался рядом с вашей усадьбой, — заметил Кугель. — Тем самым повышается производительность предприятия.

Тванго попытался проследить направление мыслей Кугеля, но тут же отказался от решения этой задачи.

— Верно. — Он указал на столешницу, установленную сбоку: — Вот миниатюрная реконструкция Скорогроха.

Кугель поднялся и подошел к макету, изготовленному из большого количества кусочков серебряной фольги, закрепленных на каркасе из тонкой серебряной проволоки. Стройный торс покоился на двух коротких ногах с круглыми перепончатыми подошвами. У Скорогроха не было головы; постепенно сужаясь, торс заканчивался напоминающим нос корабля навершием, а на груди у этого существа сверкала чешуйка исключительно сложной конфигурации, с красным бугорком в центре. Из верхней части торса выступали четыре руки; Кугель не заметил никаких признаков наличия органов чувств или пищеварительного тракта и обратил внимание Тванго на этот любопытный факт.

— Да-да, разумеется, — отозвался Тванго. — Обитатели Высшего Света устроены по-другому. Так же как наша модель, Скорогрох состоял из чешуек, соединенных, однако, не серебряной проволокой, а матрицей линий силового поля. Когда Скорогрох погрузился в болото, воздействие влаги нейтрализовало силовое поле, чешуя рассеялась, и Скорогрох лишился способности сохранять свою форму — что, по представлениям Высшего Света, равносильно смерти.

— Жаль! — заметил Кугель, снова присажива-

ясь. — На первый взгляд его поступок можно было бы назвать благородным самопожертвованием.

— Может быть, и так, — пожал плечами Тванго. — Нам трудно понять его побуждения. А теперь перейдем к делу. Вимиш покидает наш небольшой сплоченный коллектив, в связи с чем должность бригадира остается незанятой. Считаете ли вы, что сможете заполнить эту вакансию?

— Разумеется, я вполне на это способен, — заявил Кугель. — Раскопки, позволяющие обнаруживать ценные артефакты, всегда вызывали у меня живой интерес!

— Значит, вам подойдет такая работа!

— А как насчет оклада?

— Ваш заработок будет точно таким, каким был заработок Вимиша, несмотря на то, что Вимиш накопил многолетний опыт и усвоил полезнейшие навыки. В таких вопросах я избегаю фаворитизма.

— Но сколько зарабатывает Вимиш? Не могли бы вы назвать приблизительную сумму?

— Предпочитаю не раскрывать такого рода информацию, — уклонился от ответа Тванго. — Но Вимиш, надеюсь, не будет возражать, если я сообщу, что за прошлую неделю он заработал почти триста терциев, а за неделю перед этим

— еще столько же.

— Чистая правда, от первого до последнего слова! — подтвердил Вимиш.

Кугель погладил подбородок.

— Пожалуй, такой заработок соответствовал бы моим потребностям.

— Вот и хорошо! — заключил Тванго. — Значит, вы готовы приступить к выполнению обязанностей бригадира?

Кугель размышлял еще несколько секунд.

— В том, что касается начисления моего заработка, — готов сию минуту. Однако я хотел бы поближе познакомиться с тем, как делаются дела на вашем предприятии. Надеюсь, на протяжении этого срока вы могли бы предоставить мне ночлег и приемлемое пропитание?

— Все это обеспечивается по номинальным расценкам. — Тванго поднялся на ноги. — Но я задерживаю вас разговорами, тогда как вы, несомненно, устали и проголодались. Вимиш, в качестве последнего поручения, будьте добры, проведите Кугеля в трапезную, где он мог бы поужинать чем угодно, по своему выбору. После этого вы оба можете отдохнуть, пользуясь удобствами, соответствующими вашим предпочтениям. Кугель, приветствую вас в качестве

работника нашего предприятия! Завтра утром мы согласуем подробности, относящиеся к размеру вашего вознаграждения.

— Пойдемте! — воскликнул Вимиш. — В трапезную! — Он поспешно захромал к двери, остановился и повернулся к Кугелю, подзывая его нетерпеливыми жестами: — Не ленитесь, пошевеливайтесь, Кугель! Во Флютике никто не сидит без дела!

Кугель взглянул мастеру Тванго в глаза:

— Почему Вимиш так возбужден и почему мне нельзя ни минуты посидеть спокойно?

Тванго с улыбкой покачал головой — поведение старика его, очевидно, забавляло и умиляло.

— Вимиш неподражаем! Даже не пытайтесь сравняться с ним в усердии! Нигде и никогда я больше не найду такого работника!

Вимиш снова позвал:

— Пойдемте, Кугель! Вы собираетесь здесь сидеть и болтать, пока Солнце не погаснет?

— Иду, иду! Но я не желаю спешить вслепую по длинному темному коридору!

— Я покажу, куда идти, следуйте за мной!

Стараясь не отставать от торопливого старика, Кугель прошел в трапезную — зал со столами вдоль одной стены и длинным сервантом, запол-

ненным всевозможными яствами, с другой. Там уже сидели и ужинали два человека. Один — тяжеловесный субъект с багровым лицом, толстой шеей и растрепанной копной светлых кудрявых волос — угрюмо поглощал вареные кормовые бобы с хлебом. Второй, тощий и гибкий, как ящерица, с продолговатым костлявым лицом, жесткими черными волосами и темной, словно задубевшей кожей, закусывал не менее аскетическим блюдом — пареной кормовой капустой с долькой сырого лука в качестве приправы.

Внимание Кугеля, однако, сосредоточилось на серванте. Он в замешательстве повернулся к Вимишу:

— Тванго всегда предлагает работникам такой великолепный ассортимент деликатесов?

— Да, как правило, — обронил Вимиш так, словно его это нисколько не интересовало.

— А кто эти двое?

— Слева сидит Еллег, справа — Мальзер. Они составляют бригаду под вашим руководством.

— Всего два человека? Я ожидал, что работников будет больше.

— Двоих вполне достаточно — вы сами в этом убедитесь.

— Для людей, зарабатывающих на жизнь фи-

зическим трудом, у них удивительно скромный аппетит.

Вимиш безразлично смотрел в потолок.

— Может возникнуть такое впечатление. Так что же? Что вы возьмете себе на ужин?

Кугель подошел к серванту, чтобы поближе познакомиться с его содержимым.

— Начну с копченой маслорыбицы и салата из листового перца. Эта жареная птица тоже представляется весьма съедобной… Кроме того, я не прочь попробовать ломтик окорока — с той стороны, где он не слишком прокоптился… Гарниры выглядят неплохо. Под конец я не отказался бы от этих пирожков и бутыли «Фиолетового мендоленса». Ничего не скажешь — Тванго заботится о персонале!

Кугель наполнил поднос высококачественными блюдами. Тем временем Вимиш ограничился маленькой миской с вареными листьями лопуха. Кугель изумился:

— Неужели вас устраивает такая скудная закуска?

Глядя в миску, Вимиш нахмурился:

— Не могу не признать, что этого может показаться мало. Но я стараюсь не слишком наедаться перед сном — это мешает сосредоточиться впо-

следствии.

Кугель самоуверенно рассмеялся:

— Я намерен организовать работы на рациональной основе — без всей этой лихорадочной беготни и беспрестанных понуканий. Все это ни к чему.

— Вы обнаружите, что время от времени вам придется работать не меньше, чем вашим подчиненным. Это входит в обязанности бригадира.

— Ни в коем случае! — величественно заявил Кугель. — Я настаиваю на строгом распределении функций. Землекоп не руководит, а руководитель не копает землю. Но это ваш последний ужин перед выходом на пенсию — почему бы вам не закусить и не выпить как следует?

— Мой счет закрыт, — объяснил Вимиш, — я не хотел бы открывать его снова.

— Но это же такая мелочь! — возражал Кугель. — Тем не менее, если вас это беспокоит, вы можете есть и пить за мой счет — пользуйтесь случаем!

— В высшей степени щедро с вашей стороны! — вскочив на ноги и торопливо хромая, Вимиш подскочил к серванту и вернулся с подносом, содержавшим отборные мясные блюда, консервированные фрукты, пирожные, большой ломоть

сыра и бутыль вина, каковые он атаковал с поразительным аппетитом.

Внимание Кугеля привлек какой-то звук, раздавшийся сверху. Подняв глаза, он обнаружил Гарка и Гукина, сидевших на полке. Гарк держал табличку, а Гукин делал на ней пометки, пользуясь пером потрясающей длины.

Гарк зорко поглядывал на блюда, стоявшие перед Кугелем, и перечислял:

— Во-первых, маслорыбица копченая, приправленная чесноком и зеленым луком, — четыре терция. Далее — крупная, хорошо откормленная птица, жареная, с миской соуса и семью гарнирами — одиннадцать терциев. Кроме того — три пирожка с рубленым мясом и травами, по три терция каждый, — итого девять терциев; но три пучка пряных трав учитываются отдельно, по два терция каждый, — итого шесть терциев. Одна большая банка айвового варенья — три терция. Вино — девять терциев. Салфетка и пользование столовыми приборами — один терций.

Гукин отозвался:

— Учтено и подсчитано. Кугель, подпишитесь вот здесь.

— Подождите-ка! — резко вмешался Вимиш. — Сегодня я ужинаю за счет Кугеля. Занесите

стоимость моих блюд в его графу.

Гарк строго спросил:

— Так ли это, Кугель?

— Я пригласил Вимиша поужинать за мой счет, это так, — подтвердил Кугель. — Тем не менее в качестве бригадира я приказываю аннулировать всю относящуюся ко мне задолженность. То же касается и Вимиша, почетного ветерана, получившего премиальный ужин по моему распоряжению.

Гарк и Гукин расхохотались визгливыми голосами, и даже дряхлый Вимиш позволил себе скорбно улыбнуться.

— Во Флютике, — сказал Вимиш, — никто никогда не отступает от правил. Тванго не позволяет эмоциям препятствовать коммерции. Если бы воздух, которым мы дышим, принадлежал мастеру Тванго, мы платили бы звонкой монетой за каждый вздох.

— Правила должны быть пересмотрены, и немедленно! — с достоинством возразил Кугель. — В противном случае я тут же слагаю с себя полномочия бригадира. Должен отметить также, что птица была недожарена, а чеснок выдохся.

Гарк и Гукин не обратили на его слова никакого внимания. Гукин занимался подсчетом стоимо-

сти ужина Вимиша. Закончив, он сказал:

— Вот таким образом. Кугель, снова требуется ваша подпись.

Кугель бегло просмотрел записи на табличке.

— Эти закорючки, нацарапанные птичьей лапой, ничего для меня не значат!

— В самом деле? — ласково спросил Гукин. Взяв табличку, он взглянул на нее. — Ага! Вот в чем дело. Я забыл начислить три терция за способствующие пищеварению пилюли, которые Вимиш тайком положил в карман.

— Постойте, постойте! — взревел Кугель. — Сколько вы там уже насчитали?

— Сто шестнадцать терциев. Кроме того, нам нередко предлагают чаевые за обслуживание.

— Только не сегодня! — Кугель схватил табличку и нацарапал свою подпись. — А теперь убирайтесь! Не могу ужинать как следует в присутствии пары зубастых болотных попрыгунчиков, присматривающих за мной из-за угла!

Гарк и Гукин в ярости ускакали прочь. Вимиш сказал:

— Ваше последнее замечание может вам дорого обойтись. Не забывайте, что Гарк и Гукин готовят еду — тот, кто их раздражает, иногда находит в миске самые отвратительные ингредиенты.

— Пусть лучше *они* меня боятся! — решительно заявил Кугель. — Я бригадир, а не кто-нибудь! Если Тванго не обеспечит исполнение моих указаний, я откажусь от должности!

— Конечно, вы можете сделать это по своему усмотрению — но только тогда, когда полностью рассчитаетесь за расходы.

— Не вижу в этом большой проблемы. Если бригадир зарабатывает триста терциев в неделю, на моем счету скоро не останется никаких задолженностей.

Вимиш осушил бокал несколькими жадными глотками. По всей видимости, вино развязало старику язык. Наклонившись к Кугелю, он хрипло прошептал:

— Триста терциев в неделю, а? Для меня это была счастливая случайность! Еллег и Мальзер — грязелазы. Так у нас называют их профессию. Они получают от трех до двадцати терциев за каждую найденную чешуйку, в зависимости от качества. За набедренную чешуйку в форме клеверного листа платят десять терциев, так же как за спинную чешуйку двойной яркости. За соединительный секвалион — с навершия или нагрудный — они получают двадцать терциев. Редкие боковые блестки тоже оценивают в двадцать терциев

каждую. А тому, кто найдет пекторальный неборазрывный брызгосвет, обещают сто терциев.

Кугель подлил вина в бокал Вимиша.

— Я вас внимательно слушаю.

Вимиш пригубил вино, но теперь уже почти не замечал Кугеля, продолжая монолог:

— Еллег и Мальзер встают до рассвета и работают до темноты. В среднем они зарабатывают по десять-пятнадцать терциев в день, причем из этой суммы вычитается стоимость их проживания и пропитания, а также мелкие случайные расходы. Бригадир обязан обеспечивать их безопасность и предоставлять им необходимые удобства, получая за это десять терциев в день. Кроме того, ему полагаются премиальные в размере одного терция за каждую чешуйку, добытую Еллегом и Мальзером, независимо от ее разновидности. Пока Еллег и Мальзер греются у печки или пьют чай, бригадир может сам нырять в грязь.

— Нырять в грязь? — Кугель не совсем понимал, о чем говорил Вимиш.

— Именно так. В грязь, заполняющую кратер, образовавшийся при падении Скорогроха в болото. Это трудная работа, нырять приходится глубоко. Недавно… — Тут Вимиш залпом допил все, что оставалось у него в бокале. — Недавно

я нащупал целую гроздь чешуек высокого качества — и среди них множество так называемых чешуек «особых» разновидностей. На следующей неделе мне снова невероятно повезло. В результате я смог полностью рассчитаться с мастером Тванго и в ту же минуту решил больше у него не работать.

Ужин внезапно показался Кугелю безвкусным.

— А раньше… Сколько вы зарабатывали раньше?

— Иногда примерно столько же, сколько Еллег и Мальзер, но обычно меньше.

Кугель поднял глаза к потолку:

— Получая по десять терциев в день и ежедневно прибавляя к задолженности по сто терциев… Какой смысл здесь трудиться?

— Естественный вопрос. Прежде всего, грязелаз отучается от излишней разборчивости в еде. Кроме того, когда человек ежедневно устает до изнеможения, он спит без задних ног, не замечая недостатков убранства своей спальни.

— Но я — бригадир, я внесу изменения! — снова заявил Кугель, на этот раз без особой уверенности.

Вимиш, уже несколько охмелевший, поднял длинный белый указательный палец:

— Тем не менее не забывайте о возможностях! Они существуют, уверяю вас, и в самых неожиданных местах! — Наклонившись к Кугелю, Вимиш усмехнулся и скорчил таинственную гримасу.

— Говорите! — подыграл ему Кугель. — Я вас слушаю!

Отрыгнув, проглотив еще полбокала вина и обернувшись через плечо, Вимиш сказал:

— Невозможно недооценивать тот факт, что, когда имеешь дело с такими проходимцами, как Тванго, полезны самые утонченные навыки.

— Ваши замечания очень любопытны, — кивнул Кугель. — Могу ли я налить вам еще вина?

— Не откажусь! — Вимиш с наслаждением сделал несколько глотков, после чего снова наклонился к собеседнику: — Хотите знать, в чем заключается самая забавная шутка?

— Конечно, хочу!

Вимиш доверительно прошептал:

— Тванго решил, что я выжил из ума! — Откинувшись на спинку стула, Вимиш расплылся в беззубой ухмылке.

Кугель ждал, но шутка Вимиша, по-видимому, заключалась в его последнем замечании. Кугель вежливо рассмеялся:

— Какая нелепость!

— Не правда ли? Несмотря на то что мне удалось расплатиться по счетам самым изобретательным способом! Завтра я покидаю Флютик — и проведу несколько лет, разъезжая по модным курортам. И тогда пусть Тванго хорошенько задумается о том, кто из нас выжил из ума — я или он!

— Не сомневаюсь, что он сделает правильный вывод. По сути дела, мне все ясно — за исключением того, в чем именно заключается упомянутый вами изобретательный способ.

Облизывая губы, Вимиш поморщился — тщеславие и пьяная отвага боролись в нем с последними остатками предусмотрительности. Он открыл рот, чтобы что-то сказать… Но прозвучал гонг — кто-то резко дернул за цепь у входной двери.

Вимиш начал было подниматься, но с беззаботным смехом снова опустился на стул.

— Теперь это ваша обязанность, Кугель, — принимать припозднившихся посетителей. Не говоря уже о тех, кто приходит ни свет ни заря.

— Я — бригадир, а не мальчик на побегушках, — возразил Кугель.

— Мечты, мечты! — вздохнул Вимиш. — Прежде всего вам придется иметь дело с Гарком и Гукином, а они настаивают на неукоснительном

соблюдении правил.

— В моем присутствии они научатся ходить на цыпочках!

На стол легла тень бугорчатой головы и залихватской кепки с длинным козырьком.

— Кто научится ходить на цыпочках?

Подняв глаза, Кугель обнаружил Гукина, пригнувшегося на краю полки и с подозрением смотревшего вниз.

Снова прозвучал гонг.

— Вставай, Кугель! — пропищал Гукин. — Иди открывай дверь! Вимиш объяснит тебе, как это делается.

— Я — бригадир! — заявил Кугель. — С этих пор обязанности привратника будешь выполнять ты. Пошевеливайся!

В ответ Гукин выхватил небольшую плеть-треххвостку, на конце каждого ремешка которой красовалось желтое жало.

Кугель ударил в полку снизу с такой силой, что Гукин кувыркнулся в воздухе и свалился плашмя в блюдо сыров ассорти, выставленное на прилавок серванта. Кугель подобрал плетку и замахнулся:

— Теперь ты готов выполнять свои обязанности? Или мне придется задать тебе хорошую

трепку, а потом засунуть, вместе с твоей пошлой кепкой, в горшок с требухой?

В трапезную забежал Тванго с выпучившим глаза Гарком на плече:

— Что за безобразие? Что тут происходит? Гукин, почему ты валяешься в сыре?

Кугель объяснил:

— Так как я — бригадир, ко мне следует обращаться надлежащим образом. Обстоятельства таковы: я приказал Гукину пойти и отворить дверь. Он повел себя с непростительной наглостью, и я как раз собирался его выпороть.

Лицо Тванго порозовело от раздражения:

— Кугель, это против правил! До сих пор именно бригадир выполнял обязанности привратника.

— Значит, отныне вступают в силу новые правила! Бригадир освобождается от выполнения лакейских обязанностей. Кроме того, его оклад увеличивается втрое, и с него не взимается плата за ночлег и пропитание.

Снова прозвенел гонг. Тванго выругался себе под нос.

— Вимиш! Сходи спроси, кто там пришел. Вимиш? Куда ты делся?

Но старый Вимиш уже удалился из трапезной.

Кугель строго приказал:

— Гарк! Сейчас же отвечай на звонок!

Гарк злобно зашипел и не подумал выполнять команду. Кугель указал ему на дверь:

— Гарк, ты уволен за неповиновение руководству! То же относится и к тебе, Гукин. Немедленно убирайтесь отсюда, оба! Возвращайтесь в родное болото, и чтобы я вас больше не видел!

Гукин, успевший занять место на другом плече Тванго, тоже вызывающе шипел.

Кугель обратился к Тванго:

— Если мои полномочия не будут подтверждены, боюсь, мне придется отказаться от предложенной вами должности.

Тванго всплеснул руками:

— Довольно глупостей! Пока мы тут стоим, кто-то без конца звонит у входа! — Он поспешил открывать дверь; Гарк и Гукин свалились на пол и поскакали за ним.

Кугель тоже направился ко входу — но с достоинством, не торопясь. Тванго распахнул дверь и впустил коренастого человека средних лет, в коричневом плаще с капюшоном. За ним вошли еще двое, в таких же плащах.

Тванго приветствовал посетителя с уважением, но как старого знакомого:

— Мастер Сольдинк! Уже стемнело! Что заста-

вило вас пуститься в путь так поздно?

— Важные, срочные новости — нельзя было ждать ни минуты, — мрачно ответил Сольдинк.

Потрясенный Тванго отступил на шаг:

— Как? Меркантидес умер?

— Нет, трагедия заключается в обмане и воровстве!

— Что украли? — нетерпеливо спросил Тванго. — Кого обманули?

— Фактически дело вот в чем. Четыре дня тому назад, точно в полдень, я прибыл сюда с бронированным фургоном в сопровождении понятых, Ринца и Джорнулка. Оба они, как вы знаете, — старейшины, известные своей неподкупностью.

— Никто никогда не подвергал сомнению их репутацию — в том числе я. Но почему вы об этом упомянули?

— Терпение, терпение! Я все объясню.

— Продолжайте! Кугель! Вы — человек, видавший виды. Послушайте и составьте свое мнение. К вашему сведению, это мастер Сольдинк из экспедиторской фирмы «Сольдинк и Меркантидес».

Кугель приблизился на шаг, а Сольдинк приступил к дальнейшим разъяснениям:

— Я зашел в ваш рабочий кабинет вместе с Ринцем и Джорнулком. Там, в нашем присутствии,

вы отсчитали шестьсот восемьдесят чешуек Скорогроха, и мы упаковали их в четыре ящика.

— Верно. В эту партию входили четыреста «обыкновенных» чешуек, двести «особых» и восемьдесят «особых высшей категории», то есть уникального качества.

— Вот именно. Вместе, в присутствии Вимиша, мы закрыли ящики наглухо, обвязали их лентами, наложили пломбы и закрепили маркировочные таблички. Предлагаю вызвать Вимиша, чтобы он, как человек исключительно опытный, пролил свет на таинственные обстоятельства этого дела.

— Гарк! Гукин! Будьте добры, позовите Вимиша. И все же, мастер Сольдинк, вы еще не объяснили, в чем, собственно, заключается проблема!

— Объясню сию минуту. Итак, в вашем и в моем присутствии, а также в присутствии Вимиша, Ринца и Джорнулка драгоценные чешуйки упаковали в ящики — как всегда, непосредственно у вас в кабинете. Затем Вимиш, под нашим наблюдением, разместил ящики на тележке — насколько я помню, мы еще похвалили его за то, как он украсил и оснастил тележку, предотвратив всякую возможность падения ящиков. После этого мы с Ринцем прошли вперед, а вы с Джорнулком

замыкали шествие, пока Вимиш осторожно катил тележку с ящиками по коридору. По пути он остановился только один раз, чтобы поправить башмак, — при этом он что-то заметил по поводу необычно прохладной и промозглой погоды.

— Да-да, я хорошо это помню. И что дальше?

— Вимиш подкатил тележку к бронированному фургону, и ящики переместили в установленный в фургоне сейф, который я немедленно закрыл на замок. Я выписал вам квитанцию, подтверждающую получение груза, каковую подписали также понятые Ринц и Джорнулк; в качестве свидетеля с вашей стороны ее подписал Вимиш. Наконец, я уплатил вам условленную сумму, а вы вручили мне расписку о ее получении. Мы доставили фургон, нигде не останавливаясь по пути, в Саскервой; там, с соблюдением всех формальностей, ящики были перемещены в бронированную камеру хранения, где они ожидали отправки в далекую Альмерию.

— И что же?

— Сегодня Меркантидес решил проверить качество товара. Я вскрыл тщательно опечатанный ящик и обнаружил в нем только комки грязи и щебень. После этого, естественно, мы вскрыли и другие ящики. В каждом из них не было ничего,

кроме земли и щебня. В этом и состоит проблема. Мы надеемся, что вы или Вимиш поможете нам разобраться в том, что произошло, — или, если вы не способны предоставить такие разъяснения, вернете выплаченные вам деньги.

— О возвращении денег не может быть и речи. Не могу ничего добавить к вашему изложению фактов. Все происходило именно таким образом. И если бы Вимиш заметил что-нибудь необычное, он, конечно же, сообщил бы мне об этом.

— Тем не менее его показания могли бы способствовать расследованию. Где он?

Гарк прискакал в прихожую, возбужденно выпучив глаза, и хрипло объявил:

— Вимиш на крыше! И ведет себя чрезвычайно странно!

Донельзя раздраженный, Тванго воздел руки к потолку:

— Он состарился на службе, но неужели же *настолько* выжил из ума? Ведь он только что вышел на пенсию!

— Как вы сказали? — воскликнул Сольдинк. — Вышел на пенсию? Очень любопытно!

— Нас это тоже удивило: во Флютике еще такого не было. Он расплатился с долгами — до последнего терция — и заявил, что уходит на покой.

— Странно! В высшей степени странно! — заметил Сольдинк. — Необходимо, чтобы Вимиш сейчас же спустился с крыши!

Гарк поскакал вперед, Тванго выбежал в сад. За ними последовали Сольдинк, Ринц, Джорнулк и Кугель.

Уже наступила темная ночь, пространство перед крыльцом озаряло только несколько бледных созвездий, но отражения внутренних огней усадьбы позволяли различить силуэт Вимиша, разгуливавшего по коньку крыши, с трудом сохраняя равновесие.

Тванго позвал его:

— Вимиш! Зачем ты забрался на крышу? Что ты там делаешь? Спускайся сейчас же!

Вимиш озирался по сторонам, пытаясь понять, откуда исходит зовущий его голос. Заметив внизу Тванго и Сольдинка, он издал дикий вопль, полный вызова и какого-то задорного веселья.

— Как следует понимать его реакцию? — спросил Сольдинк.

Тванго снова закричал:

— Вимиш, пропало множество чешуек! Мы хотели бы задать тебе пару вопросов.

— Спрашивайте! Спрашивайте сколько угодно! Спрашивайте хоть всю ночь! Но я останусь

здесь и никуда не спущусь. Мне нравится гулять по крыше. По сути дела, я не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Но, Вимиш, нам нужно тебя расспросить. Для этого тебе придется спуститься. Не заставляй нас ждать!

— Я с вами рассчитался! И теперь делаю что хочу!

Тванго сжал кулаки:

— Мастер Сольдинк в замешательстве, он беспокоится! Пропавшие чешуйки незаменимы!

— Я тоже незаменим, и вы в этом убедитесь! — Вимиш снова издал странный хохочущий вопль.

— Вимиш явно спятил, — мрачно заметил Сольдинк.

— Работа составляла весь смысл его жизни, — пытался объяснить ситуацию Тванго. — Он нырнул глубоко в грязь и нашел целое скопление чешуек, после чего расплатился по счетам. И с тех пор ведет себя очень странно.

— Когда он нашел скопление чешуек? — поинтересовался Сольдинк.

— Всего лишь два дня тому назад.

И Тванго снова повысил голос:

— Вимиш! Сейчас же прекрати безобразничать и спускайся! Нам нужна твоя помощь!

— Вимиш нашел залежь чешуек после того, как мы приняли последнюю партию товара? — спросил Сольдинк.

— Совершенно верно. По сути дела, на следующий день.

— Любопытное совпадение.

Тванго уставился на экспедитора, ничего не понимая:

— Надеюсь, вы не подозреваете Вимиша?

— Фактические обстоятельства делают такое подозрение вполне обоснованным.

Тванго резко повернулся:

— Гарк, Гукин, Кугель! Заберитесь на крышу, быстро! И помогите Вимишу спуститься!

Кугель высокомерно возразил:

— Гарк и Гукин — мои подчиненные. Сообщите мне о своих пожеланиях, и я дам соответствующие указания.

— Кугель, ваши манеры невыносимы! Я смещаю вас с должности бригадира, здесь и сейчас! А теперь забирайтесь на крышу! И приведите ко мне Вимиша — не задерживайтесь!

— Я боюсь высоты, — буркнул Кугель. — Мне придется уволиться.

— Никто не уволится, пока не выплатит задолженность. Причем в сумму вашей задолженности

входит стоимость сыров, на которые по вашей вине шлепнулся Гукин.

Кугель начал протестовать, но Тванго сосредоточил внимание на крыше и отказывался его слушать.

Вимиш прогуливался взад и вперед по коньку. У него за спиной появились Гарк и Гукин. Тванго закричал:

— Вимиш, внимание! Гарк и Гукин помогут тебе спуститься!

Вимиш опять истерически расхохотался, разбежался и бросился головой вниз на мостовую перед крыльцом. Гарк и Гукин опасливо подобрались к краю крыши и смотрели выпученными глазами на распластавшуюся внизу фигуру.

Наскоро проверив, есть ли пульс у старика, Тванго повернулся к Сольдинку:

— Боюсь, что он мертв.

— И где же пропавшие чешуйки?

— Вам придется заниматься поисками в Саскервое, — сказал Тванго. — Хищение не могло иметь места во Флютике.

— Я в этом не уверен, — возразил Сольдинк. — Подозреваю, что товар похитили именно здесь.

— Вас вводят в заблуждение случайные совпадения, — настаивал Тванго. — Здесь холодно,

давайте вернемся в особняк. Кугель, перетащите тело в сарай садовника на заднем дворе. Могила Вимиша уже вырыта; утром вы сможете его похоронить.

— Вы забыли, что я уволился, — напомнил Кугель. — Если вы не предложите гораздо более приемлемые условия трудоустройства, я больше не работаю во Флютике.

Тванго топнул ногой:

— Почему именно тогда, когда нас постигла беда, вы пристаете со своими глупостями? Больше не могу тратить на вас время! Гарк, Гукин! Кугель уклоняется от выполнения обязанностей!

Гарк и Гукин подобрались поближе к Кугелю. Гукин захлестнул веревкой лодыжки Кугеля и затянул их петлей, в то время как Гарк набросил Кугелю на голову сеть. Кугель тяжело упал на землю, после чего Гарк и Гукин принялись избивать его короткими кольями.

Через некоторое время Тванго выглянул из прихожей:

— Хватит! У нас уши болят от всего этого гвалта! Если Кугель образумился, позвольте ему работать.

Кугель решил выполнить приказание Тванго. Бормоча ругательства, он оттащил тело Вимиша

в сарай на заднем дворе. После этого он направился, прихрамывая, в освобожденную Вимишем хижину и провел там почти бессонную ночь, мучимый растяжениями, синяками и ушибами.

Рано утром Гарк и Гукин стали ломиться к нему в дверь.

— Вставай, пора на работу! — кричал Гукин. — Тванго хочет обыскать эту хижину.

Несмотря на болячки, к тому времени Кугель уже занимался поисками какого-нибудь тайника в хижине покойного бригадира, но ничего не нашел. Почистив щеткой одежду, он поправил шляпу, вышел из хижины размашистыми шагами и стоял в стороне, пока Гарк и Гукин, под руководством Тванго, обыскивали помещение. Сольдинк, судя по всему, провел ночь во Флютике и сейчас нетерпеливо ожидал результатов обыска у входа в хижину.

Тванго закончил поиски.

— Ничего там нет! — сообщил он Сольдинку. — Вимиш ни в чем не провинился!

— Он мог припрятать чешуйки в другом месте.

— Вряд ли! Чешуйки паковали у вас на глазах. Их переместили в фургон под бдительной охраной. Вы сами, в компании Ринца и Джорнулка, сопровождали ящики до фургона. У Вимиша не

было никакой возможности украсть товар — не больше, чем у меня!

— Чем же объясняется тот факт, что Вимиш внезапно разбогател?

— Он нашел скопление чешуек — что время от времени случается, ничего удивительного.

Сольдинку больше нечего было сказать. Покинув Флютик, он стал подниматься на холмы по дороге в Саскервой.

Тванго собрал работников на совещание в трапезной. Присутствовали Еллег, Мальзер, Кугель и слабоумный садовник Бильберд. Гарк и Гукин притаились на высокой полке и следили за тем, чтобы все вели себя как положено.

Тванго мрачно произнес:

— Сегодня мне придется сообщить вам печальную новость. Ночью Вимиш решил прогуляться в темноте, и с ним случилась беда — его больше с нами нет. Увы! Его мечте — прожить остаток дней в довольстве и покое — не суждено было сбыться. Каждому из нас есть о чем задуматься перед лицом этой трагедии!

Есть и другие новости, не менее тревожные. Кем-то присвоены или похищены четыре ящика с чешуйками, составляющими огромную ценность. Может ли кто-нибудь из вас поделиться

сведениями, даже самыми незначительными, которые помогли бы решить эту загадку? — Тванго переводил взгляд с одного лица на другое. — Нет? В таком случае мне больше нечего сказать. Все по местам, за работу! И пусть всех нас вдохновляет удачная находка Вимиша!

Еще одно — последнее — замечание. В связи с тем, что Кугель еще недостаточно знаком со своими повседневными обязанностями, я призываю всех дружески протянуть ему руку помощи, как подобает сотрудникам, с энтузиазмом делающим общее дело, и научить его тому, чего он еще не знает, но что должен знать. Итак, все за работу! Скорость и производительность превыше всего!

Тванго отвел Кугеля в сторону:

— Вчера вечером между нами возникло недоразумение по поводу того, в чем именно заключаются функции бригадира. Во Флютике эту должность занимает человек, помимо прочего обеспечивающий комфорт и благоустройство сотрудников, к числу каковых отношусь и я, но ни в коем случае не контролирующий их поведение.

— Я получил соответствующие разъяснения, — сухо обронил Кугель.

— Вот именно. А теперь приступайте к выполнению вашей первоочередной обязанности и

похороните Вимиша. Он приготовил себе могилу на заднем дворе, за большим кустом черники. В то же время вы могли бы выбрать подходящий участок и вырыть могилу себе — на тот случай, если вас тоже постигнет несчастье и вы умрете, работая во Флютике.

— Я не рассчитываю здесь умереть, — возразил Кугель. — Мне еще многое предстоит сделать в этой жизни.

— Вимиш выражал не менее радужные надежды, — развел руками Тванго. — Но он мертв! Его товарищам, однако, не придется выполнять за него печальный долг, так как он уже вырыл себе могилу, ухаживал за ней и даже украшал ее. — Тванго помолчал и уныло усмехнулся: — Можно подумать, что Вимиш слышал шорох черных крыльев смерти! Всего лишь позавчера я видел, как он чистил свою могилу и приводил в порядок оградку вокруг нее, чтобы все было честь по чести!

— Позавчера? — Кугель нахмурился: — После того, как нашел залежь чешуек?

— Верно! Вимиш был прилежным, предусмотрительным человеком. Надеюсь, он послужит вам примером, Кугель, — примером того, как следует жить и работать во Флютике!

— Я тоже на это надеюсь, — отозвался Кугель.

— Так пойдите похороните Вимиша. Его тележка — в сарае. Он сам ее изготовил; думаю, что это самое подобающее средство для перевозки его тела к могиле.

— Вы правы, так будет лучше всего. — Без дальнейших слов Кугель направился к сараю и выкатил из него тележку — стол на четырех колесах. Движимый, по-видимому, желанием придать неказистому изделию более респектабельный вид, Вимиш закрепил по периметру стола висящее почти до земли покрывало из темно-синей ткани.

Кугель погрузил тело старика на тележку и повез его на задний двор. Тележка выполняла свою функцию достаточно хорошо, хотя возникало впечатление, что ее верхняя деревянная пластина была недостаточно надежно закреплена. «Странно! — подумал Кугель. — Особенно учитывая тот факт, что на этом столе с колесами возили ящики с драгоценными чешуйками». Изучив конструкцию тележки, Кугель обнаружил, что верхняя пластина крепилась одним-единственным шпеньком. Как только Кугель вытащил этот шпенек, поверхность стола начала переворачиваться, и труп Вимиша упал бы, если бы Кугель

не подхватил его.

Кугель еще раз внимательно осмотрел тележку, после чего отвез тело старика на северную окраину окружавшего усадьбу сада — туда, где Вимиш выбрал место для своего вечного упокоения.

Остановившись, Кугель посмотрел по сторонам. За глубокой прямоугольной ямой тянулась живая изгородь мирадионов — длинные гроздья их лиловых соцветий покачивались над самой могилой. В разрывах листвы можно было видеть пляж и блестящую морскую гладь. Слева пологий склон, поросший кустарником-горьколистом и свирельным тростником, спускался к пруду, заполненному черной грязью.

Еллег и Мальзер уже работали. Сгорбившись и поеживаясь от холода, они ныряли в грязь с нависшего над прудом трамплина. Будучи обвязаны веревками с грузилами, они погружались как можно глубже и долго шарили вслепую в поисках чешуек, после чего выныривали, отдуваясь и отплевываясь, сплошь покрытые стекающей струйками черной слизью.

Кугель с отвращением покачал головой — и тут же громко вскрикнул: что-то ужалило его в правую ягодицу. Резко обернувшись, он заметил Гарка, выглядывавшего из-под широкого крап-

чатого лопуха. Болотный гоблин держал в руке маленькую рогатку, с помощью которой запускал камешки, и в данном случае мишенью, по-видимому, служил Кугель. Поправив козырек красной кепки, Гарк выступил вперед:

— Пошевеливайся, Кугель! Ты халтуришь, а время не ждет!

Кугель не снизошел до ответа. Сохраняя достоинство настолько, насколько это было возможно, он стал опускать тело старика в яму, и Гарк удалился.

В самом деле, Вимиш мог бы гордиться состоянием своей могилы! Глубиной метра полтора, она отличалась похвальной ровностью вертикальных стенок — хотя с одной стороны, в самом низу, грунт казался рыхлым и сыпучим. Кугель удовлетворенно кивнул.

— Весьма вероятно, — бормотал он себе под нос. — Скорее всего, так и есть!

С лопатой в руке он спрыгнул в яму и начал было прощупывать рыхлый грунт лотком лопаты, но тут же заметил краем глаза приближение маленькой фигуры в красной кепке. Гарк возвращался, надеясь застать Кугеля врасплох и опять запустить ему в задницу острый камешек. Набрав полную лопату земли, Кугель резким

взмахом опорожнил ее через плечо в ту сторону, откуда подкрадывался гоблин. Послышалось возмущенное восклицание, свидетельствовавшее о достижении желаемого результата.

Кугель выбрался из могилы. Неподалеку, злобно стряхивая землю с красной кепки, сидел на корточках Гарк.

— Ты что же, не смотришь, куда швыряешь землю?

Опираясь на лопату, Кугель усмехнулся:

— Как я могу тебя заметить, если ты прячешься в кустах?

— Ответственность за свои телодвижения несешь ты! А моя обязанность — следить за тем, как ты выполняешь работу!

— Тогда прыгай в могилу — так тебе будет удобнее следить за каждым моим движением!

Гарк яростно выпучил глаза, хитиновые выросты его пасти заскрипели:

— Ты меня за дурака принимаешь? Давай работай! Тванго не платит бездельникам, загорающим в саду!

— Какие строгости, однако! — заметил Кугель. — Что ж, ничего не поделаешь. — Без дальнейших церемоний он столкнул тело Вимиша в могилу, заполнил яму землей и утрамбовал

засыпку.

Так прошло утро. В полдень Кугель превосходно закусил тушеным угрем с черемшой и репой, а также засахаренными экзотическими фруктами, запивая все это белым вином. Еллег и Мальзер, обедавшие хлебом из муки грубого помола и маринованными желудями, с завистью и удивлением поглядывали на бригадира.

Ближе к вечеру Кугель вышел на берег пруда, чтобы помочь ныряльщикам привести себя в порядок после работы. Первым из пруда выбрался Мальзер, неспособный разогнуть скрюченные от холода пальцы. За ним последовал Еллег. Кугель смыл с них липкую грязь струей воды, поступавшей по трубопроводу из ручья, после чего Еллег и Мальзер переоделись под навесом — от длительного пребывания в холодном пруду их кожа сморщилась и приобрела лавандовый оттенок. Так как Кугель забыл развести огонь, жалобы грязелазов прерывались только стучанием их зубов.

Кугель поспешил исправить оплошность, тем временем ныряльщики обсуждали достигнутые за день результаты. Еллегу удалось выцарапать из-под камня три «обыкновенные» чешуйки; Мальзер, шаривший в трещине на дне, нашел четыре чешуйки того же сорта.

— Теперь вы тоже можете понырять, если хотите, — предложил Кугелю Еллег. — Хотя, конечно, скоро уже стемнеет.

— Вимиш нырял почти каждый вечер, — заметил Мальзер. — И частенько занимался этим рано утром. Как бы он ни усердствовал, однако не забывал разводить огонь в нашей печке.

— Прошу прощения, — отозвался Кугель. — Я еще не привык к распорядку вещей.

Еллег и Мальзер еще немного поворчали, после чего направились в трапезную и стали ужинать вареными бурыми водорослями. Кугель наполнил глубокую миску горячим охотничьим гуляшом со сморчками и клецками. На второе он выбрал добрый ломоть печеной баранины под пряным соусом в сопровождении нескольких гарниров и бутыли красного вина, после чего, на десерт, расправился с дюжиной залитых взбитыми сливками бисквитов с золотистыми ягодами сладколиста.

Выходя из трапезной, Еллег и Мальзер задержались, чтобы предупредить Кугеля:

— Вы угощаетесь превосходными блюдами, но они обходятся невероятно дорого! Вы не рассчитаетесь с Тванго до конца своих дней!

Кугель только рассмеялся и беззаботно махнул

рукой:

— Присаживайтесь — и позвольте мне восполнить промах, допущенный сегодня вечером. Гарк! Принеси-ка еще пару бокалов и другую бутыль вина. Живее, не волочи ноги!

Еллег и Мальзер охотно уселись за стол. Кугель щедро налил им вина, не забывая и про свой бокал.

Удовлетворенно откинувшись на спинку стула, он сказал:

— Я прекрасно знаю, что не смогу расплатиться за все эти деликатесы. Однако мне на это наплевать, так как я не намерен платить!

Еллег и Мальзер одновременно пробормотали:

— Как же так?

— Смелое заявление, надо сказать!

— Ничего странного в моем подходе нет. Подумайте сами! Солнце может содрогнуться и погаснуть в любой момент. Если к тому времени я задолжаю Тванго десять тысяч терциев за ежедневные аппетитные обеды и ужины, тем лучше! Я умру, довольный жизнью!

Логика Кугеля произвела на Еллега и Мальзера глубокое впечатление — им еще не приходило в голову такое соображение.

Еллег задумчиво произнес:

— Сколько ни вкалывай, все равно остаешься должен хозяину тридцать или сорок терциев. Можно задолжать и десять тысяч — какая разница? Вы это имеете в виду?

Мальзер почесал в затылке:

— В таком случае можно задолжать и двадцать, и тридцать тысяч. Чем больше, тем лучше!

— Поистине величественная перспектива! — заявил Еллег. — Думаю, сегодня мне не помешает на сон грядущий кусок сочной печеной баранины!

— И мне тоже! — встрепенулся Мальзер. — Пусть Тванго беспокоится о расценках! Кугель, поднимаю бокал за ваше здоровье!

Тванго выскочил из соседней каморки, где до сих пор незаметно прятался:

— Я все слышал! Это подлый заговор! Кугель, ваше расточительство равносильно воровству! Гарк! Гукин! С этих пор Кугелю подавать только блюда пятой категории — те самые, которыми довольствовался Вимиш.

Кугель только пожал плечами:

— Если потребуется, я с вами рассчитаюсь до последнего терция!

— Рад слышать! — язвительно откликнулся Тванго. — И какой валютой вы намерены распла-

титься, если у вас нет ни гроша?

— У каждого свои секреты, — уклончиво ответил Кугель. — Могу сказать одно: я намерен выгодно модифицировать процесс сбора чешуек.

Тванго презрительно хрюкнул:

— Можете творить чудеса в свободное от работы время. Сегодня вы не смахнули пыль с экспонатов в моей коллекции. Кроме того, вам следовало навощить и отполировать паркет. Вы все еще не вырыли себе могилу и не позаботились вынести кухонные отбросы.

— Выносить мусор должны Гарк и Гукин, — возразил Кугель. — Будучи бригадиром, даже если теперь я уже не бригадир, я успел распорядиться об изменении распределения обязанностей.

Гарк и Гукин, сидевшие на полке под потолком, возмущенно выпрямились.

— Обязанности будут выполняться так, как они выполнялись всегда, — не допускающим возражений тоном подвел итог Тванго. — Кугель, вам придется соблюдать установленные правила. — С этими словами владелец предприятия вышел из трапезной, предоставив Кугелю, Еллегу и Мальзеру возможность допить оставшееся вино.

Проснувшись до рассвета, Кугель вышел на задний двор. Холодный влажный воздух наполняла

напряженная тишина. Силуэты бутылочных тисов и лиственниц выделялись неясной зазубренной каймой на фоне багрово-серого неба; на поверхности грязевого пруда ветвились разводы плесени.

Кугель подошел к сараю садовника, где у него была припрятана крепкая лопата. За сараем, посреди буйных зарослей бражноплода, он заметил ржавое железное корыто длиной метра три и шириной не больше метра — может быть, когда-то оно служило кормушкой для скота, но теперь его назначение было трудно определить. Тщательно осмотрев эту емкость, Кугель направился к северной окраине сада и, выполняя указание Тванго, начал копать себе могилу под ветвями мирадиона.

Несмотря на скорбный характер поручения, Кугель копал прилежно и энергично.

Его усилия были прерваны появлением Тванго, осторожно приближавшегося по садовой дорожке в длинном черном балахоне и черной меховой треуголке, защищавшей голову от утренней прохлады.

Тванго остановился у могилы:

— Вижу, что вы серьезно отнеслись к моим критическим замечаниям. Вы хорошо поработа-

ли, но почему, спрашивается, вы решили копать так близко к могиле бедняги Вимиша? Ведь вам двоим придется теперь лежать практически бок о бок.

— Именно так. Мне кажется, что Вимишу — если бы он все еще мог иметь какое-то представление о происходящем — мой выбор пришелся бы по душе.

Тванго поджал губы:

— Сочувствие — положительная эмоция, хотя в данном случае, на мой взгляд, оно граничит с преувеличенной сентиментальностью. — Владелец предприятия взглянул на Солнце: — Как бежит время, однако! Сосредоточив внимание на особом поручении, вы пренебрегаете повседневными обязанностями. На рассвете вы должны были вынести и опорожнить баки с кухонными отбросами.

— Эту обязанность целесообразно возложить на Гарка и Гукина.

— Невозможно! Ручки баков расположены слишком высоко.

— Пусть пользуются ведрами поменьше! Мне предстоит решить задачу первостепенного значения, а именно — применить высокоэффективный способ скорейшего извлечения чешуек Скоро-

гроха.

Тванго настороженно покосился на Кугеля:

— Что вы знаете об этих вещах?

— Так же как Вимиш, я сумел взглянуть на процесс ныряния в грязь с новой точки зрения. Как вам известно, Вимишу удалось добиться замечательных успехов.

— Верно… Да-да, вполне может быть. Но мы не можем перевернуть заведенный распорядок вверх дном ради какой-то идеи или гипотезы — возможно, иллюзорного характера.

— Как вам угодно, — пожал плечами Кугель. Выбравшись из ямы, на протяжении всего оставшегося утра он выполнял, посмеиваясь и напевая, самую неприятную и унизительную работу с таким прилежанием, что Гарк и Гукин сочли нужным сообщить об этом мастеру Тванго.

Ближе к вечеру Кугелю разрешили провести час по своему усмотрению. Он покрыл погребение Вимиша слоем лепестков белоснежных лилий, после чего возобновил рытье своей собственной могилы… Уже через несколько секунд он заметил синюю кепку Гукина — безобразный гибрид гоблина и жабы притаился под ворсистым листом мальвы.

Кугель притворился, что не видит надзирателя,

и продолжал энергично копать. Вскоре его лопата наткнулась на один из ящиков, припрятанных Вимишем рядом со своей могилой.

Притворившись, что отдыхает, Кугель обвел взглядом окрестности. Гукин все еще следил за ним из-под мальвы. Кугель вернулся к работе.

Один из ящиков был вскрыт — судя по всему, самим Вимишем; почти все содержимое ящика было извлечено, за исключением небольшой пачки относительно дешевых «особых» чешуек, оставшихся под землей, скорее всего, случайно. Кугель засунул эту пачку в поясную сумку, после чего забросал ящик землей — как раз вовремя, так как Гукин подскочил к могиле по траве:

— Кугель, ты просрочил отведенное тебе время! Когда ты научишься соблюдать расписание?

Кугель с достоинством ответил:

— Ты мог бы заметить, что я рою себе могилу.

— Неважно! Еллегу и Мальзеру пора заварить чай.

— Всему свое время. — Кугель выбрался из ямы и направился к сараю садовника, где ежились онемевшие от холода Еллег и Мальзер.

— Горячий чай — одно из немногих бесплатных удовольствий, которые нам позволяет Тванго! — закричал Еллег. — Весь день мы шарим по дну

в почти замерзшей грязи, ожидая того момента, когда сможем наконец напиться чаю и согреть у огня продрогшие кости!

— А теперь у нас нет ни огня, ни чая! — пожаловался Мальзер. — Вимиш о нас не забывал!

— Не волнуйтесь, — успокоил их Кугель. — Я все еще не освоился со всеми обязанностями.

Кугель разжег огонь в печке и заварил чай; Еллег и Мальзер продолжали ворчать, но Кугель обещал грязелазам исправиться и мало-помалу их умиротворил. Согревшись и напившись чаю, они снова побежали к пруду и плюхнулись в грязь.

Незадолго до захода Солнца Гукин позвал Кугеля в трапезную и указал ему на серебряный бокал, стоявший на подносе:

— Это тонизирующая настойка. В это время ты обязан ежедневно подавать ее мастеру Тванго.

— Вот еще! — возмутился Кугель. — Когда наступит конец всем этим издевательствам?

Гукин только безразлично крякнул. Кугель схватил поднос и отнес его в кабинет. Тванго, надевший мягкие кожаные перчатки, тем временем сортировал чешуйки — рассматривая каждую под увеличительным стеклом, он помещал ее в ту или иную коробку.

Кугель поставил поднос на стол.

— Я хотел бы кое-что заявить.

Приложив линзу к глазу, Тванго отмахнулся:

— Одну минуту, Кугель! Вы же видите, я занят.

— Я подаю вам эту настойку только потому, что меня к этому принуждают. Позвольте снова напомнить вам условия нашего соглашения, согласно которым я назначен бригадиром, то есть руководителем бригады, производящей раскопки во Флютике. Должностью бригадира не предусматривается выполнение обязанностей лакея, судомойки, привратника, чернорабочего и мальчика на побегушках. Если бы я знал, насколько расплывчато вы определяете категории персонала…

Тванго нетерпеливо поднял голову:

— Помолчите, Кугель! Ваши мелочные претензии действуют мне на нервы!

— И все же как насчет нашего договора?

— Придется заново определить круг ваших обязанностей. При этом ваше жалованье останется прежним, так что жаловаться вам не на что. — Тванго выпил настойку. — Не хочу больше ничего слышать по этому поводу! Хотел бы заметить также, что Вимиш, как правило, надевал белый сюртук перед тем, как подавать настойку.

Мы оба считали, что это придавало церемонии более торжественный характер.

Тванго вернулся к изучению чешуек, время от времени сверяясь с толстенной книгой в кожаном переплете, обтянутом бронзовой сеткой, с корешком, скрепленным бронзовой спиралью. Кугель мрачно наблюдал за ним. Через некоторое время он спросил:

— Что вы будете делать, когда чешуйки кончатся?

— Пока что мне не приходится об этом беспокоиться, — чопорно ответил Тванго.

— А что это за книга?

— Полезнейший справочник — трактат Харувио «Подробное описание анатомии некоторых представителей Высшего Света». Он позволяет идентифицировать чешуйки и в этом отношении незаменим.

— Любопытно! — отозвался Кугель. — И сколько разновидностей вы уже нашли?

— Не могу точно сказать. — Тванго указал на группу еще не отсортированных чешуек: — Эти серо-зеленые «обыкновенные» экземпляры — типичные составляющие дорсальных участков; розовые и красно-оранжевые — с противоположной (условно — «брюшной») части торса. Че-

шуйкам каждого сорта свойственно характерное звучание. — Тванго поднес к уху отборную серо-зеленую «обыкновенную» чешуйку, осторожно постучал по ней небольшой металлической палочкой и прислушался, полуприкрыв глаза. — Идеально чистый тон! Сортировать такой товар — одно удовольствие!

— Тогда почему вы надели перчатки?

— Ага! Во Флютике многое озадачивает новичка! Не забывайте, что мы имеем дело с материалом Высшего Света! Воздействие влажных чешуек почти незаметно, однако, высохнув, они раздражают кожу.

Взглянув на лежавшую перед ним схему, Тванго выбрал одну из «особых» чешуек.

— Протяните руку… Не бойтесь, Кугель, не бойтесь! Вам не грозит внезапное превращение в бесенка из преисподней, уверяю вас!

Кугель неохотно протянул руку. Тванго прикоснулся к его ладони «особой» чешуйкой. Кугель почувствовал покалывание кожи, сопровождавшееся тянущим ощущением — словно к его ладони присосалась минога. Кугель проворно отдернул руку.

Тванго усмехнулся и положил чешуйку обратно в коробку.

— Вот почему я надеваю перчатки, прежде чем сортировать сухие чешуйки.

Глядя на стол, Кугель нахмурился:

— И все они такие жгучие?

— Вас ужалила каменистая фронтальная чешуйка навершия, ей свойственна повышенная активность. Вот эти шиповатые соединительные чешуйки легче переносить. Подозреваю, что самым активным окажется пекторальный неборазрывный брызгосвет, так как он контролировал всю сеть силовых линий структуры Скорогроха. «Обыкновенные» чешуйки мало влияют на человека, если не контактируют с ним в течение продолжительного времени.

— Удивительно, как долго действуют потусторонние силы, ведь с тех пор прошли тысячелетия!

— Что такое время с точки зрения существ Высшего Света? Возможно, этот термин даже не существует в их лексиконе. Кстати, о времени — Вимиш, как правило, использовал это время суток, чтоб понырять в поисках чешуек, причем нередко занимался этим и несколько часов после наступления темноты. Воистину, его пример вдохновляет! Благодаря настойчивости, мужественному терпению и умению не отступать

перед трудностями он сумел расплатиться по счетам!

— Я предусмотрел другие методы, — возразил Кугель, — хотя их применение может привести к тому же результату. Вполне вероятно, что в ближайшем будущем вы будете приводить в пример своим служащим меня.

— Не исключаю такой возможности — все может быть.

Кугель вышел на задний двор. Солнце уже зашло; в сумерках пруд выглядел матово-черным. Кугель принялся за работу с усердием, которое могло бы произвести впечатление даже на Вимиша. Подтащив к краю пруда железное корыто, он принес из сарая несколько мотков крепкой веревки.

Наступила темнота, только вдали, на морском горизонте, еще брезжило отражение сумеречного зарева — полоска бледно-баклажанного оттенка. Кугель разглядывал грязевой пруд: в его холодные глубины, при свете единственной свечи, мерцавшей на берегу, погружался по ночам Вимиш.

Кугель сардонически покачал головой и размашистым шагом вернулся в усадьбу.

Рано утром Кугель вернулся к пруду. Связав

концы нескольких мотков веревки, он привязал ее к корявому стволу можжевельника с одной стороны пруда и к основанию куста бычьего боярышника на противоположном берегу. Пользуясь железным корытом в качестве плавучего средства и подтягиваясь с помощью веревки, он выплыл на середину пруда.

Прибывшие к тому времени Еллег и Мальзер застыли, пораженные открывшимся перед ними зрелищем. Кугель не преминул заметить также красную и синюю кепки Гарка и Гукина, притаившихся в зарослях валерианы.

Кугель опустил в пруд ведро, поднял его и вылил содержимое в корыто. Повторив эту операцию шесть раз, он подтянул корыто к берегу.

После этого отнес тяжелое ведро, полное грязи, к трубе, откуда текла ручьевая вода, и с помощью приготовленного заранее большого сита промыл содержимое ведра проточной водой.

К изумлению Кугеля, когда он смыл грязь, в сите остались две чешуйки: одна «обыкновенная», а другая — достопримечательных размеров, с замысловатым лучистым узором и бледно-красным бугорком в центре.

Произошло какое-то движение, мелькнула маленькая рука — Кугель попытался удержать

новую красивую чешуйку, но опоздал! Гукин уже поскакал прочь. Кугель прыгнул, как разъяренная рысь, и придавил Гукина к земле. Схватив чешуйку, он пнул маленький зад гоблина с такой силой, что тот пролетел метра три по воздуху. Приземлившись кувырком, Гукин вскочил на ноги и, угрожая Кугелю кулаком, разразился визгляво квакающей многоэтажной руганью. В ответ Кугель запустил в него тяжелым комком земли. Гукин увернулся и со всех ног поспешил к усадьбе.

Задумавшись на несколько секунд, Кугель вырыл ямку рядом с кустиком темно-синего митроцвета и закопал свою находку. «Обыкновенную» чешуйку он засунул в поясную сумку, после чего отправился за следующим ведром грязи из железного корыта.

Через пять минут на задний двор величественно выступил Тванго. Остановившись неподалеку, он наблюдал за тем, как Кугель промывал в сите грязь из ведра.

— Изобретательный подход! — заметил Тванго. — Блестящая идея! Но с чего вы взяли, что можете присваивать мой товар без разрешения?

— Моя первоочередная цель заключается в сборе чешуек, — холодно отозвался Кугель. — До-

стижение этой цели выгодно как для меня, так и для вас.

— Гмм… Гукин сообщил мне, что вы уже добыли замечательный «особый» экземпляр.

— «Особый»? Это «обыкновенная» чешуйка. — Кугель вынул ее из сумки.

Поджав губы, Тванго осмотрел чешуйку.

— По словам Гукина, найденная чешуйка выглядела совсем не так.

— Для таких, как Гукин, придуманы слова «лжец», «подлец» и «клеветник». Ему просто невозможно доверять. А теперь прошу меня извинить — я хотел бы вернуться к работе. Время — деньги.

Тванго с сомнением отошел в сторону и следил за тем, как Кугель промывал содержимое третьего ведра грязи.

— Странно! Описание Гукина точно соответствовало характеристикам брызгосвета. Не мог же он вообразить себе такие подробности!

— Чепуха! — откликнулся Кугель. — Мне не пристало размышлять о фантазиях болотного ублюдка.

— Довольно глупостей, Кугель! Меня не интересуют ваши высказывания. Через семь минут — и ни минутой позже — вам надлежит стирать

постельное белье.

Ближе к вечеру во Флютик прибыл мастер Сольдинк из фирмы «Сольдинк и Меркантидес». Кугель провел его в кабинет Тванго и притворялся, что чем-то занят неподалеку, пока Сольдинк и Тванго обсуждали пропавший товар.

Так же как раньше, Сольдинк утверждал, что ящики с чешуйками на самом деле никогда не были переданы в его распоряжение, и на этом основании требовал возвращения всей уплаченной суммы.

Тванго возмущенно отверг такую возможность.

— Странный, непонятный случай! — признал он. — В дальнейшем придется прибегать к строжайшим формальностям.

— Все это хорошо и замечательно, но в данный момент меня интересует прошлое, а не будущее. Где пропавшие чешуйки?

— Могу только повторить, что вы подписали квитанцию о получении товара, выплатили надлежащую сумму и увезли ящики в фургоне. Это невозможно отрицать! Вимиш, если бы он был жив, засвидетельствовал бы достоверность моих слов!

— Вимиш мертв — мы никогда не узнаем, что

он мог бы или не мог бы засвидетельствовать.

— Факты остаются фактами. Если вы желаете компенсировать потерю, воспользуйтесь традиционным способом: поднимите цену, которую платит конечный потребитель. Ему придется нести бремя возмещения непредвиденных убытков.

— Это по меньшей мере конструктивное предложение, — согласился Сольдинк. — Я представлю его на рассмотрение Меркантидеса. Тем временем мы намерены отправить на юг несколько грузов на борту «Галанте» — в том числе, если возможно, партию чешуек. Не могли бы вы собрать еще четыре ящика в течение одного или двух дней?

Тванго постучал пухлым пальцем по подбородку:

— Придется работать сверхурочно, сортируя и оценивая чешуйки. У меня остались кое-какие запасы — думаю, за пару дней я успею приготовить партию из четырех ящиков.

— Это нас вполне устроило бы. Я передам ваш ответ Меркантидесу.

Через два дня Кугель положил перед Тванго, сидевшим за обширным дубовым столом, сто десять чешуек — по большей части «обыкновенных».

Тванго с изумлением уставился на сверкающую россыпь:

— Где вы их нашли?

— Судя по всему, я натолкнулся на ту самую залежь, откуда Вимиш добыл свой клад. Не сомневаюсь, что теперь вы сможете закрыть мой счет.

Тванго нахмурился, разглядывая чешуйки:

— Одну минуту — позвольте мне свериться с записями… Насколько я понимаю, Кугель, вы все еще должны мне пятьдесят три терция. Вы здорово потратились в трапезной; кроме того, здесь указаны дополнительные начисления, которые вы, скорее всего, не учли.

— Дайте-ка мне взглянуть на счета… Ничего не понимаю! Записи совершенно неразборчивы!

— Некоторые записи вносили Гарк и Гукин. У них, пожалуй, не слишком аккуратный почерк.

Кугель с отвращением бросил счета на стол:

— Я настаиваю на тщательном, безошибочном и поддающемся проверке подведении баланса!

Тванго процедил сквозь зубы:

— Кугель, на меня производит крайне неблагоприятное впечатление то, как нагло и цинично вы относитесь к делу.

— Хорошо, сменим тему разговора, — уступил Кугель. — Когда вы намерены снова увидеться с

мастером Сольдинком?

— В ближайшее время. Почему вы спрашиваете?

— У меня вызывают любопытство его коммерческие методы. Например, сколько бы он взял с Юкоуну за исключительно редкую «особую» чешуйку — такую, как неборазрывный брызгосвет?

Тванго напряженно ответил:

— Сомневаюсь, что мастер Сольдинк поделится со мной такой информацией. Могу ли я поинтересоваться, с чем именно связано ваше любопытство?

— Это не имеет большого значения. Когда я разговаривал с Вимишем, он предположил, что Сольдинк, возможно, предпочел бы покупать «особые» экземпляры непосредственно у грязелазов, тем самым освобождая вас от существенных затрат труда и времени.

Сначала Тванго жевал губами, не будучи способен произнести ни слова. Наконец он сказал:

— Абсурдная идея, во всех отношениях. Сольдинк не стал бы покупать чешуйки сомнительного происхождения. Я — единственный продавец, уполномоченный продавать чешуйки Скорогроха, и только моя печать может удостоверять их аутентичность. Каждая чешуйка должна быть

точно идентифицирована и отнесена к определенной анатомической категории.

— И записи, отражающие расходы вашего персонала, настолько же обоснованны и достоверны? Или, просто из любопытства, мне следует задать этот вопрос мастеру Сольдинку?

Тванго раздраженно схватил со стола счета, выставленные Кугелю:

— Разумеется, могли быть допущены несущественные ошибки в пользу той или иной стороны. В конечном счете, однако, эти погрешности компенсируют одна другую… Да, я замечаю, что в одном месте Гарк неправильно проставил десятичную запятую. Придется потребовать, чтобы впредь он внимательнее относился к ведению счетов. Вам пора подавать чай Еллегу и Мальзеру. Не расслабляйтесь, не ленитесь! Во Флютике все делается скоро и споро!

Кугель неторопливо вышел к пруду. Уже вечерело, с севера налетел порывистый холодный ветер — необычные багрово-черные тучи заслонили распухшее красное Солнце. Поверхность грязевого пруда подернулась рябью. Кугель поежился и поплотнее завернулся в плащ.

Из глубины пруда вынырнула голова, хватаясь за камни скрюченными пальцами, на берег

выкарабкался Еллег. Сгорбившись, он стоял и отдувался, с него ручьями стекала черная грязь. Разглядывая собранный вслепую материал, он нашел только окатыши и с отвращением отшвырнул их. Мальзер тоже выбрался из пруда на четвереньках и присоединился к Еллегу — оба они поспешили в сарай, чтобы согреться и отдохнуть, но тут же выбежали с яростными криками:

— Кугель! Где наш чай? В печке только холодный пепел! У вас нет никакого сострадания?

Кугель направился к сараю — Еллег и Мальзер угрожающе двинулись ему навстречу. Еллег поднес к лицу Кугеля тяжелый кулак:

— Вы забыли заварить чай в последний раз! Сегодня мы вас проучим и сбросим в пруд!

— Одну минуту, — спокойно прервал его Кугель. — Позвольте мне развести огонь — я сам озяб. Мальзер, будь так добр, набери воды в чайник.

Потеряв дар речи от возмущения, два грязелаза расступились и ждали, пока Кугель разжигал дрова.

— А теперь, — сказал Кугель, — могу сообщить вам радостную новость. Зачерпывая придонную грязь ведром, я обнаружил богатую залежь чешуек, что позволило мне рассчитаться с Тванго. С

этих пор разжигать огонь в печке и заваривать чай будет садовник Бильберд.

Стуча зубами, Еллег спросил:

— Вы увольняетесь?

— Не совсем. Я еще поработаю некоторое время в качестве консультанта.

— Я чего-то не понимаю, — заметил Мальзер. — Как вам удалось найти столько чешуек, не прилагая почти никаких усилий?

Кугель улыбнулся и пожал плечами:

— Сообразительность сыграла свою роль, но прежде всего мне сопутствовала удача.

— Удача, говорите? Та же удача, что привалила Вимишу?

— А, бедняга Вимиш! Ему пришлось много и долго трудиться, но в конце концов ему повезло! Мне повезло скорее. Я вообще счастливчик.

Еллег задумчиво произнес:

— Любопытная последовательность событий! Исчезли четыре ящика с чешуйками. После этого Вимиш выплатил все долги. После этого Гарк и Гукин ловят Вимиша на крыше с плетками в руках, а Вимиш бросается с крыши вниз головой. А затем честняга-работяга Кугель также выплачивает все долги, хотя скребет ведром по дну не дольше часа в день.

— Интересно, не правда ли? — поддакнул Мальзер. — Хотел бы я знать, где прячутся пропавшие чешуйки?

— И кто их нашел? — прибавил Еллег.

— Если вам приспичило сплетничать, дело ваше, — с укоризной отозвался Кугель. — Тем временем мне пора работать.

Пользуясь железным корытом, Кугель набрал и просеял несколько ведер грязи. Еллег и Мальзер решили отдохнуть — каждый из них нашел за день по три чешуйки. Одевшись, они встали на берегу пруда, наблюдая за Кугелем и вполголоса переговариваясь.

За ужином Еллег и Мальзер продолжали беседовать, время от времени поглядывая на Кугеля. Вскоре Еллег ударил кулаком по ладони — так, как если бы его посетила какая-то новая мысль, о каковой он немедленно сообщил Мальзеру. При этом оба понимающе кивнули и снова взглянули на Кугеля.

Утром следующего дня Кугель опять просеивал грязь в сите. Тем временем Еллег и Мальзер прошествовали к могиле Вимиша с белыми лилиями в руках и возложили цветы на могилу. Кугель напряженно наблюдал за их действиями краем глаза. Ни Мальзер, ни Еллег не обращали

внимания на его собственную могилу — по сути дела, они ее настолько не замечали, что Мальзер оступился и упал в свежевырытую яму. Еллег помог ему выбраться оттуда, и оба они вернулись к пруду, чтобы взяться за работу.

Кугель подбежал к могиле и заглянул в нее. Земля слегка осыпалась в нижней части стенки ямы, и внимательный наблюдатель мог бы заметить обнажившийся угол ящика.

Кугель задумчиво погладил подбородок. Грязный угол ящика мало выделялся, и Мальзер, испуганный внезапным падением, вряд ли его увидел. По меньшей мере можно было предположить такое развитие событий. Тем не менее предусмотрительнее было бы перенести чешуйки в другое место при первой возможности.

Проплыв в железном корыте на середину пруда, Кугель вылил в него несколько ведер грязи, после чего, вернувшись к берегу, просеял грязь и нашел пару «обыкновенных» чешуек.

Тванго вызвал Кугеля к себе в кабинет.

— Кугель, завтра мы отправляем четыре ящика первосортных чешуек, ровно в полдень. Изготовьте четыре крепких ящика надлежащих размеров — инструменты и шаблоны вы найдете в плотницкой мастерской. После этого почистите

тележку, смажьте оси ее колес и вообще приведите ее в приличный вид. На этот раз не должно быть никаких оплошностей!

— Не беспокойтесь, все будет сделано как полагается, — заверил его Кугель.

Ровно в полдень у крыльца усадьбы остановился бронированный фургон. Сольдинка снова сопровождали компаньоны-понятые, Ринц и Джорнулк. Кугель вежливо приветствовал прибывших и провел их в кабинет Тванго.

Слегка раздраженный тем, что Сольдинк внимательно разглядывал пол, стены и потолок помещения, Тванго суховато произнес:

— Господа, как вы можете видеть, на столе находятся, в общей сложности, шестьсот двадцать «обыкновенных» и «особых» чешуек, в точном соответствии со счетом-фактурой. Начнем с инспекции, верификации и упаковки «особых» чешуек.

Сольдинк указал на Гарка и Гукина:

— Только не в присутствии этих исчадий ада! По-моему, они как-то умудрились навести порчу не только на беднягу Вимиша, но и на всех нас, вместе взятых. И присвоили пропавшие чешуйки.

Кугель заявил:

— На мой взгляд, Сольдинк совершенно прав! Гарк, Гукин! Убирайтесь! Идите гоняйтесь за лягушками в саду!

Тванго возражал:

— Нелепые предрассудки! В таких строгостях нет необходимости! Тем не менее, если вам так приспичило, Гарк и Гукин сделают нам одолжение и удалятся.

Злобно поблескивая красными глазками в сторону Кугеля, Гарк и Гукин выскочили из кабинета.

Тванго принялся подсчитывать «особые» чешуйки, Сольдинк сверял их со счетом-фактурой, а Кугель упаковывал, одну за другой, под бдительным наблюдением Ринца и Джорнулка. Затем таким же образом были упакованы и «обыкновенные» чешуйки. Кугель, за каждым движением которого следили все присутствующие, надежно закрепил на ящиках крышки и разместил ящики на тележке.

— А теперь, — сказал Кугель, — в связи с тем, что, начиная с этого момента и до тех пор, пока ящики не будут погружены в фургон, основную ответственность за сохранность товара несу я, я вынужден настаивать на том, чтобы все засвидетельствовали, как я буду пломбировать крышки

ящиков воском, нанося на пломбы никому не известную ранее метку. Это позволит каждому убедиться в том, что упакованные и погруженные на тележку ящики будут доставлены к фургону в целости и сохранности.

— Весьма предусмотрительно, — отозвался Тванго. — Мы пронаблюдаем за процессом.

Кугель опломбировал ящики и нанес метки на застывающий воск, после чего привязал ящики ремнями к тележке, пояснив последнюю предосторожность следующим образом:

— Следует предотвратить всякую возможность смещения того или иного ящика в результате вибрации или толчка, что могло бы привести к повреждению содержимого.

— Правильно, Кугель! Теперь все готово?

— Все готово. Ринц и Джорнулк, ступайте вперед и позаботьтесь о том, чтобы по пути нам ничто не помешало. Я буду толкать тележку, а Тванго последует за мной в пяти шагах. Любая возможность хищения чешуек до их погрузки в фургон будет исключена.

— Очень хорошо, — согласился Сольдинк. — Пусть будет так. Ринц, Джорнулк! Идите вперед и проследите за каждой мелочью!

Процессия покинула кабинет и двинулась по

темному коридору длиной метров пятнадцать, задержавшись лишь на несколько секунд, когда Кугель остановился и спросил идущего впереди Сольдинка:

— Все в порядке, нет препятствий?

— Все в порядке, мы уже выходим! — отозвался Сольдинк.

Без дальнейших остановок Кугель подвел тележку к погрузочному трапу фургона и объявил:

— Прошу заметить! К фургону доставлены четыре ящика, каждый из них запломбирован, и на каждой пломбе — моя метка. Мастер Сольдинк, отныне ценный товар передается в ваше распоряжение, и вы несете ответственность за его дальнейшую сохранность. Позвольте мне нанести дополнительные восковые пломбы, чтобы вы могли отметить их своей собственной печатью… Замечательно! Я сделал все, что от меня требовалось.

Тванго похвалил Кугеля:

— Вы успешно справились с обязанностями, Кугель, — эффективно и в полном соответствии с протоколом. Тележка выглядит солидно и аккуратно — вижу, что вы покрыли лаком ее поверхности и сохранили покрывало, изготовленное Вимишем. Что ж, Сольдинк, теперь будьте

добры выписать квитанцию о получении товара и произвести оплату в полном размере — и наша сделка будет завершена.

Сольдинк, все еще в какой-то степени пребывавший в состоянии угрюмой подозрительности, передал мастеру Тванго расписку и отсчитал требуемое число терциев. Погрузив ящики в бронированный фургон, Сольдинк и его понятые уехали в Саскервой.

Тем временем Кугель отвез тележку в сарай, вынул шпенек потайного шарнира и перевернул поверхность тележки так, чтобы привязанные ящики оказались сверху. Удалив крышки, он вынул из ящиков пакеты с чешуйками, разломал ящики и бросил их остатки в разведенный заранее огонь, после чего высыпал содержимое пакетов в холщовый мешок.

Краем глаза он заметил какое-то движение. Не поворачивая головы, Кугель пригляделся: за узким окном снова мелькнула и тут же исчезла залихватская красная кепка.

Кугель застыл и секунд десять размышлял в полной неподвижности, после чего торопливо приступил к действию. Выбежав наружу, он не нашел ни Гарка, ни Гукина; Еллег и Мальзер тоже отсутствовали — по всей видимости, они ныряли

в грязевом пруду.

Мигом вернувшись в сарай, Кугель схватил мешок с чешуйками и со всех ног пустился к хижине, где ночевал идиот-садовник Бильберд. Спрятав мешок под кучей мусора в углу, Кугель тут же вернулся в сарай, взял еще один холщовый мешок, наполнил его гвоздями, штырями, гайками, болтами и прочей хранившейся в сарае скобяной мелочью, после чего засунул мешок поглубже на полку. Поворошив угли, оставшиеся от обломков ящиков, он принялся заново лакировать поверхность тележки.

Через три минуты к сараю прибыл Тванго в сопровождении Гарка и Гукина — каждый из болотных ублюдков тащил за собой длинный лапчатый лом.

Кугель поднял руку:

— Осторожно, Тванго! Лак еще не высох!

Тванго произнес, надменно и гнусаво:

— Не увиливайте, Кугель! Где чешуйки?

— Чешуйки? Почему они вам понадобились?

— Чешуйки, Кугель! Будьте любезны отдать все, что припрятали!

Кугель пожал плечами:

— Как вам угодно. — Он снял с полки лоток. — Сегодня утром у меня был приличный улов

— шесть «обыкновенных» и одна «особая». Как видите, исключительная редкость!

— Да, это щечный астрангал, прикрывающий локтевой сустав третьего предплечья. На самом деле редкий, превосходный экземпляр. Где, однако, сотни других чешуек, которые вы, насколько мне известно, похитили и спрятали?

Кугель с изумлением уставился на владельца предприятия:

— С чего вы взяли, что я похитил какие-то чешуйки? Кто вам сказал такую чушь?

— Неважно, кто мне об этом сказал! Отдавайте чешуйки — или я прикажу Гарку и Гукину их найти!

— Пусть ищут сколько хотят, — с достоинством ответствовал Кугель. — Но прежде всего позвольте мне предохранить мою собственность от хищения. — С этими словами он положил в поясную сумку шесть «обыкновенных» чешуек и щечный астрангал. В то же время Гарк вспрыгнул на скамью и с торжествующим кваканьем стащил с полки мешок, только что засунутый туда Кугелем. — Вот он, мешок! Тяжелый, полный чешуек!

Тванго высыпал на пол содержимое мешка.

— Несколько минут тому назад, — пояснил Ку-

гель, — я рылся в этом мешке в поиске стяжной скобы, чтобы закрепить ее на тележке. Судя по всему, Гарк подсматривал за мной и принял эти металлические детали за чешуйки. — Подойдя к двери, Кугель обронил: — Мне пора идти, а вы продолжайте поиски.

К тому времени, как правило, Еллег и Мальзер уже грелись и пили чай. Заглянув под навес, однако, Кугель обнаружил, что огонь в печке давно погас, а двух грязелазов нигде не было.

«Что ж, это только к лучшему», — подумал Кугель. Теперь у него появилась возможность вынуть из могилы чешуйки, первоначально украденные Вимишем.

Он направился на окраину сада, где был погребен Вимиш и где, под сенью мирадиона, выкопал могилу самому себе.

Вокруг не было нежелательных наблюдателей. Кугель собрался уже спрыгнуть в могилу, но тут же остановился, заметив на дне ямы обломки четырех пустых ящиков.

Вернувшись в усадьбу, Кугель зашел в трапезную, где закусывал садовник Бильберд.

— Я ищу Еллега и Мальзера, — обратился к нему Кугель. — Ты их, случайно, не видел?

Часто моргая и запинаясь, Бильберд ответил:

— Да-да, видел — примерно два часа тому назад они ушли в Саскервой. Сказали, что больше не будут нырять за чешуйками.

— Неожиданная новость! — процедил сквозь зубы Кугель.

— Странно, правда? — откликнулся Бильберд. — Так или иначе, любому человеку иногда нужны перемены, иначе он может соскучиться до смерти. Я садовничаю во Флютике уже двадцать три года — и начинаю терять интерес к этому занятию. Пора бы и мне подумать о новой профессии — может быть, мне повезет с пошивом модной одежды, хотя, конечно, такое начинание связано с финансовым риском.

— Превосходная мысль! — одобрил Кугель. — Если бы я был богат, я непременно одолжил бы тебе необходимый капитал.

— Очень любезно с вашей стороны! — благодарно воскликнул садовник. — Кугель, вы поистине щедрый человек!

Прозвучал гонг, оповестивший о прибытии посетителей. Кугель направился было к входу, но вернулся и уселся на скамью: пусть дверь открывают Гарк и Гукин — или сам мастер Тванго, если уж на то пошло!

Но гонг звенел снова и снова. В конце концов

Кугель, донельзя раздраженный, решил-таки пойти и открыть дверь.

У входа стояли Сольдинк, Ринц и Джорнулк. Сольдинк мрачно спросил:

— Где Тванго? Мне нужно с ним поговорить — немедленно!

— Вам лучше было бы вернуться завтра, — сказал Кугель. — Мастер Тванго отдыхает после обеда.

— Как бы то ни было! Разбудите его, и пошевеливайтесь!

— Сомневаюсь, что он согласится принять вас сегодня. Он говорил, что очень устал.

— Устал, как же! — взревел Сольдинк. — Думаю, он пляшет от радости — после того, как прибрал к рукам мои полновесные терции и всучил мне четыре ящика высохшей грязи!

— Это невозможно! — возразил Кугель. — Были приняты все меры предосторожности.

— Меня не интересуют ваши предположения, — заявил Сольдинк. — Немедленно позовите Тванго!

— Не думаю, что его следует беспокоить, если у вас нет действительно важного и неотложного дела… — Кугель начал было закрывать дверь, но Сольдинк стал громко кричать, и теперь в

прихожую явился Тванго собственной персоной:

— Почему здесь поднялся гвалт? Кугель, вы прекрасно знаете, что я не выношу ни малейшего шума!

— Разумеется, — отозвался Кугель. — Но мастер Сольдинк, по-видимому, намерен демонстрировать мощность своих голосовых связок.

Тванго повернулся к Сольдинку:

— В чем дело? Наша сделка завершена — мы предусмотрели все, что можно было предусмотреть.

Кугель не стал дожидаться дальнейшего развития беседы. Как справедливо отметил садовник Бильберд, рано или поздно для каждого наступает время перемен. Мерзавцы Еллег и Мальзер стащили клад, закопанный Вимишем, но еще один (весьма существенный) запас чешуек ожидал Кугеля в хижине Бильберда — и этим ему приходилось удовольствоваться.

Кугель спешил по коридорам усадьбы. Заглянув в трапезную, он увидел там Гарка и Гукина, занимавшихся приготовлением ужина.

«Прекрасно! — подумал Кугель. — Просто замечательно!» Теперь оставалось только не попадаться на глаза садовнику, взять мешок с чешуйками и удрать… Кугель вышел в сад

— Бильберда нигде не было. Подойдя к хижине садовника, Кугель заглянул в нее и позвал:

— Бильберд?

Никто не ответил. Красный солнечный луч, проникнув через щель приоткрытой двери, ярко озарил койку садовника. Бледный рассеянный свет позволил Кугелю убедиться в том, что хижина пустовала.

Оглянувшись через плечо, Кугель зашел внутрь и бросился к тому углу, где спрятал мешок.

Кто-то разворошил кучу мусора. Мешок исчез.

Из усадьбы послышались голоса. Тванго звал:

— Кугель! Куда вы пропали? Сейчас же идите сюда!

Быстро и беззвучно, как призрак, Кугель выскользнул из хижины садовника и спрятался в ближайших зарослях можжевельника. Крадучись перебегая из тени в тень, он обогнул усадьбу и вышел на дорогу. Посмотрев по сторонам и не заметив никакой угрозы, он направился на запад размашистым шагом чуть согнутых в коленях длинных ног. Поднявшись по лесной дороге на гребень холма, через некоторое время Кугель прибыл в Саскервой.

Прошло несколько дней. Прогуливаясь по широкой главной улице, Кугель ненароком

приблизился к старинной таверне под наименованием «Чугунный василиск». Как только он оказался прямо напротив входа, дверь таверны распахнулась и на улицу вывалились, пошатываясь, приятели-выпивохи — грузный здоровяк с желтоватыми кудрями и выдающимся подбородком и с ним худощавый черноволосый субъект с крючковатым носом и впалыми щеками. Оба носили роскошные камзолы, опоясанные красными атласными кушаками, двухъярусные шляпы и блестящие кожаные сапоги.

Взглянув на них, Кугель сначала отвел глаза, но затем присмотрелся внимательнее — он узнал Еллега и Мальзера. Каждый из бывших грязелазов успел вылакать по меньшей мере одну или две фляги вина. Еллег горланил какую-то моряцкую балладу, а Мальзер фальшивил припев: «Тирра-ла-лирра, отдавай концы! Из другого мира слаще леденцы!» Сосредоточив внимание если не на мелодии, то хотя бы на поддержании надлежащего ритма, собутыльники чуть не столкнулись с Кугелем, но даже не заметили его и побрели по мостовой к следующему кабаку под вывеской «Северная звезда».

Кугель хотел было последовать за ними, но ему тут же пришлось отскочить в сторону —

послышался грохот приближающихся колес. Шикарный экипаж, запряженный парой гарцующих скакунов, лихо вывернул из бокового переулка и помчался по проспекту. Возничий нарядился в черный бархатный костюм с серебристыми эполетами и нахлобучил широкую шляпу с залихватски закрученным плюмажем из черных перьев; рядом с ним восседала полногрудая дама в длинном оранжевом платье. Кугель с трудом распознал в вознице Бильберда, ранее служившего садовником во Флютике. «Я слишком щедро предложил финансировать новую карьеру Бильберда, — мрачно сказал себе Кугель. — Она обошлась мне дороже, чем я ожидал!»

На следующий день, рано утром, Кугель вышел из Саскервоя по восточной дороге. Взойдя на холмы, он спустился к Голечной косе.

Неподалеку лучи поднимающегося над морским горизонтом Солнца озарили причудливые башенки Флютика, словно вспыхнувшие на фоне сумрачного северного неба.

Кугель приближался к дому хитроумным путем, под прикрытием кустарника и живых изгородей, неоднократно задерживаясь, чтобы прислушаться. Но причин для беспокойства не было — в окрестностях царила тишина запу-

стения.

Кугель осторожно обогнул усадьбу, и его взору открылся грязевой пруд. Посреди пруда в железном корыте сидел Тванго — владелец предприятия опустил плечи и сгорбился. Выглядывая из-за угла, Кугель следил за тем, как Тванго вытягивал веревку — из придонных глубин показался покрытый грязью Гарк с наполненным той же грязью небольшим ведерком; Тванго опорожнил ведро в корыто.

Получив пустое ведро, Гарк издал жалобно щебечущий звук и снова нырнул в грязь. Потянув за вторую веревку, Тванго вытащил на поверхность Гукина и опорожнил в корыто второе ведерко.

Кугель отступил к темно-синему кусту митроцвета. Обернув руку платком, чтобы не обжечься, Кугель порылся в основании куста и вынул из тайника пекторальный неборазрывный брызгосвет, после чего в последний раз повернулся лицом к пруду.

Железное корыто наполнилось. Гарк и Гукин — две маленькие фигурки, облепленные грязью, — забрались в корыто; один сидел на носу, другой на корме. Тем временем Тванго тащил корыто к берегу, перехватывая руками натянутую над прудом веревку. Понаблюдав за этим

процессом несколько секунд, Кугель отвернулся и пошел обратно в Саскервой.

2. Постоялый двор «Голубые фонари»

Когда мастер Сольдинк вернулся во Флютик, чтобы заняться поисками пропавших чешуек, Кугель решил не участвовать в расследовании. Он сразу же незаметно удалился из усадьбы и направился на запад, в город Саскервой.

Преодолев существенное расстояние, Кугель остановился, чтобы перевести дух. Он пребывал в отвратительном, ожесточенном настроении. Подчиненные надули его; вместо того чтобы унести из Флютика полновесный мешок, полный чешуек, он вынужден был довольствоваться горстью «обыкновенных» экземпляров и одной «особой», редкой чешуйкой — щечным астрангалом. Самая драгоценная чешуйка Скорогроха, пекторальный неборазрывный брызгосвет, оставалась в тайнике на окраине сада во Флютике, но Кугель был твердо намерен извлечь ее оттуда — хотя бы потому, что ее страстно стремился приобрести Юкоуну, Смешливый Волшебник.

Кугель продолжил подъем по дороге, окруженной темным лесом дубов, тисов, мернархов и дьявольских деревьев. Тусклый красноватый

солнечный свет просачивался сквозь листву; благодаря какому-то искажению восприятия глубокие тени приобрели темно-синий оттенок.

Кугель продолжал тревожно оглядываться — в последнюю эпоху земного существования этого требовала элементарная предусмотрительность. Он видел немало странных, а иногда и прекрасных вещей… Белые соцветия, висевшие высоко на длинных усиках над блестящей мишурой плоских листьев, почти задевавших голову; сказочные за́мки грибов, растущих на трухлявых пнях и друг на друге многочисленными ярусами, террасами и башнями; узоры, образованные зарослями оранжевого и черного папоротника. Однажды Кугелю показалось, что он заметил напоминавшую человека фигуру в сиреневой куртке-безрукавке, но она была далеко (не менее чем в ста метрах), и ее было трудно различить в чаще. У Кугеля не было с собой оружия, и ему стало легче дышать, когда он поднялся на гребень холма, — лес отступил, и дорога вывела его навстречу залитому вечерним светом открытому пространству.

В ту же минуту Кугель расслышал скрип колес бронированного фургона — Сольдинк возвращался из Флютика. Отойдя от дороги, Кугель

подождал в тени скального обнажения. Фургон проехал мимо; мрачное выражение на лице сидевшего на козлах Сольдинка не оставляло сомнений в том, что его последние переговоры с Тванго закончились размолвкой.

Фургон скрылся, спустившись с холма, и Кугель возобновил путь. С холмов дул сильный порывистый ветер; дорога петляла, спускаясь по склону зигзагами. Наконец, когда Кугель обогнул утес, перед ним открылся вид на Саскервой.

Кугель ожидал увидеть не более чем небольшое селение; Саскервой превзошел его ожидания — как размерами, так и характерной для портового города атмосферой старинной респектабельности. Вдоль улиц выстроились бок о бок высокие дома с узкими фасадами и каменными стенами, закопченными дымом, покрытыми пятнами лишайника и выщербленными за многие века соленым морским туманом. В красных лучах заходящего Солнца блестели мытые окна и начищенные бронзовые детали их переплетов и наличников — так предпочитали жить в Саскервое.

Спустившись в город, Кугель направился к гавани. Судя по всему, чужестранцы редко появлялись в Саскервое: заметив приближение

Кугеля, местные жители удивленно разглядывали его, а некоторые даже поспешно переходили на другую сторону улицы. Кугель пришел к тому выводу, что горожане, скорее всего, придерживались старомодных привычек и консервативных взглядов. Мужчины носили черные сюртуки с «ласточкиными хвостами», обширные шаровары и черные башмаки с блестящими пряжками, тогда как женщины в бесформенных складчатых платьях и круглых шляпах-котелках, надвинутых на уши, напоминали ходячие пышки.

Кугель вышел на площадь перед гаванью. У причала пришвартовалось несколько добротных судов с пропорциональными контурами; любое из них могло отправиться в плавание на юг — возможно, до самой Альмерии.

Кугель присел на скамью. Изучив содержимое поясной сумки, он насчитал, помимо щечного астрангала, шестнадцать «обыкновенных» чешуек и две «особые», незначительной стоимости. Этого товара могло хватить или не хватить для оплаты морского переезда — все зависело от того, какую цену предложил бы за чешуйки мастер Сольдинк.

Практически напротив, на другой стороне площади, Кугель заметил вывеску на фронтоне

внушительного каменного здания:

СОЛЬДИНК И МЕРКАНТИДЕС

ИМПОРТ И ЭКСПОРТ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

ЭКСПЕДИТОРЫ

Кугель рассмотрел несколько вариантов дальнейшей стратегии, один изощреннее другого. Все они упирались в тупик грубой, нелицеприятной действительности: для того чтобы остановиться в гостинице и заплатить по счету, он должен был продать чешуйки.

Еще не смеркалось, но времени оставалось мало. Кугель поднялся на ноги, пересек площадь и зашел в управление Сольдинка и Меркантидеса.

От внутреннего убранства конторы экспедиторов веяло достоинством и традициями; вместе с ароматом старого лакированного дерева здесь преобладала приторно-кисловатая атмосфера благопристойности. Пройдя по торжественно притихшему вестибюлю с высоким потолком, Кугель приблизился к прилавку из полированного коричневого мрамора. По другую сторону прилавка сидел старый клерк; нахмурившись, он перелистывал страницы какой-то ведомости и не удостоил Кугеля своим вниманием.

Кугель повелительно постучал по прилавку.

— Один момент! Будьте любезны, потерпите немного! — отозвался клерк, не отводя глаз от ведомости. Он не прервался даже тогда, когда Кугель раздраженно постучал во второй раз.

Наконец, подчинившись неизбежности, Кугель приготовился ждать столько, сколько заблагорассудится капризному служащему.

Входная дверь распахнулась; в вестибюль зашел человек примерно того же возраста, что и Кугель, в коричневой фетровой шляпе с высокой тульей и потертом, мятом костюме из синего вельвета. У него была круглая безмятежная физиономия; бледные волосы торчали из-под шляпы подобно пучкам соломы. Внушительное брюхо незнакомца заставляло слегка расходиться борта пиджака, подвергая пуговицы явному напряжению, а его обширные ягодицы передвигались на длинных, тонких и костлявых ногах.

Новоприбывший подошел к прилавку; клерк тут же проворно вскочил на ноги:

— Чем могу быть полезен, сударь?

Кугель раздраженно вмешался, подняв указательный палец:

— Одну минуту! Вы еще не обслужили меня!

Ни служащий, ни посетитель не обратили на него ни малейшего внимания. Новоприбывший

сказал:

— Меня зовут Бундерваль, я хотел бы поговорить с Сольдинком.

— Разумеется! — Следуйте за мной, сударь! Рад сообщить, что мастер Сольдинк может вас принять.

Оба удалились из вестибюля; кипящему от ярости Кугелю снова пришлось ждать.

Клерк вернулся и собрался уже вернуться к изучению ведомости, когда соблаговолил заметить Кугеля:

— Вам что-нибудь здесь понадобилось?

— Думаю, что Сольдинк не прочь обменяться со мной парой слов, — высокомерно ответил Кугель и прибавил: — Вы ведете себя неправильно. Так как я первый подошел к прилавку, вам следовало заняться моими делами в первую очередь.

Клерк моргнул.

— Должен признать, что ваше умозаключение отличается по меньшей мере простотой невинности. Так какое у вас дело к мастеру Сольдинку?

— Я хотел бы договориться о скорейшем переезде по морю в Альмерию — в самых комфортабельных условиях, разумеется.

Клерк повернулся к висевшей на стене географической карте:

— Не вижу никакого упоминания о такой стране.

— Альмерия находится южнее нижнего края вашей карты.

Клерк удивленно взглянул на Кугеля:

— Значит, она очень далеко. Что ж, пойдемте, может быть, Сольдинк согласится вас принять.

— Достаточно упомянуть мое имя, Кугель, и он меня примет.

Клерк провел Кугеля в конец длинного вестибюля и просунул голову между портьерами:

— Вас желает видеть некто Кугель.

Наступила напряженная тишина. Через несколько секунд послышался голос Сольдинка:

— Что ему нужно, Диффин?

— Насколько я понимаю, он желает, чтобы его доставили в некую далекую страну — возможно, воображаемую.

— Гммф… Ладно, пусть заходит.

Диффин раздвинул портьеры, открывая Кугелю проход, после чего, шаркая, вернулся к столу за прилавком. Кугель зашел в восьмиугольное помещение с роскошным, но суровым интерьером. Сольдинк, седовласый и строгий, сидел за восьмиугольным столом, а Бундерваль устроился на софе с плюшевой обивкой каштанового оттенка.

Карминовый солнечный свет, проникая сквозь высокие окна, озарял пару варварских гобеленов, сотканных в тундре Дальнего Кутца. Под потолком на чугунной цепи была подвешена тяжелая чугунная люстра.

Кугель церемонно поклонился Сольдинку, на что тот сухо ответил:

— Какое у вас ко мне дело, Кугель? Я обсуждаю с Бундервалем важные вопросы и могу уделить вам только несколько минут.

— Я не займу у вас много времени, — холодно произнес Кугель. — Насколько я понимаю, вы отправляете чешуйки Скорогроха в Альмерию по поручению Юкоуну, Смешливого Волшебника?

— Не совсем так, — возразил Сольдинк. — Чешуйки доставляются нашему агенту в Порт-Пердуссе, и уже он организует дальнейшую перевозку.

— Могу ли я поинтересоваться, почему вы не отправляете груз непосредственно в Альмерию?

— Совершать длительные рейсы на юг ради одного заказчика нецелесообразно с практической точки зрения.

Кугель недовольно нахмурился:

— Когда ожидается следующее отправление вашего судна в Порт-Пердусс?

— «Галанте» отплывает в конце недели.

— И какова стоимость проезда в Порт-Пердусс?

— Мы редко перевозим пассажиров — причем исключительно лиц, пользующихся высокой репутацией. Если я не ошибаюсь, проезд обходится в триста терциев, то есть, — тут в голосе Сольдинка появился высокомерный оттенок, — возможно, выходит за рамки ваших финансовых возможностей.

— Ни в коей мере. Я могу предложить вам ассортимент чешуек, стоимость которых значительно превосходит названную вами сумму.

На лице Сольдинка промелькнуло оживление заинтересованности:

— По меньшей мере я хотел бы взглянуть на эти чешуйки.

Кугель продемонстрировал товар.

— Обратите внимание, в частности, на редкий щечный астрангал, в прекрасном состоянии!

— Неплохой экземпляр — несмотря на то, что слегка позеленел по краям маратаксуса. — Сольдинк окинул чешуйки опытным взором. — Проявив необычную щедрость, я оценил бы эту коллекцию примерно в сто восемьдесят три терция.

Экспедитор назвал сумму, превышавшую са-

мые смелые ожидания Кугеля. Он открыл было рот (автоматически), чтобы поторговаться, но сразу сдержался.

— Очень хорошо: чешуйки ваши.

— Отнесите их Диффину, он выдаст вам деньги, — Сольдинк махнул рукой в сторону портьер.

— Еще один вопрос — исключительно из любопытства. Сколько вы согласились бы заплатить за пекторальный неборазрывный брызгосвет?

Сольдинк пристально взглянул Кугелю в лицо:

— Этот экземпляр находится в вашем распоряжении?

— Допустим, я не принес его с собой, но такая возможность может возникнуть.

Сольдинк поднял глаза к потолку:

— Если брызгосвет в безукоризненном состоянии, я мог бы рискнуть и предложить за него двести терциев.

Кугель кивнул:

— Почему бы вам не раскошелиться на две сотни, в самом деле? Юкоуну выложит за него не меньше двух тысяч!

— В таком случае рекомендую вам вручить эту гипотетическую редкость лично волшебнику Юкоуну. Я мог бы даже посоветовать вам маршрут, позволяющий добраться до Альмерии

пешком. Вернитесь на восток по Голечной косе до Ведьминого мыса, где находится замок Силь. Оттуда поверните на юг, чтобы обогнуть Долгий Эрм, кишащий эрбами и лейкоморфами. Прямо перед вами будут горы Магнатца; заходить в эти горы смерти подобно — но, если вы попытаетесь их обойти, вам придется углубиться в Пустыню Обелисков, что не менее рискованно. О землях за горами Магнатца у меня четкого представления нет.

— Мне привелось познакомиться с этими краями, — заметил Кугель. — Я предпочитаю взойти на борт «Галанте» и плыть по морю.

— В последнее время Меркантидес настаивает на том, чтобы мы перевозили только тех, кто на нас работает. Мы с подозрением относимся к любезным и воспитанным путешественникам, готовым в условленный момент превратиться в безжалостных пиратов.

— Буду рад занять должность в вашей фирме, — отозвался Кугель. — Я человек опытный, обладающий множеством различных способностей. Не сомневаюсь, что смогу оказаться вам полезным.

Сольдинк неприязненно усмехнулся:

— К сожалению, в настоящее время открыта

только одна вакансия, а именно должность суперкарго на борту «Галанте», и эту должность уже готов занять квалифицированный кандидат — находящийся перед вами Бундерваль.

Кугель внимательно смерил конкурента взглядом.

— Он выглядит скромным, порядочным, непритязательным человеком, но на должность суперкарго определенно не годится.

— Почему вы так считаете?

— Извольте заметить! — с готовностью откликнулся Кугель. — У Бундерваля обвисшие ноздри, что безошибочно свидетельствует о склонности к морской болезни.

— Кугель — наблюдательный человек! — воскликнул Бундерваль. — Я рассматривал бы его как вполне подходящего кандидата, причем призываю вас не обращать внимания на его длинные пальцы с уплощенными подушечками — такие же пальцы были у Ларкина, похитителя младенцев. Но между ними имеется существенное различие: Ларкина повесили, а Кугеля еще пока нет.

— Мы поставили перед мастером Сольдинком трудную задачу, — сказал Кугель, — а он и так обременен всевозможными заботами. Проявим

к нему должное уважение. Предлагаю доверить нашу судьбу Мандинго, трехглазой богине удачи. — Он вынул из поясной сумки колоду игральных карт.

— Ваше предложение имеет смысл, — согласился Бундерваль. — Но мы воспользуемся моими картами — они новее, и Сольдинку будет легче разобраться в их раскладе.

Кугель нахмурился, решительно покачал головой и спрятал колоду в сумке.

— Насколько я понимаю ситуацию, несмотря на похвальный характер ваших намерений (и я очень сожалею, что мне приходится об этом упомянуть, Бундерваль!), нам не подобает решать важнейшие коммерческие вопросы фирмы мастера Сольдинка столь легкомысленным образом. Я выдвинул свое предложение исключительно для того, чтобы проверить вашу реакцию. Человек надлежащего склада характера немедленно отверг бы подобную идею!

Последнее рассуждение произвело на Сольдинка благоприятное впечатление:

— Вы правы, Кугель!

— Существует всестороннее, исчерпывающее решение возникшей проблемы, — продолжал Кугель. — Богатый жизненный опыт и способ-

ность не лезть за словом в карман позволят мне успешно выполнять обязанности суперкарго, в то время как Бундерваль, насколько я могу судить, стал бы превосходным помощником престарелого клерка Диффина.

Сольдинк повернулся к Бундервалю:

— Что вы на это скажете?

— Квалификация Кугеля не вызывает сомнений, — признал Бундерваль. — Я мог бы противопоставить ей только честность, профессионализм, преданность своему делу и неутомимое трудолюбие. Кроме того, я — респектабельный гражданин Саскервоя, а не безвестный бродяга с лисьей физиономией, в шляпе самого нелепого фасона.

Обращаясь к Сольдинку, Кугель заявил:

— Наконец, к счастью для всех заинтересованных сторон, вы можете сравнить манеру поведения Бундерваля, для которой характерны клевета и склонность поливать грязью конкурентов, с моим умением вести себя достойно и сдержанно. Тем не менее должен обратить ваше внимание на маслянистую кожу и выдающиеся ягодицы Бундерваля, не оставляющие сомнений в его склонности к изнеженному безделью и даже, возможно, к казнокрадству. Если вы наймете

его помощником клерка, рекомендую надежно хранить под замком все ценности фирмы, чтобы не подвергать Бундерваля лишнему искушению.

Бундерваль прокашлялся, чтобы возразить, но Сольдинк нетерпеливо поднял ладони:

— Довольно, довольно, господа! Придется обсудить ваши достоинства с Меркантидесом — а он, возможно, пожелает провести интервью с каждым из вас. Завтра в полдень я смогу уведомить вас о нашем решении.

Кугель откланялся:

— Благодарю вас, мастер Сольдинк. — Повернувшись к Бундервалю, он указал на портьеры: — Можете идти. Я хотел бы обменяться с владельцем фирмы парой слов, не предназначенных для чужих ушей.

Бундерваль собрался протестовать, но Кугель прибавил:

— Нам нужно обсудить продажу ценных чешуек Скорогроха.

Бундерваль неохотно удалился. Кугель повернулся к Сольдинку:

— Может быть, вы не забыли, что я упомянул о брызгосвете.

— Не забыл. Но вы так и не пояснили, имеется ли этот экземпляр в вашем распоряжении, и, если

нет, как вы намерены его добыть.

— В данный момент не могу предоставить подробные разъяснения — достаточно сказать, что брызгосвет надежно спрятан. Если на меня нападут грабители, они останутся с пустыми руками. Упоминаю об этом только для того, чтобы избавить нас обоих от лишних хлопот.

Сольдинк мрачно улыбнулся:

— Ваши притязания на «богатый жизненный опыт», судя по всему, достаточно обоснованны.

Кугель получил от Диффина сто восемьдесят три терция — клерк пересчитывал монеты три раза, после чего выложил их на коричневый мраморный прилавок с таким выражением, как если бы это стоило ему немалых усилий. Кугель смахнул деньги в поясную сумку и вышел из конторы.

Припоминая совет покойного Вимиша, Кугель остановился на постоялом дворе «Голубые фонари». На ужин он подкрепился жареным скалозубом с гарниром — пюре из карбада, ямса и перекати-ягоды. Когда ему подали вино и сыр, он откинулся на спинку стула и принялся обозревать прочих постояльцев, собравшихся в трапезном зале.

В противоположном конце помещения, за

столом у камина, два субъекта играли в карты. Один, высокий и худой, мертвенным оттенком кожи напоминал ходячую мумию; у него были гнилые зубы, удлиненная нижняя челюсть, гладкие черные волосы и постоянно полузакрытые веками глаза. Другой отличался атлетическим мускулистым телосложением, мясистым носом и квадратным подбородком; его рыжие волосы были собраны в узел на затылке, а рыжая борода была аккуратно подстрижена и блестела.

Они явно стремились привлечь дополнительных игроков.

— Эй, Фурск! — позвал тощий верзила. — Не желаешь сразиться в скакс? Нет?

Рыжебородый субъект обратился к другому соседу:

— А вот и старина Сабтиль — он всегда не прочь сыграть в карты! Сабтиль, сегодня тебе улыбнется богиня удачи — пользуйся случаем набить кошелек! Вот молодец, садись сюда.

— Кто еще? Как насчет вас, чужестранец с длинным носом в странной шляпе?

Кугель осторожно приблизился к столу у камина.

— Во что вы играете? Должен предупредить — я плохо разбираюсь в местных правилах.

— Мы играем в скакс — и ни в чем тут не нужно разбираться. Главное, не делать ставки на суммы, которые вы не можете себе позволить.

Кугель вежливо улыбнулся:

— Попробую сыграть пару раз — хотя бы для того, чтобы не показаться необщительной деревенщиной. Но вам все-таки придется объяснить важнейшие приемы игры.

Рыжебородый здоровяк хохотнул:

— Не беспокойтесь! Вы всему научитесь, как только возьмете карты в руки! Меня зовут Вагмунд, кстати, это — Сабтиль, а угрюмый головорез напротив — Койман, бальзамировщик Саскервоя и всеми уважаемый гражданин. Что ж, приступим! Правила скакса просты и понятны. — Вагмунд снизошел-таки до разъяснения основных принципов игры чужестранцу, подчеркивая свои слова тычками тупого указательного пальца в деревянный стол. — Так что же, все ясно, господин Кугель? Справитесь с игрой, как вы думаете? Не забывайте, все ставки делаются полновесными терциями. Кроме того, нельзя держать карты под столом или делать подозрительные движения взад и вперед.

— Неопытному игроку нужно соблюдать осторожность, — заметил Кугель. — Тем не менее я,

кажется, понял, в чем заключается игра, и могу рискнуть двумя, нет, даже тремя терциями. Вот, пожалуйста, я выкладываю на стол один неподдельный, полновесный и даже не потертый терций.

— Так держать, Кугель! — одобрил Вагмунд. — Койман, будь так добр, раздай карты!

— Сначала, — поднял указательный палец Сабтиль, — вы должны сами сделать ставки.

— Верно! — согласился Вагмунд. — И ты не забудь.

— Обо мне не беспокойся. Всем известно, как хитро и проворно я играю в скакс.

— Меньше хвались, больше выигрывай! — рявкнул Койман. — Где твои терции?

— Как насчет твоей собственной ставки, общеизвестный похититель декоративных золотых заднепроходных зажимов[1] вверенных на твое попечение трупов?

— Ну, потерял я несколько штук, что с того? Не делай из мухи слона!

Игра продолжалась. Кугель проиграл одиннадцать терциев и выпил пару кружек местного желудевого пива с резковатым привкусом

---

[1] Notes: 1

Не слишком точный перевод более лаконичного выражения «анфангель донгобель». (*Прим. авт.*)

горького мха и копченой кровяной колбасы. Мало-помалу Кугелю удалось ввести в игру карты из своей колоды, после чего ему улыбнулась удача, и он быстро выиграл тридцать восемь терциев, в то время как Вагмунд, Койман и Сабтиль, явно не ожидавшие такого исхода, били себя по лбу с изумленными возгласами.

В трактирный зал зашел Бундерваль. Заказав кружку пива, некоторое время он стоял и наблюдал за игрой, покачиваясь с каблуков на носки башмаков и обратно, время от времени похваливая удачные комбинации и наставительно укоряя проигравших за недостаточную бдительность:

— Что же ты, Койман? Почему ты не выложил красный дубль и не забрал все ставки перед тем, как Кугель побил твои карты зелеными варлетами?

— Потому что в прошлый раз, когда я это сделал, Кугель открыл королеву демонов, и у меня не осталось никаких шансов! — резко ответил Койман и поднялся на ноги. — Я разорился, Кугель. По меньшей мере закажите мне пива за счет вашего выигрыша.

— С удовольствием! — Кугель подозвал подростка-официанта: — Пива для Коймана — и для

Бундерваля!

— Спасибо! — Койман пригласил Бундерваля занять освободившееся место. — Можешь попытать счастья с Кугелем, если хочешь. Он умеет играть лучше нас всех, вместе взятых.

— Так и быть, рискну парой терциев. Эй, парнишка! Принеси-ка нам свежую колоду карт. Эти уже истрепались до дыр — одни короче, другие длиннее, покрылись пятнами, да и рисунок у некоторых из них какой-то чудной. Убери их!

— Новые карты меня вполне устроят! — добродушно воскликнул Кугель. — Но я сохраню старые, чтобы практиковаться в одиночку. Бундерваль, сколько вы поставите?

Бундерваль выложил на стол терций и раздал новые карты с таким проворством и с таким мастерством, что ошеломленный Кугель не успел и глазом моргнуть.

Они сыграли несколько раундов, но удача покинула Кугеля. Освободив свое место для другого игрока, Кугель встал за спиной Бундерваля, чтобы изучить манеру игры конкурента.

Выиграв десять терциев, Бундерваль заявил, что на сегодня с него хватит. Повернувшись к Кугелю, он сказал:

— Позвольте мне потратить часть выигрыша

с благородной целью — выпьем еще по кружке-другой свежего пива! Пойдемте — там, у стены, освободились два стула. Официант! Две кружки вашего лучшего «кишкодера»!

— Сию минуту, сударь! — парнишка отдал честь и убежал в кладовую.

Бундерваль отложил дымящуюся трубку:

— Так что же, Кугель, что вы думаете о Саскервое?

— На первый взгляд это приятный город, где у трудолюбивого человека есть возможность неплохо устроиться.

— Вот именно! Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Но прежде всего давайте выпьем за ваше дальнейшее процветание и благополучие!

— Готов выпить за процветание и благополучие в принципе, — осторожно отозвался Кугель. — До сих пор мне не удавалось насладиться ими в полной мере.

— Как так? Несмотря на ваше умение орудовать за игорным столом? Когда я пытался проследить за вашими экстравагантными трюками, у меня в глазах двоилось!

— Всего лишь глупая привычка красоваться, — скромно заметил Кугель. — Мне нужно научиться привлекать к себе поменьше внимания.

— Все это несущественно, — махнул рукой Бундерваль. — Гораздо важнее вопрос о трудоустройстве в фирме мастера Сольдинка. Мы уже успели обменяться по этому поводу несколькими достойными сожаления фразами.

— Верно, — согласился Кугель. — Позвольте мне кое-что предложить.

— Всегда готов познакомиться с новой концепцией.

— Возможно, суперкарго руководит на борту «Галанте» подчиненными ему лицами. Если бы вы…

Бундерваль прервал его, подняв руку:

— Не будем забывать о реальности. Насколько я понимаю, вы — человек, способный к решительным действиям. Положим конец нашему спору здесь и сейчас. Пусть богиня Мандинго решит, кто из нас претендует на должность суперкарго, а кто остается в стороне.

Кугель вынул свои старые карты:

— Желаете сыграть в скакс или в рамполио?

— Ни в то, ни в другое, — отказался Бундерваль. — Результат жребия не должен быть предопределен… — Он указал пальцем на большой стеклянный ящик, стоявший поодаль на прилавке. В нем копошилось несколько ракооб-

разных существ, в вареном виде считавшихся замечательным деликатесом. Длина каждого из них — от кончиков мощных клешней до острия жала на хвосте — составляла примерно двадцать сантиметров. — В этом аквариуме трактирщик Краснарк держит сфигалов, — продолжал Бундерваль. — Сфигалы существенно отличаются один от другого темпераментом. Одни проворны, другие медлительны. Выберите одного, я выберу другого. Мы положим их на пол, чтобы они соревновались. Удача выпадет тому, чей сфигал первым добежит до противоположной стены.

Кугель подошел к прилавку и внимательно рассмотрел сфигалов.

— Пренеприятнейшие создания, слов нет! — Ему показался самым энергичным сфигал в красную, желтую и противную белесо-голубую полоску. — Что ж, хорошо! Я выбрал своего рысака.

— Выньте его захватом. Но будьте осторожны: они щиплются клешнями и норовят ужалить хвостом, извиваясь во все стороны!

Стараясь не привлекать внимания занятого трактирщика, Кугель поднял захватом из аквариума выбранного им сфигала и положил его на пол у основания прилавка; Бундерваль сделал то

же самое с другим будущим деликатесом.

Слегка опьяневший Бундерваль обратился к своему полосатому чемпиону:

— Многоуважаемый сфигал! Будь так добр, беги как можно быстрее! Оба готовы? Отпустим захваты — вперед!

Соперники разжали захваты, оставили сфигалов на прилавке и потихоньку отошли от аквариума. Заметив открытую дверь трактира, фаворит Бундерваля повернул к ней и тут же скрылся в ночи. Тем временем сфигал Кугеля забрался в валявшийся на полу сапог Вагмунда, гревшего ступни у камина.

— Объявляю дисквалификацию обоих участников состязания! — строго сказал Бундерваль. — Придется испытать судьбу каким-нибудь другим способом.

Кугель и Бундерваль вернулись к своему столу и сели. Уже через несколько секунд Бундерваль изобрел новый план:

— Смотрите, кухня за этой стеной на пол-этажа ниже трактирного зала. Чтобы не сталкиваться по пути, официанты спускаются по ступеням с правой стороны и поднимаются с подносами по ступеням слева. В нерабочее время оба прохода закрывают скользящими в пазах шторками

из металлических пластинок. Как вы можете видеть, каждая шторка удерживается на весу цепью. Извольте заметить также, что находящаяся с нашей стороны цепь позволяет опускать и поднимать шторку, закрывающую левый проход, по которому официанты поднимаются с кружками пива и закусками. Каждый из официантов носит круглую шапочку, плотно прикрывающую волосы, чтобы они не попадали в еду. Предлагаю бросить жребий следующим образом. Каждый из нас, по очереди, обязан опускать шторку на одно или несколько звеньев цепи. Рано или поздно тот или иной официант заденет шапочкой нижнюю планку шторки. Тот, кто опустил шторку непосредственно перед этим, проигрывает и должен уступить другому должность суперкарго.

Кугель изучил цепь и механизм, позволявший поднимать и опускать цепью шторку, закрывавшую проход, после чего подверг внимательному осмотру входивших в кухню и выходивших из нее подростков-официантов.

— Само собой, попадаются парнишки разного роста, — заметил Бундерваль. — Самый длинный, наверное, сантиметров на семь-восемь выше самого короткого. С другой стороны, мне показалось, что у самого высокого выработалась

привычка сутулиться и наклонять голову. Таким образом, потребуется довольно-таки хитроумная стратегия.

— Должен поставить одно условие, — сказал Кугель. — Ни один из нас не должен подавать какие-либо знаки, как-либо предупреждать официантов или отвлекать их внимание — все должно происходить в строгом соответствии со случайным характером розыгрыша.

— Согласен! — заявил Бундерваль. — Будем соревноваться честно и благородно. Кроме того, чтобы не было никаких недобросовестных задержек, каждый из нас должен делать свой ход — опускать шторку — не позднее, чем появится второй по счету официант. Если вы уже опустили шторку, а по моим расчетам, следующим должен появиться самый высокий официант, я могу опустить или не опустить шторку по своему усмотрению, но только до появления второго официанта, после чего я обязан сделать свой ход.

— Полезное правило, нет возражений. Так что же, начнем с вас?

Бундерваль отказался от привилегии:

— В каком-то смысле у нас в Саскервое вы — гость, и вам должна принадлежать честь первого хода.

— Благодарю вас! — Кугель снял цепь со штырька и опустил шторку на два звена. — Теперь ваша очередь, Бундерваль. Как пожелаете — можете подождать, пока не пройдет первый официант, а я тем временем закажу еще пива, чтобы нам не было скучно.

— Замечательно! Но теперь я должен сосредоточить на игре все возможное внимание. Насколько я понимаю, здесь потребуется незаурядное ритмическое чутье. Опущу-ка я шторку еще на пару звеньев.

Кугель ждал — появился высокий официант с подносом, нагруженным четырьмя кружками пива. По оценке Кугеля, зазор между шапочкой подростка и нижней планкой шторки соответствовал примерно тринадцати звеньям цепи. Кугель тут же опустил шторку на четыре звена.

— Ага! — воскликнул Бундерваль. — Смелый ход! Но я не уступлю вам в дерзости. Опустим преграду еще на четыре звена!

Прищурившись, Кугель прикидывал в уме последствия возможных дальнейших действий. Опусти он шторку еще на шесть звеньев цепи, нижняя планка неизбежно сбила бы шапочку с головы высокого парня. Официанты поднимались из кухни по очереди — теперь самый

высокий должен был появиться третьим. Когда по ступеням поднялся следующий подросток, среднего роста, Кугель опустил цепь на целых пять звеньев.

Бундерваль тревожно вздохнул:

— Ловкий замысел, Кугель! Но я поспешу опустить шторку еще на пару звеньев, чтобы под ней успел пройти самый низкорослый из подростков — он уже поднимается.

Действительно, официант-коротышка не задел шторку шапочкой — остался зазор, эквивалентный двум звеньям цепи, и теперь Кугель обязан был сделать следующий ход или признать свое поражение. Он угрюмо опустил шторку еще на одно звено. Тем временем из кухни поднимался самый высокий из официантов. Но Кугелю повезло — заходя в трактирный зал, верзила наклонил голову, чтобы вытереть нос рукавом, и таким образом прошел под шторкой, не задев ее шапочкой. Настал черед Кугеля торжествующе насмехаться:

— Ваш ход, Бундерваль! Опускайте шторку — или сдавайтесь!

Безутешный Бундерваль сдвинул цепь еще на одно звено.

— Теперь мне остается надеяться только на

чудо.

Из кухни поднимался Краснарк, владелец заведения — человек с грубыми чертами лица, повыше самого высокого из его подчиненных, с мощными бицепсами и хмурыми черными бровями. Он держал в руках поднос с тяжелой полной супницей, связкой жареных птиц на блюде и огромной, подрагивающей на каждом шагу полусферой присыпанного пряностями холодца. Краснарк ударился лбом о перекладину шторки, свалился навзничь и пропал из поля зрения. Из кухни послышался звон бьющейся посуды и, непосредственно вслед за этим, яростный рев трактирщика.

Бундерваль и Кугель немедленно подняли шторку на первоначальную высоту и пересели за другой стол, подальше от кухни.

— Меня следует считать победителем, — заявил Кугель, — так как вы были последним, кто переместил цепь.

— Ни в коем случае! — энергично возразил Бундерваль. — Цель игры заключалась в том, чтобы сбить шапочку с головы кого-нибудь из трех официантов. Но цель не достигнута, так как появление Краснарка смешало все карты, если можно так выразиться.

— Вот он, Краснарк, — указал движением головы Кугель. — Разглядывает шторку в полном недоумении.

— Не вижу смысла продолжать эту забаву, — заметил Бундерваль. — На мой взгляд, мы тут достаточно набедокурили.

— Но победитель все еще не назван, — напомнил Кугель. — Вам придется согласиться с тем, что практически с любой точки зрения вы проиграли.

Бундерваль не уступал:

— Краснарк не носит шапочку, в связи с чем его падение никак нельзя считать удовлетворяющим условиям игры. Позвольте мне предложить другое состязание, в котором случайность будет играть решающую роль.

— А вот и парнишка с нашим пивом! Что тебя задерживало, лодырь? Почему нам пришлось так долго ждать?

— Прошу прощения, сударь. Краснарк свалился с лестницы в кухню, и там поднялась такая суматоха, что я никак не мог обслужить вас раньше.

— Что ж, подобную катастрофу можно рассматривать как достаточное оправдание... Бундерваль, объясните, что вы задумали?

— Все очень просто — настолько просто, что

меня даже смущает это обстоятельство. Видите эту дверь? Она ведет в туалет. Посмотрите вокруг и выберите своего «представителя». Я сделаю то же самое. Тот из нас, чей «представитель» первым зайдет в туалет, проигрывает, а другой становится единственным кандидатом на должность суперкарго.

— На мой взгляд, условия достаточно справедливы, — согласился Кугель. — Вы уже выбрали?

— Разумеется. А вы?

— Я назначил «представителя», как только вы предложили свой план. Думаю, в такого рода соревновании он непобедим. Это пожилой господин с тонким носом и поджатыми губами, сидящий слева от меня. Его нельзя назвать корпулентным, но мне внушает уверенность его рассеянная манера держать стакан.

— Удачный выбор! — похвалил Бундерваль. — Так уж вышло, что я назначил его собеседника, субъекта в сером плаще, прихлебывающего пиво так, словно оно вызывает у него отвращение.

Кугель подозвал парнишку-официанта и спросил потихоньку, так, чтобы не расслышал Бундерваль:

— Кто эти двое слева от меня? И почему они пьют так медленно?

Подросток пожал плечами:

— Если хотите знать правду, они ужасно не любят расставаться с деньгами, хотя оба вовсе не бедняки. Несмотря на то что у них набиты кошельки, они заказали по маленькому стаканчику самого дешевого варева и не спешат его допивать.

— В таком случае, — сказал Кугель, — принеси господину в сером плаще большую кружку самого лучшего пива — за мой счет, но не называй меня.

— Будет сделано, сударь.

Парнишка тут же подчинился призывному жесту Бундерваля и вступил с ним в такую же конфиденциальную беседу. Поклонившись, подросток спустился в кухню и через некоторое время вернулся, чтобы подать каждому из двух «представителей» по высокой двухлитровой кружке эля. Выслушав сбивчивые пояснения официанта, те без лишних слов пригубили первосортный напиток, не выразив никакой особой благодарности, хотя оба очевидно были озадачены таким даром провидения.

Кугеля неприятно поразила жадность, с которой его «представитель» поглощал бесплатное пиво.

— По-моему, я ошибся в выборе, — пожаловался он. — Этот тип хлещет пиво так, словно только что провел день в пустыне.

Бундерваль был не менее критически настроен в отношении своего фаворита:

— Он уже приканчивает двухлитровую кружку, пропойца! Должен заметить, Кугель, вы нанесли мне удар ниже пояса. Мне пришлось защищать свои интересы, конечно, что обошлось недешево.

Кугель попробовал отвлечь своего «представителя» от пива, завязав с ним беседу. Поднявшись на ноги и наклонившись над соседним столом, он спросил:

— Насколько я понимаю, сударь, вы постоянно проживаете в Саскервое?

— Проживаю, — неприязненно ответил пожилой господин. — Причем, да будет вам известно, местные жители не спешат вступать в разговоры с чужестранцами в смехотворных головных уборах.

— И при этом они знамениты своей трезвостью, — прибавил Кугель.

— Чушь! — заявил его «представитель». — Взгляните вокруг! Все насасываются пивом как одержимые — официанты не успевают заменять

кружки! Прошу прощения, но я хотел бы последовать их примеру, не отвлекаясь на дельнейшие рассуждения.

— Должен предупредить вас: этот эль застоялся, — нашелся Кугель. — С каждым глотком вы рискуете судорожными приступами поноса.

— Ерунда! Пиво прочищает кровь! Если вас беспокоит пищеварение, не пейте — а меня оставьте в покое! — Опрокинув кружку, «представитель» отправил в глотку существенную часть остававшегося в ней эля.

Недовольный маневрами Кугеля, Бундерваль тоже решил отвлечь внимание своего «представителя», проходя мимо и наступив тому на ногу — последовавшая перепалка могла бы продолжаться достаточно долго, но Кугель угадал намерение соперника и, схватив Бундерваля за плечи, заставил его снова опуститься на стул.

— Играйте по правилам — или я откажусь от участия в соревновании!

— Вы сами ведете себя не слишком честно, — пробормотал Бундерваль.

— Хорошо! — примирительно заявил Кугель. — Пусть каждый из нас больше не вмешивается никоим образом!

— Пусть будет так, но все это в любом случае

больше не имеет смысла, так как ваш «представитель» явно ощущает неудобство и собирается встать. Я выиграл!

— Ничего подобного! Проигрывает тот, чей избранник первым доберется до писсуара. Извольте заметить! Ваш собственный «представитель» уже поднимается из-за стола. Они направились в туалет вместе.

— Тогда проиграет тот, чей «представитель» первым выйдет из трактира, так как он, разумеется, первым подойдет к писсуару!

— Но разве мой избранник идет впереди? Нет, он следует за вашим! Проиграет тот, чей избранник первым фактически воспользуется писсуаром.

— Тогда пойдемте в туалет. Отсюда невозможно судить о происходящем.

Кугель и Бундерваль поспешили за «представителями» на внутренний двор, где, под освещенным навесом, в цементном основании был устроен кафельный желоб, удовлетворявший потребности посетителей трактира в мочеиспускании.

По всей видимости, «представители» не спешили — задержавшись на дворе, они обменялись замечаниями по поводу необычно теплой но-

чи, после чего почти одновременно подошли к желобу. Кугель и Бундерваль последовали за ними — один встал справа, другой слева, приготовившись воочию зарегистрировать результаты соревнования.

Тем временем их избранники приготовились опорожнить мочевые пузыри. Покосившись направо, «представитель» Кугеля не преминул заметить напряженное внимание навязчивого чужестранца и немедленно возмутился:

— Куда вы смотрите и зачем? Какая наглость! Хозяин! Позовите хозяина! Нужно вызвать ночную стражу! Немедленно!

Кугель попытался объяснить свои намерения:

— Сударь, все не так, как вы думаете! Бундерваль подтвердит мои слова. Бундерваль!

Но Бундерваль поспешил вернуться в пивную. Появился трактирщик Краснарк с забинтованной головой:

— Господа, пожалуйста, помолчите немного! Мастер Черниц, будьте добры, успокойтесь! В чем затруднение?

— Затруднение? — выпалил Черниц. — Это оскорбление, а не затруднение! Я пришел сюда, чтобы облегчиться, а этот безнравственный подонок устроился рядом и стал вести себя самым

неподобающим образом. Разумеется, я тут же поднял тревогу!

Приятель Черница, прежний «представитель» Бундерваля, процедил сквозь зубы:

— Могу засвидетельствовать, что так оно и было! Этого субъекта следует вытолкать в шею — не только с постоялого двора, но даже из города!

Краснарк повернулся к Кугелю:

— Вам предъявляют серьезные обвинения! Что скажете?

— Мастер Черниц ошибается! Я тоже пришел сюда облегчиться. Взглянув налево, я заметил своего знакомого, Бундерваля, и приветствовал его жестом. В ту же секунду мастер Черниц стал громко орать, намекая на какие-то грязные намерения, которых у меня и в мыслях не было! Если кого-то и следует вытолкать в шею, так это Черница и его приятеля — прохиндеев, пробавляющихся пивком за чужой счет!

— Как вы смеете? — возмутился Черниц. — Я пользуюсь высокой репутацией!

Краснарк развел руками:

— Господа, прислушайтесь к голосу разума! Согласен — Кугелю не следовало подавать знаки друзьям, находясь у писсуара, но мастеру Черницу не следовало делать поспешных выводов.

Предлагаю ему взять назад выражение «безнравственный подонок», а Кугелю — отказаться от применения эпитета «прохиндеи» в адрес уважаемых граждан, и все встанет на свои места.

— Я не привык к подобным унижениям! — надменно произнес Кугель. — Пока мастер Черниц не извинится, в моих глазах он останется прохиндеем.

Вернувшись в трактир, Кугель занял место рядом с Бундервалем.

— Вы поспешили уйти, — заметил Кугель, — а я остался, чтобы проследить за ходом соревнования. Ваш «представитель» опередил моего на несколько секунд.

— Только после того, как вы отвлекли внимание своего «представителя», нарушив наши условия. Таким образом, результаты не засчитываются.

Тем временем мастер Черниц и его приятель вернулись к своему столу. Смерив Кугеля ледяными взглядами, они отвернулись и стали вполголоса совещаться.

По сигналу Кугеля парнишка-официант принес еще две кружки «кишкодера», и соперники освежились, чтобы успокоить нервы. Помолчав несколько минут, Бундерваль отметил:

— Несмотря на все наши усилия, мы так-таки

не решили основной вопрос.

— И почему? Потому, что в состязаниях такого рода все предоставлено на волю случая. Зависимость от жребия, однако, не соответствует моему темпераменту. Я не из тех, кто покорно подставляет задницу пинкам! Я — Кугель, бесстрашный и неукротимый! Я бросаю вызов превратностям судьбы! Исключительно силой воли…

Бундерваль нетерпеливо прервал его:

— Помолчите, Кугель! С меня довольно пьяной похвальбы — вы нагрузились пивом и болтаете лишнее.

Кугель изумленно уставился на собеседника:

— Вы считаете, что я пьян? После трех кружек разведенного «кишкодера»? Мне приходилось пить дождевую воду покрепче этой дряни! Эй, официант! Принеси-ка еще пива! Бундерваль, еще кружку?

— С удовольствием. А теперь — так как вы больше не желаете бросать жребий — вы намерены, наконец, признать поражение?

— Никогда! Давайте пить пиво, литр за литром, пока весь мир не пойдет ходуном и не перевернется вверх дном! Тот, кто первым упадет под стол, проигрывает.

Бундерваль покачал головой:

— Наши выдающиеся способности в этом отношении таковы, что о них можно рассказывать легенды. Мы наливались бы пивом всю ночь, до взаимного изнеможения, и в конечном счете выиграл бы только Краснарк.

— Что же вы предлагаете? У вас есть какая-нибудь идея?

— Конечно есть! Взгляните налево — как видите, Черниц и его приятель задремали. Можете заметить также их торчащие бороды. Трактирщик оставил на прилавке мездряк для разделки салатных водорослей. Отрежьте бороду Черницу или его знакомому — и я уступлю вам должность суперкарго.

Кугель скептически рассматривал двух горожан, прикорнувших за соседним столом.

— Нельзя сказать, что они забылись глубоким сном. Да, я бросаю вызов судьбе, но я не бросаюсь с утесов на камни.

— Хорошо! — сказал Бундерваль. — Я возьму мездряк и отрежу бороду одному из наших соседей. Но в таком случае вы должны будете признать, что я победил.

Подросток-официант принес еще две кружки пива. Кугель сделал несколько глотков и задумчиво заметил:

— Совершить такой подвиг не так-то просто. Допустим, я попытаюсь отрезать бороду Черницу. Он тут же откроет глаза и спросит: «Кугель, почему вы меня бреете?» После чего меня подвергнут наказанию, предусмотренному законами Саскервоя в случаях подобного хулиганства.

— Я подвергаюсь такому же риску, — возразил Бундерваль. — Но мне представляется возможным более хитроумный план. Допустим, в трактире погаснет свет. Тогда ни Черниц, ни его приятель не смогут увидеть ваше лицо или мое лицо, не правда ли?

— В полной темноте можно было бы успеть отрезать одному из них бороду, — согласился Кугель. — Достаточно сделать три шага, схватить бороду, отсечь ее мездряком, вернуться к нашему столу — и дело сделано! Рубильник, выключающий свет, — на стене у входа в кухню.

— Именно таким образом я себе это представляю, — откликнулся Бундерваль. — Так что же, кто будет брадобреем — вы или я? Выбирайте!

Кугель сделал еще несколько глотков, чтобы собраться с мыслями, встал из-за стола и взял с прилавка серповидный нож.

— Дайте-ка я его пощупаю… Вроде бы он хорошо наточен. Что ж, с такого рода проделкой

нужно спешить — пока не прошло подходящее настроение.

— Я поверну рубильник, — вызвался Бундерваль. — Как только погаснет свет, приступайте к делу без промедления!

— Подождите! — остановил его Кугель. — Прежде всего нужно выбрать бороду. Хорошо было бы, конечно, обрить Черница, но борода его приятеля длиннее, ее удобнее ухватить… Ладно, я готов.

Бундерваль поднялся на ноги и направился к рубильнику. Обернувшись к Кугелю, он кивнул.

Кугель напрягся.

Свет погас. Трактирный зал теперь освещали только пляшущие отблески огня, разведенного в камине. Кугель быстро сделал три длинных шага к соседнему столу, схватил выбранную бороду и ловко провел по ней мездряком… Рубильник каким-то образом выскользнул из пальцев Бундерваля, или в осветительных трубках потолка возник самопроизвольный разряд… Так или иначе, в зале на мгновение снова вспыхнул свет — и лишившийся бороды господин изумленно уставился в лицо наклонившегося к нему Кугеля. Лампы тут же погасли, но у приятеля Черница четко запечатлелось в памяти изображение

длинноносого лица и темноволосой головы в необычной щегольской шляпе.

Подвергнувшийся нападению гражданин растерянно закричал:

— Караул! Краснарк! На нас напали бандиты! Где моя борода?

Нащупывая стену рукой, один из официантов повернул рубильник, и трактир снова озарился ярким голубоватым светом.

Краснарк, с ушибленной головы которого уже сползала повязка, поспешил к пострадавшему, чтобы выяснить причину очередного переполоха. Возмущенный субъект в сером плаще трясущейся рукой указывал на Кугеля, уже сидевшего за столом и словно застывшего в сонливой позе с кружкой пива в руке:

— Вот этот мерзавец! Я его видел — он резал мне бороду, оскалившись, как волк!

Кугель встрепенулся и повернулся к обвинителю:

— Бред какой-то! Я тут сидел и потягивал пиво. Понятия не имею, кто покусился на вашу бороду, мне она ни к чему! Пить надо меньше!

— Неправда! Я тебя видел своими глазами!

Кугель оскорбленно протестовал:

— Почему бы мне понадобилась ваша борода?

Сами подумайте! Ее невозможно ни продать, ни приспособить с какой-нибудь целью. Если хотите, можете меня обыскать! Вы не найдете ни единого волоска.

Будучи в полном замешательстве, Краснарк развел руками:

— Кугель приводит разумные доводы. С какой стати, в самом деле, он попытался бы вас обрить?

Багровый от ярости господин в сером плаще не унимался:

— Почему бы кто бы то ни было пытался меня брить? Тем не менее смотрите сами — кто-то отрезал мне бороду!

Покачав головой, Краснарк отвернулся:

— Не могу себе представить, кому это могло прийти в голову! Официант! Принеси мастеру Меркантидесу кружку доброго свежего «кишкодера» за мой счет, чтобы он немного успокоился.

Кугель повернулся к Бундервалю:

— Дело сделано.

— Дело сделано, и сделано хорошо, — великодушно согласился Бундерваль. — Вы победили! Завтра в полдень мы вместе пойдем в контору Сольдинка и Меркантидеса, и я лично порекомендую вас как наилучшего кандидата на должность

суперкарго.

— Меркантидес! — Кугель задумался. — Разве не так трактирщик назвал господина, которому я только что отрезал бороду?

— Ну, если уж вы об этом упомянули, — да, именно так его зовут, — сказал Бундерваль.

Около камина громко зевнул рыжий Вагмунд.

— На сегодня хватит треволнений! Я устал, хочу спать. Ноги согрелись, сапоги высохли — пора домой. Осталось только натянуть сапоги…

В полдень Кугель встретился с Бундервалем на прибрежной площади. Они зашли в контору фирмы Сольдинка и Меркантидеса и направились к внутреннему кабинету.

Клерк Диффин поспешил объявить Сольдинку об их присутствии и раздвинул портьеры, приглашая посетителей внутрь. Сольдинк указал обоим кандидатам на софу с каштановой плюшевой обивкой:

— Присаживайтесь. Меркантидес скоро к нам присоединится, и мы обсудим наши дела.

Минут через пять в кабинет зашел Меркантидес. Не глядя по сторонам, он присел за восьмиугольный стол рядом с Сольдинком. Взглянув в сторону софы, владелец фирмы наконец заметил двух посетителей и резко спросил:

— Вы, двое! Что вы здесь делаете?

Кугель осторожно ответил:

— Вчера Бундерваль и я выставили кандидатуры на должность суперкарго, освободившуюся на борту «Галанте». Бундерваль согласился уступить мне эту вакансию, в связи с чем…

Меркантидес набычился:

— Кугель? Об этом не может быть и речи! Бундерваль, рекомендую вам пересмотреть свое решение.

— Конечно, если кандидатура Кугеля больше не рассматривается…

— Она не рассматривается. Таким образом, остается только назначить Бундерваля на должность суперкарго. Сольдинк, вы согласны?

— Профессиональные качества Бундерваля меня вполне устраивают.

— Значит, так тому и быть. — Меркантидес встал из-за стола. — Сольдинк, у меня разболелась голова. Если я зачем-то понадоблюсь, вы найдете меня дома.

Меркантидес вышел из кабинета, чуть не столкнувшись с входящим Вагмундом — тот опирался на костыль.

Сольдинк смерил рыжебородого калеку удивленным взглядом:

— В чем дело, Вагмунд? Что с вами случилось?

— Сударь, вчера вечером меня ужалил сфигал. Боюсь, я не смогу совершить следующее плавание на борту «Галанте».

Сольдинк раздраженно откинулся на спинку стула:

— Плохие новости! Что же нам делать? Червячнику — особенно действительно знающему свое дело — трудно найти замену!

Бундерваль поднялся на ноги:

— Позвольте мне в качестве нового суперкарго «Галанте» рекомендовать Кугеля на освободившуюся должность червячника.

Сольдинк взглянул на Кугеля без особого энтузиазма:

— У вас есть опыт такой работы?

— В последние годы я этим не занимался, — признался Кугель. — Но я посоветуюсь с Вагмундом, и если в Саскервое применяются незнакомые мне методы, он мне поможет в них разобраться.

— Хорошо. По сути дела, у нас практически нет выбора, так как «Галанте» отплывает через три дня. Бундерваль, вам надлежит немедленно подняться на борт. Проследите за тем, чтобы товары и провиант погрузили в трюм надлежащим образом! Вагмунд, прошу вас познакомить

Кугеля с червями и разъяснить ему их маленькие причуды. Есть какие-нибудь вопросы? Нет? В таком случае приступайте к выполнению своих обязанностей! «Галанте» поднимает якорь через три дня!

Глава II
От Саскервоя до отмелей Тастволь да

1. На борту «Галанте»

На первый взгляд судно «Галанте» произвело на Кугеля, в общем и целом, благоприятное впечатление. Его широкий, но пропорциональный корпус, очевидно, отличался достаточной плавучестью и герметичностью. Тщательная подгонка деталей и щедрое использование орнаментальных украшений позволяли предположить, что владельцы уделяли не меньшее внимание роскоши и удобствам в подпалубных помещениях. На рее единственной мачты красовался парус из темно-синего шелка. Загнутая наподобие лебединой шеи носовая стойка поддерживала висящий на цепи чугунный фонарь. Другой, еще более массивный фонарь покачивался над квартердеком.

Кугель приветствовал приспособления такого рода: они упрощали работу команды по ночам и тем самым способствовали скорейшему продвижению судна. С другой стороны, он не был готов немедленно признать необходимость так называемых спонсонов — деревянных мостков,

тянувшихся вдоль обоих бортов в нескольких сантиметрах над ватерлинией. В чем заключалось назначение этих выступов? Кугель прошелся туда-сюда по причалу, чтобы лучше рассмотреть эти необычные элементы конструкции. Вряд ли мостки устроили для того, чтобы по ним прогуливались пассажиры. Они выглядели слишком узкими, ходить по ним было бы опасно — тем более что в открытом море их, несомненно, заливало солеными брызгами и волнами. Может быть, они служили своего рода площадками, позволявшими пассажирам и команде купаться и стирать одежду, пока судно дрейфовало в безветренную погоду? Или команда пользовалась мостками, заделывая щели в корпусе?

Кугель отложил решение этого вопроса. Зачем было вникать в лишние подробности, раз судно могло без особых затруднений доставить его в Порт-Пердусс? Гораздо больше его беспокоили возможные обязанности так называемого червячника, о каковых он не имел ни малейшего представления.

У его предшественника, Вагмунда, настолько разболелась нога, что он отказался оказывать Кугелю какую-либо помощь. В качестве напутствия он соблаговолил произнести несколько

отрывистых фраз: «Прежде всего! Поднявшись на борт, найдите свою койку и сложите пожитки. Капитан Бонт не терпит никаких нарушений дисциплины. Устроившись как положено, представьтесь Дрофо, старшему червячнику, — он даст необходимые указания. Вам повезло — черви в прекрасном состоянии!»

У Кугеля не было никаких пожитков, кроме той одежды, которую он носил (не считая, конечно, поясной сумки, где хранился драгоценный пекторальный неборазрывный брызгосвет, важнейшая чешуйка демиурга Скорогроха). Теперь, стоя на причале, Кугель придумал, как предохранить брызгосвет от возможного хищения.

Он зашел в укромное место за штабелем ящиков, снял свою прекрасную трехъярусную шляпу, отцепил от нее довольно-таки безвкусное украшение, а затем, соблюдая осторожность, чтобы не обжечься сохранившим магическую энергию брызгосветом, надежно закрепил чешуйку на шляпе так, чтобы она казалась всего лишь чем-то вроде пряжки на головном уборе. Первоначальное дешевое украшение он спрятал в поясной сумке.

Вернувшись по причалу к «Галанте», Кугель взошел по трапу на среднюю палубу. Справа

находилась кормовая рубка, откуда сходни поднимались на квартердек. В передней части судна, в промежутке сдвоенного тупого носа, ютились камбуз и столовая команды, откуда можно было спуститься в каюты моряков.

В поле зрения Кугеля находились три человека. Первым был кок в поварском колпаке, вышедший на палубу, чтобы сплюнуть в воду. Второй, высокий и худощавый, с продолговатым землистым лицом трагического поэта, стоял у поручня и мрачно смотрел в морскую даль. Подбородок его покрывала редкая борода оттенка темно-красного дерева; волосы, того же темного красновато-коричневого цвета, напоминавшего гнедую лошадиную масть, были повязаны черным платком. Схватив поручень обеими загрубевшими руками, он ни разу не повернулся, чтобы взглянуть на Кугеля.

Третий моряк вышел на палубу с ведром, чтобы выплеснуть его содержимое за борт. У него были густые, коротко стриженные белые волосы, а его рот напоминал тонкий рубец на багровом лице с квадратным подбородком. «По-видимому, стюард», — подумал Кугель. Деловитые и даже нагловатые манеры этого субъекта вполне соответствовали такому роду занятий.

Из трех моряков только человек с ведром соблаговолил заметить присутствие Кугеля и резко окликнул его:

— Эй, там! Да, я тебе говорю, бездельник с перекошенной от хитрости рожей! Пошел вон! Нам не нужны ни целебные мази, ни талисманы, ни молитвы, ни эротические снадобья!

— Вам следовало бы выражаться повежливее, — холодно отозвался Кугель. — Меня зовут Кугель, и я здесь нахожусь по недвусмысленному распоряжению Сольдинка! А теперь вы могли бы показать мне мою каюту — и при этом держать при себе свое мнение относительно моей внешности.

Человек с ведром глубоко вздохнул — так, словно его бесконечное терпение подвергалось очередному, почти невыносимому испытанию. Заглянув в отверстие люка, он заорал:

— Борк! На палубу!

Откуда-то снизу выскочил толстяк-коротышка с круглой красной физиономией:

— Есть, сэр! Что нужно сделать?

— Покажи этому типу его каюту. Он говорит, что его пригласил Сольдинк. Не помню, как его зовут — то ли Фугль, то ли Кунгль, что-то в этом роде.

Борк почесал нос, явно находясь в замешательстве.

— Меня никто о нем не предупреждал. Мастер Сольдинк будет нас сопровождать вместе со всей семьей — где я найду свободное место? Если я предоставлю этому господину отдельную каюту, вам придется делить каюту с Дрофо.

— Это меня никоим образом не устраивает!

— Вы можете предложить что-нибудь получше? — жалобно спросил Борк.

Белобрысый моряк отбросил пустое ведро, возвел руки к небу и ушел на корму. Глядя ему вслед, Кугель спросил:

— Кто этот раздражительный грубиян?

— Капитан Бонт. А раздражен он потому, что теперь вы займете его каюту, — вы на его месте тоже разозлились бы.

Кугель погладил подбородок:

— Принимая во внимание все обстоятельства, я предпочел бы пользоваться обычной каютой, предназначенной для одинокого пассажира.

— В этом плавании выполнить такое требование будет невозможно, сударь. Мастер Сольдинк направляется в Порт-Пердусс с супругой и тремя дочерьми. Никаких свободных мест не осталось.

— Мне не хотелось бы причинять неудобства

капитану, — пробормотал Кугель. — Возможно, мне следовало бы…

— О чем тут говорить, сударь? Все будет в порядке. Капитан Бонт крепко спит, храп Дрофо ему не помешает — надеюсь, мы как-нибудь устроимся. Извольте пройти сюда, сударь, я покажу вам каюту.

Стюард провел Кугеля в просторное и удобное помещение, как правило, служившее убежищем и спальней капитану судна. Кугель с одобрением смотрел по сторонам:

— Мне такая каюта вполне подойдет. Из окон открывается прекрасный вид.

На пороге появился капитан Бонт:

— Надеюсь, это помещение удовлетворяет вашим потребностям?

— Целиком и полностью! Мне тут будет очень удобно. — Повернувшись к Борку, Кугель сказал: — Теперь вы могли бы подать мне какие-нибудь легкие закуски и что-нибудь выпить. Сегодня утром я уже завтракал.

— Разумеется, сударь. Сию минуту.

Капитан Бонт ворчливо заметил:

— Прошу только об одном — ничего не двигайте на полках. Моя коллекция раковин морских мотыльков незаменима. Кроме того, я не хочу,

чтобы трогали мои древние книги.

— Не беспокойтесь! Ваше имущество останется в полной сохранности — так, как если бы оно было моим. А теперь прошу меня извинить — я хотел бы отдохнуть несколько часов перед тем, как приступлю к выполнению обязанностей.

— Обязанностей? — Капитан удивленно нахмурился: — Каких таких обязанностей?

— Сольдинк поручил мне кое-какие простейшие функции.

— Странно. Он ничего об этом не говорил. Бундерваль — новый суперкарго. Кроме того, насколько я понимаю, какой-то длинноногий чудак-иностранец назначен помощником червячника.

— Я согласился занять должность червячника, — строго пояснил Кугель.

У капитана отвисла челюсть:

— Ты — помощник червячника?

— Насколько мне известно, — подтвердил Кугель.

Кугелю указали на узкую койку в самой глубине носового трюма — там, где форштевень соединялся с килем. На койке лежал мешковатый матрас, набитый сушеным тростником; рядом стоял ящик, содержавший вонючее тряпье, —

Вагмунд не позаботился забрать его.

При свете огрызка свечи Кугель оценил состояние своих ушибов. Судя по всему, ни один из ударов не нанес ему увечий, чреватых долгосрочными последствиями, хотя поведение капитана Бонта вышло за рамки любых представлений о сдержанности.

Послышался гнусавый окрик:

— Кугель, куда ты пропал? На палубу, живо!

Кугель застонал и, хромая, поднялся на палубу. Там его ожидал высокий упитанный молодой человек с плотной копной черных кудрявых волос и маленькими, близко посаженными черными глазками. Он разглядывал Кугеля с нескрываемым любопытством.

— Моя фамилия — Сачковский, я — червячник первого разряда и, таким образом, твой начальник, хотя мы оба пляшем под дудку старшего червячника Дрофо. В данный момент Дрофо желает произнести вдохновляющую речь. Если ты дорожишь своей шкурой, слушай внимательно. Пошли!

Дрофо стоял у мачты: тот самый тощий верзила с темной красно-коричневой бородой, которого Кугель заметил, как только поднялся на борт «Галанте».

Дрофо указал на выступающую из палубного настила крышку люка:

— Садитесь.

Кугель и Сачковский уселись и, вежливо повернувшись к начальнику, приготовились слушать.

Наклонив голову и сложив руки за спиной, Дрофо молча разглядывал подчиненных. Через некоторое время он заговорил монотонным глубоким басом:

— Я могу вас многому научить! Слушайте — и вы наберетесь мудрости, неведомой академикам Института, жонглирующим консенсусами и парадигмами! Не заблуждайтесь, однако! Слова не имеют никакого веса, как случайная дождевая капля, упавшая за шиворот! Для того чтобы на самом деле знать, нужно делать! Проплыв десять тысяч лиг и уморив сотню червей, вы сможете наконец сказать: «Мы постигли мудрость жизни!», что равносильно утверждению «Мы — червячники!». Набравшись мудрости, будучи мастерами-червячниками, вы забудете о тщеславной болтовне. Вы поймете, что молчание — золото, что ваши незаменимые навыки говорят сами за себя! — Дрофо переводил взгляд с одного лица на другое. — Я достаточно ясно выражаюсь?

Сачковский почесал в затылке:

— Не совсем. В Институте ученые регулярно измеряют вес индивидуальных дождевых капель. Это хорошо или плохо?

Дрофо вежливо ответил:

— Мы не обсуждаем полезность исследований, которые ведутся в Институте. Мы говорим об обязанностях червячника.

— А! Теперь все понятно!

— Вот именно! — поддакнул Кугель. — Продолжайте, Дрофо, ваши замечания весьма любопытны.

Продолжая держать руки за спиной, Дрофо сделал шаг к левому борту, развернулся, сделал шаг к правому борту.

— Наше призвание воспитывает в человеке истинное благородство! Дилетанту, слабаку, глупцу не под силу стать настоящим червячником! Пока плавание идет как по маслу, любой бездельник радуется и веселится — он играет на гармони и пляшет джигу; все смотрят на него и думают: «У червячника не жизнь, а малина!» Но затем неизбежно наступает беда! Безжалостно хлещет черный спорогной, закупорки с грохотом вылетают, как канонада Судьбы, червь ревет и рвется в глубины океана — только тогда проверяется

характер бахвала и самозванца: он забивается в дальний угол трюма и трясется от страха!

Пока Кугель и Сачковский размышляли о предостережениях начальника, Дрофо снова сделал шаг к левому борту, развернулся и шагнул к правому борту.

Протянув руку, Дрофо указал длинным бледным пальцем на морской горизонт.

— Туда мы плывем, между небом и бездной, туда, где тайны всех времен кроются во мраке, которому суждено поглотить планету, когда погаснет Солнце!

Будто для того, чтобы подчеркнуть слова Дрофо, солнечный диск на мгновение подернулся темноватой пленкой, как старческий глаз — слизистым выделением. Моргнув, дневное светило задрожало и снова разгорелось — к огромному облегчению Сачковского, хотя Дрофо даже не заметил этот астрономический инцидент. Бывалый червячник продолжал покачивать указательным пальцем:

— Червь — дитя океана, плоть от плоти его! Червь мудр, хотя ему известны только шесть вещей: солнце, волны, ветер, горизонт, темные глубины, правильное направление, голод и насыщение… Сачковский, почему ты считаешь на

пальцах?

— Нет, ничего, просто так…

— Мудрость червя не означает, что он хитер, — продолжал Дрофо. — Червь не умеет лукавить, у него нет чувства юмора. Умелый червячник прост, как его черви. Червячник ест то, что ему дают, и не жалуется на качество довольствия, червячник спит, когда ему вообще удается найти время для сна, не беспокоясь о том, успел ли высохнуть его промокший комбинезон. Если черви тянут судно прямо вперед, если непрерывно плещет кильватерная струя, если вода заглатывается и выталкивается часто и регулярно — червячник безмятежен. Ему больше ничего не нужно от жизни, он не жаждет ни богатства, ни ленивых чувственных наслаждений в объятиях женщин, ни блестящих украшений вроде того, какое нацепил на шляпу Кугель. Душу червячника наполняет морской простор!

— Вдохновляющая перспектива! — воскликнул Сачковский. — Я горжусь своей профессией! Кугель, что скажешь?

— Целиком и полностью разделяю твои чувства! — отозвался Кугель. — Призвание червячника достойно восхищения! А что касается украшения на шляпе, оно не имеет никакой цен-

ности, кроме сентиментальной, — я унаследовал его от родителей.

Дрофо безразлично кивнул.

— Теперь мне предстоит познакомить вас с важнейшей аксиомой червячника — равносильно применимой, по сути дела, в любой профессии. Она заключается в следующем. Человек может представиться и заявить: «Я — мастер-червячник!», или же мастер-червячник может стоять в стороне и не говорить ни слова. Как узнать, кто из них на самом деле мастер? Об этом позволяют узнать только черви.

Позвольте пояснить подробнее. Если вы видите желтушное создание со вспухшими фосиклами, с жабрами, покрытыми коростой, с закупоренным клотом — кто несет за это ответственность? Червь, который не знает ничего, кроме моря и простора, или тот, кому поручено ухаживать за ним? Можно ли назвать такого человека червячником? Судите сами. Но вот другой червь — здоровый и сильный, сохраняющий безошибочное чувство направления, розовый, как лучи утренней зари! Такой червь свидетельствует о прилежности червячника, неустанно шлифующего линктуры, прочищающего клот, обрабатывающего жабры скребком и гребнями, пока они не начинают бле-

стеть, как серебряные! Он находится в состоянии мистической общности с морем, с его волнениями и успокоениями — и тем самым постигает безмятежность, доступную только червячнику!

Не стану больше ни о чем говорить. Кугель, ты мало знаком с нашим ремеслом, но хорошо уже то, что тебя буду обучать я, так как мои методы нельзя назвать щадящими. Либо ты научишься, либо утонешь, или попадешь под удар прихвостней, или, что еще хуже, навлечешь на себя мой гнев. Но лиха беда начало — я тебя научу или проучу! Не смей думать, что я слишком суров или превышаю свои полномочия — это было бы самоубийственной ошибкой! Я строг — да, я предъявляю жесткие требования и слежу за их выполнением, но когда я скажу, что ты стал настоящим червячником, ты сам меня поблагодаришь!

— Да уж, восхитительная перспектива! — пробормотал Кугель.

Дрофо пропустил мимо ушей замечание новичка.

— Сачковский! Тебе, пожалуй, не хватает мышечного тонуса Кугеля, но ты уже совершил плавание бок о бок с Вагмундом. Жаль, что Вагмунд повредил ногу! Я уже указывал на некоторые

твои ошибки и недостатки. Мои замечания надежно запечатлелись в твоей памяти, я надеюсь?

— Они словно вырублены топором! — с натянутой улыбкой отозвался Сачковский.

— Хорошо. Покажи Кугелю лотки и мешки, выдай ему добротный зачистной бур и пинкты. Кугель, у тебя есть пара надежных шпор?

Кугель покачал головой:

— Никак не мог их раздобыть — пришлось собираться в спешке.

— Жаль… Что ж, ты можешь воспользоваться прекрасным оборудованием Вагмунда, но тебе придется следить за тем, чтобы оно оставалось в отличном состоянии.

— Разумеется, я за этим прослежу.

— Займитесь экипировкой. Уже почти пора запрягать: «Галанте» поднимет якорь, как только Сольдинк отдаст приказ.

Сачковский провел Кугеля к большому сундуку под форпиком и принялся рыться в груде инструментов и обуви, выбирая лучшие экземпляры для себя и время от времени подбрасывая Кугелю те, что поплоше.

При этом Сачковский советовал:

— Не принимай слишком близко к сердцу угрозы старины Дрофо. Он столько лет дышал

солеными брызгами, что, подозреваю, принимает на ночь ушные капли для червей вместо стаканчика чего-нибудь покрепче; так или иначе, он частенько ведет себя странно.

Несколько ободренный дружелюбным обращением коллеги, Кугель осторожно поинтересовался:

— Если нам предстоит иметь дело всего лишь с червями, зачем эти громоздкие и опасные на вид инструменты?

Сачковский ответил ему непонимающим взглядом; Кугель поспешил прибавить:

— Допускаю, что с червями работают на столе или на верстаке — в связи с чем не совсем понятно, почему Дрофо так красноречиво восхваляет невзгоды и лишения, связанные с воздействием ветра и волн. Мы должны будем промывать червей морской водой или выкапывать их из болота по ночам?

Сачковский усмехнулся:

— Ты никогда не червячил?

— Боюсь, мой опыт в этом отношении недостаточен.

— Скоро все будет ясно и понятно. Зачем заниматься рассуждениями и теориями — то есть терять время попусту? Так же как Дрофо, я чело-

век дела, а не болтун.

— Оно и видно, — ледяным тоном обронил Кугель.

Физиономия Сачковского оживилась насмешливо-лукавым выражением:

— У тебя шляпа чудного покроя — надо полагать, ты прибыл из далекой страны и не знаком с нашими обычаями?

— Так оно и есть, — кивнул Кугель.

— И как тебе понравились холодные солончаки Кутца?

— Северная тундра отличается кое-какими любопытными особенностями. Тем не менее мне не терпелось вернуться оттуда в цивилизованные места.

Сачковский фыркнул:

— Я родом из Тугерсбира — это в сотне километров к северу. Там тоже, можно сказать, процветает цивилизация… Ага! Вот шпоры Вагмунда. Думаю, что я возьму себе вот эти, с пряжками в виде серебряных ракушек. А ты можешь выбрать пару других. Будь осторожен, однако, Вагмунд — человек гордый и тщеславный. Как только дело доходит до экипировки, он становится капризным, как ребенок, а уж о шпорах печется, как лысый скряга о меховой

шапке! Поспеши, не то Дрофо снова начнет нас потчевать занудными поучениями! — Они вынесли инструменты и шпоры на среднюю палубу, после чего спустились за старшим червячником по трапу и направились по набережной на север, к длинному огороженному прибрежному бассейну, где лениво плавали несколько огромных трубчатых существ по два-три метра в диаметре, длиной не уступавших «Галанте».

Дрофо ткнул пальцем в сторону бассейна:

— Сачковский, тебе поручены твари с желтыми бугорками. Как видишь, они нуждаются в обслуживании. Кугель! Слева, у ограды, плавают два червя с голубыми бугорками. Это первосортные подопечные Вагмунда; теперь заботиться о них придется тебе.

Сачковский глубокомысленно заметил:

— Почему бы не поручить Кугелю червей с желтыми бугорками, а мне — с голубыми? В таком случае Кугелю представилась бы возможность научиться выполнению важнейших процедур уже на первом этапе приобретения профессионального опыта.

Дрофо задумался:

— Возможно, возможно. Но у нас нет времени анализировать все аспекты твоего предложения,

в связи с чем придется ограничиться первоначальным планом.

— Правильно! — поддержал начальника Кугель. — Ваше решение соответствует второй аксиоме червячника: «Если червячник А запустил своих червей, именно червячник А, а не червячник Б, безукоризненно выполнявший свои обязанности, должен восстановить пригодное к эксплуатации состояние запущенных червей».

Сачковского такое положение вещей не устраивало.

— Кугель может сформулировать тридцать удобных для него аксиом — тем не менее, как упомянул Дрофо, ничто не заменяет практический опыт.

— Будем следовать первоначальному плану, — повторил Дрофо. — А теперь отведите своих тварей к судну и пристегните их к поясам: Кугель — к левому борту, Сачковский — к правому!

Сачковский поспешно отдал честь:

— Будет сделано! Пойдем, Кугель, пошевеливайся! Запряжем червей в два счета, как это делается в Тугерсбире!

— Только не завязывай опять свои тугерсбирские узлы! — предупредил Дрофо. — В прошлый раз мне и капитану Бонту пришлось полчаса

ломать голову, прежде чем мы догадались, как они распускаются!

Сачковский и Кугель спустились к краю бассейна. На поверхности воды растянулось не меньше дюжины гигантских червей, время от времени слегка перемещавшихся благодаря волнообразным движениям выступавших вдоль хвоста зазубренных боковых плавников — так называемых прихвостней. Некоторые черви были розовыми или даже почти пунцовыми, окраска других напоминала бледную слоновую кость, а пара тварей пожелтела до нездорового сернистого оттенка. Голова червя отличалась сложным строением: за коротким толстым хоботком следовал оптический вырост с единственным небольшим глазом, а сразу за глазом находилась пара бугорков на коротких стеблях. Эти бугорки, выкрашенные в различные цвета, обозначали владельца червя и служили органами, определявшими направление движения животного.

— Смотри теперь, не оплошай, Кугель! — воскликнул Сачковский. — Применяй все свои теории! Старому Дрофо нравится, когда черви сразу плывут куда надо — да так, чтоб ветер свистел в ушах! Надевай шпоры и седлай червя!

— Честно говоря, — нервно признался Ку-

гель, — я забыл многие из прежних навыков.

— Никакие особые навыки тут не нужны, — возразил Сачковский. — Смотри! Я спрыгну этой твари на спину и накину мешок ей на глаз, после чего сразу схвачусь за цветные бугорки — и червь поплывет туда, куда я его направлю. Наблюдай — и тебе все станет ясно!

Сачковский спрыгнул на спину одному из червей, пробежал по всей его длине, перескочил на другого, на третьего и наконец оседлал червя с желтыми бугорками. Набросив мешок червю на глаз, он схватился обеими руками за бугорки; вспенивая воду прихвостнями, червь поплыл к раздвижным воротам ограды. Дрофо открыл ворота, и червь направился к «Галанте».

Кугель боязливо попытался сделать то же самое, но червь, когда удалось наконец оседлать его и взять за голубые бугорки, тут же глубоко нырнул. Кугель в отчаянии потянул бугорки на себя: червь поспешно вынырнул на поверхность и взвился в воздух метров на пять — так, что сброшенный Кугель приводнился на другом конце бассейна.

Кугель выбрался на берег. У раздвижных ворот ограды стоял Дрофо, мрачно наблюдавший за этой его акробатикой.

Черви по-прежнему мирно плавали в бассейне. Глубоко вздохнув, Кугель снова спрыгнул на своего червя и оседлал его. Закрыв глаз мешком, он принялся осторожно вертеть бугорки пальцами. Тварь не обратила на его действия ни малейшего внимания. Кугель повернул бугорки посильнее, что заставило червя неожиданно двинуться вперед. Кугель продолжал экспериментировать, и, перемещаясь рывками и дергаясь из стороны в сторону, червь приблизился к тому концу бассейна, где ждал Дрофо. По какой-то случайности (или просто потому, что ему так захотелось) червь подплыл к воротам. Дрофо раскрыл их настежь, и червь выскользнул из бассейна вместе с сидящим на нем Кугелем, гордо задравшим нос, — он изображал полную уверенность в своем умении управлять гигантским животным.

— А теперь, — сказал червю Кугель, — плыви к «Галанте»!

Вопреки желаниям Кугеля, однако, червь повернул в открытое море. Дрофо, стоявший у ворот бассейна, угрюмо кивнул, словно подтверждая некое внутреннее убеждение. Вынув из кармана серебряный свисток, он трижды дунул в него — над водой разнеслись пронзительно верещащие сигналы. Червь развернулся по широкой

дуге и подплыл к раздвижным воротам. Дрофо спрыгнул на розовые роговые пластинки, составлявшие хребет червя, подошел к голубым бугоркам и принялся шевелить их небрежными пинками.

— Смотри! Бугорки наклоняются. Так — червь плывет направо, так — налево. Так — выше, так — глубже. Поверни сюда — он остановится, сюда — поплывет. Все ясно?

— Не могли бы вы повторить? — попросил Кугель. — Мне не помешало бы лучше запомнить ваши действия.

Дрофо повторил урок, после чего, заставив червя плыть к «Галанте», в трагическом раздумье стоял за спиной Кугеля, пока червь не приблизился к судну и не вытянулся вдоль левого борта. Только теперь Кугелю стало понятно назначение приводивших его в замешательство мостков-спонсонов, устроенных над ватерлинией, — они обеспечивали возможность быстрого и беспрепятственного доступа к червям.

— Наблюдай! — приказал Дрофо. — Я продемонстрирую, как пристегивают червя. Ты опоясываешь его — вот так, и продеваешь пояса в карабины — таким образом. Под пояса наносится мазь, чтобы они не натирали шкуру, после чего

пояса затягиваются — вот так. Все понятно?

— Целиком и полностью!

— Тогда приведи сюда и пристегни второго червя.

Умудренному указаниями начальника Кугелю удалось привести к судну второго червя и пристегнуть его надлежащим образом. При этом Кугель смазал шкуру животного в соответствии с инструкциями Дрофо. Еще через несколько минут он услышал, к своему удовлетворению, как Дрофо устраивал разнос Сачковскому — тот пренебрег нанесением мази. Оправдания Сачковского, заявлявшего, что он не выносит запах предотвращавшего образование ссадин вещества, не произвели на Дрофо никакого впечатления.

Еще через несколько минут Дрофо заставил обоих подчиненных стоять на палубе навытяжку, вновь разъясняя им качества, ожидавшиеся от червячников:

— В нашем последнем плавании обязанности червячников выполняли Вагмунд и Сачковский. Меня на борту не было — старшим червячником служил Гизельман. Не могу не заметить, что ему явно не хватало строгости. Тогда как Вагмунд обращался с тягловыми червями профессионально

и безупречно, Сачковский, будучи невежественным лодырем, допустил существенное ухудшение состояния доверенных ему тварей. Только взгляните на них! Они пожелтели, как спелая айва! Их жабры почернели от коросты. Будьте уверены — в дальнейшем Сачковскому придется бережнее относиться к своим подопечным. Что касается Кугеля, у него нет даже простейших навыков червячника, но на борту «Галанте» пробелы в его образовании — так же как и недостатки Сачковского — будут устранены быстро и беспощадно.

Теперь слушайте меня внимательно! Через два часа мы выходим в море и покидаем Саскервой. До тех пор вам надлежит скормить каждому из червей половину суточного рациона и приготовить приманки. Кугель почистит своих тварей и осмотрит их, проверяя на наличие тимпа. Сачковский немедленно начнет выскребать коросту. Ему также надлежит произвести проверку на наличие тимпа, спорогноя и прихвостных клещей. Сачковский! У твоего наружного червя наблюдаются признаки закупорки — ему необходима клизма с добавлением умягчителя. Приступайте к делу, червячники!

Вооружившись щеткой, скребком, зубилом и зачистным буром, а также горшками мази, то-

низирующего состава и целебного елея, Кугель принялся чистить и холить червей согласно указаниям Дрофо. Время от времени червей и мостки накрывала накатившаяся волна; перегнувшись через поручень, стоявший на палубе Дрофо поучал Кугеля:

— Если вымокнешь, не обращай внимания! Неприязнь к влажной одежде — искусственная эмоция, вызванная ошибочным воспитанием. Наш организм содержит большое количество крови и всевозможных других, гораздо более неприятных, жидкостей — зачем чураться чистой соленой морской воды? Не обращай внимания на волны! Червячник всегда ходит мокрым, это его естественное состояние.

Ближе к вечеру на причал прибыли мастер Сольдинк и сопровождавшие его лица. Капитан Бонт собрал всю команду на средней палубе, чтобы она приветствовала почетных пассажиров.

Первым по трапу поднялся Сольдинк, державший под руку супругу; за ними последовали три дочери Сольдинка — Меадре, Салассера и Табазинта.

Капитан Бонт, стоявший навытяжку в безупречной парадной форме, произнес короткую речь:

— Мастер Сольдинк, команда «Галанте» приветствует вас и вашу достойную восхищения семью на борту нашего судна! Так как нам предстоит провести в обществе друг друга несколько следующих недель или даже месяцев, позвольте мне представить вам присутствующих.

Я — капитан Бонт; это — наш суперкарго, Бундерваль. Рядом стоит Спарвин, наш бывалый боцман и рулевой; перед ним отчитываются матросы Тиллитц — вот этот, желтобородый, — и Пармель. Здесь наш кок, Ангшотт, и плотник Киннольд.

С этой стороны стоят стюарды: давно заслуживший мое доверие Борк, прекрасно разбирающийся также в разновидностях птиц и морских мотыльков, помогающие ему Клавдио и Вилип, а также (время от времени, когда его можно отыскать и когда у него подходящее настроение) юнга Кодникс.

Ближе к поручню, высокомерно отстранившись от простых смертных, собрались наши червячники! В любой компании выделяется старший червячник Дрофо, настолько же знакомый с глубокими тайнами мироздания, насколько Ангшотт привык жонглировать бобами с чесноком у себя в камбузе. У Дрофо за спиной — всегда

готовые к решительным действиям Сачковский и Кугель. Разумеется, они промокли до нитки и выглядят несколько подавленными; кроме того, от них воняет червями, чего и следует ожидать. Как любит повторять Дрофо, «сухой, приятно пахнущий червячник — ленивый червячник». Так что пусть их внешность вас не обманывает: они — трудолюбивые моряки, не прячущие лицо от ветра и брызг!

Вот таким образом. «Галанте» — добротное судно с добротной командой, а теперь нам повезло и к нам присоединились красавицы-девушки, которые станут украшением морского пейзажа! Наше плавание будет долгим, но предзнаменования внушают оптимизм. Наш курс — на юго-юго-восток, по океану Вздохов. В свое время судно зайдет в эстуарий Большого Чейнга, истоки которого затеряны в просторах степи за Рухнувшей Стеной, и там бросит якорь в Порт-Пердуссе. Итак, настал момент отплытия! Мастер Сольдинк, что скажете?

— На мой взгляд, все в полном порядке. Прикажите поднимать якорь, когда сочтете нужным.

— Очень хорошо. Тиллитц, Пармель! Отдать концы на носу и на корме! Дрофо, приготовьте червей! Спарвин, мы выйдем из гавани по диаго-

нали, оставив за кормой старое доброе Солнце и обогнув Черногрядную банку. Море успокоилось, ветра почти нет. Сегодня мы поужинаем при свете фонаря на квартердеке, пока гигантские черви, под бдительным наблюдением Кугеля и Сачковского, будут увлекать «Галанте» в ночной океанский простор!

Прошло три дня, и Кугель усвоил важнейшие навыки червячничества.

Высказывая замечания, Дрофо не преминул удостоить Кугеля рядом существенных теоретических откровений:

— С точки зрения червячника, день и ночь, вода, ветер и соленые брызги — всего лишь слегка отличающиеся один от другого аспекты одной и той же всеохватывающей среды, определяемой величием океана и темпом сокращений червей.

— Позвольте задать один вопрос, — отважился Кугель. — Когда я буду спать?

— Спать? Все мы выспимся в могиле — крепко и сладко. Пока не наступил прискорбный момент прощания с этим несовершенным миром. Однако не теряй бдительность ни на секунду, следи за червями! Что еще заслуживает нашего внимания? Кто знает, когда погаснет Солнце? Даже в червях, обычно настроенных фаталистически

и непроницаемо, я замечаю признаки тревоги. Только сегодня утром я видел, как Солнце, поднимаясь над горизонтом, дрогнуло и словно опустилось на мгновение обратно в море, не в силах подняться. Только после затяжной болезненной паузы оно смогло собраться с духом и продолжить путь по небосклону. Однажды утром мы все повернемся лицом на восток и будем ждать рассвета, но Солнце больше не взойдет. Тогда ты выспишься вволю.

Кугель научился пользоваться шестнадцатью инструментами и познал многие секреты физиологии тягловых червей. Тимп, прихвостные клещи, короста и спорогной стали его ненавистными противниками; закупорки клота вызывали у него исключительное раздражение, так как для их устранения требовалось подводное применение зачистного бура, шланга и клизмы, представлявшей собой нечто вроде гипертрофированного металлического шприца — в положении, после размягчения закупорки никак не позволявшем уклониться от потока испражнений.

Дрофо проводил много времени на носу, угрюмо разглядывая океан. Время от времени к нему подходили поговорить мастер Сольдинк или мадам Сольдинк; иногда Меадре, Салассера и

Табазинта, по отдельности или вместе, присоединялись к старшему червячнику и почтительно выслушивали его рассуждения. Следуя коварному совету капитана Бонта, они попросили Дрофо сыграть им что-нибудь на флейте.

— Червячнику не подобает ложная скромность! — заявил Дрофо. Он исполнил для девушек три заунывных волыночных марша и оживленную сальтареллу, приплясывая в такт своим наигрышам.

Казалось, Дрофо не обращал особого внимания ни на червей, ни на червячников, но эта видимость рассеянности носила иллюзорный характер. Однажды после полудня Сачковский забыл наполнить приманкой корзины, висевшие в двадцати сантиметрах перед хоботками червей, в связи с чем черви перестали прилагать достаточные усилия, — тогда как черви Кугеля, снабженные надлежащим количеством приманки, прилежно и энергично работали прихвостнями. В результате «Галанте» начала поворачивать на запад по длинной пологой дуге, несмотря на все попытки боцмана предотвратить такое отклонение от курса.

Вызванный по этому поводу старший червячник покинул привычное место на носу и

немедленно установил причину навигационной ошибки, после чего обнаружил Сачковского, прикорнувшего в удобном теплом уголке за камбузом.

Ткнув Сачковского в бок носком башмака, Дрофо сказал:

— Будь так любезен, проснись! Ты не снабдил червей приманкой, и теперь из-за тебя судно отклонилось от курса.

Сачковский в замешательстве поднял голову — его черные кудри слежались, глаза смотрели в разные стороны.

— Ах да, — пробормотал он. — Приманка. Я о ней забыл, потому что заснул, как только присел передохнуть.

— Поразительно! Как ты позволяешь себе спать, когда твои черви еле шевелятся? — поучал Дрофо. — Опытный червячник никогда не теряет бдительность. Он умеет инстинктивно чувствовать любое нарушение ритма червей и немедленно угадывает причину нарушения.

— Да-да, — бормотал Сачковский. — Теперь я осознаю свою ошибку. Инстинктивно чувствовать нарушение. Угадывать причину. Намотаю на ус.

— Кроме того, — неумолимо продолжал Дро-

фо, — я заметил на твоем наружном черве изъязвление, вызванное запущенным тимпом. Потрудись обработать этот участок целебной мазью.

— Будет сделано! Сию минуту, если не скорее! — Сачковский с трудом поднялся на ноги, прикрывая ладонью безудержно зевающий рот, после чего поспешил, пошатываясь, к своим червям. Дрофо невозмутимо наблюдал за его маневрами.

Вечером того же дня Кугель случайно подслушал беседу Дрофо и капитана Бонта.

— Завтра после полудня, — говорил старший червячник, — поднимется ветер. Это будет полезно червям. Они еще не работают в полную силу, но я считаю, что их не следует изнурять слишком рано.

— Верно, — кивнул капитан. — Как вам нравятся погонщики?

— В настоящее время ни один из моих подчиненных не заслуживает похвалы, — чопорно ответил Дрофо. — Сачковский туп и довольно-таки ленив. У Кугеля нет никакого опыта, причем он теряет время, красуясь перед девушками, как ощипанный павлин. Работу он выполняет так, чтобы ни в коем случае не прилагать лишних

усилий, — боится моря, как страдающий водобоязнью кот.

— Его черви выглядят неплохо.

Дрофо скорбно покачал головой:

— Кугель делает правильные вещи, руководствуясь неправильными побуждениями. Он скармливает червям ровно столько провизии, сколько положено, и заполняет корзины приманкой настолько, насколько это требуется, но ни в коем случае не более того. Конечно, это способствует тому, что у его червей редко случаются закупорки. Но он настолько ненавидит необходимость лечить тимп и соскребать коросту, что яростно уничтожает любые их признаки при первом появлении.

— Таким образом, однако, он удовлетворительно выполняет свои обязанности.

— Только не с точки зрения профессионала! Для настоящего червячника гармония — согласование цели и стиля выполнения работы — превыше всего!

— У вас свои проблемы — у меня свои.

— Как так? Мне казалось, что на борту все идет хорошо.

— В какой-то степени. Но, как вам известно, мадам Сольдинк отличается сильным характером

— проще говоря, непреодолимым упрямством.

— У меня возникло такое впечатление.

— Сегодня за обедом я упомянул о том, что мы находимся в двух-трех днях пути к северо-востоку от Лаусикаи.

— Да, мы где-то в этих краях, насколько я понимаю. Любопытный остров. В Помподуросе живет червячник Пульк.

— Вы когда-нибудь бывали в Пафниссийских банях?

— Нет, это не для меня. Говорят, женщины там принимают ванны в надежде на возвращение молодости и красоты.

— Вот именно. Нет никаких сомнений в том, что мадам Сольдинк — достопочтенная матрона.

— Во всех отношениях. Она строго придерживается своих принципов, не делает никаких поблажек и наотрез отказывается признавать неизбежность несправедливости.

— Да-да. Борк называет ее своевольной, вздорной и сварливой старой каргой — но это, конечно, преувеличение.

— По меньшей мере Борк умеет выражаться кратко и энергично, — заметил Дрофо.

— Так или иначе, супругу мастера Сольдинка никак нельзя назвать юной красавицей. По сути

дела, она — дебелая толстуха. У нее массивная, выпяченная нижняя челюсть и довольно-таки заметные, несмотря на бритье, темные усы. Да, она — в высшей степени благовоспитанная особа. Да, у нее сильный характер — настолько сильный, что мастер Сольдинк во всем следует ее рекомендациям. И теперь (в связи с тем, что мадам Сольдинк желает принять ванны в Пафниссийских банях), мы вынуждены держать курс на Лаусикаю.

— Моим интересам такой маршрут вполне отвечает, — заметил Дрофо. — В Помподуросе я найму червячника Пулька и выгоню Сачковского или Кугеля. Пусть потом сами добираются до континента, как хотят.

— Неплохая идея — если Пульк все еще в Помподуросе.

— Я слышал, что он все еще там и не прочь снова отправиться в море.

— Значит, у вас будет меньше проблем. Кого вы бросите на берегу — Кугеля или Сачковского?

— Я еще не решил. Все будет зависеть от состояния червей.

Капитан и старший червячник отошли в сторону, оставив Кугеля размышлять об услышанном. Судя по всему — по меньшей мере до тех пор,

пока «Галанте» не покинет берега Лаусикаи, — ему следовало не отлынивать и повременить с ухаживаниями за дочерьми Сольдинка.

Кугель тут же взял скребки и удалил все следы коросты на жабрах своих червей, после чего расчесал розовые жабры гребнями до серебристого блеска.

Тем временем Сачковский изучил запущенную язву — тимп — на спине своего наружного червя. Ночью он выкрасил бугорки этого червя в голубой цвет, после чего, когда Кугель задремал, отстегнул этого червя, оседлал его и обогнул на нем судно, заменил им превосходного наружного червя Кугеля и пристегнул его со своей стороны. Выкрасив бугорки здорового червя в желтый цвет, Сачковский поздравил себя с тем, что ему удалось избежать таким образом большого количества трудной и неприятной работы.

Утром Кугель поразился внезапному ухудшению состояния своего червя.

Проходивший мимо Дрофо также не преминул заметить это обстоятельство и подозвал Кугеля:

— Такое разрастание тимпа недопустимо! Кроме того, насколько я понимаю, вздутие в средней части твоего червя свидетельствует о серьезной закупорке, которую необходимо немедленно

устранить.

Не забывая вчерашний разговор своего начальника с капитаном, Кугель прилежно приступил к устранению указанных недостатков. Протащив под водой зачистной бур, клизму со шлангами и крюк с карабином, он без устали работал три часа и удалил закупорку. Червь тотчас же слегка порозовел и принялся с энтузиазмом «догонять» приманку.

Когда Кугель вернулся наконец на палубу, он услышал, как Дрофо говорил Сачковскому:

— Состояние твоего наружного червя заметно улучшилось! Так держать!

Кугель прошелся по спонсону, чтобы взглянуть на наружного червя Сачковского поближе… Странное дело! За одну ночь язва, разросшаяся на спине желтушного червя Сачковского, полностью зажила, не оставив ни малейшего следа, в то время как на спине здорового розового червя Кугеля возникло катастрофическое заражение тимпом!

Хорошенько поразмыслив над этим обстоятельством, Кугель перепрыгнул с мостков на спину зараженного червя и, проведя скребком по бугоркам этой твари, обнаружил под новой голубой краской желтую.

Кугель еще немного подумал, после чего поменял местами своих червей, пристегнув здорового червя в наружной позиции.

Позже, когда Кугель и Сачковский ужинали в столовой, Кугель пожаловался на свои невзгоды:

— Удивительно, как быстро образуются язвы тимпа и закупорки! Мне пришлось весь день прочищать и обрабатывать больного червя, и сегодня вечером я переместил его поближе к спонсону, чтобы его удобнее было обслуживать.

— Удачное решение! — похвалил Сачковский. — Мне удалось наконец излечить одну из тварей, да и вторая вроде бы выздоравливает. Ты слышал? Мы зайдем в порт Лаусикаи, чтобы мадам Сольдинк нырнула в Пафниссийские воды и вышла из них омоложенной девственницей.

— Могу кое-что тебе сообщить, исключительно между нами, — доверительно наклонился к собеседнику Кугель. — Юнга говорит, что в Помподуросе Дрофо собирается нанять ветерана-червячника по имени Пульк.

Сачковский закусил губу.

— Почему бы ему понадобился третий помощник? У него уже есть два червячника.

— Трудно поверить, что он намерен уволить одного из нас. Тем не менее я не вижу никакой

другой причины.

Сачковский нахмурился и молчал на протяжении всей дальнейшей трапезы.

Кугель подождал до тех пор, когда Сачковский приляжет, чтобы немного выспаться, после чего тихонько спустился на спонсон правого борта и нанес глубокие порезы на бугорки больного червя Сачковского, а затем, вернувшись на левый спонсон, он принялся изображать бурную деятельность, массируя и умащая язву на спине червя.

Краем глаза он заметил, что сверху к поручню подошел Дрофо — задержавшись на несколько секунд, старший червячник удалился.

В полночь корзины с приманкой подняли на палубу, чтобы черви передохнули. «Галанте» безмятежно дрейфовала на почти зеркальных водах. Рулевой зафиксировал штурвал; юнга дремал под огромным носовым фонарем — несмотря на то, что обязан был бдительно нести вахту. Над головой мерцали все еще живые звезды, среди них — Ахернар, Алголь, Канопус и Канзаспара.

Из своего закутка за камбузом вылез Сачковский. Прокравшись по палубе, как огромная черная крыса, он бесшумно спрыгнул на спонсон правого борта, отстегнул больного червя и слегка

пришпорил его. Червь тронулся вперед.

Устроившись на спине червя, Сачковский повернул рулевые бугорки, но их нервные стебли были подрезаны, и движения седока только причиняли животному боль. Вспенивая воду прихвостнями, гигантский червь стремительно поплыл на северо-запад; уцепившись шпорами за роговые пластинки шкуры, Сачковский лихорадочно хватался за бугорки — но безрезультатно.

Наутро исчезновение Сачковского стало предметом всевозможных догадок. Старший червячник Дрофо, капитан Бонт и мастер Сольдинк встретились в большом салоне, чтобы обсудить ситуацию. Через некоторое время в салон вызвали Кугеля.

Сидя в кресле с высокой спинкой из резного скиля, Сольдинк прокашлялся и произнес:

— Кугель, как вам известно, Сачковский уплыл непонятно куда на черве, представлявшем собой ценное имущество. Не могли бы вы пролить какой-нибудь свет на это таинственное обстоятельство?

— Подобно всем остальным, я могу только высказывать предположения.

— Мы были бы рады узнать, что вы об этом думаете, — вежливо предложил Сольдинк.

Кугель ответил осторожно-задумчивым тоном:

— Насколько я понимаю, Сачковский осознал, что никогда не станет компетентным червячником. Его черви болели, и Сачковский не желал прилагать усилия, необходимые для восстановления их здоровья. Я пытался ему помочь. Я позволил ему взять одного из моих здоровых червей, чтобы позаботиться о его слабеющей от язвы твари (что, скорее всего, не преминул заметить Дрофо, хотя он предпочел хранить необычное молчание по этому поводу).

Сольдинк повернулся к старшему червячнику:

— Так ли это? Если Кугель говорит правду, его намерения делают ему большую честь.

Дрофо глухо пробормотал:

— Вчера утром я дал Кугелю соответствующие указания.

Сольдинк снова обратился к Кугелю:

— Будьте добры, продолжайте.

— Я могу сделать только один вывод: чувствуя себя отверженным, Сачковский решился на отчаянный шаг и похитил червя.

— Но в этом нет никакого смысла! — воскликнул капитан Бонт. — Если он настолько отчаялся, что хотел покончить с собой, почему бы ему просто-напросто не броситься в море? Зачем по-

хищать ценного тяглового червя? И какую пользу ему может принести такая кража?

Кугель задумался, после чего неуверенно предположил:

— Может быть, он хотел вызвать скандал, чтобы о нем говорили, чтобы на него обратили внимание.

Сольдинк раздул щеки:

— Так или иначе, своим поступком Сачковский всем нам причинил большое неудобство. Дрофо, что мы будем делать? У нас осталось только три червя.

— Никаких особых трудностей не предвидится. Кугель сможет обслуживать оставшихся червей, работая на обоих спонсонах. Чтобы упростить задачу рулевого, мы удвоим количество приманки с правого борта и сократим его наполовину с левого борта. Это позволит нам доплыть до Лаусикаи, а там мы сделаем все необходимое для пополнения состава червей и червячников.

Капитан Бонт уже взял курс на Лаусикаю, чтобы мадам Сольдинк могла принять ванны в Пафниссийских источниках. Задержка не радовала Бонта, надеявшегося как можно скорее доплыть до Порт-Пердусса. Теперь капитан внимательно наблюдал за Кугелем — он хотел убедиться в том,

что черви используются с максимально возможной эффективностью.

— Кугель! — кричал капитан Бонт. — Отрегулируй пристяжку наружного червя, он тащит нас влево.

— Так точно, сэр!

Уже через несколько минут капитан снова волновался:

— Кугель! Твой правобортный червь едва шевелится! Загрузи ему в корзину свежую приманку!

— Там уже двойная порция, — проворчал Кугель. — Я спустил корзину всего лишь час тому назад.

— Тогда залей в него одну восьмую пинты возбудителя Хайдингера, и пошевеливайся! Я хочу бросить якорь в Помподуросе завтра до захода Солнца!

Оставшись в одиночестве, ночью правобортный червь стал беспокоиться и шлепать по воде прихвостнями. Разбуженный этим шумом, Дрофо поднялся из каюты на палубу. Облокотившись на поручень, он наблюдал за тем, как Кугель бегал взад и вперед по спонсону, пытаясь заарканить тросом прихвостни непослушного червя.

Через некоторое время Дрофо определил причину затруднения и гнусаво посоветовал:

— Всегда поднимай приманку, прежде чем забрасывать аркан… Почему червь бесится, что случилось?

— Понятия не имею — он то ныряет, то встает на дыбы, то бросается в сторону, — угрюмо откликнулся Кугель.

— Чем ты его кормил?

— Как обычно — «Чалкорексом» пополам с «Лучшим кормом» Иллема.

— Попробуй давать ему меньше «Чалкорекса» завтра и послезавтра. Эта припухлость за глазным возвышением, как правило, свидетельствует о неправильной диете. Сколько приманки ты положил?

— Двойную порцию, согласно полученным указаниям. Кроме того, капитан приказал влить ему одну восьмую пинты возбудителя Хайдингера.

— Поэтому он и возбудился! Ты глупо злоупотребил приманкой и стимулятором.

— Я это сделал по указанию капитана!

— Такое оправдание хуже отсутствия всякого оправдания. Кто из вас червячник, ты или капитан Бонт? Ты знаешь своих червей, ты обязан обслуживать их так, как подсказывают опыт и здравый смысл. Если Бонт будет вмешиваться, попроси его спуститься на спонсон и порекомен-

довать тебе методы профилактики червячной чумы — ему больше не придет в голову распоряжаться червячниками… Сейчас же замени приманку и промой червя «Слабительной выжимкой» Благина.

— Как вам приспичит, ваше благородие, — процедил сквозь зубы Кугель.

Бросив критический взгляд на море и горизонт, Дрофо удалился к себе в каюту, а Кугель занялся впрыскиванием выжимки в хоботок червя.

Капитан Бонт приказал поднять парус, надеясь воспользоваться порывами ночного бриза. Через два часа после полуночи поднялся поперечный ветер — плещущий парус колотился об мачту, производя частые надоедливые звуки, разбудившие капитана. Бонт выскочил на палубу:

— Где вахта? Эй! Червячник! Да, я тебе говорю! Почему вокруг никого нет?

Взобравшись на борт с мостков, Кугель ответил:

— На палубе остался только дозорный — он храпит под фонарем.

— А ты? Почему не подтянул парус? Ты что, оглох?

— Нет, сэр. Я находился под водой, промывая червя «Слабительной выжимкой» Благина.

— Что же ты стоишь столбом? Возьмись за нок-гордень, навались хорошенько и привяжи конец ближе к корме, чтобы эти чертовы хлопки больше никому не мешали спать!

Кугель поспешил подчиниться; тем временем капитан Бонт подошел к правобортному поручню. То, что он увидел, вызвало у него новый приступ раздражения:

— Червячник, где приманка? Я же приказал спустить двойную порцию и залить в червя возбудитель!

— Так точно, сэр. Но промывать червя невозможно, пока он рвется к приманке.

— Зачем же ты его промываешь? Я не приказывал давать ему слабительное!

Кугель с достоинством выпрямился:

— Сэр, я промываю червя, потому что мой профессиональный опыт и здравый смысл свидетельствуют о необходимости такой процедуры!

Капитан Бонт выпучил глаза, всплеснул руками, развернулся на месте и вернулся в постель.

2. Лаусикая

Спускаясь по небосклону, Солнце заслонилось низкой грядой облаков — сумерки сгустились рано. В неподвижном воздухе плоская поверх-

ность океана напоминала глянцевую атласную ткань, точно отражавшую небо, — казалось, судно парит в пространстве, наполненном чудесным сиреневым сиянием. Только клинообразно расходившиеся носовые волны, переливавшиеся черной и сиреневой рябью, позволяли найти взглядом поверхность моря.

За час до захода Солнца на горизонте появилась тень острова Лаусикая, почти потерянная в лиловом сумраке.

С наступлением темноты на набережной Помподуроса зажглась дюжина мерцающих огней, отражавшихся золотистыми дорожками вдоль гавани и тем самым упрощавших навигацию — с точки зрения капитана Бонта.

Городская пристань выглядела как толстая черта, затушеванная чернее ночи и проведенная поперек отражений фонарей. Будучи в незнакомых водах и подходя к берегу в полной темноте, капитан предусмотрительно решил бросить якорь, а не пытаться пришвартоваться к причалу.

Стоя на квартердеке, Бонт приказал:

— Дрофо! Поднять приманку!

— Есть поднять приманку! — отозвался Дрофо и прокричал другим тоном: — Кугель! Убрать

приманку всех червей!

Кугель быстро поднял корзины, висевшие перед двумя левобортными червями, пробежал поперек палубы, спрыгнул на правобортный спонсон и убрал приманку последнего червя. «Галанте» все еще двигалась вперед, но едва-едва, подчиняясь ленивым всплескам прихвостней трех червей.

Послышался следующий приказ капитана:

— Дрофо, набросить шоры!

— Есть набросить шоры! — откликнулся Дрофо и повернулся к Кугелю: — Кугель, надеть наглазники на всех червей! Живо!

Кугель натянул наглазник на правобортного червя, но при этом упал в воду и не сразу добрался до левобортных тварей, в связи с чем капитан Бонт пожаловался:

— Дрофо! Кого вы там хороните? Судно вертится! Боцман! Приготовить якорь!

— Кугель, где левые шоры? — закричал Дрофо. — Не волочи ноги!

— Якорь готов, капитан!

Наконец шоры были надеты на всех червей; «Галанте» почти остановилась.

— Бросай якорь! — приказал Бонт.

— Якорь в воде! Дно в шести фатомах!

«Галанте» мирно покачивалась посреди гавани. Кугель ослабил пояса червей и скормил каждой твари ее рацион.

После ужина капитан Бонт собрал команду на средней палубе. Наполовину спустившись по сходням квартердека, он соблаговолил сказать несколько слов об острове Лаусикае и о Помподуросе:

— Каждый, кто уже побывал в этих местах, знает, почему я предупреждаю других. Короче говоря, некоторые обычаи островитян отличаются от общепринятых. Они могут показаться странными, причудливыми, смехотворными, постыдными, колоритными или похвальными — в зависимости от точки зрения. Как бы то ни было, мы должны принимать эти обычаи во внимание и соблюдать их, так как лаусикайцы не станут отдавать предпочтение нашим представлениям о приличиях.

Отметив вежливой улыбкой присутствие мадам Сольдинк и трех ее дочерей, капитан продолжал:

— Мои замечания относятся почти исключительно к находящимся на борту мужчинам, причем мне придется затронуть вопросы, которые обычно не обсуждаются в благовоспитанном

обществе, в связи с чем заранее прошу прощения у достопочтенных дам.

Сольдинк ворчливо прикрикнул:

— Кончайте бить себя в грудь, Бонт! Говорите! И команда, и пассажиры — в том числе мадам Сольдинк — знают, откуда ноги растут!

Моряки расхохотались; капитан Бонт подождал, пока уляжется веселье, после чего сказал:

— Очень хорошо! Взгляните на набережную: вы можете заметить, что под фонарем стоят трое мужчин. Лицо каждого из них закрыто чадрой. Для такой предосторожности есть основательная причина, а именно — несдержанный энтузиазм лаусикайских женщин. Они настолько легко возбуждаются, что мужчины не осмеливаются открывать лица, опасаясь подвергнуться бесконтрольным домогательствам. Женщины доходят до того, что карабкаются по стенам и заглядывают в окна мужского клуба, где представители сильного пола собираются, чтобы спокойно выпить пива, — и при этом иногда приподнимают чадру.

Слушая капитана, мадам Сольдинк и ее дочери нервно хихикали.

— Невероятно! — воскликнула супруга мастера Сольдинка. — И таким образом ведут себя пред-

ставительницы всех слоев общества?

— Все, поголовно!

Меадре смущенно спросила:

— Юноши предлагают девушкам вступить в брак, не открывая лица?

Капитан Бонт почесал в затылке:

— Насколько мне известно, делать такого рода предложения здесь никому не приходит в голову.

— Как можно растить и воспитывать детей в таких условиях? — удивилась мадам Сольдинк.

— По-видимому, обычаи Лаусикаи не оказывают практически никакого нежелательного влияния на детей, — ответил капитан. — Вплоть до десятилетнего возраста мальчики время от времени показываются с открытыми лицами, но даже в этом нежном возрасте их приходится защищать от настойчивых приставаний девочек. Но как только мальчику исполняется десять лет, он надевает чадру.

— Как это скучно — для девушек, я имею в виду! — вздохнула Салассера.

— И недостойно! — выразительно прибавила Табазинта. — Допустим, я замечу молодого человека привлекательной на первый взгляд наружности, побегу за ним, догоню его, повалю

на землю и сорву с него чадру, а потом окажется, что у него торчащие желтые зубы, нос огурцом и узкий лоб. Что дальше? Придется встать и уйти, чувствуя себя последней дурой.

— Ты могла бы просто извиниться и объяснить, что хотела спросить, как пройти на набережную, — предложила Меадре.

— Так или иначе, — продолжал капитан Бонт, — лаусикайские женщины выработали методы, позволяющие им поддерживать равновесие во взаимоотношениях полов следующим образом.

Островитяне мужского пола любят лакомиться жареными спралингами — это такие маленькие юркие рыбки-двухвостки. Рано утром они всплывают на поверхность прибрежных вод. Поэтому женщины встают до рассвета, заходят по пояс в море и ловят столько спралингов, сколько смогут, после чего возвращаются к себе в хижины.

Те, кому удалось собрать приличный улов, разводят огонь в очагах и вывешивают объявления типа «СВЕЖИЙ СПРАЛИНГ, С ПЫЛУ С ЖАРУ!» или «ХОТИТЕ ПОЛАКОМИТЬСЯ СПРАЛИНГОМ? ПРИГОТОВЛЮ ПО ВКУСУ!».

В свое время мужчины тоже просыпаются и бродят по городу. Нагуляв наконец аппетит, они останавливаются у тех хижин, где предлагается

самая привлекательная, на их взгляд, закуска. Нередко, если им нравится, как приготовлен спралинг (и если им по душе компания поварихи), они остаются в хижине до ужина.

Мадам Сольдинк фыркнула и что-то пробормотала дочерям — те только пожали плечами и покачали головами.

Сольдинк поднялся на две ступени сходен.

— Не пропускайте мимо ушей замечания капитана! Перед тем как выходить на берег, надевайте поверх обычной одежды что-нибудь вроде длинного халата или окутывающей все тело шали и каким-нибудь образом закрывайте лицо, чтобы не провоцировать неприличные и неприемлемые инциденты! Все понятно?

Капитан прибавил:

— Утром мы пришвартуемся у причала и займемся различными делами. Дрофо, предлагаю плодотворно воспользоваться этим перерывом. Обработайте своих животных целебными мазями, проследите за тем, чтобы у них не было никаких ссадин, царапин и язв. Ежедневно упражняйте их в гавани — от безделья у червей начинаются закупорки. Излечите их от любых инфекций и хорошенько прочистите им жабры. Время, проведенное в порту, ни в коем случае

нельзя терять — каждую минуту, днем и ночью, необходимо использовать максимально эффективно.

— Я тоже так считаю, — отозвался Дрофо. — Кугель получит соответствующие инструкции.

Сольдинк повысил голос:

— Еще несколько слов! Побег Сачковского, похитившего наружного правобортного червя, причинил бы нам множество неудобств, если бы Дрофо своевременно и предусмотрительно не принял меры. Предлагаю прокричать «Ура!» в честь достопочтенного Дрофо!

Дрофо ответил на признание своих заслуг сухим кивком, дал указания Кугелю, прошел на носовую палубу, облокотился на поручень и принялся задумчиво обозревать гавань.

Кугель работал до полуночи, обрабатывая червей резаками, шлифовальными напильниками и зачистным буром, после чего занялся втиранием мазей, предотвращавших образование коросты, спорогноя и тимпа. К тому времени Дрофо давно ушел с палубы, капитан Бонт тоже удалился на покой пораньше. Кугель потихоньку сложил инструменты и горшки, спустился в трюм и улегся на койку.

Не прошло и нескольких минут (по меньшей

мере так ему показалось), как его разбудил юнга Кодникс. Протирая глаза и позевывая, Кугель поднялся из трюма и обнаружил, что Солнце уже показалось над горизонтом, а капитан Бонт нетерпеливо расхаживал по палубе.

Заметив Кугеля, капитан резко остановился:

— Подумать только! Ты наконец оказал нам честь своим присутствием! Конечно же, мы можем подождать с делами и не швартоваться, пока не выспится такая важная персона! Ты готов, наконец, приступить к работе?

— Готов, капитан!

— Спасибо, Кугель, это очень любезно с твоей стороны! Дрофо! Вот ваш червячник, явился наконец!

— Я им займусь, капитан. Кугель, тебе нужно научиться быть под рукой, когда требуются твои услуги. Теперь пойди затяни червям пояса. Нам пора швартоваться. Держи шоры наготове и не пользуйся приманкой.

Капитан Бонт поднялся на квартердек, Дрофо бдительно наблюдал за процедурой на носу, а Кугель обслуживал червей, бегая по палубе с одного спонсона на другой и обратно. «Галанте» постепенно переместилась к причалу. Портовые рабочие в длинных черных халатах и высоких

шапках с закрывавшими лица чадрами поймали швартовы и привязали их к причальным тумбам. Кугель натянул на червей наглазники, ослабил их пояса и накормил каждую из тварей.

Капитан Бонт поручил Кугелю и юнге дежурить у трапа; все остальные, одевшись надлежащим образом и завесив лица вуалями, спустились на берег. Кугель тут же замотал лицо кушаком, оставив узкую щель для глаз, закутался в плащ и тоже сошел на берег; вскоре за ним последовал и юнга.

Давно, уже много лет тому назад, Кугель побывал в древнем городе Кайине в Асколаисе, к северу от Альмерии. Запущенное великолепие некоторых сооружений Помподуроса всколыхнуло в нем тревожные воспоминания о Кайине — главным образом этому способствовали руины разрушенных дворцов на склоне холма, ныне поросшие наперстянкой, каменицей и редкими карликовыми кипарисами, формой напоминавшими камыши.

Помподурос занимал засушливую впадину, окруженную низкими холмами. Его нынешние обитатели использовали замшелые камни развалин в своих целях: из них были сооружены городские хижины, здание мужского клуба, ку-

пол над рынком, две больницы — мужская и женская, одна скотобойня, две школы, четыре таверны, шесть храмов, несколько небольших мастерских и пивоварня. На центральной площади возвышались, отбрасывая резкие черные тени под бледными красноватыми лучами Солнца, двенадцать белых доломитовых статуй, теперь уже в той или иной стадии разрушения.

Улиц как таковых в Помподуросе практически не было: горожане — мужчины и женщины — ходили по своим делам из одного места в другое по открытым участкам и проездам, расчищенным среди развалин. Высокие и худощавые мужчины носили длинные халаты и шапки. Женщины наряжались в плетенные из стеблей дрока юбки, окрашенные в темно-зеленый, темно-красный, серый или серо-фиолетовый цвет, шали с бахромой из кисточек и украшенные бусинами чепчики, в каковые самые кокетливые из них вставляли плюмажи из перьев морских птиц.

Между развалинами Помподуроса время от времени перемещались небольшие наемные экипажи, запряженные приземистыми толстоногими существами — здесь их называли дроггерами. Пустующие коляски, ожидавшие пассажиров, выстроились вереницей перед муж-

ским клубом.

Бундервалю поручили сопровождать мадам Сольдинк и ее дочерей во время экскурсии по окрестностям Помподуроса; они наняли экипаж и отправились осматривать достопримечательности. Капитана Бонта и Сольдинка встретили и провели в мужской клуб несколько представителей местного правительства и деловых кругов.

Скрывая лицо под самодельной чадрой, Кугель тоже зашел в мужской клуб. Подойдя к стойке, он заказал оловянный кувшин пива и отнес его на стол в окруженном невысокими перегородками отделении, примыкавшем к другому такому же отделению, где Сольдинк, капитан Бонт и еще несколько человек пили пиво и обсуждали вопросы, относившиеся к плаванию «Галанте».

Прижимая ухо к перегородке и внимательно прислушиваясь, Кугель мог разобрать почти каждое слово высокопоставленных соседей.

— У этого пива исключительно необычный привкус, — говорил Сольдинк, — напоминающий смолу.

— Насколько я понимаю, его варят из дегтярной травы и других сходных ингредиентов, — заметил капитан Бонт. — Говорят, это питательный напиток, но он спускается по пищеводу в желу-

док как кошка, отчаянно цепляющаяся когтями… Ага! Вот и Дрофо!

Сольдинк чуть приподнял вуаль:

— Откуда вы знаете, что это Дрофо, если он завесил лицо?

— Его невозможно не узнать. Он носит желтые сапоги старшего червячника.

— Да, действительно. А кто его спутник?

— Подозреваю, что это его приятель по имени Пульк. Эй, Дрофо! Мы здесь!

Новоприбывшие присоединились к Сольдинку и капитану. Дрофо произнес:

— Позвольте представить вам червячника Пулька, о котором я уже упоминал. Я намекнул ему о наших затруднениях, и Пульк согласился рассмотреть возможность оказания нам необходимой помощи.

— Замечательно! — одобрил капитан Бонт. — Надеюсь, вы упомянули также о том, что нам нужен тягловый червь — предпочтительно из породы «волношлепов» или «магнахвостов»?

— Что скажете, Пульк?

Пульк неторопливо ответил:

— Думаю, червя с такими характеристиками мог бы предоставить мой племянник Фускуль — особенно в том случае, если его назначат чер-

вячником на борту «Галанте».

Помолчав, Сольдинк сказал:

— Тогда в составе команды окажутся три червячника, не считая Дрофо. Это нецелесообразно с практической точки зрения.

— Разумеется, — согласился Дрофо. — По степени незаменимости первым следует рассматривать меня, затем Пулька, после него — Фускуля, а затем уже… — Дрофо замолчал.

— Кугеля?

— Да, Кугеля.

— Вы имеете в виду, что нам следует бросить Кугеля на этом малоизвестном, безотрадном острове?

— Такова одна из возможностей.

— Но каким образом Кугель вернется на континент?

— Не сомневаюсь, что как-нибудь у него это получится.

— В конце концов, Лаусикая не хуже многих других мест, — вмешался Пульк. — Причем здесь превосходно готовят спралингов.

— А, спралинги! — заметно оживился Сольдинк. — Как попробовать этот деликатес?

— Нет ничего проще, — ответил Пульк. — Достаточно пройтись по женскому кварталу — вскоре

вы, несомненно, заметите объявление, которое придется вам по вкусу. Протяните руку, возьмите объявление и зайдите в хижину.

— Нужно будет постучаться? — осторожно спросил экспедитор.

— Не помешает. Привычка предварительно стучаться считается признаком благовоспитанности.

— Еще один вопрос. Как оценить характеристики хозяйки, прежде чем — если можно так выразиться — взять на себя обязательства?

— Существует несколько тактических приемов. Случайному посетителю — такому, как вы, — настоятельно рекомендуется прислушиваться к советам местных жителей, потому что, как только откроется дверь и вы зайдете внутрь, удалиться, соблюдая приличия, почти невозможно. Если хотите, я попрошу Фускуля вас проконсультировать.

— Конфиденциально, я надеюсь? Мадам Сольдинк не следовало бы знать о моей заинтересованности в лаусикайской кулинарии.

— Фускуль проявит полное понимание во всех отношениях.

— Вот еще что: мадам Сольдинк желает посетить Пафниссийские бани, о которых она

слышала много достойных внимания отзывов.

— Я не отказался бы лично сопровождать вашу супругу, — вежливо отозвался Пульк. — К сожалению, на протяжении нескольких ближайших дней я буду занят сверх головы. Опять же, Фускуль вполне мог бы справиться с этой задачей.

— Думаю, что такой план вполне устроит мадам Сольдинк. Что ж, Дрофо! Рискнем выпить еще по бокалу этого отдающего фенолом варева? По меньшей мере оно не разбавлено.

— Мне не по вкусу местное пиво.

— А вы, капитан?

Бонт тоже отказался:

— Теперь я должен вернуться на борт «Галанте» и уволить Кугеля — насколько я понимаю, вы приняли бесповоротное решение по этому вопросу? — Капитан поднялся на ноги и вышел из клуба; Дрофо последовал за ним.

Сольдинк налил себе пива из оловянного кувшина, пригубил его и скорчил гримасу:

— Этим зельем можно было бы пропитывать днище корабля, чтобы отпугивать древоточцев и прочих морских вредителей. Тем не менее ничего лучше здесь нет. — Опрокинув пиво в глотку, экспедитор со стуком поставил бокал на стол. — Пульк, зачем терять время зря — почему бы не

попробовать спралингов сейчас? Ваш племянник свободен?

— Скорее всего, он отдыхает или опять полирует червя. Так или иначе, он будет рад оказать вам помощь. — Пульк подозвал подростка-официанта. — Сбегай к Фускулю и попроси его сейчас же прийти сюда, чтобы встретиться с мастером Сольдинком. Объясни ему, что сообщение передал червячник Пульк и что дело носит самый срочный характер. А теперь, сударь, — Пульк поднялся на ноги, — о вас позаботится Фускуль — он скоро придет.

Кугель выскочил из-за стола, поспешил выйти из клуба и притаился в тени за углом. Появились и разошлись в разные стороны Пульк и мальчишка-официант. Кугель побежал за официантом и остановил его:

— Эй, подожди! Сольдинк передумал. Вот тебе флорин за труды.

— Спасибо, сударь! — Мальчишка повернул обратно к мужскому клубу. Но Кугель снова задержал его: — Тебе, конечно, известны обычаи женщин Помподуроса?

— Только понаслышке. Никто из них и не подумает подать мне спралингов. Честно говоря, их непристойные насмешки мне порядком на-

доели.

— Жаль! Но я не сомневаюсь, что твое время придет — нужно только подождать. Скажи, кого из всех известных тебе женщин считают самой ужасной и неприглядной стервой?

Подросток задумался:

— Трудно сказать — у нас таких хоть отбавляй. Крислена, может быть? Оттлейя? Терлулия? По всей справедливости, следует отдать предпочтение Терлулии. Поговаривают, что, когда она заходит в море ловить спралингов, морские птицы улетают на другую сторону острова. Она высокая и тучная, кожа на предплечьях у нее покрыта красными пятнами, и у нее длинные зубы. Она всеми командует и, судя по словам опытных людей, слишком многого требует за спралингов.

— И где живет это олицетворение очарования?

Мальчишка показал пальцем:

— Видите хижину с двумя окнами на склоне холма? Там она и живет.

— Теперь объясни — где найти Фускуля?

— Дальше по тому же проезду — на самом берегу, у бассейна с червями.

— Хорошо. Возьми еще один флорин. Когда вернешься в клуб, скажи мастеру Сольдинку, что Фускуль скоро придет.

— Как вам будет угодно, сударь.

Кугель поспешил со всех ног в указанном направлении и вскоре спустился к жилищу Фускуля, находившемуся на краю бассейна для червей, устроенного в прибрежной заводи и окруженного каменной оградой. За верстаком стоял и ремонтировал рукоятку шлифовального напильника Фускуль: высокий, исключительно тощий субъект, словно состоявший из одних коленей, локтей и длинных узких лодыжек.

Высокомерно напыжившись, Кугель приблизился к нему:

— Хм… Надо полагать, я имею дело с неким… хм… Фускулем?

— Что с того? — раздражительно откликнулся Фускуль, не отрывая глаз от напильника. — Кто вы такой и что вам нужно?

— Можете обращаться ко мне как к мастеру Сольдинку. Я — владелец судна «Галанте». Насколько мне известно, вас считают своего рода червячником.

Фускуль на мгновение поднял голову:

— Считайте меня кем угодно.

— Послушайте, любезнейший! Я не привык, чтобы со мной говорили таким тоном! Я уважаемый человек! И пришел сюда для того, чтобы

купить у вас червя, если вы согласитесь его продать.

Фускуль сложил инструменты и смерил Кугеля с головы до ног ледяным взглядом глаз, блестевших в прорези чадры.

— Конечно, я продам червя. Не сомневаюсь, что он вам совершенно необходим, иначе кто стал бы покупать червя на Лаусикае? Учитывая это обстоятельство, а также обходительность ваших манер, червь обойдется вам в пять тысяч терциев. Хотите — берите, не хотите — проваливайте!

Кугель хрипло закричал, воздев руки к небу:

— Только отъявленный разбойник посмел бы предъявлять такие требования! Я побывал во многих краях этого погибающего мира, но нигде и никогда не встречал столь непомерную алчность! Фускуль, вы — мошенник и мерзавец; кроме того, ваша внешность вызывает отвращение!

Чадра Фускуля всколыхнулась, свидетельствуя о хищной усмешке ее владельца.

— Оскорбления такого рода не помогут вам сбить цену.

— Это просто какая-то трагедия! Но мне придется смириться с неизбежностью, — капризно пожаловался Кугель.

Фускуль пожал плечами:

— Меня мало интересуют ваши рассуждения. Где деньги? Платите — все до последнего терция звонкой монетой! А потом забирайте червя, и дело с концом.

— Не торопитесь! — строго приказал Кугель. — Неужели вы думаете, что я ношу с собой такую сумму? Деньги нужно взять, они на борту «Галанте». Вы меня здесь подождете?

— Возвращайтесь поскорее! Впрочем, по правде говоря… — Фускуль сухо усмехнулся: — За пять тысяч терциев я готов ждать вас целый день.

Кугель взял один из лежавших на верстаке инструментов и небрежно швырнул его в бассейн. У изумленного Фускуля отвисла челюсть — он подбежал к краю бассейна, пытаясь определить, куда упал инструмент. Кугель шагнул к племяннику Пулька и столкнул его в воду, после чего, стоя там же, на краю бассейна, наблюдал, как Фускуль барахтался среди червей.

— Твоя наглость заслуживала наказания! — провозгласил Кугель. — Помни! Я — мастер Сольдинк, всеми уважаемый экспедитор! В свое время я вернусь с деньгами.

Длинными быстрыми шагами Кугель вернулся к мужскому клубу и подошел к столу, за которым ждал Сольдинк.

— Я — Фускуль! — хриплым басом заявил Кугель. — Насколько я понимаю, вам не терпится попробовать хорошо приготовленных спралингов?

— Верно! — пытаясь угадать выражение замотанного кушаком лица Кугеля, экспедитор по-товарищески подмигнул: — Но наше маленькое приключение должно остаться в тайне! Непременно!

— Разумеется! Я прекрасно вас понимаю.

Кугель и Сольдинк покинули клуб и остановились на площади. Сольдинк сказал:

— Должен признаться, я — человек в какой-то степени брезгливый. Можно сказать, даже в высшей степени брезгливый. Пульк похвалил вас как человека, проявляющего редкую разборчивость в вопросах такого рода.

Кугель многозначительно кивнул:

— Можно на полном основании утверждать, что я хорошо разбираюсь в том, где у меня левая нога, а где правая.

Сольдинк задумчиво произнес:

— Я хотел бы закусить в приятной компании — то есть очарование хозяйки имеет в данном случае большое значение. Она должна отличаться превосходной, даже изысканной внешностью

— ни тяжеловесная, ни чрезмерно исхудавшая женщина меня не устроит. У нее не должен выступать живот, у нее должны быть округлые упругие ягодицы, и я предпочел бы длинные изящные ноги, как у проворного пугливого создания. При этом она должна содержать себя в чистоте и не вонять рыбой, а если у нее поэтически восприимчивый характер и романтические наклонности, это стало бы дополнительным преимуществом.

— Кандидаток, удовлетворяющих вашим критериям, немного, — размышлял вслух Кугель. — В их числе можно было бы назвать Кислену, Оттлейю и в первую очередь Терлулию.

— В таком случае зачем мы теряем время? Отведите меня к хижине Терлулии — точнее, пожалуйста, отвезите. Я выпил столько смолистого пива, что едва держусь на ногах.

— Готов выполнить любые ваши пожелания. Можете положиться на меня целиком и полностью — или я не я, не Фускуль! — Кугель подозвал экипаж, помог Сольдинку взобраться на пассажирское сиденье и подошел к извозчику, чтобы посоветоваться: — Вам известно, где живет Терлулия?

Извозчик повернулся к нему с явным любопытством, но выражение его лица под чадрой трудно

было угадать.

— Разумеется, сударь.

— Тогда отвезите нас в какое-нибудь место неподалеку от ее хижины. — Кугель опустился на сиденье рядом с Сольдинком. Извозчик нажал на педаль, соединенную с рычагом, и хлыст на конце рычага нанес увесистый удар по крупу дроггера. Животное побежало трусцой по площади, причем извозчик управлял им с помощью рулевого колеса, вращение которого налево или направо натягивало соответствующие шнуры, продетые через длинные тонкие уши дроггера.

Пока они ехали, Сольдинк говорил о «Галанте» и о затруднениях, возникших во время плавания:

— У червячников вспыльчивый характер. Это обстоятельство наглядно продемонстрировал Сачковский, вскочивший на червя и уплывший на нем куда-то на север. У его коллеги, Кугеля, тоже раздражительный и непокорный нрав. Кугеля, конечно, придется оставить здесь, в Помподуросе, а вы, надеюсь, согласитесь занять его должность — особенно в том случае, если вы будете так любезны и продадите нам добротного червя за разумную цену, устраивающую нас обоих.

— Не вижу особых проблем, — басовито отклик-

нулся Кугель. — И какая цена вас устроила бы?

Сольдинк задумался — и, судя по всему, нахмурился под чадрой.

— В Саскервое за здорового червя подходящей породы дают семьсот или даже восемьсот терциев. Применив надлежащую скидку, можно сказать, что в данном случае я согласился бы проявить щедрость и заплатить шестьсот.

— На мой взгляд, ваша оценка в какой-то степени консервативна, — вежливо торговался Кугель. — Я предпочел бы получить как минимум на сотню больше.

Сольдинк запустил руку в поясную сумку и вынул из нее шесть золотых центумов.

— Боюсь, что не могу заплатить больше.

Кугель взял деньги.

— Ладно, червь ваш.

— Именно таким образом я люблю заключать сделки, — заметил Сольдинк. — Без лишних слов, не торгуясь слишком долго. Фускуль, вы сообразительный человек и умеете запросить высокую цену! Вас ожидает успешная карьера.

— Рад, что заслужил похвалу такого известного торговца! — откликнулся Кугель. — А вот и хижина Терлулии. Извозчик, будьте добры, высадите нас здесь!

Потянув на себя длинный рычаг, извозчик стянул хомуты, охватывавшие ноги дроггера, и животному пришлось остановиться.

Сольдинк спустился на мостовую и критически рассмотрел строение, на которое ему указал Кугель.

— Это хижина Терлулии?

— Именно так. Извольте заметить ее объявление.

Сольдинк с сомнением прочел надпись на табличке, закрепленной хозяйкой на двери.

— Нельзя сказать, что красные буквы, окруженные мигающими оранжевыми лампочками, производят впечатление скромного приглашения.

— Скромнице приходится притворяться — иначе на нее не обратят внимания, — возразил Кугель. — Теперь достаточно снять табличку с двери и зайти в хижину.

Сольдинк глубоко вздохнул:

— Так тому и быть! Не забудьте — даже не заикайтесь о моих подвигах в присутствии мадам Сольдинк! По сути дела, если она уже вернулась с Бундервалем на борт «Галанте», было бы неплохо именно сейчас познакомить ее с Пафниссийскими банями.

Кугель вежливо поклонился:

— Я тут же этим займусь. Извозчик, отвезите меня к причалу.

Экипаж развернулся, чтобы направиться к набережной. Оглянувшись через плечо, Кугель успел заметить, что Сольдинк взял табличку и подошел к двери хижины с двумя окнами. Дверь тут же распахнулась; Сольдинк оцепенел, его колени слегка подогнулись. Каким-то образом (каким именно, Кугель не имел возможности увидеть) Сольдинк был вынужден совершить прыжок вперед и скрылся внутри.

Пока экипаж спускался к набережной, Кугель обратился к извозчику:

— Расскажите мне кое-что о Пафниссийских банях. Правда ли, что купания в водах этого источника приносят ощутимую пользу?

— Мне приходилось слышать самые разные отзывы, — ответил водитель. — Легенда гласит, что Пафнис, богиня красоты и «гинодина столетия» — то есть владычица острова, — решила отдохнуть на вершине горы Дейн. Рядом она нашла родник и омыла в нем ноги, тем самым наделив воды источника магическим зарядом добродетели. Через некоторое время пандалекта Космеи основала в этом месте нимфариум и построила там роскош-

ную купальню-водолечебницу из зеленого стекла и перламутра. С тех пор стали распространяться слухи о чудесных исцелениях и омоложениях.

— И что там происходит теперь?

— Вода все еще течет из родника. Порой по ночам призрак Космеи бродит среди развалин. Время от времени там можно услышать тихое пение — не более чем отдаленный отголосок; судя по всему, это эхо, оставшееся с тех пор, когда вокруг родника распевали гимны нимфы.

— Если бы эти воды действительно отличались теми свойствами, которые им приписываются, — размышлял Кугель, — Крислена, Оттлейя и даже грозная Терлулия, надо полагать, воспользовались бы их магией. Почему они до сих пор этого не сделали, как вы считаете?

— По их словам, они хотят, чтобы мужчины Помподуроса любили их за духовные качества. Может быть, они просто упрямы, как необъезженные дроггеры, а может быть, уже пробовали купания, но воды источника не возымели никакого действия. Почему женщины делают или не делают те или иные вещи? Кто знает? Это великая тайна.

— А спралинги? Они действительно так аппетитны, как утверждается?

— Каждому нужно что-то есть.

Коляска выехала на площадь перед клубом, и здесь Кугель попросил извозчика задержаться.

— Какой из этих проездов ведет к Пафниссийским баням?

Водитель показал:

— Вот этот, что в гору. До родника восемь километров.

— Сколько вы возьмете за поездку к источнику?

— Как правило, я беру три терция, но с важных персон иногда удается содрать побольше.

— Что ж, Сольдинк потребовал, чтобы я сопровождал мадам Сольдинк до купален, причем она предпочитает больше никого с собой не брать, чтобы как можно меньше смущаться. Поэтому я хотел бы арендовать ваш экипаж за десять терциев — и прибавлю еще пять, чтобы вы могли выпить пива, ожидая нашего возвращения. Мастер Сольдинк вам заплатит, как только вернется из объятий Терлулии.

— Если он после этого сможет пошевелить пальцем, — проворчал извозчик. — Нет уж, плата вносится вперед и в полном размере.

— Хорошо, вот вам на пиво, — согласился Кугель. — Остаток потребуйте с Сольдинка.

— Так обычно не делается, но пусть будет по-вашему. По меньшей мере вас нужно научить управлению. Смотрите: эта педаль позволяет ускоряться. Этот рычаг останавливает дроггера. Рулевое колесо заставляет дроггера поворачивать туда, куда вы хотите повернуть. Если дроггер заупрямится и сядет на землю, водитель втыкает вот этот шип ему в мошонку — дроггер тут же вскакивает и бежит с удвоенной прытью.

— Все предельно ясно, — сказал Кугель. — Я верну коляску на стоянку перед мужским клубом.

Кугель подъехал на арендованном экипаже к причалу и остановился рядом с «Галанте». Мадам Сольдинк и ее дочери разлеглись в шезлонгах на квартердеке, наблюдая за горожанами, ходившими по набережной и по площади, и обменивались замечаниями по поводу увиденного.

— Мадам Сольдинк! — позвал Кугель. — Меня зовут Фускуль, мне поручено сопровождать вас в поездке к Пафниссийским баням. Вы готовы? Нам следует поспешить, так как дело идет к вечеру!

— Конечно, я готова. В экипаже хватит места для нас четверых?

— Боюсь, что нет. Дроггер не затащит такой груз в гору. Мы никак не сможем взять с собой ваших дочерей.

Мадам Сольдинк спустилась по трапу, и Кугель соскочил на землю.

— Фускуль? — пробормотала супруга экспедитора. — Где-то я уже слышала это имя, но никак не могу вспомнить, по какому поводу.

— Я — племянник червячника Пулька. Мастер Сольдинк купил моего червя; кроме того, я надеюсь, что меня назначат червячником в составе команды «Галанте».

— Тогда все понятно. Благодарю вас за то, что согласились сопровождать меня в этой экскурсии, это очень любезно с вашей стороны. Потребуется ли мне купальный костюм?

— В нем не будет необходимости. В банях предусмотрены купальные кабинки, защищенные от посторонних взоров, а любая одежда препятствует воздействию целебных вод.

— Хорошо, это очень удобно.

Кугель помог супруге Сольдинка подняться в экипаж, после чего залез на козлы и нажал на педаль акселератора. Экипаж покатился по площади.

Кугель направил дроггера по дороге, ведущей в горы. Помподурос остался позади, и скоро город заслонили скалистые холмы. Густые поросли черной осоки, тянувшиеся по обеим сторонам,

испускали резковатый аромат, не оставлявший сомнений в том, что именно это растение островитяне использовали в процессе приготовления местного пива.

Наконец дорога повернула на небольшой пустынный луг. Кугель остановил коляску, чтобы дроггер мог передохнуть. Мадам Сольдинк капризно спросила:

— Мы прибыли к источнику? Где же храм, в котором устроены купальни?

— Осталось проехать еще некоторое расстояние, — отозвался Кугель.

— Неужели? Фускуль, вам следовало предоставить мне более удобный экипаж. Эта колымага трясется и прыгает — я чувствую себя так, будто меня целый час тащили в мешке по камням. Кроме того, меня ничто не защищает от пыли — по возвращении мне снова придется мыться.

Повернувшись к ней на козлах, Кугель строго произнес:

— Мадам Сольдинк! Будьте добры, прекратите пустую болтовню: ваши жалобы действуют мне на нервы! По сути дела, я могу выразиться откровенно, как подобает бывалому червячнику. При всех своих несомненных достоинствах вы избалованы чрезмерной роскошью и, конечно же,

позволяете себе слишком много есть. Вы живете в изнеженном сне! А в том, что касается экипажа, могу сказать только одно: довольствуйтесь теми удобствами, которые вам предлагают до поры до времени: когда подъем станет крутым, вам придется идти пешком.

Мадам Сольдинк молча уставилась на проводника — она потеряла дар речи.

— Кроме того, здесь, на этой лужайке, я обычно взимаю плату за проезд, — продолжал Кугель. — Сколько денег вы потрудились взять с собой?

Мадам Сольдинк нашла в себе силы прервать молчание и произнесла самым ледяным тоном:

— Не сомневаюсь, что с оплатой можно подождать до возвращения в Помподурос. Мастер Сольдинк справедливо оценит ваши заслуги в надлежащее время.

— Предпочитаю немедленную оплату полновесными терциями ожиданию гипотетической справедливости. Здесь я могу взять с вас столько, сколько захочу. В Помподуросе мне пришлось бы иметь дело со знаменитой скупостью вашего супруга.

— Поистине бессердечный подход!

— Мой подход согласуется с законами классической логики, которым нас обучали в школе

червячников. С вас причитается как минимум сорок пять терциев.

— Это неслыханно! У меня нет с собой таких денег!

— В таком случае будьте добры передать мне брошь с опалом, которую вы носите на плече.

— Ни в коем случае! Это дорогостоящая драгоценность! Вот восемнадцать терциев — все, что есть у меня в кошельке. А теперь сейчас же отвезите меня в бани и постарайтесь воздержаться от дальнейших дерзостей.

— Мы только что познакомились — этим, по-видимому, объясняется тот факт, что вы неправильно понимаете характер наших взаимоотношений, мадам Сольдинк. Я намерен выполнять обязанности червячника на борту «Галанте» — невзирая на любые неудобства, которые это причинит некоему Кугелю. Он может прозябать на Лаусикае до конца своих дней — какое мне дело? В любом случае вам придется постоянно общаться со мной на всем протяжении дальнейшего плавания, и если вы проявите достаточную любезность, я отвечу на нее такой же любезностью. В частности, вы можете представить и порекомендовать меня своим дочерям.

И снова мадам Сольдинк не могла найти слов.

Наконец она буркнула:

— Отвезите меня в бани!

— Пора ехать дальше, — согласился Кугель. — Подозреваю, что дроггер, если бы мы могли с ним посоветоваться, заявил бы, что уже затратил достаточно усилий, — учитывая, что нам заплатили всего лишь восемнадцать терциев. У нас на Лаусикае не часто возят разжиревших, грузных иностранок.

Мадам Сольдинк твердо решила взять себя в руки и сухо обронила:

— Ваши замечания, Фускуль, просто невероятны!

— Не утруждайте себя бесполезной болтовней: когда дроггер устанет, вам понадобится вся оставшаяся энергия.

Мадам Сольдинк промолчала.

Склон холма действительно становился круче; дорога поднималась зигзагами, пока не перевалила через гребень возвышенности, после чего спустилась в прогалину, затененную желтовато-зелеными кронами имбирно-ягодных деревьев, среди которых по-королевски выделялся одинокий высокий ланселад с блестящим темно-красным стволом и перистой черной листвой.

Кугель остановил коляску на берегу ручья, журчавшего вдоль прогалины.

— Вот мы и приехали, мадам Сольдинк. Купайтесь в ручье — а я посмотрю, приведет ли это к каким-нибудь результатам.

Мадам Сольдинк рассматривала ручей безо всякого энтузиазма.

— Но здесь нет никаких купален! И где, спрашивается, храм? Где упавшая статуя, о которой мне столько говорили? Где беседка Космеи?

— Собственно бани находятся выше в горах, — лениво отозвался Кугель. — В этом ручье течет та же вода, что поступает из Пафниссийского родника. Так или иначе, все эти воды одинаково бесполезны — особенно в тех случаях, когда имеют место необратимые дряхлость и ожирение.

Лицо мадам Сольдинк побагровело:

— Мы немедленно возвращаемся в город! Мастер Сольдинк позаботится о том, чтобы мои купания были организованы надлежащим образом.

— Как вам угодно. Но свои чаевые я хотел бы получить здесь и сейчас.

— За чаевыми обращайтесь к мастеру Сольдинку. Уверена, что он выскажет вам свои замечания по этому поводу.

Кугель развернул экипаж и направил дроггера вниз по дороге, ограничившись только одним замечанием:

— Женщины! Никогда их не понимал!

На обратном пути мадам Сольдинк сидела как безмолвная статуя; через некоторое время коляска снова прокатилась по Помподуросу и остановилась на набережной перед «Галанте». Мадам Сольдинк выскочила из экипажа и, не удостоив Кугеля взглядом, поднялась по трапу на палубу.

Кугель вернул коляску на стоянку перед мужским клубом, после чего зашел в клуб и устроился в малозаметном угловом отделении. Там он закрепил на тулье шляпы платок так, чтобы он свободно свисал перед лицом наподобие вуали; теперь его никак нельзя было принять за самозваного Фускуля, лицо которого было замотано кушаком.

Прошел час. Капитан Бонт и старший червячник Дрофо, покончив с различными делами, прошлись по площади и остановились, разговаривая, у входа в мужской клуб, где через некоторое время к ним присоединился Пульк.

— А где Сольдинк? — спросил Пульк. — Он еще не успел наесться спралингов до отказа?

— Да, ему пора было бы вернуться, — почесал в затылке капитан. — Вряд ли с ним могло что-нибудь случиться, как вы считаете?

— Только не в надежных руках Фускуля! — заверил его Пульк. — Надо полагать, они обсуждают покупку червя у бассейна.

Капитан Бонт указал на фигуру, спускавшуюся по проезду:

— Вот он, Сольдинк! Нет, с ним что-то случилось — он едва волочит ноги!

Наклонившись вперед и приглядываясь к мостовой, прежде чем сделать каждый следующий шаг, Сольдинк медленно обогнул площадь, держась поближе к стенам окружавших ее зданий, и в конце концов присоединился к собравшимся у входа в клуб. Капитан Бонт сделал пару шагов ему навстречу:

— Вам нехорошо? Что произошло?

Сольдинк произнес, глухо и напряженно:

— Мне пришлось пережить ужасные вещи.

— Как так? В чем дело? По меньшей мере вы живы!

— Едва жив. Последние несколько часов будут преследовать меня в кошмарах до конца моей жизни. И во всем виноват — во всех отношениях — Фускуль! Дьявольски извращенный мерзавец!

Я купил его червя — по меньшей мере с этим я не прогадал. Дрофо, подгоните червя к судну — мы немедленно поднимаем якорь и покидаем эту вонючую дыру!

Пульк осторожно спросил:

— Но Фускуль все еще займет должность червячника?

— Ха! — рявкнул Сольдинк. — Ноги его не будет на борту «Галанте»! В этой должности останется Кугель.

Заметив Сольдинка, когда он еще проходил по площади, его супруга больше не могла сдерживать гнев. Она спустилась на причал и направилась к мужскому клубу. Как только она подошла достаточно близко, чтобы экспедитор мог ее слышать, она закричала:

— Явился наконец! Где ты пропадал, пока я подвергалась неслыханным издевательствам и оскорблениям этого садиста Фускуля?! Как только он взойдет на палубу, я покину наше судно! По сравнению с Фускулем Кугель — ангел небесный! Кугель должен остаться нашим червячником!

— Дорогая моя, я придерживаюсь точно такого же мнения.

Пульк попытался вставить несколько примирительных слов:

— Не могу поверить, чтобы Фускуль вел себя неподобающим образом! Несомненно, тут какая-то ошибка, возникло какое-то недоразумение…

— Недоразумение?! Он потребовал сорок пять терциев за проезд и получил восемнадцать только потому, что у меня больше не было никаких денег. Он требовал, чтобы я отдала ему драгоценный опал, после чего облил меня такой словесной грязью, какую я даже вспоминать не хочу! При этом он похвалялся (можете ли вы себе такое представить?), что будет червячником на борту «Галанте»! Этого никогда не будет, даже если мне самой придется дежурить у трапа, чтобы его не пускать!

Капитан Бонт сказал:

— По этому поводу уже принято безоговорочное решение. Судя по всему, Фускуль просто рехнулся!

— Хуже, чем рехнулся! Невероятные претензии этого подонка выходят за рамки любых представлений! И все же, пока я с ним говорил, у меня все время было такое ощущение, что где-то, когда-то — в прошлой жизни или в каком-то кошмаре — я уже его видел!

— Наш мозг порой играет в странные игры, — заметил капитан Бонт. — Мне не терпится встре-

титься с этим достопримечательным субъектом.

— Вот он идет, вместе с Дрофо! — воскликнул Пульк. — Теперь по меньшей мере он предложит нам какое-то объяснение и, возможно, принесет надлежащие извинения.

— Не хочу никаких извинений! — закричала мадам Сольдинк. — Хочу, чтобы меня увезли с этого проклятого острова, больше ничего! — Развернувшись на каблуках, она решительно пересекла площадь и взошла на борт «Галанте».

Фускуль приблизился ко входу в клуб бодрой пружинистой походкой — Дрофо отставал от него на пару шагов. Остановившись, Фускуль приподнял чадру и подверг собравшихся пристальному осмотру.

— Кто из вас Сольдинк?

С трудом сдерживая ярость, экспедитор холодно ответил:

— Ты прекрасно знаешь, кто из нас Сольдинк! И я тебя прекрасно знаю, мошенник и мерзавец! Не буду высказываться по поводу вульгарной шутки, которую ты со мной сыграл — а также по поводу твоего непростительного обращения с мадам Сольдинк. Предпочитаю завершить нашу сделку исключительно на формальной основе. Дрофо, почему нового червя еще не пристегнули

к спонсону «Галанте»?

— Я отвечу на этот вопрос! — сказал Фускуль. — Дрофо получит червя, когда вы заплатите пять тысяч терциев — плюс одиннадцать терциев за мой двояковыпуклый скребок для зачистки прихвостней, который вы позволили себе выбросить в бассейн, а также еще двадцать терциев за неспровоцированное хулиганское нападение! Таким образом, вы должны мне пять тысяч тридцать один терций. Потрудитесь рассчитаться, не сходя с места.

Смешавшись с группой других посетителей пивной, Кугель вышел на площадь и наблюдал со стороны за разгоравшимся скандалом.

Сольдинк сделал два угрожающих шага и встал лицом к лицу с Фускулем:

— Ты с ума сошел? Ты уже получил от меня наличными справедливую цену за червя! Сколько можно уклоняться, врать и фантазировать? Сейчас же передай червя Дрофо — или нам придется принять решительные неотложные меры!

— Не говоря уже о том, что тебя теперь ни в коем случае не назначат червячником на борту «Галанте», — прибавил капитан Бонт. — Так что доставь червя, и мы покончим с этим делом.

— Ха! — страстно воскликнул Фускуль. — Те-

перь вы не получите моего червя ни за пять, ни за десять тысяч! А по поводу других задолженностей… — Быстро шагнув вперед, Фускуль огрел Сольдинка кулаком в висок. — Это тебе за скребок! — Он тут же нанес еще один удар. — А это за все остальное!

Сольдинк рванул к противнику, чтобы дать сдачи; капитан Бонт попытался вмешаться, но Пульк неправильно истолковал его намерения и с силой оттолкнул капитана — тот свалился на мостовую.

Положить конец этой сваре удалось Дрофо, втиснувшемуся между сжимающими кулаки драчунами. Разведя руки, старший червячник призвал присутствующих к сдержанности:

— Успокойтесь, успокойтесь! Необходимо хорошенько подумать о странностях возникшей ситуации. Фускуль, вы утверждаете, что Сольдинк предложил вам за червя пять тысяч терциев, после чего выбросил ваш скребок в бассейн?

— Да, утверждаю! — яростно выкрикнул Фускуль.

— Подумайте! Возможно ли это? Сольдинк известен своей скупостью! Он никогда не предложил бы пять тысяч за червя, которому красная цена две тысячи! Как вы объясняете этот парадокс?

— Я червячник, а не психолог, распутывающий причины неврозов, — проворчал Фускуль. — Тем не менее... Действительно, насколько я помню, человек, называвший себя Сольдинком, был на голову выше этого пузатого головастика. Кроме того, на нем была необычная шляпа с тремя складками тульи, и он ходил, слегка подгибая колени.

Сольдинк возбужденно вмешался:

— Это описание в точности соответствует внешности субъекта, рекомендовавшего мне кулинарные услуги Терлулии! Он ходил крадучись и представился Фускулем.

— Ага! — воскликнул Пульк. — Тайное становится явным! Давайте-ка зайдем в клуб и обсудим положение вещей за кувшином свежего черного пива!

— Удачная мысль — но в данный момент излишняя, — сказал Дрофо. — Я уже знаю, кто притворялся Фускулем и устроил всю эту кутерьму.

— Я тоже догадался, — буркнул капитан Бонт.

Сольдинк раздраженно переводил взгляд с лица на лицо:

— Значит, я — тупица? Кто этот мерзавец?

— Разве могут быть какие-то сомнения? — под-

нял брови Дрофо. — Нас водил за нос Кугель.

Сольдинк моргнул, после чего хлопнул себя ладонью по лбу:

— Единственный возможный вывод!

Пульк вежливо упрекнул его:

— Теперь, когда личность мошенника установлена, вам, похоже, следовало бы извиниться перед Фускулем.

Ушибы, нанесенные Фускулем, все еще не стерлись из памяти экспедитора.

— Не стану приносить никаких извинений, пока он не вернет мне шестьсот терциев, полученных за червя. Кроме того, не забывайте, что он предъявил мне ложное обвинение в пропаже скребка! Извиняться должен он, а не я!

— Вы все еще не разобрались, в чем дело, — настаивал Пульк. — Шестьсот терциев вы уплатили Кугелю, а не Фускулю.

— Возможно. Однако деньги пропали. Вся эта история нуждается в тщательном расследовании.

Капитан Бонт оглядывался по сторонам.

— Совсем недавно мне показалось, что я заметил Кугеля… Нет, он успел куда-то скрыться.

На самом деле, как только Кугель понял, куда дует ветер, он поспешил подняться на борт «Га-

ланте». Мадам Сольдинк прошла к себе в каюту и там посвящала дочерей в подробности скандала. На палубе никого не было — никто не мешал Кугелю распоряжаться судном. Он сбросил трап на причал, отдал швартовы, сорвал шоры с глазных выростов червей и подвесил перед их хоботками корзины, наполненные тройными порциями приманки, после чего подбежал к штурвалу и круто повернул его.

Сольдинк продолжал волноваться у входа в мужской клуб:

— Я с самого начала ему не доверял! Но кто мог себе представить такую низость?

Суперкарго Бундерваль согласился с владельцем судна:

— Кугель хорошо умеет притворяться, но в конечном счете, по сути дела, он мошенник.

— Его придется вызвать, подвергнуть допросу и наказать по заслугам, — сказал капитан Бонт. — Неприятная обязанность.

— Не такая уж неприятная, — пробормотал Фускуль.

— Он имеет право высказать аргументы в свою защиту, таков морской закон. Чем скорее это случится, тем лучше. В этом отношении здешний мужской клуб ничем не хуже, чем любое другое

помещение.

— Прежде всего его нужно найти, — напомнил Сольдинк. — Хотел бы я знать, где спрятался этот негодяй? Дрофо! Поднимитесь с Пульком на борт «Галанте». Фускуль, посмотрите, не остался ли он в пивной. Ничего ему не объясняйте — постарайтесь не спугнуть его. Просто скажите, что я хотел бы задать ему несколько вопросов… Да, Дрофо? Почему вы все еще здесь?

Дрофо указал на море и произнес, как всегда, задумчиво-мрачноватым тоном:

— Смотрите сами, сударь…

3. Океан Вздохов

В темном зеркале моря горело точное отражение красного утреннего Солнца.

Черви, влекомые половинным рационом приманки, едва шевелились, и «Галанте» еле скользила по воде — бесшумно, как во сне.

Утром этого дня Кугель проспал несколько дольше обычного — в кровати, мягкостью которой раньше наслаждался Сольдинк.

Команда «Галанте» тихо и эффективно выполняла свои обязанности.

Кто-то постучал в дверь и тем самым прервал сонное блаженство Кугеля. Потянувшись и зев-

нув, Кугель мелодично позвал:

— Войдите!

Дверь открылась; в каюту зашла Табазинта — младшая и, возможно, самая привлекательная из дочерей мадам Сольдинк (хотя, если бы от Кугеля потребовали высказать его суждение, он упорно защищал бы особые достоинства каждой из них).

Природа наградила Табазинту пышной грудью и небольшими упругими ягодицами, оставив ей при этом тонкую гибкую талию; девушка приветствовала мир округлым лицом, украшенным копной темных кудрей и розовыми губами, обычно слегка поджатыми, как если бы она сдерживала улыбку. Она принесла поднос и поставила его на столик у кровати, после чего, бросив скромный взгляд через плечо, собралась уходить.

Но Кугель остановил ее:

— Табазинта, дорогуша! Сегодня прекрасная погода — я позавтракаю на квартердеке. Кроме того, передай мадам Сольдинк, что она может зафиксировать штурвал — ее смена закончилась.

— Как вам будет угодно, сударь. — Табазинта взяла поднос и вышла из каюты.

Кугель поднялся с кровати, освежил лицо надушенным лосьоном, прополоскал рот раствором

одного из отборных бальзамов Сольдинка, после чего завернулся в легкий длинный халат из бледно-голубого шелка и прислушался… Раздались шаги мадам Сольдинк, спускавшейся по сходням. Глядя в иллюминатор, обращенный к носовой палубе, Кугель пронаблюдал за тем, как супруга экспедитора промаршировала в каюту, которую прежде занимал старший червячник Дрофо. Как только она скрылась из вида, Кугель вышел на среднюю палубу. Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув прохладный утренний воздух, он взобрался на квартердек.

Перед тем как сесть за стол, чтобы позавтракать, Кугель подошел к ютовому поручню, чтобы оценить состояние моря и продвижение судна. От горизонта до горизонта распростерлись гладкие воды — в них ничего не было видно, кроме отражения Солнца. Кильватерная струя выглядела достаточно прямой (что свидетельствовало о совершенствовании навыков мадам Сольдинк), а коготь эскалабры указывал на юг.

Кугель одобрительно кивнул. Вероятно, мадам Сольдинк могла бы достаточно хорошо справляться с обязанностями рулевого. Навыки червячника, однако, не поддавались ее разумению, причем ее дочери тоже не проявляли особой

наклонности к этому призванию.

Кугель уселся за стол. Одну за другой он приподнимал крышки блюд и заглядывал под них. Ему подали компот из приправленных пряностями фруктов, паштет из вареной печени морских птиц, кашу из дриста с изюмом, маринованные луковицы лилий и маленькие черные фрикадельки из грибков с гарниром из разноцветных макарон — вполне приличный завтрак, в стиле приготовления которого угадывалась умелая рука Меадре, старшей и самой прилежной из дочерей супруги экспедитора. В тот единственный раз, когда поварские обязанности были поручены самой мадам Сольдинк, она умудрилась изобрести нечто настолько неаппетитное, что Кугель больше не назначал ее в камбуз.

Кугель ел не торопясь. Между ним и миром установилась наиприятнейшая гармония — эту интерлюдию следовало продлевать и ценить, ею нужно было наслаждаться в полной мере. С тем, чтобы подчеркнуть такую редкую возможность, Кугель приподнял исключительно изящную, хрупкую чайную чашку и пригубил полупрозрачный нектар, заваренный из самой изысканной смеси душистых трав, которая принадлежала Сольдинку.

— Все в порядке! — вздохнув, произнес Кугель. С прошлым было покончено, а будущее могло исчезнуть завтра, если не взойдет Солнце. Настоящее же оставалось настоящим, и с этим драгоценным мигом следовало обращаться чутко и бережно.

— Все в полном порядке! — повторил Кугель.

И все же… Кугель тревожно оглянулся через плечо. В том, чтобы наслаждаться преимуществами быстротечной власти, не было ничего предосудительного — тем не менее, достигнув вершины, остается только спускаться, не правда ли?

Даже теперь, без какой-либо осознанной причины, Кугель ощущал в воздухе зловещее напряжение, инстинктивно угадывая, что в чем-то, каким-то образом ему угрожала опасность.

Вскочив на ноги, Кугель наклонился над левобортным поручнем. Черви, привлеченные половинными порциями приманки, работали с прохладцей, не прилагая особых усилий. Ничто не указывало на какое-либо нарушение заведенного распорядка. Правобортный червь вел себя таким же образом. Кугель медленно вернулся к накрытому столу.

Напрягая все свои мыслительные способности,

Кугель пытался понять, что вызывало у него такое беспокойство? Он плыл на надежном судне, еды и питья было достаточно; мадам Сольдинк и ее дочери, очевидно, примирились с неизбежностью выполнения новых обязанностей, и Кугель мог поздравить себя с предусмотрительным, благожелательным и в то же время строгим управлением женской командой.

На протяжении нескольких часов после отплытия из Помподуроса мадам Сольдинк часто разражалась приступами ярости, каковые Кугель решил в конце концов пресечь — хотя бы для того, чтобы на борту поддерживалось какое-то подобие дисциплины.

— Мадам! — сказал Кугель. — Ваши истерические возгласы нарушают покой всех окружающих. Они должны прекратиться.

— Поработитель! Злобное чудовище! Лахарк, кеак![2]

— Если вы не успокоитесь, я прикажу запереть вас в трюме, — ответил Кугель.

— Еще чего! — фыркнула мадам Сольдинк. — Кто станет выполнять твои приказы?

---

[2] Notes: 2

Лахарки — коварные и жестокие хищники, обитающие в тундре к северу от Саскервоя. Кеак — кошмарная помесь демона и глубоководного клыкастого угря. (*Прим. авт.*)

— Если потребуется, я это сделаю сам! На борту необходима дисциплина. Отныне я капитан этого судна и поэтому отдаю приказы. Мой первый приказ: придержите язык! Во-вторых, соберите всю команду на средней палубе: я собираюсь обратиться к вам с речью.

Мадам Сольдинк и ее дочери неохотно выстроились в указанном Кугелем месте. Кугель поднялся на среднюю ступень сходен:

— Уважаемые дамы! Буду очень благодарен, если вы внимательно прислушаетесь к моим словам. — Переводя взгляд с одного лица на другое, Кугель улыбнулся: — Вот и хорошо! Я понимаю, что сегодняшние события не совсем устраивают ни вас, ни меня. Что случилось, однако, то случилось, и нам придется приспосабливаться к обстоятельствам. В этом отношении я хотел бы вам кое-что посоветовать.

Прежде всего должен напомнить, что в любом плавании действуют морские законы, согласно которым приказы капитана должны выполняться быстро и беспрекословно. Каждому будет поручена доля необходимой работы. Я уже взял на себя функции управления. От вас, моей команды, ожидается добровольное усердное сотрудничество; если вы оправдаете мои ожидания, вы убедитесь

в том, что я могу быть снисходительным, понимающим и даже ласковым руководителем.

Мадам Сольдинк резко выкрикнула:

— Можешь идти ко всем чертям со своей снисходительностью! Отвези нас назад в Помподурос!

Ее старшая дочь, Меадре, печально произнесла:

— Помолчи, мама! Смотри в лицо действительности! Кугель не желает возвращаться в Помподурос — лучше всего было бы узнать, куда он на самом деле намерен плыть.

— Я предоставлю интересующие вас сведения, — сказал Кугель. — Пункт назначения — порт Валь-Омбрио на побережье Альмерии, это довольно далеко на юге.

— Ты шутишь! — потрясенно воскликнула мадам Сольдинк. — Южные воды полны смертельных опасностей! Это общеизвестно!

Кугель холодно ответил:

— Мадам, настоятельно рекомендую вам довериться суждению такого человека, как я, а не пустой болтовне саскервойских домохозяек.

Салассера посоветовала матери:

— Кугель в любом случае будет делать все, что захочет, какой смысл ему возражать? Он от этого только разозлится.

— Правильно! — поддержал ее Кугель. — А теперь о работе, которая потребуется на борту. Каждой из вас придется стать, следуя моим указаниям, опытной червячницей. Так как времени у нас предостаточно, черви будут получать лишь половинную порцию приманки — это упростит дело для всех заинтересованных лиц. Кроме того, хотя с нами нет корабельного кока, Ангшотта, у нас есть более чем достаточный запас провизии, и в этом отношении я не вижу никаких причин себя ограничивать. Призываю вас максимально использовать и развивать свои кулинарные способности.

Сегодня я подготовлю предварительное расписание выполнения ваших обязанностей. Днем я сам буду нести вахту и наблюдать за тем, чтобы на борту все делалось по правилам. Возможно, следует упомянуть о том, что от мадам Сольдинк, учитывая ее почтенный возраст и высокое общественное положение, не потребуются услуги «ночной стюардессы». В том, что относится…

Мадам Сольдинк сделала быстрый шаг вперед:

— Постой-ка, не спеши! В чем будут заключаться обязанности «ночной стюардессы», хотела бы я знать? И почему моя квалификация не соответствует этой должности?

Кугель обратил взор к морскому горизонту.

— Обязанности «ночной стюардессы» более или менее самоочевидны. Ей предоставляется каюта на корме, где она следит за тем, чтобы удовлетворялись все потребности капитана. Это престижная должность — и, по всей справедливости, ее будут занимать по очереди Меадре, Салассера и Табазинта.

И снова мадам Сольдинк разволновалась:

— Этого я и боялась! Я, Кугель, буду твоей «ночной стюардессой»! И не пытайся меня разубедить!

— Все это очень замечательно, мадам, но ваши услуги потребуются у штурвала.

— Послушай, мама! — вмешалась Меадре. — Мы не такие хрупкие и беспомощные создания, как ты себе представляешь.

Табазинта рассмеялась:

— Мама, особого расположения заслуживаешь ты, а не мы. С Кугелем мы как-нибудь справимся.

— Пусть решения принимает Кугель, — сказала Салассера. — В конце концов, он взял на себя всю ответственность.

Кугель произнес:

— Предлагаю закончить на этом наше обсуждение. А теперь я должен (в первый и в последний

раз!) упомянуть об обстоятельстве довольно-таки неприятного характера. Допустим, что кто-либо на борту «Галанте» — назовем эту персону Зитой, в честь богини всего непредсказуемого и непознаваемого, — решит исключить Кугеля из числа живущих в этом бренном мире. У нее было бы несколько возможностей для осуществления своего замысла: она могла бы отравить его пищу, разрезать ему глотку ножом или нанести ему удар по затылку и сбросить в море.

Благовоспитанные особы вряд ли станут замышлять подобные злодеяния. Тем не менее я разработал план, позволяющий полностью предотвратить такое развитие событий. В глубине носового трюма я установлю разрушительное устройство, используя значительное количество взрывчатки, свечу и фитиль. Каждый день я буду открывать замок неприступной, окованной чугуном двери и заменять свечу. Если я этого не сделаю, свеча расплавится и подожжет фитиль. Взрыв пробьет брешь в корпусе судна, и «Галанте» камнем пойдет ко дну. Мадам Сольдинк, вы чем-то расстроены? Вы хорошо поняли то, что я сказал?

— Слишком хорошо!

— В таком случае позвольте мне закончить

выступление. Мадам Сольдинк, вы можете встать за штурвал — я продемонстрирую вам основные принципы рулевого управления. Девушки, сначала приготовьте на всех обед, а потом мы займемся благоустройством различных кают.

У штурвала мадам Сольдинк продолжала предупреждать об опасностях южных морей:

— Там полно кровожадных пиратов! Там водятся морские чудовища: синие кодорфины, трифвиды, двенадцатиметровые глубоководные призраки! Бури налетают со всех сторон и швыряют корабли, как щепки!

— И как же выживают кровожадные пираты, будучи окружены такими опасностями?

— Кому какое дело, как выживают пираты? Любой нормальный человек горячо надеется на то, что все они утонут!

Кугель рассмеялся:

— Ваши страхи противоречат фактам! Мы везем товары, предназначенные для Юкоуну, в связи с чем они должны быть доставлены в Валь-Омбрио на берегу Альмерии.

— Это ты не имеешь никакого представления о фактах! Товары доставляются в Порт-Пердусс, а там наши торговые агенты организуют их дальнейшую перевозку. Нам следует плыть в

Порт-Пердусс.

Кугель снова рассмеялся:

— Вы меня за дурака принимаете? Как только «Галанте» причалит в Порт-Пердуссе, вы станете вопить, призывая на помощь портовых вороловов. Повторяю: мы плывем на юг. — Кугель пошел обедать, предоставив мадам Сольдинк возможность мрачно разглядывать эскалабру.

Утром следующего дня Кугель впервые почувствовал, что в окружающем его корабельном существовании что-то не так. Но все его попытки определить, в чем именно состояло упущение, несоответствие или иное нарушение правильного распорядка, ни к чему не приводили. Судно функционировало нормально — хотя черви, следовавшие за половинной приманкой, выглядели несколько утомленными, словно ночью им пришлось долго и усердно работать. Кугель взял это обстоятельство на заметку: червям следовало ввести тонизирующее средство.

Сгущение высоких облаков на западном небосклоне предвещало сильный ветер — попутный ветер помог бы червям отдохнуть и набраться сил… Кугель недоуменно нахмурился. Дрофо научил его разбираться в изменениях цветовых оттенков, текстуры и прозрачности моря. Теперь

возникало впечатление, что окружавший судно океан был таким же, как вчера.

— Смехотворно! — сказал себе Кугель; ему не следовало распускать воображение.

Вечером Кугель, глядя с кормы, заметил небольшой пузатый баркас, явно пытавшийся догнать «Галанте». Изучая баркас в подзорную трубу, Кугель сумел различить четырех плещущих прихвостнями тягловых червей мелковатой породы; черви эти недостаточно эффективно справлялись со своей задачей. Разглядывая палубу баркаса, Кугель распознал — настолько, насколько мог об этом судить на таком расстоянии — силуэты Сольдинка, капитана Бонта, Пулька и нескольких других знакомых ему личностей, а на носу виднелась высокая задумчивая фигура человека, смотревшего в горизонт, — несомненно, червячника Дрофо.

Солнце еще не зашло, но темнота должна была наступить часа через два. Не проявляя никаких внешних признаков тревоги, Кугель приказал спустить перед всеми червями корзины с двойной приманкой и влить каждому червю одну восьмую пинты «Тоника» Рауза. «Галанте» быстро удалилась от преследовавшего ее баркаса.

Мадам Сольдинк с любопытством наблюдала

за происходящим и наконец спросила:

— Чей это был корабль?

— Судя по всему, это торговцы с острова Жмей, — ответил Кугель. — Сомнительный народец, во всех отношениях. В дальнейшем постарайтесь держаться от них подальше.

Супруга экспедитора промолчала, а Кугель задумался над новой загадкой: каким образом Сольдинку удалось так скоро приблизиться к «Галанте» на тихоходном баркасе?

Когда сгустились сумерки, Кугель изменил курс, и превратившийся в точку баркас скрылся за горизонтом. Обращаясь к мадам Сольдинк, Кугель сказал:

— Они плывут в другом направлении и к утру будут километрах в двадцати от нас. — Он уже направился к себе в каюту, но заметил краем глаза луч света и обернулся: на корме горел чугунный фонарь.

Громко выругавшись, Кугель подбежал к фонарю и потушил его, после чего гневно повернулся к мадам Сольдинк:

— Почему вы зажгли фонарь и ничего мне об этом не сказали?

Мадам Сольдинк безразлично пожала плечами:

— Во-первых, ты об этом не спрашивал.

— А во-вторых?

— Во-вторых, на кораблях ночью зажигают фонари. Так поступают все осторожные моряки.

— На борту «Галанте» не должны гореть никакие фонари, если я не отдам особое распоряжение.

— Как тебе будет угодно.

Кугель постучал пальцем по эскалабре:

— Держите нынешний курс в течение часа, после чего снова поверните на юг.

— Глупость! Трагическое безумие!

Кугель спустился на среднюю палубу и стоял, облокотившись на поручень, пока тихий перезвон серебряных колокольчиков не оповестил его о том, что подали ужин: стол с белой скатертью накрыли в кормовой каюте.

Блюда вполне соответствовали ожиданиям Кугеля, о чем он сообщил Табазинте, на чью долю сегодня выпали обязанности «ночной стюардессы».

— В подливку к рыбе, пожалуй, положили слишком много укропа, — заметил он, — а десертное вино, «Бледное Монтрачио», следовало бы выдерживать в погребе еще не меньше года. Тем не менее, в общем и целом, я не нахожу, к чему

придраться, о чем ты можешь сообщить тем, кто работал в кухне.

— Сейчас? — скромно спросила Табазинта.

— Нет, не обязательно, — ответил Кугель. — Это можно сделать и завтра.

— Завтра так завтра — торопиться некуда.

— Вот именно. Сейчас нам нужно обсудить другие вещи. Но прежде всего… — Кугель выглянул в обращенный к корме иллюминатор. — Я этого ожидал! Подлая карга снова зажгла фонарь на юте! Никак не могу понять — что она задумала? Какой смысл разжигать яркий огонь на корме? Мы же не плывем кормой вперед!

— Наверное, она хочет предупредить другое судно, чтобы оно не столкнулось с нами в темноте. В последнее время они следовали за нами по пятам.

— Вероятность столкновения очень мала. Я не хочу привлекать внимание; наоборот, я хочу, чтобы нас не замечали.

— Все идет хорошо, Кугель. Тебе незачем беспокоиться, — Табазинта подошла и положила руки ему на плечи. — Тебе нравится моя прическа? Я опрыскала волосы особыми духами, они называются «Танженс» — в честь сказочной красавицы.

— Согласен, твои волосы обворожительно аро-

матны — замечательные духи! Но мне нужно подняться на ют и сделать выговор твоей матери.

Гримасничая и улыбаясь, Табазинта пыталась удержать его:

— Ах, Кугель! Как я могу доверять твоим комплиментам, если ты бежишь от меня впопыхах при первой возможности? Останься — и мы увидим, как ты меня ценишь! Пусть несчастная старуха стоит у штурвала.

Кугель уклонился от объятий.

— Сдерживай любвеобильность до поры до времени, роскошная куколка! Я скоро вернусь и отдам должное твоим прелестям — вот увидишь!

Кугель выбежал из каюты и поднялся на квартердек. Его опасения оправдались: фонарь ослепительно пылал. Не остановившись, чтобы выругать мадам Сольдинк, он не только потушил фонарь, но вынул из него оправу из ступенчатых линз, контактные язычки и сердечник из люминекса и выбросил эти компоненты в море.

Только после этого Кугель обратился к мадам Сольдинк:

— Мое долготерпение истощилось. Если на борту этого судна зажгутся еще какие-нибудь огни,

вам придется иметь дело с очень неприятными последствиями.

Мадам Сольдинк высокомерно промолчала. Проверив напоследок показания эскалабры, Кугель вернулся к себе в каюту. Выпив еще несколько бокалов вина и проведя несколько часов в развлечениях с Табазинтой, он крепко заснул — и этой ночью больше не возвращался на квартердек.

Разбуженный лучами утреннего Солнца, Кугель сел в постели, часто моргая, — и снова его охватило странное ощущение какой-то неправильности в окружающей обстановке, часто беспокоившее его в последнее время. Он поднялся на квартердек, где у штурвала стояла Салассера. Кугель взглянул на эскалабру: коготь указывал прямо на юг.

Вернувшись на среднюю палубу, Кугель осмотрел червей; те лениво пошлепывали по воде прихвостнями, не слишком возбужденные половинными порциями приманки. Судя по всему, черви были здоровы, хотя казались слегка утомленными, а на спине левобортной твари появились первые признаки тимпа.

«Сегодня девушкам придется вымокнуть на спонсонах», — подумал Кугель. Впрочем, отрабо-

тавшую смену «ночную стюардессу» можно было освободить от обслуживания червей.

Прошли еще два дня; Кугель проводил время в счастливой праздности, жадно наслаждаясь свежим морским воздухом, превосходной кухней и щедрой благосклонностью «ночных стюардесс». Единственным источником тревоги оставалось навязчивое, необъяснимое ощущение какого-то нарушения во времени и пространстве — хотя теперь он решил игнорировать наваждение так, как если бы его преследовали приступы дежавю.

Тем утром, когда Табазинта подала ему завтрак на квартердеке, Кугелю пришлось прервать приятную дегустацию блюд — он заметил неподалеку рыбацкое суденышко. Дальше, на юго-западе, виднелись смутные очертания острова, показавшиеся Кугелю настолько знакомыми, что он застыл в полном замешательстве. Опять дежавю?

Взявшись за штурвал, Кугель заставил «Галанте» приблизиться к рыбацкой лодке — с нее забрасывали сети один пожилой человек и два подростка. Проплывая рядом, Кугель перегнулся через поручень и громко обратился к рыбакам:

— Эй, на палубе! Что это за остров — там, вдали?

Рыбак взглянул на Кугеля так, словно сомневался в его умственных способностях.

— Лаусикая — как вам должно быть известно. Они там все чокнутые — на вашем месте я бы держался от них подальше.

Лаусикая? У Кугеля отвисла челюсть. Как это может быть? Неужели он стал жертвой магического сглаза?

Недоумевая, Кугель подошел к эскалабре: судя по ее показаниям, «Галанте» шла правильным курсом. Невероятно! Он отплыл из Помподуроса на юг, а теперь возвращался с севера! Теперь ему следовало срочно изменить курс — иначе он потерпит крушение у берегов того острова, откуда сбежал!

Кугель повернул судно на восток, и тень Лаусикаи пропала за горизонтом. После этого он снова направил судно на юг.

Стоявшая рядом мадам Сольдинк с отвращением поджала губы:

— Снова на юг? Разве я не предупреждала о подстерегающих там опасностях?

— Держите курс на юг! Не отклоняясь ни на йоту ни на восток, ни на запад! Мы плывем на юг, ясно? Север должен оставаться за кормой, а прямо по курсу должен быть юг!

— Безумие! — пробормотала мадам Сольдинк.

— Безумие? Для вас — может быть. Но не для меня, я в своем уме! Нельзя не признать, что во время нашего плавания у меня возникали странные ощущения. В частности, я никак не могу объяснить тот факт, что мы снова приблизились к Лаусикае, причем с севера. Возникает впечатление, что все это время мы плыли по кругу!

— Волшебник Юкоуну сглазил «Галанте», чтобы его чешуйки остались в сохранности. Таково самое разумное объяснение происходящему — и еще одна основательная причина для того, чтобы направиться в Порт-Пердусс.

— Об этом не может быть и речи! — отрезал Кугель. — Я спущусь в каюту и подумаю. Сообщайте мне о любых необычных обстоятельствах.

— Поднимается ветер, — заметила мадам Сольдинк. — Возможно, начнется буря.

Кугель подошел к поручню: действительно, на северо-западе глянцевую черную поверхность моря возмутили хвосты грозового ливня.

— Ветер поможет червям передохнуть, — заключил Кугель. — Не могу себе представить, почему они так обленились! Дрофо утверждал бы, что они слишком долго и тяжело работали, но я-то знаю, что это не так!

Поспешив на среднюю палубу, Кугель отдал гитовы, спустил голубой шелковый парус и подтянул шкотовые углы. Парус надулся бризом — за бортом послышалось журчание струй.

Поставив удобное кресло так, чтобы можно было сидеть, положив ноги на бортовой поручень, Кугель устроился в нем с бутылью «Янтарной Розпаньолы» под рукой и принялся наблюдать за тем, как Меадре и Табазинта обрабатывают жабры внутреннего левобортного червя, у которого наблюдались первичные признаки коросты.

Дело шло к вечеру, и Кугель задремал, убаюканный ласковой килевой качкой. Когда он проснулся, серые хвосты дождя уже рассеялись; дул прохладный ветерок — «Галанте» рассекала морскую рябь, вдоль бортов расходились носовые волны, за кормой кипела кильватерная струя.

Салассера, дежурная «ночная стюардесса», подала чай в серебряном кувшине и несколько небольших пирожных, каковые Кугель поглотил в необычно рассеянном настроении.

Поднявшись из кресла, Кугель направился к штурвалу. Мадам Сольдинк тоже была не в духе.

— Ветер ничему не помогает, — заявила она. — Лучше убрать парус.

Кугель отверг ее рекомендацию:

— Ветер пока что достаточно попутный, и черви могут отдохнуть.

— Червям отдыхать не надо! — отрезала мадам Сольдинк. — А пока мы идем под парусами, я не могу направлять судно, куда нужно.

Кугель ткнул пальцем в эскалабру:

— Держите курс на юг — туда, куда указывает эскалабра! И не отклоняйтесь от курса!

Супруге экспедитора больше нечего было сказать, и Кугель спустился с квартердека.

Начинался закат. Кугель встал под носовым фонарем «Галанте» и, как это любил делать Дрофо, задумчиво смотрел в морскую даль. Сегодня западный небосклон представлял собой драматическую картину: разорванные полоски перистых облаков озарились пунцовым сиянием на фоне темно-синего неба. Прикоснувшись к горизонту, Солнце решило повременить, словно не желая покинуть этот мир и оставить его в темноте. Багровеющий шар дряхлого светила окружила мрачноватая сине-зеленая корона — Кугель никогда раньше не замечал подобного явления. Казалось, на поверхности Солнца пульсировал лиловый кровоподтек, напоминавший вяло сокращающегося полипа: предзнаменование? Кугель уже повернулся было, чтобы уйти, но

задержался, пораженный внезапной мыслью, и взглянул наверх, на фонарь. Стеклянная оправа из ступенчатых линз, контактные язычки и сердечник из люминекса, удаленные Кугелем из фонаря на корме, здесь тоже отсутствовали.

«Изобретательные умы работают на борту “Галанте”! — подумал Кугель. — Тем не менее им приходится иметь дело со мной, а меня не зря прозвали Пройдохой Кугелем».

Кугель оставался на носу еще несколько минут. Мадам Сольдинк и три ее дочери собрались на квартердеке, пили чай и краем глаза наблюдали за Кугелем. Кугель прислонился плечом к стойке фонаря, тем самым образуя изящный силуэт на фоне заката. Высокие облачка теперь приобрели оттенок подсыхающей крови; судя по тому, как их разбросало по небу, следовало ожидать, что поднимется ветер. Возможно, было бы предусмотрительно взять парус на рифы.

Закатные лучи погасли. Кугель размышлял о странностях своего плавания. «Галанте» спешила на юг под парусом целый день, а на следующее утро они проснулись севернее того пункта, откуда отправились в путь — загадка носила явно неестественный характер… Какое разумное объяснение, помимо магического вмешательства,

можно было предложить? Завихрение течения? Эскалабра указывала направление, противоположное курсу судна?

Одна гипотеза сменяла другую в воображении Кугеля, и каждая была невероятнее прежней. Одно особенно нелепое предположение вызвало у него невольную усмешку, и он уже собирался отвергнуть его вслед за другими, более вероятными догадками… Кугель резко выпрямился и вернулся к рассмотрению этой абсурдной идеи — так как, вопреки всему, в данном случае теория точно соответствовала всем фактическим обстоятельствам.

За исключением одного важнейшего аспекта.

Саботаж основывался на том допущении, что Кугель располагал недостаточными умственными способностями. Кугель снова усмехнулся, на этот раз слегка раздраженно, — и после этого усмехаться перестал.

Тайны и парадоксы плавания «Галанте» становились предельно ясными. Врожденной галантностью Кугеля и его склонностью соблюдать правила хорошего тона явно злоупотребили, а его доверчивость использовали против него. Но теперь правила игры изменятся!

Перезвон серебряных колокольчиков опове-

стил его о том, что ужин подан. Кугель задержался еще на мгновение, чтобы обозреть горизонт. Бриз крепчал — мелкие волны часто разбивались о раздвоенный тупой нос «Галанте».

Кугель медленно перешел на корму и взобрался на квартердек, где мадам Сольдинк только что сменила свою дочь у штурвала. Кугель приветствовал ее сухим кивком, каковой она предпочла не заметить. Кугель присмотрелся к эскалабре: коготь указывал на юг. Подойдя к ютовому ограждению, Кугель как бы между прочим взглянул на фонарь. Стеклянных линз в оправе фонаря не было, но это еще ни о чем не говорило. Обратившись к мадам Сольдинк, Кугель сказал:

— Благодаря попутному ветру черви смогут отдохнуть.

— Все может быть.

— Держите курс точно на юг!

Мадам Сольдинк не соблаговолила ответить. Кугель спустился в каюту и занялся ужином, во всех отношениях удовлетворявшим его критическим требованиям. Блюда подавала очередная «ночная стюардесса», Салассера, которую Кугель находил не менее очаровательной, чем ее сестер. Сегодня вечером она причесала волосы в стиле «спансианских корибантов»; на ней было простое

белое платье, опоясанное в талии золотистым шнурком, — наряд, выгодно подчеркивавший ее стройную фигуру. Из трех дочерей Сольдинка именно Салассера, судя по всему, отличалась особой сообразительностью; она нередко удивляла Кугеля оригинальностью и проницательностью наблюдений.

Салассера подала Кугелю десерт: торт с пятью начинками разного вкуса. Пока Кугель наслаждался этим деликатесом, Салассера стала снимать с него башмаки.

Кугель передвинул ноги под стол.

— Сегодня я бы хотел остаться обутым на некоторое время.

Салассера удивленно подняла брови. Как правило, Кугель готов был приступить к постельным удовольствиям сразу после поглощения десерта.

Но сегодня вечером Кугель оставил на тарелке недоеденный торт. Вскочив на ноги, он выбежал из каюты, поднялся на квартердек и поймал мадам Сольдинк с поличным: та вставляла светящийся сердечник в оправу фонаря.

— Насколько я помню, я строго запретил вам это делать! — гневно произнес Кугель. Игнорируя возмущенные восклицания нарушительницы, Кугель удалил из фонаря функциональные ком-

поненты и выбросил их в ночное море.

Спустившись к себе в каюту, Кугель сказал:

— Вот теперь ты можешь снять мои башмаки.

Через час Кугель вскочил с кровати и завернулся в халат. Салассера приподнялась на коленях:

— Куда ты идешь? Я только что придумала что-то новое.

— Скоро вернусь.

На квартердеке Кугель снова застал мадам Сольдинк врасплох: она зажгла несколько свечей и установила их в оправе фонаря. Кугель схватил свечи и выбросил их за борт.

Мадам Сольдинк протестовала:

— Что ты делаешь? Мне нужен свет, чтобы правильно рулить!

— Подсветки эскалабры вполне достаточно! Предупреждаю вас в последний раз!

Проворчав что-то себе под нос, супруга экспедитора сгорбилась за штурвалом. Кугель снова вернулся в каюту.

— Теперь посмотрим, что ты придумала! Подозреваю, однако, что по прошествии двадцати эонов в этом отношении трудно изобрести что-нибудь, о чем я еще не слышал.

— Вполне возможно, — с обворожительной простотой откликнулась Салассера. — Но разве

это соображение нас остановит?

— Разумеется, нет, — улыбнулся Кугель.

Они испробовали новаторское предложение Салассеры; затем Кугель порекомендовал вариант, также оказавшийся успешным, после чего опять вскочил на ноги и собрался выбежать из каюты, но Салассера поймала его и привлекла обратно в постель.

— Ты не находишь себе места, как пронырливый тонквиль! Что тебя все время беспокоит?

— Поднимается ветер! Слышишь, как плещется парус? Нужно взглянуть, что там происходит.

— Зачем себя утруждать? — не унималась Салассера. — Мама за всем присмотрит.

— Если она начнет убирать парус, ей придется оставить штурвал. И кто следит за червями?

— Черви отдыхают… Кугель! Куда ты?

Кугель уже выбежал на среднюю палубу, чтобы взять на гитовы парус, яростно хлеставший шкотами под порывами встречного ветра. Взойдя на квартердек, он обнаружил, что мадам Сольдинк, отчаявшись в своей способности справиться с управлением, покинула пост рулевого и спустилась в каюту.

Кугель проверил показания эскалабры. Коготь указывал в северном направлении; судно ныря-

ло, рыскало и постепенно перемещалось кормой вперед. Кугель круто повернул штурвал; парус сразу наполнился ветром, хлопнув так громко, что Кугель испугался — не порвались ли шкоты? Раздраженные резкими толчками, черви выпрыгивали из воды, с шумом обрушиваясь на волны, снова ныряли и снова выпрыгивали, пока не разорвались их пояса; освободившись, черви уплыли в море.

— Все наверх! — громко приказал Кугель. Никто не отреагировал. Кугель зафиксировал штурвал и, действуя в полной темноте, взял парус на гитовы; при этом хлещущие шкоты нанесли ему несколько болезненных ударов.

Теперь «Галанте» неслась по волнам прямо по ветру, в восточном направлении. Кугель отправился искать команду и обнаружил, что все они заперлись в каютах, а на приказы немедленно открыть дверь отвечали молчанием.

Кугель пинал крепко сколоченные двери, но в результате только ушиб ногу. Хромая, он вернулся на среднюю палубу и постарался по возможности надежно закрепить все на борту.

Ветер выл в снастях; судно начинало поворачивать, выходя из ветра. Кугель снова побежал вперед, выкрикивая приказы. Отозвалась только

мадам Сольдинк:

— Пойди прочь, оставь нас в покое! У нас морская болезнь!

Кугель снова пнул дверь ее каюты, после чего, хромая еще сильнее, добрался до штурвала; прилагая немалые усилия, ему удалось заставить «Галанте» снова идти по ветру.

Всю ночь Кугель стоял у штурвала; штормовой ветер скулил и повизгивал, волны вздымались все выше, иногда разбиваясь о транец взрывом белой пены. Однажды, когда ударила такая волна, Кугель обернулся через плечо и заметил мерцание отраженного света.

Свет? Откуда?

Источником могли быть иллюминаторы кормовой кабины. Кугель не оставлял там никаких горящих светильников — то есть их зажег кто-то другой в нарушение его строжайшего запрета.

Кугель не смел отойти от штурвала, чтобы погасить светильники… «Не так уж это важно», — успокаивал он себя. Сегодня ночью, в бурю, можно было зажечь над океаном настоящий маяк — и никто бы его не увидел.

Проходили часы; порывы ураганного ветра несли «Галанте» на восток. Кугель стоял у штурвала как прикованный. Ожидание рассвета казалось

ему невероятно долгим, но все-таки небо зарделось тускло-лиловатым румянцем. Наконец взошло Солнце, открыв взору бескрайнюю череду катящихся черных валов с белыми гребешками пены.

Ветер угомонился. Кугель убедился в том, что теперь судно могло плыть правильным курсом без его вмешательства. Кугель болезненно распрямился, расправив руки, сжимая и разжимая онемевшие пальцы. Спустившись к себе в каюту, он обнаружил, что кто-то действительно установил два светильника в обращенном к корме иллюминаторе.

Кугель погасил лампы, снял халат из бледно-голубого шелка и надел свой обычный костюм. Напялив на голову трехъярусную шляпу с пряжкой, украшенной брызгосветом, он поправил ее слегка набекрень, чтобы произвести наилучшее впечатление, и решительно вышел на палубу. Мадам Сольдинк и ее дочери уже сидели за столом в камбузе и завтракали пирожными с чаем. Никто из них не проявлял никаких признаков морской болезни — по сути дела, они выглядели хорошо отдохнувшими и невозмутимыми.

Повернув голову, мадам Сольдинк смерила Кугеля взглядом с головы до ног:

— Зачем ты пришел, что тебе нужно?

Кугель вежливо ответил ледяным тоном:

— Мадам, да будет вам известно, что я догадался обо всех ваших планах.

— Неужели? Обо всех вообще?

— О тех, которые имеют для меня значение. И они не делают чести вашей репутации.

— О каких планах ты догадался? Будь так любезен, поясни.

— Как вам будет угодно, — чуть поклонился Кугель. — Должен признать, что ваш замысел в какой-то мере изобретателен. Мы плыли на юг при свете дня, но медленно — вы просили, чтобы червям спускали половинную приманку, так как им нужно было отдохнуть. Ночью же, когда я спал, вы направляли судно на север.

— Точнее, на северо-восток.

Кугель отмахнулся от несущественной поправки.

— Затем, когда червям ввели тонизирующий состав и предложили двойную приманку, вы пытались рулить таким образом, чтобы «Галанте» оставалась в районе Лаусикаи. Но я вас на этом поймал.

Мадам Сольдинк презрительно усмехнулась:

— Нам надоело это плавание — мы возвраща-

лись в Саскервой.

На какое-то мгновение Кугель был ошарашен. Дерзость заговора превзошла его ожидания. Однако он скрыл растерянность и беззаботно продолжал:

— Какая разница? Я с самого начала чувствовал, что мы оставались в прежних водах, что вызывало у меня недоумение — до тех пор, пока я не заметил, в каком плачевном состоянии находились черви, и тогда все стало ясно. Тем не менее я терпел ваш саботаж, ваши мелодраматические усилия меня забавляли! Тем временем я наслаждался заслуженным отдыхом и превосходной кухней…

— Я, Табазинта и Салассера — все мы плевали в каждое блюдо! — резко вмешалась Меадре. — Мама иногда тоже заходила в камбуз — не знаю, что она там делала.

Кугелю стоило больших усилий сдержаться и сохранить апломб.

— Ночью меня развлекали и тешили от души, и по этому поводу по меньшей мере у меня нет никаких претензий.

— Не воображай, что нам это нравилось, — вставила Салассера. — Пока ты пыхтел и лапал нас холодными руками, мы изнывали от скуки.

— Я от природы снисходительна, — прибавила Табазинта, — но, по правде говоря, твои постельные способности совершенно неудовлетворительны. Кроме того, тебе следовало бы избавиться от привычки присвистывать сквозь зубы.

Меадре начала хихикать:

— Кугель наивно гордится своими новшествами, хотя я слышала, как маленькие дети обменивались гораздо более любопытными предположениями.

— Ваши замечания бесполезны в том, что касается целей нашей дискуссии, — натянуто отозвался Кугель. — Уверяю вас, что в дальнейшем…

— В каком таком «дальнейшем»? — спросила мадам Сольдинк. — Ничего «дальнейшего» не будет. Твоим дурачествам приходит конец.

— Плавание продолжается, — высокомерно возразил Кугель. — Пользуясь умеренным попутным ветром, мы снова направимся на юг.

Мадам Сольдинк громко рассмеялась:

— Это не просто ветер. Это муссон. Его направление меняется каждые три месяца. Когда я решила, что плыть в Саскервой непрактично, я направила «Галанте» туда, где муссон отнесет нас

в эстуарий Большого Чейнга. Все в порядке — мастер Сольдинк и капитан Бонт об этом знают, я им просигналила. Они будут потихоньку следовать за нами, пока мы не причалим в Порт-Пердуссе.

Кугель тоже весело рассмеялся:

— Очень жаль, мадам, что столь хитроумный замысел ни к чему не приведет. — Церемонно поклонившись, он удалился из камбуза.

Кугель тут же отправился в хранилище судовых документов на корме и проконсультировался с папкой навигационных карт. Эстуарий Большого Чейнга вдавался глубоко в континент — вверх по течению реки находились так называемые степи Рухнувшей Стены. К северу от устья в океан выступал тупоконечный полуостров Гадор-Порада — судя по всему, почти необитаемый, хотя на его побережье значился поселок Таствольд. К югу от Чейнга находился еще один полуостров, Драконов Перешеек, в отличие от Гадор-Порады — узкий и длинный. Драконов Перешеек тянулся в море на значительное расстояние и заканчивался россыпью скал, рифов и небольших островков, Драконовых Клыков. Кугель внимательно изучил карту, после чего захлопнул папку с судьбоносным стуком. «Так тому и быть! — сказал он себе. — Доколе? Доколе буду я утешаться

несбыточными надеждами и обманчивыми снами? Тем не менее все будет хорошо… Посмотрим, как у нас идут дела».

Кугель взошел на квартердек. На горизонте нельзя было не заметить точку, при рассмотрении в подзорную трубу оказавшуюся тем самым пузатым маленьким баркасом, от которого «Галанте» ускользнула несколько дней тому назад. Даже в отсутствие червей, применяя удачные тактические приемы, он мог с легкостью обогнать столь неуклюжее суденышко!

Кугель подвязал шкоты, круто повернув парус к правому борту, после чего взбежал на квартердек и крутанул штурвал так, чтобы судно развернулось левым галсом и направилось примерно на север.

На баркасе заметили его маневр и тоже повернули, чтобы перерезать путь и вынудить плыть к эстуарию, но Кугель не дал себя запугать и держал курс на север.

Справа уже виднелся низкий берег Гадор-Порады; слева грузно переваливался по волнам пузатый баркас.

Приложив к глазу подзорную трубу, Кугель различил на носу баркаса долговязую фигуру Дрофо, сопровождавшего знакомыми жестами приказ

спустить червям тройную приманку.

Мадам Сольдинк и ее дочери вышли из камбуза и неотрывно смотрели на баркас, причем супруга экспедитора начала кричать на Кугеля, приказывая ему прекратить сопротивление, но ее вопли относило в сторону ветром.

Корпус «Галанте» не был приспособлен к плаванию под парусом — судно сильно сносило в подветренную сторону. Для того чтобы плыть как можно быстрее, Кугель уступил ветру и повернул на несколько румбов к востоку, в связи с чем судно стало приближаться к низкому берегу полуострова. Тем временем баркас неуклонно стремился наперерез. Кугель отчаянно рванул штурвал, надеясь сделать неожиданный крутой поворот фордевинд, который привел бы в замешательство команду баркаса, не говоря уже о мадам Сольдинк. Пытаясь достигнуть максимального эффекта, он спрыгнул на палубу и подвязал шкоты, но прежде чем успел вернуться к штурвалу, судно снова понеслось по ветру.

Опять поспешив на квартердек, Кугель схватился за штурвал, стараясь повернуть судно так, чтобы ветер дул с правого борта. Когда Кугель взглянул на близкое побережье полуострова Гадор-Порада, перед ним открылось любопытное

зрелище: стайка длинноногих морских птиц, казалось, вышагивала по поверхности воды. Кугель изумленно уставился на них; тем временем птицы бродили туда-сюда, то и дело опуская головы, чтобы подобрать с поверхности что-то съедобное.

«Галанте» замедлилась и мягко остановилась. Кугель понял, что судно застряло на грязевых отмелях Таствольда.

Недаром птицы ходили по воде аки посуху!

Меньше чем в полукилометре от «Галанте», в еще достаточно глубоких водах, бросил якорь пузатый баркас. Мадам Сольдинк и ее дочери возбужденно размахивали руками. Кугель не стал терять время и не попрощался с ними. Спустившись на спонсон, он спрыгнул в грязь и, барахтаясь, стал пробираться к берегу.

Глубокий, вязкий, отвратительно пахнущий ил затруднял продвижение. Из него поднялся толстый ребристый стебель с шарообразным глазом на конце, пристально наблюдавший за Кугелем; два раза на Кугеля нападали клешневые ящерицы — ему едва удалось их обогнать.

Наконец Кугель выкарабкался на берег. Поднявшись на ноги, он увидел, что находившиеся на баркасе преследователи уже взошли на борт

«Галанте». В одной из фигур Кугель распознал Сольдинка: экспедитор указывал рукой на Кугеля и грозил ему кулаком. В тот же момент Кугель вспомнил, что оставил в каюте все приобретенные им деньги — в том числе шесть золотых центумов, полученных от Сольдинка за червя Фускуля.

Мысль об этой потере нанесла Кугелю тяжкий удар. У поручня «Галанте» к Сольдинку присоединилась его супруга — она тоже грозила беглецу оскорбительными жестами.

Не удостоив ответом торжествующих преследователей, Кугель отвернулся и побрел по берегу.

Глава III
От Таствольда до Порт-Пердусса

1. Столпы

Кугель шагал по берегу, дрожа от пронзительного ветра. Вокруг была бесплодная, унылая местность: слева черные волны накатывались рябью на грязевые отмели, справа гряда пологих холмов загораживала вид на внутренние пространства полуострова.

Кугель пал духом. У него не осталось ни гроша; у него не было даже заостренной палки, которой он мог бы обороняться от разбойников. Грязь наполняла его башмаки и хлюпала на каждом шагу, промокшая до нитки одежда воняла гниющими водорослями.

Увидев заводь с чистой морской водой, Кугель промыл в ней башмаки, после чего ему стало легче идти, хотя облепившая одежду грязь все еще не позволяла сохранять достоинство и производить впечатление порядочного человека. Сгорбившись, Кугель брел вдоль берега как огромная, мокрая, замызганная цапля.

Там, где в море просачивалась вялая речка,

Кугель вышел на старую дорогу — она вполне могла вести в поселок Таствольд, где Кугель, возможно, нашел бы кров и пищу. Кугель повернул в сторону, противоположную побережью.

Для того чтобы согреться, Кугель побежал трусцой, высоко поднимая колени. Так он преодолел два-три километра, и за холмами открылась любопытная картина — отдельные возделанные участки, разбросанные по пустоши. Вдали, подобно островкам в воздушном море, виднелись разделенные почти равными промежутками округлые скалистые возвышенности.

Человеческих жилищ Кугель еще не видел, но в полях группы женщин окучивали кормовые бобы и просо. Когда Кугель проходил мимо, они отрывались от работы и провожали его глазами. Кугель находил их пристальное внимание оскорбительным и гордо бежал вперед, не глядя по сторонам.

Над западными холмами собирались тучи, охлаждавшие воздух и обещавшие дождь. Кугель ожидал, что впереди вот-вот появится поселок, но тщетно. Солнце скрылось за тучами, и местность, и так уже блеклая, заметно потемнела и приобрела характер древнего пейзажа, нарисованного сепией, с плоскими перспективами, усеянными

черными черточками силуэтов деревьев-пангко.

Сквозь разрыв в тучах пробился веер солнечного света, озаривший вдали, на расстоянии примерно двух километров, скопление каких-то белых колонн или столбов.

Кугель тут же остановился, разглядывая это странное архитектурное явление. Храм? Мавзолей? Руины громадного дворца? Пробежавшись еще некоторое время по дороге, Кугель опять остановился. Столбы — от приземистых постаментов до почти тридцатиметровых колонн — отличались один от другого высотой, хотя все они были примерно трехметрового диаметра.

Кугель продолжил путь. Приблизившись к лесу белокаменных столбов, он заметил, что на вершине каждого столба в расслабленной позе сидел человек, загоравший в слабеющем красноватом зареве.

Разрыв в тучах сомкнулся — никаких солнечных лучей больше не было и в ближайшее время не предвиделось. Люди, сидевшие на столбах, выпрямились и стали перекликаться, после чего спустились с каменных насестов по приставным лестницам. Оказавшись на земле, они все, как один, направились к поселку, полускрытому рощей широколиственных шраков. Судя по всему,

этот поселок, в полутора километрах от столбов, следовало считать Таствольдом.

В стороне, за чащей столбов, в обрывистую стену одной из округлых возвышенностей, замеченных Кугелем раньше, углублялась впадина каменоломни. Оттуда медленной походкой человека, привыкшего максимально экономить усилия при каждом движении, к дороге направлялся седой сутулый старик с жилистыми руками. На нем были белая блуза, свободные серые штаны и потертые, но прочные кожаные сапоги. На плетеном кожаном шнурке, висевшем у старика на шее, поблескивал пятигранный амулет. Завидев Кугеля, старик остановился и ждал, пока Кугель подойдет.

Кугель обратился к нему самым любезным тоном:

— Сударь, не делайте поспешных выводов! Я не бродяга и не попрошайка. Я — моряк, но мне пришлось выбираться на берег по грязевым отмелям.

— Как правило, на берег не высаживаются таким образом, — сказал старик. — Опытные моряки чаще всего пользуются с этой целью причалами Порт-Пердусса.

— Совершенно верно. Этот поселок неподалеку

— Таствольд?

— На самом деле все, что осталось от Таствольда, — развалины под утесом, где я добываю белый камень. Но местные жители присвоили это наименование своему селению, в чем я не вижу никакого преступления. Что вам понадобилось в Таствольде?

— Кров и пища — мне нужно где-то переночевать. Однако у меня нет с собой ни гроша, так как все мое имущество осталось на борту застрявшего в отмелях судна.

Старик укоризненно покачал головой:

— В Таствольде вы найдете только то, за что можете заплатить. Здесь живут отъявленные скупердяи — они расходуют деньги лишь на возвышение. Если вас устроят простая постель и миска супа на ужин, я мог бы удовлетворить ваши нужды — и забудьте об оплате.

— Благодарю вас за щедрое предложение, — поклонился Кугель, — я с радостью его принимаю. Позвольте представиться: меня зовут Кугель.

Старик поклонился в ответ:

— Я — Нисбет, сын Нисвангеля, добывавшего камень на том же месте, и внук Роунса, тоже каменолома. Но пойдемте! Что тут стоять и дрожать от холода, если дома можно согреться у очага?

Они прошли к жилищу Нисбета — скоплению ветхих сараев из досок и камней, прислонившихся один к другому; строения эти явно возводили здесь на протяжении многих лет — возможно, столетий. Внутри жилище оказалось достаточно удобным, хотя и настолько же беспорядочным по конструкции и планировке. Каждое помещение было завалено редкостями и древними сувенирами, собранными Нисбетом и его предшественниками в ходе добычи камня в развалинах Старого Таствольда и в других местах.

Нисбет устроил Кугелю горячую ванну и предоставил залежавшийся потертый халат, чтобы он мог что-то носить, пока стиралась одежда.

— Стирку лучше поручить женщинам из поселка, — заметил при этом Нисбет.

— Вынужден вам напомнить, что у меня нет денег, — откликнулся Кугель. — Я рад пользоваться вашим гостеприимством, но ни в коем случае не хотел бы возлагать на вас финансовое бремя.

— Ни о каком бремени речь не идет, — возразил каменолом. — Местные женщины горят желанием оказывать мне услуги — с тем, чтобы я обслуживал их вне очереди.

— В таком случае позвольте вас снова поблагодарить.

Кугель с облегчением вымылся и завернулся в старый халат, после чего поглотил сытный обед — горячую уху из рыбы-свечи с хлебом и квашеной черемшой, которую Нисбет особенно рекомендовал в качестве местного деликатеса. И хозяин, и гость ели из разнокалиберной старинной посуды и пользовались столовыми приборами, ни один из которых не составлял пару другому — даже в том, что касалось материалов: здесь были вилки, ложки и ножи из серебра, блестящего термопластика, чугуна, золота, зеленого сплава меди с мышьяком и другими веществами. Нисбет рассеянно указывал на эти предметы:

— Каждый из круглых холмов на равнине Гадор-Поррады когда-то был древним городом; теперь это руины, занесенные пылью тысячелетий. Когда я могу сделать перерыв на пару часов, я часто ухожу порыться в тех или иных развалинах и время от времени нахожу любопытные вещи. Вот этот поднос, например, я откопал в одиннадцатом слое города Челопсика — он сделан из корфьюма, инкрустированного окаменевшими светлячками. Я не умею прочесть надпись на подносе, но, по-моему, это слова какой-то детской песенки или считалочки. Вот этот нож еще старше; я нашел его в склепе под городом, который

называю Арадом, хотя его настоящее наименование давно забыто.

— Любопытно! — воскликнул Кугель. — Удалось ли вам отыскать сокровище или драгоценности?

Нисбет пожал плечами:

— Каждый из этих неповторимых предметов — бесценное сокровище. Но теперь, когда Солнце вот-вот погаснет, кто станет платить за них полновесной монетой? Бутыль доброго вина гораздо полезнее. В связи с чем предлагаю перейти в гостиную, подобно знатным грандам минувших эпох, — там я открою флягу хорошо выдержанного вина, и мы согреем старые кости у огня.

— Удачная мысль! — отозвался Кугель. Он последовал за Нисбетом в комнату, захламленную всевозможными креслами, диванчиками, столешницами и подушками, не говоря уже о сотнях антикварных редкостей.

Нисбет наполнил бокалы из керамической фляги — весьма почтенного возраста, судя по покрывшей ее радужной пленке окисей. Кугель осторожно попробовал вино, густое и крепкое, полное странных ароматов.

— Благородный напиток! — заявил Кугель.

— У вас есть вкус, — похвалил Нисбет. — Я взял

эту бутыль в погребе виноторговца на четвертом уровне Цзеи-Камбаэля. Пейте, не жалейте, — там, в темноте, плесневеют еще тысячи таких фляг.

— Ваше здоровье! — Кугель опорожнил бокал. — Нельзя не заметить, что у профессии каменолома есть свои преимущества. У вас нет сыновей, которые продолжили бы ваши традиции?

— Нет. Моя супруга давным-давно умерла (ее ужалил синий фунтикул), и с тех пор у меня не было никакого желания снова жениться. — Крякнув, Нисбет поднялся на ноги и подбросил дров в камин. Проковыляв обратно к креслу, он развалился в нем, глядя на пляшущие языки пламени. — Я часто здесь сижу по ночам и думаю о том, как пойдут дела, когда меня не будет.

— Может быть, вам пригодился бы ученик, подмастерье?

Нисбет откликнулся невеселым смешком:

— Не все так просто. Здешние юнцы только и мечтают, что о высоких столпах, не научившись даже сплевывать как следует. Я предпочел бы компанию человека, который видел мир и что-то понимает в жизни. Кстати, чем вы обычно занимаетесь?

Кугель ответил самоуничижительным же-

стом:

— По сути дела, я еще не выбрал постоянную профессию. Я работал червячником, а недавно некоторое время командовал торговым судном.

— Высокопоставленная должность!

— Верно, но команда взбунтовалась и вынудила меня сложить с себя полномочия.

— Посредством пересечения грязевых отмелей?

— Именно.

— Так уж устроен этот мир, — вздохнул старый каменолом. — И все же у вас впереди еще много лет, много славных свершений. А я вспоминаю свою жизнь, подходящую к концу, и не замечаю в ней существенных достижений.

— Когда Солнце погаснет, — сказал Кугель, — все достижения, существенные и нет, не будут иметь никакого значения.

Нисбет встал, достал еще одну флягу вина, открыл ее, наполнил бокалы и снова опустился в кресло.

— Два часа философских рассуждений выше облака ходячего не прибавят веса ни той, ни другой чашке весов — не больше, чем одна громкая отрыжка. Как бы то ни было, я — каменолом Нисбет, и мне нужно возвести слишком много

столпов. Заказов столько, что я не справлюсь до конца своих дней. Иногда мне хочется самому залезть на столп и загорать на солнышке.

Они посидели в молчании, глядя в огонь. Наконец Нисбет сказал:

— Видно, что вы устали. Не сомневаюсь, вам пришлось пережить бурный день. — С трудом поднявшись на ноги, старик указал на диван: — Ложитесь там.

Наутро Нисбет и Кугель позавтракали блинами с консервированными фруктами, приготовленными женщинами из поселка, после чего Нисбет взял Кугеля с собой в каменоломню. Показав рукой на огромную выбоину, проделанную им и его предками в крутом склоне возвышенности, он сказал:

— Старый Таствольд пережил тринадцать стадий существования, как вы можете видеть по количеству слоев. На протяжении четвертой эпохи горожане выстроили храм Миаматты, их верховного бога, бога богов. В развалинах этого храма более чем достаточно белого камня для столпов всех нынешних жителей Таствольда… Солнце встало. Скоро народ потянется сюда, чтобы взобраться на столпы; вот, они уже идут.

Мужчины из поселка приближались — груп-

пами по два, иногда по три человека. Кугель наблюдал за тем, как они поднимались по приставным лестницам, каждый на свой столп, и устраивались на плоских вершинах, повернувшись лицом к Солнцу.

Недоуменно повернувшись к Нисбету, Кугель спросил:

— Зачем они так прилежно рассаживаются на столпах?

— Они впитывают эманацию здоровья из солнечного света, — пояснил бывалый каменолом. — Чем выше столп, тем чище и насыщеннее эманация. Кроме того, чем выше столп, тем выше репутация его владельца. Причем именно женщины больше всего озабочены высотой, на которую поднимаются их мужья. Когда они приносят мне терции, чтобы заплатить за новые сегменты столпов, они настаивают на том, чтобы дополнительные блоки были установлены немедленно, и безжалостно меня осаждают, пока я этого не сделаю, — а если это разозлит их соперниц, тем лучше.

— Странно, что у вас нет конкурентов. Возникает впечатление, что ваше предприятие приносит существенную прибыль.

— Не так уж это странно, если учитывать, сколь-

ко работы мне приходится выполнять. Камень, вынутый из стен разрушенного храма, нужно спустить, обтесать до требуемых размеров, отполировать, удаляя любые древние надписи, после чего, присвоив ему новый порядковый номер, поднять на вершину столпа. Одному человеку все это сделать было бы практически невозможно, но у меня есть вот эта штука, — Нисбет прикоснулся к висевшему на шее пятигранному амулету. — Прикосновение к ней уничтожает воздействие силы притяжения, и самый тяжелый груз легко поднимается в воздух.

— Невероятно! — воскликнул Кугель. — Несомненно, в том, что касается вашей профессии, такой магический амулет — полезнейшее средство.

— Незаменимое, я бы сказал… Ха! К нам приближается леди Крулькс, и сейчас она сделает мне выговор за отсутствие должного прилежания.

Действительно, к ним подошла корпулентная женщина средних лет, с плоской круглой физиономией и светло-рыжими волосами, типичными для местных жителей. Нисбет вежливо приветствовал ее, но она ответила резким недовольным тоном:

— Нисбет, я снова вынуждена протестовать! С

тех пор как я уплатила вам сполна, вы сначала подняли блок на столп Тоберска, а затем — на столп Силлинкса. И теперь мой муж сидит в тени их столпов, а их жены злорадно насмехаются над моей неудачей. Разве я заплатила вам фальшивой монетой? Вы забыли, сколько раз моя дочь, Тургола, приносила вам хлеб и сыр? Почему вы так со мной поступаете?

— Леди Крулькс, позвольте мне вставить хотя бы пару слов! Ваш двадцатый блок готов к подъему, о чем я как раз собирался сообщить вашему супругу.

— А! Рада слышать! Вы же понимаете, как это важно…

— Разумеется. Но для того, чтобы в дальнейшем не было никаких недоразумений, я обязан вам сообщить, что леди Тоберск и леди Силлинкс заказали по двадцать первому блоку каждая.

У леди Крулькс отвисла челюсть:

— Уже? Беспардонные выскочки! В таком случае мне тоже придется заказать двадцать первый блок — и вы должны установить его в первую очередь!

Нисбет удрученно застонал и запустил пальцы в седую бороду.

— Леди Крулькс, имейте сострадание! Мои

натруженные руки не творят чудес, я не могу работать одновременно в трех местах, как это бывало во времена моей молодости! Сделаю все возможное — больше ничего не могу обещать.

Леди Крулькс продолжала спорить еще минут пять, после чего оскорбленно развернулась на месте и направилась в поселок, но Нисбет задержал ее:

— Леди Крулькс, вы могли бы сделать мне небольшое одолжение? Моему приятелю, Кугелю, не повезло и пришлось пробираться по отмели. Его костюм нужно тщательно выстирать, почистить, выгладить и вернуть в превосходном состоянии. Не мог бы я возложить на вас эту обязанность?

— Конечно, можете! Вам стоит только попросить! Где эта одежда?

Кугель принес свою грязную одежду, и леди Крулькс вернулась с ней в селение.

— Вот так здесь делаются дела, — с печальной улыбкой произнес Нисбет. — Мне нужен сильный помощник, иначе я не справлюсь. Что вы думаете по этому поводу?

— Ваш род занятий отличается рядом преимуществ, — сказал Кугель. — Позвольте задать вопрос. Леди Крулькс упомянула о своей дочери,

Турголе. Можно ли допустить, что Тургола выглядит гораздо привлекательнее своей матери? Кроме того, стремятся ли дочери местных жителей угодить каменолому так же, как их матери?

Нисбет ответил авторитетным басом:

— По поводу вашего первого вопроса: жители поселка Тастволь д происходят от керамианцев, бежавших из Рраб-Фаага, и никто из них не отличается особенно привлекательной внешностью. Тургола, в частности, — приземистая девушка с низко расположенным центром тяжести и выступающими изо рта зубами. В связи с вашим вторым вопросом должен заметить, что, возможно, я иногда неправильно истолковываю намерения здешних женщин. Леди Петиш нередко предлагала сделать мне массаж спины, хотя я никогда не жаловался на боли в спине. Леди Гезкс иногда ведет себя странно — так, словно мы с ней закадычные приятели… Хо-хм. Впрочем, все это неважно. Если, как я надеюсь, вы согласитесь стать помощником каменолома, вам придется самостоятельно интерпретировать такие спорадические проявления дружелюбия, хотя я надеюсь, что ваше поведение не приведет к какому-нибудь скандалу, который нежелательно отразится на репутации моего предприятия, до

сих пор остававшейся безукоризненной.

Кугель со смехом отверг всякую возможность скандала:

— В целом я расположен принять ваше предложение, так как у меня, по сути дела, нет средств, для того чтобы продолжать путь. Поэтому я, по меньшей мере временно, предоставлю себя в ваше распоряжение, получая за это такую плату, какую вы сочтете разумной.

— Замечательно! — отозвался Нисбет. — Детали мы обсудим позже. А сейчас — за работу! Нужно поднять двадцатый блок Крулькса.

Нисбет отвел Кугеля в мастерскую, устроенную в каменоломне, где на деревянном поддоне стоял готовый «двадцатый блок» — доломитовый цилиндр трехметрового диаметра, высотой метра полтора.

Каменолом обвязал этот блок несколькими веревками. Глядя по сторонам, Кугель озадаченно спросил:

— Не вижу здесь никаких шкивов, лебедок или кранов. Как вам удается одному перемещать такие каменные громады?

— Вы забыли об амулете? Смотрите! Я прикасаюсь к блоку амулетом, и он заряжается силой, противодействующей его естественному весу.

Я слегка пинаю его носком сапога — вот так, не более чем легким толчком! Если прилагается небольшое усилие, магия недолговечна, ее хватает только на то, чтобы передвинуть блок к столпу и поднять его на вершину. Если бы я пнул посильнее, отталкивающая притяжение сила продолжала бы действовать целый месяц или даже дольше.

Кугель с уважением рассмотрел амулет.

— Каким образом вы приобрели такое чудодейственное устройство?

Нисбет вывел Кугеля наружу и указал на утес, нависший над равниной:

— Видите, там деревья наклонились над обрывом? В этом месте великий волшебник по имени Макке Могифер построил себе усадьбу и правил всей страной, подчинив ее своей могифериче-ской магии. Его магия распространялась на все четыре стороны света; человек мог взглянуть Макке в лицо однажды, второй раз — с большим трудом, но третий раз — никогда! Такова была его могифери́ческая власть.

Макке устроил квадратный сад с четырьмя волшебными деревьями по углам. Одно из них, древнее «оссипово дерево», растет до сих пор, и в мире нет лучшей сапожной ваксы, чем вакса

из осиповых ягод. Я смазываю сапоги осиповой ваксой, и она защищает мои ноги от ударов камней, осыпающихся в каменоломне. Этому меня научил отец, а его научил дед — и так далее, из поколения в поколение. Первым из моих предков, кто забрался в сад Макке и открыл это свойство осиповых ягод, был некто Нисвонт; он же нашел амулет и определил его магическое действие.

Сначала Нисвонт занялся перевозкой грузов и с легкостью перемещал товары на огромные расстояния. Но ему надоели дальние поездки — это пыльная и опасная работа. Он поселился здесь и стал каменоломом; я — его последний потомок.

Они вернулись в мастерскую. Выполняя указания Нисбета, Кугель взялся за веревки и потащил каменный блок по воздуху к столпам.

Нисбет остановился у столпа, отмеченного табличкой с надписью:

ВОЗВЫШЕННЫЙ МОНУМЕНТ КРУЛЬКСА МЫ НА ВЫСОТЕ, КОГДА МЫ ВЫШЕ ВСЕХ!

Задрав голову, Нисбет прокричал:

— Крульке! Спускайся! Пора установить твой блок!

На фоне неба появился силуэт головы Крульке, выглянувшего с вершины столпа. Убедившись в том, что звали именно его, он спустился на

землю.

— Вы не торопились выполнять заказ! — ворчливо обратился он к Нисбету. — Слишком долго мне пришлось довольствоваться неполноценной эманацией.

Нисбет не принимал критику близко к сердцу.

— Что было, то было, а что будет, то будет; в данный момент ваш блок готов к подъему, и вы сможете наслаждаться излучением, находясь к Солнцу ближе всех.

— В данный момент, в данный момент… Вам бы только рассуждать! — брюзжал Крулькс. — Вас нисколько не беспокоит мое здоровье, а оно ухудшается с каждым днем!

— Я делаю все что могу, — возразил Нисбет. — В связи с чем позвольте представить вам моего нового помощника, Кугеля. Будем надеяться, что теперь, благодаря его опыту и энергии, дела в каменоломне пойдут как по маслу.

— В таком случае я хотел бы сейчас же заказать еще пять блоков. Леди Крулькс внесет залог, чтобы в оплате не было сомнений.

— В настоящее время никак не могу подтвердить, что выполню заказ, — возразил Нисбет. — Тем не менее я учту ваши потребности. Кугель, вы готовы? В таком случае поднимитесь на столп

Ксиппина и потихоньку подтяните блок как можно выше, а мы с Крульксом переместим его веревками отсюда.

Как только его блок был надежно установлен, Крулькс взобрался на свой столп и устроился на нем поудобнее, озаренный красными лучами Солнца. Нисбет и Кугель вернулись в мастерскую, где каменолом стал обучать помощника методам обтесывания, округления и шлифования белого камня.

Кугель скоро понял, почему Нисбет отставал с выполнением заказов. Прежде всего, каменолом настолько состарился, что привычные навыки уже не компенсировали замедленность и неуверенность его движений. Во-вторых, Нисбета часто отвлекали посетители: женщины из поселка приходили заказывать блоки, требовать и жаловаться, приносили подарки и предлагали всевозможные услуги.

На третий день трудоустройства Кугеля неподалеку от жилища Нисбета остановилась группа странствующих торговцев — представителей темнокожей расы, отличавшейся янтарно-желтыми глазами, горбатыми длинными носами и гордой прямой осанкой. Их одежда была не менее примечательна: опоясанные кушаками шарова-

ры, рубахи с отогнутыми воротниками-стойками, жилеты-безрукавки и камзолы с глубокими вырезами — черные, желтовато-коричневые, сумрачно-серые и темно-коричневые. Они носили черные шляпы с широкими опущенными полями — Кугелю очень понравились эти шляпы. Торговцы привезли с собой огромный фургон на высоких колесах, доверху нагруженный чем-то под чехлом. После того как старшина купцов посовещался с Нисбетом, другие сняли чехол с фургона — под ним оказалась, судя по всему, груда сложенных штабелем трупов.

Нисбет и старшина договорились, после чего четыре маота — так Нисбет назвал Кугелю этих людей — начали разгружать фургон. Старый каменолом отвел Кугеля в сторону и указал на видневшийся вдалеке курган:

— Там некогда был древний Кахр — самый влиятельный город в наших краях, от Рухнувшей Стены до Силькальских Шлюзов. В эпоху своего могущества жители Кахра исповедовали единственное в своем роде вероучение — на мой взгляд, не более и не менее абсурдное, чем любое другое. Они считали, что после смерти человек — мужчина или женщина — попадал в загробный мир в том телесном состоянии, в каком умер,

после чего мог проводить вечность в пиршествах, попойках и прочих удовольствиях, о которых не принято упоминать в приличном обществе. В связи с чем они делали вполне разумный в своем роде вывод: лучше всего было умереть в расцвете лет, потому что, например, рахитичный беззубый старик, страдающий одышкой и несварением желудка, никогда не смог бы насладиться в полной мере райскими банкетами, песнопениями и нимфами. Поэтому обитатели Кахра делали все необходимое для того, чтобы умирать достаточно молодыми, причем их бальзамировали настолько искусно, что их тела по сей день кажутся спящими, а не мертвыми. Маоты добывают эти тела в мавзолее Кахра и везут их по Диким Пустошам в Туниакскую консерваторию в Новале, где, насколько я понимаю, их используют в каких-то церемониальных целях.

Пока они говорили, торговцы-маоты разгрузили мумии, уложили их в ряд и связали вместе веревками. Старшина подал знак Нисбету; тот прошелся вдоль ряда набальзамированных тел, прикасаясь к каждому амулетом. Затем он прошел вдоль того же ряда в обратном направлении, с размаху пиная каждый из трупов. Старшина маотов уплатил каменолому причитающуюся

сумму, после чего они обменялись несколькими ничего не значащими любезностями. Наконец маоты направились на северо-восток, а вереница мертвецов летела за ними на высоте пятнадцати метров.

Подобные эпизоды, несмотря на их развлекательный и поучительный характер, задерживали выполнение заказов, в то время как доставки каменных блоков настойчиво требовали не только мужчины, ожидавшие оздоровления по мере их приближения к эманациям дневного светила, но и женщины, финансировавшие возведение столпов как с целью укрепления здоровья супругов, так и во имя приобретения большего престижа их семьями.

Для того чтобы ускорить работу, Кугель предложил несколько усовершенствований, позволявших экономить усилия и время, чем заслужил похвалу Нисбета.

— Кугель, вы далеко пойдете в нашем деле! Ваши изобретения свидетельствуют о недюжинных умственных способностях!

— Я подумываю и о некоторых других полезных нововведениях, — ответил Кугель. — Очевидно, что нам следовало бы удовлетворять спрос с упреждением — хотя бы для того, чтобы максимально

повысить прибыльность предприятия.

— Само собой, но как это сделать?

— Я уделю этому вопросу самое пристальное внимание.

— Превосходно! Можно считать, что проблема решена! — заявил Нисбет и занялся приготовлением праздничного ужина, каковой он собирался подать в сопровождении трех бутылей великолепного зеленого вина из погреба в развалинах Цзеи-Камбаэля. Вечером Нисбет позволил себе выпить лишнего и уснул на диване в гостиной.

Кугель не преминул воспользоваться этой возможностью, чтобы провести эксперимент. Отстегнув от цепочки на шее старого каменолома чудодейственный пятигранный амулет, он провел им по ручкам тяжелого кресла, после чего слегка пнул это кресло, чтобы привести в действие уничтожающую притяжение силу так, как это делал Нисбет.

Кресло осталось таким же тяжелым, как прежде.

Кугель в замешательстве отступил на пару шагов. Он воспользовался амулетом неправильно — но в чем заключалась ошибка? Неужели магическая сила подчинялась только Нисбету и никому другому?

Вряд ли. Тем же волшебным инструментом пользовались предки Нисбета.

Но почему в таком случае инструмент работал в руках Нисбета и не подчинялся Кугелю?

Нисбет развалился на диване, протянув ступни к огню; рядом стояли его сапоги. Кугель снял башмаки и натянул сапоги каменолома.

Он снова провел амулетом по ручкам кресла и слегка пнул его концом сапога Нисбета. Кресло тут же лишилось массы и повисло в воздухе.

«В высшей степени любопытно!» — подумал Кугель. Пристегнув амулет к цепочке старика, он вернул сапоги туда, где они стояли раньше.

На следующее утро Кугель сказал Нисбету:

— Должен заметить, что мне не помешали бы крепкие кожаные сапоги — такие, как у вас. Во время работы мне то и дело падают на ноги камни. Где бы я мог добыть такие сапоги?

— В качестве работодателя я обязан, конечно, предоставить вам доброкачественную обувь, — отозвался каменолом. — Сегодня же отправлю посыльного в поселок, чтобы он позвал сюда леди Тадук, жену сапожника. — Нисбет провел пальцем по кривому морщинистому носу и хитро усмехнулся: — О, я научился управлять женщинами Таствольда — и, по сути дела, жен-

щинами вообще! Никогда не давайте им то, чего они хотят! В этом секрет успеха! В данном случае, например, супруг леди Тадук сидит на столпе из всего лишь четырнадцати блоков — недостаточная целительная эманация его не устраивает; кроме того, тени более высоких столпов нередко загораживают от него Солнце, а леди Тадук приходится терпеть снисходительное презрение со стороны сверстниц. Поэтому она трудится прилежнее всех остальных обитательниц поселка — за исключением, пожалуй, одной только леди Кайлас, которая валит деревья и распиливает бревна на брусья и доски требуемых размеров. Так или иначе, новые сапоги вам стачают мигом — осмелюсь предположить, что вы сможете их надеть уже завтра.

Как и предсказал Нисбет, леди Тадук тут же прибежала из поселка и спросила, чем она могла бы оказаться полезной.

— При всем при том, господин Нисбет, — прибавила она, — я надеюсь, что вы со всей серьезностью уделите внимание трем новым блокам моего мужа. В последнее время бедняга Тадук кашляет — чтобы выздороветь, ему совершенно необходимо более интенсивное излучение.

— Леди Тадук, сапоги нужны моему помощнику

Кугелю: его нынешние башмаки состоят из одних дыр и ошметков — прохудились до того, что он натыкается пальцами ног на камни.

— Беда, просто беда!

— А в том, что касается ваших блоков, насколько я понимаю, первый из трех должен быть установлен примерно через неделю, а другие — вскоре после этого.

— В самом деле? Рада слышать! Так что же, господин Кугель, какие сапоги вам сделать?

— Я давно завидую тем, которые носит Нисбет. Пожалуйста, сделайте мне точно такие же.

Леди Тадук взглянула на него с некоторым удивлением:

— Но ступни господина Нисбета сантиметров на пять длиннее ваших; кроме того, у него они узкие и плоские, как камбала!

Кугель задумался. Действительно, возникла проблема. Если действие магического амулета зависело от сапог каменолома, только точная копия, по-видимому, могла послужить поставленной Кугелем цели.

Нисбет положил конец размышлениям:

— Разумеется, леди Тадук, сапоги должны подходить тому, кто их носит! Почему бы Кугель стал заказывать сапоги не своего размера?

— Да-да, я просто сначала чего-то не поняла, — спохватилась жена сапожника. — Хорошо, побегу домой резать кожу. Возьму шкуру старого самца-бока и сделаю сапоги, которых вам хватит до конца ваших дней или до тех пор, пока не погаснет Солнце, — в зависимости от того, что случится раньше. Так или иначе, другие сапоги вам точно не понадобятся. Возьмусь за дело сейчас же!

На следующий день сапоги были доставлены — согласно пожеланиям Кугеля, они ничем не отличались от сапог Нисбета, за исключением размера.

Нисбет осмотрел новые сапоги и одобрил их:

— Леди Тадук натерла их ваксой, вполне пригодной для представителей других профессий, но как только она высохнет, кожа будет снова нуждаться в пропитке. Тогда мы нанесем на ваши сапоги ваксу из оссиповых ягод — и у вас будут такие же надежные сапоги, как у меня.

Кугель радостно хлопнул в ладоши:

— Предлагаю приготовить еще один сытный ужин, чтобы отпраздновать приобретение новых сапог!

— Почему нет? Пара добротных сапог — достаточный повод для торжества!

Они закусили на славу бобами с беконом, бо-

лотными куропатками с грибной начинкой, щавелем, оливками и большим ломтем сыра. При этом они умудрились выпить три бутыли вина из погреба в Цзеи-Камбаэле, известного под наименованием «Серебряный иссоп». Последнее обстоятельство Нисбет разъяснил — интересуясь антиквариатом, старик изучил множество древних рукописей. Дегустируя сей драгоценный напиток, каменолом и его помощник провозглашали тосты за здоровье не только леди Тадук, но и того усопшего виноторговца, щедрыми запасами которого пользовались, хотя, строго говоря, надлежащий срок выдержки старого вина давно истек.

Так же как раньше, Нисбет опьянел и улегся на диван, чтобы вздремнуть. Кугель отстегнул его амулет и возобновил эксперименты.

Новые и удобные сапоги Кугеля, несмотря на сходство с обувью Нисбета, не возымели никакого эффекта, тогда как сапоги Нисбета — не только в сочетании с амулетом, но и без оного — легко преодолевали силу притяжения.

«Исключительно любопытное обстоятельство!» — думал Кугель, пристегивая амулет к цепочке старика. Разница между двумя парами сапог заключалась лишь в том, что сапоги старого

каменолома были смазаны ваксой из оссиповых ягод, собранных в саду Макке Могифера.

Поиски горшка с этой ваксой среди бесчисленных сувениров и древностей, накопленных Нисбетом и его предками, заняли бы много времени. Отяжелевший от еды и вина Кугель решил сначала выспаться.

Наутро Кугель сказал Нисбету:

— Мы тяжело работали — пора бы устроить небольшой отпуск. Давайте поднимемся на соседнюю обрывистую возвышенность и заглянем в заброшенный сад Макке Могифера. Мы могли бы, между прочим, набрать оссиповых ягод для сапожной ваксы и (кто знает?), может быть, найдем еще какой-нибудь амулет…

— Удачная мысль! — заявил старик. — Сегодня мне что-то несподручно долбить камень.

Они направились по равнине к возвышавшемуся в полутора километрах утесу. Кугель тащил за собой мешок с необходимыми орудиями — Нисбет прикоснулся к мешку своим амулетом и пнул его, чтобы тот утратил вес.

Поднявшись на крутой холм окольной тропой там, где в склоне была прогалина, они вышли к месту у обрыва, где когда-то был сад волшебника Макке.

— Ничего здесь не осталось, — скорбно заметил Нисбет. — За исключением, конечно, оссипова дерева — оно, судя по всему, процветает, хотя за ним никто не ухаживает. А от усадьбы Макке осталась вот эта груда камней — у него был пятиугольный дом, наподобие увеличенного амулета.

Кугель подошел к развалинам, и ему показалось, что из трещин между камнями поднимается струйка пара. Приблизившись на несколько шагов, он опустился на колени и раздвинул несколько камней. До его ушей донеслись какие-то голоса (сначала один, потом второй), продолжавшие, казалось, возбужденную беседу или спор. Голоса были настолько тихими и далекими, что Кугель никак не мог разобрать слова, а Нисбет, которого Кугель подозвал к той же расщелине, вообще не расслышал никаких звуков.

Кугель встал и отошел от развалин. Конечно, раскопки в этом месте могли привести к обнаружению сокровищ; с другой стороны, и, скорее всего, археолога-любителя подстерегали какие-нибудь не поддающиеся воображению ужасы. Нисбет придерживался того же мнения, и оба решили держаться подальше от остатков усадьбы волшебника. Усевшись на обросшей лишайником каменной плите, они перекусили хлебом с

сыром, пряной колбасой и луком, запив все это принесенным в горшках таствольдским элем.

Неподалеку от них раскинуло мощные ветви оссипово дерево — живой свидетель тысячелетий с серебристо-серым кряжистым стволом полутораметровой толщины. На конце каждого из многочисленных прутиков-черенков, торчавших на ветвях, висела гроздь больших сферических ягод, серебристо-зеленых с восковым отливом, сантиметра по два с половиной в диаметре каждая.

Покончив с закусками, Кугель и Нисбет набрали четыре полных мешка этих ягод — старик привязал их к веревке и сделал невесомыми. Подтягивая мешки за собой, как детские воздушные шары, они вернулись в каменоломню.

Нисбет вытащил громадный котел и развел огонь, чтобы нагреть в нем воду, после чего насыпал в кипящую воду собранные ягоды. Через некоторое время на поверхности стала образовываться накипь.

— Это и есть вакса, — сообщил старик, снимая накипь и сбрасывая ее в таз. Он повторял этот процесс четыре раза, пока не сварились все ягоды, и наполнил таз ваксой.

— Сегодня мы далеко ходили и достаточно

потрудились, — заключил Нисбет. — Не вижу причины почему бы нам не поужинать пораньше. У меня в кладовой остались два превосходных филе — их мне принесла леди Петиш, жена местного мясника. Если вы будете так добры и разведете огонь в камине, я схожу за подходящим вином.

И снова Кугель с Нисбетом сели за стол, приступив к плотному ужину. Как только старый каменолом открыл вторую бутыль вина, открылась и громко захлопнулась входная дверь — до их ушей донеслись звуки решительных тяжелых шагов.

Через мгновение в гостиную зашла высокая корпулентная женщина с толстыми руками и ногами, костлявым подбородком, сломанным носом и жесткими рыжими волосами.

Опираясь на стол, Нисбет с трудом поднялся на ноги:

— Леди Секворс! Не ожидал вас увидеть так поздно вечером.

Леди Секворс с неодобрением взирала на уставленный блюдами и бутылями стол.

— Почему вы не обрабатываете мои блоки? Их давно уже пора было установить!

Нисбет ответил с надменной прохладцей:

— Сегодня у нас с Кугелем были важные дела, а теперь мы ужинаем — как обычно. Вы можете вернуться утром.

Леди Секворс пропустила его слова мимо ушей.

— Вы завтракаете слишком поздно и ужинаете слишком рано, причем явно злоупотребляете вином. Тем временем мой муж ютится на столпе гораздо ниже супругов леди Петиш, леди Хаксель, леди Крулькс и прочих. Так как вы неправильно поняли мое долготерпение, мне придется прибегнуть к новой тактике, а именно к тактике запугивания. Короче говоря, если мои требования не будут выполнены в самое ближайшее время, я приведу с собой сестер, и мы устроим вам знатную взбучку!

Нисбет придал своему голосу мягкость, взывающую к разуму:

— Если бы я уступил вашим требованиям (даже не требованиям, а угрозам!), другие женщины из Тастволда тоже попытались бы меня запугивать, и это отразилось бы самым нежелательным образом на всем предприятии.

— Мне плевать на ваши проблемы! Установите мои блоки немедленно!

Кугель встал из-за стола:

— Леди Секворс, вы ведете себя совершенно неприлично. Никто и ни на каких основаниях не смеет принуждать Нисбета к чему бы то ни было! В свое время, в разумные сроки, он изготовит и установит ваши блоки. Теперь он требует, чтобы вы удалились — и при этом не слишком шумели!

— Даже так? Теперь Нисбет будет предъявлять требования? — Леди Секворс сделала два шага вперед и схватила каменолома за бороду. — Я пришла сюда не для того, чтобы восхищаться вашим бахвальством! — Дернув бороду, она отступила от старика. — Я ухожу, но только потому, что сказала все, что хотела сказать! Рекомендую серьезно отнестись к моим словам!

Леди Секворс удалилась, оставив за собой тяжелое молчание. Наконец Нисбет произнес с натянутым благодушием:

— Драматическое вторжение, ничего не скажешь! Придется попросить леди Викско заняться дверными замками. Не обращайте внимания, Кугель! Вернемся к ужину.

Они продолжили трапезу, но праздничное настроение не возвращалось. В конце концов Кугель сказал:

— Нам нужен резервный запас блоков, готовых

к подъему на столпы, чтобы мы могли сразу удовлетворять запросы этих заносчивых женщин.

— Несомненно, — согласился Нисбет. — Но как это сделать?

Кугель осторожно склонил голову набок:

— Вы готовы выслушать неожиданное предложение?

Старый каменолом был полон решимости, что объяснялось не только количеством выпитого им вина, но и беззастенчивым обращением леди Секворс с его бородой.

— Если обстоятельства побуждают к действию, меня ничто не остановит!

— В таком случае пора засучить рукава! — заявил Кугель. — У нас впереди целая ночь! Мы избавимся от всех наших проблем раз и навсегда! Возьмите фонари.

Несмотря на напускную храбрость, Нисбет последовал за Кугелем довольно-таки неохотно.

— Что именно вы имеете в виду?

Но Кугель отказался обсуждать свой план, пока они не дошли до столпов. Там он подал знак Нисбету, чтобы тот поторопился.

— Все нужно сделать как можно быстрее! Поднесите фонарь к первому столпу.

— Это столп Фильдикса.

— Неважно. Поставьте фонарь на землю, прикоснитесь к столпу амулетом и слегка пните его — осторожно, но ощутимо. Но прежде всего дайте мне обвязать столп этой веревкой… Вот так. А теперь приложите амулет и пните!

Нисбет подчинился; столп сразу стал невесомым — всего на несколько секунд, но Кугелю этого времени было достаточно, чтобы извлечь нижний, «первый», блок и отложить его в сторону, после чего магическая сила рассеялась и оставшийся столп опустился на прежнее место.

— Смотрите! — воскликнул Кугель. — Мы обозначим этот блок другим номером, продадим его леди Секворс, и она перестанет надоедать!

Нисбет возразил:

— Но Фильдикс, конечно, заметит, что его столп стал ниже!

Кугель улыбнулся и покачал головой:

— Маловероятно. Я наблюдал за тем, как мужчины взбираются на столпы. Они приходят, протирая глаза, еще практически в полусне. При этом они посматривают только на небо, проверяя, будет ли ясная погода, и тут же хватаются за перекладины лестниц.

Нисбет с сомнением запустил пальцы в бороду.

— Завтра, когда Фильдикс поднимется на столп, он обнаружит, что каким-то образом опустился, что под ним стало одним блоком меньше.

— Именно поэтому нам надлежит удалить первый блок из-под каждого столпа. Возьмемся за работу! Придется переместить множество блоков.

Когда уже светало, Кугель и Нисбет оттащили последний из блоков в каменоломню, в укромное место за грудой каменных обломков. Теперь старик Нисбет дрожал от радостного возбуждения:

— Впервые у нас под рукой достаточный запас блоков! Теперь все пойдет как по маслу. Кугель, вы одарены поистине изобретательным умом!

— Сегодня нам следует работать по-прежнему. А затем, если кто-нибудь так-таки заметит, что столпы стали ниже, мы всегда можем развести руками и сказать, что не имеем ни малейшего представления о причине такого явления — или обвинить в хищении блоков тех же маотов.

— Мы могли бы предположить также, что столпы постепенно опустились под собственным весом и первые блоки оказались под землей.

— Верно. Нисбет, этой ночью мы на славу потрудились!

Солнце взошло — по дороге из поселка при-

ближалась первая группа медленно бредущих мужчин. Как и предсказывал Кугель, каждый из них взобрался на свой столп и устроился на его вершине, не высказывая никаких сомнений и без каких-либо признаков замешательства. Нисбет облегченно рассмеялся.

На протяжении нескольких следующих недель Кугель и Нисбет выполнили большое количество заказов, но не слишком с этим торопились, чтобы по этому поводу не начались пересуды. На столпе супруга леди Секворс, вопреки ее требованиям, они установили два блока, а не три, но она этим удовлетворилась:

— Так и знала, что добьюсь своего! Если твоими желаниями пренебрегают, достаточно указать на неприятные последствия их невыполнения. Вскоре, когда мне будут по карману ваши возмутительные поборы, я закажу еще два блока — хотя, по сути дела, вы могли бы начать их обтесывать уже сегодня, чтобы впоследствии мне не пришлось долго ждать. Как по-вашему, Нисбет? Еще не забыли, как я отодрала вас за бороду?

Нисбет отозвался со всей возможной вежливостью:

— Я возьму ваш заказ на заметку, и он будет выполнен в надлежащей последовательности.

Леди Секворс только хрипло расхохоталась и пошла по своим делам.

Нисбет разочарованно вздохнул:

— Я надеялся, что ускорение доставки блоков пресытит амбиции столпников, но, судя по всему, мы только стимулировали спрос. Леди Петиш, например, раздражает тот факт, что теперь супруг леди Гиллинкс восседает на той же высоте, что и господин Петиш собственной персоной. Леди Виберль считает, что она занимает верхнюю ступень таствольдской иерархии, в связи с чем настаивает на том, чтобы Виберля отделяли от нижестоящих на общественной лестнице конкурентов как минимум два блока.

Кугель пожал плечами:

— От нас невозможно требовать невозможного.

Запас приготовленных блоков был растрачен неожиданно быстро, и женщины из поселка снова стали приставать к каменоломам с назойливыми просьбами. Кугель и Нисбет подробно обсудили сложившееся положение вещей и решили упрямо отказывать в выполнении чрезмерных требований.

Некоторые из женщин, однако, заметив успех леди Секворс, стали прибегать ко все более ка-

тегорическим угрозам. В конце концов Кугелю и Нисбету пришлось уступить неизбежности и, дождавшись ночи, удалить из-под столпов «вторые» блоки, переместив их в каменоломню. Так же как раньше, мужчины ничего не заметили. Кугель и Нисбет попытались выполнить уже полученные к тому времени заказы, и в древней вазе, служившей Нисбету копилкой, не осталось места — она заполнилась терциями до краев.

Однажды к Нисбету пришла посоветоваться молодая женщина:

— Позвольте представиться, я — леди Мупо. Я вышла замуж всего неделю тому назад, но думаю, что настало время начать возведение столпа для Мупо — у него не слишком крепкое здоровье, он нуждается в возвышенной эманации. Я выбрала подходящий участок — но, пока я ходила между столпами, я заметила странную вещь. Нижние блоки всех столпов пронумерованы цифрой «3», а не «1», хотя, казалось бы, нижние блоки должны быть первыми. Почему так?

Запинаясь, Нисбет начал было подыскивать какое-нибудь объяснение, но Кугель поспешно вмешался в разговор:

— Это нововведение предназначено помогать молодым семьям, таким как ваша. Например,

Виберль беспрепятственно наслаждается чистейшей эманацией на своем двадцать четвертом блоке. Но если отсчет начинается с третьего, а не с первого блока, вы с самого начала отстаете от него только на двадцать один блок, а не на двадцать три.

Леди Мупо понимающе кивнула:

— Действительно, это очень полезно!

Кугель продолжал:

— Мы не кричим об этом на каждом углу, потому что всем угодить одновременно невозможно. Просто рассматривайте это обстоятельство как персональную услугу со стороны Нисбета — и, так как Мупо часто хворает, мы установим для вас не только третий, но и четвертый блок. Но об этом не следует никому говорить — даже самому Мупо, потому что мы не можем делать такие поблажки каждому.

— Я все хорошо понимаю! Никому ни слова!

На следующий день в каменоломне появилась леди Петиш:

— Нисбет, моя племянница только что вышла замуж за Мупо. Она бессвязно рассказывает какую-то чепуху про третий и четвертый блоки, и, честно говоря, я никак не могу понять, о чем она говорит. По ее словам, ваш помощник, Кугель,

обещал устанавливать для молодых семей дополнительные блоки — бесплатно и вне очереди. Меня это интересует, потому что на следующей неделе состоится свадьба другой моей племянницы. Кроме того, если вы устанавливаете два блока по цене одного, было бы только справедливо, если бы вы оказали такую же услугу такому давнему и надежному клиенту, как я.

Кугель любезно ответил:

— Леди Мупо, по-видимому, неправильно поняла мои разъяснения. Мы заметили в последнее время, что между столпами бродят какие-то подозрительные личности неизвестного происхождения. Мы их выгнали, после чего — для того, чтобы затруднить задачу для возможных похитителей, — изменили нашу систему нумерации блоков. Практически, однако, ничто не изменилось, вам не о чем беспокоиться.

Леди Петиш удалилась, с сомнением покачивая головой. Остановившись среди столпов, она внимательно рассматривала их снизу доверху на протяжении нескольких минут и только после этого вернулась в поселок.

Нисбет нервничал:

— Надеюсь, больше никто не придет с расспросами. Вы отвечаете на них очень находчиво и

даже меня сумели привести в замешательство, но кое-кого из местных жителей не так просто надуть.

— Думаю, что нам больше не будут докучать, — отмахнулся Кугель, и они оба вернулись к работе.

После полудня из Таствольда прибыла, вместе с сестрами, леди Секворс. Задержавшись на некоторое время среди столпов, все они явились в каменоломню.

— Кугель! — дрожащим голосом сказал Нисбет. — Назначаю вас представителем, ведущим переговоры от имени предприятия. Будьте добры, успокойте этих дам.

— Сделаю все что могу, — пообещал Кугель. Он вышел навстречу леди Секворс: — Ваши блоки еще не готовы. Вы можете вернуться через неделю.

Леди Секворс словно не слышала его. Ее бледно-голубые глаза рыскали, оглядывая каменоломню.

— Где Нисбет?

— Он не очень хорошо себя чувствует. Мы сможем доставлять новые блоки только примерно через месяц, потому что наши запасы белого камня истощились, придется выламывать новые

заготовки. Прошу прощения, но мы не сможем выполнить ваш заказ раньше.

Леди Секворс сосредоточила взгляд на Кугеле:

— Где первые и вторые блоки? Почему каждый столп опирается на третий блок?

Кугель притворился удивленным:

— В самом деле? Странно, очень странно! Тем не менее ничто не вечно в этом мире — надо полагать, со временем первые и вторые блоки осели и рассыпались.

— У оснований столпов нет никаких следов такого разрушения.

Кугель пожал плечами:

— Так как соотношения высоты столпов не изменились, не вижу, в чем заключается проблема.

Тем временем сестры леди Секворс бродили по задворкам каменоломни. Теперь они прибежали:

— Там, за скалой, у них целая куча блоков, и все помечены цифрой «2»!

Угрожающе покосившись на Кугеля, леди Секворс развернулась на каблуках и направилась обратно в поселок; сестры последовали за ней.

Помрачнев, Кугель приблизился к дощатой хибарке, где скрывался Нисбет. Старик, слышавший

весь разговор, вышел ему навстречу.

— Обстоятельства изменились, — сказал Кугель. — Пора уносить ноги.

Нисбет потрясенно отшатнулся:

— Что вы говорите? Как я могу покинуть мой чудесный старый дом? Мою коллекцию древностей, мои бесценные безделушки? Немыслимо!

— Боюсь, леди Секворс не ограничится критикой. Помните, как она схватила вас за бороду?

— Прекрасно помню! И теперь готов обороняться! — Поспешно вернувшись домой, Нисбет вынул из шкафа старинный меч. — Оружие, выкованное из лучшей стали древнего Харая! Вот, Кугель, возьмите! Эта шпага в роскошных ножнах не уступит харайскому мечу! Носите ее с честью!

Кугель пристегнул к поясу старинную шпагу.

— Бросать вызов врагам очень благородно, но меня больше интересует возможность спасти свою шкуру. Предлагаю подготовиться к любому исходу конфликта.

— Я никогда не сдамся! — страстно восклицал Нисбет. — Я встану у входа, и первый, кто на меня нападет, будет сражен, разрубленный мечом пополам!

— Они отступят и начнут кидаться камнями, —

предупредил Кугель.

Нисбет не прислушался к нему и встал с мечом в дверном проеме. Поразмышляв несколько секунд, Кугель собрал полезные вещи: провизию, вино, несколько ковров и костюмов — и сложил их в фургон, оставленный торговцами-маотами. В поясную сумку он положил горшочек с осциповой ваксой, предварительно смазав ею свои сапоги, а также пригоршню-другую терциев из копилки Нисбета. Еще один горшочек с ваксой он бросил в фургон.

Окрик Нисбета прервал эту торопливую деятельность:

— Кугель! Они уже бегут сюда! Как целая армия разъяренных хищников!

Подойдя к двери, Кугель взглянул на приближающуюся толпу женщин.

— Вы можете доблестно размахивать мечом, защищая эту дверь, но они просто-напросто ворвутся с заднего хода. Предлагаю отступить. Фургон готов.

Нисбет неохотно направился к фургону. Взглянув на собранные Кугелем вещи, он возмутился:

— Где же мои терции? Вы взяли сапожную ваксу, а деньги оставили! Какой в этом смысл?

— Именно сапожная вакса, а не амулет, вися-

щий у вас на шее, уничтожает силу притяжения! А ваза, в которой вы храните деньги, слишком тяжелая.

Тем не менее Нисбет забежал в дом и, пошатываясь, вышел с вазой в руках, оставляя за собой рассыпающиеся монеты.

Таствольдские женщины были уже в нескольких шагах. Заметив фургон, они стали бешено вопить.

— Стойте, разбойники! — кричала леди Секворс. Ни Кугель, ни его работодатель, разумеется, не подчинились.

Подтащив вазу с монетами к фургону, Нисбет сумел затолкнуть ее туда, где лежали другие вещи, но сам упал, пытаясь забраться в кузов. Кугелю пришлось помочь старику встать и залезть. Пнув фургон заряженным магией сапогом, Кугель с силой оттолкнул его — фургон взлетел и поплыл по воздуху. Кугель побежал за ним, чтобы прыгнуть и ухватиться за обод колеса, но споткнулся и упал.

Для второй попытки не осталось времени: женщины уже набросились на него. Отмахиваясь шпагой и придерживая другой рукой тяжелую поясную сумку, чтобы она не мешала ему на бегу, Кугель пустился наутек. Самые быстроногие из

женщин погнались за ним.

Пробежав меньше километра, преследовательницы убедились в том, что не догонят беглеца. Кугель смог остановиться и перевести дух. Над жилищем Нисбета уже поднимался столб дыма — лишившись возможности расправиться с каменоломом, мстительная толпа уничтожала его имущество. Таствольдские мужчины стояли на вершинах столпов и напряженно наблюдали за происходящим. Высоко в небе плыл по ветру на восток фургон маотов; Нисбет осторожно поглядывал вниз, за борт, высунув голову.

Кугель глубоко вздохнул. Отстегнув пояс с тяжелой сумкой, он перекинул ее через плечо и побрел на юг, в направлении Порт-Пердусса.

2. Фосельм

Ориентируясь по положению распухшего красного Солнца на небосклоне, Кугель шагал на юг по засушливым пустошам. Небольшие валуны отбрасывали черные тени; время от времени куст-недотрога с мясистыми розовыми листьями, напоминающими мочки ушей, выдвигал острые шипы в сторону проходившего мимо Кугеля.

Горизонты растворялись в водянисто-карминовой дымке. Здесь не было никаких следов

пребывания человека и никаких живых существ — только однажды, далеко на юге, Кугель заметил силуэт расправившего огромные крылья пельграна, лениво планировавшего с запада на восток. Кугель тут же бросился плашмя на землю и лежал без движения, пока тварь не исчезла в туманных далях. Поднявшись на ноги, Кугель стряхнул пыль с одежды и снова двинулся на юг.

Бледная глинистая почва дышала жаром. Кугель задержался, чтобы остудить лицо, обмахивая себя шляпой, как веером. При этом он случайно провел кистью руки по неборазрывному брызгосвету — чешуйке Скорогроха, прикрепленной к шляпе наподобие украшения. Соприкосновение немедленно вызвало жгучую боль и сосущее ощущение — такое, словно брызгосвет стремился охватить и присвоить всю руку до предплечья и дальше. Кугель с удивлением взглянул на чешуйку: он едва задел ее! С брызгосветом шутки были плохи.

Кугель осторожно надел шляпу на голову и продолжил марш на юг; он спешил, потому что хотел найти какое-нибудь убежище до наступления ночи. Второпях он чуть не упал в карстовый колодец диаметром метров пять, удержавшись на самом краю — его правая нога нависла над

пропастью, где, на глубине не меньше тридцати метров, блестела черная стоячая вода. Несколько ужасных секунд Кугель балансировал на грани жизни и смерти, но в конце концов отступил на безопасное расстояние.

Облегченно вздохнув, в дальнейшем Кугель заставлял себя внимательнее смотреть под ноги. Вскоре он обнаружил, что в окрестностях были и другие малозаметные карстовые провалы. На протяжении нескольких километров он увидел парочку таких круглых ловушек — стоило только перешагнуть через край одной из них, и путника ожидало гибельное падение в темную воду вдоль отвесной стены колодца.

Вокруг крупнейших провалов росли плакучие ивы с темно-синей листвой, а за ними наполовину скрывались необычные сооружения — расположенные нестройными рядами домики, узкие и высокие, напоминавшие сложенные штабелем коробки. Строители домиков не особенно заботились о планировке — основания и стенки их жилищ нередко обнимали стволы и ветви плакучих ив.

Под тенистой листвой трудно было разглядеть обитателей «древесных башенок», но Кугелю удавалось порой замечать, как они сновали за

причудливыми узкими окнами, и несколько раз он видел, как они соскальзывали в естественный колодец по полированным желобам, выдолбленным в известняке. Высотой с человека-карлика или мальчика, внешностью они напоминали нечто вроде маловероятной помеси варана, ползучего жука-тупоносика и миниатюрного гидда. Брюшную часть своих серо-зеленых шкурок они закрывали окаймленными тесьмой передниками, сплетенными из бледных волокон, а на головах носили шапочки с черными наушниками, явно изготовленные из человеческих черепов.

Наружность и повадки этих тварей не подавали никакой надежды на гостеприимство — более того, Кугель поспешил потихоньку удалиться, прежде чем им пришла бы в голову идея поживиться очередным заблудившимся путником.

Солнце опускалось все ниже, и Кугель все больше нервничал. Продолжая идти ночью, он непременно свалился бы в очередной карстовый колодец. Завернувшись в плащ и пытаясь спать под открытым небом, он стал бы легкой добычей для виспов — трехметровых никталопов с лучистыми розовыми глазами, издали чуявших плоть парой гибких хоботков, выступавших с обеих

сторон черепных гребней.

Нижний край Солнца прикоснулся к горизонту. В отчаянии Кугель наломал ветвей низкорослого хрупкоствола — из них получались превосходные факелы. Подходя к карстовому провалу, окаймленному плакучими ивами, он выбрал «древесную башню», построенную поодаль от остальных. Приблизившись к ней, он заметил за узкими окнами снующие украдкой тени.

Выхватив шпагу из ножен, Кугель постучал клинком по дощатой стене.

— Это я, Кугель! — заорал он. — Повелитель этих чертовых пустошей! Почему никто из вас не платит мне дань?

Изнутри послышался хор визгливых восклицаний, явно оскорбительного характера; кроме того, из окон стали выплескиваться нечистоты. Кугель отступил на несколько шагов и зажег факел. Из окон послышались возмущенные вопли; некоторые из обитателей древесного жилища выскочили наружу, пробежали по ветвям плакучей ивы и соскользнули в пруд карстового провала.

Кугель внимательно следил за тем, что происходило у него за спиной, чтобы ни одна из местных тварей не подкралась к нему сзади и не прыгнула ему на шею. Он снова постучал по

стенам:

— Довольно ваших помоев и отбросов! Сейчас же платите тысячу терциев за аренду — или убирайтесь!

Внутри «древесной башни» наступило молчание — слышались только шипение и шорохи. Внимательно оглядываясь по сторонам, Кугель обошел строение, обнаружил дверь в его основании и просунул в нее факел. Внутри оказалось нечто вроде мастерской или кухни с полированной скамьей из местного известняка напротив входа; на скамье стояло несколько алебастровых кувшинов, чаш и подносов. Ни очага, ни печки здесь не было — по всей видимости, обитатели «древесной башни» опасались пользоваться огнем; не было здесь и каких-либо проходов, лестниц или люков, соединявших помещение с верхними этажами.

Кугель разложил на утрамбованном земляном полу ветви хрупкоствола и горящий факел, после чего направился к ближайшим кустам, чтобы набрать еще хвороста. В сгущающихся сумерках сливового оттенка он отнес к башне под плакучей ивой четыре охапки ветвей. Возвращаясь с последней охапкой, он услышал пугающе близкий меланхолический стон виспа.

Когда он поспешно вернулся к жилищу под ивой, его обитатели снова стали яростно протестовать — их визгливые вопли разносились по всей округе и отражались эхом от стен карстового колодца.

— Заткнитесь, подонки! — заорал на них Кугель. — Мне пора отдохнуть.

Никто, конечно, его не послушался. Кугель взял горящую ветвь из помещения на первом этаже и прошелся вокруг башни, размахивая факелом под окнами. Вопли тут же умолкли.

Снова проникнув в «мастерскую», Кугель закупорил вход известняковой плитой и подпер плиту крепкой укосиной из выломанного основания ивовой ветви, после чего соорудил костер так, чтобы огонь горел постепенно, перемещаясь от одной ветви к другой. Завернувшись в плащ, он улегся спать.

Ночью он несколько раз просыпался, чтобы поправить горящие ветви, прислушивался и выглядывал через щель в стене, но вокруг провала все было тихо, только где-то вдалеке постанывали бродячие виспы.

Наутро Кугель встрепенулся, разбуженный солнечными лучами, проникнувшими через щели в дощатой стене. Выглядывая сквозь те же щели,

он осмотрел участок, окружавший «древесную башню». Казалось, вокруг ничто не изменилось, причем хозяева жилища не издавали ни звука.

Кугель поразмыслил, с сомнением поджав губы. Более или менее откровенные проявления враждебности избавили бы его от лишних опасений, но тишина была слишком невинной.

Кугель спрашивал себя: «Как, в сходных обстоятельствах, я решил бы наказать незваного гостя — такого, как я? Само собой, я опасался бы шпаги и пожара. Вместо этого я приготовил бы обидчику какой-нибудь неприятнейший сюрприз. Что, в конечном счете, наводит на мысль о ловушке. Посмотрим, какую ловушку мне приготовили».

Кугель отодвинул в сторону известняковую плиту, загородившую дверь. Снаружи ничто не шелохнулось, напротив, тишина будто стала еще более глубокой. Все вокруг карстового провала затаили дыхание. Кугель внимательно рассмотрел землю перед дверью. Глядя по сторонам, он обнаружил, что с ветвей свисали веревки; при этом участок перед входом в «мастерскую» был присыпан подозрительным количеством рыхлой сухой земли, не совсем скрывавшей контуры расправленной под ней сети.

Кугель поднял известняковую плиту и швыр-

нул ее в дощатую стену, противоположную входу, — планки, скрепленные шпеньками и прутьями, разлетелись. Кугель выпрыгнул в образовавшееся отверстие и убежал, сопровождаемый многоголосым взрывом злобного разочарованного визга.

И снова Кугель маршировал на юг, к холмам, проявившимся тенями в слепящей красноватой дымке. В полдень ему повстречалась заброшенная ферма на берегу небольшой речки, позволившей ему с благодарностью утолить жажду. В старом саду он нашел одичавшую яблоню, сплошь усеянную спелыми плодами. Кугель насытился и положил горсть яблок в сумку.

Собираясь продолжить путь, он заметил каменную табличку с почти выветрившейся надписью:

СТРАШНЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ СВЕРШАЛИСЬ НА ЭТОМ МЕСТЕ!

ФОСЕЛЬМ ЗАСЛУЖИЛ СВОЕ НАКАЗАНИЕ!

ПУСТЬ МУЧАЕТСЯ, ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ СОЛНЦЕ — И ДАЖЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ПОГАСНЕТ СОЛНЦЕ…

Холодок пробежал по спине Кугеля, он с опаской оглянулся через плечо. «Лучше держаться подальше отсюда», — сказал он себе и поспешил

прочь размашистыми шагами длинных ног.

Примерно через час Кугель проходил мимо пролеска, где заметил восьмиугольную часовню с провалившейся крышей. Осторожно заглянув внутрь, он обнаружил только пустоту, отдававшую характерной вонью виспа. Когда он отступил на пару шагов и отвернулся, его внимание привлекла небольшая бронзовая плита, сплошь позеленевшая от времени. На ней были вытравлены следующие слова:

ДА ОХРАНЯТ НАС БОГИ ГНИЕННЫ
ВКУПЕ С ДЬЯВОЛАМИ ГНАРРА
ОТ ГНЕВА ФОСЕЛЬМА!

Тревожно вздохнув, Кугель отошел подальше от часовни. В этих краях чувствовалось давящее присутствие прошлого, не исчерпавшее себя и по сей день: с каким облегчением Кугель оказался бы, наконец, в Порт-Пердуссе!

И он еще поспешнее направился на юг.

К вечеру местность становилась все более пересеченной — попадались ложбины с крутыми склонами, свидетельствовавшие о приближении холмов, теперь уже громоздившихся на юге темной грядой. Редкие деревья словно спускались по склонам из густого леса, покрывавшего

хребты: майлаксы с черной корой и широкими розоватыми листьями, плотные, непроницаемые бочкообразные кипарисы, светло-серые парменты с болтающимися на черенках-шнурках черными сферическими орехами, могильные дубы, кряжистые и сучковатые, с раскидистыми скрюченными ветвями.

Так же как вчера, приближение темноты наполняло Кугеля недобрыми предчувствиями. Когда Солнце уже склонялось к дальним холмам, он вышел на дорогу, тянувшуюся примерно параллельно гряде холмов; тем или иным образом эта дорога, скорее всего, могла привести его в Порт-Пердусс.

Выйдя на середину дороги, Кугель посмотрел по сторонам и сразу оживился, заметив фермерскую повозку меньше чем в километре на востоке; у кузова повозки стояли трое.

Стараясь не производить впечатление человека, отчаянно нуждающегося в помощи, Кугель придал походке прогулочную рассеянную легкость, подобающую беззаботному страннику, но люди у повозки либо не заметили его, либо подчеркнуто не интересовались прохожими.

Приближаясь, Кугель понял, что повозка, с четырьмя мермелантами в упряжке, сломалась

— одно из высоких колес сорвалось с задней оси. Мермеланты притворялись, что их нисколько не беспокоила эта авария, и старательно отводили глаза от трех фермеров; им, как всегда, нравилось воображать, что люди — не более чем служители, обязанные их кормить и содержать в чистоте. Повозка была нагружена доверху собранными в лесу связками хвороста; по углам кузова торчали высокие гарпуны-трезубцы, призванные предотвращать внезапные налеты пикирующих пельгранов.

Кугель подошел еще ближе; теперь три фермера — судя по всему, братья — соблаговолили обернуться и взглянуть на него, но тут же вернулись к сосредоточенному созерцанию упавшего колеса.

Кугель остановился у самой повозки. Фермеры искоса наблюдали за ним с настолько очевидным отсутствием интереса, что дружелюбная улыбка застыла на лице Кугеля и стала весьма натянутой.

Прокашлявшись, Кугель спросил:

— Кажется, что-то случилось с колесом?

Ответ старшего из братьев напоминал почти неразборчивое угрюмое бурчание:

— Никому тут ничего не «кажется». Вы нас

за дураков принимаете? Случилось-то оно случилось, это последнему болвану ясно. Выпало кольцо подшипника, шарики потерялись. У нас тут серьезная проблема, так что идите своей дорогой и не мешайте нам соображать.

Кугель укоризненно поднял указательный палец:

— Никогда не следует полагаться только на себя! Кто знает? Вдруг случайный прохожий вам чем-нибудь поможет?

— Еще чего! Что вы знаете о таких вещах?

Второй брат спросил:

— И где вы взяли такую идиотскую шляпу?

Младший из троих попытался придать голосу тяжеловесно-издевательский оттенок:

— Нам пригодился бы силач, который подержал бы заднюю ось на весу, пока мы надеваем колесо. Возьметесь? Не надорветесь? А если нет, ступайте прочь, не суйтесь не в свое дело.

— Шутить изволите? Что, если я действительно могу сделать нечто в этом роде? — отозвался Кугель. Смерив повозку оценивающим взглядом, он прикинул, что она весила гораздо меньше любого из высоких столпов Нисбета. Сапоги Кугеля были смазаны осиповой ваксой, все должно было получиться. Кугель сделал шаг вперед и пнул ко-

лесо. — Теперь и колесо, и повозка должны стать невесомыми. Поднимите колесо и убедитесь в этом сами.

Младший брат схватил колесо и поднял его, приложив такое усилие, что невесомое колесо вырвалось у него из рук и взлетело высоко в небо; там его подхватил ветер — колесо поплыло по воздуху на юг. Повозка же, с деревянным блоком, служившим опорой концу задней оси, не подверглась влиянию магии и осталась такой, как прежде.

Колесо, медленно кружась, воспарило над лесом. Откуда ни возьмись, появился пельгран; совершив пируэт в воздухе, хищная тварь подхватила колесо клювом и, хлопая крыльями, улетела прочь.

— И что теперь? — поднял брови старший фермер.

Кугель удрученно покачал головой:

— Боюсь, что больше ничего не могу предложить.

— Новое колесо обойдется в десять терциев, — сухо обронил старший брат. — Выкладывайте десять монет — сию минуту. Не люблю никому угрожать, в связи с чем о других возможностях упоминать не буду.

Кугель надменно выпрямился:

— Меня не запугаешь болтовней!

— Ничего, вилы и пара дубинок заставят вас раскошелиться!

Кугель отступил на шаг и положил руку на эфес шпаги:

— Если на этой дороге и прольется чья-то кровь, это будет ваша кровь!

Фермеры отступили, пытаясь собраться с мыслями. Кугель произнес более примирительным тоном:

— Такое колесо, как ваше (без подшипника, сломанное, изношенное почти до спиц), никак нельзя оценить больше чем в пару терциев. Требовать большего просто неразумно.

Старший брат величественно заявил:

— Необходим компромисс! Я упомянул о десяти терциях, вы — о двух. Десять минус два — восемь. Заплатите нам восемь терциев, и все будут довольны.

Кугеля эти доводы не убедили.

— В ваши расчеты закрался какой-то изъян. Восемь терциев — все равно слишком много! Не забывайте, что я стремился оказать вам помощь! Почему я должен платить за благодеяние?

— Что вы называете благодеянием? То, что

наше колесо теперь витает в облаках? Нет уж, спасибо! Мы о такой помощи не просили.

— Давайте посмотрим на вещи с другой точки зрения, — предложил Кугель. — Мне нужно где-нибудь переночевать. Как далеко отсюда ваша ферма?

— До нее шесть с половиной километров, но сегодня ночью нам не придется спать в своих постелях. Мы останемся здесь, сторожить свое имущество.

— Есть и другой способ, — возразил Кугель. — Я могу сделать невесомой всю вашу повозку…

— Чтобы отправить ее в небо вслед за колесом? — взревел старший брат. — Как бы не так!

— Мы не такие деревенские лопухи, за каких вы нас принимаете! — возмутился второй брат.

— Давайте деньги и проваливайте! — воскликнул младший брат. — А если вам нужно где-то ночевать, ночуйте в усадьбе Фосельма. До нее полтора километра, прямо по дороге.

— Замечательная мысль! — широко ухмыльнувшись, заявил старший фермер. — Почему я сам об этом не подумал? Но прежде всего гоните десять терциев!

— Опять десять терциев? Это даже не смешно. Не заплачу ломаного гроша, пока не узнаю, где

смогу сегодня переночевать.

— Разве вам не сказали? Постучитесь к Фосельму! Так же как вы, он — знаменитый альтруист и никогда не откажет бродяге в ночлеге под своим гостеприимным кровом.

— Независимо от того, нахлобучили они идиотские шляпы или нет, — с усмешкой прибавил младший брат.

— Говорят, что когда-то некий Фосельм разорил всю вашу страну, — заметил Кугель. — Фосельм, живущий поблизости, — потомок того самого Фосельма? Если так, унаследовал ли он дурные привычки своего предка?

— Ничего не знаю ни о Фосельме, ни о его предках! — заявил старший брат.

— У него большая усадьба, — прибавил второй брат. — Он никогда никому не отказывает в ночлеге.

— Даже отсюда видно, как идет дым у него из трубы, — сказал младший. — Давайте деньги и ступайте подобру-поздорову. Скоро стемнеет, нам нужно приготовить средства против виспов.

Порывшись под яблоками, Кугель вынул пять терциев.

— Я вручаю вам эти деньги не для того, чтобы доставить вам удовольствие, но для того, чтобы

наказать себя за попытку вразумить трех невежественных тугодумов.

Состоялся очередной обмен оскорблениями, но в конечном счете пять монет были приняты, и Кугель удалился. Как только он обогнул повозку, он услышал, как три брата хрипло расхохотались.

Мермеланты лежали, неуклюже развалившись в грязи, и ворошили длинными языками растущие вдоль дороги сорняки в поисках сахарной травы. Когда Кугель проходил мимо, переднее в упряжке животное едва различимо, поскольку пасть его была забита полуразжеванной травой, спросило:

— Почему мужланы смеются?

Кугель пожал плечами:

— Я хотел помочь им своей магией, но их колесо улетело, и мне пришлось дать им пять терциев, чтобы они перестали ругаться.

— Обман, наглый обман с начала до конца! — заявил мермелант. — Всего лишь час тому назад они послали паренька на ферму, чтобы он прикатил новое колесо. Когда они тебя увидели, они готовы были оставить сломанное колесо в канаве.

— Предпочитаю не обращать внимания на такие мелочи, — отозвался Кугель. — Они по-

рекомендовали мне провести ночь в усадьбе некоего Фосельма. Хотя, опять же, я не доверяю добросовестности их советов.

— А! Предательские уловки грумов![3] Они воображают, что могут водить за нос кого угодно! Ха! Они послали тебя в логово волшебника весьма сомнительной репутации.

Кугель тревожно смотрел на темневшие впереди лесистые холмы:

— И никакого другого убежища поблизости нет?

— Раньше наши грумы принимали путников и убивали их в постелях. Но никто из них не хотел потеть, закапывая трупы, так что они бросили этим заниматься. Следующий постоялый двор — больше чем в тридцати километрах отсюда.

— Плохо дело, — пробормотал Кугель. — Как следует вести себя с Фосельмом?

Мермеланты задумчиво жевали сахарную траву. Один сказал:

— У тебя пиво есть? Мы большие любители

---

[3] Notes: 3

С тем чтобы удовлетворять свое тщеславие, мермеланты называют хозяев грумами или прислугой. Как правило дружелюбные, мермеланты обожают пиво; налакавшись пива, косолапые твари встают на дыбы, демонстрируя ярко-белые ребристые животы. В этом состоянии малейшая провокация вызывает у них приступы бешенства, и они уничтожают все вокруг безжалостными взмахами мощных лап. (*Прим. авт.*)

пива. Оно придает нам благородную доблесть — каждый из нас бесстрашно показывает пузо всем вокруг.

— Боюсь, что могу предложить вам только яблоки-дички.

— Давай, если они спелые, — согласился мермелант, и Кугель раздал животным все лежавшие у него в сумке яблоки.

— Если ты попросишь Фосельма устроить тебя на ночлег, опасайся его магических трюков! Недавно толстый купец выжил только потому, что всю ночь распевал похабные песенки и ни разу не повернулся к Фосельму спиной.

Один из братьев-фермеров обошел повозку и, увидев Кугеля, раздраженно остановился:

— Что вы тут делаете? Уходите и перестаньте приставать к мермелантам!

Не удостоив его ответом, Кугель пошел дальше. Когда на фоне солнечного диска уже появились силуэты вершин деревьев на гребне холма, он приблизился к усадьбе Фосельма: многоэтажному бревенчатому зданию беспорядочной планировки, со множеством различных выступающих «фонарей», с приземистыми квадратными башенками, остекленными со всех сторон, балконами, верандами, острыми коньками крыши и

дюжиной высоких узких дымовых труб.

Притаившись за стволом дерева, Кугель изучил это строение. В нескольких окнах горели огни, но Кугель не заметил внутри никаких признаков движения. «Если судить по внешнему виду, — подумал он, — это вполне респектабельное жилище, никому не пришло бы в голову, что его владелец — чудовище, подвергающее случайных жертв магическим пыткам».

Крадучись, под прикрытием деревьев и кустарника, Кугель приблизился к усадьбе. Бесшумно, как кошка, он приподнялся, взявшись за наличник окна, и заглянул внутрь.

За столом сидел и читал книгу с пожелтевшими страницами человек неопределенного возраста, сутулый и, за исключением тонкой каймы коричневато-серых волос, полностью облысевший. Его довольно-таки уплощенная сверху голова отличалась длинным горбатым носом и близко посаженными, выпуклыми, мутно-золотистыми глазами. У него были длинные узловатые руки и ноги; он носил черный бархатный костюм. Все его пальцы были украшены кольцами, причем на указательные он надел по три кольца. Он сидел в расслабленной позе, лицо его казалось спокойным, даже безмятежным; Кугель тщетно искал в

нем какие-либо признаки, которые, с его точки зрения, свидетельствовали бы о порочности или извращенности.

Кугель не преминул оценить также помещение и его интерьер. На длинной полке у стены хранились разнообразные предметы и причудливые редкости: пирамидка из черного камня, моток веревки, склянки, небольшие маски, висящие на вертикально установленной доске, стопки книг, цитра, медный духовой инструмент со множеством трубчатых завитков и клапанов, а также букет цветов, вырезанный из камня.

Кугель подбежал на цыпочках ко входной двери — на ней был закреплен массивный бронзовый дверной молоток в форме языка, болтающегося в пасти горгульи. Кугель поднял и отпустил это приспособление, а затем прокричал:

— Откройте! Добропорядочный странник нуждается в ночлеге и готов за него заплатить!

Кугель тут же подбежал к окну и снова заглянул в него. Он увидел, как Фосельм поднялся на ноги, постоял некоторое время, задумчиво склонив голову набок, после чего вышел из комнаты. Кугель сразу толкнул оконную створку и залез внутрь. Закрыв за собой окно, он схватил с полки моток веревки и притаился в темном углу.

Фосельм вернулся, озадаченно качая головой, снова уселся за стол и продолжил чтение. Кугель подкрался к нему сзади и принялся поспешно обматывать его грудь и предплечья веревкой, снова и снова, причем возникало впечатление, что моток никогда не кончится. В конечном счете Фосельм оказался весь опутан веревкой, как коконом.

Теперь Кугель отважился повернуть пленника к себе лицом. Фосельм смерил его взглядом с головы до ног — скорее с любопытством, нежели с раздражением, после чего спросил:

— Могу ли я поинтересоваться причиной вашего визита?

— Все очень просто: меня одолевает страх, — сказал Кугель. — Я не смею провести ночь под открытым небом и поэтому пришел к вам искать убежища.

— А зачем вы меня связали? — Фосельм опустил глаза, глядя на приковавшие его к спинке стула многочисленные витки веревки.

— Не хотел бы вас обижать дальнейшими объяснениями, — проворчал Кугель.

— Неужели объяснения обидят меня больше, чем тот факт, что вы меня связали?

Кугель нахмурился и постучал пальцем по

подбородку:

— Ваш вопрос затрагивает гораздо более сложные проблемы, чем может показаться на первый взгляд. Для того чтобы дать на него обстоятельный ответ, пришлось бы воспользоваться древними методами анализа различий между идеальными представлениями и реальностью.

Фосельм вздохнул:

— Сегодня вечером я не расположен к философским дискуссиям. Вы могли бы ответить в максимально приближенных к реальности терминах.

— По правде говоря, я уже забыл, в чем заключался вопрос, — признался Кугель.

— Я могу переформулировать его так, чтобы структура предложения стала предельно простой. Почему вы залезли в окно и привязали меня к стулу, вместо того чтобы воспользоваться входной дверью?

— Если уж вы настаиваете, мне придется упомянуть о нелицеприятной истине. О вас отзываются как о коварном, непредсказуемом злодее, подвергающем гостей жутким садистским проделкам.

Фосельм печально поморщился:

— В таком случае одного только отрицания этих обвинений будет явно недостаточно. Кто

распространяет обо мне такие слухи?

Кугель с улыбкой покачал головой:

— Будучи человеком чести, я никак не могу предоставить вам эту информацию.

— В самом деле! — воскликнул Фосельм и замолчал, погрузившись в раздумья.

Продолжая бдительно следить за хозяином усадьбы краем глаза, Кугель воспользовался возможностью повнимательнее изучить помещение. Помимо полки, тянувшейся вдоль стены, здесь были ковер, сплетенный из темно-красных, синих и черных волокон, открытый шкаф, содержавший книги и либрамы, а также высокий табурет.

На лоб Фосельма опустилось маленькое насекомое, летавшее по комнате. Фосельм просунул руку между витками веревки и прихлопнул насекомое, после чего вернул руку в прежнее положение, под веревочный кокон.

Кугель поразился настолько, что у него отвисла челюсть. Разве он недостаточно крепко связал своего пленника? Фосельм выглядел беспомощнее мухи, опутанной паутиной.

Внимание Кугеля отвлекло чучело птицы, высотой больше метра, с женским лицом под копной жестких черных волос. У нее надо лбом

росло нечто вроде кокошника из прозрачной пленки пятисантиметровой высоты. За плечом Кугеля послышался голос:

— Это гарпия из Ксардунского моря. Они уже почти вымерли. Гарпии любят лакомиться плотью утонувших моряков — когда корабль идет ко дну, они окружают его и с нетерпением ждут последствий. Заметьте форму ее ушей... — Рука Фосельма протянулась над плечом Кугеля и приподняла пальцем боковую прядь волос гарпии. — Они похожи на уши русалок. И будьте осторожны, не прикасайтесь к гребешку! — Палец постучал по основанию шиповатого гребня на голове гарпии. — Его зазубренные острия наносят очень болезненные уколы.

Кугель потрясенно обернулся и увидел, как невероятно вытянувшаяся рука с пальцем, задержавшись, чтобы почесать нос, втянулась под витки веревки.

Сделав несколько быстрых шагов, Кугель испытал надежность пут, охвативших предплечья пленника, — судя по всему, они были туго затянуты. Во время проверки голова Кугеля приблизилась почти вплотную к голове Фосельма; хозяин усадьбы заметил украшение на шляпе Кугеля и слегка присвистнул между зубами.

— У вас шляпа исключительно изобретательного покроя, — заметил Фосельм. — Потрясающий стиль! Хотя в наших краях вы могли бы с таким же успехом напялить на голову кожаный чулок. — С этими словами он повернул голову и опустил глаза к книге, лежавшей на столе.

— Вполне может быть, — отозвался Кугель. — Хотя, когда погаснет Солнце, каждому из нас лучше всего подойдет саван без всяких украшений.

— Ха-ха! Да уж, тогда моды потеряют всякий смысл! Вы умеете вставить острое словцо! — Фосельм взглянул на книгу. — А эта сверкающая безделушка у вас на шляпе… Где вы нашли такую драгоценность? — Фосельм снова пробежал глазами по строкам текста на станице книги.

— Просто блестящая вещица, я подобрал ее по дороге, — беззаботно отозвался Кугель. — Что вы читаете с таким вниманием? — Он поднял книгу со стола. — Гмм… «Изысканные рецепты тетушки Мильгрим»…

— В самом деле, вы мне напомнили — давно пора перевернуть морковный пудинг. Возможно, вы согласитесь разделить со мной ужин? — Обернувшись через плечо, Фосельм резко произнес: — Тцат! — Витки веревки посыпались на пол и

собрались в небольшой, не слишком аккуратный моток. Фосельм поднялся на ноги. — Я не ожидал гостей, в связи с чем сегодня нам придется трапезничать в кухне. Но мне нужно спешить, не то пудинг подгорит!

Волшебник вышел из кабинета, переставляя длинные худые ноги с выступающими коленными чашечками; Кугель неуверенно последовал за ним. Фосельм указал на стул:

— Присаживайтесь, я найду что-нибудь приятное на закуску. Конечно, не ожидайте от меня кулинарных чудес, причем я предпочитаю легкую, не слишком сытную пищу: у меня вы не попробуете никаких мясных блюд и никаких вин, воспламеняющих кровь и, по словам тетушки Мильгрим, вызывающих флактомию… Вот превосходный сок из колокольчиковых ягод — настоятельно рекомендую! А через несколько минут будут готовы рагу из трав и знаменитый морковный пудинг.

Кугель сел за стол, но продолжал неотрывно следить за Фосельмом, ходившим туда-сюда, собирая блюдечки с печеньем, баночки с вареньями, компотами и овощными паштетами.

— Мы устроим настоящий пир! Я редко позволяю себе роскошествовать, но сегодня, принимая

почетного гостя, можно послать самодисциплину ко всем чертям! — Волшебник задержался посреди кухни. — Кстати, кажется, вы не сказали, как вас зовут? С годами я становлюсь забывчивым.

— Меня зовут Кугель, я из Альмерии и теперь туда возвращаюсь.

— Альмерия! Вам предстоит долгий путь — и на каждом шагу повстречаются любопытнейшие вещи, не говоря уже об опасностях. Завидую вашей самонадеянности! Так что же, приступим к ужину?

Кугель пробовал только то, что ел сам Фосельм, — и, судя по всему, не ощущал никаких неприятных последствий. Фосельм продолжал рассуждать, аккуратно отправляя в рот маленькие порции то одного, то другого блюда:

— К сожалению, в наших краях мое имя опережает дурная слава. Очевидно, в девятнадцатом эоне здесь жил некий Фосельм, действительно отличавшийся склонностью к насилию, а через сто лет после него существовал еще один Фосельм, хотя по прошествии стольких веков их биографии сливаются в одну смутную легенду. Я содрогаюсь при мысли о злодеяниях, которые им приписываются… В наши дни самыми опасными местными преступниками можно считать

членов некой фермерской семьи, живущей по соседству: по сравнению с древним Фосельмом они, конечно, ангелы милосердия, тем не менее им свойственны весьма нежелательные привычки. Они спаивают пиво своим мермелантам, а потом посылают их запугивать прохожих на дороге. Как-то раз эти животные заявились сюда и принялись топтаться на крыльце, показывая животы. «Пива! — кричали они. — Дай нам свежего пива!» Разумеется, я не держу у себя дома подобных напитков. Я сжалился над ними и пытался подробно разъяснить, почему пьянство сопровождается вульгарным, достойным всяческого осуждения поведением, но они меня не слушали и прибегали к самым оскорбительным выражениям. Можете ли вы такое себе представить? «Лживый старый зануда! — бушевали они. — Довольно твоего кудахтанья, у нас уже уши завяли! Заткнись и дай нам пива!» Так они и сказали, слово в слово! Я ответил: «Хорошо, я вынесу вам пива». Я приготовил отвар едкого отрыжника и рвотного нуксиума, охладил его и добавил в него пенообразующее средство, чтобы он походил на пиво. Выглянув на крыльцо, я позвал их: «Вот все пиво, какое у меня есть!» — и выставил несколько кувшинов. Мермеланты опустили носы и в мгно-

вение ока все высосали. Сразу после этого они свернулись калачиками, как навозные гусеницы, и лежали без движения в течение полутора суток. Наконец они развернулись, поднялись на все четыре лапы, щедро обгадили мой двор и удалились в самом мрачном настроении. Больше они не возвращались — можно надеяться, что мой скромный урок научил их трезвости.

Кугель склонил голову набок и поджал губы:

— Любопытная история!

— Благодарю вас! — Фосельм кивнул и улыбнулся так, словно предавался приятным воспоминаниям. — Кугель, вы умеете слушать собеседника; кроме того, вы не пожираете то, что вам подали, подтирая тарелку подбородком, и не посматриваете голодными глазами по сторонам в надежде получить что-нибудь еще. Я высоко ценю ваши сдержанность и воспитанность. По сути дела, Кугель, вы мне нравитесь. Посмотрим, что я смогу сделать для того, чтобы помочь вам на дальнейшем жизненном пути. Давайте выпьем чаю в гостиной: я заварю для почетного гостя первоклассные янтарные «Крылья мотыльков»! Проходите же, вперед!

— Я подожду, пока вы не заварите чай, — отказался Кугель. — Этого требуют правила

вежливости.

Фосельм признательно произнес:

— В наше время редко приходится видеть хорошие манеры. Нынешнее поколение разучилось себя вести — молодые люди умеют только потворствовать своим инстинктам.

Под бдительным наблюдением Кугеля Фосельм заварил чай и налил его в тонкостенные фарфоровые чашки. Поклонившись, хозяин усадьбы учтивым жестом пригласил Кугеля:

— Проходите, пожалуйста!

— Только после вас, — поклонился в ответ Кугель.

Фосельм скорчил гримасу капризного удивления, но пожал плечами и прошел в гостиную первым.

— Присаживайтесь, Кугель. Самое удобное кресло — обитое зеленым велюром.

— Я что-то беспокоюсь, не нахожу себе места, — сказал Кугель. — Мне лучше постоять.

— По меньшей мере снимите шляпу, — уже немного раздраженным тоном предложил Фосельм.

— Да-да, конечно, — откликнулся Кугель.

Фосельм пристально следил за ним, как птица за червячком.

— Что вы делаете?

— Снимаю украшение. — Защитив руки сложенным вдвое шейным платком, Кугель опустил чешуйку в поясную сумку. — У этой безделушки твердые острые края — не хотел бы случайно поцарапать вашу мебель.

— Ваша благоразумная предусмотрительность заслуживает небольшого вознаграждения. Как вам нравится, например, эта веревка? По ней когда-то прошел Лажнасценте Лемуриан, она наделена магическими свойствами. В частности, она подчиняется приказам и растягивается, не теряя прочности, на любое требуемое расстояние. Не могу не заметить, что вы носите прекрасную старинную шпагу. Филигранная отделка эфеса позволяет предположить, что она была изготовлена в Харае, в восемнадцатом эоне, — надо полагать, из стали высшего качества. Но хорошо ли она заточена?

— Очень хорошо, — подтвердил Кугель. — Если бы мне захотелось, я мог бы бриться этим клинком.

— Тогда отрежьте себе кусок веревки удобной длины — скажем, три метра. Он легко поместится у вас в сумке, но по вашему приказу растянется хоть на пятнадцать километров.

— Щедрый подарок! — отозвался Кугель и отмерил трехметровый отрезок веревки. Тем не менее, когда он попытался отрубить отрезок, взмахнув шпагой, клинок отскочил от веревки. — Странно! — пробормотал Кугель.

— Ха! А вы-то думали, что у вас острая шпага! — Фосельм приложил два пальца ко рту, расплывшемуся в игривой ухмылке. — Но мы попробуем устранить этот недостаток. — Волшебник вынул из шкафа длинный футляр и открыл его. Под крышкой оказался блестящий серебристый порошок.

— Проведите шпагой вдоль футляра, погрузив лезвие в глиммистер, — сказал Фосельм. — При этом ни в коем случае не прикасайтесь к порошку пальцами, иначе они превратятся в жесткие серебряные прутки.

Кугель осторожно выполнил инструкции. Когда он провел шпагой по углублению футляра, вслед за лезвием просыпалось небольшое облачко тончайшего порошка.

— Хорошенько встряхните клинок, — посоветовал Фосельм. — Излишек глиммистера только повредит ножны.

Кугель встряхнул шпагу — лезвие очистилось. Теперь оно искрилось мельчайшими радужны-

ми отблесками, а весь клинок словно светился изнутри.

— А теперь отрежьте веревку! — предложил Фосельм.

Шпага легко разрезала веревку — так, словно та была тонким стеблем водоросли.

Кугель осторожно смотал отрезок веревки.

— А как ей приказывать?

Фосельм поднял оставшуюся на полу часть магической веревки.

— Если я хочу что-нибудь заарканить, я подбрасываю веревку повыше и пользуюсь заклинанием «Тцип» — вот таким образом…

— Стойте! — вскрикнул Кугель, замахнувшись шпагой. — Никаких демонстраций!

Фосельм усмехнулся:

— Кугель, вы пугливее птички-нектарницы! Тем не менее это скорее достоинство, нежели недостаток. В нашем больном и порочном мире опрометчивые храбрецы не доживают до старости. Не бойтесь веревки — я буду осторожен. Наблюдайте! Для того чтобы веревка отпустила схваченный объект, прикажите «Тцат» — и она к вам вернется. Вот таким образом! — Фосельм отошел на шаг и развел руки жестом человека, которому нечего скрывать. — Ну, скажите, разве

я веду себя как «коварный, непредсказуемый злодей»?

— Несомненно — в том случае, если вы, будучи злодеем, замыслили жестокий обман и хотите притвориться альтруистом.

— Тогда каким образом можно отличить злодея от альтруиста?

Кугель пожал плечами:

— Существенной разницы между ними нет.

Фосельм, казалось, не обратил внимания на последнее замечание: его подвижный ум уже интересовался новым вопросом.

— Меня обучали знатоки древних традиций! Мы опирались на аксиоматические принципы, которых вы как человек высшего сословия, несомненно, придерживаетесь, не правда ли?

— Совершенно верно, во всех отношениях! — заявил Кугель. — Учитывая, конечно, тот факт, что в различных странах и даже различными отдельными людьми в качестве фундаментальных истин воспринимаются самые несовместимые утверждения.

— Тем не менее некоторые истины универсальны, — возразил Фосельм. — Например, старинный обычай, согласно которому гость и тот, кто его принимает, обмениваются дарами.

Будучи альтруистом, я приготовил для вас здоровую и питательную трапезу, подарил отрезок волшебной веревки и предложил магический состав, навсегда заостривший и закаливший вашу шпагу. Вы можете требовать на полном основании, чтобы я принял от вас равноценный дар, хотя не могу ожидать от вас ничего большего, чем ваше уважение и доверие…

Кугель великодушно развел руками и тут же откликнулся:

— И они ваши — безвозмездно и вкупе с искренней благодарностью! А теперь, Фосельм, так как я устал в пути…

— Кугель, ваша щедрость неизмерима! Время от времени на одиноком извилистом пути быстротечного бытия нам встречается незнакомец, и он практически мгновенно — по меньшей мере возникает такое впечатление — становится нашим ближайшим, надежнейшим другом. Мне будет очень жаль, когда вы уйдете! Вы просто обязаны оставить мне какой-нибудь сувенир — по сути дела, я откажусь от любого подарка, кроме той побрякушки, которую вы носили на шляпе. Я понимаю, что она практически ничего не стоит, но это был бы символический жест — сувенир позволил бы мне вспоминать о вашем

посещении так, как будто все это было вчера, вплоть до счастливого дня вашего возвращения! Будьте добры, передайте мне украшение.

— С удовольствием! — ответил Кугель. С величайшей осторожностью засунув руку в поясную сумку, он вынул дешевую кокарду, первоначально украшавшую его шляпу. — Пожалуйста, примите этот сувенир вместе с моими наилучшими пожеланиями.

Фосельм взглянул на украшение, после чего поднял выпуклые мутно-золотистые глаза, сосредоточив их на лице Кугеля. Оттолкнув кокарду, он воскликнул:

— Нет, Кугель! Вы жертвуете слишком многим! Это драгоценность — нет, не возражайте! Все, чего я хотел, — другая, довольно-таки пошлая безделушка с фальшивым красным камнем посередине, я успел ее заметить раньше. Нет-нет! Я настаиваю! Я выставлю ее на почетном месте в гостиной!

Кугель кисло улыбнулся:

— В Альмерии живет Юкоуну, Смешливый Волшебник.

Фосельм невольно поморщился.

Кугель продолжал:

— Когда я встречусь с ним опять, он спросит:

«Кугель, где мой пекторальный неборазрывный брызгосвет, доверенный вам на хранение?» Что я ему скажу? Что не смог отказать некоему Фосельму с холмов за степью Рухнувшей Стены?

— Над этим следует подумать, — пробормотал Фосельм. — Мне в голову приходит одно возможное решение проблемы. Допустим, вы решили бы не возвращаться в Альмерию. В таком случае Юкоуну никогда не узнает, что вы отдали мне брызгосвет. Или, например… — Фосельм внезапно замолчал.

Прошло несколько секунд. Фосельм произнес самым дружелюбным тоном:

— Надо полагать, вы порядком устали и хотели бы отдохнуть. Но сперва давайте попробуем мою горькую ароматическую настойку — она способствует пищеварению и укрепляет нервы!

Кугель пытался отказаться, но Фосельм ничего не хотел слышать. Он принес небольшую черную фляжку и два хрустальных стаканчика. В стаканчик Кугеля он налил намного бледной жидкости — чуть-чуть, на самое донышко.

— Я сам дистиллировал эту настойку! Попробуйте — уверен, она вам понравится.

Рядом со стаканчиком Кугеля пролетел мотылек — и тут же замертво упал на стол.

Кугель поднялся на ноги:

— Сегодня вечером мне не нужны никакие тонизирующие напитки. Где я смогу выспаться?

— Пойдемте. — Фосельм провел Кугеля вверх по лестнице и открыл дверь, ведущую в комнату. — Здесь тихо и спокойно — вы сможете выспаться на славу, уверяю вас.

Кугель отступил на шаг:

— Но в этой спальне нет окон! Мне будет душно.

— Даже так? Что ж, заглянем в другую… Как вам понравится эта? Здесь мягкая кровать с чистой постелью.

— В чем назначение тяжелой чугунной решетки над кроватью? Что, если ночью она на меня упадет?

— Кугель, вы настоящий пессимист! Нужно обращать внимание и на светлые стороны жизни! Например, вы заметили эту вазу с цветами у кровати?

— Она очаровательна! Давайте взглянем на другую комнату.

— Неужели так трудно лечь в постель и выспаться? — раздраженно спросил Фосельм. — Вы всегда так капризничаете? Давайте поднимемся еще на этаж… Эта спальня вам тоже не понравит-

ся? Здесь прекрасная постель и широкие окна. Могу только надеяться, что вы не страдаете головокружением — здесь довольно высоко.

— Эта комната мне вполне подойдет, — сказал Кугель. — Фосельм, позвольте пожелать вам спокойной ночи.

Фосельм спустился по лестнице. Кугель закрыл дверь и широко открыл окно. На фоне звездного неба он мог различить силуэты высоких дымовых труб и одинокий старый кипарис, возвышавшийся над крышей усадьбы.

Привязав конец магической веревки к ножке кровати, Кугель пнул кровать сапогом — та мгновенно стала невесомой и приподнялась над полом. Кугель подвел кровать к окну и вытолкнул ее наружу, под ночное небо. Потушив светильник, он перебрался на повисшую в воздухе кровать и оттолкнулся от стены усадьбы так, чтобы лететь в направлении старого кипариса. Привязав другой конец веревки к дереву, он приказал:

— Веревка, растянись!

Веревка подчинилась, и Кугель воспарил на кровати высоко в стороне над усадьбой, казавшейся сверху силуэтом неправильной формы, чернее ночного мрака — и только там, где в

комнатах еще горел свет, виднелись маленькие желтые прямоугольники.

Кугель позволил веревке растянуться метров на тридцать, после чего приказал:

— Веревка, больше не растягивайся!

Кугель ощутил мягкий толчок: кровать остановилась в воздухе. Кугель устроился поудобнее и лежал, глядя на усадьбу.

Прошло полчаса. Кровать покачивалась от дуновения блуждающего ветерка, и Кугель, прикрывшийся стеганым пуховым одеялом, стал засыпать. Его веки отяжелели и смыкались… Внезапно из окна той комнаты, где Фосельм устроил Кугеля на ночлег, вырвался сноп света. Протирая глаза, Кугель приподнялся и сел в постели, глядя на шлейф бледно светящегося газа, распространявшегося из открытого окна.

В комнате снова стало темно. Еще через несколько секунд в ней зажегся свет, и в желтом прямоугольнике окна появился неуклюжий черный силуэт Фосельма, расставившего на подоконнике острые локти. Голова его дергалась — Фосельм смотрел по сторонам, вглядываясь в темноту.

Наконец он отошел в глубь комнаты, и свет в окне погас.

Кугель решил, что находиться поблизости от усадьбы слишком опасно. Он взялся за веревку и приказал:

— «Тцат»!

Натяжение веревки сразу ослабло.

— Веревка, ко мне! — приказал Кугель.

Веревка сократилась до трехметровой длины.

Кугель повернулся лицом к усадьбе:

— Каковы бы ни были твои деяния или злодеяния, Фосельм, я благодарен тебе за эту веревку, а также за постель — хотя, к сожалению, мне так-таки придется спать под открытым небом.

Перегнувшись через край кровати, он заметил очертания озаренной бледным светом звезд дороги. Ветра практически не было — кровать потихоньку плыла на запад под безоблачным ночным небом.

Кугель привязал шляпу к стойке кровати, закрепил на ней брызгосвет, растянулся в постели, накрылся пуховым одеялом и заснул.

Звезды медленно перемещались по небу. Откуда-то издалека, из северных пустошей, послышался скорбный стон виспа, повторился еще раз — и наступило молчание. Так прошла ночь.

Восходящее Солнце разбудило Кугеля. Сначала он не мог понять, где очутился. Перекинув ногу

через край кровати, он тут же испуганно подтянул ее назад.

Поперек солнечного диска скользнула черная тень; нечто темное и тяжелое стремительно спустилось с неба и уселось на кровать в ногах Кугеля — сравнительно молодой пельгран, судя по шелковистой серой опушке выпуклого брюха. Из пасти продолговатой полуметровой головы хищника, будто вырезанной из черного хитина, как у жука-оленя, торчали белые, загнутые вверх клыки.

— Сегодня я позавтракаю в постели, — с издевкой произнес пельгран. — Такое случается нечасто.

Вытянув шею, пельгран схватил Кугеля за лодыжку, но Кугель отдернул ногу и дотянулся до эфеса шпаги… Он никак не мог вынуть ее из ножен, лежа в постели. Лихорадочно барахтаясь, Кугель зацепил концом ножен шляпу; привлеченный красным блеском, пельгран вытянул шею вперед. Кугель ткнул неборазрывным брызгосветом прямо в морду летучего монстра.

Широкие поля шляпы и ужас, охвативший Кугеля, помешали ему понять, что произошло. Кровать слегка подскочила, освобожденная от дополнительного веса. Пельгран исчез.

Кугель оглядывался в полном замешательстве.

Пельгран словно растворился в воздухе.

Кугель взглянул на брызгосвет: чешуйка, казалось, сверкала ярче прежнего.

Соблюдая величайшую осторожность, Кугель надел шляпу на голову. Перегнувшись через край кровати, он заметил приближавшуюся по дороге небольшую двухколесную тележку — ее толкал перед собой толстый подросток лет двенадцати-тринадцати.

Кугель сбросил конец веревки так, чтобы она зацепилась за пень, и притянул кровать к поверхности земли. Как только подросток с тележкой стал приближаться, Кугель выскочил на дорогу:

— Стой! Что тут у нас такое?

Паренек испуганно отпрыгнул.

— Я везу новое колесо для повозки и завтрак для братьев: горшок с тушеным мясом, круглый хлеб и кувшин вина. Если вы разбойник, ничего больше вы не найдете.

— Предоставь мне судить об этом, — возразил Кугель. Пнув колесо, чтобы сделать его невесомым, Кугель запустил его далеко в небо; изумленный подросток наблюдал за происходящим с открытым ртом. Тем временем Кугель забрал из тележки горшок с мясом, хлеб и вино. — Можешь

идти, — сказал он пареньку. — А если твои братья спросят, куда ты дел колесо и завтрак, упомяни имя Кугель, а также напомни им о пяти терциях.

Подросток бегом покатил пустую тележку, а Кугель отнес горшок с мясом, хлеб и вино к приземлившейся кровати и, отцепив веревку от пня, поднялся в воздух.

По дороге уже бежали три фермера — за ними, пыхтя, поспевал толстый паренек. Остановившись, все четверо стали орать:

— Кугель! Ты где? Мы хотели бы обменяться с тобой парой слов! — Один из братьев изобретательно прокричал:

— Мы хотим вернуть твои пять терциев!

Кугель не удостоил их ответом. Вглядываясь в небо в поисках улетевшего колеса, подросток заметил плывущую по воздуху кровать и указал на нее пальцем. Побагровевшие от злости фермеры стали грозить Кугелю кулаками и осыпать его проклятиями.

Несколько минут Кугель безмятежно забавлялся этой сценой, но северный утренний бриз стал крепчать и понес его над холмами в направлении Порт-Пердусса.

Глава IV
От Порт-Пердусса до Каспары-Витатус

1. В доках

Попутный ветер нес Кугеля, удобно устроившегося на кровати, над лесистыми холмами. Когда он пролетел над гребнем последней гряды холмов, ландшафт словно растворился в бескрайних далях — перед ним с востока на запад простерся подобно огромной плоскости, залитой расплавленной латунью, эстуарий реки Чейнг.

На западе вдоль берега тянулась цепочка беспорядочно разбросанных построек из серого, обросшего лишайником камня: Порт-Пердусс. К причалам пришвартовались пять или шесть суденышек — на таком расстоянии Кугель не мог отличить одно от другого.

Кугель лег поперек кровати, выставив шпагу с одной стороны, а сапоги — с другой, чтобы на них воздействовала сила притяжения, и таким образом заставил кровать постепенно снижаться. Подгоняемая капризными порывами ветра, кровать падала неуправляемо и в конечном счете свалилась в густую поросль тростника-тульсифе-

ра, всего лишь в нескольких метрах от реки.

Неохотно покинув летучую кровать, Кугель стал выбираться на береговую дорогу, что оказалось не так-то просто: ему пришлось идти по болотистой, норовящей засосать сапоги почве, покрытой десятками видов более или менее враждебных человеку растений: рыжеватым и черным дурнишником, кустами крапивника, козляком с жесткими коричневыми цветами и чувствительной лозой, с отвращением расступавшейся перед Кугелем. На него злобно шипели синие ящерицы. Раздраженный соприкосновением с крапивным кустом, Кугель ругался в ответ:

— Шипите, шипите, ползучие твари! Чего еще ожидать от пресмыкающихся гадов?

Ящерицы, словно угадывая смысл адресованных им оскорблений, агрессивно подбегали к нему сзади и подскакивали к самым ногам, продолжая шипеть и плеваться, пока Кугель не поднял достаточно тяжелый сук — размахивая этим орудием, ему удалось отогнать синих злючек.

Наконец Кугель вышел на дорогу. Стряхнув грязь с одежды, он похлопал шляпой по колену, стараясь при этом не прикасаться к блестящему брызгосвету. Затем, нахлобучив шляпу набе-

крень и повернув шпагу на поясе так, чтобы у него был самый залихватский вид, он направился в сторону Порт-Пердусса.

Еще не вечерело. Вдоль дороги росли, один за другим, высокие деодары; Кугель то заходил в их глубокие тени, то выходил из них навстречу красному солнечному свету. Время от времени он замечал одинокую хижину на склоне холма или полуразвалившуюся баржу, застрявшую на прибрежной отмели. Он прошел мимо древнего кладбища с могильными плитами, покосившимися под сенью когда-то высаженных рядами, но беспорядочно разросшихся кипарисов, после чего дорога повернула к реке, чтобы обогнуть утес, на плоской вершине которого виднелись развалины дворца.

Уже в самом городе дорога продолжалась по противоположному набережной краю центральной площади, вдоль фасада большого полукруглого здания, некогда служившего театром или концертным залом, но теперь превращенного в гостиницу, а затем возвращалась к берегу — к тем судам, которые Кугель заметил еще с воздуха. Кугель не мог не задавать себе тревожный вопрос: может ли быть, чтобы «Галанте» все еще оставалась в порту?

Это было маловероятно — но все-таки возможно.

Случайная встреча с капитаном Бонтом, с Дрофо, с мадам Сольдинк или даже с самим мастером Сольдинком могла привести к весьма неприятным для Кугеля последствиям.

Остановившись посреди дороги, Кугель перебирал в уме возможные варианты объяснений и оправданий, которые могли бы способствовать разрядке напряженности. Наконец ему пришлось признаться самому себе, что ни один из этих вариантов не приводил к успеху и что церемонный поклон или даже простой, ни к чему не обязывающий кивок послужил бы той же цели ровно в той же степени.

Продолжая внимательно смотреть по сторонам, Кугель приблизился размашистыми шагами к покосившейся старой пристани. У причалов стояли три океанских и два небольших каботажных судна, а также паром, перевозивший людей и грузы на другой берег эстуария.

К своему огромному облегчению, Кугель убедился в том, что «Галанте» здесь не было.

Первое судно, пришвартованное дальше других вниз по течению от центральной площади (тяжелая безымянная баржа), явно использовалось

в целях речной торговли. Второе, крупная карака под названием «Левкидион», уже разгрузилось и теперь, судя по всему, ремонтировалось. Третье, ближайшее к площади, быстроходное легкое судно поменьше других, называлось «Авентура»; на него как раз загружали товары и провизию.

В доках преобладала сравнительно оживленная атмосфера — мимо то и дело проезжали подводы, грузчики, как водится, кричали и ругались, а с палубы баржи доносились веселые звуки гармони.

Пузатый румяный коротышка в форме явно незначительного должностного лица задержался, чтобы смерить Кугеля расчетливым взглядом, после чего отвернулся и зашел в один из ближайших складов.

На гакаборт «Левкидиона» облокотился грузный моряк в белой с голубыми полосками тельняшке, с коническим черным колпаком на голове; в мочке его правого уха болталась золотая цепочка, а из левой щеки выступала золотая бобышка с закупоренным отверстием — внешность безошибочно выдавала в нем уроженца

Кастильонского побережья[4].

Кугель приблизился к «Левкидиону» уверенной походкой, придавая лицу самое дружелюбное выражение, и приветственно помахал рукой.

Капитан безразлично наблюдал за ним, не ответив ни малейшим движением.

Кугель громко обратился к нему:

— Превосходное судно! Не могу не заметить, однако, что оно еще не готово к выходу в море.

Капитан наконец отреагировал:

— Мне это известно.

— Куда вы направитесь после ремонта?

— По обычному маршруту.

— То есть?

— В Латтикут и к Трем Сестрам — или в Вой, если туда адресован груз.

— Я надеюсь доплыть до Альмерии, — сообщил Кугель.

— В этом ничем не могу помочь, — с желчной

---

[4] Notes: 4

На кастильонских банкетах бочка с вином или с пивом устанавливается на балконе, над трапезным залом. К каждому из сидящих за общим столом спускается гибкая трубка. Пирующий усаживается и вставляет трубку в отверстие бобышки, вживленной в щеку, — это позволяет ему непрерывно пить, пока он ест, не затрачивая лишние усилия и время на то, чтобы открывать бутыли, разливать вино или пиво по бокалам или кружкам, поднимать эти сосуды, наклонять их и опускать на стол, рискуя их разбить или пролить содержимое. Таким образом, он может есть и пить гораздо эффективнее, и у него остается больше времени для участия в хоре, горланя веселые песни. (*Прим. авт.*)

усмешкой отозвался капитан. — Я не трус, но еще не сошел с ума.

Несколько раздосадованный таким замечанием, Кугель возразил:

— Кто-то же должен отправиться на юг из Порт-Пердусса! Как может быть иначе?

Капитан пожал плечами и поднял глаза к небу:

— Если таково ваше обоснованное заключение, несомненно, так оно и есть.

Кугель нетерпеливо хлопнул ладонью по набалдашнику эфеса шпаги.

— Вы могли бы предложить какой-нибудь способ отправиться на юг?

— Морем? — Капитан указал большим пальцем на «Авентуру»: — Поговорите с Вискичем. Он — рехнувшийся дилк, а в кораблевождении понимает не больше овцы с Голубых гор. За достаточную плату он отвезет вас хоть в Джеханну огненную!

— Мне достоверно известно, — сказал Кугель, — что в Порт-Пердусс прибывают суда из Саскервоя, с которых товары перегружают на другие суда, отправляющиеся в Альмерию.

Капитан слушал, не проявляя особого интереса.

— Скорее всего, эти товары везут дальше караваном, поручая их заботам Ядкомо или Вармуса. Так или иначе, насколько мне известно, Вискич берет такие грузы на борт «Авентуры», когда отплывает на юг. Все дилки — сумасшедшие. Они думают, что будут жить вечно, и отказываются думать об опасностях. Они развешивают на мачтах фонари, чтобы, когда погаснет Солнце, они могли найти обратный путь по морю в Дилклузу.

Кугель хотел задать еще несколько вопросов, но капитан отвернулся и зашел к себе в каюту.

Пока Кугель говорил с моряком в тельняшке, коротышка в униформе вышел из складского здания. Прислушавшись к разговору на несколько секунд, он торопливо направился к «Авентуре», взбежал по трапу и исчез в какой-то каюте. Почти мгновенно он оттуда вышел и спустился по трапу, слегка задержавшись на причале, после чего, игнорируя Кугеля, стал возвращаться к складу — теперь уже спокойной и важной походкой.

Тем временем Кугель тоже приблизился к «Авентуре», надеясь по меньшей мере узнать маршрут, по которому предстояло плыть судну Вискича. На поручне трапа была закреплена табличка с объявлением, немедленно приковавшим внимание Кугеля:

К СВЕДЕНИЮ ПАССАЖИРОВ, ОТПЛЫВАЮЩИХ НА ЮГ!

МАРШРУТ НАШЕГО СУДНА ОКОНЧАТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЕН:

МАХЭЙЗ, ТУМАННЫЕ ОСТРОВА, ЛАВРРАКИ-РЕАЛ, ОКТОРУС, КАЙИН И ДРУГИЕ ПОРТЫ АЛЬМЕРИИ.

НЕ ПОДНИМАЙТЕСЬ НА БОРТ БЕЗ БИЛЕТА!

ПРИОБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ В КАССЕ НАШЕГО АГЕНТА, В СЕРОМ СКЛАДСКОМ ЗДАНИИ НА НАБЕРЕЖНОЙ.

Кугель пересек пристань размашистым шагом и зашел в указанное здание. На двери бокового конторского помещения висела потертая вывеска:

БИЛЕТНАЯ КАССА

Кугель направился туда. За колченогим столом сидел откормленный коротышка в темной униформе — теперь он заносил какие-то записи в раскрытую перед ним ведомость.

Чиновник поднял голову:

— Чем я могу вам помочь, сударь?

— Я хотел бы отправиться в Альмерию на борту «Авентуры». Вы могли бы выписать мне билет?

Агент перевернул страницу ведомости и, с со-

мнением прищурившись, просмотрел столбец каракуль.

— К сожалению, должен сообщить, что все места на этот рейс уже заказаны. Увы… Одну минуту! Возможно, кто-то отменил заказ! Если это так, вам повезло, так как в этом году никаких других плаваний в Альмерию не предвидится… Посмотрим, посмотрим. Да! Иерарх Хоппл заболел и не сможет прибыть вовремя.

— Превосходно! Сколько стоит билет?

— Проезд в освободившейся каюте первого класса — стоимость питания включена — обойдется в двести терциев.

— Что?! — вскричал Кугель. — Это возмутительный грабеж! У меня с собой сорок пять терциев, и я не заплачу ни гроша больше!

Агент спокойно кивнул:

— И снова вам повезло. Иерарх внес залог в размере ста пятидесяти терциев, и, согласно нашим правилам, залог не подлежит возврату. Не вижу причины, по которой мы не могли бы прибавить к этой сумме ваши сорок пять. Несмотря на то что пяти терциев будет не хватать, вы получите билет — мне всего лишь придется слегка подправить запись в бухгалтерской книге.

— Очень любезно с вашей стороны! — побла-

годарил Кугель. Он достал монеты из поясной сумки и отсчитал их агенту, а тот передал ему листок, испещренный неизвестными Кугелю символами:

— Вот ваш билет.

Кугель осторожно сложил билет вдвое и поместил его в сумку.

— Надеюсь, что смогу взойти на борт судна сейчас же, — сказал он, — так как у меня не осталось средств на оплату крова и пищи в каком-нибудь другом месте.

— Разумеется, с этим не должно быть никаких проблем! — заверил его агент. — Но если вы подождете здесь несколько минут, я сбегаю к «Авентуре», чтобы предупредить капитана о вашем прибытии.

— Премного благодарен, — отозвался Кугель и устроился на стуле. Агент удалился из конторы.

Прошло десять минут, двадцать минут, полчаса. Кугель стал беспокоиться и, подойдя к выходу из склада, посмотрел по сторонам. Но агента на пристани не было.

«Странно!» — подумал Кугель. Он заметил также, что табличка с объявлением, закрепленная на трапе «Авентуры», исчезла. «Само собой! — сказал себе Кугель. — Так как теперь свободных

мест не осталось, нет необходимости в дальнейшей рекламе маршрута».

Пока Кугель ждал, высокий рыжий субъект с мускулистыми руками и ногами подошел, слегка пошатываясь, к причалу — он явно выпил лишнего в баре гостиницы. Хватаясь за поручни, рыжий верзила поднялся по трапу «Авентуры» и скорее ввалился, нежели зашел в каюту.

«А! — подумал Кугель. — Все ясно. Это капитан Вискич, и агент ждал его возвращения. Теперь он должен вот-вот спуститься по трапу».

Прошло еще десять минут. Солнце уже почти опустилось за зеркальные воды эстуария, и на Порт-Пердусс нисходили темно-розовые сумерки.

Капитан появился на палубе, чтобы проналюдать за погрузкой провизии, доставленной на подводе. Кугель решил больше не ждать. Поправив шляпу, чтобы она сидела на голове под надлежащим углом, он прошелся по пристани к трапу «Авентуры» и представился капитану:

— Сударь, меня зовут Кугель, и я — один из ваших пассажиров первого класса.

— Все мои пассажиры — первого класса! — заявил капитан Вискич. — Можете оставить мелочные привилегии на пристани, у меня на

борту вся эта чепуха не имеет значения.

Кугель открыл было рот, чтобы напомнить об условиях приобретения билета, но тут же закрыл его: возражать капитану в данном случае было бы равносильно попытке настаивать на «мелочных привилегиях». Заметив, что с подводы на палубу поднимали провизию явно превосходного качества, Кугель с одобрением произнес:

— Возникает впечатление, что у вас будет достаточный запас первосортных продуктов. Надо полагать, ваших пассажиров неплохо кормят!

Капитан Вискич расхохотался — точнее, визгливо заржал:

— У меня все делается как положено! Верно, это первосортные продукты, и они предназначены для меня и команды. Пассажиры едят чечевичную похлебку и манную кашу — если не доплачивают за пропитание, в каковом случае им полагается кангол в качестве добавки.

Кугель глубоко вздохнул:

— Могу ли я поинтересоваться, сколько времени займет плавание отсюда до Альмерии?

Капитан уставился на Кугеля с пьяным изумлением:

— До Альмерии? Какого черта кто-нибудь стал бы плыть в Альмерию? Прежде всего судно за-

стрянет в плавучей трясине вонючих водорослей полтораста километров в поперечнике. Корпус судна обрастет этими водорослями, и по ним на борт заберется целая армия насекомых. За трясиной — Водоворотный залив, за ним — Безмятежное море, где кишат пираты с Джхардинского побережья. А затем, если не сделать большой крюк и не обогнуть Грозовые острова с запада, приходится заплыть в Селеюн — заплыть-то туда просто, а вот выплыть удается не каждому.

Кугель возмутился:

— Как это следует понимать? Вы не плывете на юг, в Альмерию?

Капитан Вискич хлопнул по груди огромной красной ладонью:

— Я — дилк! Я ничего не боюсь! Но если смерть заходит в дверь, я прыгаю в окно. «Авентура» отправляется в спокойное плавание — сначала в Латтикут, потом в Аль-Халамбар, оттуда к Ведьминому Носу и к Трем Сестрам, после чего обратно в Порт-Пердусс. Хотите плыть со мной? Платите за проезд — и можете повесить гамак в трюме.

— Но я уже заплатил за билет! — закричал Кугель. — За проезд до Альмерии, с заходом в Махэйз!

— В это тараканье гнездо? В жизни не брошу там якорь! Дайте-ка взглянуть на ваш билет.

Кугель предъявил ему документ, выписанный так называемым агентом. Капитан Вискич посмотрел на бумажку под одним углом, потом под другим.

— Ничего не понимаю! Не могу даже это прочесть. А вы можете?

— Это не имеет значения. Вы должны отвезти меня в Альмерию или вернуть мне деньги, а именно сорок пять терциев.

Капитан удивленно покачал головой:

— В Порт-Пердуссе полно мошенников и шарлатанов. Вас надули самым изобретательным и оригинальным способом! Но меня вы не надуете. Немедленно убирайтесь с палубы.

— Никуда я не уйду, пока вы не вернете сорок пять терциев! — Кугель многозначительно положил руку на эфес шпаги.

Капитан Вискич схватил Кугеля за шиворот и за штаны на заднице, заставил его пройти по палубе в почти подвешенном состоянии, после чего спустил по трапу мощным толчком в спину.

— Не возвращайтесь! Я занятой человек. Эй, там, на подводе! Вы еще не привезли последнюю партию! А мне пора поднимать якорь!

— Всему свое время! — закричал в ответ возница подводы. — Сперва я должен отвезти товары для каравана Вармуса. И будьте добры заплатить мне за этот рейс, я по-другому не веду дела. Деньги на бочку, только так!

— Тогда принесите счет-фактуру, и мы проверим, все ли товары в наличии.

— В этом нет необходимости. Груз уже на борту.

— Груз оказывается на борту только тогда, когда я скажу, что он на борту! До тех пор вы от меня не получите ни терция.

— Вы только задерживаете доставку последней партии вашей провизии, а мне еще нужно отвезти товары Вармусу!

— Тогда я сам подведу счет и заплачу сколько получится.

— Ни в коем случае! — Проклиная задержку, возница поднялся на палубу «Авентуры».

Кугель вернулся на набережную и преградил путь одному из грузчиков:

— Одну минуту, будьте так любезны! Сегодня после полудня я заключил сделку с жирным маленьким человечком в темной форме. Где его можно было бы найти? У меня к нему срочное дело.

— Похоже, что вы имеете в виду мастера Саббаса. Бедняга повредился в уме, печальный случай! Когда-то он был владельцем парка подвод. Но с годами он спятил и теперь называет себя Аферистом Сабом, причем над ним все смеются. Его сын, мастер Йодер, только что спорил с капитаном Вискичем, а потом поднялся на палубу «Авентуры». Если вы оказались таким растяпой, что отдали свои терции Аферисту Сабу, вам придется рассматривать свою ошибку как благотворительное пожертвование — в унылой жизни слабоумного Саббаса наступил счастливый день!

— Вполне может быть, но я отдал ему деньги в шутку и теперь хотел бы их вернуть.

Грузчик покачал головой:

— Ваши деньги пропали навсегда, как луны древней Земли.

— Но мастер Йодер должен нести какую-то ответственность за проделки сумасшедшего отца?

Грузчик только рассмеялся и ушел заниматься своими делами.

Через некоторое врем Йодер спустился по трапу. Кугель шагнул к нему:

— Сударь, я вынужден опротестовать действия вашего отца! Он продал мне фиктивный билет, якобы дающий право на проезд в качестве пасса-

жира «Авентуры», и теперь…

— Вы сказали — «Авентуры»?

— Именно так! И в связи с этим…

— В связи с этим обращайтесь к капитану Вискичу! — С этими словами Йодер отвернулся и вскочил на сиденье подводы.

Кугель мрачно вернулся на центральную площадь. Во дворе рядом с гостиницей Вармус готовил караван к дальнему пути. Кугель заметил три экипажа (в каждом размещалась дюжина пассажиров) и четыре фургона, нагруженных товарами, оборудованием и провизией. Вармуса сразу можно было отличить от других: грузный, плечистый человек с кудрявой желтоватой шевелюрой и мясистыми предплечьями и бедрами; он серьезно наблюдал за работой мягко-голубыми глазами, постоянно сохраняя решительное выражение лица.

Понаблюдав за Вармусом, Кугель подступил к нему и представился:

— Сударь, меня зовут Кугель. Насколько я понимаю, вы — Вармус, руководитель каравана.

— Так оно и есть.

— Могу ли я спросить, когда ваш караван выходит из Порт-Пердусса?

— Завтра — если я получу все необходимые

запасы от бездельника, разъезжающего на подводе.

— Не могу ли я поинтересоваться также, каким будет предполагаемый маршрут каравана?

— Здесь нет никакого секрета. Наш пункт назначения — Торкваль, и мы рассчитываем прибыть туда прежде, чем начнется Фестиваль Облагораживаний. По пути мы минуем Каспару-Витатус, откуда дороги расходятся в нескольких направлениях. Однако должен вас уведомить о том, что свободных мест не осталось. Мы больше не принимаем заявки на поездку с караваном.

— Может быть, вам потребуется дополнительный погонщик, служитель или охранник?

— Персонала у меня достаточно. Тем не менее благодарю вас за интерес, — вежливо закончил разговор Вармус.

Кугель безутешно забрел в гостиницу — она действительно оказалась устроенной в бывшем театре. Сцена теперь служила первоклассным рестораном для посетителей с щепетильными вкусами, а в оркестровой яме располагался общий трапезный зал. Ложи на нескольких ярусах переоборудовали в спальные номера, откуда постояльцы, открывая двери на балкон, могли наблюдать сверху как за рестораном первого

класса, так и за находившимся ниже трактиром.

Кугель представился дородной женщине, сидевшей в конторе за перегородкой с окошком.

— Я только что прибыл в город, — сухо и деловито сообщил Кугель. — Важные дела займут меня на протяжении почти всей недели. На все это время мне потребуются кров и пища — разумеется, самого высокого качества.

— Очень хорошо, сударь! Мы будем рады вас обслужить. Как вас зовут?

— Кугель.

— От вас потребуется залог в размере пятидесяти терциев.

— Я предпочитаю платить за постой перед отъездом, — чопорно возразил Кугель, — после того как я внимательно проверю выставленный счет.

— Сударь, наши правила неукоснительны. Вы не поверите, сколько бродяг и проходимцев пытаются нас обмануть всевозможными способами!

— Тогда мне придется ненадолго вас покинуть: нужно найти моего слугу — у него багаж и деньги.

Кугель вышел из гостиницы. Подумав о том, что, может быть, ему удастся случайно встретить мастера Саббаса, он вернулся на набережную.

Солнце зашло; Порт-Пердусс погрузился в гу-

стые сумерки винного оттенка. Деятельность в доках слегка притихла, хотя подводы еще подвозили грузы к судам, выезжая из ворот складских помещений.

Аферист Саба нигде не было видно, но Кугель уже забыл о нем — ему пришла в голову новая (и многообещающая!) идея. Он приблизился к тому складу, где Йодер хранил провизию, и притаился в тени, ожидая дальнейших событий.

Из склада выехала подвода, управляемая не Йодером, а человеком с копной коричневато-рыжих волос и длинными щетинистыми усами с навощенными закрученными кончиками. Он модно одевался — на нем были широкополая шляпа с высоким зеленым плюмажем, сапожки с раздвоенными носками и доходивший до колен лиловато-розовый сюртук с вышивкой, изображавшей желтых птиц. Кугель снял шляпу — самый заметный предмет его гардероба — и засунул ее за пояс.

Как только подвода отъехала от склада на несколько метров, Кугель выбежал из укрытия, преградив дорогу, и торопливо спросил:

— Это последняя партия провизии для «Авентуры»? Если так, капитан Вискич очень недоволен чрезмерной задержкой!

Водитель ответил с неожиданно страстным возбуждением:

— Так оно и есть, это провизия для «Авентуры». А насчет задержек я ничего не знаю! У меня в кузове — первосортные продукты и отборный ассортимент настоек.

— Прекрасно! Не надо так волноваться по этому поводу. Счет-фактура у вас с собой?

— Конечно! Капитан Вискич обязан уплатить все до последнего терция, прежде чем я разгружу хоть одну баночку с анчоусами. Таковы полученные строгие указания.

Кугель успокоительно поднял руку:

— Хорошо, хорошо! Все будет в порядке. Капитан Вискич зашел на склад, чтобы осведомиться о доставке. Пойдемте туда со мной — и не забудьте счет!

Кугель провел водителя к старому серому складу, темневшему в сумерках, и жестом указал на боковое помещение, обозначенное табличкой «БИЛЕТНАЯ КАССА».

Водитель заглянул в контору:

— Капитан Вискич? Почему вы сидите в темноте?

Кугель набросил плащ на голову водителя и крепко связал его чудесной растягивающейся

веревкой, после чего заткнул рот пленника его же шейным платком.

Отобрав у него счет-фактуру, Кугель снова надел плащ и присвоил широкополую шляпу водителя.

— Я скоро вернусь. Тем временем отдохните и успокойтесь.

Кугель подъехал на подводе к «Авентуре» и остановился. С причала слышно было, как капитан Вискич делал кому-то выговор на полубаке. Кугель тревожно покачал головой. Соотношение риска и прибыльности его аферы внушало серьезные опасения: с капитаном Вискичем следовало подождать.

Кугель поехал дальше по набережной, пересек площадь и направился туда, где Вармус расхаживал между фургонами и давал указания работникам.

Нахлобучив экспроприированную шляпу так, чтобы ее поля почти закрывали лицо, Кугель спрятал шпагу под плащом и подошел к Вармусу со счетом в руке:

— Сударь, я доставил вашу провизию — вот подлежащий немедленной оплате счет.

Вармус взял счет и просмотрел его.

— Триста тридцать терциев? Это первосортные

продукты! Я заказывал провизию подешевле, и мне обещали, что счет составит не больше двухсот монет.

Кугель отозвался любезно-безразличным жестом и великодушно заявил:

— В таком случае с вас причитается двести терциев. Для нас важнее всего, чтобы заказчики были полностью удовлетворены.

Вармус еще раз просмотрел счет.

— На редкость выгодная сделка! Но почему бы я стал с вами спорить? — Он передал Кугелю кошелек: — Подсчитайте монеты, если хотите. Уверяю вас, однако, что кошелек содержит требуемую сумму.

— Ваших заверений вполне достаточно, — ответил Кугель. — Я оставлю подводу здесь, вы можете разгрузить ее в любое удобное для вас время. — Откланявшись, Кугель удалился.

Вернувшись на склад, он нашел возницы подводы в том же состоянии, в каком оставил.

— «Тцат»! — приказал Кугель, и магическая веревка распустилась. Водрузив широкополую шляпу на голову водителя, Кугель предупредил: — Не двигайтесь пять минут! Я буду стоять у входа, и если ваш нос высунется наружу, отрублю его шпагой! Все понятно?

— Понятно, — пробормотал возница.

— В таком случае прощайте! — Кугель вышел на набережную и направился к гостинице, где внес залог за постой и ему отвели номер на балконе бывшего театра.

Поужинав колбасками с хлебом, Кугель прогулялся по темной площади перед фасадом гостиницы. Его внимание привлек спор, разгоревшийся на выгоне, где готовился к выезду караван Вармуса. Присмотревшись, Кугель понял, что Вармуса обступили разгневанные капитан Вискич и мастер Йодер. Вармус наотрез отказывался отдать провизию, пока Вискич не заплатит ему двести терциев и еще пятьдесят за работу, связанную с разгрузкой подводы. Разъяренный капитан размахнулся, чтобы ударить Вармуса кулаком, но тот вовремя шагнул в сторону и нанес Вискичу такой удар, что капитан опрокинулся навзничь. Стоявшие неподалеку моряки из команды «Авентуры» бросились на помощь капитану, но их встретили караванные работники Вармуса с кольями в руках, и моряки получили основательную взбучку.

Капитан Вискич и его команда удалились в гостиницу, чтобы обсудить новую стратегию сопротивления, но вместо этого выпили неве-

роятное количество вина и вели себя настолько непотребно, что их задержала городская полиция. Их посадили в казематы старой крепости на склоне холма и приговорили к трем суткам заключения.

Когда Вискича и его матросов утащили в тюрьму, Кугель погрузился в глубокое и длительное раздумье, после чего вышел на площадь и снова обратился к Вармусу:

— Может быть, вы помните, что сегодня я интересовался возможностью присоединиться к вашему каравану.

— Условия не изменились, — коротко обронил Вармус. — Все места заняты.

— Допустим, однако, — продолжал Кугель, — что в вашем распоряжении будет еще один большой, роскошный экипаж, в котором могут удобно разместиться двенадцать пассажиров, — найдете ли вы достаточное число желающих занять места в таком экипаже?

— Несомненно! Но им придется ждать следующего каравана, иначе мы пропустим Фестиваль. Мы выезжаем утром, и времени для доставки дополнительной провизии уже не осталось.

— Доставку провизии к утру тоже можно обеспечить, если мы договоримся.

— Что вы предлагаете?

— Я предоставлю экипаж и провизию. Вы найдете еще двенадцать пассажиров и возьмете с них самую высокую цену. Я ничего не плачу. Мы разделим чистую прибыль.

Вармус поджал губы:

— Не вижу, почему бы это мне повредило. Где экипаж?

— Пойдемте, мы его добудем.

Вармус с сомнением последовал за Кугелем к докам, где к этому времени грузчики уже разошлись и подводы больше не появлялись. Кугель взошел на борт «Авентуры», привязал конец магической веревки к кольцу на носу и перебросил другой конец Вармусу, стоявшему на причале. Кугель пнул корпус «Авентуры» смазанным осиповой ваксой сапогом, и судно мгновенно стало невесомым. Спустившись на причал, Кугель отвязал швартовы, и судно, к изумлению Вармуса, поднялось в воздух.

— Растянись, веревка! — приказал Кугель, и «Авентура» поднялась выше, в ночное небо.

Совместными усилиями Вармус и Кугель оттащили судно по воздуху вдоль дороги на некоторое расстояние от окраины города и спрятали его в роще кладбищенских кипарисов, после чего

вернулись в гостиницу.

Кугель хлопнул начальника каравана по плечу:

— Мы заключили взаимовыгодный договор и поработали на славу!

— Я не доверяю магии, — пробормотал Вармус. — От всех этих чудес мурашки бегут по коже.

Кугель махнул рукой:

— Вместо того чтобы беспокоиться понапрасну, давайте выпьем по бокалу вина, чтобы отпраздновать сделку, хорошенько выспимся, а завтра утром отправимся в путь!

2. Караван

В предрассветной тишине Вармус собрал работников, выстроил в надлежащем порядке фургоны и экипажи и рассадил пассажиров по отведенным местам, успокоительно отвечая на жалобы вежливыми замечаниями и невинным взором голубых глаз. Казалось, Вармус одновременно поспевал всюду — тяжеловесная фигура в черных сапогах, крестьянской подпоясанной рубахе и мешковатых штанах; плоская широкополая шляпа закрывала его светлые кудри.

Время от времени он подводил к Кугелю пасса-

жиров со словами:

— Отведите еще одно место в первом классе!

Постепенно собралась группа из шести таких пассажиров, в число которых входили две женщины, Эрмольда и Ниссифера, — судя по всему, средних лет, хотя, в случае Ниссиферы, об этом трудно было судить, так как она закуталась с ног до головы в длинную рыжевато-коричневую плащаницу и носила надвинутую на уши мягкую шапку с непроницаемой вуалью. Ниссифера вела себя отстраненно и молчаливо, причем, казалось, поскрипывала при ходьбе. Эрмольда, пухлая и болтливая, отличалась крупными чертами влажного лица и сотнями кудряшек медно-малинового цвета.

В дополнение к Ниссифере и Эрмольде наслаждаться привилегиями первого класса решили четверо мужчин — разношерстная компания, включавшая Голфа Раби, экклезиарха и пантолога, неких Клиссума и Перрукиля, а также Иванелло, молодого красавца, с завидным изяществом носившего модный костюм; присущая Иванелло манера общения варьировалась в довольно-таки ограниченном диапазоне между беззаботной снисходительностью и насмешливым презрением.

Последним присоединился к этой группе Клиссум, обходительный корпулентный господин, излучавший неизъяснимый шарм профессионального эстета. Познакомившись с ним, Кугель отвел Вармуса в сторону.

— Теперь у нас шесть пассажиров первого класса, — сказал Кугель. — Каюты 1, 2, 3 и 4 предназначены для пассажиров. Кроме того, мы можем использовать двухместную каюту, которую раньше делили кок и стюард, в связи с чем караванным повару и стюарду придется довольствоваться помещением на полубаке. В качестве капитана воздушного судна я, естественно, займу каюту на корме. Короче говоря, все места снова заняты.

Вармус почесал щеку; на его притворно-туповатом лице отразилось полное непонимание:

— Не может быть! Судно крупнее трех экипажей, вместе взятых!

— Совершенно верно, но трюмы занимают много места.

Вармус недовольно крякнул:

— Нужно еще что-нибудь придумать.

— Не вижу в сложившейся ситуации никаких недостатков, — возразил Кугель. — Если вы сами пожелаете лететь на «Авентуре», можете занять

койку на форпике.

Вармус покачал головой:

— Проблема не в этом. Нужно освободить места для дополнительных пассажиров. По сути дела, я намеревался использовать с этой целью каюту на корме — зачем она вам или мне? В конце концов, мы с вами бывалые путешественники и не привыкли нежиться в роскоши…

Кугель поднял руку:

— Вы неправы! Именно потому, что мне пришлось пережить множество невзгод и лишений, я высоко ценю удобства цивилизации. Все места на «Авентуре» заняты. Мы больше не можем предлагать каюты первого класса.

Вармус демонстрировал ослиное упрямство:

— Прежде всего, я не могу предоставить повара и стюарда, если им предстоит обслуживать всего лишь шестерых пассажиров и вас. Значит, обязанности такого персонала придется выполнять вам.

— О чем вы говорите? — воскликнул Кугель. — Будьте так добры, вспомните условия нашего договора! Я — капитан, а не стюард и не повар.

Вармус глубоко вздохнул:

— Кроме того, я уже продал еще четыре места первого класса — ага! Вот они! Доктор Лаланке и

его спутники.

Обернувшись, Кугель увидел высокого угрюмого господина с нездоровым бледно-свинцовым оттенком кожи, густой черной шевелюрой, вопросительно приподнятыми черными бровями и остроконечной черной бородкой.

Вармус представил его:

— Кугель, перед вами доктор Лаланке, знаменитый ученый и мудрец.

— Вы мне льстите! — поклонился Лаланке.

За доктором следовали вереницей, медленными длинными шагами, неподвижно опустив руки вдоль узких бедер подобно механическим куклам или сомнамбулам, три девушки, каждая бледнее доктора Лаланке; их непроницаемо плотные черные волосы были коротко подстрижены.

Кугель переводил взгляд с одной девушки на другую: они были почти одинаковыми (или даже совершенно одинаковыми), у всех трех были одни и те же большие серые глаза, широкие скулы и впалые щеки, сходившиеся к маленьким острым подбородкам. Они носили облегающие белые бриджи, свидетельствовавшие о не слишком женственной форме их ног и бедер, а также бледно-зеленые кофты, опоясанные в талии. Девушки остановились за спиной доктора Лаланке

и неподвижно смотрели в сторону реки, ничего не говоря и не проявляя никакого интереса к происходящему.

«В высшей степени необычные существа!» — подумал Кугель.

Доктор Лаланке обратился к Вармусу:

— Перед вами три компонента моего небольшого одушевленного табло — если угодно, считайте их мимами. Их зовут Сущь, Скася и Рлысь, хотя я не имею представления, кто из них кто, а им, по всей видимости, все равно. Я рассматриваю их как своих подопечных. Они пугливы и чувствительны и будут рады разместиться поодаль от посторонних глаз в большой каюте, о который вы упомянули.

Кугель тут же сделал шаг вперед:

— Одну минуту! Кабину на корме «Авентуры» занимает капитан — другими словами, я. На борту есть места для шестерых пассажиров первого класса. Но пассажиров теперь десятеро. Вармус, вы обязаны сейчас же исправить свою ошибку!

Потирая подбородок, Вармус поднял глаза к небу:

— Солнце уже восходит, а нам нужно прибыть к Роднику Фиркле до наступления темноты. Предлагаю осмотреть каюты первого класса и

подумать о том, как можно было бы решить возникшую проблему.

Вармус, Кугель и пассажиры первого класса направились к кипарисовой роще, где скрывалась «Авентура». По пути Вармус вкрадчиво убеждал Кугеля:

— В таком предприятии, как наше, иногда приходится идти на небольшие уступки ради общего дела. Поэтому…

Кугель безапелляционно прервал его:

— Не пытайтесь меня задобрить! Никаких уступок!

Вармус с сожалением покачал головой:

— Кугель, вы меня разочаровываете. Не забывайте о том, что я помог вам приобрести судно, причем рискуя своей репутацией!

— Решающую роль сыграли мое планирование и моя магия! Вы всего лишь тянули веревку. Учтите также, что в Каспаре-Витатус мы расстанемся. Вы продолжите путь в Торкваль, а я полечу на юг на своем судне.

Вармус пожал плечами:

— Не предвижу никаких трудностей — кроме тех, которые нам предстоит преодолеть через несколько минут. Необходимо определить, кто из пассажиров первого класса согласится занять

место в колесном экипаже, а кто будет упрямо настаивать на своем.

— Разумный подход, — согласился Кугель. — В вашем деле есть свои хитрости, которым мне придется учиться на своем опыте.

— Вот именно. А теперь о тактических методах: должно возникать впечатление, что мы придерживаемся одного и того же мнения. В противном случае пассажиры начнут восстанавливать нас друг против друга, и мы не сможем контролировать ситуацию. Так как предварительное обсуждение любого возникающего вопроса невозможно, давайте сигнализировать о своем мнении следующим образом: кашлянув, мы будем сообщать, что, по нашему мнению, пассажира следует оставить на судне, а шмыгнув носом — о том, что его лучше поместить в колесном экипаже.

— Договорились!

Приблизившись к судну, пассажиры остановились, скептически разглядывая его. Перрукиль, мелкий тощий субъект с горящими глазами, словно сделанный из одних нервов и костей, посмел даже предположить, что его пытаются обмануть:

— Вармус, что вы затеяли? Взяли наши терции, а теперь собираетесь оставить нас в каютах заброшенного корабля, после чего потихоньку

смоетесь со всем вашим караваном? Так, что ли? Предупреждаю: я не вчера родился!

— Как правило, корабли не плавают по суше, — пробормотал эстет Клиссум.

— Совершенно верно! — подтвердил Вармус. — Благодаря магии Кугеля, однако, это судно безопасно и беспрепятственно плывет по воздуху.

Кугель строго произнес:

— В связи с тем что допущена достойная сожаления ошибка, проезда на борту «Авентуры» ожидают десять человек, тогда как в имеющихся каютах поместятся только шестеро. Четверым пассажирам предлагается ехать в колесном экипаже первого класса, во главе каравана — перед ними откроется ничем не загороженный вид на окрестности. Поэтому позвольте спросить: у кого из вас наблюдаются приступы головокружения или чрезмерная боязнь высоты?

Перрукиль практически пританцовывал, подстегиваемый эмоциональными спазмами:

— Не смирюсь ни с каким ухудшением условий! Я первый заплатил за проезд, и Вармус гарантировал мне первоклассное обслуживание! Если потребуется, я могу привести констебля, засвидетельствовавшего сделку, — он подтвердит обоснованность моих претензий.

Вармус многозначительно кашлянул — Кугель отозвался таким же кашлем.

Эрмольда отвела Вармуса в сторону и настойчиво прошептала ему на ухо несколько слов, заставивших Вармуса схватиться обеими руками за свои золотистые кудри. Встретившись глазами с Кугелем, он резко кашлянул.

Клиссум сказал:

— У меня нет выбора, я подчиняюсь неизбежности! Придорожная пыль для меня нестерпима — я начну хрипеть, задыхаться и корчиться в астматических судорогах.

Перрукиля, по всей видимости, оскорбляли произношение нараспев и эпикурейские манеры Клиссума. Он вызывающе обронил:

— Если у вас настолько хрупкое здоровье, зачем вы пустились в дальний путь по караванным тропам?

Обратив глаза к небу, Клиссум ответил самым звучным тоном:

— В то время как безвозвратно проходят последние секунды моего бытия на этой умирающей планете, я не поддаюсь унынию, не позволяю себе погрузиться в отчаяние! Здесь еще возможны славные подвиги, мир еще полон чудес! Я — пилигрим, совершающий паломничество дли-

ной в целую жизнь, я вечно пребываю в поиске — здесь, там, везде — того неуловимого свойства, которое…

— Какое отношение все это имеет к вашей астме? — нетерпеливо вмешался Перрукиль.

— Взаимосвязь в данном случае носит как косвенный, так и непосредственный характер. Я поклялся, что, невзирая ни на что, буду петь свои оды на Фестивале, даже если лицо мое побагровеет в астматическом припадке. И когда я узнал, что смогу путешествовать в чистом воздухе, высоко над землей, радости моей не было предела!

— Вот еще! — пробормотал Перрукиль. — Что, если мы все страдаем астмой? Вармус никого не позаботился об этом спросить.

Пока продолжался этот спор, Вармус прошептал Кугелю на ухо:

— Эрмольда призналась, что беременна! Она опасается того, что толчки и сотрясения экипажа могут привести к самым нежелательным последствиям. Ничего не поделаешь — ей предстоит возлежать на подушках на борту «Авентуры».

— Вы правы, — откликнулся Кугель.

Их внимание привлек беззаботный смех Иванелло, говорившего:

— Я полностью доверяю Вармусу! Знаете по-

чему? Потому что я уплатил двойную цену за лучшие доступные удобства, каковые, согласно его обещанию, я могу выбрать по своему усмотрению. Следовательно, я выбираю каюту на корме! Кугель может ночевать с караванными служащими.

Кугель отчетливо шмыгнул носом и заявил не допускающим возражений тоном:

— В данном случае Вармус имел в виду исключительно колесные экипажи. Такому молодому человеку, как вы, доставит удовольствие возможность время от времени спрыгивать на землю и прогуливаться, собирая ягоды по пути. Каюты «Авентуры» зарезервированы для разборчивых пассажиров, заслуживших высокую репутацию, таких как Клиссум и Эрмольда.

— Вы сомневаетесь в моей репутации? — возмутился экклезиарх Голф Раби. — Я изучил четыре бесконечности и состою действительным членом Коллегии. Я привык к тому, чтобы мне оказывали особое почтение. Кроме того, мне нужна тишина, чтобы я мог предаваться медитации, то есть меня следует разместить в каюте.

Шурша одеждами и распространяя вокруг себя кисловатый запах, Ниссифера выступила на пару шагов вперед и произнесла странным гортанным

полушепотом:

— Я полечу на корабле. Любой, кто попытается мне помешать, будет запятнан.

Закинув голову, Иванелло смерил эту особу надменным взглядом из-под полуопущенных век.

— «Запятнан»? Что вы имеете в виду?

— Вам не терпится узнать? — прошептала Ниссифера.

Кугель внезапно встревожился и обвел глазами присутствующих: где были доктор Лаланке и его подопечные? Мучимый опасениями, Кугель взбежал по трапу на палубу.

Опасения оправдались. Три одинаковые девушки заняли каюту на корме. Доктор Лаланке стоял у входа и жестикулировал. Заметив Кугеля, он раздраженно воскликнул:

— Непослушные маленькие бестии! Как только им приходит в голову какой-нибудь каприз, с ними невозможно справиться! Должен признаться, я просто выхожу из себя!

— Тем не менее они должны покинуть мою каюту!

Лаланке кисло усмехнулся:

— Ничего не могу поделать. Убеждайте их сами — может быть, у вас что-нибудь получится.

Кугель зашел в каюту. Три девицы сидели на

койке и глядели на него большими серыми глазами. Кугель указал на дверь:

— Выходите сейчас же! Это капитанская каюта, я — капитан.

Словно по сигналу, все три девушки подтянули ноги под скамью и обняли колени руками.

— Да-да, все это очаровательно, — отреагировал Кугель. — Не уверен, однако, в том, что подобные бесполые маленькие создания соответствуют моим вкусам. В надлежащих обстоятельствах я не прочь был бы поэкспериментировать, но не со всеми тремя сразу: это не позволило бы мне сосредоточиться. А теперь воспользуйтесь своими хрупкими ножками и выходите на палубу — или мне придется вас вытолкать!

Девицы сидели неподвижно, как три совы.

Кугель вздохнул:

— Что поделаешь? Придется вас вытаскивать. — Он уже направился к койке, когда снаружи послышался голос Вармуса:

— Кугель, где вы? Нужно принимать решение!

Вернувшись на палубу, Кугель обнаружил, что пассажиры первого класса уже взошли по трапу и спорили, не пуская друг друга в каюты. Вармус обратился к Кугелю:

— Мы больше не можем задерживаться! Я при-

веду сюда караван — судно полетит за первым экипажем.

— На борту слишком много людей! — в отчаянии возопил Кугель. — Четверо должны спуститься и занять места в экипажах! Тем временем доктор Лаланке и его труппа самовольно заняли мою каюту!

Вармус пожал широкими плечами:

— Вы — капитан, вам достаточно отдать соответствующие приказы. Тем временем отвяжите все швартовы, кроме одного, и проследите за тем, чтобы ваша магия работала как следует.

Вожатый каравана спустился на землю.

— Подождите! — закричал Кугель. — Где стюард? Кто будет готовить и подавать блюда?

— Всему свое время, — отозвался Вармус. — Приготовьте полдник сами — вам все равно нечего делать. Так что поднимайте трап! Готовьтесь к отъезду!

Сплюнув от досады, Кугель привязал к стволу кипариса трос, продетый в кольцо на носу судна, после чего освободил и сложил в бухты на борту остальные швартовы. С помощью доктора Лаланке и Клиссума он затащил на палубу трап.

По дороге приблизился караван. Вармус отвязал трос от кипариса, и невесомое судно плавно

поднялось в воздух. Вожатый каравана привязал трос к задней перекладине головного экипажа, запряженного двумя фарлоками-тяжеловозами из породы черных колоколорогов. Вармус без лишних слов взобрался на козлы экипажа, и караван двинулся по прибрежной дороге.

Остановившись на средней палубе, Кугель посмотрел по сторонам. Пассажиры выстроились вдоль поручней, поздравляя друг друга с удачным способом передвижения. Между ними уже возникло нечто вроде атмосферы товарищества — не разделяла это настроение лишь Ниссифера, сидевшая в неуклюжей позе на крышке люка, ведущего в трюм. Впрочем, доктор Лаланке тоже предпочитал стоять поодаль от других, облокотившись на поручень. Кугель присоединился к нему:

— Вам удалось вывести своих подопечных из моей каюты?

Доктор Лаланке сокрушенно покачал головой:

— Любопытные существа, невинные и непосредственные, они подчиняются только собственным потребностям.

— Но не могут же они не выполнять ваши недвусмысленные указания?

Каким-то удивительным образом доктор Ла-

ланке умудрился придать лицу одновременно извиняющееся и насмешливое выражение.

— Так может показаться со стороны. Я нередко задаю себе вопрос: «За кого они меня принимают?» В любом случае своим хозяином не считают.

— В высшей степени любопытно! Каким образом они оказались под вашей опекой?

— Что ж, прежде всего вам следовало бы знать, что я унаследовал огромное состояние. Я живу на берегу реки Сцонглеи, неподалеку от Старого Ромарта. Моя усадьба построена из редких пород дерева: тарринха, сетчатого дифоно, скиля, пурпурного транка, камфера и дюжины других. Окруженный роскошью, я мог бы вести легкую жизнь; тем не менее, для того чтобы как-то оправдать свое существование, я занимаюсь описанием биографий и достижений великих чародеев. У меня хранится примечательная коллекция связанных с ними редкостей и чудодейственных артефактов. — Пока доктор говорил, его взгляд вдруг сосредоточился на брызгосвете, украшавшем шляпу Кугеля.

Кугель осторожно спросил:

— Значит, вы тоже чародей?

— Увы! Для этого мне не хватает способностей.

Иногда мне удается запомнить какое-нибудь пустячное заклинание, отгоняющее кровососущих насекомых или успокаивающее рычащих собак, но такая магия, как ваша (позволяющая судну плыть по воздуху), мне недоступна. Тем временем, раз уж мы завели разговор о волшебстве, не могу не обратить внимание на предмет, сверкающий на вашем головном уборе: от него исходит безошибочная магическая эманация!

— У этой безделушки сложная история. Я мог бы вам рассказать ее в другое, удобное для этого время, — уклонился Кугель. — В настоящий момент, однако…

— Разумеется! Вас гораздо больше интересуют мимы, как я их называю. Вполне возможно, что их первоначальное назначение состояло именно в том, чтобы устраивать бессловесные представления.

— Больше всего меня интересует способ изгнать их из моей каюты.

— Мой рассказ не займет много времени, хотя сначала я должен упомянуть о Великом Мофоламе позднего восемнадцатого эона. Архичародей Моэль Лель-Лайо обитал во дворце, вырезанном из цельной глыбы лунного камня. Даже в наши дни, прогуливаясь по равнине Серых Те-

ней, можно найти пару его осколков. Занимаясь раскопками древних склепов, я нашел камбентовый ларец, содержавший три статуэтки из растрескавшейся, выцветшей, покрытой пылью тысячелетий слоновой кости — каждая высотой не больше пальца. Я взял эти фигурки к себе в усадьбу и хотел промыть их, но они впитывали всю льющуюся на них воду. В конце концов я опустил их в бассейн, чтобы они успели вымокнуть за ночь. Наутро я обнаружил трех девиц, находящихся теперь на борту вашего судна. Я присвоил им имена Сущь, Скася и Рлысь, в честь Трацинтийских граций, и попробовал научить говорить, но они ни разу не издали ни звука — даже между собой они не обмениваются ни словом.

Причудливые, неизъяснимо привлекательные существа! Я мог бы описывать их поведение часами… Я называю их мимами, потому что время от времени на них находит особое настроение: они начинают вставать в позы, красоваться и подражать сотням всевозможных телодвижений, устраивая целые представления, смысл которых для меня непостижим. Я научился позволять им поступать по-своему, а за это они позволяют мне их содержать.

— Все это замечательно, — кивнул Кугель. —

Но отныне мимам позднего восемнадцатого эона предстоит столкнуться с современной реальностью, олицетворенной моей персоной. Предупреждаю вас: вполне возможно, что мне придется выгнать их из каюты, прибегнув к насилию!

Доктор Лаланке скорбно пожал плечами:

— Не сомневаюсь, что при этом вы постараетесь соблюдать всю возможную осторожность. Что вы намерены сделать?

— Для предварительных размышлений не осталось времени! — Кугель решительно направился к двери капитанской каюты и распахнул ее. Три девицы, как прежде, сидели на койке, рассматривая Кугеля с бесстрастным любопытством.

Кугель сделал шаг в сторону и указал на открытую дверь:

— Вставайте и уходите! Сейчас же! Вон отсюда! Мне пора прилечь и отдохнуть.

Ни одна из девиц не пошевелилась. Кугель подошел к ним и взял за предплечье крайнюю правую. Помещение тут же наполнилось стремительным движением — Кугель и опомниться не успел, как вылетел из каюты головой вперед.

Разъяренный, Кугель снова забежал внутрь и попытался схватить ближайшую из трех де-

вушек. Сохраняя самое серьезное и спокойное выражение лица, она ускользнула от его хватки, и снова каюту заполнил вихрь фигур, подобный трепещущему танцу теней на стенах и на потолке. Наконец Кугелю удалось схватить одну из девиц сзади и вынести на палубу. Он тут же ощутил сильный толчок в спину; ему пришлось отпустить пленницу, чтобы удержаться на ногах, и вынесенная из каюты девица сразу вернулась внутрь.

Помимо доктора Лаланке, за происходящим уже наблюдали другие пассажиры. Они смеялись, обмениваясь шутливыми замечаниями; во всеобщей забаве не участвовала только Ниссифера. Доктор Лаланке наставительно произнес, подтверждая собственные наблюдения:

— Видите, что происходит? Чем грубее с ними обращаются, тем решительнее они сопротивляются.

— Рано или поздно им захочется есть, и они выйдут, — процедил сквозь зубы Кугель. — И тогда мы посмотрим, кто останется на палубе.

Доктор Лаланке покачал головой:

— Не слишком на это надейтесь. Они редко и мало едят — лишь время от времени соглашаются закусить кусочками фруктов или пирожных,

запивая глотком вина.

— Постыдитесь, Кугель! — вмешалась Эрмольда. — Неужели вы намерены обречь на голодовку трех несчастных девушек, и так уже бледных и тощих?

— Если им не нравится голодать, пусть выходят из моей каюты!

Экклезиарх поднял поразительно длинный, белый и костлявый указательный палец с желтым морщинистым ногтем:

— Кугель, вы заботитесь о своих удобствах так, словно вы — нежная оранжерейная орхидея. Почему бы, хотя бы раз в жизни, не восстать против тирании физиологических нужд? Могу предоставить вам трактат, посвященный этому вопросу.

Клиссум произнес:

— В конечном счете, невозможно не прийти к выводу, что вам следует уделять удобствам пассажиров больше внимания, чем своим собственным. Кроме того, не забывайте, что Вармус гарантировал нам ежедневный обед из пяти или шести аппетитных блюд. Солнце давно взошло — вам пора по меньшей мере заняться приготовлением полдника.

Когда Кугель обрел, наконец, дар речи, он сказал:

— Если Вармус предоставил вам такие гарантии, пусть он и занимается приготовлением блюд.

Перрукиль начал возмущаться, но Кугель был неумолим:

— Мои проблемы имеют для меня первостепенное значение!

— В таком случае что делать нам? — вопросил Перрукиль.

Кугель указал на планширь:

— Спуститесь по тросу и пожалуйтесь Вармусу! Так или иначе, меня больше не беспокойте.

Перрукиль промаршировал к бушприту и поднял крик.

Вармус повернул к нему большое круглое лицо:

— В чем проблема?

— Проблема в Кугеле. И она требует безотлагательного решения.

Вармус терпеливо остановил караван, притянул судно тросом к земле и взобрался на палубу:

— Так в чем же дело?

Перрукиль, Клиссум и Кугель заговорили одновременно. Вармус поднял руку:

— По одному, будьте добры! Перрукиль, на что вы жалуетесь?

Перрукиль указал на Кугеля дрожащим пальцем:

— Он бездушен, как камень! Он отказывается готовить блюда и не уступает помещения тем, кто так дорого за них заплатил!

Вздохнув, Вармус спросил:

— Так что же, Кугель? Как вы объясняете свое поведение?

— Мое поведение ни в каких объяснениях не нуждается. Выгоните сумасшедших девиц из моей каюты — в противном случае «Авентура» больше не будет следовать за караваном и поплывет по воздуху под парусами туда, куда дует ветер.

Вармус повернулся к доктору Лаланке:

— Ничего не поделаешь, придется подчиниться требованиям Кугеля. Позовите девушек на палубу.

— Но где в таком случае мы будем спать?

— На полубаке есть три койки для команды — их могут занять ваши подопечные. В мастерской плотника, на форпике, есть еще одна койка — там тихо, и она вполне устроит достопочтенного Голфа Раби. Эрмольду и Ниссиферу мы разместим в левобортных каютах, Иванелло и Перрукиля — в каютах по правому борту, а вы разделите с Клис-

сумом каюту, рассчитанную на двух пассажиров. Таким образом все проблемы будут решены. Так что позовите девиц.

Доктор Ланке с сомнением возразил:

— В том-то и дело! Они не желают выходить! Кугель дважды пытался их выгнать — и дважды они выгоняли его самого.

Иванелло, лениво прислонившийся к поручню, прибавил:

— О, это было презабавное зрелище! Кугель вылетел из каюты так, словно пытался перепрыгнуть с разбега широкую канаву!

Доктор Лаланке вступился за девушек:

— Скорее всего, они неправильно истолковали намерения Кугеля. Предлагаю зайти в капитанскую каюту втроем. Вармус, ступайте вперед, я за вами, а Кугель последует за мной. Позвольте мне объясниться с мимами жестикуляцией.

Все трое зашли в каюту, где три девицы продолжали скромно сидеть на койке. Доктор Лаланке продемонстрировал им последовательность жестов; три девушки тотчас же вышли из каюты одна за другой, всем своим видом выражая беспрекословную покорность.

Вармус в замешательстве покачал головой:

— Не понимаю, чем была вызвана суматоха!

Кугель, вам больше не на что пожаловаться?

— Скажу только одно: теперь «Авентура» может снова лететь за караваном.

Клиссум погладил пухлый подбородок:

— Так как Кугель отказывается работать в камбузе, кто будет готовить и подавать обещанные вами гастрономические шедевры?

Перрукиль мстительно прибавил:

— Кугель предложил поручить обязанности повара вам, господин Вармус!

— Кугель прекрасно знает, что у меня есть более существенные обязанности, — сухо отозвался Вармус. — Похоже, мне придется назначить стюарда исключительно для обслуживания пассажиров воздушного судна. — Нагнувшись над планширем, вожатый каравана прокричал: — Пришлите сюда Поррейга!

Три девицы внезапно исполнили головокружительные акробатические номера (крадучись, нечто вроде зловещего синхронного балета), закончив все это издевательскими взглядами и презрительными жестами в адрес Кугеля. Доктор Лаланке истолковал их перемещения:

— Они выражают некую эмоцию, или, точнее, свое отношение к происходящему. В чем именно оно заключается, не посмею определить.

Кугель высокомерно отвернулся — что позволило ему заметить шлейф коричневой атласной плащаницы, исчезнувший в капитанской каюте, дверь которой тут же захлопнулась.

Кугель яростно обратился к вожатому каравана:

— Закутанная с головы до ног женщина, Ниссифера, только что проскочила в мою каюту!

— Пора положить конец этому безобразию! — решил Вармус. Громко постучав в дверь каюты, он позвал: — Мадам Ниссифера, будьте любезны удалиться и занять отведенное вам место!

Изнутри раздался едва слышный гортанный полушепот:

— Я останусь здесь, мне нужна темнота.

— Это невозможно! Капитанская кабина отведена Кугелю!

— Кугелю придется ночевать в другом месте.

— Мадам, я очень сожалею, но Кугелю и мне придется зайти в каюту и отвести вас к назначенному вам спальному месту.

— Я вас запятнаю.

Вармус растерянно обратился к Кугелю:

— О чем она говорит?

— Понятия не имею! — пожал плечами Кугель. — Как бы то ни было! На борту моего судна

правила должны выполняться неукоснительно. Прежде всего и превыше всего!

— Совершенно верно! Если каждый будет делать все, что захочет, наступит полный беспорядок.

— Рад, что мы согласны хотя бы в этом! Заходите в каюту! Я решительно последую за вами!

Вармус поправил блузу, натянул покрепче шляпу на золотистые кудри, распахнул дверь каюты и сделал шаг вперед; Кугель тоже приготовился зайти… Послышался сдавленный возглас — Вармус отшатнулся, налетев спиной на Кугеля, но к тому времени Кугель сам уже чуть не задохнулся от едкой вони, настолько отвратительной и всепроникающей, что у него свело скулы и заныли все зубы.

Пошатываясь, Вармус отбежал к поручню и облокотился на него, тяжело дыша и тупо глядя в пространство, после чего с выражением человека, смертельно уставшего от всего на свете, направился туда, где лежал вытащенный на палубу трап, спрыгнул на землю и обменялся парой слов с подоспевшим Поррейгом. Стюард вскочил на борт, Вармус высвободил обмотанный вокруг камня трос, и «Авентура» снова взмыла в воздух.

Немного поразмыслив, Кугель подошел к док-

тору Лаланке:

— На меня произвела большое впечатление ваша учтивость, и я хотел бы ответить вам тем же. Вы и ваши подопечные можете теперь занять капитанскую каюту.

Лицо доктора помрачнело пуще прежнего.

— Противоречивые инструкции приведут девушек в замешательство. При всем своем легкомыслии, они очень чувствительны и могут не на шутку огорчиться. Насколько я понимаю, три койки на полубаке им подойдут как нельзя лучше.

— Как вам угодно! — Кугель прошелся вдоль левого борта и обнаружил, что каюту, освобожденную Ниссиферой, занял экклезиарх Голф Раби, тогда как в мастерской плотника устроился стюард Поррейг.

Прошипев сквозь зубы несколько забористых ругательств, Кугель нашел в кладовой старую подушку и потасканный матрас, соорудил нечто вроде палатки на полубаке и поселился в ней.

Русло Большого Чейнга лениво поворачивало то налево, то направо по обширной долине, покрытой полями, размеченными древними каменными оградами и редкими впадинами притоков; местами каменные фермерские дома

ютились поближе один к другому под прикрытием деревьев с черной перистой листвой, а иногда и развесистых дубов с темно-синими кронами. По бокам изрытые дождями и ветром холмы купались в красных солнечных лучах, отбрасывая черные тени в форме полумесяцев там, где в обрывистых склонах образовались впадины.

Весь день караван следовал вдоль берега реки, минуя поселки Духодвор, Трунаш и Склив. Перед заходом Солнца путники разбили лагерь на прибрежном заливном лугу.

Когда багровый солнечный диск уже скрывался за гребнем холмов, караванные служащие развели огромный костер, и путешественники собрались вокруг него, чтобы согреться — вечером поднялся холодный ветер.

Пассажиры первого класса поужинали неприхотливыми, но сытными блюдами, которые даже эстет Клиссум признал съедобными, — все, кроме Ниссиферы, не выходившей из капитанской каюты, и мимов (три девушки уселись по-турецки на лугу рядом с «Авентурой» и смотрели как завороженные на пламя костра). Иванелло вышел из каюты в роскошном костюме: на нем были свободные брюки из плетеных золотистых, янтарных и черных саржевых нитей, безупречно

подогнанные черные сапоги и свободная блуза оттенка слегка закопченной слоновой кости, расшитая золотом цветочными узорами. В мочке его правого уха висела блестящая цепочка длиной сантиметров восемь, а на конце цепочки болтался шарик из молочно-белого опала, не меньше двух сантиметров в диаметре; драгоценность приковала внимание трех мимов в такой степени, что они, казалось, погрузились в транс.

Вармус щедро наливал вино, и путники завязали оживленный дружеский разговор. Один из «экипажных» пассажиров, некий Анск-Давеско, воскликнул:

— Вот мы здесь сидим, незнакомцы, волей-неволей оказавшиеся в одной компании! Предлагаю каждому, по очереди, представиться и рассказать о себе — о том, кто он, откуда, чем занимается, ну и что-нибудь о своих достижениях.

Вармус хлопнул в ладоши:

— Почему нет? Можно начать с меня. Мадлик, налей еще вина… По существу, история моей жизни проста. Мой отец содержал птичник в местечке под названием Болотистая Сень, по другую сторону эстуария, напротив Порт-Пердусса. Он поставлял отборную птицу в портовые рестораны и другим местным заказчикам. Сначала я думал,

что пойду по его стопам, но он женился во второй раз на красотке, не выносившей запаха жженых перьев. В угоду этой женщине отец забросил птичник и пытался разводить тинорыбицу в мелких прудах-питомниках — мне пришлось их самому выкапывать. Но на деревьях вокруг прудов собирались филины — они не прочь полакомиться мелкой рыбой. Их уханье так надоело новой супруге отца, что она от него сбежала с торговцем редкими благовониями. После этого мы перевозили пассажиров и грузы на пароме из Болотистой Сени в Порт-Пердусс и обратно — до тех пор, пока папаша не заснул на пароме, выпив лишнего, и наш паром не отнесло течением и ветром в открытое море… С тех пор я занимаюсь караванной торговлей; остальное вам известно.

Голф Раби произнес:

— Надеюсь, моя история, в отличие от биографии нашего вожатого, покажется присутствующим более вдохновляющей — в особенности молодым людям и даже таким самовлюбленным чудакам, как Иванелло и Кугель.

Иванелло, присевший поближе к девушкам-мимам, тут же отозвался:

— Погодите-ка! Оскорбляйте меня сколько угодно, но не ставьте на одну доску с Кугелем!

Кугель отказался удостоить это замечание каким-либо ответом.

Голф Раби отозвался только холодной усмешкой:

— Я провел всю жизнь, придерживаясь строгих дисциплинарных правил, и преимущества такого регламента должны быть очевидны для всех. Еще будучи катехуменом в Нормальной семинарии Обтранка, я заслужил уважение сверстников чистотой своей логики. В качестве первопоклонника Коллегии я подготовил трактат, демонстрировавший, каким образом обжорство ослабляет и разлагает дух подобно тому, как сухая гниль разрушает дерево. Даже теперь, когда пью вино, я добавляю в него три капли аспергантиума, придающего любому напитку горьковатый привкус. Теперь я вхожу в состав Совета Коллегии, и мне присвоена степень пантолога Окончательного Откровения.

— Выдающееся достижение! — заявил Вармус. — Провозглашаю тост за успешное продолжение вашей карьеры — возьмите этот бокал вина без примеси аспергантиума, чтобы присоединиться к нам, не испытывая отвращения к тому, что пьете.

— Благодарю вас! — откликнулся Голф Ра-

би. — Ради такого случая можно пренебречь правилами.

Кугель встал с бокалом в руке и обратился к спутникам:

— Я родился в знатной альмерийской семье и унаследовал древнее поместье. Сопротивляясь несправедливости, я навлек на себя гнев злобного чародея, отправившего меня на Дальний Север, чтобы я там погиб. Но он даже не подозревал, насколько подчинение судьбе чуждо моей натуре… — Кугель обвел взглядом лица сидевших вокруг путешественников. Иванелло щекотал соломинкой девушек-мимов. Клиссум и Голф Раби спорили, обсуждая вполголоса доктрину изоптогенеза Вогеля. Доктор Лаланке и Перрукиль сравнивали преимущества постоялых дворов Торкваля.

Слегка помрачнев, Кугель уселся на прежнее место. Вармус, объяснявший дальнейший маршрут каравана Анску-Давеско, наконец заметил молчание Кугеля и воскликнул:

— Замечательно, Кугель! Любопытнейший рассказ! Мадлик, думаю, пора открыть еще пару кувшинов вина «туристического класса». Нечасто нам случается устраивать такое празднество до наступления Фестиваля! Лаланке, вы не отка-

жетесь показать нам одну из своих пантомим?

Доктор Лаланке просигналил трем девушкам; озабоченные настойчивыми приставаниями Иванелло, они не сразу заметили жестикуляцию опекуна, но в конце концов вскочили на ноги и исполнили последовательность головокружительных сальто-мортале.

Иванелло подошел к доктору Лаланке и что-то пробормотал ему на ухо.

Доктор нахмурился:

— Это неприличный вопрос (по меньшей мере чрезмерно откровенный), но я могу ответить на него только положительно.

Иванелло снова наклонился к доктору и о чем-то тихо спросил. На этот раз доктор ответил ему самым ледяным тоном:

— Сомневаюсь, что подобные идеи когда-либо приходили им в голову. — Отвернувшись, доктор Лаланке продолжил беседу с Перрукилем.

Анск-Давеско принес гармонь и стал наигрывать веселую мелодию. Эрмольда, вопреки протестам испуганного Вармуса, вскочила и бодро сплясала джигу.

Закончив танец, Эрмольда отвела Вармуса в сторону и сообщила:

— У меня были ложные симптомы — просто

пучило живот. Конечно, мне следовало предупредить вас раньше, но я запамятовала.

— Рад слышать! — отозвался Вармус. — Кугелю эта новость тоже придется по душе, так как в качестве капитана «Авентуры» ему пришлось бы выполнять обязанности акушера.

Так проходил вечер. Каждый из спутников мог рассказать о себе или предложить к обсуждению ту или иную концепцию; тем временем костер догорел — от него остались только раскаленные угли.

Оказалось, что Клиссум сочинил несколько од; по настоянию Эрмольды, он процитировал с драматическим выражением шесть строф из длинной поэмы под наименованием «О Время, неужели ты — исчадие трусливой подлости?», распевая каденцию после каждой строфы.

Кугель вынул колоду карт и предложил Вармусу и Анску-Давеско научить их игре в скакс, утверждая при этом, что победа и поражение в этой игре зависели исключительно от случая. Оба, однако, предпочли слушать Голфа Раби, отвечавшего на дерзкие вопросы Иванелло:

— Никакой путаницы здесь нет! Коллегию иногда называют «Схождением лучей» или даже «Ступицей» — в шутку, разумеется. Сущность,

однако, та же.

— Боюсь, это выше моего разумения, — признался Иванелло. — Я заблудился в джунглях терминологии.

— Ага, что я слышу? Слова непосвященного! Но любой термин легко понять, если правильно его объяснить!

— Объясните же, будьте добры.

— Представьте себе колесо, каждая спица которого соответствует одной из бесконечностей, каковых может быть от двадцати до тридцати — точное число все еще обсуждается. Спицы эти сходятся в фокусе чистого разума; они скрещиваются в точке схождения и расходятся, продолжаясь в противоположных направлениях. Местонахождение этой «Ступицы» безошибочно установлено — она расположена на территории Коллегии.

Вармус вмешался:

— Как она выглядит?

Голф Раби долго и пристально смотрел на догорающие угли.

— Думаю, мне не следует отвечать на этот вопрос, — сказал он наконец. — Я не хотел бы создавать в вашем воображении ложные представления — их будет столько же, сколько

слышащих меня ушей.

— Столько же, сколько половина слышащих вас ушей, — деликатно поправил экклезиарха Клиссум.

Иванелло лениво улыбнулся, глядя в ночное небо, где в зените мерцал одинокий Альфард.

— Казалось бы, одной бесконечности достаточно для любого исследователя. Рассматривая множество бесконечностей, вы не чувствуете, что берете на себя непосильную задачу?

Голф Раби обратил к молодому человеку большое продолговатое лицо:

— Почему бы вам не закончить пару курсов в Коллегии? Тогда вы сами могли бы постигнуть множественность бесконечностей.

— Я подумаю о такой возможности.

Второй день пути во многом напоминал первый. Фарлоки размеренно шагали вперевалку по дороге, а налетевший с запада бриз подгонял «Авентуру», летевшую в результате впереди головного экипажа.

Стюард Поррейг приготовил сытный завтрак — фаршированных устриц, цукаты из кумкватов и лепешки, обсыпанные пунцовой икрой сухопутных крабов.

Ниссифера не выходила из каюты. Поррейг

принес к ее двери поднос и постучал:

— Мадам Ниссифера, ваш завтрак!

— Унесите его! — послышался хриплый шепот изнутри. — Мне не нужен завтрак.

Пожав плечами, стюард как можно скорее удалился — от «запятнанной» позавчера двери все еще исходил мерзейший запах.

Полдник также закончился к удовлетворению пассажиров, хотя на этот раз Кугель попросил Поррейга больше не предлагать Ниссифере никаких блюд, пока она сама не появится в салоне.

Во второй половине дня Иванелло вынес на палубу лютню с длинным грифом, перевязанную бледно-голубой лентой, и спел несколько сентиментальных баллад под аккомпанемент тихих арпеджированных аккордов. Девушки-мимы подошли к нему поближе и с изумлением уставились на лютню; вопрос о том, способны ли они слышать музыку и понимают ли вообще, в чем заключается музыкальное исполнение, стал предметом всеобщего обсуждения. Так или иначе, девушки легли на палубу животом вниз, подпирая подбородки скрещенными пальцами и наблюдая за Иванелло серыми глазами, полными, как могло показаться со стороны, немого восхищения. Осмелев, Иванелло погладил ко-

ротко подстриженные черные волосы Скаси. Две другие девушки тут же подобрались ближе, и молодому менестрелю пришлось поочередно погладить по голове Сущь и Рлысь.

Довольный собой Иванелло расплылся в улыбке и спел еще одну балладу; Кугель угрюмо наблюдал за происходящим с полубака.

На этот раз за весь день пути караван проехал мимо единственного маленького поселка, Порт-Титуса. Окружающая местность становилась заметно диковатой. Впереди возвышался массивный горный эскарп — река пробила через него узкое ущелье, и в этой теснине дороге пришлось прижиматься к самому краю воды.

Ближе к вечеру каравану повстречалась бригада дровосеков, нагружавших бревна на баржу. Вармус остановил экипажи и фургоны. Спрыгнув с козел, он пошел наводить справки и вернулся с неутешительной новостью: впереди случился оползень, и дальнейшее продвижение по прибрежной дороге стало невозможным.

Дровосеки вышли на дорогу, указывая на север, в сторону крутых холмов.

— В полутора километрах отсюда отходит боковая дорога, ведущая через Провал Настройщика и дальше по Ильдийской Пустыне. Когда вы

проедете по ней три километра, будет еще одна развилка — поверните направо, чтобы объехать ущелье, и в свое время доберетесь до озера Заол и Каспары-Витатус.

Вармус повернулся, чтобы взглянуть в сторону провала:

— И насколько безопасна эта дорога?

Старшина дровосеков ответил:

— По сути дела, нам это неизвестно — в последнее время никто не спускался по Провалу Настройщика. Что само по себе, конечно, настораживает.

Другой дровосек прибавил:

— В «Приюте перевозчиков» ходят слухи о банде кочевников из Карста. Говорят, эти безжалостные дикари умеют устраивать незаметные засады, но они боятся темноты и не нападают ночью. У вас многочисленный отряд — скорее всего, вам нечего опасаться, кроме внезапной атаки из укрытия. Следует, однако, выставить дозорных и внимательно наблюдать за окрестностями.

Младший дровосек вмешался:

— А как насчет скальных гоблинов? Разве они не опаснее бандитов?

— Чепуха! — отозвался старшина. — Все это сказки, которыми детей пугают! Ты еще про пе-

рекати-чертей вспомни.

— А все равно они существуют! — упорствовал младший. — Мне про них многие рассказывали.

— Чепуха, говорю, — снова обронил старшина дровосеков. — После дюжины кружек эля в «Приюте перевозчиков» по пути домой любому привидятся за каждым кустом гоблины и черти.

Второй дровосек задумчиво заметил:

— Я придерживаюсь другого правила. Лучше держать ухо востро и побаиваться скальных гоблинов и перекати-чертей, даже если они не показываются, нежели позволить им захватить тебя врасплох.

Старшина решительно разрубил воздух ладонью:

— За работу! Вы задерживаете сплетнями большой караван! — Повернувшись к Вармусу, он повторил: — Поезжайте через Провал Настройщика. Дней через восемь вы прибудете в Каспару-Витатус.

Вармус вернулся к экипажу, и караван двинулся вперед. Через полтора километра боковая дорога поднималась в холмы к Провалу Настройщика, и Вармус неохотно повернул туда, оставив позади знакомый прибрежный путь.

Боковая дорога долго петляла между холмами,

углубилась в Провал Настройщика и вывела караван на плоскогорье.

К тому времени Солнце уже почти зашло. Вармус решил устроиться на ночлег там, где из рощи черных деодаров узкой струйкой вытекал ручей. Он тщательно расставил экипажи и фургоны, окружив их проволочной оградой, при малейшем прикосновении поражавшей лиловыми разрядами-молниями любого, кто попытался бы проникнуть через нее снаружи. Таким образом караван был защищен от рыщущих по ночам хунов, эрбов и вурдалаков.

Работники каравана наломали дров в роще деодаров и снова развели огромный костер. Пассажиров первого класса предварительно угостили ужином из трех блюд, приготовленным Поррейгом на борту «Авентуры», после чего они присоединились к «экипажным» путешественникам, закусывавшим у костра хлебом с тушеным мясом и квашеной зеленью.

Вармус налил всем вина, но не так щедро, как вечером предыдущего дня.

После ужина вожатый каравана обратился ко всем присутствующим:

— Как вам известно, нам пришлось повернуть на объездную дорогу, в связи с чем не предви-

дится никаких неудобств и, надеюсь, никаких задержек. Тем не менее теперь мы будем ехать по Ильдийской Пустыне, то есть по незнакомой мне территории. Необходимо принимать меры предосторожности. Как видите, мы установили ограду, препятствующую вторжению незваных гостей.

Валяясь на боку, Иванелло не удержался от шутливого замечания:

— Что, если незваные гости перепрыгнут через нее?

Вармус не был расположен шутить:

— Ограда опасна! Не приближайтесь к ней. Доктор Лаланке, вам придется по возможности предупредить ваших подопечных об этой опасности.

— Я так и сделаю.

— Ильдийская Пустыня — дикая местность. Дальше могут повстречаться кочевники из Карста или даже из Долгого Эрма. Эти люди — если их можно назвать людьми — непредсказуемы. Потребуется система бдительного наблюдения. Главным дозорным будет Кугель, разместившийся на носу «Авентуры». Он человек проницательный, зоркий и подозрительный; кроме того, ему больше нечего делать. Я буду следить за дорогой с козел головного экипажа, а Славóй, так как он

едет в последнем фургоне, станет нашим арьергардом. Но прежде всего мы будем полагаться на Кугеля, перед которым открывается обширный вид сверху. Вот и все, что я хотел сказать. Продолжайте закусывать и развлекаться.

Клиссум прокашлялся и выступил вперед — но перед тем, как он успел процитировать первый слог своей оды, Иванелло схватил лютню и, залихватски бряцая по струнам, принялся распевать довольно-таки вульгарную песенку. Клиссум постоял немного, обиженно улыбаясь, после чего отвернулся и сел на прежнее место.

С севера налетел порыв ветра, заставивший плясать пламя костра и на мгновение скрывший фигуру Иванелло в облаке стелющегося дыма. Иванелло беззаботно выругался, положил на землю лютню и опять занялся заигрыванием с девушками-мимами, по-прежнему загипнотизированными его музыкой. Сегодня он осмелел, но его эротические приставания — постольку, поскольку они в равной мере адресовались каждой из трех девиц, — не встречали возражений.

Кугель с неодобрением наблюдал за происходящим. Повернувшись к доктору Лаланке, он пробормотал:

— Иванелло побуждает ваших подопечных к

распущенности.

— Вполне может быть, что таково его намерение, — согласился доктор.

— И вас это нисколько не беспокоит?

— Ни в малейшей степени.

Клиссум снова вышел вперед и, поднимая рукописный свиток высоко над головой, с улыбкой обвел глазами собравшихся.

Иванелло, опустившийся в объятия Сущи, в то время как Рлысь прислонилась к нему с одной стороны, а Скася — с другой, наклонился к своей лютне и извлек из нее последовательность жалобных арпеджио.

Клиссум, казалось, готов был осудить вмешательство молодого человека, когда ветер направил прямо в лицо эстета струю густого дыма, в связи с чем он раскашлялся и отступил. Иванелло, опустивший голову так, что его каштановые кудри блестели отражениями языков пламени, улыбнулся и сыграл на лютне пару издевательских глиссандо.

Эрмольда возмущенно промаршировала вокруг костра, встала, глядя на Иванелло сверху вниз, и резко произнесла:

— Клиссум хотел бы спеть одну из од. Предлагаю вам отложить лютню и послушать его.

— С удовольствием так и сделаю! — отозвался молодой человек.

Эрмольда развернулась на месте и промаршировала обратно, туда, где сидела. Три одинаковые девицы вскочили на ноги и последовали за ней такой же возмущенной походкой, раздувая щеки и растопырив локти, при этом они выпячивали животы и высоко поднимали колени неуклюжими толчками. Заметив, что у нее за спиной что-то происходит, Эрмольда обернулась; девицы отпрыгнули, кувыркнувшись спинами вперед, исполнили молниеносный лихорадочный танец, совершая длинные прыжки из стороны в сторону, как взбудораженные менады, и вновь опустились на траву рядом с Иванелло.

Эрмольда, растянув губы в напряженной улыбке, подошла к Клиссуму, чтобы обменяться с ним парой слов; при этом и она и эстет бросали на молодого человека презрительные взгляды, полные праведного осуждения. Тем временем Иванелло, отложив лютню в сторону, всецело предавался эротическим экспериментам с окружившими его тремя девицами. Они нисколько не возражали против его прикосновений — напротив, теперь они прижимались к нему еще плотнее. Наклонив голову, Иванелло крепко поцеловал Рлысь в

губы; Сущь и Скася тут же обратили к нему лица, требуя того же.

Кугель с отвращением крякнул:

— Невыносимый юнец!

Доктор Лаланке покачал головой:

— Честно говоря, меня удивляет их податливость. Мне они никогда не позволяли к ним прикасаться. Что поделаешь! Кстати, Вармус явно начинает беспокоиться — наступает ночь.

Вармус поднялся на ноги и стоял, прислушиваясь к звукам, доносившимся из темноты. Пройдясь вдоль ограды, чтобы проверить ее надежность, он обратился к путешественникам:

— Сохраняйте бдительность! Не бродите ночью, как лунатики! Не назначайте свидания в лесу! Я иду спать и рекомендую вам сделать то же самое, так как завтра нам предстоит долгий путь по Ильдийской Пустыне.

Клиссум не мог смириться с унижением и выступил вперед, всем своим видом изображая оскорбленное достоинство:

— Меня неоднократно просили прочесть еще одну поэму, и я намерен выполнить эти просьбы.

Эрмольда одобрительно хлопнула в ладоши, но почти все остальные отправились спать.

Клиссум раздраженно поджал губы:

— Теперь я продекламирую свою тринадцатую оду под наименованием «Вот-вот обрушатся ума высокопарные палаты». — Эстет уже встал в подходящую горделивую позу, но опять налетел сильнейший порыв ветра, заново раздувший догорающие угли. Облака удушливого дыма заполнили все пространство вокруг костра, и последние оставшиеся слушатели поспешили уйти. Клиссум в отчаянии воздел руки к небу и удалился к себе в каюту.

Кугель провел тревожную ночь. Несколько раз он слышал отдаленный обиженный вопль какого-то существа, пытавшегося проникнуть сквозь ограждение, а однажды со стороны леса донеслось кудахтающее уханье нескольких нечеловеческих голосов.

Вармус рано разбудил своих подчиненных и пассажиров — как только восточный небосклон озарился красновато-лиловым предрассветным свечением. Стюард Поррейг подал завтрак: горячий чай, булочки и аппетитное рагу из жареных мидий, перловки, кангола и щитолистника. Как обычно, Ниссифера не выходила из каюты, но на этот раз отсутствовал также Иванелло.

Поррейг позвал Вармуса, чтобы тот нашел Ива-

нелло и попросил его поторопиться с завтраком, но поиски по всему стойбищу каравана не привели к желаемому результату. Имущество молодого человека нашлось у него в каюте — все оставалось на своих местах, кроме самого Иванелло.

Сидя за столом, Вармус строго допросил каждого из пассажиров и работников, но никто не сумел предоставить никаких сведений. Вожатый тщательно изучил поверхность земли рядом с оградой, но не нашел признаков проникновения извне или изнутри. Наконец ему пришлось выступить с мрачным объявлением:

— Иванелло исчез — будто растворился в воздухе. Я не обнаружил никаких свидетельств нападения или похищения. Тем не менее я не могу поверить в то, что он добровольно нас покинул. Могу предложить только одно объяснение: Иванелло стал жертвой зловредной магии. Честно говоря, мне больше ничего не приходит в голову. Если у кого-нибудь возникнут хоть какие-то гипотезы или даже подозрения, прошу сообщить мне об этом. Тем временем нет никакого смысла здесь оставаться. Нам нельзя задерживаться — караван должен прибыть в пункт назначения по расписанию. Погонщики, запрягайте фарлоков! Кугель, займите наблюдательный пост на носу!

Караван выехал в Ильдийскую Пустыню; тайна исчезновения Иванелло осталась нераскрытой.

Теперь ведущая на север дорога — не более чем колея — достигла развилки, где караван повернул на восток, продолжая путь вдоль гряды холмов, тянувшейся вдаль настолько, насколько мог видеть глаз. В этой унылой, засушливой местности поддерживали существование лишь редкие чахлые звоностволы и напоминавшие маленькие кочки кактусы, хотя время от времени попадался и дендрон с черной, пурпурной или красной листвой.

Часа через два Вармус прокричал, обращаясь к летевшему рядом судну:

— Кугель, вы следите за окрестностями?

Перегнувшись через поручень, Кугель ответил:

— Мне не помешало бы знать, за чем или за кем, собственно, я должен следить.

— Ищите враждебно настроенных кочевников — особенно опасны те, что прячутся в засаде.

Кугель обвел взглядом пустынный ландшафт.

— Не вижу ничего, что соответствовало бы вашему описанию, — вокруг только холмы и пустоши, хотя далеко впереди я замечаю темную полосу леса — или, может быть, это всего лишь река, окаймленная деревьями.

— Очень хорошо, Кугель! Держите ухо востро!

Мало-помалу караван приближался к темной полосе деревьев, хотя она словно отступала по мере приближения, и перед заходом Солнца путники разбили лагерь на открытом песчаном участке.

Как обычно, развели костер, но исчезновение Иванелло вызвало всеобщую подавленность — разговоры велись вполголоса.

Как прежде, Вармус установил ограждение и снова обратился к пассажирам:

— Пропажа одного из нас остается неразгаданной, поэтому рекомендую каждому соблюдать исключительную осторожность! Ни в коем случае даже не подходите к ограде!

Ночь прошла спокойно. Утром караван вовремя тронулся в путь; Кугель снова выполнял роль дозорного.

Местность постепенно становилась не столь засушливой. Теперь стало очевидно, что полоса деревьев впереди тянулась вдоль русла реки, текущей с холмов и пересекавшей пустоши.

На берегу реки колея круто повернула на юг и следовала вниз по течению до каменного моста из пяти арок; здесь Вармус объявил перерыв, чтобы погонщики могли напоить фарлоков. Ку-

гель приказал магической веревке укоротиться и таким образом опустил «Авентуру» на дорогу. Пассажиры первого класса спустились на землю и бродили вокруг, чтобы размяться.

У въезда на мост возвышался трехметровый монумент с бронзовой табличкой, привлекавшей внимание всех прохожих и проезжих. Кугель не смог разобрать надпись на табличке. Голф Раби приблизил к надписи длинный нос, пожал плечами и отвернулся. Доктор Лаланке, однако, заявил, что текст на табличке относился к диалекту сарсунийского языка, широко распространенного в девятнадцатом эоне и остававшегося в употреблении на протяжении четырех тысяч лет.

— Это чисто церемониальная надпись, — пояснил доктор. — В ней говорится:

ПУТНИКИ! ПЕРЕХОДЯ ПОСУХУ РЕВУЩИЕ БУРНЫЕ ВОДЫ РЕКИ СЫК, ПОМНИТЕ, ЧТО ЭТОЙ ВОЗМОЖНОСТЬЮ ВЫ ОБЯЗАНЫ БЛАГОВОЛЕНИЮ ХАЙВА, ПОВЕЛИТЕЛЯ ХАРАДА И ХРАНИТЕЛЯ ВСЕЛЕННОЙ.

Как видите, воды реки Сык больше никак нельзя называть «ревущими» или «бурными». Тем не менее следует отдать должное щедрости короля Хайва. В самом деле, это было бы предусмотрительно. — Доктор Лаланке вежливо поклонился

монументу.

— Суеверие! — фыркнул Голф Раби. — В Коллегии мы склоняем головы только в знак почтения к Безымянному Синкрезу в средоточии Ступицы.

— Вполне может быть, — безразлично отозвался доктор Лаланке и отошел в сторону. Кугель перевел взгляд с экклезиарха на доктора, после чего поспешно поклонился монументу.

— Как же так? И вы, Кугель? — воскликнул Голф Раби. — А я-то думал, что вы — человек без предрассудков.

— Я отдаю честь памятнику именно потому, что у меня нет предрассудков, — возразил Кугель. — Древний обычай ничему не мешает и не требует никаких затрат.

Вармус с сомнением погладил пальцами мясистый нос, после чего отвесил монументу тяжеловесный поклон, чем вызвал у экклезиарха очередной приступ отвращения.

Фарлоков снова запрягли; Кугель поднял «Авентуру» в воздух, и караван проследовал по мосту через реку.

Через некоторое время после полудня Кугеля охватила сонливость; опустив голову на руки, он слегка задремал… Вскоре, однако, ему стало неудобно оставаться в этой позе. Протирая глаза

и позевывая, он обозрел окрестности — и его внимание сразу привлекли какие-то скрытные перемещения в густых придорожных порослях дымноягодного кустарника. Наклонившись вперед, Кугель различил несколько десятков коренастых приземистых фигур в мешковатых панталонах, грязных куртках различных оттенков и черных платках, обмотанных вокруг головы. В руках они держали копья и боевые крючья — не было никаких сомнений в том, что они собирались напасть на караван.

Кугель прокричал Вармусу:

— Стойте! Готовьтесь к обороне! Впереди, в кустах — засада бандитов!

Вармус остановил караван, поднял рожок и протрубил сигнал тревоги. Караванные служащие, а также многие пассажиры приготовили оружие, намеренные защищаться до последнего. Кугель опустил воздушное судно на дорогу, чтобы пассажиры первого класса могли принять участие в битве.

Вармус подошел к «Авентуре»:

— Где именно они устроили засаду? И сколько их там?

Кугель указал на заросли:

— Они притаились в дымноягоднике; я насчи-

тал не меньше двадцати трех человек. У них копья и железные ухваты.

— Молодец, Кугель! Вы спасли караван! — Вармус изучил ландшафт, после чего взял с собой десять человек, вооруженных шпагами, самострелами, заряженными дротиками, и духовыми ружьями, выпускающими ядовитые шипы, и отправился на разведку.

Через полчаса Вармус — разгоряченный, запыленный и раздраженный — вернулся со своим отрядом. Обратившись к Кугелю, он спросил:

— Скажите снова, где вы заметили засаду?

— За кустами у дороги, прямо впереди.

— Мы прочесали весь участок и не нашли никаких разбойников — там нет никаких следов их присутствия!

Нахмурившись, Кугель смотрел на заросли дымноягодника.

— Значит, они ускользнули, как только заметили, что караван остановился.

— Не оставив никаких следов? Вы уверены в том, что видели их? Или у вас начались галлюцинации?

— Разумеется, я уверен в том, что видел своими глазами! — возмутился Кугель. — Вы меня за дурака принимаете?

— Нет, конечно, — примирительно сказал Вармус. — Вы правы, здесь нужен глаз да глаз. Даже если вам что-то привиделось, лучше перестараться, чем прозевать опасность. Но в следующий раз проверьте себя дважды, прежде чем поднимать тревогу.

Кугелю ничего не оставалось, как согласиться, и он вернулся на борт «Авентуры».

Караван продолжил путь мимо неподвижных и безмолвных зарослей; Кугель бдительно нес вахту на носу.

Ночь прошла без происшествий, но утром к завтраку не вышла Эрмольда.

Так же как раньше, Вармус тщательно обыскал судно и участок, окруженный оградой, но Эрмольда словно растворилась в воздухе подобно Иванелло. Вармус встревожился настолько, что осмелился постучать в дверь каюты, занятой Ниссиферой, — хотя бы для того, чтобы убедиться в ее наличии на борту.

Послышался гортанный полушепот:

— Кто там?

— Вармус, вожатый каравана. Как вы себя чувствуете?

— Я в полном порядке, мне ничего не нужно.

Вармус обратил к Кугелю лицо, искаженное

гримасой беспокойства:

— Никогда еще у меня в караване не случалось ничего подобного! Что происходит?

Кугель задумчиво произнес:

— Ни Иванелло, ни Эрмольда не сбежали в Пустыню добровольно — это очевидно и неоспоримо. И тот и другая летели на борту «Авентуры» — таким образом, ночные преступления совершил кто-то из пассажиров первого класса.

— Что вы говорите? Как это может быть?

— Другой возможности нет.

Вармус сжал огромный кулак:

— Мы должны найти убийцу и заставить его признаться!

— Верно! Но как это сделать?

— Бдительность и дисциплина — превыше всего! Ночью никто не должен выходить из кают — разве что по нужде.

— И злоумышленник настигнет жертву в туалете? Это никак не поможет решению проблемы.

— Так или иначе, мы больше не можем задерживать караван, — проворчал Вармус. — Кугель, возвращайтесь на дозорный пост! Следите за всем, будьте внимательны, будьте предельно осторожны.

Караван снова двинулся на восток. Дорога

тянулась под самыми холмами; на крутых склонах теперь нередко выделялись зазубренные скальные обнажения и группы низкорослых сучковатых акаций.

Доктор Лаланке прошел на носовую палубу, присоединился к Кугелю и завел разговор о таинственных исчезновениях пассажиров. Доктор, по его словам, находился в таком же замешательстве, как и все остальные:

— Существует множество возможностей, но ни одна из них не представляется достаточно вероятной. Я мог бы предположить, например, что судно как таковое является источником зла: по ночам люки, ведущие в трюм, открываются сами собой и поглощают беспечных пассажиров.

— Мы обыскали трюм, — возразил Кугель, — и не нашли там ничего, кроме запасов провизии, багажа и тараканов.

— Я и не рассчитывал на то, что вы воспримете мое предположение всерьез. И все же, если мы придумаем десять тысяч гипотез, на первый взгляд абсурдных, одна из них почти неизбежно должна оказаться правильной.

Три одинаковые девицы тоже пришли на носовую палубу и стали развлекаться, размашисто расхаживая туда-сюда на полусогнутых ногах.

Кугель недовольно обернулся:

— Какую чертовщину они опять задумали?

Девицы морщились, сводили глаза к переносице и складывали колечками губы, словно бесшумно хохоча; при этом, разгуливая туда-сюда, они искоса поглядывали на Кугеля.

Доктор Лаланке усмехнулся:

— Они над вами подшучивают — насколько я понимаю, они подражают вашей походке.

Кугель холодно отвернулся, а три девицы отбежали подальше. Доктор Лаланке указал на кучевые облака, появившиеся впереди над горизонтом:

— Они поднимаются над озером Заол; неподалеку от озера — Каспара-Витатус, оттуда дорога повернет к Торквалю.

— После Каспары-Витатус мне с вами не по пути, я направляюсь в Альмерию.

— Я знаю. — Доктор Лаланке удалился и оставил Кугеля в одиночестве на посту. Кугель взглянул вокруг в поиске мимов; ему почти хотелось, чтобы они вернулись и развеяли его скуку, но девушки придумали новую забаву — они сбрасывали на бредущих внизу фарлоков маленькие щепки и камешки; животные думали, что на них садятся насекомые, и хлестали себя по спине и по

бокам длинными хвостами.

Кугель продолжал нести вахту. Скалистые склоны южных холмов становились все круче. На севере простиралась Ильдийская Пустыня — плоскость, расцвеченная полосками нежно-приглушенных цветов: темно-розового, дымчатого черновато-серого, красновато-коричневого, с едва заметными отдельными просвечивающими мазками темно-синего и зеленого.

Шло время. Мимы продолжали забавляться — теперь с участием погонщиков и даже некоторых пассажиров, которым, по всей видимости, это нравилось. Девушки сбрасывали вниз всякие мелочи и безделушки, а погонщики и пассажиры спрыгивали на землю, чтобы их подобрать.

«Странно! — подумал Кугель. — Почему бы стольким взрослым людям нравилась такая инфантильная игра?» Один из сброшенных мелких предметов блеснул в падении металлом. Кугелю показалось, что предмет этот формой и блеском напоминал монету. Неужели девушки бросали погонщикам терции? Откуда у них такое богатство?

Мимы закончили игру. Погонщики кричали снизу:

— Еще! Продолжайте! Зачем вы останови-

лись? — Девицы отозвались капризно-сумасшедшими жестами и сбросили на землю пустую сумку, после чего убежали к себе в каюту.

«В высшей степени странно!» — продолжал удивляться Кугель. Выброшенная сумка во всех отношениях походила на его собственную, надежно припрятанную в палатке на полубаке. Заглянув на всякий случай в палатку, он тут же встревожился и внимательно обыскал ее.

Сумки нигде не было.

Кугель в ярости подбежал к доктору Лаланке, сидевшему на крышке люка и беседовавшему с Клиссумом.

— Ваши подопечные украли мою поясную сумку! — кричал Кугель. — Они выбросили все мои терции вниз, их растащили погонщики! Кроме того, мерзавки выбросили другие принадлежавшие мне ценные вещи, в том числе горшочек с сапожной мазью, не говоря уже о сумке как таковой!

Доктор Лаланке поднял черные брови:

— В самом деле? Плутовки! Я как раз спрашивал себя, на чем они так долго сосредоточили внимание…

— Прошу вас рассмотреть возникшую ситуацию со всей серьезностью! Ответственность за

расхищение моего имущества несете вы, и никто другой! Вы обязаны возместить мои потери.

Доктор Лаланке с улыбкой покачал головой:

— Сожалею о постигшей вас неудаче, Кугель, но я не могу исправить все несправедливости мира.

— Разве они не ваши подопечные?

— Лишь в каком-то смысле. Они перечислены в списке пассажиров под собственными именами, то есть ответственность за их поведение несет Вармус. Вы можете обсудить ваши потери с ним или с девушками. Если они действительно похитили вашу поясную сумку, пусть сами за это расплачиваются.

— Ваши предложения нецелесообразны!

— С вашей стороны было бы целесообразно вернуться на дозорный пост, пока на нас не напали настоящие, а не воображаемые разбойники! — с этими словами доктор Лаланке отвернулся и возобновил разговор с Клиссумом.

Кугель вернулся на носовую палубу. Глядя в унылые дали Пустыни, он размышлял о возможных способах возмещения своих потерь… Краем глаза он заметил зловещее движение — нагнувшись вперед, Кугель сосредоточил внимание на склоне холма, где группа каких-то приземистых серых существ собирала в кучу тяжелые валуны

на уступе, нависшем над дорогой.

Кугель внимательно рассматривал эту сцену в течение нескольких секунд. Он безошибочно различал искаженные, получеловеческие, рыхлые формы и черты амилоидов с заостренными головами, посаженными между плечами в отсутствие каких-либо признаков шеи, их рты открывались непосредственно в верхней части торса.

Еще раз хорошенько взглянув на них, чтобы убедиться в том, что не стал жертвой игры воображения, Кугель позвал Вармуса:

— На склоне холма — скальные гоблины! Поднимайте тревогу! Остановите караван, трубите в рожок!

Вармус придержал фарлоков.

— Кого вы видите? Где они?

Кугель указывал вперед обеими руками:

— На утесе — горные гоблины! Они собирают большие камни, чтобы обвалить их на караван!

Вытянув шею, Вармус смотрел туда, куда показывал Кугель.

— Никого не вижу!

— Они серые, как скалы! Двигаются туда-сюда бочком, пригнувшись!

Поднявшись с сиденья, Вармус подал сигнал тревоги погонщикам, после чего притянул воз-

душное судно на дорогу.

— Мы приготовим гоблинам большой сюрприз! — пообещал он Кугелю. Обратившись к пассажирам, стоявшим на палубе, Вармус сказал: — Будьте добры, сойдите на землю! Я намерен атаковать гоблинов с воздуха.

На борту «Авентуры» собрались десять человек, вооруженных арбалетами, заряженными железными стрелами и взрывными дротиками. Вармус привязал швартов к фарлоку-тяжеловозу.

— Кугель! Удлините трос, чтобы судно поднялось над утесом. Мы устроим гоблинам приветственную бомбардировку!

Кугель выполнил приказ — судно с готовыми к обстрелу арбалетчиками поднялось в воздух, проплыло к утесу и зависло над ним.

Вармус стоял на носу судна.

— Так где же засада?

Кугель протянул руку:

— Вот здесь, где они собрали груду валунов!

Вармус разглядывал склон холма:

— Не вижу никаких гоблинов.

Кугель тоже внимательно рассматривал утес — гоблины исчезли.

— Ну и прекрасно! — заявил он. — Они заметили наши приготовления и разбежались.

Вармус угрюмо хмыкнул:

— Вы совершенно уверены, что видели скальных гоблинов? Вам не привиделось?

— Конечно уверен! Я не подвержен истерическим галлюцинациям!

— Может быть, вам показалось, что шевелятся тени под скалами.

— Ни в коем случае! Я видел их так же отчетливо, как вижу вас!

Голубые глаза вожатого каравана задумчиво сосредоточились на лице Кугеля.

— Не обижайтесь, я вас не критикую. Вы заметили опасность и надлежащим образом предупредили нас — хотя, судя по всему, вы подняли тревогу по ошибке. Не буду высказывать дальнейшие замечания по этому поводу — с тем исключением, что, как вы сами понимаете, ложные тревоги заставляют нас терять драгоценное время.

Кугель не мог что-либо ответить на подобное подразумеваемое обвинение. Вармус подошел к поручню и прокричал ожидавшему внизу погонщику головного экипажа:

— Поезжайте всем караваном вперед, мимо утеса! Мы обеспечим безопасность сверху.

Караван проехал мимо утеса без каких-либо

нежелательных последствий, после чего «Авентуру» опустили на дорогу, чтобы пассажиры первого класса могли снова взойти на борт.

Вармус отвел Кугеля в сторону:

— Вы безукоризненно выполняете свои обязанности. Тем не менее я решил удвоить число дозорных. Шилк — вот он стоит, внизу, — опытный караванный работник. Он будет нести вахту бок о бок с вами, чтобы каждый из вас мог подтверждать наблюдения другого. Шилк, подойди-ка сюда, будь так любезен! Теперь тебе придется охранять караван вместе с Кугелем.

— С удовольствием этим займусь! — сказал Шилк, круглолицый коренастый человек с волосами песочного оттенка и кудрявыми бакенбардами. — Надеюсь, наше сотрудничество будет плодотворным.

Помрачневший Кугель провел напарника на носовую палубу, после чего караван снова двинулся вперед. Дружелюбный и словоохотливый увалень, Шилк способен был обсуждать что угодно и как угодно долго, причем в мельчайших деталях. Кугель отвечал ему сухо и коротко, что приводило Шилка в замешательство. Обидевшись, он попытался объясниться начистоту:

— Когда мне поручают работу такого рода,

я люблю немного поболтать, чтобы скоротать время. Стоять здесь и молчать, уставившись в пространство, было бы слишком однообразно. В конце концов от скуки может разыграться воображение, и мы начнем принимать желаемое за действительное. — Шилк подмигнул и ухмыльнулся: — Не так ли, Кугель?

По мнению Кугеля, шутка напарника носила оскорбительный характер — он ее проигнорировал.

— Ну ладно, — вздохнул Шилк. — Каждому свое, как говорится.

В полдень Шилк направился в камбуз, чтобы перекусить. Там он, очевидно, употребил чрезмерное количество еды и вина, в связи с чем во второй половине дня его стал одолевать сон. Обозревая окрестности помутневшими глазами, он сообщил Кугелю:

— Вокруг ничего нет, кроме пары ящериц. Таково мое суждение, основанное на длительном профессиональном опыте, в связи с чем я намерен сделать перерыв и немного вздремнуть. Если увидите что-нибудь необычное, не забудьте меня разбудить. — Шилк забрался в палатку Кугеля и устроился там поудобнее, тогда как Кугелю осталось только предаваться горьким размышлениям

о потерянных терциях и выброшенной девицами сапожной мази.

Когда караван остановился, чтобы подготовиться к ночевке, Кугель сразу спустился на землю и подошел к Вармусу. Разъяснив вожатому легкомысленное поведение девушек-мимов, он пожаловался на понесенные им потери.

Вармус выслушал его вежливо, но слегка рассеянно:

— Надо полагать, доктор Лаланке собирается выплатить вам компенсацию?

— В том-то и проблема! Он отказывается нести какую-либо ответственность за действия своих подопечных! Он заявляет, что вы в качестве вожатого каравана обязаны возместить мои потери.

Рассеянность Вармуса мгновенно испарилась:

— Лаланке утверждает, что выплатить возмещение должен я?

— Вот именно! И теперь извольте получить мой счет.

Вармус сложил руки на груди и быстро отступил на пару шагов:

— Доктор Лаланке заблуждается.

Кугель возмущенно протянул счет к самому носу вожатого.

— Как я должен понимать ваши слова? Вы от-

казываетесь выполнять свои обязательства?

— Все это не имеет ко мне никакого отношения! Хищение было совершено на борту «Авентуры», вашего собственного судна!

Кугель снова протянул Вармусу счет:

— Тогда по меньшей мере вы должны вручить этот счет доктору Лаланке и взыскать с него оплату.

Вармус погладил подбородок:

— Это противоречило бы установленным правилам. Вы — хозяин «Авентуры». Значит, пользуясь должностными полномочиями, вы должны вызвать доктора Лаланке с целью проведения слушания и наложить на него штраф в надлежащем, по вашему мнению, размере.

Кугель с сомнением обернулся в сторону доктора Лаланке, продолжавшего беседу с Клиссумом.

— Предлагаю вместе обратиться к доктору, чтобы совокупный вес наших полномочий заставил его признать справедливость моих требований.

Вармус отступил еще на шаг.

— Не впутывайте меня в эту историю! Я — всего лишь Вармус, вожатый каравана, я еду по земле и ничего не знаю о том, что происходит на летающих кораблях!

Кугель продолжал выдвигать аргументы, но

на лице Вармуса застыло выражение хитрого упрямства — он не прислушивался ни к каким доводам. В конце концов Кугель подошел к столу, накрытому у костра, выпил вина и хмуро сосредоточил взгляд на языках пламени.

Вечером время тянулось бесконечно. Всех охватила подавленность, располагавшая к замкнутости: никто не читал стихи, не пел и не шутил; пассажиры угрюмо сидели вокруг костра, лишь изредка и тихо позволяя себе произнести несколько слов. Все умы занимал один и тот же невысказанный вопрос: «Кому суждено исчезнуть этой ночью?»

Когда костер уже догорал, путники стали неохотно расходиться по спальным местам; при этом многие оглядывались, обмениваясь с другими нервными замечаниями.

Наступила долгая ночь. Ахернар взошел в восточном квадранте и стал опускаться к западному горизонту. Фарлоки постанывали и фыркали во сне. Где-то далеко, в пустошах, зажегся мерцающий голубой огонек; через несколько секунд он погас и больше не появлялся. Восточная окраина неба стала светлеть — бледно-лиловая заря постепенно краснела, приобретая насыщенный оттенок темной крови. После нескольких тщет-

ных попыток солнечный диск выглянул из-за горизонта и стал подниматься по небосклону.

Снова развели костер — караван оживился. Экипажные пассажиры позавтракали; фарлоков запрягли, все приготовились к отъезду.

Пассажиры «Авентуры» тоже проснулись и собрались в салоне. Все переводили взгляды с одного лица на другое, явно проверяя, не исчез ли кто-нибудь еще. Стюард Поррейг подал завтрак каждому из присутствующих, после чего подошел к двери капитанской каюты с подносом в руках:

— Мадам Ниссифера, я принес вам завтрак! Нас беспокоит то, что вы давно ничего не ели.

— Я в полном порядке, — отозвался шепчущий голос. — Мне ничего не нужно. Вы можете уйти.

Подкрепившись, Кугель отвел в сторону доктора Лаланке:

— Я посоветовался с Вармусом. Он заверяет меня в том, что в качестве владельца «Авентуры» я могу требовать от вас возмещения потерь, понесенных в результате вашей неспособности контролировать своих подопечных. Вот мой счет — в нем указаны все причитающиеся суммы. Вы обязаны оплатить его безотлагательно.

Доктор Лаланке бегло просмотрел счет. Его черные брови взметнулись выше обычного:

— Взгляните на этот пункт — это просто потрясающе! «Сапожная мазь, один горшок. Стоимость: тысяча терциев». Вы шутите?

— Ни в малейшей степени! Эта сапожная мазь содержала драгоценный магический ингредиент.

Доктор Лаланке вернул бумагу Кугелю:

— Вам придется предъявить этот счет лицам, непосредственно ответственным за вашу потерю, а именно Сущи, Скасе и Рлыси.

— Но вы же понимаете, что это бесполезно!

Доктор пожал плечами.

— Ничего не могу сказать по этому поводу. Тем не менее я решительно отказываюсь принимать участие в дальнейшем выяснении ваших взаимоотношений с мимами. — Поклонившись, доктор Лаланке отошел в сторону и присоединился к эстету Клиссуму, взгляды и вкусы которого во многом совпадали с его собственными.

Кугель направился на носовую палубу, где уже стоял на вахте Шилк. Тот опять занялся бесконечными разглагольствованиями; Кугель, как прежде, отвечал ему исключительно немногословно, и через некоторое время Шилку пришлось замолчать. Тем временем дорога завела караван в глубокую долину — крутые холмы

теперь возвышались с обеих сторон.

Шилк провожал глазами бесплодные склоны.

— Не вижу ничего, что могло бы послужить поводом для беспокойства. А вы что-нибудь замечаете?

— Нет, в данный момент не замечаю.

Шилк в последний раз обвел окрестности рассеянным взором.

— Прошу меня извинить, я скоро вернусь — мне нужно передать сообщение Поррейгу. — Он удалился, и вскоре Кугель услышал, как из камбуза стали раздаваться взрывы дружеского смеха.

Через некоторое время Шилк вернулся, пошатываясь после обильной выпивки, и воскликнул напыщенно добродушным тоном:

— Как идут дела, капитан Кугель? Еще какие-нибудь галлюцинации?

— Не совсем понимаю, на что вы намекаете, — обронил Кугель.

— Неважно, неважно! Такое может случиться с каждым. — Шилк присмотрелся к склонам холмов. — Вам так-таки нечего мне сообщить?

— Нечего.

— Ну и прекрасно! Так держать! Посмотришь туда-сюда, ничего не увидишь и волей-неволей заглянешь в камбуз, чтобы промочить горло.

Кугель ничего не ответил, и Шилк, чтобы хоть чем-нибудь заняться, стал прищелкивать суставами пальцев.

Когда наступило время полдничать, Шилк опять, пожалуй, выпил больше вина, чем следовало, и во второй половине дня его снова стало клонить ко сну.

— Я, наверное, пойду прилягу, чтобы успокоить нервы, — доверительно обратился он к Кугелю. — Так что бдительно наблюдайте за ящерицами и позовите меня, если увидите что-нибудь примечательное. — Он залез в палатку Кугеля, откуда почти сразу же послышался удовлетворенный храп.

Кугель стоял, облокотившись на планширь, и продолжал размышлять о том, как можно было бы поправить свое финансовое положение. Ни один из планов не представлялся осуществимым — тем более что доктору Лаланке было известно несколько простейших магических формул... Странно, однако! Какие-то тени мелькали на гребне холма! Почему бы вдруг тени стали дергаться и прыгать? Возникало впечатление, что продолговатые черные силуэты быстро высовывались из-за скал на вершине холма, чтобы взглянуть на караван, после чего сразу скрыва-

лись.

Кугель подошел к палатке, нагнулся и потянул Шилка за ногу:

— Проснитесь!

Моргая и почесывая затылок, Шилк выбрался из палатки.

— В чем дело? Поррейг уже подает вечернее вино?

Кугель указал на хребет вереницы холмов:

— Разве вы не видите?

Шилк присмотрелся покрасневшими глазами к зазубренному гребню холмов, темневшему на фоне послеполуденного неба, но к тому времени подозрительные силуэты больше не появлялись. Удивленно повернувшись к Кугелю, он спросил:

— А что вы там видите? Гоблинов, переодевшихся розовыми крысами? Или гигантских сороконожек, танцующих вприсядку?

— Ни то и ни другое, — сухо ответил Кугель. — Мне показалось, что я заметил банду перекати-чертей. Теперь они прячутся на противоположном склоне холма.

Шилк опасливо покосился на Кугеля и отступил на шаг:

— Очень любопытно! И сколько там было чертей?

— Я не успел подсчитать, но думаю, что лучше всего было бы предупредить Вармуса.

Шилк опять пригляделся к гребню холма.

— Ничего не вижу! У вас снова нервы шалят?

— Ничего подобного!

— Что ж, будьте добры удостовериться в наличии опасности, прежде чем будить меня попусту! — С этими словами Шилк опустился на четвереньки и залез в палатку. Кугель посмотрел вниз, на Вармуса, мирно сидевшего на козлах головного экипажа, и открыл было рот, чтобы поднять тревогу, но передумал и молча продолжал наблюдение за окрестностями.

Прошло несколько минут, и Кугель сам стал сомневаться в том, что заметил перекати-чертей.

Дорога огибала длинную узкую лощину, заполненную зеленоватой щелочной водой, питавшей несколько порослей колючих солончаковых кустов. Наклонившись вперед, Кугель сосредоточил внимание на кустах, но их сухие тонкие стволы и ветки никому не могли бы послужить укрытием. Как насчет водоема? Зеленоватый пруд казался слишком мелким для того, чтобы в нем могла скрываться существенная угроза.

Кугель выпрямился с чувством выполненного долга. Взглянув на гребень холма, однако, он

обнаружил, что перекати-черти появились снова — и теперь их стало еще больше; они высоко вытягивались, глядя на ползущий по дороге караван, и тут же скрывались за скалами.

Кугель снова потянул Шилка за ногу:

— Перекати-черти вернулись; их больше, чем прежде!

Шилк выбрался из палатки задом наперед и с трудом поднялся на ноги.

— Ну что вам опять неймется? Какие такие черти?

Кугель указал на холм:

— Смотрите сами!

Перекати-черти, однако, уже завершили разведку, и Шилк снова ничего не заметил. На этот раз он всего лишь устало пожал плечами и приготовился вернуться ко сну. Кугель, однако, подошел к планширю и позвал ехавшего внизу Вармуса:

— Справа десятки перекати-чертей! Они поджидают за холмом!

Вармус остановил экипаж.

— Перекати-черти? А где Шилк?

— Здесь, конечно, на вахте! — тут же нашелся Шилк.

— Вы тоже видите каких-нибудь чертей?

— Честно говоря, при всем моем уважении к Кугелю, должен признаться, что я их не видел.

Вармус тщательно выбирал слова:

— Кугель, премного обязан за ваше предупреждение, но в этот раз я не думаю, что нам следует задерживаться. Шилк, продолжайте наблюдение!

Караван тронулся с места. Шилк зевнул и собрался снова залезть в палатку.

— Постойте! — раздраженно остановил его Кугель. — Видите расщелину в холмах? Если черти за нами последуют, им придется перескочить через эту расщелину, и тогда вы, несомненно, их заметите!

Шилк неохотно согласился подождать.

— Игры вашего воображения, Кугель, носят болезненный характер. Подумайте о том, к каким печальным последствиям они могут привести! Вам следовало бы контролировать себя — для вашего же блага… А вот и расщелина! Мы с ней поравнялись. Смотрите внимательно и скажите, видите ли вы каких-нибудь прыгающих чертей.

Действительно, караван поравнялся с расщелиной. Как внезапный оползень из снующих дымчато-серых форм, перекати-черти перевалили через гребень холма и устремились к

каравану.

— Теперь вы их видите? — спросил Кугель.

Шилк на мгновение замер; у него отвисла челюсть. Но он тут же заорал:

— Вармус! Тревога! Атакуют перекати-черти!

Вармус не расслышал слова вахтенного и вопросительно обернулся к воздушному судну. Когда вожатый заметил, наконец, смутную волну огромных темных фигур, хлынувшую с холма, готовиться к обороне было поздно. И караванные служащие, и пассажиры в панике бросились в холодные воды пруда, а черти, перескакивая от одного фургона к другому, беспрепятственно сеяли хаос и разрушение.

Перекати-черти нанесли каравану непоправимый ущерб: перевернули фургоны и экипажи, сорвали с осей колеса, разбросали запасы провизии и багаж. После этого они обратили внимание на «Авентуру», но Кугель удлинил магическую веревку, и судно поднялось в небо. Черти высоко прыгали с разбега, пытаясь уцепиться за днище судна, но не доставали до него метров пятнадцать-двадцать. Отказавшись от намерения взять на абордаж летучий корабль, черти схватили фарлоков (каждый из нападавших мог легко унести двух животных под мышками), поднялись по

склону и скрылись за хребтом.

Кугель опустил судно на землю; тем временем служащие и пассажиры вылезали из пруда. Вармус застрял под перевернутым экипажем — для того, чтобы извлечь его оттуда, потребовались немалые усилия.

Кряхтя и морщась от боли, Вармус заставил себя стоять на ушибленных ногах. Оценив размер ущерба, он глухо застонал:

— Ничего не понимаю! За что нам такая напасть? — Угрожающе взглянув на обступивших его вымокших спутников, он спросил: — Где дозорные? Кугель! Шилк! Будьте добры, подойдите!

Кугель и Шилк робко приблизились к вожатому. Облизывая губы, Шилк серьезно оправдывался:

— Я поднял тревогу! Каждый может это подтвердить! Если б не я, могло б быть еще хуже!

— Вы опоздали — черти уже напали на караван! Как вы объясняете это обстоятельство?

Шилк поднял глаза к небу:

— Это может показаться странным, но Кугель хотел подождать, чтобы черти успели перепрыгнуть через расщелину.

Вармус повернулся к Кугелю:

— Положительно ничего не понимаю! Почему

вы не хотели вовремя нас предупредить?

— Я вовремя предупредил Шилка, но он мне не поверил! Я хотел поднять тревогу, как только заметил чертей…

— Что вы имеете в виду? — развел руками Вармус. — Вы заметили чертей, но не подняли тревогу сразу же?

— Так оно и было, потому что…

Гримасничая от боли, Вармус поднял руку:

— Не хочу больше ничего слышать! Кугель, вы приняли — мягко говоря — неправильное решение.

— Всему виной ваше недоверие к моим словам! — горячо возразил Кугель.

Вармус устало пожал плечами:

— Какая разница? Караван уничтожен! Мы безнадежно застряли посреди Ильдийской Пустыни! Через месяц ветер занесет песком наши кости.

Кугель взглянул на свои сапоги. Исцарапанные и потускневшие, они все еще могли оказывать магическое действие. С достоинством возвысив голос, Кугель заявил:

— Караван может прибыть по назначению — благодаря ограбленному, несправедливо обвиняемому и беспощадно униженному Кугелю!

Вармус резко спросил:

— Не могли бы вы уточнить, что именно имеете в виду?

— Возможно, мои сапоги еще способны придавать невесомость. Приготовьте экипажи и фургоны. Я подниму их в воздух, и мы проследуем по прежнему маршруту.

К Вармусу вернулась прежняя энергия. Он дал указания погонщикам, и те привели экипажи и повозки в более или менее пригодное к использованию состояние. К каждому экипажу и фургону привязали веревки; пассажиры заняли места. Переходя с места на место, Кугель поочередно пинал каждый из фургонов и экипажей, тем самым наделяя их способностью к левитации. Вереница бесколесных повозок поднялась в воздух. Тем временем погонщики, державшие в руках концы веревок, ожидали дальнейших приказов. Вармус, которому многочисленные ушибы и растяжения не позволяли идти пешком, взобрался на палубу «Авентуры». Кугель хотел было последовать за ним, но Вармус остановил его:

— Нам нужен только один дозорный — человек, доказавший на практике обоснованность своих суждений. Другими словами, дозорным будет Шилк. Если бы не мои увечья, я без сожалений тащил бы за собой судно, но теперь эту обязан-

ность придется возложить на вас. Возьмите трос, Кугель, и ведите караван по дороге со всей возможной поспешностью.

Понимая бесполезность возражений, Кугель схватился за трос и решительно направился вперед, направляя летящую за ним на привязи «Авентуру».

Перед заходом Солнца фургоны и экипажи спустили на землю — пора было устраиваться на ночлег. Под наблюдением Вармуса, Славóй, главный погонщик, установил ограждение. Развели костер; для того, чтобы развеять мрачное настроение, всем налили вина.

Вармус выступил с краткой речью:

— Мы потерпели серьезное поражение и понесли большие потери. Тем не менее возлагать вину на кого-либо бесполезно. Я сделал кое-какие расчеты с помощью доктора Лаланке, и, насколько мне известно, через четыре дня мы сможем прибыть в Каспару-Витатус, где будет произведен необходимый ремонт. Надеюсь, до тех пор никто не будет жаловаться на неудобства. Последнее замечание! Сегодняшние события более или менее объяснимы, но нас продолжают преследовать две тайны — исчезновения Иванелло и Эрмольды. Пока этот вопрос не будет окончательно решен,

соблюдайте чрезвычайную осторожность! Никуда не ходите в одиночку! И сразу сообщайте мне о любых подозрительных обстоятельствах.

После того как подали ужин, всю компанию охватила нервная, почти лихорадочная веселость. Сущь, Скася и Рлысь исполнили ряд головокружительных акробатических упражнений — через некоторое время всем стало ясно, что они подражали стремительным перемещениям перекати-чертей.

Клиссум вдохновился выпивкой.

— Разве это не чудесно? — воскликнул он. — Сей замечательный напиток стимулирует все три сегмента моего ума: один наблюдает за пламенем костра и обозревает Ильдийскую Пустыню, другой сочиняет восхитительно величественные оды, а третий плетет гирлянды из воображаемых цветов, прикрывающие обнаженные тела кружащихся в хороводе нимф — тоже, разумеется, воображаемых!

Экклезиарх Голф Раби, неодобрительно слушавший эстета, добавил в свой бокал четыре капли аспергантиума вместо обычных трех.

— Неужели необходимо прибегать к настолько многословным и выспренним гиперболам?

Клиссум покачал указательным пальцем:

— В том, что касается свежайших цветов и грациозных нимф, — да, совершенно необходимо!

Голф Раби строго заметил:

— В Коллегии считают, что размышление даже о двух или трех бесконечностях достаточно стимулирует человека — если, конечно, это человек в нужной мере культурный и образованный. — Отвернувшись, экклезиарх возобновил разговор с Перрукилем. Клиссум тем временем незаметно подкрался к Голфу Раби сзади и посыпал его мантию щепоткой сухих духов, распространявших приятный, но практически неистребимый запах, каковое обстоятельство позднее вызвало у сурового экклезиарха немалое замешательство.

Когда костер догорел, компания снова помрачнела — один за другим пассажиры неохотно возвращались в свои каюты и экипажи.

На борту «Авентуры» Вармус и Шилк теперь занимали койки, ранее предоставленные Иванелло и Эрмольде, тогда как Кугель оставался в палатке на полубаке.

Ночью было тихо. И все же, при всей своей усталости, Кугель никак не мог заснуть. Судовые часы отметили полночь приглушенным звоном.

Кугель задремал. Сколько времени прошло? Он не заметил.

Его заставил проснуться какой-то тихий звук. Некоторое время Кугель лежал с открытыми глазами, глядя в темноту. Затем, нащупав рукой эфес шпаги, он осторожно выполз из палатки.

Мачтовый фонарь озарял палубу бледно-голубым светом. Кугель не заметил ничего необычного. Никаких звуков больше не было. Что его разбудило?

Десять минут Кугель сидел на корточках у входа в палатку, после чего снова прилег на матрас.

И снова он не мог заснуть… До его ушей донеслись тишайшие звуки: щелчок, скрип, шорох… Кугель опять выбрался из палатки.

Мачтовый фонарь отбрасывал множество теней, разделявших размытые пятна света. Одна из теней шевелилась, пробираясь вдоль палубы. Это была какая-то угловатая фигура со свертком в руках.

Кугель настороженно наблюдал — у него мурашки бежали по спине. Тень метнулась к поручню и без размаха, исключительно необычным жестом швырнула свою ношу в темноту. Кугель нащупал шпагу в глубине палатки и снова присел, напрягая зрение и слух.

Послышался шорох. Тень слилась с другими тенями — ее больше нельзя было заметить.

Кугель продолжал сидеть на корточках: ему показалось, что на корме со слабым скрипом закрылась дверь, после чего с той же стороны раздался приглушенный вопль, скорее напоминавший визг, — и тут же оборвался.

Наступила полная тишина.

Через некоторое время Кугель переместился спиной вперед в глубь палатки и продолжал там сидеть, не закрывая глаз, дрожа от холода и не смея размять конечности… Так он и заснул — с открытыми глазами. Красновато-коричневый луч восходящего Солнца проник в палатку и ослепил его; Кугель вздрогнул и пришел в себя.

Постанывая — у него все затекло и болело, — Кугель поднялся на ноги и выпрямился. Завернувшись в плащ и нахлобучив шляпу, он прицепил к поясу шпагу и, хромая, прошел на среднюю палубу.

Вармус еще только поднимался с койки, когда Кугель заглянул к нему в каюту.

— Что вам нужно? — недовольно спросил вожатый. — Неужели нельзя подождать, пока я оденусь?

— Ночью я кое-что слышал и кое-что видел, — сказал Кугель. — Боюсь, сегодня еще один пассажир не выйдет к завтраку.

Вармус застонал и выругался.

— Кто?

— Еще не знаю.

Вармус натянул сапоги:

— Что вы видели и что вы слышали?

— Я видел тень. Тень выбросила в кусты какой-то сверток. Я слышал щелчок, а затем — скрип двери, закрывшейся на корме. После этого оттуда же послышался крик.

Вармус накинул на плечи холщовый плащ, натянул на золотистые кудри плоскую широкополую шляпу и, прихрамывая, вышел на палубу.

— Думаю, прежде всего следует провести перекличку.

— Всему свое время, — задержал его Кугель. — Сначала давайте найдем и откроем выброшенный сверток — возможно, тайное сразу станет явным.

— Как вам угодно. — Они спустились на землю.

— Вы помните, где эти кусты? — спросил Вармус.

— Рядом, с другой стороны. Но если бы я ничего не заметил, нам никогда не пришло бы в голову там что-либо искать.

Они обошли судно, и Кугель углубился в сплете-

ние гибких ветвей с узкими черными листьями. Он почти сразу нашел то, что искал, осторожно вытащил под открытое небо и положил на землю. Вармус и Кугель стояли, глядя на сверток из мягкой голубой ткани. Кугель прикоснулся к нему носком сапога:

— Узнаёте материал?

Вармус кивнул:

— Да, это плащ Перрукиля.

Несколько секунд двое молча стояли, рассматривая вещественное доказательство.

— Теперь мы знаем, кто сегодня пропал, — произнес Кугель.

Вармус крякнул:

— Откройте сверток.

— Почему я? Вы можете это сделать не хуже меня, — возразил Кугель.

— Помилуйте, Кугель! — возмутился Вармус. — Вы же знаете, что мне больно нагибаться!

Кугель поморщился. Присев на корточки, он потянул за конец узла, скреплявшего сверток. Складки плаща развернулись: под ними оказались две кучки человеческих костей, изобретательно сложенных так, чтобы они занимали как можно меньше места.

— Потрясающе! Это просто какой-то пара-

докс! — пробормотал Вармус. — Здесь не обошлось без магии. Каким образом убийца ухитрился скрестить череп с тазовой костью таким невероятным образом?

Кугель, однако, нашел повод для критики:

— Не сказал бы, что это оптимальная конфигурация. Извольте заметить, что череп Иванелло вложен в тазовую кость Эрмольды, в то время как череп Эрмольды сходным образом помещен в тазовую кость Иванелло. Думаю, что Иванелло не согласился бы с подобным пренебрежением к индивидуальной принадлежности компонентов скелета.

— Что ж, теперь мы знаем, кто этим занимается, — проворчал Вармус. — Пора переходить к делу.

Движимые одним и тем же побуждением, Вармус и Кугель одновременно обернулись к «Авентуре». Шторка иллюминатора капитанской каюты приподнялась: на них взглянул блестящий глаз. Шторка тут же опустилась.

Вармус и Кугель вернулись на палубу. Вармус напыщенно произнес:

— Вам как владельцу и капитану «Авентуры» надлежит принять решительные меры. Разумеется, я буду оказывать вам всестороннее

содействие.

Кугель задумался.

— Прежде всего нужно удалить всех пассажиров. После этого приведите вооруженный отряд ко входу в капитанскую каюту — там вам надлежит провозгласить ультиматум. Я встану бок о бок с вами и…

Вармус поднял руку:

— Я едва стою на ногах и не могу провозглашать ультиматумы.

— Что же вы предлагаете в таком случае?

Вармус поразмышлял пару секунд, после чего предложил план, который, по существу, требовал от Кугеля использования полномочий капитана, с тем чтобы взломать дверь каюты и, в случае необходимости, насильственно вторгнуться внутрь. Кугель отверг этот план по техническим причинам.

Наконец Кугель и вожатый каравана согласовали программу, представлявшуюся обоим осуществимой. Кугель приказал всем пассажирам судна сойти на землю. Как ожидалось, Перрукиля в их числе не было.

Вармус собрал служащих и дал им указания. Шилка, вооруженного шпагой, выставили у двери капитанской каюты в качестве часового, а

Кугель поднялся на кормовую надстройку. Два опытных плотника взобрались на столы и заколотили досками иллюминаторы кормовой каюты, а другие так же плотно заколотили досками ее дверь. Таким образом предотвращалась всякая возможность побега.

Выстроившись цепочкой, служащие и пассажиры стали передавать ведра с водой, набранной в пруду; ведра поднимали на кормовую надстройку и опорожняли в каюту через вентиляционное отверстие.

Обитательница каюты хранила упрямое молчание. Через некоторое время, однако, по мере того как вода поступала через вентиляционное отверстие, из каюты послышалось тихое шипение и щелчки; затем оттуда донесся яростный полушепот:

— Я протестую! Перестаньте лить воду!

Перед тем как занять пост перед дверью, Шилк зашел в камбуз и приложился к бутылке вина, чтобы разгорячить кровь. Расставив ноги в вызывающей позе и размахивая шпагой перед дверью каюты, он закричал:

— Черная ведьма, твое время настало! Ты утонешь, как крыса в мешке!

На некоторое время внутри снова наступила

тишина — из каюты доносился только плеск льющейся воды. Затем снова послышались шипение и щелчки (значительно громче, чем раньше) и ряд хриплых нечленораздельных восклицаний.

Осмелевший от вина — а также потому, что дверь была крепко заколочена, — Шилк продолжал кричать:

— Вонючая ведьма! Умирай молча — не то я, Шилк, отрежу тебе оба языка! — Он стал дурачиться, подпрыгивая и выделывая шпагой всякие выкрутасы; тем временем ведра воды непрерывно опорожняли в каюту.

Что-то тяжело налегло на дверь изнутри — надежно прибитые доски выдержали. Дверь подверглась новому сильному удару — доски застонали, сквозь трещины брызнула вода. Третий удар заставил доски разлететься. На палубу хлынул поток дурно пахнущей воды, за которым последовала Ниссифера. Теперь на ней не было ни плащаницы, ни шапки с вуалью: взорам окружающих явилась крепко сложенная черная тварь — нечто вроде гибрида сайма и вазиля с жесткой щеткой черной шерсти между глазами. Под черной головогрудью, словно испещренной пятнами ржавчины, подрагивало сегментированное брюшко гигантской осы; вдоль спины свисали

черные хитиновые чехлы надкрылий. Четыре тонкие черные руки кончались удлиненными, но почти человеческими ладонями; головогрудь, вместе с висящим под ней брюшком, поддерживалась тонкими черными хитиновыми голенями и странными, словно подбитыми жесткими шерстяными подошвами ступнями.

Тварь шагнула вперед. Шилк издал сдавленный крик и, запнувшись, упал спиной на палубу. Тварь прыгнула, приземлившись ступнями на его предплечья, и, присев, проткнула ему грудь хвостовым жалом. Шилк взвизгнул, откатился в сторону, несколько раз лихорадочно перекувыркнулся в воздухе, упал с палубы на землю, пробежал дикими скачками к пруду, стал трепыхаться в воде, появляясь и погружаясь то в одном, то в другом месте, и наконец затих. Его труп почти сразу же всплыл, надуваясь газами.

На борту «Авентуры» тварь по имени Ниссифера повернулась и направилась обратно в каюту, будто убежденная в том, что ей удалось отразить нападение врагов. Кугель, стоявший на кормовой надстройке, нагнулся и, размахнувшись клинком, оставлявшим в воздухе след из тысяч микроскопических блесток, разрубил Ниссиферу от левого глаза почти до середины головогруди.

Ниссифера громко свистнула от боли и удивления и отступила назад, чтобы рассмотреть своего обидчика.

— А, Кугель! — проскрипела она. — Ты причинил мне боль. Ты умрешь от вони.

Тяжело и часто шелестя надкрыльями, Ниссифера вскочила на кормовую надстройку. Кугель в панике отступил за нактоуз компаса. Ниссифера наступала — ее брюшко поджалось вверх и вперед между тонкими черными ногами, выпятив длинное желтое жало.

Кугель схватил одно из пустых ведер и запустил его Ниссифере в лицо. В тот же момент, пока Ниссифера отмахивалась от ведра, Кугель подскочил ближе и разрубил широким взмахом шпаги винкус, соединявший брюшко с головогрудью чудовища.

Брюшко упало; извиваясь, сжимаясь и разжимаясь, в конце концов оно скатилось по ступеням сходен на нижнюю палубу.

Игнорируя увечье, Ниссифера сделала пару шагов — из ее винкуса текла густая желтая жидкость — и, подступив вплотную к нактоузу, протянула вперед длинные черные руки. Кугель отшатнулся, отмахиваясь шпагой. Ниссифера вскрикнула и, рывком перегнувшись через нактоуз, выбила

шпагу из руки Кугеля.

Чудовище приблизилось, шелестя и щелкая надкрыльями, схватило Кугеля и прижало его к себе.

— Сейчас, Кугель, ты познаешь, что такое квинтэссенция вони!

Наклонив голову, Кугель уперся брызгосветом в головогрудь Ниссиферы.

Когда Вармус взобрался по сходням со шпагой в руке, он нашел на надстройке только Кугеля, бессильно сидевшего, расставив ноги в стороны и опираясь спиной на гакаборт.

Вармус посмотрел вокруг.

— Где Ниссифера?

— Ниссиферы больше нет.

Через четыре дня караван спустился с холмов к берегам озера Заол. Восемь башен, белевших в розоватой дымке за мерцающим зеркалом воды, отмечали местонахождение Каспары-Витатус, известного также как Город Монументов.

Обогнув озеро, караван приблизился к центру города по Проспекту Династий. Минуя не менее сотни знаменитых памятников, Вармус привел спутников к постоялому двору «Канбоу», где он обычно останавливался и где они могли наконец освежиться и отдохнуть.

Приводя в порядок каюту, которую занимала Ниссифера, Кугель нашел кожаный мешок, содержавший не менее сотни терциев, каковые он присвоил. Вармус, однако, настоял на том, чтобы изучение личного имущества Иванелло, Эрмольды и Перрукиля производилось ими совместно. Они нашли еще примерно триста терциев и разделили их поровну. Вармус завладел гардеробом Иванелло, тогда как Кугелю досталась серьга-цепочка с молочно-белым опалом, привлекшим его внимание в первую очередь.

Кроме того, Кугель предложил Вармусу приобрести полное право собственности на «Авентуру» за пятьсот терциев.

— Где еще вы найдете такую выгодную сделку? Где еще вы сможете купить по такой цене добротное, надежное судно, полностью оснащенное?

Вармус только усмехнулся:

— Если бы вы предложили мне приобрести огромную опухоль всего лишь за десять терциев, стал бы я с вами торговаться, как вы думаете?

— Мое предложение никак нельзя назвать аналогичным упомянутому вами, — заметил Кугель.

— Не наводите тень на плетень! Магические чары слабеют. Каждый день судно оседает все ближе к земле. Зачем мне корабль, который не

может ни летать по воздуху, ни плыть по песку, здесь, посреди бескрайних пустошей? Только потому, что я люблю безрассудно рисковать, могу заплатить за «Авентуру» сто терциев — больше не просите.

— Вы шутите! — презрительно обронил Кугель, и на этом вопрос остался открытым.

Вармус ушел, чтобы заняться ремонтом экипажей и фургонов; через некоторое время ему повстречались два рыбака, с явным интересом разглядывавших «Авентуру». После длительных переговоров Вармусу удалось согласовать твердую цену — рыбаки согласились приобрести судно за шестьсот двадцать пять терциев.

Тем временем Кугель освежался пивом в трактире постоялого двора «Канбоу». Пока он сидел за столом, погрузившись в размышления, в трактир зашла группа из семи человек с суровыми лицами и грубыми голосами. Кугель дважды взглянул на их предводителя, после чего присмотрелся в третий раз и наконец распознал капитана Вискича, бывшего владельца «Авентуры». Очевидно, Вискич проследил маршрут своего судна и явился в Каспару-Витатус, чтобы востребовать похищенную собственность.

Кугель потихоньку выскользнул из трактира и

отправился искать Вармуса — а тот как раз в это же время искал Кугеля. Они почти столкнулись у входа на постоялый двор. Вармус хотел выпить пива в трактире, но Кугель отвел его к скамье на другой стороне Проспекта, откуда открывался превосходный вид на озаренное лучами заката озеро Заол.

Через некоторое время разговор двух знакомых коснулся «Авентуры», и соглашение было заключено с неожиданной легкостью. Вармус уплатил за право собственности на воздушное судно двести пятьдесят терциев.

Двое расстались в самых дружеских тонах. Вармус пошел искать рыбаков, а Кугель закутался в плащ, почти закрыв лицо капюшоном, наклеил фальшивую бороду и остановился в гостинице «Зеленая звезда», назвавшись Тиченором, торговцем античными могильными плитами.

Вечером возникла громкая перепалка — сначала в районе озерных причалов, а затем на постоялом дворе «Канбоу»; постояльцы, заходившие в трактир гостиницы «Зеленая звезда», рассказывали, что скандал устроили местные рыбаки, вступившие в конфликт с бандой недавно прибывших путников, причем в конечном счете суматоха затронула Вармуса и его караванных

работников.

Со временем порядок был восстановлен, и вскоре после этого два человека заглянули в трапезный зал «Зеленой звезды». Один из них громко и хрипло спросил:

— Кто здесь Кугель?

Другой спросил чуть повежливее:

— Срочно требуется найти Кугеля. Если он здесь, пусть пройдет к выходу!

Никто не ответил, и два грубияна удалились, а Кугель прошел в отведенную ему комнату.

Утром Кугель направился к ближайшей конюшне, где приобрел скакуна для поездки на юг. Малолетний помощник конюха отвел Кугеля к лавке, где тот купил новую поясную сумку и пару седельных мешков, куда сложил все необходимое для дальнего пути. К тому времени его трехъярусная шляпа помялась и осела; кроме того, от нее пованивало Ниссиферой. Кугель отцепил от нее брызгосвет и, осторожно завернув его в кусок плотной ткани, засунул его в новую поясную сумку. Тут же он купил темно-зеленую бархатную кепку с коротким козырьком — не привлекая особого внимания, она в то же время придавала Кугелю сдержанную элегантность.

Кугель платил терциями из кожаного мешка,

найденного в каюте Ниссиферы, — от этого мешка тоже воняло. Кугель собрался было купить другой мешок, но помощник конюха вмешался:

— Зачем тратить деньги зря? У меня есть почти такой же мешок, и я могу отдать его бесплатно.

— Очень щедро с твоей стороны! — заметил Кугель; они вдвоем вернулись к конюшне, где Кугель высыпал терции из старого мешка в новый.

Привели скакуна. Кугель вскочил в седло, а помощник конюха покрепче пристегнул седельные сумки. К тому времени в конюшне появились два суровых субъекта. Приблизившись быстрыми размашистыми шагами, один из них спросил:

— Вас зовут Кугель?

— Не знаю никакого Кугеля! — заявил Кугель. — Что вы придумываете? Меня зовут Тиченор. Что, собственно, вам нужно от Кугеля?

— Не ваше дело. Пройдите с нами — ваши заверения вызывают серьезные сомнения.

— Глупости! У меня нет времени. Парнишка, передай-ка мне мешок. — Помощник конюха передал кожаный мешок, и Кугель привязал его к седлу. Он уже почти выехал на улицу, но два субъекта преградили ему путь:

— Вам придется пройти с нами.

— Это невозможно! — отказался Кугель. — Я

еду в Торкваль! — Пнув одного из субъектов в нос, а другого — в живот, он поскакал со всей возможной скоростью по Проспекту Династий и вскоре покинул Каспару-Витатус.

Через некоторое время он задержался и обернулся, чтобы проверить, не преследуют ли его.

При этом он почувствовал неприятный запах, исходивший от кожаного мешка. Удивительное дело! Это был тот самый мешок, который он нашел в каюте Ниссиферы.

Кугель тревожно заглянул в мешок — вместо терциев там оказались кусочки ржавого металла.

Кугель отчаянно застонал и, повернув коня, хотел было вернуться в Каспару-Витатус, но тут же заметил вдали дюжину пригнувшихся в седлах всадников, пустившихся в погоню.

Кугель снова испустил яростный вопль раздражения. Вышвырнув кожаный мешок в канаву, он снова развернул коня и галопом поскакал на юг.

Глава V
От Каспары-Витатус до Квирнифа

1. Семнадцать девственниц

Долгая и упорная погоня привела всадников в унылую холмистую местность с почвой цвета выцветшей кости, известную под наименованием Бледных Промоин. Наконец, чтобы сбить с толку преследователей, Кугель применил удачный трюк: выпрыгнув из седла, он спрятался за скальными выступами — враги с топотом промчались мимо, вдогонку за лишившимся наездника конем.

Кугель таился в укрытии, пока злобно ругавшиеся и споривше всадники не вернулись по дороге в Каспару-Витатус. Выйдя из укрытия, Кугель погрозил кулаком и прокричал несколько проклятий вслед удалявшемуся за горизонт отряду, после чего повернулся и продолжил путь на юг через Промоины.

Кугеля окружала местность бесплодная и мрачная, как поверхность остывшей звезды, что позволило ему не опасаться встречи с такими сообразительными хищниками, как синдики,

шамбы, эрбы и виспы, — хотя бы это обстоятельство приносило ему какое-то печальное удовлетворение.

Шаг за шагом мерил он расстояние, переставляя свои длинные ноги вверх по склону, чтобы бросить взгляд на бесконечную последовательность пустынных покатых возвышенностей, а затем снова вниз по склону, в овраг, где время от времени просочившаяся вода позволяла существовать чахлой растительности. В таких местах Кугель находил черемшу, дурнишник и вопляк, а иногда и саламандру, что позволяло ему не умереть с голоду.

День тянулся за днем. Холодное и тусклое Солнце всплывало по темно-синему небосклону, то и дело подергиваясь синевато-черной пленкой, после чего медленно заходило, как громадная пурпурная жемчужина. Когда темнота делала дальнейшее продвижение практически невозможным, Кугель заворачивался в плащ и спал в какой-нибудь ложбинке.

Вечером седьмого дня Кугель, прихрамывая, спустился с холма в заброшенный сад. Там он нашел и поглотил несколько сморщенных ведьминых яблок, после чего направился по едва заметной тропе, оставшейся от древней дороги.

Примерно через полтора километра тропа вывела его на утес, возвышавшийся над обширной равниной. Внизу, прямо под этим утесом, река огибала небольшой поселок, после чего устремлялась на юго-запад и постепенно исчезала в дымчатых далях.

Кугель обозревал ландшафт с настороженным вниманием. Равнина напоминала мозаику из ухоженных огородов идеально квадратной формы и одинаковых размеров; по реке дрейфовала рыбацкая плоскодонка. «Мирная картина!» — подумал Кугель. С другой стороны поселок был застроен причудливыми архаическими зданиями, причем скрупулезная равномерность распределения строений вокруг центральной площади позволяла предположить такую же методичную скрупулезность характера местных жителей. Сами по себе здания были не менее единообразными: каждое представляло собой группу из двух, трех, а иногда и четырех установленных один на другом и уменьшавшихся с возрастанием высоты грушевидных модулей, причем нижний был неизменно выкрашен в синий цвет, второй — в темно-красный, а третий и четвертый были выкрашены в темноватый горчичный и черный цвета — соответственно.

Навершием каждому зданию служил прихотливо искривленный чугунный стержень той или иной длины. Гостиница на берегу реки выглядела не столь чудаковато-канонической, ее окружал радующий глаз — по меньшей мере издали — цветущий сад. Дорога вела вдоль реки на восток, и теперь Кугель заметил движущийся по ней караван из шести фургонов на высоких колесах. Его опасения рассеялись — в поселке, очевидно, допускали присутствие чужеземцев; Кугель стал с уверенностью спускаться с холма.

На окраине поселка Кугель остановился и открыл сумку, все еще державшуюся у него на поясе, хотя уже существенно потрепанную. Изучив ее содержимое, Кугель нашел пять терциев — сумму, вряд ли способную удовлетворить его потребности. Поразмышляв, Кугель набил сумку небольшими окатышами, подобранными на обочине, что позволило придать ей внушительные вес и полноту. Стряхнув пыль с одежды, он поправил на голове зеленую охотничью кепку и направился в поселок.

Пока он шел по улице, никто не пытался преградить ему путь; никто даже не обращал на него внимания. Пересекая площадь, Кугель задержался, чтобы рассмотреть сооружение еще

более причудливое, нежели окружавшие его произведения местных архитекторов: большой и глубокий каменный очаг. В очаге ярко пылали поленья, его окружали пять фонарей на чугунных опорах. В каждом фонаре горели пять фитилей, а над фитилями были устроены сложные конструкции из зеркал и линз, предназначение которых оставалось для Кугеля непостижимым. За этим сооружением прилежно ухаживали два молодых человека, очищавших от сажи двадцать пять фитилей, ворошивших горящие поленья и регулировавших винты и рычажки, в свою очередь контролировавшие положение зеркал и линз. Молодые люди носили, по всей видимости, принятые в этих краях костюмы: голубые шаровары до колен, красные рубахи, черные жилеты с бронзовыми пуговицами и широкополые шляпы. Взглянув на Кугеля без всякого любопытства, они вернулись к своим занятиям, а Кугель прошествовал к гостинице.

В примыкавшем к гостинице саду две дюжины местных жителей сидели за столами и с очевидным аппетитом поглощали какие-то блюда и напитки. Кугель понаблюдал за ними пару минут — их учтивая изящная жестикуляция напоминала манеры, преобладавшие в далеком прошлом.

Люди эти были так же непривычны Кугелю, как их строения: бледные и тощие, яйцеголовые и длинноносые, они отличались выразительными темными глазами, причем у каждого из них были так или иначе, но по-разному, обрезаны уши. Лысины мужчин — а они все были совершенно лысыми — блестели в красных солнечных лучах. Женщины разделяли волосы пробором посередине, а по бокам коротко стригли их «под горшок», так, чтобы они не достигали ушей примерно на сантиметр; Кугелю такие прически показались непривлекательными. Пиршество жителей поселка болезненно напомнило Кугелю о качестве пищи, благодаря которой он выжил в Бледных Промоинах, — о терциях он больше не помышлял. Кугель зашел в сад и уселся за стол. К нему приблизился дородный субъект в синем переднике; разглядев потрепанную одежду Кугеля, он нахмурился. Кугель тут же вынул из сумки два терция и протянул их человеку в переднике:

— Возьмите это на чай, любезный, чтобы мне не отказывали в самом проворном обслуживании. Я только что закончил долгий и трудный путь и страшно проголодался. Вы могли бы принести мне примерно такое же блюдо, каким угощается господин за соседним столом, и бутыль

вина. Попросите также владельца гостиницы приготовить для меня удобный спальный номер. — Кугель беззаботно снял с пояса сумку и шлепнул ее на стол так, чтобы стук произвел желаемое впечатление. — Мне потребуются также ванна, чистое белье и услуги брадобрея.

— Я — владелец гостиницы, — отозвался человек в синем переднике. — Сейчас же прослежу за тем, чтобы ваши желания были выполнены.

— Превосходно! — сказал Кугель. — Ваше заведение производит на меня положительное впечатление — возможно, я останусь у вас на несколько дней.

Хозяин гостиницы благодарно поклонился и поспешил проследить за приготовлением ужина для Кугеля.

Кугель плотно подкрепился, хотя второе блюдо — раки с холодцом, приправленным нашинкованным пунцовым мангонилем, — показалось ему излишне пряным и жирным. Жареная птица, однако, не вызвала у него никаких нареканий, а вино настолько понравилось, что он заказал вторую бутыль. Майер, владелец гостиницы, сам принес эту бутыль, а похвалы принял как должное.

— В Гундаре нет лучшего вина! Конечно, оно

обходится недешево, но вы — человек, умеющий ценить удовольствия жизни!

— Вы совершенно правы, — подтвердил Кугель. — Садитесь, выпейте со мной пару бокалов. Должен признаться, ваш необычный городок вызывает у меня любопытство.

Владелец заведения охотно принял предложение Кугеля.

— Меня удивляет то, что вы находите Гундар необычным. Я прожил здесь всю жизнь, и наш поселок кажется мне ничем не примечательным.

— Могу обратить ваше внимание на три обстоятельства, вызывающих, на мой взгляд, интерес, — возразил Кугель, у которого вино вызвало некоторую словоохотливость. — Во-первых, напоминающие луковицы или груши этажи местных построек. Во-вторых, устройства из зеркал и линз над очагом в центре площади — согласитесь, любому чужестранцу хотелось бы узнать их назначение. И в-третьих, тот факт, что на голове всех мужчин в Гундаре нет ни единого волоска.

Майер задумчиво кивнул:

— Местные архитектурные особенности по меньшей мере легко поддаются объяснению. Древние гунды жили в гигантских тыквах. Когда

часть стены растрескивалась или прогнивала, ее заменяли деревянным щитом — и в конце концов обитатели тыкв оказывались жильцами домов, полностью изготовленных из дерева, но оформленных в том же стиле. В том, что касается огня и прожекторов, — разве вам неизвестен распространившийся по всему миру Орден солнечных эмосинариев? Мы стимулируем жизнеспособность Солнца; пока испускаемый нами луч симпатической вибрации регулирует внутреннее сгорание Солнца, оно никогда не погаснет. Такие же станции существуют и в других местах — в Синем Азоре, на острове Бразеле, в окруженном неприступными стенами городе Мунте, а также в обсерватории Великого Звездохранителя в Вир-Виссилисе.

Кугель с сожалением покачал головой:

— Насколько мне известно, многое изменилось. Остров Бразель погрузился в пучины вод. Дистропы снесли Мунт до основания уже тысячу лет тому назад. Я никогда ничего не слышал о Синем Азоре и о Вир-Виссилисе, хотя обошел и объездил много стран. Возможно, здесь, в Гундаре, вы — последние солнечные эмосинарии, оставшиеся на Земле.

— Плохие новости! — воскликнул Майер. —

Значит, заметному ослаблению солнечной активности нашлось объяснение. Возможно, нам следует удвоить число поленьев под регулятором.

Кугель налил еще вина себе и собеседнику.

— В связи с чем возникает вопрос. Если, как я подозреваю, в Гундаре продолжает функционировать последняя станция эмосинариев, кто регулирует Солнце ночью, когда оно заходит?

Владелец гостиницы покачал головой:

— Не нахожу ответа. Может быть, в ночное время Солнце просто отдыхает — спит, если можно так выразиться, хотя, конечно, это не более чем предположение.

— Позвольте мне выдвинуть другую гипотезу, — рассуждал Кугель. — Вполне возможно, что угасание Солнца достигло уровня, не позволяющего больше как-либо регулировать его светимость, в связи с чем усилия гундов, ранее похвальные и полезные, больше не оказывают желаемого воздействия.

Майер растерянно воздел руки к небу:

— Подобные сложности превосходят мое понимание! Постойте-ка, к нам пожаловал нольде Гуруска! — Хозяин гостиницы обратил внимание Кугеля на крупного субъекта с грудью колесом и

щетинистой черной бородой, остановившегося у входа. — Прошу меня извинить, я сейчас вернусь. — Поднявшись на ноги, Майер подошел к Гуруске и несколько минут обсуждал с ним какой-то вопрос, то и дело указывая на Кугеля. В конце концов чернобородый субъект решительно махнул рукой, прошествовал по саду к столу Кугеля и произнес гулким басом:

— Насколько я понимаю, вы утверждаете, что на Земле не осталось других эмосинариев, кроме гундов?

— Я не выступал с безапелляционными утверждениями, — осторожно возразил несколько уязвленный Кугель. — Я лишь позволил себе заметить, что посетил много стран и что нигде, кроме Гундара, мне не приходилось слышать об Ордене солнечных эмосинариев, в связи с чем я осмелился предположить, что какие-либо другие станции, регулирующие солнечное излучение, больше не существуют.

— В Гундаре «невинность» рассматривается как положительное свойство, а не просто не заслуживающее внимания отсутствие вины, — заявил Гуруска. — Мы не такие тупицы, как могли бы предположить иные потасканные бродяги.

Кугель сдержал замечание, готовое сорваться

с языка, и удовольствовался пожатием плеч. Майер отошел в сторону вместе с Гуруской, и они побеседовали еще несколько минут, нередко поглядывая на Кугеля. Наконец чернобородый обладатель баса удалился, а владелец заведения вернулся к столу Кугеля.

— У гундарского нольде не слишком любезные манеры, — признался Майер, — но, в целом и в общем, он человек весьма компетентный.

— Мне не подобает высказывать какие-либо мнения по этому поводу, — сказал Кугель. — Но в чем, по существу, заключаются его обязанности?

— В Гундаре точности и методичности придается огромное значение, — пояснил Майер. — Мы считаем, что отсутствие порядка способствует беспорядку, и должностным лицом, ответственным за пресечение всевозможных капризов и отклонений от нормальности, является нольде… О чем мы говорили раньше? Ах да, вы упомянули об очевидном отсутствии волос у гундарских мужчин. Не могу предложить какое-либо неоспоримое объяснение этого факта. По словам наших мудрецов, полное облысение следует считать окончательным усовершенствованием человеческой расы. Другие, однако, больше доверяют древней легенде. Пара чародеев, Астерлин и Молдред,

соревновались, стремясь заслужить благорасположение гундов. Астерлин обещал наделить их сплошным волосяным покровом, чтобы они никогда больше не нуждались в одежде. Молдред, напротив, предложил гундам облысение (со всеми сопутствующими преимуществами), и, разумеется, гунды отдали предпочтение ему. По сути дела, Молдред стал первым гундарским нольде, занимая ту должность, на которую теперь назначен Гуруска. — Владелец гостиницы поджал губы, глядя куда-то в пространство, за пределы своего сада. — Гуруска — человек недоверчивый. Он напомнил мне о неукоснительном правиле — я обязан просить всех временно останавливающихся у нас гостей ежедневно расплачиваться по счетам. Разумеется, я заверил его в вашей добропорядочности, не вызывающей никаких сомнений, но просто для того, чтобы умиротворить нашего градоначальника, утром я предъявлю вам счет.

— Это равносильно оскорблению! — высокомерно заявил Кугель. — Неужели мы обязаны униженно потакать любым прихотям Гуруски? Только не я, могу вас заверить! Я рассчитаюсь с вами так, как это обычно делается.

Хозяин заведения моргнул.

— Могу ли я поинтересоваться, как долго вы намерены оставаться в Гундаре?

— Я хотел бы отправиться на юг кратчайшим путем — насколько я понимаю, в данном случае мне лучше всего спуститься по реке в какой-нибудь лодке.

— Караван может довезти вас через Лирр-Эйнг до Лумарта за десять дней. Река тоже протекает мимо этого городка, но плавание вниз по течению не рекомендуется в связи с наличием поблизости от берегов трех нежелательных районов. Болота Лалло кишат жалящими насекомыми, древесные карлики из леса Сантальба забрасывают проплывающие мимо лодки нечистотами, а Отчаянные пороги разбивают лодки в щепы и ломают кости тонущим.

— В таком случае мне придется ехать с караваном, — заключил Кугель. — Тем временем я останусь в Гундаре — если, конечно, преследования со стороны Гуруски не станут нестерпимыми.

Облизнув губы, Майер оглянулся через плечо:

— Я заверил Гуруску, что буду неукоснительно следовать заведенным правилам. Боюсь, что, если я этого не сделаю, нам грозят большие неприятности…

Кугель великодушно отозвался:

— Принесите сургуч и печать! Я запечатаю сумку, содержащую драгоценные опалы и квасцы. Мы разместим ее в сейфе, и вы можете хранить ее в качестве залога. Против этого не возразит даже Гуруска!

Майер в ужасе всплеснул руками:

— Я не могу взять на себя такую ответственность!

— Не беспокойтесь, — доверительно понизил голос Кугель. — Я защитил сумку заклинанием. Если грабитель вскроет сумку, драгоценности тут же превратятся в гальку.

Майер продолжал сомневаться, но согласился принять сумку Кугеля на хранение. Они вместе проследили за тем, чтобы она была запечатана сургучом, после чего ее поместили в сейф владельца гостиницы.

Кугель удалился к себе в номер; там он выкупался, воспользовался услугами брадобрея и переоделся в предоставленный ему новый костюм. Поправив кепку на голове так, чтобы она залихватски сидела набекрень, он вышел на площадь прогуляться.

Конечно, он не преминул подойти к станции солнечных эмосинариев. Так же как прежде, два молодых человека прилежно работали вокруг

очага — один поддерживал огонь и регулировал оптические приборы пяти фонарей, тогда как другой постоянно следил за тем, чтобы передающий стимулирующую вибрацию луч был точно направлен на заходящее Солнце.

Кугель рассматривал станцию со всех сторон, и в конце концов юноша, подкидывавший поленья в очаг, спросил:

— Не вы ли тот самый путешественник, который недавно выразил сомнения по поводу эффективности системы эмосинариев?

Кугель осторожно выбирал слова:

— Беседуя с Майером и Гуруской, я высказал следующие замечания. Доподлинно известно, что остров Бразель погрузился в Мелантинский залив — о его существовании уже почти забыли. Известно, что окруженный крепостными стенами город Мунт давно разрушен завоевателями, от него остались только безжизненные руины. По поводу Синего Азора и Вир-Виссилиса я ничего не знаю и никогда о них не слышал. Больше я не выражал никаких мнений.

Молодой хранитель очага раздраженно подбросил в огонь охапку поленьев.

— Тем не менее нам сказали, что вы считаете наши усилия бесполезными.

— Я не делал столь далеко идущих выводов, — вежливо возразил Кугель. — Даже если другие станции эмосинариев заброшены или разрушены, вполне возможно, что гундарского регулятора достаточно. Кто знает?

— Вот что я вам скажу, — заявил хранитель очага. — Мы трудимся безвозмездно, а в свободное время валим деревья, пилим их и перевозим сюда поленья. Это тяжелая и скучная работа.

Юноша, регулировавший направление луча, генерируемого станцией, тоже пожаловался:

— Гуруска и старейшины ни черта не делают, только приказывают нам вкалывать — приказывать легко и удобно! Молодежь — в том числе Джанред и я — не такие простаки, как может показаться. В принципе, мы отвергаем любые догматические учения. Лично я считаю обслуживание системы солнечных эмосинариев бесполезной тратой усилий и времени.

— Если другие станции заброшены, — рассуждал Джанред, подбрасывавший поленья, — кто или что регулирует светимость Солнца, когда оно скрывается за горизонтом? Вся эта система — полнейшая чепуха, враки!

Оператор зеркал и линз заявил:

— И я могу это продемонстрировать, освободив

всех гундов от неблагодарного рабского труда! — Он повернул рычаг. — Извольте заметить: луч регулятора больше не направлен на Солнце. Смотрите! Солнце светит, как прежде, нисколько не нуждаясь в нашем вмешательстве.

Кугель посмотрел на Солнце; действительно, судя по всему, оно светило по-прежнему, время от времени морщась и подрагивая, как старик, страдающий подагрой. Юноши наблюдали за дневным светилом с таким же интересом и, по мере того как минута проходила за минутой, стали удовлетворенно бормотать себе под нос:

— Вот и доказательство! Солнце не погасло!

Пока они продолжали наблюдение, однако, Солнце — возможно, совершенно случайно — болезненно померкло и, казалось, спазматически ускорило движение к горизонту. За спиной Кугеля и молодых людей раздался возмущенный рев — к ним подбежал нольде Гуруска.

— Что означает эта безответственность? Немедленно направьте регулятор на Солнце! Вы что же, хотите бродить на ощупь в темноте до конца своих дней?

Юноша, поддерживавший огонь, возмущенно ткнул большим пальцем в сторону Кугеля:

— Он убедил меня в том, что в нашей системе

нет необходимости и что все наши труды бесполезны.

— Как?! — Впечатляющие грудь и борода Гуруски повернулись к Кугелю. — Вы появились в Гундаре всего лишь несколько часов тому назад и уже пытаетесь пошатнуть незыблемые основы нашего существования? Предупреждаю вас, наше терпение не бесконечно! Уходите отсюда и больше не приближайтесь к станции эмосинариев!

Задыхаясь от ярости, Кугель развернулся на каблуках и промаршировал прочь.

На пустыре, где остановился караван, он навел справки о возможности поездки на юг, но прибывшая в полдень вереница фургонов должна была отправиться утром обратно на восток.

Кугель вернулся в гостиницу и сел за стол в таверне. Заметив троих, игравших в карты, он приблизился к ним и стал наблюдать. Гунды развлекались упрощенным вариантом рамполио, и через некоторое время Кугель сообщил игрокам, что хотел бы к ним присоединиться.

— Но только в том случае, если ставки не слишком высоки, — предупредил он. — У меня нет достаточного опыта, и я не хотел бы потерять больше пары терциев.

— Ха! — воскликнул один из игроков. — Какой

смысл в деньгах? Никто из нас не сможет их потратить после смерти!

— Если вы проиграете нам все свое золото, вам не придется тащить его с собой, — пошутил другой.

— Каждому приходится учиться, рано или поздно, — заверил Кугеля третий. — Вам повезло: вы повстречались в Гундаре с тремя экспертами и можете приобрести полезнейший опыт.

Кугель испуганно отшатнулся:

— Но я не хочу проиграть больше одного терция!

— Не бойтесь! И не будьте таким скрягой — присаживайтесь!

— Ну хорошо, — уступил Кугель. — Рискну. Но у вас потрепанные, грязные карты. А у меня есть новая, еще не использованная колода.

— Превосходно! Сыграем на славу!

Через два часа три гунда бросили карты на стол, смерив Кугеля долгими подозрительными взглядами, и, словно по сигналу, одновременно повернулись и вышли из таверны. Кугель подсчитал выигрыш: тридцать два терция и несколько старых медных грошей. Слегка повеселев, он вернулся в свой номер.

Наутро, за завтраком, Кугель заметил прибы-

тие нольде Гуруски, немедленно завязавшего разговор с владельцем гостиницы. Через несколько минут Гуруска подошел к столу Кугеля с довольно-таки зловещей ухмылкой на лице; Майер беспокойно переминался с ноги на ногу в нескольких шагах у него за спиной.

Кугель вежливо спросил тоном, свидетельствовавшим о некотором раздражении:

— Что вам понадобилось на этот раз, нольде? Солнце взошло — таким образом, вы можете убедиться в том, что я никоим образом не пытался повлиять на функционирование вашего регулятора.

— Меня интересует другой вопрос. Вам известно, какие наказания полагаются за мошенничество?

Кугель пожал плечами:

— Какое это может иметь отношение ко мне?

— Эти наказания суровы, и я еще вернусь к их описанию. Но прежде всего позвольте спросить: вы действительно доверили Майеру на хранение сумку, якобы содержащую драгоценности?

— Да, доверил. Должен заметить также, что мое имущество защищено заклинанием: любая попытка похитить драгоценные камни превратит их в обычную гальку.

Гуруска продемонстрировал сумку Кугеля.

— Как вы можете видеть, печати не сломаны. Но я разрезал кожу и заглянул внутрь. В вашей сумке, как прежде, так и в настоящее время, — Гуруска торжествующим жестом высыпал содержимое сумки на стол, — находятся только окатыши вроде тех, какие можно подобрать на обочине!

Кугель возмущенно воскликнул:

— Мои драгоценности! Вы превратили их в мусор! Вы несете за это всю ответственность и обязаны выплатить возмещение!

Гуруска оскорбительно расхохотался:

— Если вы можете превращать драгоценные камни в щебень, вы сможете превратить щебень в драгоценные камни. А теперь Майер предъявит вам счет. Если вы откажетесь платить, я прикажу запереть вас в темнице под виселицей и содержать в заключении, пока вы не придумаете, как расплатиться с долгами.

— Ваши отвратительные подозрения абсурдны! — заявил Кугель. — Майер, покажите счет! Покончим с этой вульгарной комедией раз и навсегда!

Майер приблизился и протянул Кугелю бумажку.

— В общем и целом, вы должны мне одиннадцать терциев — не считая, конечно, чаевых, которые мне полагаются, если уж говорить откровенно.

— Чаевые вам не полагаются, — отрезал Кугель. — Вы всех своих постояльцев подвергаете такому непростительному обращению? — Он отсчитал и швырнул на стол одиннадцать терциев. — Возьмите деньги и оставьте меня в покое!

Майер собрал монеты дрожащими руками; Гуруска издал нечленораздельный звук и отвернулся. Покончив с завтраком, Кугель снова пошел прогуляться по площади. Здесь он увидел бегущего подростка, служившего в таверне поваренком. Кугель попросил его задержаться.

— Судя по всему, ты проворный и сообразительный парень. Как тебя зовут?

— Обычно меня называют Зеллером.

— Надо полагать, ты хорошо знаешь всех жителей Гундара?

— Можно сказать и так. А почему вы спрашиваете?

— Прежде всего, — поднял указательный палец Кугель, — я хотел бы знать, желаешь ли ты использовать свои познания с выгодой для себя?

— Разумеется — если это не привлечет внима-

ние нольде.

— Очень хорошо. Как видишь, поблизости имеется пустующий киоск — он послужит нашим целям. Через час мы приступим к осуществлению нашего плана.

Кугель вернулся в гостиницу, и по его требованию Майер принес ему табличку из плотного картона, кисть и краску. Кугель изготовил объявление:

ЗНАМЕНИТЫЙ ЯСНОВИДЕЦ КУГЕЛЬ

КОНСУЛЬТИРУЕТ, ИСТОЛКОВЫВАЕТ И ПРЕДСКАЗЫВАЕТ.

СПРАШИВАЙТЕ — И ВАМ ОТВЕТЯТ!

ТРИ ТЕРЦИЯ ЗА КАЖДУЮ КОНСУЛЬТАЦИЮ.

Кугель повесил объявление на киоске, раздвинул шторки, закрывавшие проем над прилавком, и стал ожидать клиентов. Тем временем поваренок незаметно спрятался в глубине киоска.

Почти немедленно прохожие, пересекавшие площадь, стали задерживаться, чтобы прочесть объявление. Через некоторое время женщина лет тридцати подошла поближе:

— Три терция — дорого! Какие результаты вы гарантируете?

— Никаких — такова природа вещей. Я — опытный ясновидец, знакомый с магическими мето-

дами, но полученные мной сведения поступают из неизвестных источников, не поддающихся контролю.

Женщина положила на прилавок три монеты.

— Если вы сможете решить мою проблему, три терция — сущая безделица. Всю жизнь моя дочь была совершенно здорова, а теперь хворает и замкнулась в себе. Все мои попытки ее вылечить не помогают. Что мне делать?

— Одну минуту, мадам, позвольте мне погрузиться в медитацию. — Кугель задернул шторки киоска и откинулся назад, чтобы расслышать шепот поваренка, после чего снова раздвинул шторки. — Я прислушался к голосу космоса, и он просветил меня! Ваша дочь, Далиана, беременна. Я могу узнать имя отца ее ребенка, но это будет стоить еще три терция.

— С удовольствием расстанусь еще с тремя монетами, — мрачно проворчала клиентка. Уплатив, она получила интересующую ее информацию и целенаправленно удалилась.

Подошла еще одна женщина, уплатила три терция и разъяснила Кугелю сущность своей проблемы:

— Муж заверял меня, что спрятал жестянку с золотыми монетами — на черный день. Но после

его смерти я не смогла найти ни гроша! Где он спрятал золото?

Задернув шторки, Кугель посоветовался с поваренком и снова появился перед клиенткой:

— У меня для вас плохие новости. Ваш супруг, Финистер, потратил почти все накопленное им золото в таверне. На оставшиеся деньги он купил аметистовую брошь для женщины по имени Варлетта.

Слухи о невероятных способностях Кугеля быстро распространились, и его услуги становились весьма популярными. Вскоре после полудня дородная женщина, закутанная в шаль и закрывшая лицо вуалью, подошла к киоску, уплатила три терция и спросила высоким, странно напряженным голосом:

— Предскажите мою судьбу!

Кугель задернул шторки и вопросительно повернулся к поваренку — тот не смог ничего сообщить:

— Я ее не знаю. Поэтому ничего не могу сказать.

— Неважно! — заявил Кугель. — Ты только подтвердил мои подозрения. — Широко раздвинув шторки, он сказал: — Предзнаменования неясны — я отказываюсь брать ваши деньги! — Кугель

вернул женщине монеты. — Могу сказать только одно: вы — персона властная и уверенная в себе, но вам не хватает сообразительности. Что вас ждет? Почести? Дальнее плавание? Месть врагов? Богатство? Картина будущего искажена — вполне может быть, что я вижу не вашу судьбу, а свою собственную.

Женщина сорвала вуаль — под ней оказалась бородатая физиономия нольде Гуруски.

— Господин Кугель! С вашей стороны было очень предусмотрительно вернуть мои деньги, так как в противном случае я арестовал бы вас за жульничество в публичном месте! Так или иначе, я рассматриваю вашу деятельность как мошенническую и противоречащую интересам общественности. Из-за ваших разоблачений весь Гундар раздирают скандалы, и я этого больше не допущу! Снимите объявление и будьте благодарны за то, что отделались так легко!

— С удовольствием закрою предприятие, — с достоинством ответил Кугель. — Работа ясновидца быстро утомляет.

Гуруска раздраженно удалился. Кугель поделился заработком с поваренком, и оба покинули киоск с чувством глубокого удовлетворения.

Кугель полакомился лучшими блюдами кухни

Майера, но впоследствии, когда он зашел в таверну, он не мог не заметить полное отсутствие дружелюбия со стороны других посетителей и почти сразу же направился к себе в номер.

На следующее утро, пока он завтракал, в город с грохотом заехали, один за другим, десять фургонов. Важнейшим грузом в этом караване, по-видимому, была группа из семнадцати девиц, занимавших скамьи в двух фургонах. Три другие повозки служили им спальными вагонами, а остальные пять были нагружены провизией, сундуками, тюками и ящиками. Вожатый каравана, коренастый человек с лицом, казавшимся мягким и благодушным, длинными коричневыми волосами и шелковистой бородой, помог своим очаровательным пассажиркам спуститься на землю и провел их в сад при гостинице, где Майер подал им легкий завтрак — овсяную кашу, приправленную пряностями, айвовое варенье и чай.

Кугель наблюдал за тем, как девицы ели, и думал о том, что путешествие (куда угодно!) в такой компании оказалось бы исключительно приятным.

Появился нольде Гуруска, чтобы засвидетельствовать почтение вожатому каравана. Они дружески побеседовали; Кугель нетерпеливо

ждал окончания их разговора.

Гуруска наконец удалился. После завтрака девицы пошли прогуляться по площади. Кугель подошел к столу вожатого каравана.

— Сударь, меня зовут Кугель, и я хотел бы с вами посоветоваться.

— Пожалуйста, почему нет? Будьте добры, присаживайтесь. Не хотите ли чашку чая? Он превосходно заварен.

— Благодарю вас. Но прежде всего, могу ли я поинтересоваться, куда направляется ваш караван?

Вожатый поразился невежеству собеседника:

— В Лумарт, конечно! Я везу «Семнадцать девственниц Симнатиса» — традиционное украшение Большого Карнавала.

— Я недавно прибыл в Гундар из дальних стран, — пояснил Кугель, — в связи с чем местные обычаи мне практически неизвестны. Так или иначе, я сам направляюсь в Лумарт и был бы очень рад, если бы вы позволили мне сопровождать ваш караван.

Вожатый дружелюбно согласился:

— Я буду рад оказать вам такую услугу.

— Превосходно! — сказал Кугель. — Значит, дело в шляпе.

Вожатый каравана погладил шелковистую коричневую бороду.

— Должен вас предупредить, что я взимаю плату, несколько превышающую общепринятую, — в связи с тем, что мне приходится обеспечивать довольно-таки дорогостоящие удобства, необходимые семнадцати девственницам.

— Неужели? — поднял брови Кугель. — И сколько же вы возьмете с меня за проезд?

— Мы проведем в пути почти десять дней, а я взимаю не меньше двадцати терциев в день, так что с вас причитается двести терциев, не считая дополнительного сбора за вино, составляющего двадцать терциев.

— Это гораздо больше, чем я могу себе позволить, — уныло признался Кугель. — В настоящее время в моем распоряжении не больше трети названной вами суммы. Существует ли какой-нибудь способ, который позволил бы мне отработать стоимость проезда?

— К сожалению, такого способа нет, — покачал головой вожатый каравана. — Только сегодня утром была открыта вакансия охранника — охранник не только едет бесплатно, но и получает небольшую мзду, но Гуруска — нольде собственной персоной — выразил желание прокатиться

в Лумарт и согласился выполнять обязанности охранника, так что вакансия закрыта.

Кугель разочарованно хмыкнул и поднял глаза к небу. Когда он наконец нашелся что сказать, он спросил:

— Когда же вы намерены продолжить путь?

— Завтра на рассвете, и ни в коем случае не позже. Жаль, что мне не удастся провести несколько дней в вашей компании.

— Поверьте мне, я тоже об этом сожалею, — откликнулся Кугель. Вернувшись на свое место, он угрюмо погрузился в размышления. Через некоторое время он прошел из сада в таверну, где к тому времени за несколькими столами уже началась оживленная игра в карты. Кугель пытался присоединиться то к одним, то к другим игрокам, но все ему отказывали. Помрачнев пуще прежнего, Кугель облокотился на прилавок, за которым Майер усердно распаковывал ящик, заполненный керамическими бокалами. Кугель попробовал завязать разговор с владельцем гостиницы, но на этот раз Майер не пожелал отвлечься от трудов праведных.

— Нольде Гуруска отправляется в поездку на Карнавал и сегодня вечером будет отмечать это радостное событие с друзьями — мне нужно как

следует подготовиться к их прощальной вечеринке.

Кугель отнес кружку пива на стол у боковой стены и снова глубоко задумался. Уже через несколько секунд он вышел с заднего хода и взглянул на открывшийся перед ним вид. Ниже текла река Иск. Кугель спустился размашистым шагом к краю воды и обнаружил небольшой причал, к которому рыбаки пришвартовали свои лодки-плоскодонки; рядом сушились их сети. Посмотрев вверх и вниз по течению, Кугель поднялся по тропе в гостиницу и провел остаток дня то поглядывая на семнадцать девиц, гулявших по площади, то прихлебывая горячий сладкий чай с лаймом в гостиничном саду.

Солнце зашло; сгустились сумерки оттенка старого вина, наступила ночь. Кугель занялся своими приготовлениями и закончил их довольно скоро, так как его план, в сущности, был предельно прост.

Вожатый каравана Шимилько — Кугель позаботился заранее узнать его имя — собрал своих прелестных пассажирок на ужин, после чего настойчиво проводил их к спальным вагонам, несмотря на гримасы и протесты девиц, предпочитавших остаться в гостинице и участвовать в

предстоявшей вечеринке.

Прощальная вечеринка в честь отъезда Гуруски уже начиналась. Кугель уселся в темном углу и через некоторое время привлек внимание вспотевшего от беготни Майера. Кугель всучил хозяину заведения десять терциев.

— Не могу не признаться, что в свое время у меня зародились неблагодарные мысли по поводу вашего нольде, — сказал он. — Тем не менее теперь я хотел бы выразить в его адрес свои наилучшие пожелания — совершенно конфиденциально, разумеется! Как только Гуруска поднимет очередную кружку эля, ставьте перед ним следующую полную кружку, чтобы веселье продолжалось непрерывно. Если он спросит, кто заплатил за выпивку, отвечайте, что один из его друзей пожелал сделать ему приятное — только так, не называйте мое имя!

— Все понятно — сделаю, как прикажете. Очень великодушно с вашей стороны, должен заметить. Гуруске это понравится.

Вечеринка продолжалась. Приятели Гуруски пели заздравные песни и провозглашали многочисленные тосты, причем Гуруска не пропускал ни один круг выпивки. В точном соответствии с указаниями Кугеля каждый раз, когда градона-

чальник только начинал опустошать очередную кружку, у него под рукой появлялась еще одна, полная; в конце концов Кугель не мог не поразиться объему внутренних резервуаров почтенного нольде.

Наконец Гуруске пришлось извиниться и покинуть компанию. Пошатываясь, он практически вывалился с заднего хода и направился к каменной стене со сточным желобом под ней, предусмотренным в качестве удобства для посетителей.

Как только Гуруска повернулся лицом к стене, Кугель подступил к нему сзади и набросил ему на голову рыбачью сеть, после чего ловко накинул петлю на мощные предплечья, затянул ее и дополнительно связал ноги и руки пленника. Гуруска яростно ревел, но, к счастью для Кугеля, его вопли заглушил хор приятелей, фальшиво горланивших заздравную песню в честь нольде.

Кугель оттащил ругающуюся и дергающуюся тяжеловесную тушу к причалу и перекатил ее в рыбацкую лодку. Отвязав швартов, Кугель вытолкнул лодку подальше к середине реки, и ее подхватило течение. «По меньшей мере два моих предсказания сбылись, — сказал себе Кугель. — Гуруске отдали почести в таверне, после чего он

пустился в дальнее плавание».

Он вернулся в таверну, где уже заметили отсутствие нольде. Майер предположил, что Гуруска предусмотрительно решил отойти ко сну пораньше, так как ему предстояло отправиться в путь на рассвете, и присутствующие согласились с тем, что, по всей видимости, так оно и было.

На следующее утро, за час до рассвета, Кугель уже был на ногах. Он наскоро позавтракал, уплатил Майеру по счету и поспешил туда, где Шимилько приводил в порядок свой караван.

— Гуруска просил передать, — сообщил вожатому Кугель, — что, в связи с некоторыми достойными сожаления обстоятельствами личного характера, он не сможет сегодня отправиться в путь, и приказал мне занять ту должность, которую вы ему предоставили.

Шимиль удивленно покачал головой:

— Жаль! Вчера он с энтузиазмом ожидал возможности полюбоваться на Карнавал! Что ж, каждому из нас приходится приспосабливаться к обстоятельствам. Так как Гуруска не может нас сопровождать, я с готовностью предоставлю вам должность охранника. Как только мы двинемся с места, я разъясню ваши обязанности — они достаточно просты. Вы должны будете нести ночную

вахту и отдыхать днем, хотя в том случае, если возникнет опасность, естественно, вам надлежит сразу же встать на защиту каравана.

— Думаю, что моя компетенция достаточна для выполнения этой роли, — заверил вожатого Кугель. — Если вы готовы, я готов!

— А вот и Солнце восходит! — объявил Шимиль. — В путь! Нас ждет Карнавал в Лумарте!

Десять дней спустя караван Шимиля проехал по Метьюнскому ущелью, и перед глазами путешественников открылась огромная долина Корам. В долине блестели, постепенно тускнея вдали, излучины полноводного Иска; напротив темнела полоса Дравенского леса. Ближе радужно сверкали пять глянцевых куполов Лумарта.

Шимиль обратился к спутникам:

— Перед вами, внизу, — все, что осталось от древнего Лумарта. Пусть вас не обманывают купола — некогда это были храмы, посвященные пяти демонам: Йонту, Джейстнейву, Фампуну, Адельмару и Суулу; они сохранились во времена Сампатиссичских войн исключительно благодаря своей неприкосновенности.

Скорее всего, вы никогда не видели людей, подобных обитателям Лумарта. Многие из них — чародеи-любители, несмотря на то, что Вели-

кий Теарх Чаладет строго запретил применение магии в черте города. Местные жители могут показаться вам томными и апатичными, ошеломленными чрезмерной чувствительностью, — и вы будете совершенно правы. Все они одержимы идеей неукоснительного соблюдения ритуалов и исповедуют доктрину абсолютного альтруизма, принуждающую их к добродетели и благоволению. По этой причине их прозвали добрым народом. Еще несколько слов по поводу нашего путешествия, которое, к счастью, обошлось без нежелательных происшествий. Погонщики умело справлялись со своими обязанностями, Кугель бдительно охранял нас по ночам — я доволен. Так что вперед, в Лумарт! И не забывайте о благоразумии ни на минуту!

Караван спустился в долину по узкой колее, после чего проехал по проспекту, выложенному крошащимся камнем, и под аркой, образованной огромными черными деревьями-мимозами.

У замшелых древних ворот, ведущих на центральную площадь, навстречу каравану вышли пять высоких людей в расшитых золотом шелковых одеяниях и роскошных двойных коронах корамских тюристов, придававших им впечатляющую величественность. Все пятеро выглядели

почти одинаково — стройные, с бледной (почти прозрачной) кожей, тонкими горбатыми носами и задумчивыми серыми глазами. Один из них, в великолепной горчично-желтой мантии с малиновыми и черными узорами, спокойно поднял два пальца — таково было принятое в этих местах приветствие.

— Друг мой Шимиль, ты привез в целости и сохранности свой драгоценный груз! Тем самым ты оказал нам большую услугу, и мы исполнены благодарности.

— По всему Лирр-Эйнгу царило полное спокойствие, так что мы почти соскучились, — ответил Шимиль. — Нельзя не упомянуть, что мне посчастливилось заручиться помощью Кугеля, так хорошо охранявшего нас по ночам, что ничто не потревожило наш сон.

— Благодарим тебя, Кугель! — провозгласил главный тюрист. — Отныне мы возьмем под опеку драгоценных девственниц. Завтра вы можете выставить счет казначею. Рекомендую воспользоваться удобствами «Приюта странников» — он неподалеку.

— Так мы и сделаем! Всем нам не помешают несколько дней отдыха!

Однако Кугель решил не задерживаться в

Лумарте. У входа в гостиницу он обратился к вожатому каравана:

— Здесь мы расстаемся — мне пора идти дальше. Альмерия еще далеко на западе, а меня там ждут важные дела.

— Как же так, Кугель? Вам еще не заплатили за охрану каравана! Подождите хотя бы до завтрашнего дня, чтобы я успел получить причитающиеся суммы от казначея. До тех пор я не смогу с вами рассчитаться.

Кугель колебался, но в конце концов согласился переночевать в Лумарте.

Через час в гостиницу зашел посыльный:

— Господин Шимиль! Вам и вашим служащим надлежит немедленно предстать перед Великим Теархом! Возникло неотложное дело исключительной важности.

Шимиль насторожился:

— Что случилось?

— Мне приказали ничего больше не говорить.

Помрачнев, Шимиль провел свой отряд через площадь к лоджии перед древним дворцом, где Чаладет сидел в большом, скорее напоминающем трон кресле. По обеим сторонам от трона выстроились члены Коллегии Тюристов — все они сурово сосредоточили взгляды на фигуре

Шимиля.

— По какой причине нас вызвали? — спросил Шимиль. — И почему вы на меня смотрите с таким осуждением?

Великий Теарх провозгласил громогласным басом:

— Шимиль! Семнадцать девственниц, привезенных вами из Симнатиса в Лумарт, прошли обследование, и, к своему вящему сожалению, я вынужден сообщить, что из этих семнадцати персон лишь двух можно рассматривать в качестве девственниц. Остальные пятнадцать были дефлорированы посредством полового акта.

Шимиль не мог найти слов от возмущения.

— Это невозможно! — заикаясь, выпалил он. — В Симнатисе я принял все возможные меры предосторожности. Я могу предъявить подписанные тремя экспертами документы, удостоверяющие невинность каждой из девиц. В этом не может быть никаких сомнений! Вы допустили какую-то ошибку!

— Нет, мы не ошиблись, господин Шимиль. Факты остаются фактами — их нетрудно подтвердить.

— Невозможно и невероятно! — кричал Шимиль. — Никак иначе нельзя ответить на ваше

обвинение! Вы допросили девиц?

— Разумеется. Но они только поднимают глаза к потолку и посвистывают сквозь зубы. Шимиль, как вы объясняете это возмутительное нарушение обычаев и условий договора?

— Я в полном замешательстве! Девушки отправились в путь в состоянии полной невинности — как если бы только что родились на свет. Это неопровержимо! Впоследствии они постоянно, ежесекундно находились в моем поле зрения. Это также неопровержимо.

— А в то время, когда вы спали?

— По ночам дефлорация была настолько же невозможна. Погонщики всегда отдыхают вместе, в одном вагоне. Я разделял спальный вагон с главным погонщиком, и каждый из нас может поручиться за другого. Тем временем Кугель охранял весь лагерь.

— В одиночку?

— Одного охранника вполне достаточно, несмотря на то, что нести ночную вахту — скучное и утомительное занятие. Кугель, однако, никогда не жаловался.

— Таким образом, Кугель — очевидный виновник святотатства!

Шимиль с улыбкой покачал головой:

— У Кугеля не было времени заниматься посторонними авантюрами.

— Что, если Кугель пренебрегал обязанностями?

Шимиль терпеливо пояснил:

— Не забывайте о том, что каждая из девиц ночевала в отдельной, закрытой на замок кабинке, а Кугель находился снаружи.

— Что, если девицы открывали Кугелю двери и он потихоньку проникал в кабинки?

Шимиль неуверенно погладил бороду — у него зародились сомнения.

— В принципе, можно допустить такую возможность…

Великий Теарх сосредоточил взор на Кугеле:

— От вас требуется чистосердечное признание. Рассказывайте все без утайки!

Кугель возмущенно воскликнул:

— Это какое-то издевательство, а не разбирательство! Как вы смеете оскорблять мою честь!

Чаладет неотрывно смотрел на Кугеля со снисходительным, но неприветливым выражением:

— Вам предоставят возможность искупления. Тюристы, передаю этого человека на ваше попечение. Проследите за тем, чтобы ему предоставили все доступные возможности для восстановления

достоинства и самоуважения!

Кугеля схватили — он ругался и вырывался; Великий Теарх игнорировал его. Сидя на возвышенном троне, Теарх задумчиво взглянул на площадь:

— Нынче у нас третий или четвертый месяц?

— Хронолог показывает, что месяц Йонта только что завершился. Начался месяц Фампуна.

— Так тому и быть. Прилежно исполняя свой долг, этот развратный бродяга все еще может заслужить наше уважение и нашу любовь.

Подхватив Кугеля под локти, два тюриста повели его по площади. Кугель дергался из стороны в сторону, но хватка тюристов не ослабевала.

— Куда вы меня тащите? — кричал Кугель. — Что это значит? Вы с ума сошли! Чепуха какая-то!

Один из тюристов благожелательно произнес:

— Мы ведем тебя в храм Фампуна — и это вовсе не чепуха, уверяю тебя.

— Мне все это ни к чему! — настаивал Кугель. — Отпустите меня! Я намерен сегодня же покинуть Лумарт!

— В этом тебе окажут всю возможную помощь.

Тюристы заставили Кугеля подняться по протертым мраморным ступеням и пройти под

огромным арочным порталом в пустой, гулко отражающий звуки зал под обширным куполом, с алтарным альковом — адитоном — в противоположном от входа конце. Кугеля завели в боковое помещение, освещенное большими круглыми окнами; стены помещения были обшиты панелями из темно-синего дерева. Туда же зашел старец в белой мантии и спросил:

— Что у нас сегодня? Опять какой-нибудь недуг?

— Недуг, требующий вмешательства. Кугель совершил ряд отвратительных преступлений и нуждается в очищении.

— Ни в чем таком я не нуждаюсь! — кричал Кугель. — Не предъявлено никаких доказательств! В любом случае меня принуждали к действию вопреки любым разумным возражениям!

Пропустив его слова мимо ушей, тюристы удалились, и Кугель остался наедине со старцем; тот проковылял к скамье и уселся. Кугель начал было снова говорить, но старец поднял руку:

— Успокойся! Ты же знаешь, что мы — добрый народ, полностью лишенный злобы и мстительности. Мы существуем только для того, чтобы оказывать помощь любым разумным существам! И если человек совершает преступление, нас

потрясает щемящее, скорбное сострадание к преступнику, которого мы рассматриваем как основную жертву преступления, в связи с чем прилагаем радикальные усилия, содействуя его возрождению.

— Весьма просвещенный взгляд на вещи! — одобрил Кугель. — Я уже ощущаю прилив новых сил, вызванный регенерацией!

— Замечательно! Твои замечания подтверждают справедливость наших принципов — тем самым ты уже завершил первый этап программы перевоспитания.

Кугель нахмурился:

— Будут еще какие-нибудь этапы? Неужели это в самом деле необходимо?

— Совершенно необходимо! Предусмотрены второй и третий этапы. Следовало бы объяснить, что обитатели Лумарта не всегда придерживались таких правил. В эпоху Великих Магов городом завладел Ясбейн Избавитель, проникнувший в пять демонических пределов и воздвигнувший пять храмов Лумарта. Ныне ты стоишь в храме Фампуна.

— Странно, — заметил Кугель, — что столь благожелательный народ истово поклоняется демонам.

— В высшей степени ложное умозаключение! «Добрый народ» Лумарта изгнал Ясбейна, чтобы положить начало Эпохе Любви, каковой надлежит продолжаться до окончательного затухания Солнца. Наша любовь распространяется на всех, даже на пятерых демонов Ясбейна, каковых мы надеемся избавить от их злонамеренной сущности. Тебе надлежит стать последним в длинной череде благородных людей, посвятивших себя этой цели, и в этом заключается второй этап нашей программы.

У Кугеля от испуга дрожали колени.

— Я неспособен на такие подвиги!

— У каждого поначалу возникает такое впечатление, — сказал старец. — Тем не менее Фампуну должно внушить понятие о необходимости снисхождения, соболезнования и добропорядочности. Приложив соответствующие усилия, ты почувствуешь прилив радости, сопровождающий искупление.

— А в чем заключается третий этап? — поинтересовался Кугель.

— Когда ты исполнишь свое предназначение, тебя торжественно примут в объятия нашего братства! — Старец проигнорировал стон отчаяния, вырвавшийся из груди Кугеля. — Посмот-

рим… Как раз закончился месяц Йонта и начался месяц Фампуна, пожалуй, самого раздражительного из демонов. Фампуну досаждает болезненно чувствительное зрение (его приводит в ярость малейший проблеск света), так что тебе придется его увещевать в полной темноте. Есть еще какие-нибудь вопросы?

— Конечно есть! Что, если Фампун откажется исправиться?

— «Добрый народ» отвергает «негативистическое мышление». Забудь все, что тебе говорили о жутких привычках Фампуна! Решительно приступай к делу, без страха и упрека!

Кугель воскликнул в полном отчаянии:

— И как я вернусь, чтобы насладиться заслуженными почестями и наградами?

— Не сомневаюсь, что Фампун, будучи просвещен твоей проповедью, вернет тебя в этот мир из преисподней — у него есть все необходимые для этого средства.

— Одну минуту! Мне не дадут ни еды, ни питья? Как я выживу?

— Опять же, решение этого вопроса следует предоставить на усмотрение Фампуна. — Старец прикоснулся к кнопке; под ногами Кугеля распахнулся люк — он провалился и стал скользить

вниз по спиральному желобу с головокружительной быстротой. Воздух вокруг него постепенно сгустился до консистенции сиропа; Кугель наткнулся на невидимую мембрану, разорвавшуюся со звуком пробки, вылетевшей из бутылки, и оказался в небольшой камере, озаренной единственной тусклой лампой.

Кугель застыл, не смея вздохнуть. На платформе с другой стороны камеры дремал в великанском тяжелом кресле Фампун — два черных полушария защищали его глаза от света. Серый торс раскинулся почти по всей длине возвышения; чудовищные, расходящиеся раструбами ступни упирались в плоскую поверхность площадки. Руки демона, не меньше человеческого пояса в обхвате, заканчивались пальцами метровой длины — каждый палец украшали десятки колец, сверкавших драгоценными камнями. Голова Фампуна, огромная, как нагруженная доверху повозка, устрашала длинной, напоминающей кабанью мордой с зияющим провалом полуоткрытой пасти, окаймленной дрожащими от храпа бородавками. Два глаза, каждый диаметром с кухонную раковину, нельзя было разглядеть под защитными полусферами.

Задерживая дыхание от страха, а также потому,

что камеру наполняла удушающая вонь, Кугель осторожно смотрел по сторонам. От лампы по низкому потолку тянулся шнур, конец которого висел рядом с пальцами Фампуна. Кугель почти инстинктивно протянул руку и отсоединил шнур от светильника. Он заметил единственный возможный выход из камеры — небольшую чугунную дверцу за креслом демона. Желоб, по которому Кугель свалился в преисподнюю, исчез.

Складки вокруг пасти демона подернулись и слегка растянулись; из пасти выглянул гомункул, растущий на конце языка Фампуна. Гомункул уставился на Кугеля черными глазками-пуговками.

— Ха! Как летит время! — Наклонившись в сторону, это существо сверилось с какой-то меткой на стене. — Да уж, в самом деле! Я проспал, Фампун разозлится. Как тебя зовут и какие преступления ты совершил? Фампуна — то есть, по сути дела, меня — интересуют такие подробности. Имей в виду, что я называю себя Пульсифером — исключительно по своей прихоти, хотя кое-кто мог бы рассматривать такую привычку как симптом раздвоения личности.

Кугель придал голосу храбрую уверенность:

— Меня зовут Кугель, я — инспектор, назначенный новым правительством Лумарта. Я спустился, чтобы удостовериться в том, что Фампуну предоставлены все необходимые удобства. Так как, на мой взгляд, тут все в порядке, я вернусь наверх. Где тут выход?

Пульсифер жалобно спросил:

— Так тебе не в чем признаться? Это просто жестоко! Мы с Фампуном обожаем рассказы о страшных преступлениях. Не так давно один не то пират, не то купец — уже не помню, как его звали, — развлекал нас целый час без перерыва.

— И что с ним случилось?

— Лучше не спрашивай! — Пульсифер занялся полировкой одного из кабаньих клыков Фампуна, орудуя маленькой щеткой. Язык высунулся подальше, и гомункул, повернувшись лицом к бородавчатой морде, пригляделся к ней. — Фампун все еще храпит — перед тем как отойти ко сну, он здорово нажрался. Прошу меня извинить, мне нужно проверить статус его пищеварения. — Отмахнувшись от болтающихся бородавок, Пульсифер нырнул в полуоткрытую пасть, после чего о его дальнейшем местонахождении свидетельствовало лишь перемещение вздутия на жилистой серой шее демона. Через некоторое

время он показался снова. — Судя по всему, он уже успел проголодаться. Лучше его разбудить — он не прочь будет с тобой поболтать, перед тем как…

— Перед тем как?..

— Неважно.

— Один момент! — поднял указательный палец Кугель. — Меня больше интересует беседа с вами, нежели с Фампуном.

— В самом деле? — откликнулся Пульсифер, усердно полируя клык демона. — Рад слышать! Мне редко делают комплименты.

— Странно! На мой взгляд, вы заслуживаете всевозможных похвал. Разумеется, ваша профессиональная карьера неотъемлема от карьеры Фампуна, но, возможно, у вас есть собственные цели и амбиции?

Пульсифер приподнял щеткой губу Фампуна, установив ее на зубе в качестве укосины, после чего присел на образовавшемся уступе, скрестив руки на груди.

— Иногда у меня возникает такое чувство, что мне не мешало бы взглянуть на другой мир. Мы несколько раз поднимались на поверхность, но только пасмурными ночами, когда тучи закрывали звезды, — и даже тогда Фампун жаловался,

что свет режет ему глаза, и поскорее возвращался вниз.

— Увы! — посочувствовал Кугель. — Днем на Земле можно многое увидеть. Вокруг Лумарта очень приятный пейзаж. Добрый народ как раз собирается устроить так называемый Большой Карнавал непревзойденных контрастов. Говорят, это незабываемое зрелище.

Пульсифер тоскливо покачал головой:

— Сомневаюсь, что мне когда-либо приведется увидеть подобное празднество. Вам удалось засвидетельствовать какие-нибудь ужасные преступления?

— В свое время я их видел немало. Например, невозможно забыть, как оседлавший пельграна карлик из Батварского леса…

Пульсифер прервал его умоляющим жестом:

— Подождите, подождите! Фампун не захочет пропустить эту историю! — Гомункул наклонился под невозможным для отдельного существа углом, приглядываясь к полусферам на глазах демона. — Интересно, он уже проснулся? То есть проснулся ли я? Мне показалось, что он моргнул. Так или иначе, мне было очень приятно с вами побеседовать, но долг зовет! Гм, что-то случилось со шнуром от лампы. Выключите свет, будьте

так любезны!

— Спешить некуда, — возразил Кугель. — Фампун крепко спит, пусть отдыхает. Тем временем я могу вас развлечь. Вы когда-нибудь слышали об игре под названием «рамполио»?

Пульсифер отрицательно покачал головой, и Кугель вынул колоду карт.

— Смотрите внимательно! Я раздаю вам и себе по четыре карты — мы их друг другу не показываем. — Кугель объяснил правила игры. — Естественно, нужно делать ставки — золотыми монетами или какими-нибудь драгоценностями, иначе игроки потеряют интерес. Я ставлю четыре терция, вы должны поставить столько же или больше.

— В углу за креслом два мешка с золотом Фампуна — другими словами, с моим золотом, так как я неотделим от этой громоздкой туши. Возьмите золота на сумму, равную вашим четырем терциям.

Игра продолжалась. Пульсифер выиграл в первом раунде и страшно обрадовался, но проиграл во втором, что заставило его разразиться бесконечными жалобами, после чего гомункул выиграл и в третий раз, после чего Кугель заявил, что у него не осталось денег.

— Я не знал, что вы — такой проницательный, опытный игрок! Мне доставило большое удовольствие с вами сразиться. Тем не менее я считаю, что мог бы победить, если бы у меня были с собой терции, которые я оставил в храме.

Пульсифер, слегка раздувшийся от удовлетворенного тщеславия, презрительно фыркнул в ответ на претензии Кугеля:

— Нет уж, вам не удастся так легко меня перехитрить! Возьмите назад свои терции, и мы сыграем снова.

— Нет-нет, так не поступают настоящие игроки, в этом не будет никакого азарта! Кроме того, я слишком горд, чтобы принять от вас проигранные деньги. Могу предложить, однако, решение возникшей проблемы. Наверху, в храме, у меня лежит мешок с терциями, а также мешок с цукатами, которыми мы могли бы полакомиться во время игры. Давайте возьмем эти мешки — уверен, вам не удастся снова меня обыграть!

Пульсифер опять нагнулся на конце далеко высунутого языка, чтобы проинспектировать глаза Фампуна.

— По-моему, он чувствует себя неплохо, хотя у него уже кишки бурчат от голода.

— Он невозмутимо спит, как прежде, — заверил

гомункула Кугель. — Однако нужно спешить: если он проснется, никакой игры не получится.

Пульсифер колебался.

— Как насчет золота? Его нельзя оставлять без присмотра!

— Возьмем его с собой, и вы сможете не сводить с него глаз.

— Хорошо, положите его на платформу.

— Сделано! Я готов. Как мы поднимемся?

— Достаточно нажать на свинцовую бобышку ручки кресла. Но, пожалуйста, постарайтесь не разбудить при этом Фампуна! Если он проснется в незнакомом месте, он может выйти из себя!

— Он даже не пошевелится! Поехали! — Кугель нажал на бобышку; платформа задрожала, затрещала и поплыла вверх по открывшейся над ними темной шахте. Через некоторое время они прорвались через разделявшую миры мембрану, сквозь которую Кугель проник в преисподнюю. Тут же в шахту проникло карминовое зарево солнечного света, и через несколько секунд платформа плавно остановилась на уровне основания алтаря в храме Фампуна.

— Теперь нужно взять мой мешок с терциями, — деловито сообщил Кугель. — Где же я его оставил? Ага, кажется, вот там. Смотрите! Через

проем входного портала вы можете видеть центральную площадь Лумарта и «добрый народ», расхаживающий по своим делам. Как вам нравится эта картина?

— Весьма любопытно, хотя я не привык к таким обширным пространствам. По сути дела, у меня почти кружится голова. Откуда исходит этот жестокий, яростный красный свет?

— Это свет нашего древнего Солнца — теперь оно уже склоняется к западному горизонту.

— Мне он не нравится. Поспешите со своими мешками! Мне не терпится вернуться вниз, здесь я начинаю нервничать.

— Я мигом вернусь! — пообещал Кугель.

Луч заходящего Солнца пробился под аркой портала и ярко озарил алтарь. Зайдя за громадное кресло, Кугель сорвал две черные полусферы с молочно-белых выпученных глаз демона, заблестевших отражениями солнечного света.

Какое-то мгновение Фампун сохранял неподвижность. Его узловатые мышцы напряглись, ноги дернулись, пасть широко раскрылась; он издал оглушительный визгливый рев, высунув язык, на конце которого Пульсифер трепыхался подобно флагу на ветру. Фампун рванулся из кресла, растянулся на полу храма и принялся ка-

таться по нему, непрерывно продолжая издавать сотрясающие стены и купол вопли. Вскочив на ноги, демон стал топать гигантскими ступнями, совершая прыжки то в одну, то в другую сторону, и в конце концов пробил каменную стену так, будто она состояла из картона; «добрый народ», толпившийся на площади, оцепенел от ужаса.

Схватив два мешка с золотом, Кугель выбежал из храма через боковой вход. Несколько секунд он наблюдал за тем, как Фампун кувыркался по площади, с воплями отмахиваясь от солнечных лучей. Пульсифер, отчаянно вцепившийся в клыки демона, пытался как-то сдерживать обезумевшую тушу, но великанское эго, не обращая никакого внимания на усилия гомункула, бросилось на восток по городу, сметая перед собой деревья и без разбора сокрушая попадавшиеся по пути здания.

Кугель поспешно спустился на берег Иска и прошел к концу причала. Там он выбрал добротно сколоченный ялик, оснащенный мачтой, парусом и веслами, и приготовился залезть в него. В тот же момент к причалу приблизилась плывшая по течению лодка-плоскодонка — ее энергично толкал шестом коренастый бородач в растрепанных лохмотьях. Кугель отвернулся,

притворяясь не более чем обывателем, привлеченным красотой речного вида, и дожидаясь возможности воспользоваться яликом, не привлекая лишнего внимания.

Плоскодонка ткнулась носом в причал; толкавший ее человек взобрался по лесенке.

Пыхтя и ворча, бородач заметил Кугеля и замер как вкопанный. Кугель чувствовал, что незнакомец внимательно его рассматривает; наконец Кугель не выдержал, обернулся и взглянул прямо в лицо Гуруски, гундарского нольде, почти неузнаваемое — настолько оно распухло от укусов насекомых, облюбовавших прибрежные болота Лалло.

Гуруска смотрел в глаза Кугеля — долго и неподвижно.

— В высшей степени удачное совпадение! — хрипло произнес нольде. — Я почти не надеялся, что мы когда-нибудь снова встретимся. А что у тебя в кожаных мешках? — Гуруска вырвал мешок из руки Кугеля. — Судя по весу, золото. Все твои предсказания сбылись! Сначала мне оказывали почести, после чего мне пришлось вытерпеть долгое плавание, а теперь меня ждут богатство и месть! Приготовься к смерти!

— Одну минуту! — протянув руку, воскликнул

Кугель. — Вы забыли привязать лодку. Так не положено!

Гуруска машинально обернулся, и Кугель столкнул его с причала в воду.

Пока Гуруска выбирался на берег с бешеным ревом и страшными ругательствами, Кугель лихорадочно пытался отвязать от тумбы швартов ялика. Наконец узел распустился; Кугель подтянул к себе ялик. В то же время Гуруска, наклонив голову, как разъяренный бык, с топотом приближался по причалу. У Кугеля не осталось выбора: забыв о мешках с золотом, он спрыгнул в ялик, оттолкнулся от сваи причала и принялся поспешно работать веслами. Гуруска остался на причале, выкрикивая угрозы и размахивая кулаками.

Через некоторое время Кугель задумчиво поднял парус; ветер нес ялик вниз по течению, и вскоре городские доки скрылись за поворотом реки. Последний вид Лумарта, запечатлевшийся в памяти Кугеля, включал низкие перламутровые купола храмов демонов и темный силуэт Гуруски, беснующегося на причале. Издали все еще доносились вопли Фампуна и, время от времени, грохот обрушивающейся каменной кладки.

2. Грезы в мешке

За Лумартом Иск струился широкими излучинами — в целом и в общем, в южном направлении — по равнине Красных Цветов. На протяжении шести безмятежных дней Кугель плыл под парусом на ялике вниз по полноводной реке, останавливаясь на ночь в том или ином прибрежном постоялом дворе.

На седьмой день река повернула на запад и теперь пересекала, извиваясь неравномерными изгибами и коленами, страну остроконечных скал и круглых лесистых холмов, известную под наименованием Пурпурного Чайма. Ветер, если он вообще поднимался, налетал непредсказуемыми порывами; Кугелю пришлось опустить парус и довольствоваться дрейфом вниз по течению, то и дело поправляя курс ялика взмахом весла.

Равнинные поселки остались позади; Кугель очутился в необитаемой местности. Учитывая многочисленность полуразвалившихся могильных плит по берегам, наличие густых кипарисовых и тисовых рощ, а также тот факт, что по ночам до его ушей доносились чьи-то неразборчивые тихие разговоры, Кугель был рад спускаться по реке, а не идти пешком, и в ко-

нечном счете с огромным облегчением миновал Пурпурный Чайм.

Около поселка Трум река впадала в Цомбольскую топь, и Кугель продал ялик за десять терциев. Для того чтобы поправить свое финансовое положение, он нанялся помощником местного мясника, выполняя самую неприятную работу, относящуюся к этому роду занятий. Тем не менее платили ему хорошо, и Кугель, сжимая зубы, терпеливо переносил временное унижение. Мясник научился ему доверять и воспользовался его услугами даже тогда, когда потребовалось готовить блюда для пиршества, посвященного важному религиозному торжеству.

По недосмотру, из-за усталости и спешки или просто вследствие стечения обстоятельств Кугель использовал двух священных животных, нарезая мясо, предназначенное для особого рагу. Ошибка была обнаружена уже после того, как банкет был в самом разгаре, и Кугелю снова пришлось бежать из города, чтобы спасти свою шкуру.

Он провел ночь, прячась за скотобойней от истерически взбешенной толпы, после чего побежал по тропе, пересекавшей Цомбольскую топь.

Извилистая тропа огибала трясины и застойные пруды, следуя насыпи, оставшейся от

древней проезжей дороги, в связи с чем продолжительность пути практически удваивалась. Северный ветер развеял облака, и пейзаж приобрел необычную четкость и ясность. Кугель, однако, не наслаждался видами — тем более что он заметил впереди пельграна, скользившего вниз вместе с воздушным потоком.

Во второй половине дня ветер затих, и над топью нависла неестественная глубокая тишина. Выглядывая из-за кочек, болотные проказники звали Кугеля мелодичными голосами несчастных дев:

— Кугель, о Кугель! Куда ты спешишь? Заходи в мой будуар, расчеши мои красивые волосы!

— Кугель, о Кугель! Куда ты идешь? Возьми меня с собой, я сделаю тебя счастливым!

— Кугель, любимый Кугель! Уже вечереет, и даже год подходит к концу! Зайди ко мне за кочку, и мы утешим друг друга самозабвенно и без сожалений!

Слыша эти голоса, Кугель только ускорял шаг, надеясь найти какое-нибудь убежище до наступления ночи.

Когда Солнце уже дрожало на краю горизонта Цомбольской топи, Кугелю повстречалась небольшая гостиница, полускрытая под кронами

пяти вечнозеленых дубов. Здесь он с благодарностью устроился на ночлег, и владелец заведения подал ему сытный ужин: жареных на вертеле тростниковых куропаток с пареной зеленью, сухое печенье с тмином и густое лопуховое пиво.

Пока Кугель ел, хозяин стоял, подбоченившись, неподалеку.

— Не могу не заметить, что вы — человек хорошо воспитанный, очевидно благородного происхождения. И тем не менее вы бродите по Цомбольской топи на своих двоих, как последняя деревенщина. Меня удивляет это несоответствие.

— Все очень просто, — пояснил Кугель. — Я считаю себя единственным честным человеком в мире проходимцев и грабителей — исключая присутствующих, разумеется. В таких условиях накопление богатств — непростая задача.

Трактирщик задумчиво погладил подбородок и отвернулся. Позже, подавая Кугелю пирожное со смородиной, трактирщик воспользовался случаем сказать:

— Ваши затруднения вызывают у меня симпатию. Сегодня вечером я подумаю о том, что можно было бы с этим сделать.

Владелец гостиницы сдержал свое слово. На-

утро, после того как Кугель кончил завтракать, трактирщик отвел его на скотный двор и продемонстрировал крупное животное, окрасом напоминавшее поджаристую сдобную булку, с мощными задними ногами и пушистым хвостом, уже обузданное и оседланное.

— Это все, что я могу для вас сделать, — сказал владелец гостиницы. — Я продам это животное по чисто номинальной цене. Не могу не признать, что ему не хватает изящества — по существу, это помесь дунга и фелухари. Тем не менее у него плавный ход, оно исключительно неприхотливо и отличается упрямой привязанностью к хозяину.

Кугель вежливо отступил на шаг.

— Премного благодарен за ваш альтруизм, но любая цена за такую тварь окажется чрезмерной. Извольте заметить язвы у нее под хвостом и экзему на спине; кроме того, если не ошибаюсь, у нее нет одного глаза. Не говоря уже о том, что она воняет.

— Все это мелочи! — воскликнул трактирщик. — Что вам больше пригодится — надежное животное, которое провезет вас по нагорью Стоячих Камней, или капризный скакун, льстящий вашему тщеславию? Я передам эту тварь в вашу

собственность всего за тридцать терциев.

Потрясенный Кугель даже подскочил:

— Тридцать терциев? Тогда как породистого камбалезского вериота можно купить за двадцать? Любезнейший, ваша щедрость превосходит мои финансовые возможности!

Лицо владельца гостиницы сохраняло бесконечно терпеливое выражение.

— Здесь, посреди Цомбольской топи, за двадцать терциев вы не купите даже уши мертвого вериота.

— Давайте начистоту, — сказал Кугель. — Вы заломили несусветную цену.

На мгновение благодушное выражение почти покинуло физиономию трактирщика; он проворчал:

— Каждый, кому я продаю эту тварь, пытается злоупотребить моей добротой.

Кугель не совсем понял, о чем говорил хозяин заведения. Тем не менее, почувствовав в его тоне готовность к уступке, он поспешил воспользоваться преимуществом:

— Несмотря на всевозможные сомнения и подозрения, я готов предложить вам более чем достаточную цену — двенадцать терциев…

— По рукам! — воскликнул трактирщик, даже

не позволив Кугелю закончить фразу. — Повторяю, вы убедитесь в том, что эта скотина беззаветно предана хозяину — настолько, что превзойдет ваши ожидания.

Кугель уплатил двенадцать терциев и осторожно взобрался в седло. Владелец гостиницы благожелательно попрощался с ним:

— Желаю вам приятного и безопасного странствия!

Кугель ответил в том же духе:

— Желаю вашему предприятию процветания!

Рассчитывая придать лихость своему отъезду, Кугель натянул уздцы, чтобы поднять животное на дыбы и заставить его развернуться в гарцующей позе, но тварь только прижалась брюхом к земле, после чего приподнялась и прошлепала на дорогу.

Седло попалось удобное; Кугель проехал несколько километров и, принимая во внимание все обстоятельства, остался доволен приобретением. «У твари действительно плавный ход, — говорил он себе. — Посмотрим, сможет ли она бежать легким галопом».

Он отпустил поводья; тварь пустилась по дороге причудливо пританцовывающей чопорной поступью, изогнув хвост дугой и высоко подни-

мая голову.

Кугель ударил каблуками по выпученным бокам животного:

— Быстрее! Покажи, что ты умеешь!

Тварь ринулась вперед с поразительной энергией — за спиной Кугеля стал развеваться по ветру плащ.

На повороте у обочины рос развесистый вечнозеленый дуб, который животное, по-видимому, распознало в качестве ориентира. Ускорив галоп, оно резко остановилось, взбрыкнув задом, — Кугель перекувыркнулся в воздухе и свалился в канаву. Когда ему удалось выбраться на дорогу, тварь уже ускакала, выделывая издевательские кренделя по трясине, но, очевидно, направляясь обратно к гостинице.

— Да уж, беззаветно преданная скотина, — пробормотал Кугель. — Беззаветно преданная уютному стойлу при гостинице! — Подобрав зеленую кепку, Кугель нахлобучил ее и снова поплелся на юг.

Поздно вечером он добрался до деревни, состоявшей из дюжины хижин и населенной приземистыми длиннорукими людьми, отличавшимися взъерошенными копнами выбеленных волос.

Кугель оценил высоту Солнца над горизонтом и ожидавшую его впереди местность — унылую череду болотных кочек и луж, простиравшуюся в смутную даль. Преодолев опасения, он приблизился к крупнейшей хижине, больше других претендовавшей называться домом.

Хозяин жилища сидел на завалинке, выбеливая волосы одного из своих отпрысков и распуская их радиально торчащими пучками подобно лепесткам белой хризантемы; другие малолетние голодранцы играли рядом в грязи.

— Добрый вечер! — приветствовал его Кугель. — Не могли бы вы предоставить мне ночлег и пищу? Естественно, я намерен за это заплатить.

— Сочту за честь! — отозвался местный житель. — Мой дом — самый просторный и удобный в Самсетиске, а я — именитый рассказчик анекдотов. Не желаете ли осмотреть помещение?

— Я хотел бы отдохнуть час-другой в своей комнате, а потом принять горячую ванну.

Владелец хижины надул щеки и, стряхнув белила с ладоней, жестом пригласил Кугеля зайти внутрь. Указав на охапку тростника у боковой стены, он сказал:

— Вот ваша постель; отдыхайте, сколько хо-

тите. По поводу ванны должен предупредить, что болотные пруды кишат трелькоидами и проволочными червями — купаться в них не рекомендуется.

— В таком случае мне придется обойтись без ванны, — вздохнул Кугель. — Тем не менее я ничего сегодня не ел, кроме завтрака, и хотел бы поужинать как можно скорее.

— Моя жена ушла в болота ловить живность, — отозвался хозяин хижины. — Обсуждать ужин бесполезно, пока мы не узнаем, что ей удалось поймать.

В свое время супруга хозяина вернулась с мешком и плетеной корзиной. Она развела огонь и стала готовить ужин, в то время как ее муж, Эрвиг, принес к завалинке двухструнную гитару и стал развлекать Кугеля местными балладами.

Наконец женщина позвала их внутрь и подала миски с зерновой кашей, салат из поджаренного мха с ганионами и несколько ломтей черного хлеба грубого помола.

После еды Эрвиг вытолкал жену и детей под ночное небо, объясняя свои действия следующим образом:

— Нам нужно побеседовать, а то, о чем мы будем говорить, не для ваших ушей! Кугель —

знатный путешественник и не желает тратить время, взвешивая каждое слово.

Вытащив глиняный кувшин, Эрвиг налил два стаканчика арака, поставил один перед Кугелем и завязал разговор:

— Откуда вы пришли и куда направляетесь?

Кугель пригубил арак — огненная жидкость мгновенно обожгла его внутренности — и ответил:

— Я родом из Альмерии и теперь туда возвращаюсь.

Эрвиг в замешательстве почесал затылок:

— Не пойму — вы уехали так далеко только для того, чтобы вернуться?

— Враги сыграли со мной злую шутку, — объяснил Кугель. — Вернувшись, я намерен им должным образом отомстить.

— Достойная месть утешает, как ничто другое! — одобрил Эрвиг. — Непосредственным препятствием для осуществления ваших планов станет нагорье Стоячих Камней, потому что там бродят азмы. Кроме того, там полно пельгранов.

Кугель нервно пробежался пальцами по эфесу шпаги.

— Как далеко отсюда нагорье Стоячих Камней и сколько по нему придется идти?

— Равнина начинается в шести километрах к югу, после подъема. Тропа ведет от одного мегалита к другому на протяжении двадцати четырех километров. Хороший ходок может пересечь равнину за четыре или пять часов, если его ничто не задержит и никто не сожрет. Дальше, в двух часах ходьбы, — городок Квирниф.

— Пара полезных советов перед началом пути полезнее многочасовых раздумий по дороге.

— Хорошо сказано! — Эрвиг залпом опорожнил стаканчик арака. — Я тоже так думаю. Кугель, вы проницательный человек!

— Раз уж вы упомянули Квирниф, что вы о нем думаете?

— Тамошний народец — чудаки, во многих отношениях, — сказал Эрвиг. — Они, видите ли, гордятся своими якобы благородными манерами, но при этом отказываются белить волосы и не слишком прилежно относятся к религиозным обрядам. Например, они совершают поклоны Божественному Вьюлио, прикладывая правую ладонь не к ягодице, а к животу. У нас это рассматривается как пренебрежение священным долгом. А вы как думаете?

— Обряд надлежит совершать так, как вы его описываете, — уверенно произнес Кугель. — Лю-

бой другой метод следует считать неподобающим.

Эрвиг снова наполнил стаканчик Кугеля.

— Считаю ваши слова немаловажным подтверждением справедливости наших убеждений!

Открылась дверь — в хижину заглянула супруга хозяина:

— Уже стемнело. С севера дует холодный ветер, а на краю болота рыщет чантера.

— Стойте в тени — Вьюлио о своих позаботится. Немыслимо, чтобы ты и твои отродья надоедали нашему гостю!

Женщина неохотно прикрыла дверь и скрылась в ночи. Эрвиг подвинулся вперед на табурете и поглотил очередную порцию арака.

— Так вот, как я уже говорил, в Квирнифе живет чудной народец, но их правитель, герцог Орбаль, чуднее их всех, вместе взятых. Он посвятил себя изучению чудес и всякой небывальщины, а любого горе-чародея, сумевшего запомнить пару заклинаний, приветствуют и чествуют в Квирнифе, как самого знаменитого и уважаемого гостя.

— Это не поддается пониманию! — поддакнул Кугель.

Дверь снова открылась, и в хижину заглянула супруга Эрвига. Тот поставил стаканчик на пол,

обернулся и нахмурился:

— Ну, что тебе опять?

— Чантера бродит среди хижин. Причем вполне может быть, что она тоже поклоняется Вьюлио, — откуда нам знать?

Эрвиг попытался было возражать, но на лице женщины появилось строптивое выражение:

— Твой гость может терпеть наше присутствие теперь с таким же успехом, как и позже. Так или иначе, ему придется спать на охапке тростника! — Она распахнула дверь пошире и впустила в хижину малолетних оборванцев. Убедившись в том, что дальнейший осмысленный разговор невозможен, Эрвиг устало опустился на тростник, и Кугель вскоре последовал его примеру.

Утром Кугель позавтракал выпеченной в золе лепешкой и травяным чаем, после чего приготовился идти дальше. Эрвиг проводил его до дороги.

— С вами было приятно поговорить, и я помогу вам перейти нагорье Стоячих Камней. При первой возможности подберите камень размером с кулак и нацарапайте на нем триграмматический символ. Если на вас кто-нибудь нападет, высоко поднимите камень и прокричите: «Изыди! Я несу священный символ!» Когда дойдете до первого

мегалита, положите камень и выберите другой — там их целая куча. Нацарапайте на втором камне тот же символ и донесите его до второго мегалита — и так далее, пока равнина не кончится.

— Все ясно, — кивнул Кугель. — Но, может быть, вы покажете мне самый полезный вариант иероглифа? Мне не мешало бы освежить его в памяти.

Эрвиг нацарапал символ на земле.

— Просто, точно и безошибочно! Жители Квирнифа не используют эту петлю и располагают черточки под любыми углами.

— Опять же, пренебрежение к долгу! — покачал головой Кугель.

— Так что прощайте, Кугель! В следующий раз, проходя мимо, не забудьте остановиться у меня. Пробка моего кувшина с араком легко открывается!

— Не упущу такую возможность за тысячу терциев! Кстати, сколько я вам должен?

Эрвиг поднял руку с открытой ладонью:

— Я не беру деньги с гостей! — При этом он вздрогнул и выпучил глаза, так как супруга, подошедшая сзади, больно двинула его локтем в ребра. — А, так и быть! — пожал плечами Эрвиг. — Дайте ей пару терциев — так ей веселее

будет хозяйничать.

Кугель вручил женщине пять терциев — к ее величайшему удовлетворению — и покинул деревню.

В шести километрах от Самсетиски дорога круто поднялась на серое плоскогорье, усеянное довольно далеко отстоящими один от другого серыми мегалитами почти четырехметровой высоты. Кугель нашел округлый камень величиной с кулак и, приложив ладонь правой руки к ягодице, обратился к этому объекту с самым торжественным приветствием. Затем он нацарапал на камне символ, примерно напоминавший рекомендованный Эрвигом, и нараспев произнес:

— Я передаю этот камень на попечение Вьюлио и прошу, чтобы он защитил меня на этой мрачной равнине!

Внимательно изучив ландшафт, Кугель не заметил ничего достойного внимания, кроме стоячих камней и длинных черных теней, отбрасываемых ими под красными лучами утреннего Солнца, и с облегчением снова пустился в путь.

Он не успел пройти и ста метров, как почувствовал чье-то присутствие. Мгновенно развернувшись на месте, Кугель оказался почти лицом к лицу с ощерившимся восемью клыками азмом.

Высоко поднимая свой камень, Кугель закричал:

— Изыди! Я несу священный символ! Ты не смеешь на меня напасть!

Азм ответил — тихо и слегка неразборчиво:

— Не выйдет! Ты несешь обычный камень. Я следил за тобой — ты не умеешь рисовать знак. Можешь бежать, если хочешь. Мне давно пора размяться.

Азм сделал шаг вперед. Кугель изо всех сил запустил в него камнем; тот глухо ударился в черный лоб между щетинистыми антеннами, и азм упал навзничь. Прежде чем он очнулся, Кугель отрубил ему голову.

Кугель уже направился дальше по тропе, но, пройдя несколько шагов, вернулся и подобрал свой камень с символом. «Кто знает, почему я так удачно попал азму в голову? — спрашивал он себя. — Может быть, тут не обошлось без помощи Вьюлио».

Достигнув первого мегалита, Кугель заменил свой камень другим — так, как советовал Эрвиг; причем на этот раз он изобразил охранный символ как можно точнее.

Ему удалось беспрепятственно дойти до третьего мегалита.

Солнце поднялось к зениту, немного отдохну-

ло и начало опускаться на запад. Кугель шагал, целый и невредимый, от мегалита к мегалиту. Несколько раз он замечал скользящего по небу пельграна и каждый раз бросался плашмя на землю, чтобы хищник его не заметил.

Нагорье Стоячих Камней закончилось обрывом эскарпа, откуда открывался вид на обширную долину. Оказавшись поблизости от относительно безопасных мест, Кугель забыл о бдительности — и тут же с неба донесся торжествующий крик. В ужасе обернувшись через плечо, Кугель спрыгнул с края обрыва в узкую расщелину, где ему удалось спрятаться, соскользнув в тень между камнями. Пельгран с шумом пронесся мимо. С радостным курлыканьем пельгран приземлился в основании эскарпа — в тот же миг оттуда послышались человеческие вопли и проклятия.

Не высовываясь из расщелины, Кугель стал ползком спускаться по крутому склону и обнаружил, что теперь пельгран преследовал дородного черноволосого субъекта в костюме из черно-белого узорчатого полотна. Человек этот, быстро перебирая ногами, забежал за толстый ствол бутылочного олофара, и пельгран гонял его вокруг ствола, появляясь то с одной, то с другой стороны, щелкая клыками и протягивая к добыче

когтистые руки.

При всей своей корпулентности толстяк проявлял поразительное проворство, и пельгран начал обиженно каркать. Хлопая крыльями, хищник вспрыгнул на развилину ствола и пытался достать добычу оттуда, вытягивая вниз морду на длинной шее.

Подчинившись внезапному побуждению, Кугель перепрыгнул на скальный уступ над олофаром, после чего, улучив подходящий момент, спрыгнул на голову хищника обеими ступнями, защемив его шею в развилке ствола.

— Скорее! — закричал он испуганному толстяку. — Найдите какой-нибудь жгут или прут, чтобы привязать к дереву этого крылатого монстра!

Человек в узорчатом черно-белом костюме закричал в ответ:

— Зачем его жалеть? Его надо убить сию секунду! Отодвиньте ногу, я отрублю ему голову!

— Не спешите! — возразил Кугель. — При всех его недостатках это ценный экземпляр, и я надеюсь извлечь кое-какую прибыль.

— Прибыль? — Эта идея не пришла в голову дородному господину. — В таком случае я заявляю о своем первенстве в качестве владельца! Я

как раз собирался оглушить пельграна, когда вы вмешались.

— В таком случае я отпущу его и пойду своей дорогой, — парировал Кугель.

Человек в черно-белом костюме раздраженно всплеснул руками:

— Люди готовы на что угодно, лишь бы доказать свою правоту! Ладно, держите его! У меня есть веревка.

Вдвоем они надежно привязали шею пельграна к стволу. Дородный господин представился как Айоло, назвал себя сборщиком грез и спросил:

— Так что вы собираетесь делать с этой кошмарной тварью и с какой целью?

— Я слышал, что Орбаль, герцог всего Омбалика, страстный коллекционер редкостей. Уверен, он хорошо заплатит за такое чудище — полагаю, не меньше сотни терциев.

— Вполне возможно, — согласился Айоло. — Вы уверены, что пельгран не высвободится?

Проверяя надежность пут, Кугель заметил на хохолке хищника украшение — голубое стеклянное яйцо на золотой цепочке. Пока он осторожно снимал с головы пельграна этот предмет, Айоло быстро протянул к нему руку, но Кугель отпихнул конкурента плечом. Ему удалось отцепить аму-

лет, но Айоло тут же схватился за цепочку: Кугель и Айоло встретились вызывающими взглядами.

— Будьте любезны, отпустите мое имущество, — ледяным тоном произнес Кугель.

Айоло гневно протестовал:

— Это моя подвеска — я первый ее заметил!

— Чепуха! Я снял ее с хохолка, а вы попытались выхватить ее у меня из рук!

Айоло топнул ногой:

— Ничего подобного! Вы слишком много себе позволяете! — Он попытался вырвать голубое яйцо из хватки Кугеля. Выскользнув из пальцев Кугеля, яйцо покатилось, прыгая по склону холма, разбилось и взорвалось голубым пламенем — на склоне образовалась глубокая яма. Из ямы тут же вытянулось золотисто-серое щупальце и схватило Кугеля за ногу.

Айоло отпрыгнул в сторону и стал наблюдать, находясь на безопасном расстоянии, за усилиями Кугеля, сопротивлявшегося попыткам щупальца затащить его в яму. Наконец Кугелю удалось ухватиться за пень. Он закричал:

— Айоло, скорее! Привяжите чем-нибудь это щупальце к пню, иначе я окажусь под землей!

Скрестив руки на груди, Айоло спокойно и размеренно произнес:

— Алчность привела вас в эту западню. Вполне возможно, что такова воля судьбы, и я не решаюсь ей препятствовать.

— Вы обвиняете меня в алчности? После того как изо всех сил вырывали амулет из моих рук?

Айоло нахмурился и поджал губы:

— В любом случае другой веревки у меня нет.

— Убейте пельграна! — пыхтя, взмолился Кугель. — Теперь у веревки найдется лучшее применение.

— Вы сами оценили пельграна в сотню терциев. Веревка стоит десять терциев.

— Хорошо, — процедил сквозь зубы Кугель. — Десять терциев за веревку. Но я не могу заплатить сто терциев за дохлого пельграна — у меня с собой только сорок пять монет.

— Так и быть. Уплатите сорок пять терциев. Что вы можете предоставить в залог за остаток?

Удерживаясь за пень одной рукой, Кугель сумел швырнуть толстяку кошелек с терциями и показал ему серьгу с опалом, унаследованную от Иванелло. Айоло немедленно потребовал передать ему опал, но Кугель отказался делать это до тех пор, пока щупальце не будет привязано к пню.

Айоло с сожалением отрубил голову пельгра-

ну, приблизился с веревкой в руках и привязал щупальце к пню, тем самым ослабив хватку подземного существа, все еще не отпустившего Кугеля.

— Вручите мне серьгу, будьте добры! — произнес Айоло, многозначительно поднося лезвие ножа к веревке.

Кугель перебросил драгоценность в руки толстяка:

— Берите! Это все, что у меня осталось. А теперь, пожалуйста, освободите меня.

— Я человек осторожный, — отозвался Айоло. — Мне нужно рассмотреть ситуацию с нескольких точек зрения. — Он занялся сбором хвороста, чтобы развести костер и устроиться на ночь.

Кугель пожаловался:

— Неужели вы забыли, что я спас вас от пельграна?

— Ни в коем случае не забыл! Тем самым возникает важный философский вопрос. Вы нарушили равновесие мироздания, и теперь, схватив вас за ногу, щупальце восстановило равновесие. Мне следует хорошенько подумать о возникшей ситуации.

Возражения Кугеля ни к чему не приводили. Айоло развел костер, вынул из рюкзачка котелок,

приготовил на огне нечто вроде рагу из съедобных трав и закусил половиной холодной жареной птицы с этим гарниром, запивая все это вином из обтянутой кожей бутыли.

Опираясь спиной на ствол дерева, Айоло наконец сосредоточил внимание на Кугеле:

— Надо полагать, вам известно, где состоится Всемирная выставка чудес герцога Орбаля?

— Я всего лишь странник, — отозвался Кугель. — В чем заключается эта выставка?

Айоло с жалостью взглянул на Кугеля, поражаясь его невежеству.

— Ежегодно герцог Орбаль председательствует на соревновании чудотворцев. В этом году объявленный приз составляет тысячу терциев — и я намерен заслужить этот приз с помощью моих «Грез в мешке».

— «Грезы в мешке»? Надо полагать, вы шутите? Или это своего рода романтическая метафора?

— Ничего подобного! — презрительно заявил Айоло.

— Калейдоскопическая проекция? Программа сценических представлений? Охмурение газом, вызывающим галлюцинации?

— Нет, не угадали. Я ношу с собой коллекцию неподдельных грез, коалесцированных и кри-

сталлизованных.

Айоло достал из рюкзачка мешочек из мягкой коричневой кожи, а из мешочка вынул предмет, напоминающий бледно-голубую снежинку диаметром чуть больше двух сантиметров. Он поднес этот кристалл к пламени костра, чтобы Кугель мог полюбоваться мерцающей игрой света на его поверхности.

— Разве я могу упустить приз, очаровав герцога Орбаля грезами?

— Похоже, у вас есть шанс получить этот приз. Как вы собираете грезы?

— Это большой секрет. Тем не менее я могу описать процесс в общих чертах. Я живу на берегу озера Лельт в Дай-Пассанте. В безветренные ночи поверхность озерной воды сгущается, образуя пленку, отражающую звезды в виде маленьких светящихся шариков. Я умею, пользуясь подходящим устройством, поднимать неосязаемые нити чистого звездного света, задержанные водяной оболочкой. Я заплетаю эти нити в сетку и отправляюсь на поиски грез. Я скрываюсь за пологами и балдахинами, я прячусь в листве вокруг садовых беседок, я ползаю по крышам и брожу по коридорам спящих домов. И каждую секунду я готов поймать в свою сеть проплывающие мимо

грезы. Каждое утро я приношу эти чудесные игры воображения к себе в лабораторию, сортирую их и обрабатываю, применяя известные только мне методы. Через некоторое время мне удается получить кристалл, содержащий сотни грез. Надеюсь очаровать своей коллекцией герцога Орбаля.

— Я предложил бы вам принять мои поздравления, если бы не щупальце, охватившее мою ногу, — сказал Кугель.

— Очень великодушно с вашей стороны! — Айоло подбросил в огонь несколько поленьев, провозгласил заклинание, охраняющее от ночных тварей, и устроился спать.

Прошел час. Кугель безуспешно старался всевозможными способами избавиться от щупальца, прижимавшего его к пню в позе, не позволявшей вынуть шпагу из ножен или достать из сумки брызгосвет.

Наконец он прекратил тщетные потуги и задумался, оценивая свои возможности.

Напряженное усилие позволило ему дотянуться пальцами до прутика, с помощью которого он подтащил к себе длинную сухую ветку, а затем, орудуя этой веткой, достал еще одну, примерно такую же. Связав две ветки шнуром от сумки, он изготовил шест, позволявший достать посапы-

вавшего у костра Айоло.

Соблюдая исключительную осторожность, Кугель постепенно передвигал к себе по земле рюкзачок Айоло, пока не смог взяться за него пальцами. Прежде всего он достал из рюкзачка кошелек сборщика грез, затем — серьгу с опалом Иванелло, которую засунул себе в карман, и, наконец, мешочек грез.

В рюкзачке больше не было ничего ценного, за исключением части холодной жареной птицы, которую Айоло оставил на завтрак, и обтянутой кожей бутыли с вином — эти припасы Кугель отложил в сторону, намереваясь воспользоваться ими в дальнейшем. Затем он оттолкнул рюкзачок туда, где он лежал раньше, развязал две сухие ветви и отбросил их в сторону. За неимением ничего лучшего ему пришлось, привязав к мешочку с грезами шнур, опустить его в таинственную яму, откуда тянулось щупальце. Закусив холодной птицей и выпив вина, он попробовал прилечь у пня как можно удобнее.

Ночь тянулась долго. Кугель слышал, как жалобно позвякивал ночной дребезгун; где-то неподалеку завыл шестиногий шамб.

В конце концов небо расцвело красновато-лиловой зарей, и появилось Солнце. Айоло

проснулся, пригладил пальцами растрепанные волосы, поворошил угли, раздул огонь и вежливо обратился к Кугелю:

— Как вы провели ночь?

— Не хуже, чем можно было ожидать. В конце концов, жаловаться на неизбежную действительность бесполезно.

— Совершенно верно! Я долго думал о том положении, в котором вы оказались, и наконец принял решение, которое вас порадует. План состоит в следующем: я отправлюсь в Квирниф и там продам серьгу с опалом — разумеется, по самой высокой доступной цене. Погасив таким образом вашу задолженность, я вернусь и отсчитаю причитающийся вам остаток.

Кугель предложил альтернативный вариант:

— Давайте отправимся в Квирниф вместе. Это позволит вам сэкономить время и не возвращаться сюда.

Айоло покачал головой:

— Мне придется придерживаться первоначального плана. — Он раскрыл рюкзачок, чтобы позавтракать, и обнаружил пропажу своего имущества. Жалобно вскрикнув, сборщик грез уставился на Кугеля: — Мои терции, мои грезы! Они пропали, пропали! Как вы это объясняете?

— Все очень просто. Примерно через четыре минуты после полуночи из лесу вышел грабитель. Он подкрался к вам и унес содержимое вашего рюкзака.

Айоло схватился за бороду обеими руками:

— Мои бесценные грезы! Почему вы меня не разбудили?

Кугель почесал в затылке:

— Честно говоря, я не хотел нарушать равновесие мироздания.

Айоло вскочил на ноги и принялся смотреть по сторонам — главным образом в сторону леса, после чего повернулся к Кугелю:

— Как выглядел этот разбойник?

— Мне он показался человеком, в какой-то степени склонным к состраданию: он отдал мне остаток вашей холодной жареной птицы и бутыль вина, каковые я с благодарностью употребил.

— Вы съели мой завтрак!

Кугель пожал плечами:

— Я не был уверен в том, что это ваш завтрак; в любом случае мне вы об этом не сообщали, а грабителя я не спрашивал. Мы немного поговорили — он сказал, что так же, как вы, направляется в Квирниф, чтобы участвовать во Всемирной

выставке чудес.

— Ага! Ха-ха! И вы его узнаете, если увидите снова?

— Без сомнения.

Айоло тут же энергично взялся за дело.

— Посмотрим, посмотрим — как управиться с этим щупальцем? Может быть, мне удастся его оторвать. — Он схватился за конец золотисто-серого отростка и, упираясь ногой в пень, попытался отделить его от ноги Кугеля. Прилагая отчаянные усилия, он дергал щупальце и пинал его, не обращая внимания на крики Кугеля, испытывавшего при этом острую боль. Наконец щупальце расслабилось, и Кугель сразу отполз в сторону.

Соблюдая величайшую осторожность, Айоло подобрался к яме и заглянул в нее.

— Вижу только мерцание каких-то далеких огней. Загадочное отверстие! А что это за шнурок, спускающийся в яму?

— Я привязал к нему камень, пытаясь измерить глубину ямы, — объяснил Кугель. — Из этого ничего не получилось.

Айоло потянул за шнурок — сначала он поддался, но затем натянулся и порвался, так что Айоло достался только его растрепанный конец.

— Странно, — сказал сборщик грез. — Шнурок как будто разъело какой-то кислотной субстанцией.

— Действительно странно, — согласился Кугель.

Айоло бросил обрывок шнурка на землю.

— Пойдемте, не будем терять время зря! Поспешим в Квирниф и найдем обокравшего меня мерзавца!

Дорога вывела их из леса под обрывом к обработанным полям и ухоженным садам. Крестьяне с удивлением провожали глазами двух прохожих: пузатого Айоло в костюме из черно-белого узорчатого полотна и длинноногого худощавого Кугеля — в черном плаще, болтающемся за костлявыми плечами, и в красивой темно-зеленой кепке, бросающей тень на его мрачноватую физиономию.

По пути Айоло задавал все более пытливые вопросы по поводу ночного грабителя, но Кугель потерял интерес к этой теме; его ответы носили расплывчатый (а иногда и противоречивый) характер, что явно начинало возбуждать подозрения у сборщика грез.

Когда они дошли наконец до Квирнифа, Кугель заметил гостиницу, показавшуюся ему достаточно респектабельной.

— Здесь мы расстанемся, — сообщил он своему спутнику. — Я намерен остановиться в этом заведении.

— В «Пяти филинах»? Это самая дорогая гостиница в городе! Как вы намерены рассчитаться за постой?

Кугель самоуверенно махнул рукой:

— Ведь на выставке обещают приз в тысячу терциев?

— Разумеется, но чем вы можете похвастаться? Предупреждаю вас, герцог не терпит шарлатанов.

— А почему вы думаете, что я вам рассказал все, что знаю? В данный момент я не намерен раскрывать свои планы.

— Но как же быть с грабителем? — воскликнул Айоло. — Разве мы не собирались обыскать весь Квирниф, чтобы вы могли его распознать?

— Остановившись в «Пяти филинах», я смогу этим заниматься с не меньшим успехом, нежели в любом другом месте, так как грабитель, несомненно, зайдет в трактир, чтобы хвастаться своей удачей и пропивать ваши терции. Тем временем желаю вам удачи на крышах и богатого улова грез. — Кугель вежливо поклонился и оставил Айоло одного на улице.

В «Пяти филинах» Кугель выбрал комнату поудобнее, где ему удалось вымыться и привести в порядок свою одежду. Затем, спустившись в трапезную, он неспешно пообедал лучшими блюдами гостиничной кухни.

Хозяин гостиницы задержался у его стола, чтобы убедиться в том, что постоялец доволен обслуживанием, и Кугель похвалил навыки его поваров.

— По сути дела, принимая во внимание все обстоятельства, можно заключить, что Квирниф облагодетельствован природой. Здесь приятные виды, прохладный свежий воздух, и, судя по всему, герцог Орбаль не слишком утруждает местных жителей налогами.

Владелец заведения согласился, хотя и без особого энтузиазма.

— Как вы изволили заметить, герцога Орбаля никак нельзя назвать человеком раздражительным, грубым, подозрительным или жестоким — за исключением тех случаев, разумеется, когда надлежащий анализ обстоятельств заставляет его проявлять такие качества, в каковых случаях он забывает о милосердии и великодушии во имя справедливости. Взгляните в окно, на гребень холма — что вы видите?

— Четыре трубы или опоры, высотой метров тридцать каждая и примерно метр в диаметре.

— У вас хорошее зрение. В эти трубы помещают граждан, не соблюдающих общественные нормы, невзирая на тех, кого опустили в них раньше или сбросят впоследствии. Таким образом, если вам приведется беседовать о чем-либо с герцогом Орбалем или даже просто высказать в его адрес какой-либо умеренный комплимент, никогда не пропускайте мимо ушей его указания. С обычными преступниками, само собой, расправляются гораздо скорее.

Кугель тревожно обернулся через плечо (у него давно выработалась такая привычка):

— Надо полагать, такие строгости вряд ли применимы ко мне, только что прибывшему в город чужестранцу?

Трактирщик скептически хмыкнул:

— Допускаю, что вы прибыли полюбоваться на Выставку чудес?

— Конечно! Я даже попробую соревноваться — обещан очень привлекательный приз. Кстати, раз уж мы затронули этот вопрос… Не могли бы вы порекомендовать приличный скотный двор, сдающий в аренду тягловых животных?

— Могу. — Владелец заведения подробно объяс-

нил, как найти такое предприятие.

— Кроме того, я хотел бы нанять бригаду сильных и дисциплинированных работников. Где можно было бы их завербовать?

Трактирщик указал на грязноватую таверну с другой стороны площади:

— На внутреннем дворе «Воющего пса» собираются и распускают языки все городские подонки. Там вы сможете найти любых наемных рабочих, соответствующих вашим целям.

— Пойду навещу скотный двор. Тем временем не могли бы вы попросить паренька-официанта сбегать в таверну и нанять дюжину увальней покрепче?

— Как вам будет угодно.

На скотном дворе Кугель арендовал большой шестиколесный фургон, запряженный парой фарлоков-тяжеловозов. Когда он вернулся с фургоном ко входу гостиницы «Пять филинов», его уже ожидала разношерстная группа из дюжины местных бродяг и попрошаек, в том числе одноногий, впавший в детство старик. Другой, будучи пьян и не совсем в своем уме, непрерывно отгонял воображаемых насекомых. Этих двоих Кугель уволил, не сходя с места. В состав завербованной бригады входил также сборщик грез

Айоло, пристально разглядывавший Кугеля с очевидным подозрением.

Кугель спросил:

— Любезнейший, что вы делаете в этой убогой компании?

— Кто не работает, тот не ест! — отозвался Айоло. — Не могу ли я, в свою очередь, поинтересоваться, откуда у вас появились средства, позволившие нанять стольких работников? Кроме того, я не могу не заметить, что вы надели серьгу, которая только вчера была моим имуществом!

— Это вторая серьга — у меня таких была пара, — сказал Кугель. — Как вам хорошо известно, грабитель забрал первую вместе с другими вашими ценностями.

Айоло выпятил губы:

— Мне не терпится повстречаться с этим благородным разбойником, укравшим мою драгоценность, но оставившим вам другую.

— Действительно, он оказался примечательной личностью. Кажется, примерно час тому назад я заметил, как он выезжал из города.

Айоло снова выпятил губы:

— А зачем вам понадобился этот фургон?

— Если хотите заработать, то скоро об этом

узнаете.

Сопровождаемый бригадой работников, Кугель направился в фургоне за окраину города, туда, где находилась таинственная яма, по-прежнему темневшая на склоне холма. Кугель приказал вырыть глубокие траншеи и установить в них опалубку, после чего весь блок почвы, окружавший и содержавший яму как таковую, пень и протянувшееся к нему из ямы щупальце затащили в кузов фургона.

По мере осуществления этого проекта манеры Айоло заметно изменились. Он начал отдавать работникам приказы и обратился к Кугелю самым запанибратским тоном:

— Прекрасная идея, Кугель! Мы извлечем существенную прибыль!

Кугель поднял брови:

— В самом деле, я надеюсь получить первый приз. Вы, однако, получите свой скромный заработок — который станет еще скромнее, если вы сейчас же не приметесь за работу гораздо усерднее.

— О чем вы говорите? — возопил Айоло. — Вы же прекрасно знаете, что эта яма принадлежит мне и только мне!

— Ничего такого я не знаю. Больше не подни-

майте этот вопрос — или я тотчас же вас уволю.

Раскрасневшись от возмущения и злобно ворча, Айоло вернулся к работе. Через некоторое время Кугель привез почвенный блок вместе с ямой, пнем и щупальцем в Квирниф. По пути он приобрел старый брезентовый чехол и прикрыл им загадочную яму, чтобы произвести самый неожиданный эффект на выставке.

По прибытии на площадь, где проводилась Всемирная выставка чудес, работники Кугеля спустили его экспонат с фургона, после чего он расплатился с помощниками — при этом кое-кто из них протестовал, так как ожидал более щедрого вознаграждения.

Кугель отказался выслушивать претензии.

— Вы получили достаточное жалованье! В любом случае, даже если бы я заплатил вам в десять раз больше, вы спустили бы все до последнего гроша в «Воющем псе»!

— Минутку, минутку! — воскликнул Айоло. — Нам с вами необходимо объясниться!

Кугель молча вскочил на козлы фургона и отъехал, чтобы вернуть его на скотный двор. Иные работники побежали за фургоном, но отстали, сделав несколько шагов; другие принялись бросаться камнями, но безрезультатно.

На следующий день трубы и звенящие гонги оповестили об официальном открытии выставки. Герцог Орбаль прибыл на площадь в роскошном одеянии из малинового плюша, окаймленного белоснежными перьями, в бледно-голубой бархатной шляпе метрового диаметра, с серебряными кисточками на полях и с кокардой из дутого серебра.

Взойдя на помост, герцог обратился к толпе:

— Как вам известно, меня называют чудаком, так как я чрезвычайно интересуюсь различными чудесами и редкостями. Тем не менее, если хорошенько задуматься, разве это настолько уж нелепый и бессмысленный интерес? Вспомните об эонах прошлого, о временах Вапуриалов, о Зеленом и Пурпурном Колледже, о могущественных чародеях, к числу каковых мы относим Амберлина, второго Чидула из Порфиринкоса, Моррейона, Каланктуса Безмятежного и, разумеется, Великого Фандаала. То были дни их торжества, которые, увы, никогда не вернутся — разве что в ностальгических воспоминаниях. Именно для того, чтобы предаваться таким воспоминаниям, я устраиваю нашу Всемирную выставку чудес — в целом, конечно, лишь бледное отражение достижений прошлого.

Тем не менее, принимая во внимание все обстоятельства, я нахожу, что нам предстоит познакомиться с весьма разнообразной и стимулирующей воображение программой; не сомневаюсь, что смогу присудить первый приз по заслугам.

Герцог Орбаль развернул список:

— Мы пронаблюдаем за представлениями «Лихих дивизионов» Зарафлама и «Невероятных музыкантов» Баззарда, а затем проверим полноту и безошибочность «Универсального компендиума знаний» Ксаллопса; Айоло продемонстрирует нам свои «Грезы в мешке», и, наконец, Кугель представит, к нашему изумлению, таинственный экспонат, называемый им «Взглядом в никуда». В высшей степени интригующая повестка дня! Так что перейдем без лишних слов к критическому ознакомлению с «Лихими дивизионами» Зарафлама.

Толпа плотно окружила первый павильон, и Зарафлам вывел на сцену «Лихие дивизионы» — отряды тараканов, одетых в аккуратные красные, белые и черные униформы. Сержанты поблескивали саблями, пехотинцы несли мушкеты. Дивизионы маршировали в ногу то друг за другом, то навстречу друг другу, совершая сложные

маневры.

— Стой! — скомандовал Зарафлам.

Тараканы сразу остановились.

— На караул!

Тараканы подчинились.

— Салют в честь герцога Орбаля!

Сержанты подняли сабли, пехотинцы — мушкеты. Сабли опустились, из мушкетов с хлопками вырвались маленькие облачка белого дыма.

— Превосходно! — заявил герцог. — Зарафлам, не могу не отдать должное вашей безукоризненной дрессировке!

— Премного благодарен, ваше высочество! Завоевал ли я первый приз?

— Не могу сказать — мы еще не видели другие представления. Теперь выступит Баззард со своими «Невероятными музыкантами»!

Зрители перешли ко второму павильону. На сцену вышел Баззард — бледный, с вытянутым лицом:

— Ваше высочество! Многоуважаемые граждане Квирнифа! Моими «Невероятными музыкантами» были рыбы из Кантического моря. Когда я привез их в Квирниф, я был совершенно уверен в том, что получу первый приз. Ночью, однако, вода вытекла из аквариума. Все рыбы

сдохли — их музыка потеряна безвозвратно! Я все еще желаю участвовать в конкурсе, в связи с чем намерен имитировать песнопения моих чешуйчатых подопечных. Пожалуйста, судите об их музыке по этому примеру…

Герцог Орбаль остановил Баззарда суровым жестом:

— Невозможно! Представление Баззарда объявляется несостоявшимся. Перейдем теперь к Ксаллопсу и его достопримечательному «Компендиуму».

Ксаллопс выступил из глубины своего павильона:

— Ваше высочество! Леди и джентльмены Квирнифа! Мой экспонат поистине примечателен. Тем не менее, в отличие от Зарафлама и Баззарда, я не приписываю себе лавры создателя этого чуда. По профессии я гробокопатель; я изучаю содержимое древних могил. Это опасное и, как правило, неблагодарное занятие. Но удача мне улыбнулась: я заглянул в тот склеп, где много тысячелетий тому назад был похоронен маг Зинцзин. Из этого подземелья я добыл том, каковой теперь и позволю себе представить вашим изумленным взорам.

Ксаллопс сорвал с постамента кусок красной

материи, под которым лежала книга в черном кожаном переплете.

— По моему приказу эта энциклопедия раскроет любую информацию — ей известны все возможные данные, даже о самых незначительных событиях и явлениях, начиная с тех времен, когда зажглись звезды, и вплоть до сегодняшнего дня. Спрашивайте — и вам ответят!

— Удивительно! — воскликнул герцог Орбаль. — В таком случае продемонстрируйте нам «Затерянную оду Псирме»!

— Пожалуйста! — дребезжащим голосом ответила книга и раскрылась. Ее страницы были испещрены переплетенными узловатыми закорючками.

Герцог Орбаль в замешательстве спросил:

— Эти письмена мне незнакомы. Не могли бы вы их перевести?

— В удовлетворении запроса отказано! — отрезала книга. — Эта поэзия слишком прекрасна для обычных смертных.

Герцог Орбаль недовольно взглянул на Ксаллопса — тот поспешил приказать книге:

— Покажи нам сцены далекого прошлого!

— Как вам будет угодно. Возвращаюсь к пятьдесят второму циклу девятнадцатого эона. Перед

вами вид на долину Линксфейда, обращенный в сторону Башни из Замороженной Крови, воздвигнутой Кольгхутом.

— Замечательная детальность изображения, исключительно интересный пейзаж! — похвалил герцог. — Любопытно было бы взглянуть на самого Кольгхута.

— Нет ничего проще. Вот терраса храма в Танутре. Кольгхут стоит у цветущего причитающего куста. Рядом, в кресле, императрица Ноксон — в тот день, когда был сделан этот снимок, ей было сто четыре года. Она за всю жизнь не выпила ни глотка воды и ела только лепестки горькоцвета, иногда с кусочком вареного угря.

— Брр! — содрогнулся герцог Орбаль. — До чего безобразная уродина! А кто эти обступившие ее господа?

— Это свита ее любовников. Ежемесячно одного из них казнили, и его место занимал другой. Привлечь к себе нежное внимание императрицы стремились многие, преобладала жесткая конкуренция.

— Брр! — повторно содрогнулся герцог. — Покажите нам лучше каких-нибудь красивых придворных Желтой эпохи.

Книга раздраженно произнесла какое-то одно-

сложное слово на неизвестном языке. Страница перевернулась, на ней появилась белая известняковая набережная медлительной реки.

— Перед вами типичный образец садово-паркового стиля того времени. Взгляните сюда и сюда! — книга указала светящейся стрелкой на вереницу массивных деревьев с шарообразными, аккуратно подстриженными кронами. — Это ириксы, древесный сок которых использовали в качестве сильнодействующего глистогонного средства. В наше время этот вид уже вымер. Вы можете видеть, что по набережной прогуливается множество людей. Люди в черных чулках с длинными белыми бородами — алулийские рабы, предки которых вернулись из далекой системы Канопуса. Они тоже вымерли. Чуть подальше — красавица по имени Джиао Джаро. Ее голова отмечена красной точкой — она повернулась лицом к реке.

— Подобные комментарии вряд ли можно назвать удовлетворительными, — проворчал герцог Орбаль. — Ксаллопс, неужели вы не можете контролировать извращенные капризы своей энциклопедии?

— Боюсь, что не могу, ваше высочество.

Герцог высокомерно фыркнул:

— Последний вопрос! Кто из нынешних жителей Квирнифа представляет собой наибольшую угрозу благополучию нашего государства?

— Я — хранилище информации, а не оракул, — ответила книга. — Тем не менее могу заметить, что в числе присутствующих находится бродяга с лукавой, напоминающей лисью морду физиономией, привычки которого заставили бы покрыться румянцем щеки самой императрицы Ноксон. Его зовут…

Кугель выскочил на сцену, указывая рукой на другую сторону площади:

— Разбойник! Вот он! Зовите полицию! Звоните в набат! Держите его!

Пока практически вся толпа повернулась в другую сторону, Кугель захлопнул книгу, крепко прижимая крышку переплета костяшками пальцев. Энциклопедия раздраженно крякнула.

Герцог Орбаль недоуменно повернулся к сцене:

— Не вижу никакого разбойника.

— В таком случае я ошибся — прошу прощения. Но вот уже вышел Айоло — он продемонстрирует нам свои знаменитые «Грезы в мешке»!

Герцог, сопровождаемый толпой любопытствующих соглядатаев, перешел к павильону Айоло.

— Сборщик грез Айоло! — обратился к нему герцог. — Ваша слава опередила вас, хотя вы прибыли из далекого Дай-Пассанта! Позвольте мне приветствовать вас от имени всего Квирнифа!

Айоло разразился тирадой человека, испытывающего невыносимые муки:

— Ваше высочество! Вынужден сообщить плохие вести! В течение целого года я готовился к этому дню, надеясь выиграть первый приз. Порывы полночных ветров, ярость домовладельцев, приводящие в ужас преследования призраков, домовых, шриков, покрышников и ферминов — все это причиняло мне бесконечные неудобства, но я упорно бродил во мраке ночи в поиске грез! Я таился за дверями спален, я ползал по чердакам, я прятался под кроватями — царапины и ушибы не останавливали меня, я готов был уплатить любую цену, если отвага позволяла мне добыть редкостный экземпляр!

Каждую грезу, попавшуюся в мою сеть, я тщательно изучал. В расчете на каждую драгоценную грезу, принятую в мою коллекцию, я отпускал на волю дюжину других, и в конце концов из сборников лучших грез я формировал чудесные кристаллы, которые привез в Квирниф, проделав долгий путь из Дай-Пассанта. И после всего этого

предыдущей ночью, при совершенно необъяснимых обстоятельствах, мои драгоценные экспонаты были похищены грабителем, которого видел, по его словам, только Кугель.

Хотел бы указать на тот факт, что грезы, как приближенные к действительности, так и далекие от нее, представляют собой чудеса поистине непревзойденного качества, и я считаю, что их подробное описание…

Герцог Орбаль поднял руку:

— Мне придется вынести то же решение, что и в случае Баззарда. Строгие правила конкурса запрещают выдвижение вымыслов или воспоминаний вместо фактических экспонатов. Быть может, нам представится возможность полюбоваться вашими кристаллическими грезами в другой раз. Но в настоящее время мы перейдем к павильону Кугеля и посмотрим, в чем заключается его провокационный «Взгляд в никуда».

Кугель взошел на возвышение и встал рядом со своим экспонатом.

— Ваше высочество, предлагаю вашему вниманию настоящее чудо — не упражнения дрессированных насекомых и не педантичный альманах, а поистине чудесное явление. — Кугель сдернул покрывало с участка почвы:

— Смотрите!

Герцог недоуменно кашлянул:

— Куча земли? Пень? И что это за странный отросток, вытянувшийся из ямы?

— Ваше высочество! Здесь находится вход в неизвестное пространство, а этот отросток — щупальце одного из обитателей демонического подземного мира. Взгляните на него! Оно пульсирует потусторонней энергией! Заметьте золотистый продольный налет, зеленый и лавандовый оттенки этих наростов. А с нижней стороны вы обнаружите расцветку трех доселе неизвестных оттенков!

Герцог Орбаль разочарованно погладил подбородок:

— Все это очень замечательно, но где же остальная часть твари? Вы показываете мне не чудо, а только кончик чуда, если можно так выразиться. Я не могу выносить решения на основе хвостов, задов или хоботов, какова бы ни была демонстрируемая часть тела. Кроме того, вы утверждаете, что эта яма ведет в потустороннее пространство, однако я не вижу ничего, кроме дыры в земле, напоминающей не более чем нору крупного дикобеса.

Айоло протиснулся вперед:

— Могу ли я высказать свое мнение? Перебирая в уме события прошедшего дня, я пришел к убеждению, что не кто иной, как Кугель, похитил мои грезы!

— Ваши мнения никого не интересуют, — сказал Кугель. — Будьте добры, придержите язык и позвольте мне продолжать демонстрацию.

Но Айоло не так-то легко было приструнить. Повернувшись к герцогу, он умоляюще воззвал:

— Выслушайте меня, пожалуйста! Я убежден в том, что так называемый грабитель существует только в воображении Кугеля! Он похитил мои грезы и спрятал их — причем он мог их спрятать только в этой проклятой яме! Доказательством чего служит обрывок шнурка, спущенного в яму!

Герцог Орбаль нахмурился и смерил Кугеля взглядом с головы до ног:

— Справедливы ли эти обвинения? Не спешите с ответом — достоверность ваших показаний может быть проверена.

Кугель осторожно выбирал слова:

— Могу подтвердить только то, что видел своими глазами. Вполне вероятно, что грабитель спрятал грезы Айоло в яме, пока я был занят другими вещами. С какой целью он это сделал? Кто знает?

Герцог ласково спросил:

— Кто-нибудь возьмет на себя труд спуститься в яму, чтобы найти так называемые «Грезы в мешке»?

Кугель безразлично пожал плечами:

— Айоло может залезть туда и искать сколько угодно.

— Вы заявили, что этот участок земли — ваша собственность! — возразил Айоло. — Следовательно, вы несете ответственность за защиту интересов общественности!

Несколько минут продолжался оживленный спор — пока не вмешался герцог:

— Обе стороны выдвинули убедительные аргументы. Я считаю, однако, что следует вынести решение в пользу Айоло. Посему я приказываю Кугелю произвести поиски пропавших грез и по возможности вернуть их владельцу.

Кугель протестовал против такого решения настолько энергично, что герцог Орбаль задумчиво взглянул на гребень холма, где торчали четыре трубы, после чего Кугель произнес гораздо более сдержанным тоном:

— Конечно, все мы должны подчиняться указаниям вашего высочества, и я поищу потерянные грезы Айоло, хотя его утверждения очевидно

абсурдны.

— Будьте любезны, займитесь этим сейчас же.

Кугель нашел шест подлиннее и прикрепил к нему крюк. Опасливо засунув это приспособление в яму, он принялся водить им из стороны в сторону, но в результате только потревожил щупальце, которое стало извиваться и хлестать по земле.

Айоло внезапно пришел в возбуждение и воскликнул:

— Любопытнейшее обстоятельство! Смотрите-ка! Этот пласт земли не больше полутора метров в толщину, но Кугель погрузил в отверстие шест трехметровой длины! Какими фокусами он тут занимается?

Кугель спокойно отозвался:

— Я обещал его высочеству показать чудо из чудес. Теперь, надеюсь, он мне поверит.

Герцог Орбаль серьезно кивнул:

— Хорошо сказано, Кугель! Действительно, ваш экспонат вызывает интерес. Тем не менее вы продемонстрировали не более чем намеки, провоцирующие стремление к дальнейшему изучению феномена (бездонную яму, странное щупальце необычной расцветки, какие-то далекие огни в глубине отверстия), в связи с чем

все это производит впечатление любительской неподготовленности. Сравните свою экспозицию, например, с безукоризненными маневрами тараканов Зарафлама! — Кугель хотел было возразить, но герцог поднял руку: — Вы показали мне яму — должен признать, необычную яму. Но должен ли я присудить вам приз только на основании возможности погрузить в нее длинный шест? Мне это не кажется достаточно чудесным свойством.

— Этот вопрос можно решить к удовлетворению всех заинтересованных сторон, — сказал Кугель. — Пусть Айоло залезет в яму и убедится, что в ней нет его драгоценных грез. Тем временем, вернувшись на поверхность, он сможет засвидетельствовать поистине чудесный характер моего экспоната.

Айоло тут же стал протестовать:

— Кугель выставил экспонат — пусть он сам и занимается исследованием ямы!

Герцог Орбаль снова поднял руку, призывая к молчанию.

— Я повелеваю Кугелю немедленно спуститься в эту яму и произвести поиск похищенного имущества Айоло, а также внимательно изучить свойства того пространства, в котором он окажет-

ся, после чего просветить нас по этому поводу.

— Ваше высочество! — взмолился Кугель. — Это не так просто! Щупальце заполняет почти все отверстие!

— Там достаточно места для того, чтобы ловкий человек проскользнул вниз.

— Ваше высочество, откровенно говоря, мне очень не хочется лезть в эту яму — я боюсь!

Герцог снова взглянул на четыре трубы, выстроившиеся на холме, и, обернувшись через плечо, спросил плечистого субъекта в черной форме с красно-коричневыми отворотами:

— Какая из труб подойдет лучше других в сложившейся ситуации?

— Вторая труба справа, ваше высочество, заполнена лишь на четверть.

Кугель тут же заявил дрожащим голосом:

— Я боюсь, но преодолел свой страх! Я найду потерянные грезы Айоло.

— Превосходно! — сказал герцог, изобразив улыбку плотно сжатыми губами. — Кугель, не задерживайтесь. У меня истощается терпение.

Кугель засунул было ногу в отверстие, но движение щупальца заставило его отдернуть ее. Герцог Орбаль пробормотал несколько слов на ухо констеблю, и тот приказал притащить лебед-

ку. Щупальце поймали петлей и вытащили из ямы на добрые пять метров.

— Сядьте на щупальце, — проинструктировал Кугеля герцог, — обхватите его руками и ногами, оно спустит вас в яму.

Кугель в отчаянии взобрался на щупальце. Тормоз лебедки отпустили, и Кугель сполз вместе с щупальцем в яму.

Свет земного Солнца словно свернулся наверху, и отверстие ямы исчезло. Кугель погрузился в почти непроглядную темноту — каким-то парадоксальным образом, однако, он мог различить все окружающее в мельчайших деталях.

Он стоял на поверхности одновременно плоской и неровной, покрытой возвышениями и углублениями подобно морщинистой поверхности беспокойного моря. Черный ноздреватый материал под его подошвами был испещрен миниатюрными впадинами и провалами, в которых Кугель скорее чувствовал, нежели видел, движение бесчисленных, почти невидимых точек света. Там, где материал возвышался, образовывался гребень — загнутый, как у набегающей приливной волны, или прямой, жесткий и зазубренный. В том и в другом случаях тонкие края гребней мерцали красным, бледно-голубым

и другими цветами, которых Кугель никогда раньше не наблюдал. Вокруг не было никакого горизонта, причем здесь сами по себе понятия расстояния, пропорциональных соотношений и размеров не поддавались пониманию.

Сверху нависла мертвая, абсолютная пустота. Единственным заметным исключением на небе потустороннего мира был большой диск оттенка дождевой воды — настолько тусклый, что его трудно было найти глазами. На каком-то не поддающемся определению расстоянии (в километре, в десяти километрах, поблизости, в нескольких шагах?) над всей панорамой возвышался некий массивный объект, что-то вроде холма. При ближайшем рассмотрении Кугель осознал, что этот холм — огромная груда желеобразной плоти, внутри которой плавал сферический орган, выполнявший, скорее всего, функцию глаза. Из основания туши по всему морю черного губчатого вещества распространялись, далеко и во все стороны, сотни щупалец. Одно из этих щупалец, лежавшее у ног Кугеля, поднималось через проход между мирами на поверхность Земли.

Кугель нашел мешочек с грезами Айоло в трех шагах от того места, где он стоял первоначально. Черный материал, слегка вмятый упавшим меш-

ком, выделил жидкость, проевшую отверстие в кожаной оболочке, и кристаллические снежинки грез высыпались на губчатую поверхность. Обшаривая яму шестом с крюком на конце, Кугель повредил поросль коричневой пульпы. Сочащаяся из разрывов пульпы жидкость капала на звездчатые кристаллы грез, и, подобрав одну из хрупких снежинок, Кугель увидел, что ее края мерцали радужными переливами всевозможных цветов. Кристалл, в сочетании с пленкой выделений потусторонней пульпы, вызывал неприятные дрожь и чесотку в пальцах.

Стайка небольших сгустков света окружила его голову, и к нему обратился мелодичный голос:

— Кугель, как мы рады, что ты нас навестил! Что ты думаешь о нашей прекрасной стране?

Кугель ошеломленно озирался: каким образом обитатели потустороннего мира могли узнать его имя? Поодаль — ему показалось, что на расстоянии примерно десяти метров, — он заметил нечто вроде кочки из плазмы, напоминавшей вещество огромной туши с плавающим внутри глазом.

Светящиеся сгустки кружились вокруг его головы, и голос звучал у него в ушах:

— Ты в замешательстве, конечно, но помни,

что у нас вещи делаются по-другому: мы передаем мысли маленькими сгустками излучения. Если присмотришься повнимательнее, ты заметишь, как они стремительно переносятся в текучей среде — грациозные светлячки, нетерпеливо стремящиеся освободиться от бремени просвещения. Вот он! Смотри! Прямо у тебя перед глазами повис превосходный экземпляр! Это твоя собственная мысль, по поводу которой ты испытываешь сомнения. Поэтому она неуверенно задержалась, ожидая твоего решения.

— Что, если я буду говорить, как говорят люди? — спросил Кугель. — Разве это не упростит наше общение?

— Совсем наоборот! Звук у нас считается оскорбительной вибрацией, малейшее бормотание у всех вызывает отвращение.

— Все это прекрасно и замечательно, — проворчал Кугель, — но…

— Тихо, молчи! Выделяй концентрации мыслей — никак иначе!

Кугель выделил целую стаю мерцающих смысловых посланий:

— Сделаю все, что в моих силах. Может быть, вы объясните, как далеко простирается ваша страна?

— Точно сказать невозможно. Иногда я посылаю живые мысли вдаль, чтобы исследовать другие места. Посланники всегда сообщают, что везде вокруг — такие же бесконечные просторы, как здесь.

— Герцог Орбаль поручил мне собрать информацию — его заинтересуют ваши замечания. Можно ли у вас найти какие-нибудь драгоценные вещества?

— Кое-какие, кое-где. У нас есть просцедель и дифаний, иногда встречаются замандеры.

— Прежде всего я обязан выполнить указания герцога, но также спасти грезы Айоло. Тем не менее я не прочь приобрести пару драгоценностей — хотя бы на память, в качестве приятных сувениров.

— Понятно! Я сочувствую твоим намерениям.

— В таком случае каким образом я мог бы заполучить некоторое количество таких субстанций?

— Это очень просто. Достаточно разослать средоточия мыслей, чтобы они собрали интересующие тебя вещества. — Плазменная кочка испустила целое облачко бледных сгустков, мгновенно разлетевшихся во всех направлениях и вскоре вернувшихся с несколькими десятками маленьких шариков, мерцавших ледяными

голубыми искорками. — Вот первосортные саламандеры, — сообщило существо. — Прошу их принять вместе с нашими комплиментами.

Кугель положил драгоценности в поясную сумку.

— Ваша система накопления богатства чрезвычайно удобна. Я хотел бы также получить немного дифания.

— Посылай средоточия мыслей! Зачем ходить и шарить руками?

— Я тоже всегда предпочитал не делать лишних усилий, — согласился Кугель и выпустил несколько сот светящихся посланников, вскоре вернувшихся с двадцатью маленькими слитками драгоценного металла.

Кугель изучил содержимое своей сумки.

— Мне все еще пригодилось бы немного просцеделя. С вашего разрешения, я разошлю соответствующие мысли.

— У нас и в мыслях не было вмешиваться, — помыслило существо.

Посланники Кугеля разлетелись и вернулись с таким количеством просцеделя, что его сумка наполнилась до краев. Плазменная кочка задумчиво помыслила:

— Это по меньшей мере половина сокровища

Юфо. Судя по всему, однако, он не заметил пропажу.

— Юфо? — переспросил Кугель. — Вы имеете в виду чудовищную громаду, темнеющую вдали?

— Да-да, это Юфо. Он иногда раздражается и ведет себя нехорошо.

Глаз Юфо переместился так, чтобы сосредоточиться на Кугеле, и выпятился из наружной мембраны. Накатилась целая волна мысленных посланий, пульсирующих настойчивыми значениями:

— Я заметил, что Кугель украл мое сокровище, каковой факт я рассматриваю как нарушение правил гостеприимства! В качестве возмещения он обязан выкопать дважды одиннадцать саламандеров из-под Трепещущих Триливов и просеять Пыль Времени, добыв таким образом восемь фунтов высокопробного просцеделя. Наконец, он обязан очистить скребком восемь акров налета дифания с поверхности Верховного Диска.

— Высокоуважаемый Юфо! — послал свои мысли Кугель. — Ваш приговор суров, но справедлив. Подождите немного, я возьму необходимые для его исполнения инструменты! — Собрав грезы Айоло, он подбежал туда, где устремлялось вверх пойманное щупальце. Схватившись за щупальце,

он закричал, обращаясь к темному отверстию: — Вытаскивайте щупальце, вращайте лебедку! Я нашел грезы!

Щупальце извивалось и бросалось из стороны в сторону, практически блокируя отверстие. Кугель повернулся к желеобразному гиганту, вложил пальцы в рот и оглушительно свистнул. Глаз Юфо закатился, его щупальце бессильно обвисло.

Лебедка потянула щупальце, и Кугеля вытащили на поверхность. Тем временем Юфо пришел в себя: щупальце стало биться с такой силой, что трос лебедки порвался — лебедка отлетела в сторону, свалив с ног несколько человек. Юфо рывком втянул свой отросток, и проход в иной мир мгновенно закрылся.

Кугель презрительно бросил мешочек с грезами к ногам Айоло:

— Вот вам, неблагодарный мерзавец! Заберите свои засахаренные галлюцинации и убирайтесь! Не хочу вас больше видеть!

Повернувшись к герцогу Орбалю, Кугель сказал:

— Теперь я могу отчитаться об условиях, существующих в другом мире. Почва там состоит из черной губчатой субстанции и мерцает ми-

риадами мельчайших сполохов. Исследования не позволили установить наличие каких-либо границ потустороннего мира. Едва различимый бледный диск занимает примерно четверть небосвода. В числе обитателей этого мира я могу назвать прежде всего огромный раздражительный сгусток слизи по имени Юфо; другим, поменьше, свойственно примерно такое же устройство. Там не разрешается издавать звуки; сообщения передаются миниатюрными светящимися сосредоточениями мыслей, способными добывать также все необходимое для жизнеобеспечения. Таковы, по существу, мои наблюдения. И теперь, со всем подобающим случаю уважением, я притязаю на первый приз в размере тысячи терциев.

Из-за спины Кугеля послышался издевательский смех Айоло. Герцог Орбаль покачал головой:

— Дражайший Кугель, удовлетворение ваших претензий невозможно. Какой экспонат вы продемонстрировали? Кузов, нагруженный землей? В нем нет ничего выдающегося.

— Но вы же видели отверстие! Вы видели, как лебедкой вытаскивали щупальце! В полном соответствии с вашими указаниями я спустился в проход, чтобы изучить потусторонний мир!

— Не спорю, но проход и щупальце исчезли. Я ни в коем случае не обвиняю вас в попытке ввести меня в заблуждение, но достоверность вашего отчета трудно подтвердить. Как я могу воздавать почести исключительно на основе мимолетных воспоминаний об уже не существующей яме? Боюсь, что в данном случае вы не получите приз. Он присуждается Зарафламу и его дрессированным тараканам.

— Одну минуту, ваше высочество! — задержал герцога Айоло. — Надеюсь, никто не забыл, что я тоже участник конкурса. И теперь, наконец, я могу продемонстрировать свои достижения! Вот, например, неповторимый, отборный экземпляр, дистиллированный из сочетания сотни грез, пойманных рано утром в месте послеполуденного отдыха прекрасных дев, дремавших под пологом цветущих ароматных лоз.

— Хорошо! — согласился герцог Орбаль. — Присуждение приза откладывается до тех пор, пока мы не испытаем качество ваших грез. В чем заключается процедура? Мне придется приготовиться ко сну?

— Нет-нет, ничего подобного! Поглощение грез в состоянии бдения приводит не к галлюцинациям, а к внушению настроения — к новому,

свежему и приятному ощущению, к обострению чувств, к неописуемому радостному возбуждению. Тем не менее почему бы вам не устроиться поудобнее, прежде чем вы попробуете мои грезы? Эй, там! Принесите ложе! А ты — подложи подушку под благородную голову его высочества! А ты что стоишь? Будь так любезен, сними шляпу его высочества!

Кугель не видел никакого смысла в том, чтобы присутствовать при дальнейших событиях. Он постепенно протиснулся через толпу и прошел по площади в отходящую от нее улицу.

Айоло достал один из своих кристаллов; на какой-то момент его озадачило наличие на нем налета блестящего вязкого вещества, но он решил не слишком беспокоиться об этом и просто вытер пальцы платком.

Величественно жестикулируя, Айоло приблизился к большому удобному креслу, в котором развалился герцог Орбаль.

— Самое беспрепятственное поглощение грез обеспечивается следующим образом, — произнес Айоло, — некоторое количество вкладывается в каждое ухо; еще понемногу — в каждую из ноздрей, а остаток я позволю себе положить под язык вашего высочества. Теперь я попрошу ваше

высочество расслабиться — скорее чем по прошествии одной минуты вы познаете квинтэссенцию сотни изысканных грез.

Герцог Орбаль напрягся всем телом и схватился за ручки кресла. Спина его выгнулась дугой, глаза вылезли из орбит. Он подскочил, кувыркнувшись в воздухе, и принялся кататься, корчиться, прыгать и скакать по площади, провожаемый изумленными глазами подданных.

Айоло возопил звенящим голосом:

— Где Кугель? Схватите негодяя, приведите его сюда!

Но Кугель уже покинул Квирниф — никто не смог его найти.

Глава VI
От Квирнифа до Перголо

1. Четыре колдуна

Так как пребывание Кугеля в Квирнифе было омрачено несколькими нежелательными инцидентами, он покинул город с поспешностью, не оставлявшей места для достоинства. Продравшись через заросли ольхи, он перепрыгнул канаву и выбрался на Старую Фергазскую проезжую дорогу. Задержавшись, чтобы посмотреть по сторонам и прислушаться, он решил, что городские жители, судя по всему, прекратили попытки его догнать, и быстрым шагом направился на запад.

Дорога пересекала обширную голубоватую трясину, местами покрытую небольшими рощами. В этих местах царила зловещая тишина; обозревая болота, Кугель не замечал ничего, кроме бескрайних пространств, бескрайнего неба и одиночества, — нигде не было никаких признаков человеческого жилья.

Со стороны Квирнифа приближалась двуколка, запряженная вериотом-единорогом. Погонял

вериота Баззард, который, подобно Кугелю, пытался участвовать в конкурсе на выставке чудес. Экспонат Баззарда, так же как экспонат Кугеля, дисквалифицировали по техническим причинам.

Баззард остановил двуколку:

— Кугель! Вы тоже решили покинуть квирнифскую выставку?

— По сути дела, у меня не было выбора, — ответил Кугель. — Моя волшебная яма исчезла, осталась только куча земли, которую я с удовольствием передал на попечение герцога Орбаля.

— Я сделал то же самое с моей дохлой рыбой, — заметил Баззард. Взглянув на синеватую трясину, он прибавил: — Опасные места! Азмы следят из каждой рощи. Куда вы направляетесь?

— В конечном счете — в Азеномей, в Альмерию. Но сегодня я был бы рад найти хоть какое-нибудь убежище до наступления темноты.

— В таком случае почему бы вам не поехать со мной? Мне будет веселее в вашей компании. Вечером мы остановимся в гостинице «Железный дровосек», а завтра, скорее всего, прибудем в Ллайо, где я живу с четырьмя отцами.

— С благодарностью приму ваше приглашение! — Кугель взобрался на сиденье, Баззард

подстегнул вериота, и двуколка бодро покатилась по дороге.

Через некоторое время Баззард сказал:

— Если я не ошибаюсь, Юкоуну по прозвищу Смешливый Волшебник проживает в своей усадьбе в Перголо, неподалеку от Азеномея. Вы, случаем, с ним не знакомы?

— Как же! Знаком! — отозвался Кугель. — Он доставил себе удовольствие несколькими шутками за мой счет.

— Ага! В таком случае он, надо полагать, не входит в число ваших ближайших друзей.

Оглянувшись через плечо, Кугель произнес громко и отчетливо:

— Здесь нет никаких стен, но нас все равно могут подслушивать, в связи с чем да будет известно всем заинтересованным лицам, что я испытываю глубокое уважение к чародею Юкоуну.

Баззард понимающе кивнул.

— Как бы то ни было, зачем вы возвращаетесь в Альмерию?

И снова Кугель огляделся по сторонам.

— Опять же, по поводу Юкоуну следует заметить, что многие его приятели сообщают ему обо всем, что они слышали, но время от времени искажают смысл сказанного. Поэтому я стараюсь

не говорить ничего лишнего.

— Весьма предусмотрительно с вашей стороны! — похвалил Баззард. — В Ллайо мои четыре отца соблюдают такую же осторожность.

Немного помолчав, Кугель спросил:

— Я неоднократно встречал отцов четырех сыновей, но никогда еще мне не попадался сын четырех отцов. Как объясняется такое семейное положение?

Баззард недоуменно почесал в затылке:

— Никогда их об этом не спрашивал. Нужно будет поинтересоваться при первой возможности.

Поездка продолжалась без каких-либо происшествий, и вечером второго дня двуколка прибыла в Ллайо — поместье с большой усадьбой, увенчанной крышей с шестнадцатью коньками.

Конюх взял вериота под уздцы, и Баззард, распахнув высокую, окованную чугуном дверь, провел Кугеля в вестибюль, а оттуда — в гостиную. Высокие окна, застекленные двенадцатью фиолетовыми панелями каждое, сгущали свет заходящего Солнца — дымчатые косые лучи озаряли теплыми малиновыми бликами темную дубовую обшивку стен. Значительную часть площади темно-зеленого ковра занимал длинный массивный стол. Повернувшись спинами

к камину, рядышком сидели четыре человека; их отличало то необычное обстоятельство, что, в расчете на всех четверых, у них был один глаз, одно ухо, одна рука и одна нога. Во всех остальных отношениях они походили друг на друга: мелковатые и тощие, с серьезными круглыми физиономиями и коротко подстриженными черными волосами.

Баззард представил гостя и хозяев усадьбы. Пока он говорил, четыре человечка быстро и ловко передавали один другому руку, глаз и ухо таким образом, чтобы каждый из них мог познакомиться с посетителем.

— Этого господина зовут Кугель, — говорил Баззард. — Он — представитель местной знати, проживающий в долине реки Кззан и пострадавший от жестоких шуток персоны, имя которой лучше не произносить вслух. Кугель, позвольте представить вам моих четырех отцов! Их зовут Диссерль, Васкер, Пеласиас и Архимбост; в свое время они пользовались высокой репутацией в качестве чародеев, но пострадали в результате вмешательства некоего шутника-волшебника.

Пеласиас, пользовавшийся в этот момент как глазом, так и ухом, произнес:

— Будьте уверены в том, что мы окажем вам

все возможное гостеприимство! Ллайо слишком редко посещают гости. Как вы повстречались с нашим сыном Баззардом?

— Мы занимали соседние павильоны на выставке, — пояснил Кугель. — При всем моем уважении к герцогу Орбалю, решения он выносил, руководствуясь необоснованными побуждениями, в связи с чем ни Баззарду, ни мне не удалось завоевать приз.

— Кугель нисколько не преувеличивает, — прибавил Баззард. — Мне не позволили даже имитировать песни моих несчастных рыб.

— Жаль! — отозвался Пеласиас. — Тем не менее не сомневаюсь в том, что выставка позволила вам обоим приобрести полезный опыт, так что вы не потеряли время зря. Не так ли, Баззард?

— Совершенно верно, и, раз уж мы затронули вопрос о жизненном опыте, я хотел бы, чтобы вы просветили меня по поводу одного факта, вызывающего у меня замешательство. У одного отца нередко бывает четверо сыновей — но каким образом у одного сына может быть четверо отцов?

Диссерль, Васкер и Архимбост постучали пальцами по столу — имела место быстрая передача глаза, уха и руки. Наконец Васкер ответил, взмахнув рукой:

— Этот вопрос не имеет существенного значения.

Завладев глазом и ухом, Архимбост внимательно рассмотрел Кугеля. По-видимому, особый интерес у него вызвала зеленая кепка, к которой Кугель снова прикрепил брызгосвет.

— Весьма примечательное украшение! — заметил Архимбост.

Кугель вежливо поклонился:

— Да, оно мне нравится.

— Каково его происхождение? Не могли бы вы предоставить нам какие-нибудь сведения?

Кугель с улыбкой покачал головой:

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом. По словам Баззарда, у нас есть кое-какие общие знакомые, в том числе благородный, пользующийся повсеместной популярностью чародей Юкоуну.

Глаз Архимбоста недоуменно моргнул:

— Вы имеете в виду желтушного, безнравственного, отвратительного мерзавца Юкоуну, которого иногда называют Смешливым Волшебником?

Кугель поморщился и содрогнулся:

— Никогда не стал бы отзываться столь оскорбительным образом об уважаемом Юкоуну — тем более, если бы у меня были все основания пола-

гать, что нас может подслушивать кто-нибудь из преданных ему шпионов.

— Ага! — воскликнул Архимбост. — Теперь мне понятна ваша удивительная скромность! Не беспокойтесь! Нас охраняет предупреждающее устройство. Здесь вы можете говорить без опасений.

— В таком случае должен признать, что между мной и Юкоуну нет тесных дружеских отношений, накладывающих обязательства. Не так давно по его приказу демон с громадными кожистыми крыльями перенес меня через океан Вздохов и сбросил на холодный, унылый пляж, именуемый Голечной косой.

— Не слишком забавная шутка! — заявил Баззард.

— Я тоже так думаю, — отозвался Кугель. — Что же касается украшения на моей кепке, это на самом деле так называемый пекторальный неборазрывный брызгосвет, центральная нагрудная чешуйка демиурга Скорогроха. Брызгосвет оказывает магическое воздействие, которое, честно говоря, мне не совсем понятно, и к нему опасно прикасаться сухими руками.

— Все это очень замечательно, — обиделся Баззард, — но почему вы не пожелали рассказать об

этом раньше?

— В связи с одним любопытнейшим фактом: Юкоуну принадлежат все остальные чешуйки Скорогроха, поэтому он страстно желает приобрести брызгосвет и готов использовать с этой целью весь свой обширный и разнообразный арсенал подлостей.

— Действительно, чрезвычайно любопытно! — воскликнул Архимбост. Он и его братья стремительно обменялись шквалом сообщений, точно и ловко перекидывая друг другу глаз, ухо и руку. Наблюдая за ними, Кугель начал наконец догадываться, каким образом Баззард мог оказаться сыном четырех отцов.

Через некоторое время Васкер спросил:

— Каковы ваши планы в отношении Юкоуну и вашей необыкновенной чешуйки?

— Не могу с уверенностью ответить на ваш вопрос, меня мучают сомнения, — признался Кугель. — Юкоуну жаждет заполучить брызгосвет, бесспорно! Он подойдет ко мне и скажет: «Ах, дражайший Кугель! Вы принесли мне брызгосвет — как это любезно с вашей стороны! Отдайте его мне, если не хотите, чтобы я сыграл с вами очередную шутку!» Что мне делать в таком случае? У меня не останется никаких преимуществ. Когда

имеешь дело с Юкоуну, приходится постоянно уворачиваться, прыгая из стороны в сторону. Я человек догадливый и проворный, но достаточно ли этих качеств?

— По-видимому, недостаточно, — сказал Васкер. — Тем не менее…

Послышался какой-то шипящий звук. Васкер тотчас же придал своему голосу выражение почтительного волнения, вызванного приятным воспоминанием:

— Да-да, почтеннейший Юкоуну, как же! Просто удивительно, Кугель, что он тоже оказался в числе ваших лучших друзей!

Заметив тайный знак, поданный Баззардом, Кугель отозвался столь же мелодичным тоном:

— Вот именно! Между нами были некоторые расхождения, но разве это не случается со всеми? Что было, то прошло — уверен, что такого мнения придерживаемся мы оба.

Баззард произнес:

— Если у вас будет возможность повидаться с ним в Альмерии, пожалуйста, передайте ему наши наилучшие пожелания!

— С Юкоуну я, скорее всего, не увижусь, — с сожалением ответил Кугель. — Я собираюсь уйти на покой — у меня есть уютная маленькая из-

бушка над рекой Сьюн. Возможно, мало-помалу я научусь какому-нибудь полезному ремеслу.

— В целом это разумный план, — одобрил Архимбост. — Что же ты не расскажешь нам, Баззард, о том, что происходило на выставке?

— Все было подготовлено просто замечательно, — сказал Баззард. — Это не подлежит сомнению! Кугель продемонстрировал яму, служившую входом в потусторонний мир, но герцог Орбаль исключил его из числа возможных призеров на том основании, что яма сама собой исчезла. Ксаллопс похвастался «Универсальным компендиумом знаний» и произвел на всех глубокое впечатление. На крышке переплета этой энциклопедии была выдавлена гностическая эмблема, вот такая…

Баззард взял перо и бумагу и набросал на ней несколько слов: «*Не смотрите вверх! У нас над головами летает шпион Юкоуну — он притворился струйкой дыма*».

— Взгляните, Кугель! Я правильно изобразил эмблему?

— Да, примерно так она и выглядела, хотя вы пропустили несколько существенных завитков.

— Меня часто подводит память, — сокрушенно заметил Баззард, скомкал бумагу и выбросил ее в

пылающий камин.

Васкер спросил:

— Дружище Кугель, надеюсь, вы не откажетесь от глотка диссака? Или, может быть, вы предпочитаете вино?

— Меня вполне устроит как то, так и другое, — сказал Кугель.

— В таком случае рекомендую диссак. Мы дистиллируем его сами — это настойка из местных трав. Баззард, обслужи нас, пожалуйста.

Пока Баззард разливал настойку, Кугель обвел помещение притворно рассеянным взглядом. В тени под потолком он заметил струйку дыма, из которой выглядывала пара красноватых глазок.

Васкер стал монотонно рассказывать о птичнике усадьбы Ллайо, сокрушаясь по поводу высоких цен на птичий корм. Наконец шпиону наскучили эти жалобы; струйка дыма соскользнула вдоль стены, метнулась в дымоход и исчезла.

Пеласиас взглянул на Баззарда единственным глазом:

— Ты перезапустил сигнализацию?

— Разумеется.

— Тогда мы снова можем говорить откровенно. Кугель, не стану ничего скрывать. В свое время мы были уважаемыми чародеями, но Юкоуну

сыграл с нами шутку, все еще причиняющую нам почти невыносимые неудобства. Наши магические навыки практически утрачены — у нас ничего не осталось, кроме почти несбыточных надежд и, разумеется, нашей неутолимой ненависти к Юкоуну.

— Хорошо вас понимаю! Что вы предлагаете?

— Еще важнее знать, что вы сами собираетесь делать. Юкоуну безжалостно отберет у вас волшебную чешуйку, хохоча и устраивая издевательские фокусы. Как вы этому воспрепятствуете?

Кугель тревожно погладил подбородок:

— Я долго думал об этом.

— И что вы придумали?

— Возможно, мне следовало бы спрятать чешуйку и привести Юкоуну в замешательство всевозможными намеками и западнями. Но меня уже одолевают сомнения по этому поводу. Юкоуну может просто-напросто игнорировать мои головоломки и предпочесть, например, «Торжествующие дисплазмы» Пангвира. Разумеется, я успею сказать: «Юкоуну, ваши шутки превосходны — вы получите брызгосвет!» Можно надеяться, что он согласится принять чешуйку в дар лицом к лицу, принимая мою щедрость за

чистую монету.

— Как такая щедрость будет способствовать достижению ваших целей?

Кугель посмотрел вокруг:

— Вы уверены, что нас не подслушивают?

— Совершенно уверен.

— В таком случае позвольте сообщить об одном многозначительном обстоятельстве. Чешуйка поглощает того, кто к ней прикасается, если этому не мешает влага, уменьшающая ее прожорливость.

Пеласиас взглянул на Кугеля с возросшим уважением:

— Должен сказать, вы носите это смертоносное украшение с завидным апломбом!

— Я никогда не забываю о его присутствии. Чешуйка уже поглотила пельграна и самку помеси вазиля и вурдалака.

— Ага! — воскликнул Пеласиас. — Давайте же испытаем ее эффективность. В нашем птичнике попалась в ловушку ласка, ожидающая расправы. Почему бы не уничтожить ее вашим украшением?

— Как вам будет угодно, — согласился Кугель.

Баззард принес посаженного в клетку мелкого хищника, огрызавшегося и шипевшего на всех,

кто к нему приближался. Смочив ладони и пальцы водой, Кугель привязал чешуйку к концу палки и ткнул палкой в ласку — та мгновенно исчезла. Округлый выступ в центре брызгосвета стал переливаться красным светом ярче прежнего, причем чешуйка дрожала настолько энергично, что Кугель побоялся нацеплять ее на кепку. Обернув ее несколько раз куском плотной материи, он засунул брызгосвет в поясную сумку.

Глазом и ухом теперь распоряжался Диссерль.

— Магическая эффективность украшения продемонстрирована. Тем не менее она не оказывает никакого положительного воздействия. Вам нужна наша помощь — несмотря на ничтожество наших нынешних возможностей. Если вы добьетесь успеха, может быть, вам удастся восстановить наши утерянные органы.

— Они могут быть уже непригодны к эксплуатации, — с сомнением заметил Кугель.

— По этому поводу беспокоиться не следует, — уверенно возразил Диссерль. — Органы хранятся в подвальном сейфе Юкоуну и находятся в «стазе», в том состоянии, в котором он их похитил.

— Рад слышать! — отозвался Кугель. — Я принимаю ваши условия и хотел бы знать, как вы

могли бы мне помочь.

— Прежде всего и превыше всего мы должны предотвратить всякую возможность насильственного, принудительного приобретения чешуйки Смешливым Волшебником с помощью «Секвестрирующей дигитализации» Арнхульта или посредством остановки времени — например, в результате применения «Бесконечной интерлюдии». Будучи лишенным такой возможности, он вынужден будет играть по нашим правилам, и победа будет в ваших руках.

Органы передали Васкеру.

— Ко мне уже возвращаются былые надежды! В лице Кугеля мы встретили человека, способного столкнуться нос к носу с Юкоуну и не моргнуть глазом!

Кугель вскочил на ноги и принялся нервно расхаживать по гостиной.

— Дерзость может оказаться не самым лучшим подходом. В конце концов, Юкоуну известны тысячи подвохов. Как мы заставим его воздержаться от применения магических чар? В этом и заключается основная проблема.

— Я посоветуюсь с братьями, — пообещал Васкер. — Баззард, вы с Кугелем можете отужинать в Трофейном зале. Не забывайте о шпионах.

Покончив с сытным ужином, Баззард и Кугель вернулись в гостиную, где четыре колдуна по очереди прихлебывали чай из огромной кружки. Пеласиас, в данный момент завладевший глазом, рукой и ухом, произнес:

— Мы проконсультировались с «Пандемониумом» Боберга, а также с «Указателем» Вапуриалов. Теперь мы убеждены в том, что вы носите с собой не просто магическое украшение. По сути дела, неборазрывный брызгосвет — центральный церебральный узел Скорогроха. Этот узел поглотил нескольких существ, отличающихся весьма агрессивным характером, в том числе ласку из нашего птичника, и теперь проявляет признаки жизнеспособности, как если бы пробуждался от спячки. В настоящее время нельзя позволить Скорогроху впитывать дополнительную энергию.

Пеласиас передал органы Архимбосту. Тот сказал:

— Мы руководствуемся чистой логикой. Постулат первый: чтобы достигнуть наших целей, Кугель должен встретиться с Юкоуну лицом к лицу. Постулат второй: необходимо предотвратить немедленный захват брызгосвета Смешливым Волшебником.

Кугель нахмурился:

— Ваши постулаты весьма логичны, но я предлагаю несколько более изобретательную программу. Чешуйку следует использовать как приманку, ведущую в западню; Юкоуну, движимый страстью неизлечимого коллекционера, поспешит завладеть приманкой и станет беспомощным.

— Неприменимый план — по трем причинам. Во-первых, за вами будут следить шпионы — или даже Юкоуну собственной персоной. Во-вторых, Юкоуну почует западню издалека и заведет в нее какого-нибудь случайного прохожего или вас самого. В-третьих, вместо того чтобы вести какие-либо переговоры, Юкоуну воспользуется «Старомодным фрустом» Тинклера, и вам придется бежать из Перголо десятиметровыми прыжками, чтобы достать чешуйку и принести ее Смешливому Волшебнику.

Кугель поднял руку:

— Давайте вернемся к постулатам чистой логики. Насколько я понял, третий постулат заключается в том, что нельзя позволить Юкоуну немедленно заполучить брызгосвет. Что дальше?

— Мы сделали несколько взаимозависимых выводов. С тем чтобы предотвратить быстрый

захват чешуйки изнывающим от алчности волшебником, вы должны изображать униженное послушание, как побитый пес, — тщеславный Юкоуну, несомненно, будет воспринимать такое поведение как должное. После этого нужно каким-то образом привести его в замешательство — в этом отношении существует множество доступных вариантов. Поэтому завтра Баззард изготовит дубликат брызгосвета, используя в качестве центрального узла полудрагоценный красный гиполит. Затем он зацементирует эту копию на вашем головном уборе в застывшей основе взрывчатого диамбройда.

— Мне придется надеть взрывчатую кепку? — спросил Кугель.

— Конечно! В таком случае у вас будут три возможности. Если Юкоуну попробует применить какой-нибудь трюк, он взлетит на воздух вместе с вами и со всей своей усадьбой. Или вы можете передать кепку Смешливому Волшебнику, а затем отойти подальше и ждать взрыва. Кроме того, даже если Юкоуну обнаружит опасность, открываются другие возможности. Например, вы можете тянуть время, а затем прикоснуться к Юкоуну настоящим брызгосветом.

Кугель погладил подбородок:

— Каковы бы ни были ваши постулаты и выводы, я не хотел бы носить кепку, содержащую заряд взрывчатки.

Архимбост защищал преимущества предложенного плана, но не сумел убедить Кугеля. Слегка помрачнев, Архимбост передал органы Васкеру. Тот сказал:

— Я предлагаю другой, хотя и в чем-то сходный с первым, вариант. Так же как в первом случае, Кугель, вы должны проникнуть в Альмерию незаметно. Не бросайтесь в глаза, идите по обочинам дорог, закрывая лицо капюшоном плаща, называйтесь любым именем, кроме своего собственного. Юкоуну будет заинтригован и пожелает вас найти. Встретив его, проявляйте сдержанную вежливость. Спокойно отказываясь от любых предложений, идите своей дорогой. Такое поведение, конечно же, спровоцирует Юкоуну, и он позволит себе тот или иной поспешный и непродуманный поступок. В этот момент вам надлежит действовать решительно!

— Неужели? — спросил Кугель. — Что, если он просто-напросто сорвет с моей головы кепку с чешуйкой — настоящей или фальшивой — и откажется ее отдать?

— В этом и заключается преимущество плана

Архимбоста, — напомнил Васкер.

Кугель закусил нижнюю губу:

— И тому и другому варианту не хватает изящества и законченности.

Получив органы, Архимбост настаивал:

— Я предложил наилучший вариант! Что вы предпочитаете: «безысходную инкапсуляцию» на глубине шестидесяти километров или мгновенную легкую смерть при взрыве пятидесяти граммов диамбройда?

Баззард, до сих пор молчавший, позволил себе высказаться:

— Потребуется лишь минимальное количество диамбройда — опасения Кугеля излишни. Десяти граммов достаточно для того, чтобы взрыв оторвал Смешливому Волшебнику руку вместе с плечом, если он позволит себе схватить кепку.

— Превосходный компромисс! — похвалил Васкер. — Баззард, у тебя есть голова на плечах! И, в конце концов, диамбройд может не понадобиться. Не сомневаюсь, что Кугель сумеет обвести Юкоуну вокруг пальца.

Диссерль придерживался сходного мнения:

— Притворитесь робким и послушным, и тщеславие Юкоуну предоставит вам преимущество!

Пеласиас сказал:

— Главное, не позволяйте Юкоуну делать вам какие-либо одолжения, иначе вы будете ему обязаны, а это не лучше, чем упасть в бездонную пропасть. Однажды…

Послышалось внезапное шипение: система сигнализации зарегистрировала присутствие шпиона.

— Так что возьмите с собой кулек изюма и сушеных фруктов, — скучающим тоном протянул Пеласиас. — Вам предстоит долгий и трудный путь — особенно в том случае, если вы пойдете Старой Фергазской дорогой, повторяющей повороты всех излучин Сьюна. Почему бы вам не выбрать другой маршрут? Например, через Тон-Тассель на берегу Блестящих Вод?

— Удачная мысль! Увы, идти придется долго, в том числе по темному лесу Даа, но я надеюсь держаться как можно незаметнее и ни с кем не встречаться, даже со старыми друзьями.

— И что вы намерены делать, когда вернетесь в Альмерию?

Кугель печально усмехнулся:

— Как я уже упоминал, поселюсь в избушке над рекой и проведу там остаток своих дней. Может быть, стану приторговывать орехами и диким медом.

— Свежий хлеб домашней выпечки всегда пользуется спросом, — заметил Баззард.

— Еще одна удачная мысль! Опять же, я могу заняться поисками древних образцов каллиграфии или просто предаваться медитации, глядя на журчащие речные воды. По меньшей мере таковы мои скромные надежды.

— Вы представляете себе приятное будущее! Если бы только мы могли как-нибудь способствовать вашему возвращению домой! Но магические чары нам уже почти неподвластны; нам известно только одно полезное заклинание — «Двенадцатикратное пособие» Брассмана, превращающее один терций в дюжину монет. Мы научили этому трюку Баззарда, чтобы он никогда ни в чем не нуждался. Может быть, он поделится с вами этой формулой.

— С удовольствием, — согласился Баззард. — Вам она очень пригодится!

— Премного благодарен, — отозвался Кугель. — Кроме того, пакет с орехами и сушеными фруктами поможет мне скоротать время в пути.

— Вот именно! Может быть, вы оставите у нас в качестве сувенира кокарду с вашей кепки? Глядя на нее, мы будем вспоминать о вас долгими осенними вечерами.

Кугель с сожалением покачал головой:

— Все что угодно, но только не это! Я никогда не расстанусь со своим талисманом — он приносит удачу!

— Неважно! Мы вас не забудем в любом случае. Баззард, подбрось дров в камин! Сегодня почему-то похолодало раньше времени.

Разговор продолжался в том же духе, пока шпион не удалился, после чего, по просьбе Кугеля, Баззард научил его последовательности слогов, приводившей в действие «Двенадцатикратное пособие» Брассмана. После этого Баззарду неожиданно пришла в голову другая мысль. Обратившись к Васкеру, ставшему временным обладателем глаза, уха и руки, сын четырех отцов сказал:

— В пути Кугелю могло бы оказаться полезным еще одно заклинание, а именно «Заговóр неустанных ног».

Васкер усмехнулся:

— Что ты придумал? Кугель не захочет пользоваться заклинанием, как правило предназначенным для вериотов! Этот заговóр несовместим с его достоинством.

— Я готов поступиться достоинством, если это целесообразно с практической точки зре-

ния, — возразил Кугель. — Как действует это заклинание?

— Оно защищает ноги от усталости, вызванной непрерывной ходьбой, — почти извиняющимся тоном ответил Баззард. — Как упомянул Васкер, обычно мы его применяем, чтобы подбодрить вериотов.

— Я над этим еще подумаю, — сказал Кугель, и на этом обсуждение закончилось.

Наутро Баззард привел Кугеля к себе в мастерскую, где, пользуясь влажными перчатками, изготовил дубликат брызгосвета из полновесного золота, с центральным узлом из пламенно-красного гиполита.

— А теперь, — пробормотал Баззард, — добавим десять или двенадцать граммов диамбройда. Таким образом, Юкоуну не избежит заслуженной судьбы.

Кугель угрюмо наблюдал за тем, как Баззард цементировал диамбройд с тыльной стороны украшения, а затем прикрепил фальшивый брызгосвет к зеленой кепке, пользуясь потайной застежкой.

— Вам это нисколько не помешает носить кепку, — заверил его Баззард.

Кугель опасливо надел кепку.

— Не вижу особого преимущества в том, чтобы носить эту взрывоопасную подделку — с тем исключением, конечно, что любой обман может оказаться полезным, в зависимости от ситуации. — Настоящий брызгосвет Кугель положил в кармашек особой перчатки, предоставленной ему четырьмя колдунами.

— Я приготовлю для вас пакет с орехами и фруктами, — сказал Баззард. — Можно считать, что вы готовы отправиться в дорогу. Не задерживаясь, вы сможете дойти до Тон-Тасселя у Блестящих Вод до наступления ночи.

Кугель задумчиво произнес:

— Размышляя о предстоящем пути, я все больше склоняюсь к тому, что мне мог бы оказаться полезным «Заговор неустанных ног».

— О, этот вопрос можно решить за несколько минут, — пообещал Баззард. — Давайте проконсультируемся с отцами.

Они вернулись в гостиную, где Архимбост сверился с перечнем заклинаний. С трудом запомнив последовательность слогов, он высвободил энергию заговóра в направлении Кугеля.

К изумлению присутствующих, поток энергии отскочил от ног Кугеля, устремился к ним снова и снова отскочил, отразился от одной стены,

затем от другой и, наконец, испарился на полу, производя тихие скребущие звуки.

Четыре колдуна долго советовались. Наконец Диссерль повернулся к Кугелю.

— В высшей степени необычный эффект! Его можно объяснить только тем, что вы носите с собой брызгосвет — его потустороннее воздействие защищает вас от заговóров подобно непроницаемой оболочке.

Баззард возбужденно воскликнул:

— Попробуйте на Кугеле заговóр «Внутреннего вспучивания»! Если он не сработает, мы будем знать наверняка, что тут не обошлось без магии Высшего Света!

— Что, если заговóр сработает? — холодно спросил Диссерль. — Чего после этого будет стоить наше гостеприимство?

— Прошу прощения! — спохватился Баззард. — Я увлекся и не подумал.

— Похоже, мне придется обойтись без «неустанных ног», — заключил Кугель. — Неважно! Я привык к далеким переходам. Мне пора с вами попрощаться.

— Мы возлагаем на вас все надежды! — напомнил Васкер. — Помните: решительность и осторожность лучше всего работают вместе!

— Благодарю вас за мудрые советы, — поклонился Кугель. — Теперь все будет зависеть от Юкоуну. Если алчность заставит его забыть о предусмотрительности, вы скоро сможете пользоваться вашими утерянными органами. Баззард, наше случайное знакомство оказалось полезным — надеюсь, для всех заинтересованных лиц.

С этими словами Кугель покинул усадьбу Ллайо.

2. Брызгосвет

Там, где мост из черного стекла позволял перейти через реку Сьюн, Кугель заметил знак, оповещавший о том, что он вновь оказался в границах Альмерии.

После развилки Старая Фергазская дорога продолжала следовать по берегу Сьюна, тогда как тракт Легионеров Короля Канга поворачивал на юг и поднимался в Висячие Холмы, после чего спускался в долину реки Кззан.

Кугель повернул направо — то есть на запад, в сельскую местность, где многочисленные фермы были отделены одна от другой аккуратными рядами мальгунов с высокими узкими кронами.

Из леса Даа вытекал ручей — один из притоков реки Сьюн; дорога пересекала его по мосту из трех

арок. На другом берегу, прислонившись спиной к темному стволу дамсона, стоял Юкоуну.

Кугель остановился как вкопанный. В конце концов он решил, что видит не призрака, не желтолицую галлюцинацию с обвисшими щеками, а Смешливого Волшебника собственной персоной. Узкоплечую и толстозадую фигуру Юкоуну облегал рыжевато-коричневый сюртук, а его тонкие ноги были туго обтянуты розовыми брюками в черную полоску.

Кугель не ожидал увидеть врага так скоро. Наклонившись вперед, он присмотрелся, словно не доверяя своим глазам:

— Юкоуну? Я не ошибся?

— Вы не ошиблись, — ответил Юкоуну; его бегающие желтые глаза смотрели куда угодно, только не на Кугеля.

— Поистине неожиданная встреча!

Юкоуну прикрыл рот ладонью, чтобы скрыть невольную усмешку:

— Надеюсь, это приятный сюрприз?

— Конечно, конечно! Никак не ожидал увидеть вас по дороге, так далеко от вашей усадьбы, и даже сначала испугался. Вы решили поудить рыбу на мосту? У меня, к сожалению, нет с собой ни лески, ни крючков.

Медленно повернув голову, Юкоуну взглянул Кугелю в лицо из-под полуопущенных век:

— Я тоже не ожидал, что вы вернетесь из дальних стран. Почему вы повернули в эту сторону? Раньше вы предпочитали мошенничать в долине Кззана.

— Я нарочно избегаю тех мест, где меня хорошо помнят, — пояснил Кугель. — Кроме того, мои старые привычки оказались неприбыльными.

— В жизни каждого человека настает время перемен, — рассуждал Юкоуну. — Я тоже претерпеваю своего рода преобразование — в такой степени, что это может вас удивить. — Смешливый Волшебник вынул изо рта разжеванную соломинку и энергично продолжил: — Кугель, вы неплохо выглядите! Вам идет этот костюм, в том числе зеленая кепка! Где вы нашли такое чарующее взор украшение?

Кугель поднял руку к кепке и прикоснулся к фальшивой чешуйке.

— Вы имеете в виду эту безделушку? Это мой талисман, он приносит удачу. Я нашел его неподалеку от Голечной косы.

— Надеюсь, вы принесли мне еще один сувенир, который выглядит примерно так же?

Кугель с сожалением покачал головой:

— Мне удалось найти только один экземпляр такого качества.

— Жаль. Я разочарован. Чем вы намерены теперь заниматься?

— Я хотел бы вести простую, неприхотливую жизнь в избушке на берегу Сьюна — сидеть на крыльце над водой, погрузившись в медитацию. Может быть, я займусь каллиграфией. Может быть, у меня наконец будет время прочесть «Исчерпывающую краткую историю всех эонов» Стафдайка: на этот труд все ссылаются, но его никто на самом деле не изучал — возможно, за исключением вас.

— Да, я хорошо знаком с этим трактатом. Значит, странствия позволили вам приобрести финансовые средства, достаточные для удовлетворения ваших желаний?

Кугель с улыбкой покачал головой:

— Я так и не разбогател — мне придется жить очень скромно.

— Но украшение на вашем головном уборе не позволяет сделать такой вывод. Разве это не драгоценность? Центральный выступ — или узелок — выглядит так, будто сделан из первосортного гиполита.

Кугель снова покачал головой:

— Это всего лишь стекло, отражающее солнечные лучи.

Юкоуну неопределенно хмыкнул:

— На этой дороге нередко промышляют разбойники. И прежде всего их заинтересовала бы драгоценность, украшающая вашу кепку.

Кугель усмехнулся:

— Тем хуже для них.

Юкоуну тут же встрепенулся:

— Почему же?

Кугель погладил украшение пальцами.

— Любой, кто попытается отобрать у меня эту безделушку, будет разорван на куски.

— Смелое, но эффективное решение проблемы, — кивнул Юкоуну. — Что ж, мне пора заниматься своими делами.

Юкоуну исчез — растворился в воздухе, как призрак. Убежденный в том, что шпионы Смешливого Волшебника следили за каждым его шагом, Кугель пожал плечами и продолжил путь.

Незадолго до захода Солнца Кугель прибыл в деревню Флат-Фойри и остановился на постоялом дворе «Под пятью флагами». Ужиная в трактире, он познакомился с неким Лорганом, торговцем художественными вышивками. Лорган любил

поболтать и много пил. В этот вечер Кугель не ощущал особой склонности ни к болтовне, ни к пьянству и ушел к себе в комнату пораньше. Лорган тем временем продолжал многословную и разгоряченную вином беседу с несколькими местными купцами.

Кугель закрылся в спальне на замок, после чего тщательно осмотрел помещение при свете потолочной лампы. Постель на койке выглядела чистой, из окон открывался вид на небольшой огород, из трактира доносились приглушенные восклицания и песни веселящихся постояльцев. Удовлетворенно вздохнув, Кугель потушил лампу и улегся на койку.

Когда Кугель уже почти задремал, ему показалось, что раздался какой-то необычный звук. Приподняв голову, он прислушался, но звук не повторился. Кугель снова положил голову на подушку. Звук раздался снова — на этот раз громче, и откуда-то из теней вылетела дюжина больших, шуршащих крыльями в воздухе существ, похожих на летучих мышей. Они облепили Кугелю лицо, вцепившись когтями в шею, чтобы отвлечь его внимание, в то время как другое существо, с телом извивающегося черного угря, схватило длинными дрожащими руками зеленую кепку.

Кугель оторвал от шеи летучих мышей и прикоснулся к угревидной твари брызгосветом, что привело к ее мгновенному исчезновению, тогда как летучие мыши, с писком метавшиеся по комнате, хлопая крыльями, улетели сквозь потолок и стены.

Кугель зажег лампу. На первый взгляд все было в порядке. Немного поразмышляв, он вышел в коридор и заглянул в соседнюю комнату, оказавшуюся пустой, и тут же туда переселился.

Через час его покой был снова нарушен — на этот раз пьяным Лорганом, с трудом державшимся на ногах. Увидев Кугеля, он удивленно моргнул:

— Кугель? Почему вы спите в моей постели?

— Вы ошиблись, — поднял голову Кугель. — Ваша комната — следующая по коридору.

— Ага! Все понятно! Примите мои глубочайшие извинения!

— Ничего страшного, — сказал Кугель. — Спокойной ночи.

— Спасибо! — пошатываясь и держась за стены, Лорган пошел спать. Кугель закрыл дверь на замок, снова бросился на кровать и спокойно провел остаток ночи, не обращая внимания на странные звуки и приглушенные вопли, доно-

сившиеся из соседней комнаты.

Утром, когда Кугель уже завтракал, Лорган спустился, прихрамывая, по лестнице, и рассказал Кугелю о ночных событиях:

— Я уже устроился поудобнее и закрыл глаза, и тут (вы представить себе такое не можете!) ко мне в окно забрались два психотавра с толстенными руками, зелеными глазищами и без шеи! Они принялись меня колотить — я напрасно звал на помощь и просил пощады. Потом они схватили мою шляпу и выскочили в окно. Я думал, что они ушли, но они вернулись и снова стали меня колотить, приговаривая: «А это тебе за то, что из-за тебя нам влепили выговор!» И только после этого они на самом деле от меня отстали. Вы когда-нибудь слышали о чем-нибудь подобном?

— Нет, никогда! — откликнулся Кугель. — Это просто возмутительно!

— Странные вещи случаются в здешних краях, — пробормотал Лорган. — Больше не буду ночевать в этой деревне.

— Разумное решение, — согласился Кугель. — А теперь прошу меня извинить — мне пора.

Кугель уплатил по счету и вышел на дорогу; дальнейших происшествий этим утром не было.

Ближе к полудню Кугель заметил на зеленом

лугу у дороги розовый шелковый шатер. В шатре за столом, ломившимся от аппетитных блюд и напитков, сидел Юкоуну. Увидев Кугеля, Смешливый Волшебник подскочил от удивления:

— Кугель! Какая приятная неожиданность! Присоединяйтесь ко мне — закусим и поболтаем!

Кугель измерил взглядом расстояние между Юкоуну и тем местом, которое волшебник предложил ему занять; оттуда он не смог бы дотянуться до Юкоуну брызгосветом, спрятанным в перчатке.

Кугель покачал головой:

— Я сегодня плотно позавтракал и недавно закусил орехами с изюмом. Должен заметить, вы выбрали удачное место для пикника. Желаю вам хорошо закусить! До свидания!

— Подождите, Кугель! Еще одну минутку! Выпейте со мной бокал этой коллекционной «Фазолы»! Она вас взбодрит, вам будет веселее идти.

— Подозреваю, что от этого вина я усну в канаве. Прощайте, Юкоуну.

Рот Смешливого Волшебника покривился гримасой, но к нему тут же вернулось великодушное дружелюбие:

— Кугель, позвольте пригласить вас в мою

усадьбу в Перголо. Надеюсь, вы не забыли, как там удобно и сколько там интереснейших вещей? Каждый вечер мы будем устраивать роскошный пир. Кроме того, я открыл новую область магии, позволяющую вызывать выдающихся деятелей далекого прошлого. Мы славно развлечемся в Перголо!

Кугель недовольно отмахнулся:

— Вы распеваете соблазнительные песенки, как сирена! Посещение вашей усадьбы может снова пробудить во мне вкус к чревоугодию и прочим пресыщениям! Но я уже не тот сорвиголова Кугель, каким был прежде, — я стремлюсь к умеренности и простоте.

Юкоуну с трудом сдерживался от гнева.

— Это более чем очевидно. — Откинувшись на спинку стула, он мрачно сосредоточил взгляд на зеленой кепке Кугеля. Внезапно встрепенувшись, он нетерпеливо махнул рукой и пробормотал заклинание из одиннадцати слогов — воздух между ним и Кугелем сгустился и закрутился множеством вихрей. Магические потоки энергии ринулись к Кугелю, но обогнули его и с треском разлетелись во все стороны, оставляя на лугу дымящиеся полосы выжженной травы.

Желтые глаза Юкоуну изумленно выпучились;

Кугель, однако, сделал вид, что не придает никакого значения этому инциденту. Вежливо поклонившись Смешливому Волшебнику, он пошел своей дорогой.

Целый час Кугель шел размашистой походкой на полусогнутых ногах, позволившей ему преодолеть невероятные расстояния. Справа на пологих склонах начинался великий лес Даа, выглядевший светлее и приветливее далекого северного Долгого Эрма. Река и дорога погрузились в тень, все звуки стали приглушенными. Вдоль обочин красовались цветы на длинных стеблях: делиции, колокольчики, розетты, камышовые блестки. Грибы-кораллы висели на трухлявых пнях, как обрывки ажурного шелка. Коричневато-красные косые солнечные лучи пронизывали лесные прогалины, образуя нечто вроде светящейся полутьмы, насыщенной десятками темных оттенков. Здесь ничто не шевелилось и все молчало, за исключением далекой птицы, время от времени заливавшейся трелью.

Несмотря на то что, по всей видимости, его никто не преследовал, Кугель шел мягко и бесшумно, придерживая рукой эфес шпаги: великий лес Даа нередко открывал свои ужасные тайны неопытным и слишком самоуверенным пут-

никам.

Мало-помалу лес поредел, отступая на север. Кугель вышел на развилку; здесь его поджидал прекрасный экипаж на двойных рессорах, с четырьмя белыми вериотами в упряжке. Высоко на козлах сидели две девы с длинными оранжевыми волосами, изумрудными глазами и загорелой дымчатой кожей. На них были темно-коричневые ливреи с желтовато-белыми узорами. Покосившись на Кугеля, девы тут же отвели глаза, уставившись прямо перед собой.

Юкоуну распахнул дверь экипажа:

— Привет, Кугель! Я случайно проезжал в этих местах — и надо же! Мимо спешит старина Кугель! Не ожидал, что вы успеете уйти так далеко.

— Мне нравится ходить и видеть мир, я привык к дальним странствиям, — отозвался Кугель. — Спешу я только потому, что надеюсь добраться до Тон-Тасселя до наступления темноты. Прошу меня извинить, но мне больше не хочется продолжать этот разговор.

— А зря! Я как раз направляюсь в Тон-Тассель. Садитесь в карету, поедем вместе!

Кугель колебался, глядя то в одну, то в другую сторону. Юкоуну наконец потерял терпение:

— Так что же? — рявкнул он. — Что вам опять

мешает?

Кугель попытался изобразить извиняющуюся улыбку:

— С некоторых пор я никогда не пользуюсь услугами, ничего не предлагая взамен. Такое правило позволяет предотвращать недоразумения.

Юкоуну укоризненно опустил влажные веки.

— Зачем беспокоиться о мелочах? Садитесь в экипаж, Кугель, — по дороге вы сможете подробнее рассказать мне о ваших новых нравственных принципах.

— Хорошо! — согласился наконец Кугель. — Я доеду с вами до Тон-Тасселя, но прежде вы должны принять от меня эти три терция в качестве полной, точной, окончательной, всесторонней и бесспорной оплаты поездки и любых других связанных с этой поездкой дополнительных и сопровождающих обстоятельств, результатов и последствий, непосредственных и опосредованных, безотзывно отказываясь от любых прочих претензий, ныне и вовеки веков, в том числе в прошлом и в будущем, без каких-либо исключений, освобождая меня, в целом и в частности, от любых и всех дальнейших обязательств.

Скрежеща зубами, Юкоуну потряс в воздухе маленькими кулаками:

— Презираю занудное крючкотворство! Мне нравится делать подарки! Я предлагаю вам свободное от каких-либо обязательств право собственности на этот превосходный экипаж, вместе со всеми его колесами, рессорами и внутренней обивкой, с четырьмя вериотами, с их упряжью из золотых цепочек и с парой девиц-близнецов. Все это ваше! Езжайте куда хотите!

— Меня потрясает ваша щедрость! — развел руками Кугель. — Могу ли я поинтересоваться, что вы хотели бы получить взамен?

— Ну вот еще! Какую-нибудь безделушку, символизирующую обмен. Этой кокарды на вашей кепке было бы вполне достаточно.

Кугель с сожалением отказался:

— Вы просите меня о единственной вещи, с которой я не могу расстаться. Это талисман, я нашел его неподалеку от Голечной косы. Он оберегал меня в дни бесконечных невзгод и лишений, и теперь я его никому не отдам. Возможно, от него исходит магическое влияние.

— Чепуха! — воскликнул Юкоуну. — У меня превосходное чутье на все, что пахнет магией. Это украшение не чудеснее кружки выдохшегося пива.

— Его сверкающие грани утешали меня в долгие

часы уныния. Нет, я не могу с ним расстаться.

Уголки губ Юкоуну опустились ниже подбородка:

— Вы стареете и становитесь сентиментальным чудаком! — Взглянув за спину Кугеля, волшебник испуганно вскрикнул: — Осторожно! Стая таспов!

Обернувшись, Кугель обнаружил быстро приближавшуюся к экипажу орду скачущих зеленых скорпионов, каждый размером с кошку.

— Скорее! — кричал Юкоуну. — В карету! Погонщицы, вперед!

Поколебавшись еще мгновение, Кугель запрыгнул в экипаж. Юкоуну вздохнул с огромным облегчением:

— Наша жизнь висела на волоске! Кугель, я вас только что спас.

Кугель выглянул в заднее окошко.

— Таспы исчезли, словно их не было! Как это может быть?

— Неважно. Мы в безопасности, остальное не имеет значения. Поблагодарите судьбу за то, что я вам встретился и предложил карету. Вы не испытываете никакой благодарности? Может быть, теперь вы согласитесь уступить моему капризу и подарить мне украшение с вашей кепки?

Кугель поразмышлял над сложившейся ситуацией. С того места, где он сидел, он мог легко и быстро приложить настоящий брызгосвет к желтой физиономии Юкоуну, но решил с этим повременить.

— Зачем вам понадобилась эта безделушка?

— Откровенно говоря, я коллекционирую такие вещи. Ваше украшение займет видное место в моей экспозиции. Будьте добры, передайте мне этот экспонат — хотя бы для того, чтобы я мог его получше рассмотреть.

— Это не так просто. Обратите внимание — чешуйка закреплена на кепке цементированным диамбройдом.

Юкоуну раздраженно прищелкнул языком:

— Зачем вы приняли такие чрезвычайные меры предосторожности?

— Для того чтобы удержать воров от похищения моего талисмана — зачем еще?

— Но вы, надо полагать, можете отделить его от кепки, не подвергая опасности себя и других?

— Пока мы едем в качающемся и прыгающем экипаже? Ни в коем случае!

Юкоуну покосился на Кугеля лимонно-желтыми глазами:

— Кугель, вы надо мной смеетесь?

— Конечно нет!

— Ну, хорошо. — Двое ехали в молчании, мимо проплывали деревья и поросшие цветами обочины. По мнению Кугеля, возникла опасная ситуация, хотя, в общем и целом, его планами предусматривалась именно такая последовательность событий. Ни в коем случае, однако, нельзя было позволять Юкоуну рассматривать талисман вблизи или брать его в руки: шишковатый нос Смешливого Волшебника действительно умел различать запах магии — и его отсутствие.

Кугель заметил, что карета ехала уже не в лесу, а по открытой местности, и повернулся к волшебнику:

— Мы не едем по дороге в Тон-Тассель! Куда вы меня везете?

— В Перголо, — сказал Юкоуну. — Хотел бы оказать вам гостеприимство.

— Трудно отвергнуть такое приглашение, — пожал плечами Кугель.

Экипаж перевалил через гряду холмов и спустился в знакомую Кугелю долину. Впереди показалась река Кззан, мерцавшая мимолетными отражениями красного солнечного света, после чего на холме появилась усадьба Юкоуну, и карета подъехала к крыльцу.

— Мы прибыли, — сообщил Юкоуну. — Кугель, добро пожаловать в Перголо в третий раз! Вы собираетесь выходить или нет?

— С удовольствием! — откликнулся Кугель.

Юкоуну провел Кугеля в вестибюль.

— Прежде всего давайте выпьем вина, чтобы освежиться после пыльной дороги. Затем мы обсудим возможности окончательного согласования наших интересов, которые разошлись так давно, что вы, скорее всего, не захотите вспоминать все события, происходившие в моей усадьбе. — Юкоуну, по-видимому, намекал на тот период времени, когда он находился в плену у Кугеля.

— Былое затерялось в тумане времени, — кивнул Кугель. — Все забыто.

Юкоуну улыбнулся плотно сжатыми губами:

— Впоследствии мы еще вспомним о том, как это было, и немало позабавимся! Тем временем почему бы вам не освободиться от плаща, перчаток и кепки?

— Я прекрасно себя чувствую, не раздеваясь. — Кугель снова измерил расстояние между собой и волшебником. Один решительный шаг вперед, взмах рукой — и дело сделано!

Юкоуну, по-видимому, угадал ход его мыслей и

отступил на шаг.

— Но прежде всего — вино! Давайте пройдем в малую столовую.

Юкоуну провел гостя в помещение с обшивкой стен из красивого темно-красного дерева. Там его приветствовало, радостно прыгая и визгливо тявкая, небольшое округлое животное с длинной шерстью, короткими ногами и черными глазами-пуговками. Юкоуну дружески похлопал это существо по спине:

— Как поживаешь, Эттис? Тебя хорошо кормили? Да? Ну и ладно. Рад, что ты чувствуешь себя прекрасно, потому что, если не считать Кугеля, ты мой единственный настоящий друг. Ну, хватит, хватит! Сидеть! Мне нужно побеседовать с Кугелем.

Юкоуну жестом пригласил Кугеля сесть за стол, а сам сел напротив. Животное продолжало бегать туда-сюда, непрерывно тявкая, задерживаясь только для того, чтобы покусать лодыжки Кугеля.

В столовую прилетела пара молодых сильфов с серебряными подносами. Поставив подносы перед Юкоуну и Кугелем, они тут же улетели восвояси.

Юкоуну потер руки.

— Как вам известно, Кугель, у меня подают только самое лучшее. Это вино — «Ангелиус» из Квантика, а печенье сделано из пыльцы красного клевера.

— У вас всегда был превосходный вкус, — отозвался Кугель.

— Меня удовлетворяют только изысканность и утонченность, — подтвердил Юкоуну и попробовал вино. — Неподражаемо! — Он сделал еще глоток. — Бросается в голову, терпкое, с дерзким привкусом. — Глядя в лицо сидящего напротив Кугеля, он спросил: — Как вы думаете?

Кугель покачал головой с выражением печального самоотречения:

— Если я только попробую этот эликсир, я больше никогда не смогу терпеть обычные напитки. — Обмакнув печенье в вино, он протянул его Эттису, когда тот снова подбежал, чтобы погрызть Кугелю лодыжку. — Эттис, конечно, лучше меня разбирается в благородных ингредиентах.

Юкоуну стремительно вскочил, но Эттис уже сожрал кусочек печенья, после чего подпрыгнул, перевернулся в воздухе и свалился на спину, вытянув вверх окоченевшие лапы.

Кугель вопросительно взглянул на волшебника:

— Вы научили Эттиса бесподобно прикидываться дохлой собачкой. Смышленая тварь!

Юкоуну медленно опустился на стул. Два сильфа прилетели в комнату и унесли Эттиса на серебряном подносе.

Юкоуну процедил сквозь зубы:

— Перейдем к делу. Прогуливаясь по Голечной косе, вы повстречались с неким Тванго?

— Повстречался, — подтвердил Кугель. — Интереснейший человек! Он был очень недоволен, однако, когда я отказался продать ему мое украшение.

Юкоуну пронзил Кугеля пытливым взглядом:

— Он объяснил как-нибудь свое недовольство?

— Он упомянул о демиурге Скорогрохе, но в таких туманных и неразборчивых терминах, что я ничего не понял.

Юкоуну поднялся на ноги:

— Я покажу вам Скорогроха. Пойдемте! В лабораторию, о которой, конечно, у вас остались самые приятные воспоминания.

— О лаборатории? Что вы, все это давно покрылось патиной времени.

— Я отчетливо помню все, что там происходило, — беззаботным тоном откликнулся Юкоуну. — До мельчайших деталей.

Пока они шли в лабораторию, Кугель старался подобраться поближе к волшебнику, но безуспешно: Юкоуну все время держался на расстоянии не меньше метра от того места, до которого могла бы дотянуться одетая в перчатку рука Кугеля, готового применить брызгосвет.

Они зашли в лабораторию.

— Теперь вы увидите мою коллекцию чешуек, — сказал Юкоуну. — И вас больше не будет удивлять мой интерес к вашему талисману. — Волшебник резко поднял руку, и темно-красная ткань отлетела в сторону, обнажив тысячи чешуек Скорогроха, закрепленных на каркасе из серебряной проволоки. Судя по этой модели, Скорогрох был существом скромных размеров, ходившим на двух коротких и толстых двигательных опорах, с двумя парами суставчатых рук, каждая из которых заканчивалась десятью хватательными пальцами. Голова — если так можно было назвать это навершие — представляла собой нечто вроде башенки, посаженной на узкий, вытянутый торс. Брюшные чешуйки поблескивали молочно-зеленым глянцем, а средняя грудная полоса, темно-зеленая с киноварным отливом, продолжалась вплоть до навершия, поражавшего отсутствием каких-либо оптических органов.

Юкоуну представил модель величественным жестом:

— Перед вами Скорогрох, благородный обитатель Высшего Света; все очертания его фигуры свидетельствуют о мощи и стремительности. Она необыкновенно стимулирует воображение, вы не находите?

— Не сказал бы. — Кугель склонил голову набок. — Тем не менее, в общем и целом, вам удалось восстановить исключительно редкий экспонат, поздравляю вас! — Кугель обошел постамент с фигурой Скорогроха, разглядывая ее с притворным восхищением; при этом он надеялся оказаться на расстоянии вытянутой руки от Юкоуну. Но по мере того как он перемещался, перемещался и Смешливый Волшебник, и все потуги Кугеля оказывались тщетными.

— Скорогрох — не просто экспонат, — почтительно произнес Юкоуну. — Извольте заметить, что каждая из чешуек укреплена на своем месте, за исключением той, которая должна находиться в центре выступающего вперед участка грудной полосы, и ее отсутствие оскорбляет взор. Не хватает одной чешуйки, самой важной — протонастического центра, то есть так называемого пекторального неборазрывного брызгосвета.

Много лет я считал, что брызгосвет безвозвратно утерян, что причиняло мне неописуемые мучения. Кугель, вы можете представить себе охватившую меня волну благодарности судьбе, величественный гимн торжества, зазвучавший в моем сердце, когда я взглянул на вас и заметил недостающую чешуйку на вашей кепке! Я обрадовался так, словно Солнце гарантировало нам еще сто лет жизнетворного света! Меня окрылило восхищенное возбуждение! Неужели, Кугель, вы не понимаете моего состояния?

— В той мере, в какой вы можете его описать, — понимаю. Но меня приводят в замешательство причины такого эмоционального излишества. — Кугель приблизился к каркасу, надеясь, что энтузиазм заставит Юкоуну оказаться в радиусе действия облаченной в перчатку руки.

Двигаясь в противоположном направлении, однако, Юкоуну задел каркас, что заставило звенеть висящие на нем чешуйки.

— Кугель, в некоторых отношениях вы проявляете невероятную тупость, ваш мозг подобен едва теплому сгустку овсяной каши — причем я констатирую факт, а не пытаюсь вас оскорбить. Вы понимаете только то, что видите своими глазами, а это лишь ничтожная часть действи-

тельности. — Волшебник хихикнул странным высоким голоском, что заставило Кугеля вопросительно взглянуть на него. — Ну посмотрите же на Скорогроха! — воскликнул Юкоуну. — Что вы видите?

— Проволочный каркас и множество чешуек, расположенных, как утверждается, в форме погибшего Скорогроха.

— Что, если каркас будет удален?

— Фигура рассыплется — останется только блестящая куча чешуек.

— Совершенно верно. Вы правы. Протонастический центр — структурный узел, скрепляющий все остальные чешуйки линиями силовых полей. Этот узел — сущность жизненной силы, душа Скорогроха, если можно так выразиться. Как только брызгосвет окажется на своем месте, Скорогрох оживет. По сути дела, Скорогрох не погиб — он лишь находился в диссоциированном состоянии на протяжении многих тысяч лет.

— А его внутренние органы? Где они?

— Существа Высшего Света не испытывают потребности в таких органах — они даже рассматривают их как нечто вульгарное. Короче говоря, у Скорогроха не было внутренних органов. У вас есть еще какие-нибудь вопросы или замечания?

— С вашего позволения я мог бы указать на тот факт, что дело идет к вечеру, а я хотел бы прибыть в Тон-Тассель до наступления темноты.

— И вы туда прибудете вовремя, уверяю вас! — благодушно заверил его Юкоуну. — Но прежде всего будьте добры положить на лабораторный стол пекторальный неборазрывный брызгосвет, отделив от него любые остатки диамбройда. У вас не осталось никаких альтернатив.

— Только одна, — возразил Кугель. — Я предпочитаю сохранить чешуйку. Она приносит мне удачу и отражает злонамеренные чары, в чем вы удостоверились на собственном опыте.

В глазах Юкоуну зажглись желтые огоньки.

— Кугель, ваше упрямство не делает вам чести. Эта чешуйка действительно создает непроницаемый экран между вами и заурядными негативными чарами. Она, однако, не реагирует на подвластную мне магию Высшего Света. Тем временем, пожалуйста, воздержитесь от надоедливых попыток приблизиться ко мне так, чтобы вы могли достать меня выпадом шпаги. Я уже устал отскакивать каждый раз, когда вы делаете шаг в мою сторону.

Кугель высокомерно произнес:

— У меня и в мыслях не было ответить на ваше

гостеприимство столь неблагородным образом! — Он вынул шпагу из ножен и положил ее на стол. — Вот! Видите, как неправильно вы истолковали мои намерения?

Взглянув на шпагу, Юкоуну моргнул:

— Тем не менее держитесь от меня подальше! Я не приветствую интимную близость.

— Можете рассчитывать на самое щепетильное соблюдение ваших правил с моей стороны, — с достоинством ответил Кугель.

— Откровенно говоря, ваши поступки давно уже заслуживали наказания — и, будучи человеком справедливым, я буду вынужден вас наказать. Тем не менее ничто не заставляет вас дополнительно отягчать свою вину.

— Что я слышу? Вы мне угрожаете? — развел руками Кугель. — Ведь вы только что предложили доставить меня в Тон-Тассель! Не ожидал от вас такого предательства.

Юкоуну пропустил его слова мимо ушей.

— Повторяю в последний раз: отдайте мне брызгосвет, сию минуту!

— Не могу сделать вам такое одолжение, — упорствовал Кугель. — Так как это было ваше последнее требование, теперь нам пора отправиться в Тон-Тассель.

— Отдайте чешуйку, будьте любезны!

— Если вам так не терпится, сами снимите ее с моей кепки. Я вам помогать не буду.

— Вы не боитесь взрыва?

— Скорогрох меня защитит. А вам придется действовать на свой страх и риск.

Юкоуну расхохотался:

— Скорогрох защищает и меня — вы в этом скоро убедитесь! — Сбросив одежду, Юкоуну ловким привычным движением залез внутрь серебряного каркаса, вставив ноги в двигательные опоры Скорогроха, — лицо волшебника появилось в проеме навершия демиурга. Проволочные жилы и чешуйки плотно облепили его пухлое тело — модель словно превратилась во вторую кожу волшебника.

Голос Юкоуну прозвенел, как медная труба:

— Ну, что вы теперь об этом думаете, Кугель?

Кугель замер от неожиданности. Наконец он заставил себя сказать:

— Чешуйки Скорогроха подходят вам по размеру.

— И я убежден в том, что это не случайно!

— Почему вы так в этом убеждены?

— Я — аватар Скорогроха! Я вмещаю его психическую сущность! Такова моя судьба — но прежде

чем я смогу пользоваться его властью в полной мере, мне необходима целостность! Перестаньте упрямиться и закрепите брызгосвет там, где ему надлежит находиться. Учитывайте, что Скорогрох больше не защищает вас от моей магии, так как теперь это его магия, не только моя.

Действительно, дрожь протонастического центра Скорогроха в перчатке Кугеля свидетельствовала о справедливости заявления Юкоуну.

— Значит, так тому и быть, — мрачно сказал Кугель. Осторожно отсоединив украшение от кепки, он удалил подложку из диамбройда и, подержав дубликат в руке, приложил его ко лбу.

— Что вы делаете? — резко спросил Юкоуну.

— Возобновляю запас жизненной энергии — в последний раз. Эта чешуйка часто помогала мне справляться с невзгодами и опасностями.

— Прекратите это немедленно! Мне потребуется вся магическая сила брызгосвета, ее нельзя уменьшать ни на йоту! Передайте мне талисман!

Кугель — опытный карточный шулер — ловко спрятал фальшивую чешуйку в кармашке перчатки и заменил ее настоящим брызгосветом, после чего печально произнес:

— Я с кровью отрываю от сердца свое сокро-

вище. Могу ли я приложить его ко лбу еще на несколько секунд?

— Ни в коем случае! — заявил Юкоуну. — Я намерен сам приложить его ко лбу. Положите брызгосвет на лабораторный стол и уходите!

— Как вам угодно, — вздохнул Кугель. Он положил брызгосвет на стол, после чего, подхватив шпагу, вышел из лаборатории.

Удовлетворенно хмыкнув, Юкоуну приложил брызгосвет ко лбу.

Кугель остановился у фонтана в вестибюле, поставив ногу на бордюр бассейна. Застыв в этом положении, он внимательно прислушивался к ужасным крикам, вырывавшимся из глотки Юкоуну.

Наконец в лаборатории наступила тишина.

Прошло несколько секунд.

До ушей Кугеля донесся тяжелый звенящий топот.

Передвигаясь неуклюжими рывками, в вестибюль ввалился Скорогрох. Его короткие двигательные отростки не были приспособлены к земной гравитации, из-за чего он то и дело валился на бок; при этом чешуйки издавали такой шум, будто на пол обрушивался поток металлических монет.

Из проема входной двери струился вечерний свет. Кугель не двигался, надеясь на то, что Скорогрох в конце концов выберется под открытое небо и вернется в Высший Свет.

Скорогрох, однако, остановился и хрипло проговорил:

— Кугель! Где Кугель? Каждая из поглощенных мной сущностей, в том числе угорь и ласка, требуют, чтобы к ним присоединился Кугель! Где ты, Кугель? Отзовись! Я не могу видеть — земной свет не проникает сквозь мои мембраны. Неудивительно, что я свалился в болото!

Кугель хранил молчание, не смея вздохнуть. Красный бугорок в середине брызгосвета на груди Скорогроха медленно поворачивался, словно ощупывая мерцанием все помещение.

— А, Кугель! Вот ты где! Стой, не двигайся!

Скорогрох неуклюже шагнул вперед. Не подчиняясь приказу, Кугель перебежал за противоположный край бассейна. Разгневанный непослушанием, Скорогрох высоко подпрыгнул, чтобы перелететь фонтан по воздуху. Погрузив руки в бассейн, Кугель плеснул в Скорогроха водой, отчего демиург опешил, не рассчитал длину полета и плашмя шлепнулся в бассейн.

Вода кипела и шипела по мере того, как рас-

трачивалась энергия Скорогроха. Чешуйки распались и стали кружиться ленивым вихрем на дне бассейна.

Опустив руку в воду, Кугель поворошил чешуйки и нашел брызгосвет. Завернув чешуйку в несколько слоев влажной ткани, он принес ее в лабораторию и погрузил в склянку с водой, после чего плотно закрыл склянку и поставил ее на полку в стенном шкафу.

В усадьбе царила тишина, но Кугель никак не мог успокоиться. Присутствие Юкоуну давало о себе знать — оно висело в воздухе. Может быть, Смешливый Волшебник наблюдал за ним из тайного убежища, с огромным трудом сдерживая хохот и замышляя свои пагубные шутки?

Кугель тщательно обыскал усадьбу, но не нашел никаких заметных признаков присутствия Юкоуну, кроме черного опалового кольца с большого пальца волшебника — оно лежало в бассейне фонтана посреди чешуек. В конце концов Кугель поверил в то, что Юкоуну больше не существовал.

Кугель сидел в конце стола. Вокруг расположились Баззард, Диссерль, Пеласиас, Архимбост и Васкер. Утраченные ими органы были извлечены из сейфа, отсортированы и возвращены

соответствующим владельцам, ко всеобщему удовлетворению.

Банкет обслуживали шесть сильфов; меню — несмотря на то что оно не включало в себя экзотические пряности и неожиданно несовместимые вкусовые ингредиенты «новой кухни» Юкоуну — вполне устраивало участников праздничного банкета.

Провозгласили несколько тостов: за изобретательность Баззарда, за настойчивое жизнелюбие четырех колдунов, за храбрые подвиги и хитроумное притворство Кугеля. Кугеля неоднократно просили поведать о его нынешних далеко идущих планах, но каждый раз он отвечал, угрюмо покачивая головой, примерно в таком роде: «Юкоуну больше нет, меня далее не подстегивает жажда мести. Мне нечего делать, и у меня нет никаких планов».

Осушив бокал, Васкер не одобрил такую позицию в принципе:

— Без настойчиво призывающих целей жизнь становится пресной и бессодержательной!

Диссерль тоже опрокинул бокал, после чего отозвался на слова брата:

— Насколько мне известно, эта мысль высказывалась и раньше. Недоброжелательно настроен-

ный критик мог бы назвать ее банальной.

Васкер сдержанно возразил:

— Существуют идеи, оригинальность которых многие открывают для себя самостоятельно, тем самым возобновляя их полезное влияние. Справедливость моего наблюдения не опровергается отсутствием в нем новизны. Кугель, вы так не думаете?

Кугель подал знак сильфам, чтобы те снова наполнили бокалы.

— Интеллектуальные споры приводят меня в замешательство. Не знаю, что сказать. Обе точки зрения, в своем роде, убедительны.

— Может быть, вы вернетесь с нами в Ллайо, где мы смогли бы подробно объяснить наши философские расхождения? — предложил Васкер.

— Не забуду ваше приглашение. Еще несколько месяцев я буду занят здесь, в Перголо, сортируя наследство Юкоуну и приводя в порядок его дела. Несколько его шпионов уже предъявили мне счета за услуги — почти наверняка поддельные. Я отказался платить и сразу их уволил.

— А после того как вы приведете в порядок все дела? — спросил Баззард. — Что тогда? Вы поселитесь в избушке над рекой?

— Жизнь в такой избушке, где не останется

ничего другого, кроме как смотреть на речные отражения солнечного света, в какой-то мере привлекательна. Боюсь, однако, что она скоро мне наскучит.

— В мире много стран, и вы еще не видели каждую из них, — осмелился предположить Баззард. — Говорят, летучий город Джехаз представляет собой великолепное зрелище. Кроме того, вы еще не были в стране Бледных Красавиц — неплохо было бы на них взглянуть. Или вы проведете остаток дней в Альмерии?

— Будущее смутно, как утренний туман.

— Никто из нас не может предсказать грядущее, — заявил Пеласиас. — Зачем составлять планы? Кто знает? Может быть, завтра не взойдет Солнце.

Кугель отозвался экстравагантным жестом:

— Зачем об этом говорить? Забудьте о тревогах и опасениях! Сегодня вечером мы будем сидеть за столом и пить пурпурное вино. И пусть этот вечер продолжается бесконечно!

— Я тоже так считаю! — воскликнул Архимбост. — Настоящее существует! И в существовании на самом деле нет ничего, кроме настоящего, которое повторяется в точности с частотой в одну секунду.

Баззард нахмурился:

— А когда возникло первое настоящее и когда наступит последнее? И следует ли их рассматривать как явления, эквивалентные настоящему, повторяющемуся в настоящем?

В голосе Архимбоста прозвучала некоторая суровость:

— Баззард, глубокомыслие твоих вопросов не соответствует атмосфере нашего празднества. С другой стороны, песнопения твоих музыкальных рыб могли бы украсить наше собрание.

— Они медленно учатся, — пожаловался Баззард. — Я уже назначил кантора и подобрал состав контральто, но они продолжают фальшивить.

— Неважно! — заключил Кугель. — Сегодня мы обойдемся без поющих рыб. Юкоуну, Смешливый Волшебник! Где бы ты ни был (в преисподней, в сияющих просторах Высшего Света или нигде), мы поднимаем тост в память о тебе — вином из твоего же погреба! Мы смеемся над тобой — и смеемся хорошо, потому что смеемся последними. Даже если нашей шутке не хватает остроты, платишь за нее ты, и это доставляет удовольствие всей компании! Сильфы, что вы застыли, как статуи, со своими графинами? Наполняйте бокалы! Баззард, ты пробовал этот превосходный сыр?

Васкер, еще немного анчоусов? Не стесняйтесь, налегайте! Пусть будет пир горой!

Риальто Изумительный

Предисловие

Эти сказания относятся к двадцать первому эону, когда Земля уже состарилась, а Солнце готово было погаснуть. В Асколаисе и Альмерии, странах к западу от Рухнувшей Стены, проживали немногие оставшиеся чародеи, сформировавшие ассоциацию, с тем чтобы совместно защищать свои интересы. Их число неоднократно менялось, но в тот период времени, когда происходили описываемые события, состав ассоциации магов был следующим:

Настоятель Ильдефонс;

Риальто Изумительный;

Хуртианц — грузный коротышка, известный бесцеремонной дерзостью;

Эрарк Предвестник — пунктуальный маг суровой внешности;

Шрю — дьяволист; его остроты, загадочные с точки зрения коллег-чародеев, порой нарушают их покой по ночам;

Гильгад — маленький человечек с большими серыми глазами и круглой серой физиономией, всегда появляется в красном костюме сливового

оттенка; у него холодные и липкие ладони; другие предпочитают не прикасаться к нему;

Лунатик Вермулиан — необычно высокий худощавый человек с величавой походкой;

Маг Мьюн — предпочитает говорить как можно меньше и содержит четырех жен;

Зилифант — здоровяк с длинными коричневыми волосами и длинной волнистой бородой;

Дарвилк Миаантер — по неизвестным причинам не снимает черную маскарадную маску;

Пердастин — хрупкий блондин; у него нет ни близких друзей, ни подруг; обожает секреты и тайны; отказывается сообщить, где живет;

Ао Опалоносец — угрюмый субъект с козлиной черной бородкой и саркастическими манерами;

Эшмиэль — с детской непосредственностью наслаждается тем, что его причудливая внешность (с правой стороны у него белая кожа, а с левой черная) производит самое странное впечатление на окружающих;

Барбаникос — приземистый субъект с торчащей во все стороны копной снежно-белых волос;

Проказник из Снотворной Заводи — летучий эльф с горящими глазами, зеленой кожей и оранжевыми ивовыми листьями вместо волос;

Пандерлеон — коллекционер редких и чудес-

ных артефактов, поиском каковых занимается во всех доступных измерениях;

Некроп Бизант;

Нежнейший Лоло — предпочитает выглядеть как пышнотелый эпикуреец;

Чамаст — замкнутый, мрачноватый аскет; его недоверие к женскому полу доходит до того, что он позволяет заползать и залетать к себе в усадьбу только насекомым-самцам;

Тойч — редко говорит вслух, но пользуется необычным трюком: слова разлетаются с кончиков его пальцев; в качестве Старейшины Ступицы получил право контролировать собственную частную бесконечность;

Захулик-Хунтце — на железных ногтях его рук и ног выгравированы неизвестные символы;

Нахуредзин — мудрец из Старого Ромарта;

Занзель Меланхтонес;

Хаш-Монкур — тщеславием и претенциозными манерами превосходит самого Риальто.

Магия — практическая научная дисциплина, или, точнее, ремесло, так как основное внимание чародеи уделяют возможностям полезного применения чар, а не пониманию фундаментальных основ волшебства. Таково лишь самое общее наблюдение, так как в настолько обширной и

глубокой области знаний каждый практикующий специалист отличается индивидуальным стилем, ввиду чего в эпоху Великого Мофолама многие чародеи-философы пытались сформулировать общие принципы и закономерности, которым подчиняется магическая энергия.

В конечном счете эти исследователи, в том числе величайшие чародеи, приобрели знания, позволившие им осознать невозможность полного и всестороннего анализа магических сил, хотя бы потому, что тот или иной желаемый эффект достигался посредством применения множества различных методов, каждый из которых позволял извлекать магическую энергию из особой силовой среды, причем для овладения любым из этих методов необходимо было посвятить его изучению всю жизнь.

Легендарные чародеи Великого Мофолама были достаточно проницательны, для того чтобы понимать ограниченность возможностей человеческого интеллекта, и затрачивали время главным образом на решение практических задач, занимаясь поиском абстрактных принципов только тогда, когда ничто другое не помогало. Именно поэтому магия сохраняет характерные человеческие свойства, несмотря

на то, что люди никогда не бывают посредниками, активирующими колдовские чары. Даже беглый просмотр любого общеизвестного каталога заклинаний позволяет заметить чисто человеческое происхождение формулировок — фантазия изобретателей придавала им причудливый архаический характер. Например, в четвертом разделе «Основ практической магии для начинающих» Килликлоу под заголовком «Межличностные воздействия» сразу бросаются в глаза выделенные ярко-лиловыми чернилами красочные наименования:

«Физическая малепсия» Ксарфаджио

«Секвестрирующая дигитализация» Арнхульта

«Двенадцатикратное пособие» Брассмана (по прозвищу «Лютар Медноносый»)

«Заклинание безысходной инкапсуляции»

«Старомодный фруст» Тинклера

«Обуздание длинными нервами» Кламбарда

«Зелено-пурпурное предотвращение радости»

«Триумфы дискомфорта» Пангвира

«Неутолимая чесотка» Лугвайлера

«Усовершенствование носа» Хулипа

«Одержимость фальшивыми созвучиями» Радля

По существу, воздействие заклинания вызывается кодом, то есть последовательностью инструкций, загружаемых в сенсорный аппарат пространственно-временного объекта, способного изменять окружающую среду в соответствии с полученной командой (заклинанием) и не сопротивляющегося такому изменению. Такие объекты-посредники не всегда «разумны» и даже не обязательно обладают «сознанием», но их поведение, с точки зрения чародея-новичка, непредсказуемо, капризно и опасно.

К числу самых податливых и склонных к сотрудничеству посредников такого рода относятся как непритязательные и неустойчивые стихийные силы, так и склонные к более или менее полноценному общению инкубы и оборотни. К категории наиболее капризных и раздражительных магических агентов, которых Темухин называл дайхаками, можно причислить демонов и так называемых богов. Власть чародея зависит от его способности контролировать различные воздействия этих объектов. Каждый уважающий себя маг пользуется услугами одного или нескольких инкубов. Некоторые из архимагов Великого Мофолама осмеливались командовать целой армией дайхаков низшего разряда. Описания

деяний этих чародеев потрясают воображение, и даже перечень их имен вызывает невольное почтение — словно по сей день, по прошествии тысячелетий, он все еще заряжен трепещущей энергией. Вот имена некоторых из самых выдающихся магов Великого Мофолама, свершивших незабываемые подвиги:

Великий Фандаал
Амберлин I
Амберлин II
Дибаркас Мэйор (ученик Фандаала)
архимаг Маэль Лель-Лайо (жил во дворце, вырезанном из цельной глыбы лунного камня)
Вапуриалы
чародеи Зеленого и Пурпурного Колледжей
энциклопедист Зинцзин
Кайрол из Порфиринкоса
Каланктус Безмятежный
волшебница Ллорио

По сравнению с вышеупомянутыми знаменитостями чародеи двадцать первого эона были разномастной группой более или менее сомнительных личностей, не отличавшихся ни величием, ни последовательностью устремлений.

Глава I
Мюрте

1

Однажды, прохладным утром середины двадцать первого эона, Риальто завтракал под восточным куполом своей усадьбы Фалу́. Древнее Солнце всходило в морозной дымке, озаряя Нижние Луга бледными скорбными лучами.

По причинам, малопонятным самому Риальто, сегодня у него отсутствовал аппетит — он только попробовал и отодвинул в сторону жареную колбасу с гарниром из жерухи и пареной хурмы, отдав предпочтение горячему крепкому чаю с сухариками. Затем, несмотря на то что в лаборатории его ждали десятки неотложных дел, он откинулся на спинку стула и стал рассеянно смотреть в даль, на луга, в направлении Случайного леса.

В таком состоянии отвлеченного размышления он сохранял странную обостренную чувствительность. Насекомое село на листок растущей неподалеку осины; Риальто не преминул тщательно оценить угол, под которым оно поджало

членистые ножки, в то же время подмечая мириады красноватых отражений в выпученных фасетчатых глазах. «Любопытно и многозначительно!» — подумал Риальто.

Поглотив умом все аспекты внешности и повадок насекомого, Риальто обратил внимание на весь пейзаж в целом. Он измерил крутизну лугового склона, спускавшегося к реке Тс, и пронаблюдал за распределением по нему трав различных разновидностей. Он изучал кряжистые толстые стволы деревьев на краю леса, красные косые солнечные лучи, пробившиеся сквозь листву, иссиня-черные и темно-зеленые тени. Абсолютная острота его зрения была примечательна — так же, как не менее чуткий слух… Риальто пригнулся, напряженно прислушался… Что это? Вздохи почти неуловимой музыки?

Нет, тишину ничто не нарушало. Риальто расслабился, улыбаясь своим странным капризам, и налил себе еще одну, последнюю, чашку чая… Она остыла на столе — Риальто даже не вспомнил о ней. Подчинившись внезапному порыву, он поднялся на ноги и прошел в приемную, где набросил на плечи плащ, надел охотничью кепку и взял легкий жезл, известный под наименованием «Бич Мальфезара», после чего вызвал Ладанка,

своего камердинера и доверенного помощника:

— Ладанк, я пойду прогуляюсь в лесу. Не забывай время от времени взбалтывать суспензию в пятом чане. Если хочешь, можешь заняться дистилляцией содержимого большого голубого перегонного куба и слить полученную эссенцию в колбу. Обязательно закрой ее пробкой! Нагревай куб потихоньку и старайся не вдыхать образующиеся пары — из-за них лицо может покрыться гнойной сыпью.

— Будет сделано. А как быть с клевенджером?

— Не обращай на него внимания. И не подходи к клетке. Помни: вся его болтовня о девственницах и сокровищах — сплошные враки! Сомневаюсь, известен ли ему вообще смысл этих терминов.

— Как прикажете.

Риальто вышел из усадьбы и спустился по углублявшейся в лес луговой тропе, ведущей к каменному мосту через Тс.

Тропа, протоптанная ночными тварями, зачастую пересекавшими прибрежный луг, через некоторое время оборвалась. Риальто, однако, шел дальше, туда, куда позволяли идти лесные прогалины: по полянам, где траву украшали яркие пятна многочисленных самосветов, красных луговых медуниц и белых димфний, — мимо

стройных белоствольных берез и черноствольных осин, огибая выступавшие из подлеска скальные обнажения, перешагивая через родники и ручейки.

Если по лесу и бродили другие существа, их не было заметно. Выйдя на лужайку с единственной березой в центре, Риальто остановился и прислушался… Кругом царила полная тишина.

Прошла минута. Риальто сохранял неподвижность.

Тишина. Но такая ли уж полная?

Если ему послышалась музыка, звучала она, конечно, только у него в голове.

«Любопытно!» — подумал Риальто.

Он стоял под открытым небом; одинокий хрупкий ствол березы белел на фоне густой рощи черных деодаров. Когда Риальто повернулся, чтобы уйти, ему снова показалось, что он слышит музыку.

Беззвучная музыка? Противоречие по определению!

«Странно! — говорил себе Риальто. — Тем более странно, что музыка явно исходит из внешнего источника…» Ему снова показалось, что откуда-то доносятся мелодичные звуки — нечто вроде беспорядочной россыпи аккордов, вызывающих

смешанное сладостное, меланхолическое и торжествующее ощущение, отчетливое и в то же время неопределенное.

Риальто вглядывался во всех направлениях. Казалось, музыка (или магические аккорды — что бы это ни было) звучала где-то поблизости. Осторожность побуждала Риальто не оставаться на лужайке, а поспешно, без оглядки, вернуться в Фалу́… Тем не менее он направился вперед и вышел на берег небольшого пруда, темного и глубокого; противоположный берег четко отражался в его зеркальной поверхности. Риальто, снова замерший в неподвижности, увидел в пруду отраженную фигуру женщины — необычно бледную, с длинными серебристыми волосами, перетянутыми черным обручем, на ней было легкое белое платье до колен, оставлявшее обнаженными руки и ноги.

Риальто поднял глаза, глядя на противоположный берег, но там не было ни женщины, ни мужчины, ни какого-либо иного существа. Опустив глаза к поверхности пруда, однако, он снова увидел отражение стоящей женщины.

Несколько долгих секунд Риальто изучал это отражение. Насколько он мог судить, у высокой женщины были небольшие груди и узкие бедра;

она казалась свежей, тонкорукой и тонконогой, как юная девушка. При всем том лицо ее нельзя было назвать деликатным или классически пропорциональным: оно выглядело застывшим, лишенным всякого намека на легкомыслие. Риальто Изумительный, заслуживший свое прозвище благодаря обширному опыту в области каллигинетики, находил ее прекрасной, но суровой и, скорее всего, неприступной — тем более что она соглашалась показываться исключительно в виде отражения… «Возможно, тому есть и другие причины», — подумал Риальто, уже почувствовавший желание непременно узнать, кем была таинственная обладательница отражения.

Вслух Риальто произнес:

— Мадам, возможно, это вы привлекли меня сюда неуловимой музыкой? Если так, объясните, какой помощи вы от меня ожидаете? Хотя, разумеется, я не могу брать на себя никаких определенных обязательств.

Женщина отозвалась холодной улыбкой, что не слишком понравилось Риальто. Он чопорно поклонился:

— Если вам нечего сказать, я больше не буду навязывать вам свое присутствие. — Он еще раз сухо поклонился, и в то же мгновение что-то

толкнуло его вперед. Риальто свалился в пруд.

Барахтаясь в обжигающе холодной воде, Риальто подплыл к ближайшему краю пруда и выбрался на берег. Он не видел вокруг никого, кто мог бы толкнуть его в спину.

Поверхность пруда постепенно разгладилась, но отражение женщины в белом платье уже исчезло.

Промокший Риальто угрюмо побрел назад в Фалу́, где позволил себе принять горячую ванну и напиться чаю из вербены.

Некоторое время он сидел в лаборатории, изучая различные трактаты восемнадцатого эона. Ему не понравилось приключение в лесу. Он ощущал озноб, у него то и дело звенело в ушах.

Наконец Риальто приготовил профилактическое тонизирующее средство, но от него стало только хуже. Он принял таблетку снотворного, лег в постель и, наконец, забылся беспокойным сном.

Недомогание продолжалось три дня. Утром четвертого дня Риальто связался с чародеем Ильдефонсом, проживавшим в за́мке Бумергарт на берегу реки Скаум.

Рассказ Риальто встревожил Ильдефонса — настолько, что он срочно прилетел в Фалу́, вос-

пользовавшись самым малозаметным из своих воздушных экипажей.

Риальто подробно изложил последовательность событий, завершившуюся его падением в лесной пруд.

— Как видите, у меня есть все основания с нетерпением ожидать вашего заключения.

Нахмурившись, Ильдефонс смотрел в сторону леса. Сегодня он явился в своем обычном обличии дородного лысеющего господина средних лет со светлыми бакенбардами и добродушно-простоватыми манерами сельского помещика. Два чародея сидели неподалеку от усадьбы Риальто, в ажурной беседке, увитой пурпурной лозой плюмантии. На столе у беседки Ладанк расставил блюда с замысловатыми пирожными, чайники с несколькими сортами чая и графин мягкого белого вина.

— Несомненно, имеют место чрезвычайные обстоятельства, — размышлял вслух Ильдефонс. — Особенно если принимать во внимание мой собственный опыт.

Риальто с подозрением покосился на Ильдефонса:

— С вами сыграли примерно такую же шутку?

— И да, и нет, — сдержанно ответил Ильде-

фонс.

— Любопытно! — отозвался Риальто.

Ильдефонс тщательно выбирал слова:

— Прежде чем предлагать какие-либо разъяснения, позвольте спросить: вы когда-либо слышали, до недавнего происшествия в лесу, подобную «призрачную музыку», если можно так выразиться?

— Нет, никогда.

— И ее воздействие…

— Не поддается описанию. Она не трагична и не радостна; ей свойственно сладостное, но в то же время тоскливое и скорбное звучание.

— Удалось ли вам различить какую-нибудь мелодию или тему? Хотя бы гармоническую последовательность, способную намекнуть на происхождение звуков?

— Могу сказать только одно — и это всего лишь намек. Если вы простите мне, пожалуй, чрезмерно утонченное выражение, музыка наполнила меня томлением по чему-то потерянному и недоступному.

— Ага! — встрепенулся Ильдефонс. — А как насчет женщины? Позволяло ли что-нибудь распознать в ней Мюрте?

Риальто поразмыслил:

— Бледностью и серебристыми волосами она напоминала лесную сильфиду в обличии античной нимфы. Она была в самом деле красива, но у меня не возникло никакого желания ее обнять. Осмелюсь заметить, однако, что при ближайшем знакомстве мое мнение могло бы измениться.

— Хммф. Подозреваю, что ваши элегантные манеры не произвели бы на Мюрте должного впечатления… Когда вам пришло в голову, что это была именно Мюрте?

— Я убедился в этом, пока шлепал домой в хлюпающих, полных воды сапогах. У меня было отвратительное настроение — скорее всего, уже начинал действовать сглаз. Так или иначе, внешность этой женщины и беззвучная музыка каким-то образом напомнили мне о Мюрте. Вернувшись к себе, я сразу проконсультировался с трактатом Каланктуса и последовал его рекомендациям. По всей видимости, она напустила на меня весьма эффективный сглаз.

— Вам следовало вызвать меня скорее, хотя у меня самого были сходные проблемы… Откуда доносится этот пренеприятнейший шум?

Риальто взглянул на дорогу:

— Кто-то подъезжает в экипаже… Кажется, это Занзель Меланхтонес.

— А что за чудище прыгает за экипажем?

Риальто вытянул шею:

— Не могу разглядеть как следует… Мы скоро узнаем в любом случае.

По дороге быстро катилась на четырех высоких колесах роскошная карета с двумя широкими сиденьями, выложенными золотисто-охряными подушками. В пыли за каретой, пристегнутое цепью, бежало человекоподобное существо.

Подняв руку, Ильдефонс привстал:

— Привет, Занзель! Это я, Ильдефонс! Куда вы так спешите? И какая такая редкостная тварь так прытко следует за вашей каретой?

Занзель остановил экипаж.

— Ильдефонс! Дражайший Риальто! Рад видеть вас вместе! Признаться, я запамятовал, что эта старая дорога проходит мимо Фалу́, и, когда увидел усадьбу, это стало приятной неожиданностью!

— Счастливое стечение обстоятельств — для всех присутствующих! — заявил Ильдефонс. — А кто ваш пленник?

Занзель обернулся через плечо:

— По-моему вполне обоснованному мнению, это празднокрад. Я решил отвести его подальше, чтобы казнить там, где его призрак не сможет

приносить мне неудачу. Как насчет вашего луга? Он на безопасном расстоянии от моих владений.

— И в самом центре моих, — проворчал Риальто. — Вам придется найти место расправы, которое устроит нас обоих.

— А как насчет меня? — возмутился пленник. — Мне даже не дадут высказаться по этому поводу?

— Ну хорошо — место, которое устроит как нас обоих, так и осужденного на казнь.

— Подождите-ка! — вмешался Ильдефонс. — Прежде чем вы приступите к выполнению обязанностей палача, расскажите об этой твари поподробнее.

— Рассказывать практически нечего. Я нашел его случайно, когда стал чистить вареное яйцо с неправильного конца. Как можете видеть, у него по шесть пальцев на ногах и гребенчатый череп, а на плечах растут пучки перьев. Все это указывает на то, что мне попался уроженец восемнадцатого или даже семнадцатого эона. Он утверждает, что его зовут Лехустер.

— Очень интересно! — воскликнул Ильдефонс. — По существу, он — живое ископаемое. Лехустер, ты сознаешь собственную редкость?

Занзель не позволил пленнику ответить:

— Всего хорошего вам обоим! Риальто, вы нын-

че какой-то бледный и несчастный. Советую выпить бокал горячего вина с молоком и пряностями, а затем хорошенько отдохнуть — этот рецепт меня еще никогда не подводил!

— Благодарю вас, — отозвался Риальто. — Когда у вас будет время, заезжайте ко мне опять. Тем временем позвольте вам напомнить, что мои владения распространяются до гребня холмов на горизонте. Вам придется казнить Лехустера за холмами.

— Одну минуту! — вмешался Лехустер. — Неужели в двадцать первом эоне не осталось ни одного здравомыслящего человека? Разве вас не интересует, почему я оказался в вашем сумрачном и зловещем будущем? Если вы сохраните мне жизнь, я предоставлю вам важнейшую информацию!

— Неужели? — спросил Ильдефонс. — Какого рода информацию?

— Мои признания может услышать только верховный конклав чародеев — с тем, чтобы ваши обязательства были официально зарегистрированы и заверены как подлежащие исполнению.

Раздраженный Занзель порывисто повернулся на скамье лицом к празднокраду:

— Еще чего! Теперь ты пытаешься очернить и

мою репутацию?

Ильдефонс примирительно поднял руку:

— Занзель, призываю вас к терпению! Кто знает, что может нам рассказать этот шестипалый мерзавец? Лехустер, в чем суть новостей, которые ты принес в наше время?

— Мюрте вырвалась на волю и распространяет сглазы и заговóры. Больше ничего не скажу, пока моя безопасность не будет гарантирована.

— Как же, как же! — фыркнул Занзель. — Ты нас не охмуришь своими баснями! Господа, позвольте с вами попрощаться — мне нужно ехать по своим делам.

Ильдефонс покачал головой:

— Представилась экстраординарная возможность! Занзель, ваши намерения понятны и заслуживают одобрения, но вам неизвестны кое-какие факты. В качестве Настоятеля я вынужден настаивать на том, чтобы вы доставили Лехустера, в целости и сохранности, на рассмотрение конклава, который безотлагательно соберется в Бумергарте, после чего мы проведем тщательное расследование всех аспектов возникшей ситуации. Риальто, надеюсь, вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы принять участие в нашей конференции?

— Разумеется — готов это сделать сию минуту! Возник вопрос чрезвычайной важности.

— Очень хорошо. В таком случае поспешим в Бумергарт!

Лехустер осмелился возразить:

— И мне придется бежать в пыли всю дорогу? Когда я прибегу, я уже не смогу давать показания от усталости.

Ильдефонс принял решение:

— Чтобы не возникало никаких дальнейших препятствий и задержек, я беру на себя ответственность за доставку празднокрада на конклав. Занзель, будьте добры, снимите с него цепь.

— Безумие, абсурд! — бранился Занзель. — Негодяя нужно прикончить, прежде чем все мы запутаемся в сетях его небылиц!

Риальто, несколько удивленный горячностью Занзеля, решительно произнес:

— Ильдефонс совершенно прав! Мы обязаны узнать все, что можно узнать.

2

На конклав в Бумергарте, собравшийся, чтобы выслушать откровения Лехустера, прибыло лишь пятнадцать чародеев, тогда как в ассоциации тогда насчитывалось примерно двадцать пять

действительных членов. Сегодня в наличии были Ильдефонс, Риальто, Занзель, дьяволист Шрю, Хуртианц, Некроп Бизант, Тойч, регулировавший сложные взаимодействия в своей частной бесконечности, Маг Мьюн, невозмутимый и проницательный Пердастин, Чамаст, утверждавший, что ему известен источник звездоцветов, Барбаникос, Проказник из Снотворной Заводи, Ао Опалоносец, Пандерлеон, чьей коллекции потусторонних артефактов, собранной им лично, завидовали все остальные, а также Гильгад.

Ильдефонс открыл конклав без лишних церемоний:

— Меня разочаровывает тот факт, что мы не собрались в полном составе, так как нам предстоит рассмотреть вопрос чрезвычайной важности.

Прежде всего позвольте мне упомянуть о том, что недавно случилось с нашим коллегой Риальто. Не вдаваясь в лишние подробности, можно сказать, что его заманили в глубину Случайного леса звуки воображаемой музыки. Побродив некоторое время, он встретил женщину, столкнувшую его в пруд с исключительно холодной водой… Господа, пожалуйста! Для веселья нет никаких оснований! Это вопрос исключительной важности, и к невзгодам Риальто следует отно-

ситься со всей серьезностью. В самом деле, по многим причинам мы стали подозревать, что виновница происходящего — Мюрте. — Ильдефонс обвел взглядом лица собравшихся. — Да, вы не ослышались — Мюрте.

Когда улеглось всеобщее возбужденное бормотание, Ильдефонс продолжил выступление:

— Занзель со своей стороны в ситуации, никак на первый взгляд не связанной с вынужденным купанием Риальто, познакомился с неким Лехустером, обитателем восемнадцатого эона. Лехустер, присутствующий на конклаве, заявил, что у него есть для нас важные новости — и при этом, опять же, упомянул о Мюрте. Он был так любезен, что согласился поделиться с нами этой информацией, и теперь мы попросим Лехустера выйти вперед и сообщить об известных ему фактах. Лехустер, будьте добры!

Лехустер не сдвинулся с места.

— Не буду давать никаких показаний, пока не получу надежные гарантии того, что мне сохранят жизнь, — такая сделка никому не причинит никакого ущерба, так как я не повинен ни в каких преступлениях.

Занзель гневно воскликнул:

— Ты забываешь о том, что я засвидетельство-

вал твои проделки своими глазами!

— Я всего лишь нарушил приличия. Ильдефонс, вы обещаете не покушаться на мою жизнь?

— Гарантирую тебе сохранение жизни. Говори же!

Занзель вскочил на ноги:

— Это возмутительно! Неужели мы должны допустить в наш избранный круг мерзавца, прибирающего к рукам наши ценности и в то же время извращающего наши обычаи?

Тяжеловесный и раздражительный Хуртианц произнес:

— Я разделяю прогрессивные взгляды Занзеля! Лехустер может стать лишь первым из целой орды мутантов, кретинов и неправильно мыслящих подонков, готовой заполонить наши мирные края!

— Если новости Лехустера на самом деле существенны, — примирительным тоном отозвался Ильдефонс, — мы должны смириться с его требованиями. Лехустер, говори! К сожалению, придется простить тебе твои проступки, а также отвратительные перья на плечах. Лично мне не терпится услышать, о чем ты можешь сообщить.

Лехустер поднялся на возвышение:

— Мои замечания следует рассматривать в

исторической перспективе. Я существую — то есть существовал — в конце первой эпохи восемнадцатого эона, задолго до образования Великого Мофолама. В те времена мастера-чародеи и великие ведьмы уже боролись за власть. Положение вещей напоминало ситуацию в одиннадцатой эпохе семнадцатого эона, когда чародеи и волшебницы изо всех сил старались превзойти друг друга, что в конце концов привело к войне колдунов и ведьм.

Общеизвестно, что в этой кровопролитной войне победили ведьмы. Многие колдуны стали архивёльтами; многие были уничтожены, и ведьмы, под предводительством Белой Ведьмы Ллорио, преобладали над всеми.

На протяжении целой эпохи они наслаждались плодами своей славной победы. Ллорио нарекла себя Мюрте и поселилась в храме. Там ей истово поклонялись все женщины человечества как живому идолу, объединявшему в себе как фактический женский организм, так и абстрактную феминистическую силу.

Три чародея пережили войну: Теус Тревиолус, Шлиман Шабат и Фунурус Орфо. Они заключили тайный союз и, совершив подвиги магического мастерства, настолько изобретательные и

дерзкие, что разум заставляет усомниться в их возможности, схватили Мюрте и спрессовали ее в точечную субстанцию, после чего извлекли ее из храма. Женщины впали в уныние, их могущество стало ослабевать, в то время как власть чародеев — возрастать. В течение многих эпох представители обоих полов жили в состоянии напряженного взаимного приспособления — и, поверьте мне, то были времена захватывающих интриг и приключений!

Наконец Мюрте освободилась и призвала союзниц-ведьм к сопротивлению. Но Каланктус Безмятежный, которому я служил, встретил новый вызов лицом к лицу. Он разбил орду ведьм и гнался за ними на север вплоть до окраин Долгого Эрма, где до сих пор несколько колдуний прячутся в глубоких оврагах, трепеща при каждом звуке, напоминающем о возможном приближении Каланктуса.

С Мюрте Каланктус поступил самым благородным образом — он позволил ей удалиться в изгнание, в систему далекой звезды, после чего сам избрал отшельническое заточение, предварительно приказав мне бдительно наблюдать за поведением Мюрте.

Однако я получил его указания слишком позд-

но: Мюрте не прибыла на Наос. Не прибыла она и на Садаль-Сууд. Я никогда не прекращал ее поиски и недавно обнаружил хроносветовой след[5], ведущий к двадцать первому эону; фактически след заканчивается в настоящем времени.

Таким образом, я убежден в том, что Мюрте существует здесь и сейчас и что существование ее следует рассматривать как самую непосредственную опасность; по сути дела, она уже подвергла заговóрам некоторых из присутствующих.

В том, что касается меня, Лехустера Бенефера, я материализовался в вашем времени с единственной целью: сформировать основанный на взаимном доверии союз ныне живущих чародеев, чтобы они могли контролировать возрождение феминистической силы и тем самым поддерживать порядок и спокойствие. Промедление смерти подобно!

Лехустер отошел в сторону и сложил руки на груди — в этой позе красные перья, растущие у него на плечах, приподнялись подобно эполетам.

---

[5] Notes: 5

«Хроносветовой след» — не поддающаяся переводу и даже истолкованию концепция. В данном контексте под этим термином подразумевается след, оставленный в темпоральном континууме и различимый при наличии надлежащего сенсорного аппарата. (*Прим. авт.*)

Ильдефонс прокашлялся:

— Лехустер представил обстоятельный отчет. Занзель, вы согласны с тем, что Лехустер, несомненно, заслуживает сохранения ему жизни и свободы — с тем условием, конечно, что он пообещает исправиться?

— Вот еще! — пробормотал Занзель. — Он не сообщил ничего, кроме каких-то околичностей и древних сплетен. Меня не так просто обвести вокруг пальца.

Ильдефонс нахмурился и погладил желтоватую бороду, после чего повернулся к Лехустеру:

— Ты слышал замечание Занзеля. Можешь ли ты как-либо подтвердить свои показания?

— Заговóры и сглазы подтвердят мою правоту, но, как вы сами убедитесь, к тому времени уже будет поздно.

К собравшимся решил обратиться Лунатик Вермулиан. Поднявшись на ноги, он произнес тоном, не допускавшим сомнений в его искренности:

— Будучи погружен в свои занятия, я брожу во снах — в самых различных снах. Недавно, всего лишь позавчерашней ночью, мне повстречался сон, относящийся к категории так называемых интрактивных, или иноптативных, то есть не поддающихся контролю со стороны

сновидца, — сон, в котором сновидец может даже подвергнуться опасности. Любопытно, что в этом сне участвовала Мюрте. Думаю, что этот факт может иметь отношение к рассматриваемому вопросу.

Хуртианц вскочил и яростно взмахнул рукой:

— Невзирая на многочисленные неудобства, мы срочно прибыли сюда, чтобы приговорить и казнить этого архивёльта, Лехустера, а не для того, чтобы выслушивать бесконечные россказни, в том числе о брожении во снах!

— Помолчите, Хуртианц! — с горячностью оборвал коллегу обидчивый Вермулиан. — Мне дали слово, и я намерен посвятить всех и каждого в содержание подозрительного сна, приводя любые подробности — по своему усмотрению.

— Прошу Настоятеля принять решение по этому вопросу! — воскликнул Хуртианц.

Ильдефонс сказал:

— Вермулиан, если ваш сон действительно имеет непосредственное отношение к нашему обсуждению, пожалуйста, продолжайте, но прошу вас, не уклоняйтесь от основной темы.

— Само собой, о чем речь… — с достоинством отозвался Вермулиан. — Без лишних слов: достаточно указать на тот факт, что, пытаясь

проникнуть в сон, зарегистрированный в томе седьмом «Указателя» под номером AXR-11 GG7, вместо этого я оказался в до сих пор не классифицированном сне иноптативной категории. Меня окружали очаровательнейший пейзаж и компания высокообразованных мужчин с утонченными манерами и артистическими наклонностями. У некоторых были мягкие шелковистые бороды каштанового оттенка, а другие изящно завивали локоны, причем все они были в высшей степени дружелюбны.

Мы обсуждали множество вопросов, но в данном случае следует упомянуть только о самых существенных. В их мире любое имущество принадлежит всем, а жадность неизвестна. Для того чтобы у каждого было свободное время, необходимое для всестороннего развития личности, количество утомительного труда сводится к минимуму, и обязанности распределяются поровну. «Мир во всем мире» — их непреложный принцип; для них немыслимо нанести удар другому человеку, гневно возвысить голос или подвергнуть другого высокомерной критике. Оружие? Одна мысль о возможности ношения оружия вызывает у них содрогание и шок.

Один из мужчин особенно подружился со мной

и много рассказывал об их образе жизни. «Мы едим питательные орехи и семена, — говорил он, — а также сочные фрукты. Мы пьем только чистейшую воду из естественных источников. По ночам мы сидим вокруг костра и поем — не слишком долго — веселые песни. Когда празднуется какое-нибудь торжество, мы приготовляем пунш под названием «опо» из свежих фруктов, натурального меда и сладкого кунжута — каждый пьет, сколько хочет».

«Тем не менее, — говорил мой друг, — нам тоже известна печаль. Смотри! Вот сидит благородный юноша, Пульмер. Он умеет танцевать и прыгать с чудесной грацией. Вчера он попытался перепрыгнуть ручей, но упал в воду. Мы поспешили его утешить, и вскоре он снова развеселился».

«А женщины? — спросил я. — Где они, что они делают?»

«Да-да, женщины! Мы глубоко их уважаем за доброту, силу характера, мудрость и терпение, а также за разборчивость и деликатность их суждений! Иногда они даже присоединяются к нам у костра и устраивают замечательные игры и развлечения. Причем женщины всегда внимательно следят за тем, чтобы никто не делал никаких глупостей, и никто из нас никогда не

нарушает приличия!»

«Приятная и легкая жизнь! Как же вы размножаетесь?»

«О-хо-хо! Видишь ли, если мы ведем себя особенно послушно и любезно, порой женщины позволяют нам некоторые вольности… А! Постойка! Веди себя наилучшим образом! Приближается сама Великая Леди!»

По лугу подходила Ллорио-Мюрте, женщина непорочная и властная. Все мужчины вскочили на ноги и стали приветствовать ее, размахивая руками и улыбаясь. Она обратилась ко мне: «Вермулиан! Ты явился, чтобы нам помочь? Превосходно! Твои навыки потребуются для достижения наших целей. Приветствую тебя в нашем кругу!»

Очарованный ее величавой грацией, я сделал шаг вперед, чтобы дружески и радостно обнять ее, но, как только я протянул к ней руки, она выпустила мне в лицо пузырь. Не успев ни о чем ее расспросить, я проснулся в беспокойстве и замешательстве.

— Могу избавить вас от всякого замешательства, — сказал Лехустер. — На вас напустили сглаз.

— Во сне? — возмутился Вермулиан. — Не могу

сделать столь абсурдное допущение!

Ильдефонс, однако, встревожился:

— Лехустер, не могли бы вы просветить нас: каким образом в данном случае можно распознать наличие заговóра?

— Очень просто. В последней стадии жертва становится женщиной. Ранним внешним признаком превращения служит привычка быстро высовывать язык и сразу засовывать его обратно в рот. Разве вы не заметили такую манеру среди своих коллег?

— Только у Занзеля. Но он — один из самых заслуженных и достойных доверия членов нашего сообщества. Его превращение в женщину немыслимо.

— Когда имеешь дело с Мюрте, немыслимое становится повседневным, а репутация Занзеля стóит не дороже прошлогоднего мышиного помета — по сути дела, гораздо меньше.

Занзель ударил кулаком по столу:

— Меня возмущают подобные подозрения! Неужели я не могу даже облизать губы, не подвергаясь целому шквалу оскорбительных обвинений?

И снова Ильдефонс строго обратился к Лехустеру:

— Должен сказать, что жалобы Занзеля вполне

обоснованны. Вам следует либо выступать с недвусмысленными обвинениями, представив документальные и вещественные доказательства, либо придерживать язык.

Лехустер вежливо поклонился:

— Я сделаю краткое заявление. По существу, Мюрте следует укротить — если мы не желаем стать свидетелями окончательного триумфа женщин над мужчинами. Необходимо сформировать союз, способный к эффективному сопротивлению! Мюрте не всесильна, ей можно нанести поражение — три эона прошли с тех пор, как ее победил Каланктус, и теперь она не может вернуться в прошлое.

Ильдефонс весомо заключил:

— Если доверять твоему анализу, мы обязаны взять на себя ответственность за предотвращение грядущего пангинетического кошмара.

— Первоочередное внимание следует уделять настоящему, а не будущему! Мюрте уже приступила к действию!

— Чепуха, наглый дикий бред! — воскликнул Занзель. — Лехустер, у тебя нет ни стыда ни совести!

— Должен признаться, я в некотором замешательстве, — сказал Ильдефонс. — Почему бы

Мюрте выбрала для своей деятельности именно наше время и наши края?

— Здесь и сейчас она не встречает практически никакого сопротивления, — ответил Лехустер. — Взгляните вокруг! Что вы видите? Вы видите пятнадцать тюленей, дрыхнущих на солнышке: педантов — таких как Чамаст, мистиков — таких как Ао, шутов гороховых — таких как Хуртианц и Занзель. Вермулиан изучает незарегистрированные сны с блокнотом в руках, пользуясь штангенциркулем и пробирками для сбора образцов. Тойч корректирует конфигурацию элементов его частной бесконечности. Риальто творит чудеса исключительно для того, чтобы производить впечатление на едва достигших половозрелости девиц. Тем не менее, напустив трансформирующий сглаз на всю эту компанию, Мюрте способна создать полезный для нее отряд ведьм, в связи с чем ее потуги необходимо пресечь.

Ильдефонс спросил:

— Лехустер, таково твое представление о «кратком заявлении»? Разве это ответ на мой вопрос? Все твои замечания — слухи, домыслы, скандальные намеки и предубеждения, ничего больше!

— Пожалуй, я позволил себе некоторые пре-

увеличения, чтобы внести ясность в положение вещей, — пожал перистыми плечами Лехустер. — Кроме того, откровенно говоря, я забыл, в чем заключался ваш вопрос.

— Тебя попросили представить вещественные доказательства наличия упомянутого ранее заговóра.

Лехустер переводил взгляд с одного лица на другое. Каждый из чародеев высовывал кончик языка и тут же прятал его в рот.

— Увы! — вздохнул Лехустер. — Боюсь, мне придется воспользоваться другим случаем, для того чтобы закончить свои показания.

Зал взорвался сумятицей искристых огней и завываний. Когда снова наступило спокойствие, Лехустер исчез.

3

Ночь спустилась на Верхние и Нижние Луга. В лаборатории Риальто в Фалу́ Ильдефонс принял из рук хозяина усадьбы стаканчик аквавита и устроился в кожаном шезлонге.

Несколько минут два чародея с подозрением поглядывали друг на друга, после чего Ильдефонс глубоко вздохнул:

— Двум старым друзьям приходится удосто-

вериться в том, что они — действительно они, прежде чем сесть и поговорить без обиняков. Печальный случай!

— Прежде всего — самое важное, — отозвался Риальто. — Нужно окружить помещение охранной сетью, чтобы никто не подслушивал и не подглядывал… Вот так! А теперь перейдем к делу. Мне удалось избегнуть сглаза; остается только доказать, что вы сами не подвергаетесь преобразованию.

— Не спешите! — возразил Ильдефонс. — Испытание должны пройти мы оба. Взаимное доверие не может опираться на одну ногу.

Риальто уныло пожал плечами:

— Как вам угодно — хотя проверка как таковая не способствует сохранению достоинства.

— Неважно — она необходима!

Два чародея прошли испытание, и результаты удовлетворили обоих. Ильдефонс сказал:

— Откровенно говоря, я слегка встревожился, когда заметил у вас на столе «Изречения и догматы» Каланктуса.

Риальто произнес доверительным тоном:

— Когда я встретил Ллорио в лесу, она самым настойчивым образом пыталась воспламенить мое воображение своей красотой. Галантность

не позволяет мне вдаваться в подробности, но я сразу распознал ее, и даже мое общеизвестное тщеславие не позволяло мне представить ее в роли охваченной страстью нимфоманки — только столкнув меня в пруд, она смогла отвлечь мое внимание, чтобы напустить на меня сглаз. Вернувшись в Фалу́, я применил все терапевтические процедуры, предписанные Каланктусом, и таким образом избавился от загово́ра.

Ильдефонс поднял стаканчик к губам и залпом опорожнил его.

— Она явилась и передо мной — на возвышенном уровне. Я встретился с ней во сне наяву, на обширной равнине, размеченной координатной сеткой искаженных абстрактных перспектив. Она стояла на кажущемся расстоянии, в пятидесяти метрах, излучая серебристо-бледную красоту, по-видимому, предназначенную для того, чтобы меня обворожить. При этом она казалась мне высокой — очень высокой, словно я смотрел на нее вверх, как ребенок. Психологическая уловка, разумеется, заставившая меня улыбнуться.

Я обратился к ней прямо и откровенно: «Ллорио-Мюрте, я хорошо тебя вижу — тебе вовсе не обязательно увеличиваться в размерах».

Она ответила достаточно вежливо: «Ильде-

фонс, не беспокойся о моих размерах. Значение моих слов не изменится от того, как я буду их произносить, свысока или из-под земли».

«Все это прекрасно и замечательно, но зачем рисковать головокружением? Твои естественные пропорции, несомненно, радуют глаз гораздо больше. Я различаю каждую пору на твоем носу. Тем не менее все это неважно — какая разница? Зачем ты забрела в мои думы?»

«Ильдефонс, ты — мудрейший из ныне живущих мужчин. Лучше поздно, чем никогда! Женщины все еще могут преобразовать Вселенную! Прежде всего я сделаю вылазку на Садаль-Сууд, чтобы возродить древнюю мечту человечества под Семнадцатью Лунами. Твое доброжелательное влияние, твои доблесть и величие во многом способствовали бы той функции, которую тебе придется выполнять».

Мне не понравилось направление ее мыслей. Я сказал: «Ллорио, ты — женщина невыразимой красоты, но тебе, на мой взгляд, не хватает той провокационной теплоты, которая привлекает мужчину к женщине и служит катализатором внешней привлекательности».

Мюрте сухо ответила: «Упомянутое тобой качество — унизительная похотливость; к счастью,

она давно устарела. Что же касается невыразимой красоты, это апофеозное качество генерируется торжествующей внутренней гармонией женской души, которую ты, со свойственной мужскому восприятию грубостью, способен ощущать лишь как приятные для глаз очертания фигуры».

Я отозвался со свойственным мне тактом: «Каким бы грубым ни было мое восприятие, меня вполне удовлетворяет то, что я вижу, и прежде чем совершать вылазки на далекие планеты, давай торжествующе промаршируем в мою спальню в Бумергарте, она неподалеку, где мы сможем продемонстрировать друг другу все наши достоинства. Пойдем! Снизойди до естественных размеров, чтобы я мог взять тебя за руку. В том виде, в каком ты явилась передо мной сейчас, мне будет очень неудобно к тебе приспособиться, не говоря уже о том, что под твоим великанским весом рухнет кровать. По сути дела, в такой ситуации ни один из нас даже не заметит совокупление».

Ллорио презрительно обронила: «Ильдефонс, ты — отвратительный дряхлый сатир. Теперь мне ясно, что я ошиблась в оценке твоих полезных качеств. Тем не менее ты обязан служить нашему делу с полной отдачей, и никак иначе!»

Она величаво удалилась в эксцентрические изгибы перспектив и с каждым шагом, казалось, становилась все меньше — либо в связи с увеличением расстояния, либо вследствие фактического сокращения ее размеров. Она шла задумчиво — походкой, которую почти можно было бы истолковать как приглашающую. Я поддался внезапному порыву и последовал за ней — сначала размеренным шагом, затем все быстрее и быстрее, пока не помчался прыжками, но в конце концов выдохся и упал. Ллорио обернулась и сказала: «Видишь? Вульгарность характера заставляет тебя забыть о достоинстве, как последнего глупца!»

Она сделала быстрый жест рукой, напустив на меня сглаз, угодивший мне прямо в лоб: «А теперь я разрешаю тебе вернуться в свою усадьбу». И с этими словами исчезла.

Я проснулся на койке в лаборатории, тут же обратился к сборнику трудов Каланктуса и применил в полной мере все рекомендованные им профилактические процедуры.

— В высшей степени любопытно! — пробормотал Риальто. — Хотел бы я знать, как Каланктус с ней справился?

— Так же, как надлежит действовать и нам. Он

сформировал группу надежных и неутомимых союзников.

— Вот именно, но где и как это сделать? Занзеля уже сглазили, причем явно не его одного.

— Принесите дальноскоп — убедимся в наших потерях, как это ни прискорбно. Может быть, кого-то еще можно спасти.

Риальто выкатил древний инкрустированный табурет с резными ножками на колесиках, навощенный столько раз, что он почти полностью почернел.

— На кого вы желаете взглянуть в первую очередь?

— Попробуйте сфокусировать прибор на стойком, хотя и довольно-таки загадочном Гильгаде. Он человек проницательный, его трудно провести на мякине.

— Вас может ожидать разочарование, — предупредил Риальто. — Когда я взглянул на него в последний раз, на конклаве, частым движениям его языка могла бы позавидовать почуявшая добычу змея. — Риальто нажал на одну из раковин, украшавших край табурета, и произнес заклинание. На поверхность прибора спроецировалось миниатюрное изображение Гильгада в окружавшем его помещении.

Гильгад стоял посреди кухни в своей усадьбе, Труме, и делал выговор повару. На нем не было обычного красного костюма сливового оттенка — теперь он носил розово-красные панталоны, кокетливо перевязанные в талии и на лодыжках черными ленточками. На черной блузе Гильгада красовалась изящная вышивка, изображавшая красных и зеленых птиц. Прическа Гильгада тоже изменилась: пышные волнистые локоны, искусно завитые и подстриженные, закрывали его уши, причем это произведение парикмахерского искусства украшали две изящные булавки с рубинами и дорогостоящий плюмаж из белых перьев.

— Гильгад не терял времени, подчиняясь диктату последней моды, — проворчал Риальто.

Ильдефонс поднял руку:

— Слушайте!

Из дальноскопа тихо доносился гневный, взволнованный голос Гильгада:

— Здесь повсюду следы жира и копоти! Я мог смириться с этим в период предыдущего получеловеческого существования, но теперь я смотрю на вещи, в том числе на эту грязную и убогую кухню, совсем по-другому. Отныне я требую безукоризненной чистоты и аккуратности! Все

поверхности, все участки должны быть выскоблены начисто, чтобы на них не осталось ни единого пятнышка! Но это еще не все! Мое превращение может казаться прислуге странным — не сомневаюсь, что вы отпускаете шуточки по этому поводу у меня за спиной, — но у меня чуткий слух, и я тоже умею шутить! Надеюсь, достаточно упомянуть Кьюния, который с недавних пор выполняет свои обязанности, прыгая на маленьких мягких лапках, помахивая длинным мышиным хвостиком и пища от страха при виде кошки?

Риальто нажал на раковину, чтобы удалить изображение Гильгада.

— Увы! Гильгад всегда любил модно одеваться — и, как вам известно, отличался в какой-то мере неустойчивым, даже язвительным, темпераментом. Сглаз, очевидно, не облагораживает жертв. Что ж, с Гильгадом все ясно. Кто следующий?

— Навестим Эшмиэля — уверен, что его приверженность нашим принципам не поколебалась.

Риальто прикоснулся к раковине; на поверхности табурета появилось изображение Эшмиэля в гардеробной его усадьбы Силь-Соум. Раньше наружность Эшмиэля поражала резким, бескомпромиссным контрастом — правая сторона его тела была белой, а левая — черной, его одежде

была свойственна сходная расцветка, хотя ее покрой нередко можно было назвать причудливым или даже легкомысленным[6].

Подвергнувшись сглазу, Эшмиэль по-прежнему предпочитал колоритные контрасты, но теперь он, судя по всему, колебался в выборе между сочетаниями синего и лилового, желтого и оранжевого, розового и темно-коричневого — судя по расцветке одежды манекенов, расставленных в гардеробной. Эшмиэль расхаживал перед глазами наблюдавших за ним Ильдефонса и Риальто, разглядывая то один, то другой манекен, но не находя ничего, что точно соответствовало бы его вкусу; очевидно, это вызывало у него раздражение.

Ильдефонс глубоко вздохнул:

— Эшмиэль пропал, это ясно. Придется сжать зубы и проверить, что случилось с другими; сначала взглянем на Хуртианца, а затем, пожалуй, на Нежнейшего Лоло.

---

[6] Notes: 6

Коллеги Эшмиэля, предпочитавшие более глубокомысленный подход, нередко предполагали, что Эшмиэль символизировал таким образом изначальные полярные противоположности, разделяющие Вселенную, в то же время подтверждая бесконечное разнообразие последствий, проистекающее из кажущейся простоты исходного принципа. Эти чародеи-философы считали характерное самовыражение Эшмиэля проникновенным, но оптимистическим, хотя сам Эшмиэль отказывался анализировать свою внешность. (*Прим. авт.*)

На поверхности табурета появлялся чародей за чародеем, и в конце концов не осталось никаких сомнений в том, что заговóр подействовал на всех.

Риальто мрачно заметил:

— Ни один из околдованных членов ассоциации не проявляет никаких признаков подавленности! Все они наслаждаются трансформацией, как если бы она была даром небес! Неужели мы с вами отреагировали бы таким же образом?

Ильдефонс поморщился и дернул себя за светлую бороду:

— От одной мысли об этом кровь холодеет в жилах.

— Так что мы остались одни, — заключил Риальто. — И решения придется принимать нам одним.

— Это непросто, — после некоторого размышления сказал Ильдефонс. — Нас атаковали! Следует ли нанести ответный удар? Если так, каким образом? И даже зачем? Этот мир, так или иначе, обречен.

— Но я еще не обречен! Я — Риальто, и подобное обращение меня оскорбляет!

Ильдефонс задумчиво кивнул:

— Несомненно, это важнейший фактор. Я, Иль-

дефонс, возмущен не меньше вашего!

— Более того, вы — Настоятель Ильдефонс! Для вас настало время воспользоваться законными полномочиями.

Ильдефонс смотрел на Риальто полузакрытыми невинно-голубыми глазами.

— Согласен! И я назначаю вас исполнителем моих директив!

Риальто проигнорировал комплимент.

— Я подумываю о звездоцветах.

Ильдефонс выпрямился на стуле:

— Что именно вы имеете в виду?

— Вы должны постановить, на основании действующих правил, что все звездоцветы подвергнувшихся заговору чародеев должны быть конфискованы. После этого мы остановим время и разошлем инкубов, чтобы они собрали камни.

— Все это замечательно. Наши коллеги, однако, нередко скрывают сокровища, причем весьма изобретательно.

— Должен признаться, на протяжении многих лет я предавался своего рода капризному развлечению. Я определил тайное местонахождение каждого из звездоцветов, ныне принадлежащих членам ассоциации. Например, вы храните свои камни в воде, в бачке туалета при вашей лабо-

ратории.

— Неблагородное развлечение, должен заметить! Тем не менее в данный момент нет возможности обращать внимание на мелкие неприятности. Посему я повелеваю конфисковать все звездоцветы, находящиеся в распоряжении наших околдованных бывших коллег. А теперь, будьте добры, провозгласите заклинание, замораживающее пространственно-временной континуум, а я вызову своих инкубов — Ошерля, Сциска и Вальфинга.

— Мои инкубы, Топо и Беллюм, тоже готовы выполнять свои обязанности.

Конфискация была осуществлена с почти излишней эффективностью. Ильдефонс заявил:

— Мы нанесли противнику болезненный удар. Теперь наша позиция недвусмысленна, мы бросили вызов смело и откровенно!

Нахмурившись, Риальто разглядывал камни:

— Хорошо, мы нанесли удар, мы бросили вызов. Что теперь?

Ильдефонс надул щеки:

— Было бы целесообразно спрятаться, до тех пор, пока Мюрте не удалится.

Риальто недовольно хмыкнул:

— Если она нас найдет и вытащит, возмущенно

пищащих, из наших нор, мы потеряем всякое представление о достоинстве. Конечно же, Каланктус поступил бы иначе.

— Тогда давайте узнаем, как поступил бы Каланктус, — сказал Ильдефонс. — Принесите «Абсолюты» Паджиоре, он посвятил Мюрте целую главу. Кроме того, нам пригодятся «Декреты» Каланктуса и, если он у вас есть, трактат «Каланктус: его средства и методы».

Еще не рассвело. Небо над далеким Диковатым озером слегка озарилось расплывчатыми проблесками сливового, аквамаринового и темно-розового оттенков. Риальто захлопнул чугунный переплет «Декретов».

— Не нахожу ничего полезного. Каланктус описывает настойчивость и целеустремленность женского гения, но не предлагает никаких конкретных защитных мер.

Ильдефонс, просматривавший страницы «Доктрин» Каланктуса, заметил:

— Я нашел любопытный отрывок. Каланктус сравнивает женщину с Циэйским океаном, поглощающим, во всем его объеме, настойчивый напор Антиподального течения, огибающего мыс Спанг, но только постольку, поскольку преобладает штиль. Как только ветер слегка нарушает

баланс, океан, казавшийся мирным, огибает мыс в противоположном направлении — сокрушительной трехметровой или даже шестиметровой волной. После восстановления равновесия и высвобождения напряжений Циэйский океан возвращается в прежнее состояние, невозмутимо поглощая течение. Вы согласны с тем, что этот пассаж — истолкование женской духовной сущности?

— Не совсем, — возразил Риальто. — Каланктус порой почти злоупотребляет гиперболами. Этот отрывок можно рассматривать как типичный пример — тем более что Каланктус не предлагает никакого способа упреждения или хотя бы отвода в сторону Циэйского паводка.

— Возникает впечатление, что он не призывает сопротивляться, в обычном смысле этого слова, напору волны, — скорее, он рекомендует переждать ее на палубе надежного корабля с высоким надводным бортом.

Риальто пожал плечами:

— Возможно. Как всегда, туманный символизм вызывает у меня нетерпение. Какая польза нам, в нынешней ситуации, от этой аналогии?

Ильдефонс размышлял вслух:

— По-видимому, Каланктус намекает, что вме-

сто того, чтобы отвечать на силовое воздействие Мюрте подобным же силовым воздействием, нам следует, если можно так выразиться, оседлать волну накопленной ведьмой энергии и дождаться того момента, когда она будет истрачена, после чего, подобно добротным кораблям, мы окажемся в безопасности и продолжим плавание.

— Опять же, приятная перспектива, но слишком расплывчатая. Мюрте излучает первобытную, всепроникающую силу.

Поглаживая бороду, Ильдефонс рассеянно смотрел в пространство.

— По сути дела, невольно приходит в голову вопрос: свойственны ли ей — или, если можно так выразиться, побуждают ли ее — те же страстность, изобретательность и выносливость, когда дело доходит, скажем, до…

— Сущность вашего рассуждения вполне понятна, — прервал его Риальто. — Скорее всего, однако, это не может иметь никакого отношения к делу.

Ильдефонс с сожалением покачал головой:

— Иногда мысли развиваются сами собой в самых неожиданных направлениях.

Откуда-то из темного угла стремительно вылетело золотистое насекомое, прожужжало вокруг

светильника и улетело обратно в темноту. Риальто встревожился:

— Кто-то проник в мою усадьбу и теперь ожидает в гостиной. — Он подошел к двери, открыл ее и громко позвал: — Кто там? Отвечай, или тебе придется плясать тарантеллу на пылающих углях!

— Стойте, не спешите с заклинаниями! — отозвался голос. — Это я, Лехустер!

— В таком случае иди сюда.

В лабораторию зашел Лехустер — запыленный, хромающий, с растрепанными перьями на плечах, явно в состоянии полного изнеможения. Он принес с собой мешок и с облегчением бросил его на обитую кожей софу под окном.

Ильдефонс нахмурился и смотрел на посетителя с неодобрением:

— Так что же, Лехустер? Решил наконец вернуться? На протяжении ночи мы могли бы десять раз воспользоваться твоими советами, но ты не соблаговолил участвовать в нашем совещании. Надо полагать, ты можешь о чем-то сообщить?

Риальто протянул Лехустеру стаканчик аквавита:

— Выпей — это поможет снять усталость. А после этого говори!

Лехустер залпом опорожнил стаканчик.

— Ага! Выпивка редкостного качества! Очень кстати… Ничего особенного сообщить не могу, хотя мне пришлось порядком потрудиться этой ночью, занимаясь самыми неотложными вещами. Все чародеи заколдованы, кроме вас двоих. Мюрте, однако, считает, что уже контролирует всю ассоциацию.

— Что? — воскликнул Риальто. — Она о нас такого низкого мнения?

— Неважно, неважно! — Лехустер отдал пустой стаканчик. — Будьте добры, налейте еще! На одном крыле далеко не улетишь, как говорится… Кроме того, Мюрте экспроприировала все звездоцветы, чтобы распорядиться ими по своему усмотрению.

— Это не так! — усмехнулся Ильдефонс. — Мы предусмотрительно конфисковали их раньше.

— Вы собрали кучу цветных стекляшек. Мюрте похитила настоящие камни — в том числе ваши и камни Риальто — и заменила их фальшивками.

Риальто подбежал к корзине, где находились собранные накануне камни, и простонал:

— Подлая ведьма нас хладнокровно ограбила!

Лехустер указал на лежавший под окном мешок:

— На этот раз мы ее облапошили. Вот настоя-

щие камни! Я их похитил, пока она принимала ванну. Надо полагать, вы можете послать инкуба, чтобы он заменил их поддельными. Еще есть время — торопитесь, пока Мюрте одевается и причесывается. Тем временем спрячьте настоящие камни где-нибудь в извилистой расщелине другого измерения, чтобы их у вас не украли опять.

Риальто вызвал инкуба Беллюма и дал ему соответствующие указания.

Тем временем Ильдефонс повернулся к Лехустеру:

— Каким образом Каланктус нанес поражение этой ненасытной хищнице?

— Подробности ее заключения в точечное пространство все еще окутаны тайной, — отозвался Лехустер. — По-видимому, Каланктус применил преобладающую магическую силу, и Ллорио потеряла способность сопротивляться.

— Хммф. Нам нужны дополнительные сведения о Каланктусе. В хрониках не упоминается его смерть. Он может все еще существовать где-нибудь на Дальнем Севере, в Кутце!

— Мюрте тоже беспокоится по этому поводу, — кивнул Лехустер. — В связи с чем мы могли бы привести ее в замешательство и заставить отступить.

— Каким образом?

— Нельзя терять время. Вам с Риальто следует создать идеальное подобие Каланктуса — в этом отношении по меньшей мере я могу оказать необходимую помощь. Такое воплощение не обязательно должно быть долговечным, но его жизнеспособность должна быть достаточной для того, чтобы Ллорио убедилась в неизбежности повторного конфликта с Каланктусом.

Ильдефонс с сомнением дернул себя за бороду:

— Это сложная задача.

— И для ее решения почти не осталось времени! Учитывайте, что, захватив звездоцветы, вы бросили Мюрте вызов, который она не может игнорировать!

Риальто вскочил на ноги:

— Что ж, поспешим! Последуем рекомендации Лехустера. Время не ждет!

— Хммф! — продолжал ворчать Ильдефонс. — Я не доверяю этому полоумному выродку. Разве нет другого, не столь утомительного способа?

— Есть! Мы можем скрыться в другом измерении!

— Вы меня достаточно хорошо знаете, чтобы не предлагать позорный побег! — отозвался Ильдефонс. — За работу! Заставим ведьму с ис-

пуганными воплями, прыжками, задирая юбки, продираться через кусты ежевики!

— Да будет так! — провозгласил Лехустер. — За работу!

На лабораторном столе формировалось воплощение Каланктуса: сначала проволочный каркас из серебра и тантала, опиравшийся на сочлененную позвоночную решетчатую ферму, затем расплывчатая дымчатая оболочка приблизительных концепций, после чего — череп и сенсориум, в который чародеи загружали все труды Каланктуса, а также сотни других трактатов, каталогов, компендиумов, пантологий и универсальных синтезов, пока Лехустер не призвал их остановиться:

— Он уже знает в двадцать раз больше самого Каланктуса! Сможет ли он упорядочить и усвоить такую массу материала?

Воплощению нарастили и натянули мышцы, нанесли кожное покрытие и прикрыли голову шапочкой густых, коротко подстриженных черных волос. Лехустер долго и напряженно корректировал черты лица: формы и размеры выдающегося подбородка и короткого прямого носа, ширину и высоту лба, кривизну бровей и залысин.

После того как чародеи закрепили уши и отрегулировали слуховые каналы, Лехустер размеренно и отчетливо произнес:

— Ты — Каланктус, величайший из героев восемнадцатого эона!

Глаза воплощения открылись и сосредоточились на Лехустере.

— Я твой друг, — сказал Лехустер. — Встань, Каланктус! Садись в это кресло.

Приложив лишь небольшое усилие, воплощение Каланктуса приподнялось на столе, опустило на пол сильные ноги, встало, подошло к креслу и уселось в него.

Лехустер повернулся к Ильдефонсу и Риальто:

— Было бы лучше, если бы вы удалились в гостиную на несколько минут. Мне нужно внушить ему воспоминания и ассоциации, чтобы он практически не отличался поведением от прототипа — такого, каким был при жизни.

— Воспоминания, накопленные в течение всей жизни, — за несколько минут? — усомнился Ильдефонс. — Это невозможно!

— Возможно — посредством растяжения времени! Я научу его музыке и поэзии — он должен напоминать оригинал не только манерами и жестикуляцией, но и страстностью эмоций. Вот этот

магический инструмент, напоминающий высохший лепесток, творит чудеса своим ароматом.

Ильдефонс и Риальто довольно-таки неохотно вышли в гостиную и оставались там, глядя в небо, светлевшее над Нижними Лугами.

Лехустер позвал их обратно в лабораторию.

— Перед вами Каланктус. Его ум обогащен знаниями — возможно, более обширными и глубокими, чем концепции, доступные его прототипу. Каланктус, перед тобой Ильдефонс и Риальто, они — твои друзья.

Каланктус переводил взгляд светло-голубых глаз с одного лица на другое.

— Рад слышать! Насколько мне известно, мир остро нуждается в дружелюбии.

Повернувшись к двум чародеям, Лехустер пробормотал:

— Он, конечно, Каланктус, но заметна какая-то разница — точнее, отсутствие какого-то свойства. Я перелил ему литр своей крови. Возможно, этого недостаточно… Что ж, поживем — увидим.

Ильдефонс спросил:

— Как насчет магической силы? Способен ли он осуществлять заклинания?

Лехустер взглянул на воплощение Каланктуса.

— Я загрузил звездоцветы в его сенсориум. Он

полон внутренней силы. Внешнее беззаботное спокойствие объясняется тем, что ему еще никто не причинял никакого вреда.

— Что он знает о Мюрте?

— Все, что можно узнать. Но он не проявляет никаких эмоций по этому поводу.

Ильдефонс и Риальто скептически разглядывали свое творение.

— Он все еще выглядит как абстрактное подобие Каланктуса, не руководствующееся решительными волевыми побуждениями, — заметил Риальто. — Не можем ли мы придать ему более отчетливый характер настоящего Каланктуса?

Лехустер колебался:

— Можем. Вот амулет в виде скарабея — Каланктус всегда носил его на кисти руки. Помогите ему одеться — после этого я вручу ему скарабея.

Через десять минут Ильдефонс и Риальто вернулись из гардеробной вместе с воплощением Каланктуса в черном шлеме, в кирасе из полированного черного металла, в черном плаще, черных галифе и черных сапогах с серебряными пряжками.

Лехустер кивнул:

— Так ему и подобает одеваться. Каланктус, протяни руку! Я передам тебе браслет с амулетом

в виде скарабея — его носил первый Каланктус, личность которого ты должен унаследовать. Теперь это твой браслет, надень его. Всегда носи его на кисти правой руки.

— Я ощущаю прилив энергии, — сказал новый Каланктус. — Я силен! Я — Каланктус!

Риальто спросил:

— Достаточно ли ты силен для того, чтобы повелевать магическими чарами? Обычному человеку приходится отрабатывать навыки сорок лет, чтобы стать учеником чародея.

— Я могу повелевать магическими чарами.

— Пойдем же! Тебе предстоит усвоить «Энциклопедию» и три тома «Наследия» Фандаала. Если после этого ты не умрешь и не сойдешь с ума, я провозглашу тебя самым могущественным чародеем из всех, кого мне привелось повстречать. Пойдем обратно в лабораторию!

Ильдефонс остался в гостиной. Проходили минуты… Из лаборатории послышался странный сдавленный возглас, быстро оборвавшийся.

В гостиную решительным шагом вернулся Каланктус; за ним, едва волоча ноги, следовал слегка побледневший (даже позеленевший) Риальто.

Каланктус мрачновато произнес, обращаясь к

Ильдефонсу:

— Я впитал магию. У меня в голове роятся тысячи заклинаний. Они соперничают и рвутся на волю, как дикие звери, во всевозможных направлениях, но пока что мне удается их сдерживать. Скарабей придает мне силу.

Лехустер сказал:

— Пора действовать. На лугу собираются женственные колдуны: Занзель, Ао Опалоносец, Барбаникос и прочие. Они бранятся, они возбуждены… По сути дела, Занзель уже идет сюда.

Риальто взглянул на Ильдефонса:

— Следует ли воспользоваться этой возможностью?

— Глупо было бы ее упустить!

— Я тоже так думаю. Прошу вас, укройтесь в беседке за усадьбой…

Риальто вышел на переднюю террасу навстречу Занзелю, тотчас же разразившемуся возмущенными протестами в связи с пропажей звездоцветов.

— Вы совершенно правы! — откликнулся Риальто. — Это беспардонное хищение совершено по велению Ильдефонса. Проследуйте за мной в беседку за усадьбой, и я возмещу нанесенный ущерб.

Занзель прошел к беседке за усадьбой, где Ильдефонс привел его — точнее, ее — в бесчувственное состояние «Заклятием внутреннего одиночества». Ладанк, камердинер Риальто, отвез обмякшее тело Занзеля на тачке в сарай садовника.

Ободренный первым успехом, Риальто снова вышел на переднюю террасу и подозвал жестом Барбаникоса; тот последовал за Риальто к беседке за усадьбой, и его постигла та же судьба, что и Занзеля.

Так же обстояло дело и с Ао Опалоносцем, Нежнейшим Лоло, Хуртианцем и другими, пока на лугу не остались только сохранившие рассеянность даже в женственном варианте Вермулиан и Дидактор Чамаст — они не обратили внимания на призывную жестикуляцию Риальто.

В белом клубящемся вихре на луг внезапно спустилась Ллорио-Мюрте. На ней было белое платье до колен и серебряные сандалии, ее волосы стягивал черный обруч. Она о чем-то спросила Вермулиана; тот указал на Риальто, стоявшего на террасе усадьбы Фалу́.

Ллорио медленно приблизилась. Из беседки вышел Ильдефонс. Увидев Белую Ведьму, он храбро протянул к ней руку и провозгласил удвоенное

«Заклятие внутреннего одиночества». Заклятие отразилось от ведьмы и вернулось, поразив Ильдефонса, — тот оцепенел и упал навзничь.

Ллорио-Мюрте остановилась:

— Риальто! Ты заманил в западню мою свиту. Ты украл мои магические самоцветы. Теперь ты отправишься со мной на Садаль-Сууд, но уже не в качестве ведьмы, а в качестве лакея, выполняющего самую унизительную работу, — таково будет твое наказание. Ильдефонса ожидает не лучшая судьба.

Из усадьбы Фалу́ вышел Каланктус. Весь в черном, он остановился на крыльце. У Ллорио отвисла челюсть, ее плотно сжатые губы раскрылись.

Ллорио хрипло проговорила:

— Как ты здесь оказался? Как ты вырвался из треугольника? Как... — Она замолчала, словно поперхнувшись, и с испугом уставилась в лицо Каланктусу. Наконец она снова обрела дар речи:

— Почему ты на меня так смотришь? Я не нарушала обязательства и теперь возвращаюсь на Садаль-Сууд! Здесь, на Древней Земле, я сделала только то, что требовалось сделать, а вот ты нарушил наш договор!

— Я тоже сделал то, что требовалось, и теперь

это придется сделать опять, ибо ты заколдовала мужчин-чародеев, чтобы превратить их в ведьм, и тем самым нарушила великий закон, согласно которому мужчине суждено быть мужчиной, а женщине — женщиной!

— Когда закон сталкивается с необходимостью, он уступает — так сказано в твоих собственных «Декретах»!

— Это несущественно. Да, ты вернешься на Садаль-Сууд! Вернешься тотчас же — одна, без тех, кого обворожила.

Ллорио отозвалась:

— Мне все равно. Жалкая горстка неудачников! Они не годятся ни в чародеи, ни в ведьмы. Честно говоря, я просто хотела развлечься, устроив себе нечто вроде придворной свиты.

— Так ступай же, Мюрте!

Ллорио взглянула на Каланктуса со странным смешанным выражением озадаченности и неудовлетворенности. Она даже не сдвинулась с места — что, по-видимому, должно было служить насмешливой провокацией.

— Эоны не прошли для тебя даром: ты обмяк, будто сделан из теста! Помнишь, как ты мне угрожал? Чтó ты обещал со мной сделать, если мы встретимся снова? — Она сделала шаг вперед

и холодно усмехнулась: — Ты боишься моего могущества? Так и должно быть! Где теперь твои эротические похвальбы и предсказания?

— Я — мирный человек. У меня в душе царит согласие, я не стремлюсь нападать и подчинять. Я ничем не угрожаю, но обещаю надежду.

Ллорио подошла еще на шаг и всмотрелась противнику в лицо.

— А! — тихо воскликнула она. — Ты всего лишь пустышка, манекен, а не Каланктус. Значит, ты готов познать сладость смерти?

— Я — Каланктус.

Ллорио выкрикнула «Заклятие перекручивающего вихря», но Каланктус отмел его взмахом руки и в ответ произнес «Заклятие семистороннего сжатия», заставшее Мюрте врасплох; она упала на колени. Испытывая сострадание, Каланктус нагнулся, чтобы помочь ей подняться; она изрыгнула голубое пламя, но Каланктус все равно обнял ее за талию обожженными руками.

Ллорио оттолкнула его, лицо ее исказилось гримасой отвращения:

— Ты не Каланктус: у тебя в жилах молоко, а не кровь!

Пока она говорила, скарабей браслета Каланктуса прикоснулся к ее щеке. Ведьма вскрикнула,

из ее уст вырвалось ужасное заклятие — настолько мощный взрыв магической силы, что ее внутренние ткани повредились; кровь потекла у нее изо рта и из носа. Ей пришлось отступить на несколько шагов, чтобы удержаться на ногах, в то время как изуродованный Каланктус, почти разорванный на части, медленно опустился на землю и лег на спину.

Тяжело дыша от обуревавших ее чувств, Ллорио стояла и смотрела вниз, на безжизненное тело. Струйка черного дыма, исходившая из ноздрей воплощения Каланктуса, стелилась над трупом и закручивалась ленивыми витками.

Передвигаясь с неподвижно устремленными вдаль глазами, как завороженный, Лехустер сделал несколько медленных шагов и оказался в облачке этого дыма. Воздух задрожал от рокочущего грома, ослепительно-желтая вспышка сверкнула, как молния: там, где стоял Лехустер, появился человек атлетического сложения, сияющий внутренним светом сквозь кожу. На нем были черные бриджи и сандалии; его ноги ниже колен и грудь были обнажены; у него были черные волосы, угловатое широкое лицо, суровый прямой нос и выступающая нижняя челюсть. Нагнувшись над трупом, он взял браслет со ска-

рабеем и надел его на кисть правой руки.

Новоявленный Каланктус обратился к Ллорио:

— Мои труды не пропали даром! Я появился в этой эпохе в обличии Лехустера, надеясь оставить в прошлом старые обиды и полузабытые страдания, но моим надеждам не суждено было сбыться: отныне все — как прежде. Я — это я, и снова нас объединяет непримиримая вражда!

Ллорио молчала — ее грудь часто вздымалась и опадала.

Каланктус продолжал:

— Где же твои другие заклинания, наносящие смертоносные удары, ломающие кости — или внушающие мужчинам сладострастные мечты и лишающие их решимости? Если ты их помнишь, испытай их на мне, ведь я не человеколюбивый философ, как этот несчастный аватар, мечтавший всех нас помирить и так жестоко наказанный за это судьбой!

— Мечты? Надежды? — воскликнула Ллорио. — Я побеждена, мой мир погиб! Что остается? Ничего! Ни надежды, ни чести — даже гнева и боли больше нет! Все пропало! Пепел несется метелью по пустыне. Все потеряно, все забыто. Лучшие подруги, ближайшие соратницы — их всех уже нет. Кто эти жалкие, опустившие руки

тупицы? Ильдефонс? Риальто? Бестелесные призраки, беспомощно разевающие рты! Надежды? Ничего не осталось. Все пропало, все кончено — даже смерть осталась в прошлом!

Так в страстном отчаянии кричала Ллорио — у нее из носа все еще капала кровь. Каланктус молча стоял, ожидая успокоения горячки поражения.

— Да, я вернусь на Садаль-Сууд. Я проиграла. Меня загнали в угол враги моего пола.

Протянув руку, Каланктус прикоснулся к ее лицу:

— Называй меня врагом, если хочешь! И все же я люблю твои незабываемые черты, высоко ценю твои доблести и твои неповторимые недостатки. И я не хотел бы, чтобы ты изменилась, разве что ты подобреешь.

Ллорио отступила на шаг:

— Я ничего не уступлю и ни в чем не изменюсь!

— Что ж, я всего лишь высказал мимолетное пожелание. Почему ты истекаешь кровью?

— Мой мозг кровоточит. Я растратила все силы, чтобы уничтожить этот несчастный, бесполезный манекен. Я тоже умираю — у меня во рту вкус смерти. Каланктус, ты наконец победил!

— Как обычно, ты преувеличиваешь. Я не победил, и ты не умираешь. Тебе даже не нужно возвращаться на Садаль-Сууд — в это окутанное испарениями болото, кишащее кровососущим гнусом, грызунами и пожирающими их филинами. Такому деликатному существу, как ты, вовсе не подходят подобные условия. Кто будет стирать твое белье в изгнании?

— Ты не позволишь мне умереть и отказываешь мне в бегстве на другую планету? Разве это не поражение из поражений?

— Слова, пустые слова! Послушай: возьми меня за руку, и положим конец этому скандалу.

— Никогда! — вскрикнула Ллорио. — Это стало бы символом твоего окончательного преобладания, а я никогда не сдамся, никогда!

— Я с радостью откажусь от любых символов ради действительности. И тогда ты увидишь, насколько обоснованны мои притязания.

— Никогда! Я не уступлю свое тело похотливому мужчине, кем бы он ни был!

— Тогда по меньшей мере проведи какое-то время в моей компании — мы выпьем вина на террасе моего воздушного замка, будем смотреть на открывающиеся виды и говорить все, что придет в голову.

— Никогда!

— Одну минуту! — вмешался очнувшийся к тому времени Ильдефонс. — Прежде чем вы уйдете, будьте добры, снимите заклятие с чародеев-ведьм из свиты Мюрте. Избавьте нас от этой обременительной обязанности.

— Это совсем не трудно, — усмехнулся Каланктус. — Вызовите вторую ретротропическую волну, после чего примените стабилизирующее заклятие. Это займет несколько минут.

— Да-да, — пробормотал Ильдефонс. — Именно это я и собирался сделать.

Риальто повернулся к Ладанку:

— Привези сюда ведьм и разложи их рядышком на траве.

— А что делать с трупом?

Риальто произнес растворяющее заклинание, и тело погибшего аватара рассыпалось в прах.

Ллорио колебалась — она смотрела то на север, то на юг, явно не желая принимать окончательное решение, после чего стала задумчиво спускаться по лугу. Каланктус последовал за ней. Они остановились лицом к лицу. Ллорио первой проговорила несколько слов, Каланктус ей ответил, и она отозвалась. Оба взглянули на восток и тут же исчезли.

Глава II
Тучеворот Охмура

1

Днем Солнце озаряло Землю тусклыми красновато-коричневыми лучами; ночью было темно и тихо — лишь несколько бледных мерцающих точек в небе напоминали о древних созвездиях. Время лениво тянулось, не внушая никакого стремления к цели, никакой настойчивости, ведь люди редко строили далеко идущие планы.

Прошло три эона с тех пор, как распался Великий Мофолам. Знаменитые мастера магии вымерли, каждого постиг более или менее бесславный конец: одних предали ближайшие друзья и наперсники, других застигли врасплох, одурманенных страстными объятиями, третьи пали жертвами махинаций и тайных сговоров или неожиданных, непреодолимых катастроф.

Чародеи нынешнего двадцать первого эона жили главным образом в мирных долинах рек Альмерии и Асколаиса, хотя иные отшельники все еще предпочитали скрываться в северных просторах Кутца, в малонаселенных окрестно-

стях Рухнувшей Стены или даже в степях Шванга на Дальнем Востоке.

По нескольким причинам (описание каковых выходит за рамки нашего рассказа) современные чародеи составляли разношерстную компанию: собравшись на совещание, они напоминали коллекцию чудесных редких птиц, исключительно заботившихся о неповторимости своего оперения. Несмотря на то что, в отличие от магов Великого Мофолама, в целом они не производили впечатления величия и пышности, чародеи последних дней Земли не в меньшей степени отличались капризностью и своенравием и только после нескольких пренеприятнейших инцидентов убедились в необходимости соблюдения каких-то правил, обеспечивающих взаимную сдержанность. Кодекс этих правил, официально получивший наименование «Монстрамента», а в просторечии именуемый «Голубыми принципами», был выгравирован на гранях голубой призмы, хранившейся в неизвестном посторонним тайнике. В ассоциацию чародеев входили самые влиятельные маги и волшебники Альмерии и Асколаиса. Ильдефонса благодаря его общепризнанной высокой репутации единогласно назначили Настоятелем ассоциации,

наделенным широкими полномочиями.

Ильдефонс обычно жил в Бумергарте, древней цитадели с четырьмя башнями на высоком берегу полноводного Скаума. Его выбрали Настоятелем не только потому, что он строго соблюдал «Голубые принципы», но и в связи с уравновешенностью его темперамента, иногда почти производившей впечатление слабохарактерности. Его терпимость вошла в поговорку; порой Ильдефонс не прочь был побездельничать, обмениваясь скабрезными шуточками в гостях у Нежнейшего Лоло, а уже на следующий день погружался в глубокий анализ умозаключений аскета Чамаста, знаменитого своим подозрительным отношением к любым существам женского пола.

Как правило, Ильдефонс появлялся в обличии добродушного лысеющего мудреца с растрепанной светлой бородой — такая внешность внушала доверие, что нередко позволяло Ильдефонсу пользоваться скрытыми привилегиями, хотя Настоятеля чародеев вряд ли можно было назвать изобретательным или хитроумным.

В настоящее время в ассоциации магов, соблюдавших «Голубые принципы», насчитывалось

двадцать два индивидуума.[7] Несмотря на очевидные преимущества добропорядочности, некоторые остроумцы не могли удержаться от щекочущих нервы недозволенных проделок, а в одном случае было допущено серьезное нарушение положений «Монстрамента».

В этом деле был замешан Риальто по прозвищу Изумительный; он жил в усадьбе Фалу́ неподалеку от Диковатого озера, в районе пологих холмов и темных лесов на восточной окраине Асколаиса.

Каковы бы ни были основания для такого мнения, коллеги считали Риальто человеком довольно-таки высокомерным, и он не пользовался особой популярностью. В естественном обличии он выглядел как заносчивый вельможа высокого происхождения, с коротко подстриженными черными волосами и суровыми чертами лица, с беззаботно-изящными манерами. Риальто была свойственна немалая толика тщеславия, что, в сочетании с надменной манерой себя вести, часто раздражало других чародеев. Некоторые из них даже демонстративно отворачивались, когда он появлялся в собрании, к чему сам Риальто

---

[7] Notes: 7
См. Предисловие. (*Прим. пер.*)

относился с полным безразличием.

Хаш-Монкур был одним из немногих магов, старавшихся поддерживать видимость хороших отношений с Риальто Изумительным. Хаш-Монкур предпочитал появляться перед взорами окружающих в виде бога природы Ктариона, красующегося копной бронзовых кудрей и тонкими пропорциональными чертами лица, хотя (по мнению некоторых) ему была свойственна излишняя чувственность рта и водянистая бессодержательность взгляда слегка выпученных глаз. Побуждаемый, скорее всего, завистью, Хаш-Монкур время от времени подражал характерным манерам Риальто.

В естественном состоянии, однако, Хаш-Монкур приобрел ряд суетливых привычек, свидетельствовавших о нервозности. Погруженный в размышления, он прищуривался и дергал себя за мочки ушей. Находясь в замешательстве, он яростно чесал под мышками. Хаш-Монкур никак не мог избавиться от этих неприятных рефлексов, и они вносили диссонанс в атмосферу беззаботного апломба, которую он стремился излучать и тщательно культивировал. Он подозревал, что у него за спиной Риальто насмехался над его недостатками, что только обостряло лезвие его

зависти, если можно так выразиться, и в итоге послужило причиной достойных осуждения проделок.

После совместного пиршества в зале Мага Мьюна чародеи готовились разлететься по домам. Заходя в фойе, они брали плащи и шляпы. Риальто, всегда пунктуально соблюдавший этикет, протянул подошедшему почти одновременно с ним Хуртианцу сначала его плащ, а затем шляпу. Приземистый Хуртианц, угловатая голова которого практически сидела непосредственно на широких плечах, неопределенно хмыкнул в ответ на эту услугу. Стоявший неподалеку Хаш-Монкур заметил представившуюся возможность и напустил сглаз, существенно увеличивший размеры шляпы Хуртианца; как только раздражительный чародей нахлобучил ее, поля шляпы опустились почти до плеч — выглядывал только кончик шишковатого носа.

Хуртианц сорвал шляпу с головы и внимательно рассмотрел со всех сторон, но Хаш-Монкур тут же отменил сглаз, и шляпа стала выглядеть как обычно. Хуртианц снова надел ее, и на этот раз она ему подошла.

Даже после этого никто не придал бы никакого значения происходящему, если бы Хаш-Монкур

не запечатлел изображение Хуртианца с головой, «утонувшей» в шляпе. Впоследствии этот сувенир получил распространение не только среди чародеев, но и в кругах влиятельной знати — а Хуртианц очень дорожил мнением элиты. Портрет Хуртианца, поглощенного шляпой до покрасневшего от выпивки кончика носа, с Риальто на заднем плане, неизбежно вызывал холодные усмешки.

Копию изображения не получил только Риальто, и никто не позаботился упомянуть о нем в его присутствии. Хуртианц, разумеется, тоже не упоминал об этом сувенире — его ярости не было предела; теперь он багровел и буквально терял дар речи, как только разговор заходил о Риальто.

Хаш-Монкур наслаждался последствиями своей неприличной шутки. Все, что бросало тень на репутацию Риальто, могло только служить укреплению его собственной репутации; кроме того, любые неудобства, причиненные Риальто, вызывали у Хаш-Монкура злорадное удовлетворение.

Руководствуясь такими побуждениями, Хаш-Монкур положил начало целой серии интриг, что довело Хуртианца до состояния бешеной одержимости, и с тех пор он уже думал только

об одном: наглеца Риальто следовало проучить и унизить, причем так, чтобы он не забыл об этом до конца своих дней!

Хаш-Монкур действовал настолько изощренно и скрытно, что Риальто сначала ничего не подозревал. Уколы, нанесенные его самолюбию, как правило, носили несущественный характер — тем не менее они всегда были чувствительны.

Узнав о том, что Риальто обновлял убранство гостиных в усадьбе Фалу́, Хаш-Монкур стащил знаменитую драгоценность из коллекции Ао Опалоносца и тайком подвесил ее на спускающей воду цепочке бачка в туалете усадьбы Риальто.

Через некоторое время Ао узнал, каким образом использовался его великолепный пятисантиметровый каплеобразный опал, и его возмущение — так же как в случае Хуртианца — достигло уровня эпилептического припадка. Однако Ао сдерживали постановления статьи четвертой «Голубых принципов», и он вынужден был обуздать свой гнев.

В другой раз, когда Риальто экспериментировал с пузырями светящейся плазмы, Хаш-Монкур заколдовал воздушные течения так, чтобы похожий пузырь опустился на уникальную харкизаду — деревце, импортированное Зилифантом с

планеты Канопус; Зилифант заботился о нем днем и ночью, оберегая растение от любого повреждения. Запутавшись в ветвях харкизады, плазменный пузырь взорвался, превратив в крошево хрупкую стеклянную листву и наполнив оранжерею в усадьбе Зилифанта неотступной удушливой вонью.

Зилифант тут же обратился к Риальто с жалобой — голос его дрожал и срывался от гневного огорчения. Риальто холодно возразил на основании неопровержимой логики, сославшись на шесть конкретных причин, по которым ни один из его плазмов не мог бесконтрольно перемещаться по недосмотру; выразив соболезнования, он наотрез отказался как-либо возместить нанесенный ущерб. Подозрения Зилифанта, однако, нашли подтверждение в заявлении Хаш-Монкура о том, что Риальто похвалялся намерением использовать харкизаду в качестве мишени.

— Кроме того, — говорил Хаш-Монкур, — Риальто позволил себе заметить, и я дословно цитирую его слова, что «Зилифант и так уже распространяет вокруг себя неприятнейший запах, и дополнительная вонь в его усадьбе ничему не повредит».

Провокации продолжались. Гильгад завел

домашнее животное, симиода, и души в нем не чаял. В сумерках Хаш-Монкур, надевший черную маскарадную маску, а также черный плащ и черную шляпу, идентичные тем, которые носил Риальто, схватил симиода и утащил его на цепи в Фалу́, после чего хорошенько отколотил его и привязал на цепи между двумя бич-кустами, что причинило животному дополнительные мучения.

Руководствуясь сведениями, предоставленными сельскими жителями, Гильгад проследовал к усадьбе Фалу́, освободил своего любимца, выслушал его воющие причитания и обратился с обвинениями к Риальто, предъявляя симиода в качестве вещественного доказательства.

Риальто сухо отрицал какое-либо свое участие в этой проделке, но Гильгад настолько разгорячился, что его не убеждали никакие доводы. Он кричал:

— Будис вас безошибочно опознал! Он утверждает, что вы угрожали ему смертью, приговаривая: «Я — Риальто, и если ты думаешь, что я устроил тебе достаточную взбучку, подожди немного — я передохну, после чего займусь тобой снова!» Чем вы объясняете подобную бессмысленную жестокость?

Риальто ответил:

— Вы сами должны решить, чьим словам вы больше доверяете, моим или этой отвратительной твари! — Презрительно поклонившись, он вернулся с крыльца в усадьбу и закрыл дверь. Гильгад выкрикнул напоследок еще несколько обвинений, после чего прикатил избитого Будиса домой в тачке, выложенной шелковыми подушками. Впоследствии Риальто мог с уверенностью отнести Гильгада к числу своих недоброжелателей.

В другом случае Риальто, действовавшего без задних мыслей, подвело обычное стечение обстоятельств — и снова он стал мишенью для обвинений. Первоначально Хаш-Монкур не играл никакой роли в этих событиях, но затем выгодно воспользовался ими, чтобы произвести гораздо больший эффект, чем был бы без его вмешательства.

Начало этому эпизоду положило приятное предвкушение. Одним из самых знатных и влиятельных вельмож Асколаиса считали герцога Тамбаско, человека безукоризненной репутации и древнего происхождения. Для того чтобы праздновать благородные попытки Солнца продлить существование человечества, герцог Тамбаско

ежегодно финансировал Большой Бал в Кванорке, у себя во дворце. Приглашал он только самых известных и почтенных гостей — в частности, на этот раз Ильдефонса, Риальто и Некропа Бизанта.

Ильдефонс и Бизант встретились в Бумергарте и, употребив изрядное количество лучшего гипербукета из погреба Ильдефонса, поздравили друг друга с блистательной внешностью, а также заключили несколько непристойных пари по поводу того, кто из них одержит самые заметные победы над красавицами, приглашенными на бал.

По такому случаю Ильдефонс решил явиться в обличии рослого молодого головореза с золотистыми кудрявыми локонами, ниспадающими до плеч, красивыми золотистыми усами и сердечными, хотя и несколько напыщенными, манерами. Для того чтобы производить дополнительное впечатление, он надел зеленый бархатный костюм, опоясанный золотистым кушаком, а также франтоватую широкополую шляпу с белым плюмажем.

Бизант, относившийся к своей внешности с не меньшим вниманием, выбрал обличие стройного молодого атлета, чувствительного к нюансам

и беззащитного перед самыми мимолетными чарами красоты. Его привлекательности способствовали также изумрудно-зеленые глаза, медно-красные кудри и мраморно-белая кожа — сочетание, рассчитанное воспламенять воображение прекраснейших женщин на балу.

— Я найду самую очаровательную из всех! — обещал он Ильдефонсу. — Как только я обворожу ее наружностью и разожгу в ней духовное пламя, она упадет в мои любвеобильные объятия, каковой факт я намерен бесстыдно эксплуатировать.

— В ваши далеко идущие планы закрался существенный изъян, — усмехнулся Ильдефонс. — Когда вы найдете такое необычайно привлекательное существо, вы найдете также, что она уже держит меня под руку и больше ни на кого не обращает внимания.

— Ильдефонс, вы всегда преувеличиваете свои мнимые победы над прекрасным полом! — воскликнул Бизант. — В Кванорке значение будут иметь только фактические результаты, и мы еще посмотрим, кто из нас настоящий знаток в этом деле!

— Так тому и быть — посмотрим!

Опрокинув по последнему стаканчику гипербукета, два галантных чародея отправились в

Фалу́, где, к своему изумлению, обнаружили, что Риальто забыл о приглашении на Бал.

Охваченные нетерпением, Ильдефонс и Бизант не дали Риальто никакого времени для того, чтобы принарядиться, и тот, просто-напросто натянув на черные волосы берет с кисточками, заявил о своей готовности отправиться в Кванорк.

Бизант удивленно отшатнулся:

— Вы собираетесь явиться на Бал в таком виде? Но вы еще не выбрали роскошный костюм! Вы даже не вымыли ноги и не надушили волосы!

— Неважно, — отозвался Риальто. — Я спрячусь где-нибудь в тени и буду завидовать вашим успехам. По меньшей мере я смогу послушать музыку и полюбоваться танцами со стороны.

Бизант удовлетворенно усмехнулся:

— Что ж, Риальто! Видимо, пора и вам научиться скромности. Сегодня вечером мы с Ильдефонсом готовы ко всему, а вам останется только наблюдать за неопровержимыми доказательствами наших выдающихся способностей!

— Бизант совершенно прав! — энергично подтвердил Ильдефонс. — У вас за плечами уже достаточно впечатляющих побед, сегодня вам суждено посторониться и любоваться тем, как два эксперта умеют подчинять себе самых собла-

нительных красоток!

— Чему быть, того не миновать, — вздохнул Риальто. — Меня беспокоит только судьба любвеобильных жертв ваших ухаживаний. Вы не испытываете к ним никакого сострадания?

— Ни малейшего! — заявил Ильдефонс. — Мы развернем безжалостную атаку на всех фронтах и не уступим ни на йоту: не будет ни прощения, ни пощады!

Риальто скорбно покачал головой:

— И никто не напомнил мне вовремя о приглашении на Бал. Какая трагедия!

— Мужайтесь, Риальто! — насмешливо подбодрил его Бизант. — Время от времени приходится мириться с неудачами, а нытье еще никому никогда не помогало.

— Время не ждет, однако! — воскликнул Ильдефонс. — Бал скоро начнется!

По прибытии в Кванорк три чародея засвидетельствовали свое почтение герцогу Тамбаско и поздравили его с великолепным праздничным убранством дворца; герцог ответил вежливым поклоном, и чародеи присоединились к другим гостям.

В течение некоторого времени все трое бродили туда-сюда, поглядывая по сторонам. На этот

раз герцог действительно превзошел себя — залы и галереи заполнила толпа вельмож и их очаровательных спутниц, а четыре буфета в изобилии снабжали гостей изысканными яствами и отборными винами.

Наконец, три чародея вышли в фойе огромного бального зала, где, оставшись немного в стороне, принялись оценивать внешность проходивших мимо прекрасных дам, обсуждая преимущества и особенности каждой из них. В конце концов они единогласно заключили, что, несмотря на наличие множества привлекательных девушек, ни одна из них не могла сравниться красотой с мучительно притягательным очарованием леди Шоники с Озерного острова.

Через некоторое время Ильдефонс распушил замечательные золотистые усы и покинул приятелей. После того как Бизант тоже расстался с Риальто, тот отошел в сторону и присел на скамью в тенистом алькове.

Ильдефонсу первому представилась возможность продемонстрировать свои навыки. Подойдя к леди Шонике, он отвесил низкий приветственный поклон, совершив круговое движение широкополой шляпы с развевающимися перьями, и предложил сопровождать ее в предстоящем

исполнении паваны.

— Никто не умеет лучше меня танцевать павану, — заверил он красавицу. — Мои безукоризненные па и непревзойденное изящество вашей красоты сделают нас замечательной парой: к нам все будут оборачиваться, на нас сосредоточатся все взгляды! А затем, когда танец закончится, я возьму на себя смелость отвести вас к буфету — мы выпьем по паре бокалов вина, и вы убедитесь в том, что я — личность примечательная во всех отношениях! Более того, могу без колебаний заявить, что готов уделить вам самое почтительное внимание!

— Это просто замечательно с вашей стороны, — откликнулась леди Шоника. — Я глубоко впечатлена. Тем не менее в данный момент мне не хочется танцевать, а чрезмерное употребление вина может побудить меня к непристойным выходкам, что, конечно же, не заслужит вашего одобрения.

Ильдефонс снова отвесил поклон по всем правилам этикета и приготовился демонстрировать свое очарование еще более впечатляющими способами, но, выпрямившись, заметил, что леди Шоника уже удалилась.

Раздраженно хмыкнув, Ильдефонс дернул себя

за ус и отправился искать какую-нибудь юную особу более податливого темперамента.

Так уж случилось, что вскоре после разговора с Ильдефонсом леди Шоника повстречалась с Бизантом. Для того чтобы привлечь ее внимание и, возможно, вызвать ее восхищение, Бизант обратился к ней, цитируя четверостишие на архаическом наречии древнего Наоса, но это привело в замешательство и даже немного испугало леди Шонику.

Бизант с улыбкой перевел стихи на современный диалект и разъяснил, в общих чертах, некоторые необычные характеристики наосской филологии.

— Но в конечном счете, — спохватился Бизант, — эти концепции не должны никоим образом препятствовать нашему полному взаимопониманию. И я чувствую, что вы уже не меньше меня ощущаете его томную теплоту…

— Возможно, все-таки меньше, чем вы, — отозвалась леди Шоника. — Возможно, это мой недостаток и я недостаточно чувствительна к таким воздействиям, но должна признаться, что не ощущаю никакой теплоты, тем более томной.

— Подождите немного, и это чувство возникнет! — заверил ее Бизант. — Мне свойственна

особая, редкая способность к восприятию душ во всем их радужном сиянии. Благородные излучения вашей души и моей души резонируют! Пойдемте прогуляемся на террасе! Я сообщу вам удивительный секрет, — он попытался взять ее за руку.

Леди Шоника, несколько ошеломленная пылкостью Бизанта, отстранилась:

— Поверьте мне, я не желаю выслушивать секреты, даже не познакомившись с вами как следует.

— Это скорее не секрет, а признание! И какое значение, в конце концов, имеет продолжительность знакомства? Прошло меньше получаса, но я уже сочинил два стихотворения и оду, посвященные вашей красоте! Пойдемте! На террасу! Уйдем от всех, уйдем в чарующие дали! Туда, где светят звезды, под древесную сень! Мы сбросим стеснительные одежды и будем ступать босыми ногами по мягкой траве, полные первобытной невинности, как сильваны-полубоги!

Леди Шоника отступила еще на шаг:

— Благодарю вас, но я испытываю некоторые опасения. Что, если мы убежим слишком далеко и не найдем дорогу назад в Кванорк, а после восхода Солнца крестьяне увидят нас, бегущих

голышом по дороге? Что мы им скажем? Ваше предложение меня нисколько не привлекает.

Бизант воздел руки к потолку и, вращая глазами, схватился за медно-красные кудри, надеясь, что леди Шоника снизойдет к его духовным мукам и проникнется жалостью, но она уже ускользнула. Бизант раздраженно направился к буфету и выпил несколько бокалов крепленого вина.

Уже через несколько секунд леди Шоника, проходя через фойе, встретила свою знакомую, леди Дуалиметту. Вступив с ней в разговор, она бросила взгляд в сторону и заметила Риальто, молча сидевшего в алькове на скамье, обитой парчой каштанового оттенка. Шоника прошептала на ухо Дуалиметте:

— Кто сидит в этой нише в полном одиночестве?

Леди Дуалиметта обернулась:

— Я про него слышала — это Риальто, его иногда называют Риальто Изумительным. Вы считаете, что он элегантно выглядит? Мне он кажется суровым и даже слегка устрашающим!

— Неужели? Чего тут бояться, по сути дела? Разве он не мужчина?

— Мужчина, разумеется! Но почему он сидит

отдельно, словно презирает всех во дворце?

— Всех ли? — задумчиво пробормотала Шоника, словно разговаривая сама с собой.

Леди Дуалиметта встревожилась:

— Дорогая моя, прошу меня извинить, мне нужно спешить — мне отвели важную роль в праздничной процессии! — Она ушла.

Поколебавшись, леди Шоника улыбнулась какой-то невысказанной мысли и медленно подошла к алькову.

— Сударь, могу ли я к вам присоединиться и посидеть здесь, в тени и тишине?

Риальто поднялся на ноги:

— Леди Шоника, вы прекрасно знаете, что можете присоединиться ко мне в любое время и в любом месте.

— Благодарю вас! — Она присела на скамью, и Риальто занял прежнее положение. Все еще улыбаясь так, словно ее развлекало какое-то воспоминание, Шоника спросила:

— Вас интересует, почему я решила разделить ваше одиночество?

— Мне еще не приходил в голову этот вопрос, — признался Риальто и задумчиво помолчал. — Могу только предположить, что вы кому-то назначили свидание в фойе и этот альков — удоб-

ное место для ожидания.

— Вы сумели найти благовоспитанный ответ, — кивнула Шоника. — Честно говоря, однако, меня снедает любопытство. Почему такой человек, как вы, сидит в тени поодаль от всех? Вас ошеломили какие-то трагические известия? Или вы настолько презираете жалкие попытки гостей, собравшихся в Кванорке, производить впечатление своей внешностью?

На лице Риальто появилась характерная для него ироническая усмешка:

— Нет, меня не шокировали трагические новости. А в том, что касается привлекательной внешности леди Шоники, ее выгодно дополняет столь же очаровательный ум.

— Значит, вы сами кому-то назначили здесь свидание?

— Нет, я ни с кем ни о чем не договаривался.

— И тем не менее вы сидите в одиночестве и ни с кем не разговариваете.

— Я руководствуюсь сложными побуждениями. Как насчет вас? Вы тоже сидите здесь, в тени, в стороне от всех.

Леди Шоника рассмеялась:

— Я летаю, как перышко под дуновением капризного ветра. Возможно, у меня вызвала лю-

бопытство ваша необычная сдержанность, или ваше отчуждение, или безразличие — называйте это как хотите. В бальном зале ухажеры налетали на меня, как стервятники на падаль. — Она покосилась на собеседника. — Поэтому ваше поведение показалось мне провокационным — и теперь вы знаете, почему я к вам подошла.

Риальто снова помолчал, после чего заметил:

— Если наше знакомство продолжится, мы могли бы о многом поговорить.

Леди Шоника беззаботно махнула рукой:

— У меня нет особых возражений.

Риальто смотрел на гостей, снующих между фойе и бальным залом.

— Тогда было бы неплохо найти какое-нибудь место, где мы могли бы говорить, не опасаясь того, что за нами будут наблюдать. Здесь мы у всех на виду, как птички на заборе.

— Нет ничего проще, — откликнулась Шоника. — Герцог предоставил мне апартаменты, и я могу ими пользоваться до окончания торжеств. Я прикажу принести туда закуски и пару бутылок игристой «Эссенции мая» — мы сможем продолжить беседу в уединении, не поступаясь достоинством.

— Идеальное предложение! — Риальто встал и,

взяв леди Шонику за руки, помог ей подняться. — Я все еще выгляжу как человек, ошеломленный трагическими новостями?

— Нет, но позвольте спросить: почему вас прозвали Риальто Изумительным?

— Это чья-то старая шутка, — уклонился Риальто. — Мне не удалось установить ее первоисточник.

Они прошли рука об руку по главной галерее и таким образом попались на глаза Ильдефонсу и Бизанту, сокрушенно стоявшим около мраморной статуи. Риальто приветствовал двух чародеев вежливым кивком и подал им тайный знак, тем самым пояснив, что они могли не дожидаться его возвращения.

Прижавшись к Риальто, леди Шоника хихикнула:

— Какая забавная парочка! Один распустил усы длиной с локоть и красуется, как петух перед курами, второй — поэт с глазами ошалевшей ящерицы. Вы их знаете?

— Мы встречались раньше. Так или иначе, в данный момент меня интересуете только вы и те вызывающие восхищение и радостную дрожь преимущества, которыми вы согласитесь со мной поделиться.

Шоника прижалась к нему еще теснее:

— Начинаю догадываться, чем было вызвано ваше стремление держаться в стороне.

Раздраженно покусывая губы, Ильдефонс и Бизант вернулись в фойе, где Ильдефонсу удалось наконец заслужить благосклонное внимание надушенной мускусом дородной матроны в ажурном чепце. Она отвела Ильдефонса в бальный зал, где они протанцевали три галопа, тройную польку и нечто вроде чопорного кекуока (чтобы правильно исполнять последний танец, Ильдефонсу пришлось задирать ногу высоко в воздух, приподнимая локти и откидывая голову назад, после чего немедленно повторять ту же последовательность движений, начиная с другой ноги).

Тем временем герцог Тамбаско познакомил Бизанта с высокой поэтессой, беспорядочно распустившей длинные локоны жестких желтоватых волос. Поэтессе показалось, что она распознала в Бизанте родственный темперамент — она увела его в сад, где, посреди клумб благоухающих гортензий, прочла оду из двадцати двух строф.

В конце концов Ильдефонсу и Бизанту удалось освободиться от своих спутниц; к тому времени, однако, уже светало и Бал заканчивался. Удру-

ченные, они вернулись в свои жилища, причем каждый из них, посредством лишенного всякой логики вымещения эмоций, внутренне обвинял Риальто в том, что не сумел добиться успеха.

2

Риальто наконец потерял терпение перед лицом окружившего его вихря незаслуженных обид и подозрений — он уединился в Фалу́.

Мало-помалу, однако, одиночество становилось невыносимым. Риальто вызвал нового мажордома:

— Фроль, я покину усадьбу на некоторое время, она останется на твоем попечении. Вот список инструкций, — он передал Фролю бумагу. — Проследи за тем, чтобы они выполнялись неукоснительно. Поддерживай порядок — по возвращении я хотел бы найти все на своих местах. В частности, я строго запрещаю устраивать вечеринки, принимая гостей в помещениях усадьбы или в ее окрестностях. Кроме того, предупреждаю: любое баловство с объектами и устройствами, находящимися в лаборатории, чревато опасностью для жизни и даже худшими последствиями. Все ясно?

— Совершенно ясно, во всех отношениях, —

откликнулся Фроль. — Как долго вы будете отсутствовать и какое количество гостей я могу принимать, не устраивая то, что вы называете вечеринками?

— На первый вопрос ответить не могу — еще не знаю, как долго меня здесь не будет. В том, что касается второго вопроса, придется переформулировать указания: во время моего отсутствия не принимай в усадьбе Фалу́ вообще никаких посетителей. Повторяю: по возвращении я ожидаю найти усадьбу и приусадебный участок точно в том виде, в каком их оставляю. Теперь ты можешь идти и выполнять свои обязанности. Я скоро уеду.

Риальто отправился на Сузанезское побережье, в отдаленный уголок Южной Альмерии — в страну теплого ласкового воздуха и буйной, но не слишком яркой растительности (некоторые лесные деревья достигали там поразительной высоты). Местные жители, низкорослые бледнокожие люди с темными волосами и раскосыми неподвижными глазами, называли себя сксызыскзыйками, то есть «цивилизованным народом», и относились к этому самоопределению со всей серьезностью. Их традициями предусматривалось невообразимое количество

предписаний и правил, умением соблюдать которые определялся статус, в связи с чем честолюбивые личности, стремившиеся занять высокое общественное положение, затрачивали огромное количество времени и энергии на изучение символических сочетаний пальцев и ушных украшений, правил завязывания узлов, скреплявших тюрбаны, кушаки и шнурки на ботинках, в том числе особых правил завязывания шнурков на обуви отца и деда, надлежащего расположения, в каждом отдельном случае зависевшего от состава меню, маринованных овощей на блюдах, содержавших береговых улиток, морских улиток, тушеные каштаны, жареное мясо и прочие продукты, а также проклятий, каковые надлежало произносить, наступив босой ногой на колючку, встретившись с призраком, свалившись с приставной лестницы и в других, самых разнообразных обстоятельствах.

Риальто остановился на постоялом дворе в тихом и мирном поселке; ему отвели пару просторных помещений в постройке на сваях, над спокойными прибрежными водами. Стулья, кровать, стол и сундук были изготовлены из лакированного черного камфорного дерева; на полу покрытие из бледно-зеленой рогожи достаточно

приглушало плеск воды между сваями. В беседке у самого края воды, освещенной пламенем факелов из свечного дерева, каждый вечер подавали ужин из десяти блюд.

Дни проходили медленно, завершаясь трагически величественными закатами; ночью редкие, все еще не погасшие звезды отражались на поверхности моря, и по всему пляжу разносились успокоительные звуки музыки, исполняемой на лютнях с загнутыми грифами. Внутреннее напряжение Риальто проходило; раздражение, не дававшее ему покоя в долине Скаум, теперь казалось далеким и несущественным. Одевшись, согласно местным обычаям, в короткий белый саронг, сандалии и свободно повязанный тюрбан с болтающимися кисточками, Риальто прогуливался вдоль пляжей, разглядывал товары на сельских базарах в поиске редких морских раковин и подолгу сидел в беседке, пробуя фруктовые коктейли и любуясь проходящими мимо стройными девушками.

Однажды, подчинившись случайному побуждению, Риальто построил на пляже замок из песка. Для того чтобы удивить местных детишек, он сначала защитил замок заклинанием от разрушительного воздействия ветра и волн, а

затем населил его миниатюрными человечками, одетыми в униформы захариотов четырнадцатого эона. Каждый день отряды рыцарей и солдат маршировали, устраивая парад на пляже, после чего вступали в потешные битвы, оглашая берег писклявыми командами и воплями. Фуражиры из замка охотились на крабов и собирали на скалах морской виноград и мидии, тем самым вызывая у детей радостное изумление.

Наступил день, однако, когда юные хулиганы спустились на пляж с терьерами и спустили собак на отряды, вышедшие из песчаного замка.

Наблюдая за происходящим издалека, Риальто произнес заклятие, и с внутреннего двора песчаной крепости вылетела эскадрилья элитных бойцов верхом на колибри. Выпуская огненные стрелы, залп за залпом, они прогнали с пляжа воющих от страха псов. После этого летучие всадники обратили внимание на юных владельцев собак, и тем тоже пришлось поспешно отступить, выдирая из задниц маленькие горящие стрелы.

Когда подростки вернулись, громко жалуясь и потирая исколотые и обожженные ягодицы, в сопровождении представителей местной власти, те нашли только раздуваемую ветром кучу песка и Риальто, дремавшего в тени ближайшей

беседки.

Весь этот эпизод вызвал множество слухов и пересудов, в связи с чем несколько дней на Риальто поглядывали с подозрением, но на Сузанезском побережье о сенсациях быстро забывали, и вскоре все вернулось на круги своя.

Тем временем в долине Скаум Хаш-Монкур выгодно воспользовался отсутствием Риальто. По предложению Хаш-Монкура Ильдефонс созвал «Конклав почета» в честь достижений Фандаала, неустрашимого гения эпохи Великого Мофолама, систематизировавшего средства управления инкубами. После того как чародеи собрались, Хаш-Монкур постепенно, пользуясь различными малозаметными уловками, заставил присутствующих забыть об основной повестке дня и сосредоточил их внимание на предполагаемых проступках Риальто.

Хаш-Монкур горячился:

— Лично я считаю Риальто одним из лучших друзей и никогда не подумал бы о том, чтобы упомянуть его имя, — разве что, если это возможно, для того, чтобы найти ему оправдание, а если это невозможно, чтобы указать на смягчающие обстоятельства в процессе определения размеров неизбежных наказаний.

— Очень великодушно с вашей стороны, — заметил Ильдефонс. — Следует ли мне считать, что Риальто и его поведение официально стали темой нашего обсуждения?

— Не вижу, почему нет, — прорычал Гильгад. — Его поступки общеизвестны и непристойны!

— Послушайте, послушайте! — воскликнул Хаш-Монкур. — Как вам не стыдно хныкать, но при этом уклоняться от ответственности? Либо предъявите обвинения, либо я, выступая в качестве защитника интересов Риальто Изумительного, потребую провести голосование по вопросу о его полном оправдании!

Гильгад вскочил:

— Как вы сказали? Вы смеете обвинять меня в уклонении от ответственности? Меня, Гильгада, укротившего морского демона Кейно десятью заклинаниями?

— Это всего лишь формальность, — возразил Хаш-Монкур. — Защищая Риальто, я вынужден прибегать к экстравагантным терминам. Даже если я буду выкрикивать непростительные оскорбления или публично упоминать о тайных пороках, мои заявления следует рассматривать как слова самого Риальто, а не как суждения вашего коллеги Хаш-Монкура, выступающего

исключительно в роли примирительного посредника. Что ж, раз Гильгад слишком труслив для того, чтобы подать официальную жалобу, кто осмелится это сделать?

— Что я слышу? — в ярости закричал Гильгад. — Даже выступая в роли представителя Риальто, вы позволяете себе очернять и оскорблять коллег, и это явно доставляет вам злорадное удовольствие! Нет уж, пора объясниться начистоту! Я официально обвиняю Риальто в нарушении правил и в избиении симиода и предлагаю привлечь его к ответственности!

— Рекомендую использовать максимально краткие и ясные формулировки, — вмешался Ильдефонс. — Пусть «избиение» считается одним из нарушений правил.

Гильгад неохотно согласился с таким уточнением.

Ильдефонс обратился ко всем присутствующим:

— Кто-либо желает поддержать предложение?

Хаш-Монкур переводил взгляд с одного лица на другое:

— Позорное сборище малодушных разгильдяев! Если потребуется, я в качестве суррогата отсутствующего Риальто сам поддержу предложение

Гильгада, хотя бы для того, чтобы окончательно опровергнуть инфантильные измышления, порожденные завистью и злобой!

— Помолчите! — громогласно прервал его Зилифант. — Я поддерживаю предложение!

— Очень хорошо, — заключил Ильдефонс. — Вопрос поставлен на обсуждение.

— Предлагаю немедленно отклонить бессмысленное и безосновательное обвинение, — сказал Хаш-Монкур. — Несмотря на то что Риальто похваляется своим успехом на Балу герцога Тамбаско и смеется до упада, рассказывая о выкрутасах Ильдефонса, танцевавшего с толстой старухой, и о комических попытках Бизанта соблазнить костлявую поэтессу в желтом парике.

— Ваше предложение отвергнуто, — процедил сквозь зубы Ильдефонс. — Пусть предъявят обвинения во всех подробностях!

— Вижу, что мое вмешательство бесполезно, — вздохнул Хаш-Монкур. — Поэтому я складываю с себя полномочия защитника и готов предъявить свои собственные претензии, с тем чтобы после того, как будет вынесено окончательное решение о наложении штрафов и конфискации, мне была предоставлена справедливая доля возмещения убытков.

Тем самым Хаш-Монкур предложил новую идею, о преимуществах которой участники собрания размышляли несколько минут. Некоторые принялись даже составлять списки принадлежавшего Риальто имущества, способного удовлетворить их собственные нужды.

Ао Опалоносец наставительно произнес:

— К сожалению, Риальто допустил множество нарушений! Причем к числу этих нарушений относятся поступки и высказывания, с трудом поддающиеся юридическому определению, и тем не менее причинявшие боль подобно ножу, воткнутому в спину. На мой взгляд, предъявленные ему обвинения следует рассматривать в свете отягчающих обстоятельств, таких как корыстолюбие Риальто, его общеизвестная наглость и демонстративная вульгарность.

— Ущерб такого рода носит, судя по всему, нематериальный характер, — произнес нараспев Ильдефонс. — По всей справедливости, однако, его действительно следует учитывать при вынесении окончательного решения.

Зилифант поднял указательный палец драматически вытянутой вверх руки:

— Риальто уничтожил, со злорадной жестокостью, мою неповторимую харкизаду с Канопуса,

последнюю на нашей увядающей планете! Когда я объяснил ему недопустимость такого варварства, прежде всего он с неописуемой наглостью лживо отрицал свою вину, после чего заявил: «Взгляните на тенистые многовековые дубы Случайного леса! Когда погаснет Солнце, их ждет не лучшая и не худшая судьба, чем та, что постигла ваше инопланетное растение». Разве это не преступление против любых общепринятых представлений о добропорядочности?

Хаш-Монкур скорбно покачал головой:

— Не знаю, что сказать! Разумеется, я извинился бы перед вами от имени Риальто, если бы не знал наверняка, что Риальто будет издеваться над такой попыткой. И все-таки разве вы не можете отнестись с милосердием к человеку, не ведающему, что он творит?

— Могу! — отозвался Зилифант. — Но только в той же мере, в какой он проявил милосердие по отношению к моей харкизаде. Я обвиняю Риальто в тяжком преступлении!

И снова Хаш-Монкур покачал головой:

— Мне трудно в это поверить.

Зилифант яростно повернулся лицом к Хаш-Монкуру:

— Будьте осторожны! Даже если вы настолько

преданы этому мерзавцу, чтобы выискивать любые доводы в его защиту, я не позволю подвергать сомнению достоверность моих показаний!

— Вы меня неправильно поняли! — возразил Хаш-Монкур. — Я говорил сам с собой, удивляясь жестокости проделок Риальто.

— А! В таком случае мы согласны.

Другие чародеи принялись перечислять свои претензии к Риальто, а Ильдефонс скрупулезно заносил их в перечень свидетельств. Наконец все высказались. Просматривая составленный им список, Ильдефонс недоуменно нахмурился:

— Потрясающе! Как такой человек, как Риальто, мог прожить среди нас долгие годы и ни разу не предстать перед судом? Хаш-Монкур, вы можете добавить еще какие-либо доводы в его защиту?

— Могу всего лишь апеллировать к снисхождению его коллег.

— Ваша апелляция принята к рассмотрению, — сказал Ильдефонс. — Приступим к голосованию. Прошу тех, кто одобряет поступки Риальто или считает его невиновным, поднять руку.

Никто не поднял руку.

— Кто из вас убежден в виновности Риальто?

Каждый из присутствующих поднял руку.

Ильдефонс прокашлялся:

— Теперь моя обязанность заключается в том, чтобы оценить размеры надлежащего наказания. Должен заметить, что отсутствие Риальто в какой-то степени упрощает эту задачу. У кого-нибудь есть предложения?

Вызвался Некроп Бизант:

— Я считаю, что каждому из нас (поочередно, в том порядке, в каком мы здесь сидим, начиная с меня самого) должно быть присуждено возмещение. После этого мы направимся в Фалу́ и — опять же, в том же порядке очередности — будем выбирать причитающееся каждому возмещение из имущества Риальто, пока не останется желающих делать дальнейший выбор.

Ао Опалоносец поддержал Бизанта:

— По существу, это правильная идея, но возмещение следует распределять по жребию, бдительно предохраняя всех участников от любых заклинаний, вызывающих растяжение времени или прерывающих его течение.

В конечном счете было решено применить систему, предложенную Ао, и чародеи отправились в Фалу́. Мажордом Фроль вышел им навстречу и повелительным тоном потребовал, чтобы ему объяснили, почему во владения Риальто пожаловала такая многочисленная компания.

— Вам должно быть известно, что Риальто в отъезде! Будьте добры, удалитесь и вернитесь тогда, когда он сможет принять вас надлежащим образом.

Ильдефонс пустился было в разъяснения юридических обоснований визита, но Гильгад, ненавидевший многословие, напустил на Фроля заклятие полного бессилия, после чего чародеи, проникнув в усадьбу, занялись исполнением наказаний, предусмотренных приговором конклава.

Раздражительному Хуртианцу особенно не терпелось найти звездоцветы Риальто — он искал повсюду, но тщетно. На стене висел документ в золотисто-синей рамке, начертанный синими чернилами на голубой бумаге; уверенный в том, что нашел тайник Риальто, Хуртианц нетерпеливо сорвал рамку со стены и отбросил ее в сторону. Под ней оказалась глухая стена. Звездоцветы нашел Ильдефонс: они украшали люстру наряду со множеством хрустальных подвесок.

В конечном счете штраф наложили в полной мере, хотя и не к полному удовлетворению тех, кому назначили по жребию первоочередные номера; те, кто недостаточно торопился с конфискацией имущества, тоже остались недовольны.

Ильдефонсу потребовались все его полномочия, чтобы сдерживать взаимные обвинения и отвергать встречные претензии, в то же время защищая свое право на получение обнаруженных им звездоцветов, обоснованное самоотверженным служением интересам ассоциации и высоконравственным бескорыстием.

Удовлетворенные хотя бы тем, что справедливость восторжествовала, чародеи покинули усадьбу Риальто и отправились восвояси.

3

Риальто вернулся в Фалу́ после длительного отсутствия. Первым признаком того, что все было не так, как должно было быть, стала полная неподвижность Фроля, стоявшего на крыльце у входа, — мажордом оцепенел в позе укоризненного увещевания. Риальто зашел в усадьбу и разгневался: его ограбили начисто.

Вернувшись на крыльцо, Риальто освободил Фроля от заклятия, заставлявшего мажордома стоять, как статуя, днем и ночью, в жару и в стужу.

Фроль выпил чашку чая и подкрепился пирожным со смородиной, после чего смог отчитаться перед Риальто об обстоятельствах, которые он

успел запомнить, перед тем как его вывели из строя.

Риальто угрюмо восстановил в помещениях усадьбы какое-то подобие порядка, после чего оценил размер своих потерь и убытков. Ему нанесли сокрушительный удар: трудно быть чародеем, лишившись большинства привычных магических инструментов и средств.

На протяжении некоторого времени Риальто расхаживал взад и вперед по берегу Диковатого озера. Затем, будучи не способным придумать что-нибудь получше, он надел пару старых летучих сапог, давно заброшенных на чердак и потому избежавших конфискации, и направился в Бумергарт.

Его встретил у входа Приффвид, камердинер Ильдефонса:

— Что вам понадобилось, сударь?

— Ты можешь сообщить Ильдефонсу, что Риальто пришел с ним посоветоваться.

— Сударь, лорд Ильдефонс занят важными делами и не сможет принимать посетителей ни сегодня, ни в ближайшем будущем.

Риальто вынул из кармана небольшой красный диск и, сжимая его между ладонями, начал ритмично и нараспев произносить последова-

тельность слогов. Внезапно встревоженный Приффвид спросил:

— Что вы делаете?

— Приффвид, ты явно плохо видишь — ты не распознал во мне Риальто. Мое заклинание позволит выдвинуть твои глаза на стеблях длиной с локоть. Скоро ты сможешь отчетливо видеть все вокруг, во всех направлениях.

Тон Приффвида сразу изменился:

— А! Благородный лорд Риальто! Теперь я вас прекрасно вижу, во всех деталях! Проходите, проходите — будьте любезны! Лорд Ильдефонс медитирует в разнотравной оранжерее.

Ильдефонс дремал в кресле за столом, греясь в косых красных лучах послеполуденного Солнца. Риальто хлопнул в ладоши:

— Ильдефонс, очнитесь! Меня подло ограбили, моя усадьба разорена — я жду ваших объяснений.

Ильдефонс укоризненно взглянул на Приффвида; тот всего лишь поклонился и спросил:

— Могу ли я быть полезен чем-нибудь еще?

Ильдефонс вздохнул:

— Можешь подать легкие закуски и прохладительные напитки: обсуждение проблем господина Риальто не займет у нас много времени, он

очень скоро нас покинет.

— Даже не надейтесь на это! — возразил Риальто. — Я проведу здесь столько времени, сколько потребуется. Приффвид, принеси все лучшее, что найдется у тебя в буфете.

Ильдефонс выпрямился в кресле:

— Риальто, вы позволяете себе высокомерно распоряжаться моим камердинером — и, если уж на то пошло, моим буфетом!

— Неважно. Объясните, почему вы меня ограбили. Мажордом Фроль не преминул мне сообщить, что вы были предводителем разбойников.

Ильдефонс ударил кулаком по столу:

— Вымысел! Вопиющая ложь! Фроль искажает факты и вводит вас в заблуждение.

— Как же вы объясняете эти примечательные события, которые я, несомненно, представлю на

рассмотрение Арбитра?[8]

Ильдефонс моргнул и надул щеки:

— Разумеется, у вас есть такая возможность. Тем не менее вам следует знать, что все юридические требования скрупулезно соблюдались, во всех деталях. Вас обвинили в конкретных нарушениях, свидетельства рассматривались публично и в установленном порядке, и ваша вина была признана только после того, как конклав выслушал все доводы в вашу защиту. Благодаря моим усилиям и аргументам вашего защитника, Хаш-Монкура, размеры наказания были сведены к минимуму, оно носило чисто символический характер и относилось только к вашему имуществу.

— Символический характер? — возмутился

---

[8] Notes: 8

«Монстрамент», размещенный в крипте Тучеворота Охмура, обеспечивал принудительное соблюдение «Голубых принципов» благодаря магическому влиянию Арбитра, защищенного Голубой Ячеей, непроницаемой для внешних воздействий. Арбитром был назначен Сарсем — инкуб, обученный истолкованию положений «Монстрамента». Сарсем быстро выносил суровые приговоры; приговоры приводились в исполнение Виифом, безмозглым существом из девятого измерения. Истцу, представлявшему дело на рассмотрение Арбитра, настоятельно рекомендовалось руководствоваться исключительно добросовестными побуждениями. Будучи заключенным в тесную оболочку Голубой Ячеи, Сарсем испытывал почти человеческое нетерпение; время от времени он отказывался ограничиться рассмотрением иска как такового и проводил расследование любых нарушений «Голубых принципов», допущенных как истцом, так и ответчиком, распределяя

наказания с беспристрастной щедростью. (*Прим. авт.*)

Риальто. — Вы обчистили меня до нитки!

Ильдефонс поджал губы:

— Должен признаться, я заметил отсутствие сдержанности, проявленное некоторыми пострадавшими сторонами, — они действовали вопреки моим возражениям.

Риальто присел за стол и, откинувшись на спинку стула, глубоко вздохнул, пытаясь избавиться от охватившего его ощущения изумленного непонимания происходящего. Приподняв длинный аристократический нос, он взглянул на Ильдефонса свысока и ласково спросил:

— Кто предъявил мне обвинения?

Ильдефонс задумчиво нахмурился:

— Многие. Гильгад заявил, что вы избили его любимца, домашнего симиода.

— Так-так. Продолжайте.

— Зилифант обвинил вас в халатном обращении с плазмами, которое привело к уничтожению его редкостной харкизады с Канопуса.

— Кто еще?

— Жалоб было слишком много, чтобы я мог припомнить каждую. Почти все — за исключением меня и верного вашим интересам Хаш-Монкура — выступили с обвинениями, после чего конклав ваших равноправных коллег почти единогласно

признал вас виновным по всем пунктам.

— И кто своровал мои звездоцветы?

— По сути дела, я их забрал, чтобы они безопасно хранились на моем попечении.

— И вы утверждаете, что судопроизводство соответствовало всем юридическим требованиям?

Ильдефонс воспользовался возможностью пригубить из бокала вино, поданное Прифф видом.

— Ах да, вернемся к вашему вопросу! Насколько я понимаю, процесс соответствовал процессуальным нормам. Могу подтвердить, что, несмотря на несколько неофициальный характер обсуждения, применялись все надлежащие и целесообразные процедуры.

— В полном соответствии с положениями «Монстрамента»?

— Да, разумеется. Как может быть иначе? А теперь…

— Почему меня не известили и не предоставили мне возможность выступить с опровержениями?

— Думаю, что этот вопрос следовало обсудить подробнее, — признал Ильдефонс. — Насколько я помню, однако, никто не хотел беспокоить вас на отдыхе — тем более что решение было вынесено практически единогласно.

Риальто поднялся на ноги:

— Не пора ли нам посетить Тучеворот Охмура?

Ильдефонс поднял ладонь, с напускным благодушием призывая к терпению:

— Садитесь, Риальто! Приффвид уже несет закуски. Давайте выпьем и рассмотрим этот вопрос непредвзято — в конце концов, разве это не лучший выход из положения?

— После того как меня очернили, оклеветали и ограбили те, кто раньше заверял меня, в самых елейных выражениях, в своем непоколебимом благорасположении? Я никогда…

Ильдефонс прервал поток возмущенных замечаний:

— Да-да, скорее всего, были допущены кое-какие процессуальные ошибки, но не забывайте о том, что последствия могли быть гораздо более печальными, если бы не заступничество с моей стороны и со стороны Хаш-Монкура.

— В самом деле? — холодно спросил Риальто. — Надеюсь, вам известны «Голубые принципы»?

— В общем и целом, мне известны важнейшие положения, — беззаботно отозвался Ильдефонс. — Я не совсем разбираюсь, конечно, в самых неудобопонятных пунктах, но они, так или иначе, в данном случае неприменимы.

— Неужели? — Риальто бросил на стол обрывки

голубого документа, висевшего в рамке на стене в Фалу́. — Позвольте мне процитировать параграф с «Предварительного манифеста»:

Истолкование и применение «Монстрамента» в качестве нерушимой и непреложной системы ценностей возможно только тогда, когда составляющие его принципы, основанные на мудрости тысячелетий, рассматриваются неотъемлемо один от другого как взаимодополняющие и взаимосвязанные равносильные элементы. Тот, кто преднамеренно преувеличивает значение одних положений за счет преуменьшения влияния других или пренебрежения другими с целью обоснования того или иного конкретного аргумента, тем самым повинен в извращении и подрыве основополагающих принципов и подлежит наказанию в соответствии с протоколом В статьи 3.

Ильдефонс моргнул:

— Нельзя же придавать такой вес моим недавним замечаниям! Они были сделаны исключительно в шутку, ради поддержания разговора.

— В таком случае почему вы не засвидетельствовали на конклаве, что именно в то время, когда, по словам Гильгада, я избивал его дражайшую тварь, мы с вами прогуливались по берегу Скаума?

— Понятное возражение! Фактически я действовал на основе процессуальных правил.

— Каким образом?

— Все очень просто! Мне никто никогда не задавал вопрос: «Прогуливались ли вы по берегу Скаума в обществе Риальто, в то время как некто избивал домашнее животное Гильгада?» Правила судопроизводства не позволяли мне самостоятельно предложить на рассмотрение такое свидетельство. Кроме того, вас уже признали виновным по многим другим пунктам, и мои ненадлежащие замечания могли только привести в замешательство всех остальных.

— Разве целью судопроизводства не является установление истины? Почему вы не спросили себя: «Кто на самом деле избивал симиода и почему этот человек называл себя именем Риальто?»

Ильдефонс прокашлялся:

— В сложившихся обстоятельствах — а я их уже пояснил — подобные вопросы представлялись не относящимися к делу.

Риальто снова заглянул в разорванный текст «Голубых принципов»:

— В параграфе К статьи 2 ваше пренебрежение фактами, противоречащими обвинению, называется «преступным невыполнением обязанностей

или пособничеством таковому». За такое нарушение предусмотрено суровое — пожалуй, чрезмерно суровое — наказание, но Арбитр истолковывает положения «Монстрамента» буквально и принимает самые строгие, исчерпывающие меры — во имя восстановления справедливости и порядка.

Ильдефонс возвел руки к небу:

— Неужели вы представите столь несущественное дело на рассмотрение инкуба, сторожащего Тучеворот? Последствия невозможно вообразить!

— Могу указать на еще одно серьезное нарушение. В процессе ограбления моей усадьбы кто-то схватил, разорвал и бросил на пол мой экземпляр «Голубых принципов». Именно этот проступок строго запрещен положением параграфа А раздела «Изменническая деятельность», согласно которому все заговорщики разделяют вину и обязаны понести наказание. Вряд ли это можно назвать «несущественным делом»! Почему-то я надеялся, что вы, может быть, разделите мое возмущение и сделаете все возможное для возвращения мне украденного имущества и справедливого наказания поистине виновных, но…

— Вы не зря надеялись! — торжественно за-

явил Ильдефонс. — Я как раз собирался собрать новый конклав, чтобы пересмотреть результаты предыдущего совещания, на котором, как теперь кажется, эмоции возобладали над разумными соображениями. Проявите терпение! Нет никакой необходимости беспокоить Арбитра.

— Так соберите же конклав, и немедленно! Заявите с самого начала, что я оправдан по всем пунктам и что мне нанесен непростительный ущерб — причем я требую, чтобы этот ущерб не просто возместили, но чтобы его возместили в многократном размере…

Потрясенный Ильдефонс воскликнул:

— Но это совершенно невозможное требование!

Риальто неумолимо настаивал:

— В качестве Настоятеля вы можете принять такое решение. В противном случае размеры штрафов и наказаний определит Арбитр.

Ильдефонс вздохнул:

— Хорошо, я созову конклав.

— Объявите, что будут рассматриваться только два вопроса. Во-первых, вопрос о возмещении и о наложении штрафов, в трехкратном или пятикратном размере, в зависимости от серьезности ложных обвинений, — я не потерплю никаких

угроз и никаких попыток уклониться от сути дела. Во-вторых, необходимо установить личность основного виновника-подстрекателя.

Ильдефонс что-то пробормотал себе под нос, но Риальто не обратил на это ни малейшего внимания.

— Созовите конклав! Не позволяйте никому отвертеться! Присутствовать должны все — я в отчаянном положении и готов на все!

Ильдефонс изобразил нечто вроде сокрушенного энтузиазма:

— Все еще может кончиться хорошо. Прежде всего позвольте мне связаться с вашим единственным убежденным защитником — не считая, конечно, меня самого.

— С кем именно?

— С Хаш-Монкуром, разумеется! Непременно следует прислушаться к его рекомендациям.

Ильдефонс подошел к другому столу и разместил маску Хаш-Монкура поверх двух отверстий, обрамленных так, чтобы они напоминали рот и ухо.

— Хаш-Монкур! С вами говорит Ильдефонс! У меня важные новости! Отзовитесь!

— Да, Ильдефонс, я слушаю. Какие у вас новости?

— Риальто Изумительный явился в Бумергарт! Он беспокоится и сомневается в правильности наших выводов. Он считает, что на конклаве был допущен ряд процессуальных нарушений, делающих недействительными принятые решения. Более того, он требует трехкратного возмещения ущерба всеми, кто участвовал в исполнении приговора. В противном случае он угрожает представить дело на рассмотрение Арбитра.

— Непозволительная ошибка! — произнес рот на столе. — Отчаяние толкает его на безрассудные действия.

— Я попытался ему объяснить нечто в этом роде, но Риальто — человек настойчивый.

— Вы не можете убедить его в необходимости компромисса? — спросил рот. — Он не готов пойти ни на какие уступки?

— Он не хочет ничего слышать ни о каких уступках. Он только цитирует «Монстрамент» и требует, чтобы ему выплатили штрафы. Кроме того, он одержим идеей, что все это устроил некий подстрекатель…

Риальто прервал Ильдефонса:

— Не слишком распространяйтесь, я больше не могу терять время! Созовите конклав, и дело с концом. Я не просил вас распускать сплетни

о моем подавленном настроении, тем более в таких язвительных выражениях.

Ильдефонс раздраженно сбросил девятнадцать масок на устройство связи, вставил кляп в ротовое отверстие, чтобы не выслушивать бесконечные протесты и вопросы, и, обращаясь к девятнадцати ушам одновременно, объявил о безотлагательном созыве конклава в Бумергарте.

4

Один за другим чародеи занимали места в Большом Зале. Хаш-Монкур прибыл последним. Перед тем как сесть, он прошептал несколько слов на ухо Эрарку Предвестнику, с которым поддерживал самые дружеские отношения.

Опираясь спиной на обшитую деревом боковую стену салона, Риальто угрюмо наблюдал за прибытием бывших коллег. Ни один, кроме вежливо поклонившегося ему Хаш-Монкура, даже не взглянул в его сторону.

Ильдефонс открыл совещание в установленном порядке, после чего взглянул в сторону Риальто, продолжавшего хранить молчание. Ильдефонс прокашлялся:

— Перейду к делу без лишних слов. Риальто заявляет, что его имущество конфисковано неза-

конно. Он требует возмещения ущерба, в том числе штрафных санкций. Если его требования не будут удовлетворены, он угрожает представить дело на рассмотрение Арбитра. В этом и заключается, в сущности, причина, по которой я созвал этот конклав.

Побагровев от ярости, Гильгад вскочил на ноги:

— Риальто становится в нелепую позу! Как он может отрицать факт своего преступления? Он избил бедного Будиса и привязал его к бичующим кустам — бессердечная жестокость, которой нет оправдания! Я уже предъявил ему справедливое обвинение и никогда не отзову его!

— Я не бил вашего симиода, — спокойно сказал Риальто.

— Ха-ха! Слова ничего не стоят! Вы можете это доказать?

— Конечно. Как раз в то время, когда имел место этот инцидент, я беседовал с Ильдефонсом на берегу Скаума.

Гильгад вихрем развернулся лицом к Ильдефонсу:

— Это правда?

Уголки губ Ильдефонса скорбно опустились:

— Чистая правда, так оно и было.

— Так почему вы не сказали об этом раньше?

— Я не хотел вмешиваться в процесс, будучи и так уже переполнен эмоциями.

— Странно! В высшей степени странно! — Гильгад снова уселся, но тут же поднялся во весь рост Зилифант:

— Тем не менее никто не может отрицать, что Риальто уничтожил мою харкизаду плавающим в воздухе пузырем плазмы, наполнившим помещения моей усадьбы тошнотворной вонью. Кроме того, как известно всем присутствующим, он похвалялся точностью попадания, а источником вони называл меня, Зилифанта!

— Ничего подобного я не делал, — отозвался Риальто.

— Еще чего! Свидетельства однозначны, очевидны и неопровержимы!

— В самом деле? Маг Мьюн и Пердастин оба присутствовали в Фалу́, когда проводился этот эксперимент. Они видели, как я сотворил четыре светящихся пузыря плазмы. Один пролетел через деликатное сплетение усиков моей сальваниссы, не причинив ей никакого ущерба. Мьюн прошел сквозь другой пузырь и не жаловался на какой-либо неприятный запах. Мы все наблюдали за тем, как четыре пузыря взорвались искрами в

воздухе и исчезли. Ни один из них не вылетел за пределы приусадебного участка.

Зилифант неуверенно покосился на Мага Мьюна и Пердастина:

— Его утверждения соответствуют действительности?

— По сути дела, вполне соответствуют, — отозвался Маг Мьюн.

— Почему же вы мне об этом не сообщили?

— Так как Риальто признали виновным в других проступках, мне это показалось нецелесообразным.

— Мне бы это показалось вполне целесообразным, — вставил Риальто.

— Возможно, это так — с вашей точки зрения.

— Кто сообщил Зилифанту о том, что я использовал его инопланетное растение в качестве мишени и хвалился этим?

Зилифант снова бросил неуверенный взгляд, в этот раз на Хаш-Монкура:

— Что-то не припомню.

Риальто снова повернулся к Ильдефонсу:

— В чем заключаются другие преступления, в которых меня обвинили?

Ответить на этот вопрос вызвался Хуртианц:

— Вы напустили сглаз на мою шляпу! И разо-

слали всем издевательские картинки с моим изображением!

— Я ничего подобного не делал.

— Надо полагать, вы можете доказать обратное?

— На что указывает, по-вашему, вся эта последовательность событий? Совершенно очевидно, что вашу шляпу заколдовал, а затем разослал открытки, изображающие вас в заколдованной шляпе, тот же человек, что избил домашнее животное Гильгада и варварски повредил драгоценное дерево Зилифанта. И столь же очевидно, что этим человеком не мог быть я.

Хуртианц мрачно хмыкнул:

— Похоже, что так. Я отзываю свое обвинение.

Риальто вышел вперед:

— Так что же? Какие еще преступления я совершил?

Никто ничего не сказал.

— В таком случае теперь я предъявляю встречные обвинения. Я обвиняю членов этой ассоциации, каждого по отдельности и всех в совокупности, за исключением самого себя, в нескольких тяжких преступлениях.

Риальто передал Ильдефонсу табличку:

— Здесь перечислены в подробностях пункты

моих обвинений. Настоятель, будьте добры зачитать их во всеуслышание.

Ильдефонс взял табличку с гримасой отвращения.

— Риальто, вы уверены, что желаете заходить так далеко? Да, были допущены ошибки — никто этого не отрицает! Давайте же все вместе, включая вас, проявим подобающую случаю сдержанность и начнем новую жизнь, оставив прошлое позади! Каждый из ваших коллег будет консультировать вас и оказывать вам всевозможную помощь. Вы даже не заметите, как все ваши проблемы будут решены! Разве так не будет лучше для всех заинтересованных лиц?

Риальто с энтузиазмом хлопнул в ладоши:

— Ильдефонс! Ваша мудрость, как всегда, заслуживает глубочайшего уважения! Зачем, в самом деле, прибегать к скучному крючкотворству справедливого судопроизводства? Каждому из членов ассоциации достаточно всего лишь принести извинения, вернуть мое имущество, возместив ущерб в трехкратном размере, и все вернется на круги своя. Хаш-Монкур, почему бы вам не подать пример всем остальным?

— С удовольствием бы так и поступил, — откликнулся Хаш-Монкур. — Тем самым, однако,

я скомпрометировал бы остальных коллег. Каковы бы ни были мои личные убеждения, я предпочитаю подождать оглашения результатов голосования.

Риальто спросил:

— Хуртианц, как насчет вас? Желаете выйти вперед и принести извинения?

Хуртианц промычал нечто нечленораздельное.

Риальто повернулся к Ильдефонсу:

— А вы? Что же вы молчите?

Ильдефонс опять прокашлялся:

— Позвольте мне огласить список обвинений, предъявленных Риальто членам нашей ассоциации. Подробный текст обвинений занимает восемнадцать страниц. Прежде всего я зачитаю заголовки разделов:

Пункт первый: противоправное нарушение владения с причинением ущерба.

Пункт второй: хищение имущества в особо крупных размерах.

Пункт третий: хищение имущества в мелких размерах.

Пункт четвертый: вандализм.

Пункт пятый: физическое насилие по отношению к мажордому Фролю.

Пункт шестой: клевета.

Пункт седьмой: преступное пренебрежение к «Монстраменту», в том числе преднамеренное повреждение сертифицированного экземпляра «Голубых принципов» с последующим хождением по его обрывкам, разбросанным по полу.

Пункт восьмой: сговор с целью совершения перечисленных выше преступлений.

Пункт девятый: преднамеренное хранение похищенного имущества.

Пункт десятый: несоблюдение «Голубых принципов», недвусмысленно предусмотренных «Монстраментом».

Ильдефонс опустил табличку на пюпитр.

— Я готов зачитать подробный текст обвинений, но перед этим позвольте спросить… Риальто, не считаете ли вы, что ваши обвинения чрезмерны, учитывая все обстоятельства дела?

Риальто пожал плечами:

— Я представил описание большинства совершенных преступлений, но это, конечно, не полный перечень.

— Как вас понимать? С моей точки зрения, это более чем всестороннее описание.

— Вы забыли об основной, еще не раскрытой, причине происходящего? Кто разослал издева-

тельские изображения Хуртианца? Кто повесил опал на цепочке моего туалетного бачка и тем самым нанес Ао смертельное оскорбление? Кто избил симиода Гильгада? Кто уничтожил дерево Зилифанта? Неужели вы не желаете найти ответ на эти вопросы?

— Таинственная ситуация, не спорю, — признал Ильдефонс. — Конечно, может иметь место чистое совпадение обстоятельств — вы не находите? Вы полностью отрицаете такую возможность? Что ж, надо полагать, вы правы. Тем не менее эти вопросы не включены в список ваших обвинений, в связи с чем поиск соответствующих ответов можно отложить.

— Как вам будет угодно, — согласился Риальто. — С целью установления личности подстрекателя предлагаю сформировать комитет, в состав которого войдут Хуртианц, Ао, Гильгад и Зилифант.

— Все в свое время. Теперь я зачитаю текст списка обвинений полностью.

— В этом нет необходимости, — возразил Риальто. — Ассоциации хорошо известны встречные обвинения. Я не пойду ни на какие уступки. Таким образом, существуют три возможности. Ассоциация может добровольно взять на себя

совместное обязательство выплатить требуемое возмещение. Кроме того, Настоятель, пользуясь исполнительными полномочиями, может наложить предусмотренные штрафы. Если эти две возможности не будут использованы, список обвинений будет представлен на рассмотрение Арбитра, с тем чтобы он вынес приговор в строгом соответствии с «Голубыми принципами». Ильдефонс, не будете ли вы так добры и не выберете ли вариант, наиболее соответствующий интересам всех присутствующих?

Ильдефонс издал не поддающийся пониманию гортанный звук.

— Что ж, чему быть, того не миновать. Предлагаю уступить требованиям Риальто — несмотря на то, что это может причинить нам некоторые затруднения. Кто поддержит мое предложение?

— Постойте! — Барбаникос вскочил на ноги; его всклокоченная шевелюра волновалась, как языки белого пламени. — Должен указать на тот факт, что обвинения, предъявленные Риальто, отчасти отражали всеобщее осуждение оскорбительного характера его поведения, в связи с чем он ни в коем случае не может требовать полного возмещения ущерба и тем более выплаты штрафных убытков!

— Правильно! — выкрикнул Проказник из Снотворной Заводи, и его примеру последовали другие.

Ободренный поддержкой Барбаникос продолжал:

— Любой разумный человек мог бы распознать справедливость нашего упрека и смиренно обратился бы к ассоциации с просьбой о прощении, стремясь только к тому, чтобы оправдать себя в наших глазах. Но что мы видим? Озлобленного высокомерного наглеца! Что мы слышим? Оскорбления и угрозы! Разве так подобает вести себя человеку, только что решительно поставленному на место сообществом коллег?

Барбаникос прервался, чтобы освежиться парой глотков тонизирующей настойки, после чего возобновил тираду:

— Риальто ничему не научился! Он ведет себя так же дерзко, как прежде! Поэтому я на полном основании рекомендую проигнорировать его очередной припадок тщеславия. А если он все-таки будет настаивать на своем, предлагаю позвать лакеев, чтобы они вышвырнули его вон. Риальто, могу вам сказать только одно: будьте осторожны! Будьте предусмотрительны! Вам же будет лучше! Таково мое первое замечание. Во-вторых…

Ильдефонс вмешался:

— Весьма любопытные замечания! Благодарю вас, Барбаникос, за откровенное выражение своего мнения.

Барбаникос неохотно замолчал и сел. Ильдефонс спросил:

— Опять же, кто поддерживает мое предложение?

— Я его поддерживаю, — отозвался Риальто. — А теперь посмотрим, кто проголосует за соблюдение «Голубых принципов», а кто проголосует против них.

Вперед вышел Хаш-Монкур:

— Следует рассмотреть еще один вопрос. В ходе нашего обсуждения часто упоминался «Монстрамент». Могу ли я поинтересоваться: кто из членов ассоциации способен предъявить его полный, оригинальный текст? Ильдефонс, в вашей справочной библиотеке, конечно же, хранится этот документ?

Ильдефонс со стоном поднял глаза к потолку:

— Я не помню, куда его засунул. Риальто, однако, принес сертифицированную копию.

— К сожалению, предъявленную Риальто поврежденную копию, каково бы ни было ее происхождение, никак нельзя считать действительной

с юридической точки зрения. Мы должны настаивать на абсолютной аутентичности текста, защищенного Персиплексом. Выбросьте из головы жалкие обрывки, цитируемые Риальто! Мы изучим «Монстрамент» в крипте Тучеворота. Тогда и только тогда мы сможем проголосовать, руководствуясь достаточной информацией.

Ильдефонс спросил:

— Вы официально выдвигаете такое предложение?

— Да!

Эрарк Предвестник воскликнул:

— Я поддерживаю это предложение!

Присутствующие проголосовали за предложение Хаш-Монкура почти единогласно; воздержались только Риальто и Ильдефонс.

Эрарк поднялся на ноги:

— Скоро наступит ночь — время не ждет! Каждый из нас должен как можно скорее посетить крипт Тучеворота и свериться с оригинальным текстом в Персиплексе. После этого, когда Ильдефонс убедится в том, что все исполнили свой долг, мы снова соберемся на конклаве и заново рассмотрим встречные обвинения Риальто в атмосфере, более способствующей достижению соглашения (по меньшей мере я на это надеюсь).

Риальто мрачно рассмеялся, поднялся на возвышение и встал рядом с Ильдефонсом:

— Всякий, кто желает проверить достоверность дидактических теорий Хаш-Монкура, может отправиться к Тучевороту и сделать это в любое время, по своему усмотрению. Тем временем я намерен проконсультироваться с Арбитром. И даже не пытайтесь меня остановить чарами или сглазами! Я не оставил все свои заклинания в Фалу́ — кроме того, я защитил себя оболочкой другого измерения.

Некропу Бизанту не понравились эти замечания:

— Риальто, вы спорите ради того, чтобы спорить! Неужели нужно беспокоить Арбитра по поводу каждой мелочной обиды? Проявите великодушие!

— Прекрасный совет! — заявил Риальто. — Я попрошу Арбитра проявить снисхождение. Ильдефонс, передайте мне, пожалуйста, перечень обвинений! Арбитру потребуются имена обвиняемых.

Хаш-Монкур вежливо произнес:

— Так как Риальто решительно намерен обратиться к Арбитру, я должен предупредить его об опасностях, ожидающих на Тучевороте. Это

нешуточная перспектива!

— Как так? — спросил Ильдефонс. — Где и каким образом Риальто угрожает опасность?

— Разве это не ясно? В «Монстраменте» сказано, что любой человек, предъявляющий измененную или поврежденную копию «Голубых принципов» с целью обоснования своей позиции в суде, виновен в преступлении, предусмотренном разделом Н, и должен быть исключен из ассоциации. К сожалению, вынужден заявить, что сегодня Риальто совершил именно такое преступление, в связи с чем весь его иск становится недействительным. Таким образом, обратившись к Арбитру, он подвергает опасности свою жизнь.

Нахмурившись, Риальто сверился со своим экземпляром «Монстрамента».

— Не нахожу в тексте такого запрещения. Будьте добры, укажите, где именно находится упомянутое вами положение.

Хаш-Монкур быстро отступил на шаг:

— Если бы я это сделал, я тоже был бы виновен в упомянутом преступлении. Скорее всего, однако, вы не можете найти это положение, потому что оно было уничтожено при повреждении документа.

— В высшей степени любопытное заявление! —

откликнулся Риальто.

Вмешался Эрарк:

— Риальто, ваши обвинения недействительны в связи с новым нарушением, и теперь ваш иск следует считать не принятым к рассмотрению. Ильдефонс, предлагаю распустить собрание.

— Не торопитесь! — возразил Ильдефонс. — Мы неожиданно столкнулись с исключительно сложной проблемой. Предлагаю с учетом аргументов, выдвинутых Хаш-Монкуром, направить к Тучевороту комитет, в состав которого войдут, предположим, помимо меня, Эшмиэль, Барбаникос и, возможно, Хаш-Монкур, с тем чтобы стало возможным терпеливое и внимательное рассмотрение положений «Монстрамента», независимое от позиций, занимаемых нами по поводу предъявленного иска.

— Хорошо, мы встретимся в крипте Тучеворота, — сказал Риальто. — Даже если предупреждение Хаш-Монкура соответствует действительности, в чем я сомневаюсь, я не цитировал поврежденный документ и, следовательно, не повинен во вменяемом преступлении.

— Это не так! — заявил Хаш-Монкур. — Вы только что сверились с поврежденным документом и использовали его, чтобы оспорить мое

утверждение. Факт вашего преступления имеет преобладающую юридическую силу, и вас надлежит изгнать из ассоциации прежде, чем вы сможете зачитать первое из своих обвинений, каковые отныне к рассмотрению не принимаются. Немедленно вернитесь в Фалу́! Нам остается только объяснить ваше поведение психическим расстройством.

Ильдефонс устало произнес:

— Ваши рекомендации, даже если вы руководствуетесь наилучшими побуждениями, явно неубедительны. Поэтому в качестве Настоятеля я постановляю, что все присутствующие обязаны безотлагательно отправиться к Тучевороту Охмура и там проверить текст «Монстрамента». Это будет сделано исключительно с целью получения необходимых сведений — никому не дозволяется нарушать покой Арбитра. В путь! Все к Тучевороту! Воспользуемся моей комфортабельной воздушной яхтой.

5

Величественная воздушная яхта Ильдефонса летела на юг, в страну пологих холмов на окраине Асколаиса. Одни чародеи прогуливались по верхней палубе, любуясь далекими видами на

плывущие в небе облака, другие оставались на нижней палубе, откуда можно было смотреть на простирающиеся снизу земли; иные, однако, предпочитали сидеть на удобных, обитых кожаными подушками скамьях внутреннего салона.

Дело шло к вечеру; почти горизонтальные лучи дневного светила создавали причудливую мозаику из красных пятен и черных теней; впереди уже виднелся Тучеворот Охмура — холм, несколько более высокий и массивный, чем другие.

Яхта приземлилась на каменной вершине, обнаженной Охмуром, часто дующим здесь западным ветром. Спустившись по трапу, чародеи прошествовали поперек кольцевой террасы в шестиугольное здание с крышей, выложенной золотисто-синей плиткой.

Риальто уже побывал однажды на Тучевороте — просто из любопытства. Пока он приближался к святилищу, плащ развевался у него за спиной под порывами Охмура. Оказавшись в вестибюле, он подождал, чтобы глаза привыкли к полутьме, после чего зашел в центральный зал.

На пьедестале покоилась Ячея: почти сферическая оболочка, в самой широкой части не больше метра в диаметре. В застекленной нише в противоположном входу конце помещения

находился Персиплекс, голубая призма высотой десять сантиметров; на ее гранях изнутри был микроскопически выгравирован текст «Монстрамента». Текст проецировался призмой (достаточно крупными для прочтения символами) на поверхность вертикальной доломитовой плиты; Персиплекс был настолько заряжен магической энергией, что, если бы землетрясение или какой-либо другой удар опрокинул призму, она немедленно вернулась бы в прежнее положение, чтобы проецируемое изображение всегда оставалось безошибочным и не могло быть неправильно истолковано.

Так было всегда — так должно было быть и теперь.

Ильдефонс пересек террасу размашистыми шагами. Справа от него, выпрямившись, нарочито сдержанной походкой молча шел Хаш-Монкур; слева непрерывно болтал и жестикулировал Хуртианц. За ними торопились, явно нервничая, другие чародеи, а Риальто неспешно замыкал процессию в презрительном одиночестве.

Из вестибюля все сразу проходили в центральный зал. Риальто еще не успел туда войти, как услышал громкий возглас чем-то шокированного Хаш-Монкура; за этим возгласом последовали

другие — чародеев что-то потрясло или возмутило.

Риальто протиснулся вперед: в зале все оставалось почти таким же, как во время его предыдущего визита: на пьедестале стояла Ячея Правосудия, в нише светилась призма Персиплекса и текст «Монстрамента» отображался на доломитовой плите. Заметная разница, однако, заключалась в том, что в этот раз текст «Голубых принципов» проецировался на плиту в зеркальном отображении.

В голове Риальто внезапно мелькнула догадка, и в тот же момент Ильдефонс взревел:

— Неслыханное святотатство, предательство! Монитор показывает, что имел место «хиатус»![9] Кто осмелился применить это заклятие в нашем присутствии?

— Возмутительно! — заявил Хаш-Монкур. — Пусть тот, кто это сделал, выйдет вперед и объяснит свой поступок!

---

[9] Notes: 9

«Хиатус» — «Заклятие темпорального стаза», оказывающее влияние на всех, кроме того, кто его произносит. Окружающие цепенеют и остаются в полной неподвижности. Чародеи с ненавистью и отвращением относятся к любым попыткам других магов применять по отношению к ним «хиатус» — в таких условиях могут происходить самые нежелательные события, в связи с чем многие чародеи носят с собой мониторы, предупреждающие о том, что их подвергли «хиатусу». (*Прим. авт.*)

Никто не признался, но Маг Мьюн тут же удивленно воскликнул:

— «Монстрамент»! Разве текст не был зеркально перевернут? А теперь он читается в обычной проекции!

— Странно, — пробормотал Ильдефонс. — Чрезвычайно странно!

Хаш-Монкур гневно переводил взгляд с одного лица на другое:

— Такие подлые трюки недопустимы! Они бросают тень на достоинство каждого из нас! В свое время я лично проведу расследование этого дела, но в данный момент нас интересует трагическое доказательство вины Риальто. Давайте же изучим «Монстрамент».

Риальто произнес с ледяной вежливостью:

— Вы предпочитаете игнорировать факт первостепенного значения? А именно то обстоятельство, что «Монстрамент» проецировался в зеркальном отображении?

Хаш-Монкур вопросительно взглянул на Риальто, потом на доломитовую плиту, а затем снова на Риальто, изображая полное замешательство:

— Судя по всему, текст в полном порядке! Подозреваю, что вас подвело зрение — это часто случается, когда заходишь в полутемное помеще-

ние, привыкнув к дневному свету. Ну что же! К великому сожалению, вынужден обратить внимание ассоциации на это положение параграфа D третьего раздела, гласящее…

— Одну минуту! — прервал его Ильдефонс. — Я тоже видел текст в зеркальном отображении. По-вашему, я рехнулся?

Хаш-Монкур беззаботно рассмеялся:

— Ошибки такого рода не свидетельствуют ни о дегенерации умственных способностей, ни об отсутствии достаточного внимания. Возможно, закусывая перед конклавом, вы съели слишком много маринованных слив или слишком часто отдавали должное превосходному элю из вашего погреба! Хо-хо! Многие здоровые и сильные люди страдают от несварения желудка! Так мы вернемся к нашему расследованию или нет?

— Ни в коем случае! — резко оборвал его Ильдефонс. — Мы вернемся в Бумергарт и тщательно проанализируем обстоятельства, которые на каждом шагу становятся все более таинственными.

Чародеи покинули святилище, вполголоса обсуждая происходящее. Риальто задержался, чтобы осмотреть призму, и знаком остановил Ильдефонса. Когда они остались одни, Риальто сказал:

— Вас может заинтересовать еще один факт — это не Персиплекс. Это подделка.

— Что? — вскричал Ильдефонс. — Не может быть!

— Смотрите сами. Призма меньше первоначальной. Она грубо сработана. И, что важнее всего, настоящий Персиплекс не мог бы проецировать зеркальное отображение. Наблюдайте! Я вызову сотрясение, чтобы призма опрокинулась. Настоящий Персиплекс должен сразу занять прежнее положение.

Риальто ударил по витрине с такой силой, что призма упала набок — и осталась лежать набоку.

Ильдефонс повернулся к Ячее:

— Арбитр! Говори! Тебя вызывает Настоятель Ильдефонс!

Ответа не было.

Ильдефонс позвал еще раз:

— Арбитр! Сарсем! Приказываю тебе: говори!

Ячея молчала.

Ильдефонс отвернулся.

— Вернемся в Бумергарт. Плохо дело! Одна тайна скрывается за другой. Все это больше невозможно игнорировать.

— Все это нельзя было игнорировать с самого

начала, — заметил Риальто.

— Так или иначе, — сухо ответил Ильдефонс, — теперь я непосредственно несу ответственность за расследование. Масштабы катастрофы таковы, что придется принимать чрезвычайные меры. Вернемся в Бумергарт!

6

Снова собравшись в Большом Зале, чародеи разговорились — поднялся многоголосый шум. Некоторое время Ильдефонс выслушивал довольно-таки бессвязные рассуждения, не высказывая никаких замечаний, быстро переводя светло-голубые глаза с одного спорщика на другого и подергивая время от времени свою уже порядком растрепанную бороду.

Споры разгорались, превращаясь в скандал. Гнев пробудил в Проказнике из Снотворной Заводи страстное красноречие. Маленький эльф, предпочитавший являться в зеленой шерстяной шкуре с желто-оранжевыми ивовыми листьями вместо волос, выражал свое мнение со все возраставшим возбуждением, нервно жестикулируя и подпрыгивая:

— Как бы то ни было, в зеркальном отображении или задом наперед, «Голубые принципы»

были и остаются «Голубыми принципами»! Как уже упомянул Хаш-Монкур, сакральный текст начисто отрицает измышления Риальто — и это все, что нам нужно знать. Я с радостью прочитаю текст, перевернувшись с ног на голову, глядя в зеркало или подсматривая в дырку носового платка, чтобы убедиться в нашей правоте! — Пока Проказник сбивчиво выкрикивал все более лихорадочные фразы, остальные чародеи начали опасаться, что в очередном пароксизме излияний эльф нанесет себе какое-нибудь повреждение или, чего доброго, выпалит ужасное заклинание, травмирующее всех вокруг. В конце концов Ильдефонс произнес заклятие успокоительной тишины, после чего Проказник продолжал размахивать руками и говорить, но никто — даже он сам — больше не слышал его слов, так что через некоторое время ему пришлось успокоиться и сесть.

Нежнейший Лоло, дородный чародей с колышущимися пухлыми щеками и подбородками, попытался проанализировать искажение проекции «Монстрамента»:

— Подозреваю, что Арбитр Сарсем потерял бдительность от скуки и допустил зеркальное отображение текста Персиплекса, после чего,

заметив наше возмущение, напустил на нас «хиатус» и, пользуясь перерывом во времени, перевернул Персиплекс в надлежащее положение.

Ильдефонс торжественно взошел на возвышение:

— Я должен выступить с важным объявлением. Голубая призма, которую вы видели сегодня в святилище, — подделка, фальшивка! Вопрос об отображении проекции, таким образом, отпадает.

Дарвилк Миаантер, обычно молчаливый, неожиданно выкрикнул:

— Зачем же тогда, напыжившись, как распустивший хвост павлин, вы всех нас потащили на Тучеворот проверять поддельный, по вашим словам, текст?

Шрю поддакнул:

— Миаантер попал не в бровь, а в глаз! Ильдефонс, ваши действия заслуживают порицания.

Ильдефонс высоко поднял обе руки:

— Мы не обсуждаем сейчас этот вопрос! Повторяю: «Монстрамент», основа нашей ассоциации, исчез из святилища Ячеи Правосудия! Мы остались вне закона, мы беззащитны, как и сама Ячея, перед лицом скрывающегося среди нас неизвестного злодея! Мы больше не можем провести ни

одного дня, не принимая срочных мер защиты.

Хаш-Монкур ласково улыбнулся:

— Ильдефонс, дружище! Зачем панически провозглашать наступление катастрофы? Основой нашей ассоциации всегда была и будет совокупная мудрость ее членов!

Лунатик Вермулиан заявил:

— Могу предсказать, что так называемой тайне найдется очень простое объяснение. Надо полагать, Сарсем удалил Персиплекс, чтобы его почистить, и временно установил на его месте имитацию.

— Скорее всего, так оно и есть, — согласился Хаш-Монкур. — Тем временем, по мере необходимости, можно пользоваться имитацией.

— Вот именно! — воскликнул Хуртианц. — И не забывайте о том, что, пользуясь этой версией, даже если это имитация оригинала, мы тем самым укротим бешеную мстительность Риальто и заставим его отказаться от абсурдных требований!

Ильдефонс ударил деревянным молотком по пюпитру:

— Хуртианц, вы нарушаете порядок совещания. Вспомните о том, что Риальто убедительно доказал свою невиновность в тех случаях, когда это было возможно, а во всем остальном твердо

отрицает свою вину.

— Я всего лишь выражаю мнение подавляющего большинства, — проворчал Хуртианц.

— В данный момент ваши замечания неприемлемы. Риальто, вы не сказали ни слова. Каково ваше мнение?

— Я еще не готов его высказать.

— Шрю, а вы что скажете?

— Только одно: в отсутствие настоящего «Монстрамента» должны соблюдаться все юридические нормы. Практически это означает, что status quo следует считать неизменным и окончательным.

— Нахуредзин, что вы думаете по этому поводу?

Нахуредзин, прозванный в Старом Ромарте Полосатым Садваном, уже размышлял о возможных вариантах будущего ассоциации:

— Если Персиплекс в самом деле исчез, мы должны создать новый «Монстрамент» под наименованием «Оранжевые принципы», пользуясь имитацией в качестве образца.

— Или «Светло-зеленых», — предложил Нежнейший Лоло. — Или даже «Розово-пурпурных принципов», чтобы придать им подобающие блеск и великолепие.

— Ваши предложения не заслуживают внимания, — возразил Ильдефонс. — Вы желаете создать новый документ экзотического цвета, в то время как «Голубые принципы» служили нам верой и правдой? В отсутствие оригинала копии, принадлежащей Риальто, хоть она и порвана, вполне достаточно.

Хуртианц снова вскочил, чтобы привлечь внимание собрания:

— Если мы согласимся использовать документ Риальто, его обвинения придется признать справедливыми! Благодаря новому Персиплексу, основанному на существующей имитации, все предыдущие притязания, в том числе требования Риальто о трехкратном возмещении ущерба, будут признаны недействительными, а Риальто волей-неволей придется самому платить за свои нарушения!

— Волне основательный довод! — громко заявил Чамаст. — Хуртианц прорубил просеку через заросли словесных прений и ухватил за хвост своими блестящими зубами самую сущность дела! — Таким образом Чамаст намекнул на искусно ограненные рубины, заменявшие Хуртианцу естественные зубы; Хуртианц благодарно поклонился в ответ на комплимент.

Лунатик Вермулиан, высокий и тощий как палка, с торчащим гребнем блестящих черных волос, формой напоминавшим спинной плавник рыбы-парусника, не отличался разговорчивостью. Как правило, его выпуклые глаза были рассеянно устремлены куда-то в пространство перед кончиком его горбатого носа и нередко подергивались мигательной перепонкой третьего века, по-видимому, выполнявшей некую полезную функцию в процессе брожения в снах. В ходе экспроприации имущества Риальто Вермулиан присвоил высокоэффективный глоссоларий, переводивший на общепринятый и общепонятный язык самые неразборчивые и устаревшие диалектные выражения, что делало это магическое средство незаменимым для профессионального посетителя снов. Теперь Вермулиан выпрямился во весь рост и произнес, отчетливо и сухо:

— Я выдвигаю тезис Хуртианца в качестве официального предложения!

— Это не допускается правилами! — осадил его Ильдефонс. — Наша первоочередная задача заключается в обнаружении оригинала Персиплекса! Мы не можем отвлекаться.

Хаш-Монкур выступил вперед:

— Я целиком и полностью поддерживаю Ильде-

фонса! Возьму на себя тщательное, всестороннее и исчерпывающее расследование вызывающей глубокое сожаление и беспокойство пропажи «Голубых принципов», и когда эта тайна раскроется, пусть будет то, что будет! Тем временем совещание может продолжаться в установленном порядке — рекомендую Настоятелю, учитывая мое обязательство, рассмотреть предложение Вермулиана в первую очередь.

Риальто взглянул на Ильдефонса и приподнял руку ко рту, словно прикрывая зевок, тем самым он подал Настоятелю тайный знак. Ильдефонс поморщился — ему не нравилось прибегать к такому средству, но тем не менее он провозгласил «Заклятие темпорального стаза».

7

Ильдефонс и Риальто разглядывали зал, в котором сидели и стояли застывшие в различных позах члены ассоциации.

— Все это чрезвычайно неудобно! — пожаловался Ильдефонс. — Здесь у каждого есть при себе монитор, никто не хочет, чтобы его облапошили коллеги. Теперь придется отыскать все мониторы и откорректировать их, чтобы обман прошел незамеченным.

— Нас это не затруднит. Я разработал метод, позволяющий с легкостью изменять показания мониторов. Потребуется только пара квампиков и красноглазый двухфольгулятный инкуб.

Ильдефонс материализовал предмет эксцентрической формы, изготовленный из фульгурита. Из отверстия в этом предмете выглянуло маленькое лицо с глазами, похожими на ягодки красной смородины.

— Это Ошерль, — пояснил Ильдефонс. — Он не совсем двухфольгулятен, но сообразителен и проворен, хотя иногда капризничает. Он задолжал пять пунктов.

— Меня обсчитали! — возразил Ошерль. — Допущена ошибка!

— Насколько мне известно, подсчет справедлив и точен, — сказал Ильдефонс. — Тем не менее в свое время я проверю свои записи.

Риальто обратился к Ошерлю:

— Тебе не терпится сократить размеры задолженности?

— Разумеется.

— Я хотел бы получить более определенный ответ: да или нет?

— Получайте какой угодно ответ, мне все равно.

Риальто продолжал:

— Сегодня Ильдефонс и я настроены благосклонно. Если ты выполнишь несколько простейших заданий, мы простим тебе целый пункт…

— Что вы говорите? — возмутился Ильдефонс. — Риальто, вы разбрасываетесь пунктами моих инкубов, как придорожной пылью!

— Дело того стоит, — пожал плечами Риальто. — Не забывайте, что я намерен взыскать ущерб в трехкратном размере — и по меньшей мере в одном случае прибегнуть к тотальной конфискации. Могу заявить уже здесь и сейчас, что экспроприация моих звездоцветов производилась вами исключительно с целью предотвращения их хищения и не подлежит действию положений о выплате штрафных убытков, каковые в противном случае могли бы оказаться действительными.

Ильдефонс отозвался гораздо спокойнее:

— Само собой. Ошерль полностью к вашим услугам.

Ошерль попробовал торговаться:

— Один пункт — явно недостаточная компенсация…

Риальто повернулся к Ильдефонсу:

— Похоже, однако, что Ошерль устал и не же-

лает прилагать усилия. Придется вызвать более старательного инкуба.

— Пожалуй, я поторопился с выводами, — тут же пошел на попятный Ошерль. — Чего вы хотите?

— Прежде всего обыщи каждого из застывших в «стазе» и, пользуясь этими квампиками, отрегулируй каждый из их мониторов так, чтобы он не регистрировал последний перерыв во времени.

— Это проще простого. — Едва заметная серая тень промелькнула по всему помещению. — Дело сделано — я заработал целый пункт!

— Ни в коем случае! — отрезал Риальто. — Целый пункт ты получишь только после того, как будут выполнены все задания.

Ошерль угрюмо хмыкнул:

— Я ожидал чего-то в этом роде.

— Тем не менее ты уже положил начало компенсации, — напомнил инкубу Ильдефонс. — Видишь, как хорошо идут дела, когда у нас хорошее настроение?

— Дела пойдут хорошо только тогда, когда моя задолженность будет погашена, — откликнулся инкуб. — Что еще?

Риальто ответил:

— Тебе надлежит чрезвычайно аккуратно со-

брать пыль, частицы растительности и другие мельчайшие следы любых материалов с сапог каждого из присутствующих чародеев по очереди и поместить собранные образцы в отдельные пробирки, помеченные именами соответствующих лиц.

— Мне неизвестны ваши имена, — проворчал Ошерль. — На мой взгляд, вы все одинаковы.

— Размести собранные образцы в последовательно помеченные именами пробирки. Я перечислю имена чародеев. Первый слева — Эрарк Предвестник… За ним — Ао Опалоносец… Далее — Пердастин… Нежнейший Лоло… Шрю… — По мере того как Риальто называл по имени каждого мага, на столе тут же появлялась пробирка, содержавшая то или иное количество пыли и частиц мусора.

— Опять же, проще простого, — прокомментировал Ошерль. — Что теперь?

— Возможно, для выполнения следующего задания тебе придется преодолеть большое расстояние, — сказал Риальто. — Так или иначе, тебе запрещается задерживаться по пути или заниматься посторонними вещами, потому что от результатов твоих поисков будут зависеть выводы, имеющие первостепенное значение.

— Для навозного жука куча дерьма, выпавшая из-под хвоста бронтотобуса, имеет первостепенное значение, — пробормотал Ошерль.

Брови Риальто сдвинулись:

— У Ильдефонса — так же как и у меня — вызывают недоумение твои замечания. Не будешь ли ты так любезен объяснить смысл твоего последнего высказывания?

— Я всего лишь сформулировал абстрактное наблюдение, — заверил его Ошерль. — В чем заключается следующее поручение?

— Арбитр святилища на Тучевороте Охмура, по прозвищу Сарсем, покинул свой пост. Приведи его сюда — нам нужно с ним посоветоваться.

— И мне зачтут один-единственный пункт? Баланс будет нарушен.

— Почему же? Я всего лишь прошу тебя найти и позвать сюда одного инкуба.

— Это трудоемкий процесс. Мне придется отправиться в Лаа и, если можно так выразиться, дергать за хвост, одного за другим, десять тысяч инкубов, пока я не услышу, как один из них огрызнется в спектральном диапазоне, характерном для Сарсема.

— Неважно! — вмешался Ильдефонс. — Целый пункт — немалое вознаграждение, и ты его заслу-

жишь, добросовестно и безукоризненно.

— Скажем так: если мы успешно завершим расследование, тебе не на что будет жаловаться, — прибавил Риальто. — Учитывай, однако, что в отсутствие успеха я ничего не могу гарантировать!

— Хорошо. Но придется растворить «стаз». Поток времени несет меня, как ветер — парусную лодку.

— Последнее замечание! — поднял указательный палец Ильдефонс. — Время не ждет! Для тебя секунда мало отличается от столетия; мы гораздо чувствительнее в этом отношении. Не медли!

— Постойте! — спохватился Риальто. — Нужно спрятать пробирки с пылью. У Хуртианца орлиное зрение: он обязательно заинтересуется, почему на столе появилась пробирка с его именем на ярлыке. Спрячем пробирки на полке под пюпитром… Вот так! Ильдефонс, не забудьте, что собрание нужно будет немедленно распустить.

— Разумеется! Вы готовы?

— Не совсем! Осталось сделать еще одну вещь. — Риальто вынул из-за пазухи оцепеневшего Вермулиана глоссоларий, присвоенный Лунатиком в Фалу́, после чего Ильдефонс и Риальто, работая вместе и посмеиваясь, как за-

думавшие неприличную проказу школьники, сотворили поддельный глоссоларий, изменив лексикон таким образом, чтобы перевод звучал как нелепая мешанина оскорблений, ругательств и глупых шуток. Поддельный глоссоларий был размещен за пазухой Вермулиана. — Вот теперь я готов! — заявил Риальто.

Ильдефонс отменил заклятие, и совещание чародеев продолжилось так, словно не прерывалось.

В воздухе еще звучало окончание фразы Хаш-Монкура:

— …учитывая мое обязательство, рассмотреть предложение Вермулиана в первую очередь.

Риальто вскочил:

— Предлагаю распустить собрание до окончания расследования Хаш-Монкура. После этого мы сможем принимать решения на основе достоверной информации.

Вермулиан крякнул, собираясь возразить, но Ильдефонс тут же объявил:

— Вермулиан поддержал предложение. Все за? Не вижу никого, кто голосовал бы против. Предложение принято — совещание закрыто и распущено до тех пор, пока Хаш-Монкур не сообщит о результатах расследования. А мне давно

пора отдохнуть — пора гасить свет. Желаю всем спокойной ночи!

Мрачно поглядывая на Риальто, чародеи удалились из Бумергарта и разлетелись по домам.

8

Ильдефонс и Риальто перешли в небольшой кабинет. Ильдефонс установил двойное количество детекторов проникновения, после чего в течение некоторого времени оба молча сидели, попивая вино и положив ноги на скамью, поближе к пылающему камину.

— Кошмарная история! — сказал наконец Ильдефонс. — У нее какой-то зловещий привкус, отдающий происками архивёльта! Будем надеяться, что в ваших пробирках — или в показаниях Сарсема — найдутся какие-то улики. Если нет, у нас не будет никаких оснований для дальнейших мер.

Риальто схватился за ручки кресла:

— Так что же, изучим содержимое пробирок? Или вы предпочитаете отдохнуть?

Ильдефонс заставил себя подняться на ноги:

— Мне незнакома усталость! В лабораторию! Испытаем каждую частицу пыли (сверху и снизу, сзади и спереди), пока не выпытаем из нее всю

подноготную! А затем Сарсем забьет последний гвоздь в гроб виновника всей этой трагедии!

Они направились в лабораторию.

— Итак! — воскликнул Ильдефонс. — Давайте-ка взглянем на ваши знаменитые пробирки! — Встряхнув содержимое нескольких пробирок, он заметил: — Не вижу, как можно извлечь из этого мусора какие-нибудь полезные сведения.

— Посмотрим, посмотрим! — откликнулся Риальто. — Нам потребуются ваш лучший увеличительный пантавист, а также последнее издание каталога «Характеристики пылевых и прочих микрочастиц последних эонов».

— Я упредил ваши пожелания, — усмехнулся Ильдефонс. — Все это под рукой. Кроме того, я прикажу принести классификатор, чтобы упростить вашу работу.

— Превосходно!

Анализ производился быстро и эффективно. Поочередно опорожняя пробирки, два чародея изучали, идентифицировали, сортировали и классифицировали их содержимое. Работа закончилась, когда Солнце уже давно взошло, и уставшие Ильдефонс и Риальто вышли на террасу, чтобы передохнуть и закусить.

По мнению Ильдефонса, им не удалось выявить

почти никаких существенных свидетельств, и он находился в подавленном настроении. Помолчав, он сказал:

— Нам приходится иметь дело в основном со множеством неопределенностей. Мы ничего не доказали и ни с кого не сняли подозрения. Частиц из категории «экстраординарных» слишком много — в частности, пылевых частиц, относящихся к Вермулиану, Хуртианцу, Хаш-Монкуру, Нежнейшему Лоло и Бизанту. Кроме того, «экстраординарными» могут быть «ординарные» с конкретными особенностями, тогда как «ординарные» могут быть связаны с тайными происками, не поддающимися регистрации с помощью наших приборов.

Риальто кивнул:

— Ваши заключения совершенно справедливы! Тем не менее я не разделяю ваш пессимизм. Каждая «экстраординарная» частица рассказывает свою историю — за исключением одного случая.

— Ага! Вы ссылаетесь на Вермулиана — пыль с его сапог непохожа ни на какую другую по форме частиц, их цвету и сложности их структуры, а также не соответствует ни одному описанию в каталоге.

Риальто с улыбкой покачал головой:

— Нет, я не имею в виду Вермулиана. В его случае мы очевидно анализировали пыль из сновидений, загрязнившую его сапоги во время посещения того или иного воображаемого ландшафта. Вполне понятно, что каталоги не содержат определенных сведений о воображаемой пыли. Особые частицы на сапогах Хуртианца — медицинский порошок, облегчающий симптомы грибковой инфекции пальцев ног; их можно с уверенностью отнести к категории «ординарных». Пыль на сапогах Бизанта — главным образом остатки фосфатных остеофитов, что очевидно соответствует интересующей его области магии, в которой составители каталогов не разбираются. В том, что касается поразительных многоцветных частиц с сапог Нежнейшего Лоло, я припоминаю, что, участвуя в последней «Шараде безумств», он украсил свою обувь изображениями лиц двух гротескных персонажей.

Ильдефонс с удивлением взглянул на собеседника:

— Зачем, во имя всего извращенного и абсурдного, ему это понадобилось?

— Насколько я понимаю, для того, чтобы Нежнейший Лоло успешно исполнял порученную ему роль в карнавальной процессии: он должен

был лежать на спине, дрыгая высоко поднятыми ногами и в то же время произнося диалог двумя голосами — фальцетом и басом. На его сапогах, естественно, остались частицы пигментов, в связи с чем я вынужден их отнести — по меньшей мере в том смысле, какой мы придаем этому термину в рамках нашего расследования, — к категории «ординарных».

— А что нашлось на сапогах Хаш-Монкура?

— Пыль на его сапогах, будучи «экстраординарной», может быть или не быть искомой уликой. Чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос, мы нуждаемся в дополнительной информации. А именно — следует узнать, увлекается ли Хаш-Монкур спелеологией, посещая пещеры и подземные пустоты?

Ильдефонс дернул себя за бороду:

— Насколько мне известно, ничего такого за ним не водится, но это еще ничего не значит. Например, только на прошлой неделе я узнал, что Захулик-Хунтце, оказывается, — Старейшина Ступицы, контролирующий собственную частную бесконечность.

— Странно — и весьма любопытно! Но вернемся к Хаш-Монкуру. На его сапогах осталось большое количество особенной пыли — она встречается

лишь в нескольких подземных пещерных комплексах нашей планеты.

— Ха! Гмм… Этот факт может свидетельствовать о многом — или ни о чем.

— Тем не менее теперь я склоняюсь к тому, чтобы подозревать Хаш-Монкура.

Ильдефонс с сомнением хмыкнул:

— Для того чтобы убедиться в справедливости ваших подозрений, необходимо подождать Сарсема и выслушать его.

— Само собой. Ошерль должен отчитаться в ближайшее время?

— Надо полагать… — Ильдефонс задумчиво взглянул в сторону лаборатории. — Одну минуту — прошу меня извинить!

Ильдефонс покинул террасу — и почти немедленно из лаборатории донеслись отголоски возбужденной перепалки. Вскоре Ильдефонс вернулся на террасу в сопровождении Ошерля и другого инкуба, явившегося в обличии тощего, напоминающего цаплю голубого существа двухметрового роста.

Ильдефонс был не на шутку раздражен:

— Полюбуйтесь на этих двух бездельников! Для них носиться по хроноплексу так же легко, как для нас — обойти вокруг стола. И тем не менее

ни одному из этих болванов не пришло в голову оповестить нас о своем прибытии! Когда я их нашел, Ошерль дрых в своем фульгурите, а Сарсем устроился на перекладине под стропилами.

— Вы слишком низкого мнения о нашем интеллекте, — презрительно обронил Ошерль. — Подобные вам существа непредсказуемы, с вами можно иметь дело только на основе буквального истолкования инструкций. Я научился на горьком опыте никогда не заниматься отсебятиной и строго следовать указаниям. В противном случае ваши жалобы еще больше действовали бы мне на нервы. Вы послали меня выполнять задание, находясь в лаборатории, — выполнив задание, я вернулся в лабораторию. Если вы хотели, чтобы я вас беспокоил, пока вы занимаетесь вульгарным поглощением органических остатков дохлых животных и растений, вы должны были предупредить меня об этом заранее.

Ильдефонс надул щеки:

— В твоих рассуждениях невозможно не уловить изрядную долю непочтительности!

— Как бы то ни было, — вмешался Риальто, — он привел Сарсема, что и требовалось. В общем и целом, Ошерль, ты хорошо справился со своей задачей!

— Как насчет обещанного вычета целого пункта из моей задолженности?

— Многое зависит от того, что сможет рассказать Сарсем. Сарсем, присаживайся!

— В этом обличии мне удобнее стоять.

— Тогда почему бы тебе не принять человеческую форму и не присоединиться к нам, устроившись в кресле за столом?

— Удачная мысль! — Сарсем превратился в обнаженного юного гермафродита, покрытого блестящей чешуей лавандового оттенка, с торчащими на спине вдоль позвоночника помпонами лиловой шерсти. Усевшись за стол, однако, Сарсем отказался от закусок и напитков:

— Моя внешность, несмотря на ее типично человеческие черты, в конце концов, не более чем маскарад. Если бы я стал засовывать внутрь что-нибудь вроде того, что валяется у вас на столе, я мог бы почувствовать себя… скажем так, не очень хорошо.

— Как тебе угодно. А теперь к делу! Где находится Персиплекс, который тебе поручили охранять?

Сарсем осторожно осведомился:

— Вы имеете в виду голубую призму, стоявшую на подставке? Этот предмет найдется в целости и

сохранности там, где он обычно находился.

— Почему ты покинул свой пост?

— Это проще простого! Один из вас — не могу сказать, кто именно, вы все на одно лицо — принес новый, официально утвержденный Персиплекс, чтобы заменить прежнюю версию, потерявшую юридическую силу.

Риальто мрачно рассмеялся:

— И откуда тебе это известно?

— Таково было утверждение вашего представителя, — Сарсем лениво откинулся на спинку кресла. — По сути дела, если об этом хорошенько подумать… Существование вашего светила уже висит на волоске, оно вот-вот погаснет — какое значение имеет вся эта суматоха по поводу Персиплекса?

— Так что же ты сделал, когда явился этот так называемый представитель?

— Я указал ему на тот факт, что охранять два сакральных объекта труднее, чем охранять один. Ваш представитель сообщил, что новая призма заменит прежнюю, после чего он переместит прежнюю в место почетного хранения. Тем временем, по его словам, мои услуги больше не потребуются.

Риальто наклонился вперед:

— И твоя задолженность, конечно же, была полностью погашена?

— Насколько я помню, мы обсудили этот вопрос.

— В какой степени была погашена твоя задолженность? Сколько пунктов было вычтено? — спросил Ильдефонс.

— В значительной степени. По существу, вычтены все пункты.

— Почему же тогда твой чаг[10] продолжает оставаться в моей лаборатории?

Сарсем нахмурился:

— Не могу сказать.

Ильдефонсу пришла в голову внезапная идея; он стремительно встал из-за стола и удалился с террасы. Уже через несколько секунд он вернулся и бросился в кресло. На лице его застыло выражение безнадежного опустошения; повернувшись к Риальто, он сообщил:

— Чаг Сарсема исчез. Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное?

---

[10] Notes: 10

Чаг — существо, относящееся к полуразумной субкатегории инкубов, контролирующее инкуба как такового посредством магического механизма, описание сложной структуры которого заняло бы слишком много места. Инкубы ненавидят свою зависимость от чагов, и даже одно упоминание слова «чаг» вызывает у них сильнейшее отвращение. (*Прим. авт.*)

Риальто задумался.

— Когда это могло произойти?

— По-видимому, во время «темпорального стаза» — когда еще? — Ильдефонс повернулся к Сарсему: — Мы все стали жертвами преступления! Твою задолженность погасило неуполномоченное лицо. С тобой сыграли жестокую шутку! Решения неуполномоченных лиц недействительны, твой долг остался прежним — причем теперь мы потеряли Персиплекс! Сарсем, ты не выполнил свои прямые обязанности!

— Ха-ха! — Сарсем покачал в воздухе бледно-лиловым указательным пальцем с блестящим серебряным ногтем. — Я еще не все рассказал! Я не такой дурак, за какого вы меня принимаете!

— Что ты имеешь в виду? Что еще ты можешь сообщить?

— Я отношусь к редкой категории существ, способных мгновенно анализировать все стороны сложившейся ситуации! Подробное объяснение моих побуждений заняло бы слишком много времени, но я решил сохранить прежний Персиплекс там, где он все еще находится, — под своей охраной.

— Ха-ха-ха! Браво, Сарсем!

— Таким образом, когда ваш представитель…

— Не прибегай, пожалуйста, к недостаточно обоснованным терминам. Этот человек не был нашим представителем.

— Пока этот человек отвлекся на некоторое время, я потихоньку убрал первоначальную призму подальше. Но этого человека, добросовестность которого вы отрицаете, все равно никак нельзя назвать безответственным.

— Почему же?

— Потому что так же, как я, он беспокоился о безопасности первоначального Персиплекса и продолжал меня расспрашивать, пока не узнал, где я его разместил.

Риальто застонал:

— В пещере?

— Да. Откуда вы знаете?

— У нас есть свои способы узнавать вещи. Значит, ты отдал Персиплекс преступнику?

— А вот и нет! Я спрятал призму в хорошо известном мне тайнике, доступном только тому, кто может проникнуть через узкую трещину в скале. Кроме того, чтобы призму никто наверняка не украл, я переместил ее в шестнадцатый эон.

— Но как ты можешь знать, что преступник сам не вернулся в ту эпоху и не присвоил Персиплекс?

— Как он мог бы протиснуться сквозь трещину, в которую человек не может даже просунуть руку? Тем более что с тех пор и по сей день я непрерывно наблюдаю за тайником? Для меня это так же просто, как для вас — разглядывать поверхность этого стола. Никто не проникал в тайник, никто не покидал его. Следовательно, руководствуясь принципами рациональной логики, Персиплекс все еще находится в подземном убежище, в целости и сохранности.

Риальто поднялся на ноги:

— В путь! Отправимся обратно на Тучеворот. Ты проникнешь через трещину в шестнадцатый эон и достанешь Персиплекс из тайника. Ильдефонс, вы готовы? Вызовите свою воздушную яхту.

9

Риальто, Ильдефонс и Сарсем безутешно стояли на вершине Тучеворота. Сарсем огорченно оправдывался:

— Ничего не могу понять! В трещине я ничего не нашел — гарантирую, что через нее никто не смог бы вытащить Персиплекс. Должен признаться, я в полном замешательстве.

— Из пещеры мог быть другой выход, как потвоему? — предположил Риальто.

— Вполне возможно, — признал Сарсем. — Нужно проверить, какой она была на протяжении последних шести эонов.

Сарсем вскоре вернулся и отчитался:

— В шестнадцатом эоне, в течение непродолжительного периода, пещера открывалась в долину. Теперь этот выход не видно. Это хорошие новости — потому что, если даже я в какой-то степени озадачен, вашего противника эта ситуация должна была полностью сбить с толку.

— Вовсе не обязательно, — нараспев сказал Риальто.

Сарсем поглядывал то в одну, то в другую сторону.

— Насколько я помню, в шестнадцатом эоне напротив торчали три черных утеса, а река поворачивала в долину с востока… В те времена Тучеворот был высоким горным пиком, бросавшим вызов грозовым тучам… Теперь я сориентировался: нужно спуститься туда, в долину.

Сарсем провел двух волшебников вниз по бесплодному каменистому склону в глубокую прогалину, забитую скатившимися камнями.

— С тех пор многое изменилось, — заметил Сарсем. — Дальше, ближе к реке, торчала скала в форме рога скатлера, а здесь, где сейчас остались

только округлые бугры, была еще одна. Наверное, где-то среди этих валунов… Ага, вот это место, хотя вход давно завалило осыпью. Отойдите в сторону, я расфазирую латиферы, чтобы расчистить путь.

Сарсем испустил импульс, пронесшийся дрожащей волной поперек склона: завал рассеялся, и в склоне открылся проход, ведущий внутрь.

Все трое прошествовали вперед. Ильдефонс заполнил проход потоком света и пошел было в пещеру, но Риальто остановил его:

— Одну минуту! — Он указал на двойную вереницу следов, оставшихся на мелком песке, покрывавшем пол пещеры: — Сарсем! Кто оставил эти следы? Ты?

— Нет, не я! Когда я покинул пещеру, поверхность песка была ровной.

— Таким образом, кто-то заходил в пещеру уже после того, как ты удалился. Судя по частицам, оставшимся у него на сапогах, этим человеком, скорее всего, был Хаш-Монкур.

Сарсем проплыл по воздуху в пещеру, не оставляя следов, и сразу вернулся:

— Там, где я его оставил, Персиплекса нет!

Ильдефонс и Риальто опустили плечи.

— Это очень плохо! — сказал Ильдефонс. — Ты

не справился с обязанностями.

— Важнее всего узнать, где нынче Персиплекс. — Риальто нахмурился: — В прошлом? В настоящем? Или уничтожен?

— Кто осмелился бы уничтожить «Голубые принципы»? — пробормотал Ильдефонс. — Даже архивёльт на это не решился бы. Думаю, что Персиплекс где-то существует.

— Склонен с вами согласиться, — кивнул Риальто. — Сарсем, как насчет этих следов на песке? Так как они ведут наружу, они были оставлены здесь до того, как осыпь завалила проход, то есть в шестнадцатом эоне.

— Верно. Могу заметить также, что, если их оставил человек, надеявшийся найти Персиплекс, его ожидало разочарование: следы показывают, что он прошел мимо трещины, в которой я спрятал призму, углубился в большую центральную пещеру, беспорядочно побродил по ней и вышел размашистыми шагами, будучи явно раздражен неудачей. Персиплекс был удален из пещеры до того, как в ней появились следы.

Риальто повернулся к Ильдефонсу:

— Как вам известно, Хаш-Монкур вернулся в Бумергарт в сапогах, все еще загрязненных подземной пылью. Если он не нашел Персиплекс

сразу после того, как вышел из пещеры, значит, он его вообще не нашел.

— Убедительный аргумент! — отозвался Ильдефонс. — Но кто в таком случае забрал призму?

Риальто строго произнес:

— Сарсем, ты свалял дурака! Что еще я могу сказать?

— Ничего больше не нужно говорить! Испытывая крайнее отвращение, вам следует меня уволить, не сходя с места! Связанное с этим унижение само по себе станет более чем достаточным наказанием.

— Ты переоцениваешь нашу жестокость, — заверил инкуба Ильдефонс. — Мы предпочли бы, чтобы ты искупил вину и нашел Персиплекс.

Синевато-лиловое лицо Сарсема скривилось.

— Придется снова вас огорчить. Я не могу вернуться в шестнадцатый эон, потому что, по сути дела, уже там нахожусь.

— Как так? — мохнатые желтоватые брови Ильдефонса высоко взметнулись. — Не понимаю!

— Неважно, — пожал плечами Сарсем. — Ограничения непреодолимы.

— Хммф! — выдохнул Ильдефонс. — Мы столкнулись с еще одной проблемой!

— И я вижу только одно решение этой про-

блемы, — сказал Риальто. — Настоятель должен вернуться в шестнадцатый эон и найти Персиплекс. Ильдефонс, приготовьтесь! А теперь…

— Подождите-ка! — воскликнул Ильдефонс. — Неужели логика, характерная для вашего мышления, вдруг покинула вас? Как я могу вернуться в прошлое, если наша ассоциация в полном разброде? Свойственные вам наблюдательность и редкостная проницательность, с другой стороны, позволят вам найти и вернуть похищенное! Сарсем, ты поддерживаешь мою точку зрения?

— В данный момент мои мыслительные процессы нельзя назвать глубокими, — отозвался Сарсем. — Тем не менее очевидно одно: возвращение Персиплекса из прошлого следует поручить тому, кто больше всех заинтересован в том, чтобы прежний Персиплекс заменил нынешнюю подделку.

Риальто вздохнул:

— Руководствуясь любыми представлениями, беднягу Сарсема следовало бы признать слабоумным. Тем не менее в данном случае он ловко обнажил сущность вопроса. Похоже, именно мне придется отправиться в прошлое.

Все трое вернулись в Бумергарт. Риальто тщательно подготовился — положил в кошель глос-

соларий, каталог простых заклинаний и Ошерля, заключенного в скорлупу грецкого ореха.

Ильдефонс выразил безоговорочную уверенность в успехе.

— В конце концов, это не более чем простое и приятное приключение, — наставлял он Риальто. — Вы окажетесь в стране Шир-Шан, которую в те времена считали пупом Вселенной. В «Большом историко-географическом справочнике» упоминаются только шесть чародеев, практиковавших в тот период шестнадцатого эона, причем ближайший из них находился далеко на севере — там, где ныне простираются заболоченные пустоши Кутца. Воздушные просторы контролируют летучие твари, называемые дайвольтами — они напоминали пельгранов, но у них на носу был длинный рог, и они свободно говорили на общераспространенном наречии. Вам следует соблюдать три правила вежливости: узел кушака должен находиться слева, желтую одежду носят только акробаты, актеры и колбасники, а виноград едят, пользуясь вилкой и ножом.

Риальто раздраженно отступил на шаг:

— Я не намерен закусывать в Шир-Шане. Возможно, учитывая все обстоятельства, будет лучше, если туда отправитесь вы.

— Это невозможно! Вы лучше всех справитесь с задачей! Достаточно нырнуть в прошлое, найти Персиплекс и вынырнуть в настоящем с призмой в руках. В путь, Риальто! Вы готовы?

— Не совсем! В частности, я хотел бы знать, как я вернусь в настоящее?

— Актуальный вопрос! — Ильдефонс повернулся к Сарсему: — Какова в точности методика этого процесса?

— Это не входит в мою компетенцию, — пожал плечами Сарсем. — Я могу отправить Риальто в прошлое, в любой из эонов, но после этого ему придется самому оттуда выбираться.

— Терпение, Риальто, терпение! — Ильдефонс предотвратил взрыв негодования. — Отвечай, Сарсем! Каким образом Риальто сможет вернуться?

— В этом отношении ему придется положиться на Ошерля.

— Очень хорошо! — сказал Ильдефонс. — Если я не ошибаюсь, Ошерлю можно доверять.

Приготовления продолжались: Риальто не забыл заменить свой завязанный справа желтый кушак добротным черным, завязанным слева. Ошерль смирно притаился в скорлупе грецкого ореха и отправился вместе с Риальто в далекое

прошлое.

10

Риальто стоял в теплых солнечных лучах с трудом поддающегося описанию оттенка: оранжевого с примесью персикового розового, а также просто розового и белесого розового. Он находился в долине, окруженной остроконечными горными пиками, вздымавшимися в небо не меньше чем на полтора километра. Выше всех был тот пик, который спустя бесчисленные тысячелетия стал Тучеворотом Охмура: его вершина скрывалась в облаках.

Пейзаж производил впечатление одновременно величественное и безмятежное. Судя по всему, долина была необитаема, хотя Риальто заметил ниже в долине и выше по горным склонам дынные бахчи и аккуратные ряды столбиков с растущей на них синей лозой пурпурного винограда.

К удовлетворению Риальто, ориентир, упомянутый Сарсемом (блестящий черный утес с тремя «ростками кипарисов» по бокам), был на виду, хотя с человеческой точки зрения кряжистые деревья с сучковатыми стволами трудно было назвать «ростками». Тем не менее Риальто с уве-

ренностью направился туда, где должна была быть пещера.

По расчетам Сарсема, если инкуб не ошибался, Риальто должен был появиться в долине сразу после того, как ее посетил Сарсем. Ильдефонс пытался заставить инкуба точнее определить временно́й интервал: «Через секунду? Через минуту? Через час?»

В тот момент внимание Риальто было отвлечено очередным спором с Ошерлем по поводу пунктов задолженности, и он расслышал только несколько слов, произнесенных объяснявшим ситуацию Сарсемом: «Погрешность пренебрежимо мала!» и «Иногда наблюдаются непредсказуемые перегибы и петли во швах, разделяющих эпохи…»

Ильдефонс продолжал расспрашивать Сарсема, но попытки Ошерля выгадать какие-нибудь поблажки снова не позволили Риальто толком разобраться в ответах сиреневого инкуба — он помнил только, что Сарсем обсуждал с Ильдефонсом какие-то математические расчеты: «Точность фокусировки, составляющую округленно тысячную долю процента, в отсутствие случайных погрешностей следует рассматривать как превосходный результат…»

Риальто повернулся было, чтобы присоединиться к разговору, но жадный Ошерль выдвинул новый аргумент, и в памяти Риальто запечатлелась лишь еще одна фраза Ильдефонса: «Пять эонов — невероятно продолжительный период!» На что Сарсем отозвался характерным для инкубов пренебрежительным пожатием плеч.

Теперь Риальто приближался ко входу в пещеру. Разъяснения Сарсема оказались не слишком точными: вместо едва заметной расщелины за выступом вулканической породы перед ним оказалось почти квадратное отверстие шириной почти два метра и выше среднего человеческого роста, украшенное по краям аккуратно выложенным орнаментом из розовых ракушек; к отверстию вела тропинка, покрытая крошевом белого известняка.

Риальто раздраженно прошипел сквозь зубы пару ругательств: здесь явно что-то было не так. Поднявшись по тропе к отверстию, он заглянул внутрь. Здесь по меньшей мере ожидания Сарсема оправдались: справа, сразу за входом, примерно на высоте головы, Риальто увидел небольшую нишу в каменной стене, где инкуб поместил Персиплекс.

Теперь ниша пустовала, что не слишком уди-

вило Риальто. Воздух наполнял незнакомый чародею запах, напоминавший о каком-то органическом процессе — судя по всему, в пещере кто-то жил.

Риальто отступил от входа в пещеру и присел на скальном уступе. С противоположного склона долины спускался старик, низенький и тощий, с копной седых волос и продолговатым синим лицом, состоявшим главным образом из выдающегося носа. На нем был халат в черную и белую полоску, а также сандалии с чрезмерно удлиненными носками; халат был опоясан черным кушаком с хитроумным узлом, завязанным слева, — самому Риальто этот обычай казался нелепым и неизящным, но таковы были, очевидно, представления обитателей этой эпохи о надлежащей манере одеваться.

Спрыгнув с уступа, Риальто направился к старику — одного прикосновения было достаточно, чтобы включить глоссоларий.

Старик заметил приближение Риальто, но не обратил на него внимания, продолжая поспешно обходить камни побольше и перепрыгивать через камни поменьше с прыткостью, не вязавшейся с его возрастом. Риальто позвал его:

— Сударь, подождите минутку! Вы слишком

торопитесь! В ваши годы следовало бы бережнее относиться к себе!

Старик задержался:

— Не беспокойтесь! Если бы все относились ко мне так же бережно, как я, я уже роскошествовал бы подобно избалованному магнату!

— Таково общераспространенное убеждение. Тем не менее каждый из нас делает в жизни все что может. Что вы здесь делаете — один, среди диких горных утесов?

— Гораздо лучше быть здесь, чем на равнине, в суматохе и неразберихе. А вы? Надо полагать, вы явились из дальних стран — узел на вашем кушаке повязан как попало.

— В разных местах разные моды, — возразил Риальто. — На самом деле я — ученый, меня послали сюда найти важный исторический экспонат.

Старик с подозрением покосился на чужестранца:

— Вы не шутите? Мне известна каждая пядь земли в округе радиусом в сотню-другую километров, и я никогда не видел ничего, что можно было бы назвать «важным экспонатом», за исключением, может быть, скелета моей двуглавой козы.

— Я ищу голубую призму — она хранилась в пещере неподалеку, но теперь ее там нет.

Старик отрицательно покачал головой:

— Ничего не знаю о призмах, исторических или каких-нибудь еще. По сути дела, я помню эту пещеру такой, какой она была до того, как в ней поселились твастики, — ничего в ней не было, кроме трещины в скале.

— И как давно это было?

Старик потянул себя за нос:

— Дайте-ка подсчитать… Это было еще тогда, когда Недде приносил мне ячмень… Гарлер еще не женился в третий раз, но уже построил новый амбар… Пожалуй, с тех пор прошел тридцать один год.

— А как здесь оказались твастики?

— Почти все они вернулись в систему Канопуса, ее климат им больше подходит, но в этой пещере осталась парочка — они не шумят, никому не мешают и, скорее всего, скоро выплатят долги, чего не скажешь о моем зяте, хотя, конечно, я никогда не выбрал бы твастика в мужья своей дочери… Вот, слышите? Они уже возвращаются с собрания в своем клубе.

До ушей Риальто донеслось позвякивание, похожее на вибрацию в воздухе, вызванную

столкновением множества металлических шариков. Вверх по дороге, протоптанной в долине, поднимались два двадцатиногих существа метра три в длину и больше метра в высоту, с большими круглыми головами, усеянными всевозможными стеблями, бугорками и пучками, выполнявшими функции, не поддававшиеся определению с первого взгляда. Их хвостовые сегменты поднимались, загибаясь вперед элегантными спиралями, и на кончике этой спирали у каждого твастика болтался железный гонг. На сочленениях каждой из ног висели орнаментальные гирлянды из колокольчиков и вибриллятора. На первом твастике была попона из темно-зеленого бархата, на втором — из вишнево-розового плюша.

— Вот они, твастики! — повторил старик. — Они гораздо лучше, чем я, смогут ответить на любые вопросы по поводу содержимого пещеры.

Риальто с беспокойством наблюдал за приближением двадцатиногих тварей.

— Все это очень замечательно, но как к ним следует обращаться?

— Да так же, как к людям, — достаточно сказать «сударь» или «ваша честь».

Вернувшись на склон, в котором открывалась пещера, Риальто успел догнать твастиков преж-

де, чем они зашли в свое жилище.

— Господа! — позвал он. — Не могу ли я задать вам вопрос? Я занимаюсь важными историческими исследованиями.

Твастик в темно-зеленой попоне ответил слегка свистящим и резким голосом, производя звуки с помощью быстро сталкивающихся жвал:

— В это время дня мы обычно не занимаемся торговлей. Если вы желаете заказать ритуальные ганджоны, имейте в виду, что мы продаем их партиями не меньше чем по двенадцать дюжин.

— Я обращаюсь к вам по другому поводу. Насколько я понимаю, вы живете в этой пещере уже примерно тридцать лет, не так ли?

— Вы сплетничали с Триффетом — он только и делает, что распускает язык. Да, примерно тридцать лет, что с того?

— Когда вы вселились в эту пещеру, не заметили ли вы случайно голубой кристалл, хранившийся в нише у входа? Я был бы очень признателен, если бы вы сказали мне правду.

— Почему бы я стал вам врать? Я сам нашел этот голубой кристалл и сразу выбросил его. На Канопусе считается, что голубой цвет раздражает глаз и приносит неудачу.

Риальто хлопнул себя ладонью по лбу:

— И что случилось с этим кристаллом дальше?

— Узнайте у Триффета. Он взял эту побрякушку из кучи мусора. — Твастики повернули в пещеру и скрылись в темноте.

Риальто поспешил вниз по долине и сумел догнать Триффета:

— Подождите, сударь! У меня еще один вопрос по поводу исторических исследований.

— Что еще? — обернулся Триффет.

— Как вы уже знаете, я проделал далекий путь в поисках голубой призмы, имеющей большое значение. Твастики выбросили ее из пещеры, и, по-видимому, после этого ее подобрали вы. Где она теперь? Передайте ее мне, и я сделаю вас богачом.

Триффет моргнул и потянул себя за нос:

— Голубая призма? Да-да, в самом деле. Я про нее забыл. Вы совершенно правы! Я достал ее из груды мусора и положил на каминную полку. Через неделю ко мне пришли мытари Царя Царей и забрали голубую призму в счет налоговой задолженности — причем на этот раз даже не избили меня батогами, за что я исключительно им благодарен.

— И что с ней стало?

— Ее забрали в имперское Казначейство в

Васкес-Тохоре, насколько я понимаю. А теперь, сударь, мне пора идти домой. Сегодня вечером у нас тыквенный суп с сыром, и если я не подоспею пораньше, мне ничего не останется.

Риальто снова уселся на камень и смотрел вслед старому Триффету, проворно перебиравшему ногами и вскоре скрывшемуся за горным отрогом. Открыв кошель, Риальто вынул скорлупу грецкого ореха — из нее вылез Ошерль, теперь по какому-то капризу заменивший голову лисьей мордой.

Розовый рот произнес:

— Так что же, Риальто? Вы готовы вернуться с Персиплексом?

Риальто показалось, что вопрос носил слегка издевательский характер. Он холодно ответил:

— Могу ли я поинтересоваться, чем вызвано твое насмешливое настроение?

— Ничем, ничем, Риальто! Я просто легкомыслен от природы.

— Как ни посмотри, не нахожу в сложившейся ситуации ничего забавного. На самом деле я хотел бы поговорить с Сарсемом.

— Как вам будет угодно.

Сарсем появился с другой стороны дороги, все еще в обличии молодого гермафродита с сирене-

вой чешуей.

— Риальто, вы хотели со мной посоветоваться?

— Я недоволен твоей работой, — сказал Риальто. — По твоей оплошности я опоздал примерно на тридцать лет.

— Всего на тридцать лет? Когда речь идет от пяти эонах? Такой точности более чем достаточно.

— Только не для решения моей задачи. Персиплекса в пещере уже нет. Некие торговцы из системы Канопуса выбросили призму. Тебе поручили охранять Персиплекс, но теперь он потерян.

Сарсем задумался на несколько секунд, после чего признал:

— Я не выполнил свой долг. Что еще можно сказать?

— Можно сказать следующее: ты должен помочь мне найти Персиплекс, потому что не выполнил свои обязательства.

Сарсем принялся возражать:

— Риальто, в ваших утверждениях нет никакой логики! Да, я не выполнил свой долг. Тем не менее нет никакой связи между этим обстоятельством и каким-либо обязательством, относящимся к поиску пропавшей призмы. Надеюсь, вы понимаете, в чем заключается ваша фундаментальная

ошибка!

— Имеет место косвенная, но вполне обоснованная связь. Невыполнение обязанностей влечет за собой строгое наказание. Ты можешь в какой-то степени смягчить это наказание, оказывая мне помощь в поисках призмы.

Сарсем подумал еще несколько секунд и сказал:

— Неубедительный довод. Подозреваю, что в нем скрывается какая-то изобретательная софистика. Например, кто подвергнет меня наказанию? Вы находитесь в далеком прошлом, то есть, по сути дела, уже не существуете.

— Ильдефонс — мой верный союзник, и он защитит мои интересы.

Сарсем издал странный крякающий звук, заменявший у инкубов взрыв хохота.

— Риальто, ваше неведение смехотворно. Неужели вы еще не поняли, что Ильдефонс — предводитель сговора против вас?

— Неправда! — заявил Риальто. — Ты пришел к такому выводу только потому, что Ильдефонс в шутку позаимствовал мои звездоцветы.

Сарсем покосился на Ошерля:

— Что на самом деле происходит?

Ошерль поразмышлял и произнес:

— В настоящее время Ильдефонс пылает ненавистью к Хаш-Монкуру.

Сарсем почесал фиолетовый нос серебряным ногтем:

— Что ж, существует ничтожная вероятность того, что Риальто прав. Не хочу, чтобы он обвинял меня в двоедушии. Риальто, возьмите этот плермалион: благодаря ему в небе прямо над тем местом, где находится Персиплекс, появится яркая синяя точка. Помните, однако (на тот случай, если у кого-нибудь, например, у Хаш-Монкура, возникнут какие-нибудь вопросы), что плермалион вам вручил Ошерль, а не я. Мы хорошо понимаем друг друга?

— Конечно. Хаш-Монкур забил тебе голову глупостями. Если ты решил разделить его судьбу, надеясь погасить свою задолженность, тебе придется иметь дело с Виифом.

Сарсем испуганно вздрогнул, но выкрикнул с напускной отвагой:

— Вы превзошли свои полномочия! Извольте больше меня не беспокоить. Мне наскучила вся эта история с Персиплексом — его нынешняя версия вполне способна выполнять свои функции до тех пор, пока не погаснет Солнце. Кроме того, Ильдефонс даже не заметит, что вы не вернулись

из прошлого. Ему уже не под силу лишить Хаш-Монкура власти.

— И что станет с Хаш-Монкуром, когда я вернусь с Персиплексом в руках?

Сарсем усмехнулся:

— Риальто, разве я выражаюсь не предельно ясно? Если вы найдете Персиплекс, можете поздравить себя с героическим достижением, после чего устройтесь поудобнее в теплых лучах Солнца шестнадцатого эона — вы никогда не отомстите своим врагам.

— Как насчет Ошерля? — как бы между прочим спросил Риальто. — Разве он не поможет мне вернуться в Бумергарт?

— Спросите его сами.

— Так что же, Ошерль? Ты продолжаешь противиться и собрался меня предать?

— Риальто, я на самом деле убежден, что вам понравится эта счастливая эпоха. Здесь вы сможете начать новую жизнь, свободную от надоедливых тревог и мелочных дрязг. Вам давно пора аннулировать мою задолженность.

Риальто улыбнулся той надменной, почти зловещей улыбкой, которая так часто раздражала его неприятелей. Он достал из кошеля напоминающий длинную узкую змейку предмет,

раскрашенный в черную и красную полоску.

— Чаг! — в ужасе вскрикнул Сарсем. Чаг обвился вокруг Ошерля, погрузил голову в одно из лисьих ушей инкуба; передний конец чага вылез из другого уха, после чего он завязался узлом вокруг головы Ошерля. Неведомая сила оттащила Ошерля к ближайшему дереву и подвесила его на этой живой полосатой веревке, продетой в уши, на высоте примерно одного метра над землей.

Риальто повернулся к Сарсему:

— В свое время я накажу Ошерля по заслугам. Тем временем, надеюсь, ты готов оказать мне посильную помощь? Ошерль, как ты думаешь, Сарсем достаточно протрезвел? Или мне придется прибегнуть к дальнейшим мерам?

Лисья морда Ошерля нервно облизала губы.

— Риальто, вы неправильно истолковали мои беззаботные шутки и теперь наполняете воздух пустыми угрозами.

— Я никогда никому не угрожаю, — возразил Риальто. — Откровенно говоря, меня просто поражает безрассудная неосторожность Сарсема. Он совершенно не понимает, насколько разгневан Ильдефонс — и насколько разгневан я! За свое предательство Сарсем заплатит ужасную цену. И это не угроза — это констатация факта.

Растянув губы в ошеломленной неискренней улыбке, Сарсем растворился, как облачко дыма. Изворачиваясь и пинаясь, Ошерль добился только того, что стал раскачиваться на ветке.

— Ваши обвинения переполнили чашу терпения бедняги Сарсема! С вашей стороны было бы гораздо благороднее…

— Молчать! — приказал Риальто и взял в руки плермалион. — Меня интересует только Персиплекс! — Он поискал в небе трубкой магического прибора, но обступившие долину горные склоны загораживали бóльшую часть неба.

Риальто напустил на свои сапоги «Заклятие быстроходной невесомости», позволявшее с легкостью передвигаться по воздуху, близко к земле или высоко в небе — по его усмотрению. Ошерль наблюдал за происходящим со все возраставшим беспокойством. Наконец он позвал волшебника:

— А что будет со мной? Мне придется тут висеть, пока птицы не совьют гнездо у меня на голове?

Риальто притворился удивленным.

— А, я уже о тебе забыл… Скажу тебе вот что. Предательство коллег и сотрудников вызывает у меня исключительную неприязнь.

— Разумеется, я вас прекрасно понимаю! — с энтузиазмом откликнулся Ошерль. — Как вы

могли настолько неправильно понять мою безобидную шутку?

— Очень хорошо, Ошерль, я принимаю твое объяснение. Может быть, ты сможешь оказать мне кое-какую помощь, в конце концов, — например, способствовать моему возвращению в Бумергарт?

— Естественно! Само собой!

— В таком случае восстановим наши прежние отношения. — Чаг опустил инкуба на землю, выполз у него из головы и вернулся в кошель Риальто. Ошерль скорчил гримасу, но без дальнейших слов вернулся в скорлупу грецкого ореха.

Риальто подскочил в воздух, поднявшись на высоту примерно семи метров, и направился к низовьям долины длинными величественными прыжками, оставив позади Тучеворот Охмура.

11

Долина выходила на бескрайнюю равнину, отличавшуюся от других подобных равнин главным образом облаками пыли и дыма, нависшими над северным горизонтом. Значительно ближе — там, где равнина уже начинала превращаться в предгорья, — Риальто заметил несколько

небольших фермерских хозяйств; каждое состояло из невысокой белой силосной башни, круглого белого амбара и сада, где росли сферические синие деревья. Примерно в полутора километрах к западу деревня, состоявшая из круглых розовых домиков, приютилась под сенью сотни высоких зонтичных пальм. Дальнейшие детали пейзажа расплывались, превращаясь в пятна нежных оттенков — вплоть до поднимавшейся над горизонтом угрожающей пелены пыли и дыма.

Риальто спустился на уступ скалы и, вынув плермалион, изучил небо. К своему удовлетворению, он увидел отчетливую темно-синюю точку на фоне сапфирового северного небосклона — примерно в том направлении, где поднимались облака дыма и пыли.

Опустив прибор обратно в кошель, он только теперь заметил ниже, на склоне, трех девушек, собиравших ягоды в кустах. Они носили черные жилеты-безрукавки поверх полосатых блуз, черные панталоны, подвязанные под коленями черными лентами, черные чулки и черные сапожки с белой опушкой вокруг лодыжек. У них были округлые лица, их прямые черные волосы были ровно подстрижены поперек лба. Риальто они показались довольно-таки привле-

кательными, хотя на большом расстоянии они напоминали внешностью и манерами странных маленьких куколок.

Риальто приблизился к ним спокойным размеренным шагом и остановился метрах в десяти. Он всегда старался производить наилучшее впечатление на представительниц женского пола — поскольку их возраст и оживленный темперамент делали их достаточно впечатлительными в этом отношении. Облокотившись на высокий пень, Риальто распустил плащ за плечами, чтобы он словно ненароком придавал ему слегка театральный вид.

Занятые веселой болтовней, девушки не заметили его присутствия, и Риальто мелодично произнес:

— Барышни, позвольте привлечь ваше внимание хотя бы на несколько минут. Я удивлен тем, что таких юных красавиц, как вы, заставляют выполнять такую скучную работу и пробираться сквозь колючие заросли.

Девушки изумленно обернулись к нему с испуганным писком и застыли как парализованные — страх полностью сковал их движения.

Риальто нахмурился:

— Чего вы так боитесь? Неужели я выгляжу как

злобное чудище?

Одна из девушек выдавила дрожащим голоском:

— Господин призрак, ваше уродство вдохновляет воображение! Пожалуйста, сохраните нам жизнь, чтобы мы могли пугать других по вечерам своими рассказами!

Риальто холодно отозвался:

— Я не призрак и не демон, а ваше представление о моей внешности не льстит моему самолюбию.

Девушка осмелилась спросить:

— В таком случае к какой разновидности существ вы относитесь?

Другая девушка произнесла с придыханием почтительного ужаса:

— Это Пунер… Или, может быть, даже Бохуль… Нам всем пришел конец!

Риальто сдерживал раздражение:

— Какие глупости вы говорите! Я всего лишь странник из далеких краев. Никакой я не Пунер и не Бохуль и не причиню вам никакого вреда. Вы никогда раньше не видели чужестранцев?

— Видели — но никто из них не был таким мрачным и суровым, и никто не носил такую смешную шляпу.

Риальто сухо кивнул:

— Я не намерен менять свою внешность, но с готовностью последую вашему совету и выберу более модную шляпу.

Первая девушка выпалила:

— В этом году все носят залихватские фетровые «суповые горшки», — так прозвали эти шляпы, и подходящим цветом считается только малиновый! Один синий наушник достаточен любому скромному человеку, а настоящий франт может красоваться кокардой с кастовым символом из глазурованного фаянса.

Риальто сжал пальцами скорлупу грецкого ореха:

— Ошерль, сооруди-ка мне шляпу, соответствующую такому описанию. Кроме того, можешь сотворить стол со скатертью и накрыть его яствами, отвечающими характерным вкусам нынешней эпохи.

Появилась шляпа. Риальто бросил прежнюю в кусты и напялил новомодное изделие — девушки одобрительно захлопали в ладоши.

Тем временем Ошерль создал неподалеку стол с расставленными на нем деликатесами.

Риальто жестом пригласил девушек подойти.

— Даже самое пугливое существо успокоится

при виде столь аппетитных закусок, после чего немыслимые в иных обстоятельствах соблазнительные ужимки и признаки благорасположения появляются почти инстинктивно — особенно с учетом возможности полакомиться пирожными, щедро приправленными взбитыми сливками и сладкими джемами. Уважаемые юные дамы, угощайтесь!

Самая осторожная из девиц спросила:

— А что вы от нас потребуете потом?

Другая повернулась к ней с укоризной:

— Цыц! Благородный господин непринужденно пригласил нас разделить с ним трапезу — почему бы нам не вести себя так же непринужденно?

Третья весело рассмеялась:

— Сначала нужно хорошенько поесть, а беспокоиться можно потом! В конце концов, он может сделать с нами все, что ему заблагорассудится, в любое время, даже не покормив нас сначала, так что опасения все равно ни к чему не приведут.

— Пожалуй, ты права, — сделала вывод первая девица. — Действительно, в новой шляпе он выглядит не так уродливо; кроме того, мне страшно хочется попробовать паштет из морских лисичек, а после этого будь что будет!

— Вы можете пробовать любые деликатесы,

ничего не опасаясь, — с достоинством сказал Риальто.

Девушки окружили стол и, не замечая никаких нежелательных поползновений со стороны волшебника, стали с жадностью уплетать все, что им приглянулось.

Тем временем Риальто протянул руку к горизонту:

— Что это за странные облака — там, на небе?

Девушки повернулись и взглянули на тучи так, словно впервые их заметили.

— Там находится Васкес-Тохор. А пыль поднялась оттого, что там опять воюют.

Глядя вдаль, Риальто нахмурился:

— Из-за чего там воюют?

Девушки рассмеялись, пораженные невежеством чужестранца.

— Войну начали бохулийские кондотьеры из Восточного Аттука: они привели с собой многочисленные боевые банды и безжалостно бросили их против армии Васкес-Тохора. Но все это зря, потому что им никогда не удастся победить Царя Царей и его тысячу рыцарей.

— Скорее всего, не удастся, — согласился Риальто. — Тем не менее, исключительно из любопытства, я посмотрю на все это своими гла-

зами. В связи с чем позвольте пожелать вам всего наилучшего.

Девушки медленно вернулись в заросли кустарника, но теперь у них пропало всякое желание собирать ягоды — они рассеянно протягивали к ним пальцы, но постоянно оборачивались, провожая глазами фигуру Риальто, размашисто шагавшего на север.

Пройдя примерно километр, Риальто вознесся в воздух и побежал по небу к Васкес-Тохору.

К тому времени, когда он прибыл на поле битвы, ее исход был уже практически предрешен. Бохулийские боевые банды, со своими мемрилями и грохочущими фургонами-истребителями свершили невозможное: на Финнейской равнине к востоку от Васкес-Тохора двадцать потенциев Последнего Царства были уничтожены. Васкес-Тохор больше не мог сопротивляться бохулийским кондотьерам.

Трагическое красновато-желтое вечернее Солнце озаряло неразбериху дыма, пыли, перевернутых машин и обезображенных тел. Опытнейшие легионы, заслужившие множество почестей и наград, были разбиты наголову; их разбросанные яркие штандарты и униформы придавали равнине издевательски-красочный вид. Тысяча

рыцарей налетела на фургоны-истребители бохулийского полчища верхом на полуорганических, полуметаллических воздушных ящерах из системы Канопуса, но рыцари, почти все до одного, были испепелены огненными лучами еще до того, как смогли причинить какой-нибудь ущерб.

Теперь на равнине полностью преобладали фургоны-истребители: мрачные, устрашающие машины двадцатиметровой высоты, вооруженные «красными поджигателями» и шипометами. На фургонах передовой линии, цепляясь за выступы брони и дула шипометов, ехали штурмовые отряды Восточного Аттука. Они производили неприятное впечатление: нескладные, неряшливые, даже не слишком бравые солдаты, ветераны всевозможных стычек и схваток, битв и грабежей — их объединяли только грязь, пот и сквернословие. С первого взгляда они казались не более чем отребьем, неспособным ни на какую дисциплину, ни на какое единство духа. Кое-кого из них можно было назвать уже стариками; бородатых и бледных, плешивых и ожиревших, колченогих и тощих, как голодные крысы, — каких только головорезов тут не было! Все они выглядели неряшливо, у всех были скорее осунувшиеся и обозленные, чем яростные или решительные,

физиономии. Одетые во что попало: одни носили тюбетейки, другие — кожаные шапочки с наушниками, третьи — утыканные шипами врага папахи с висящими на них скальпами молодых блондинов из эскадрильи Тысячи рыцарей. Таковы были войска, победившие двадцать потенциев Царя Царей, двадцать отборных легионов — передвигаясь перебежками, прячась в укрытиях, внезапно нападая, притворяясь мертвыми, снова нападая, крича от боли, но никогда от страха (задолго до того, как началась эта битва, «железные кондотьеры» насытили их страхом по горло).

Между фургонами брели вереницами мемрили — хрупкие на первый взгляд существа, состоявшие будто из одних коричневых хитиновых конечностей, с маленькими треугольными головами, смотревшими с высоты семи метров. Ходили слухи, что, будучи сам помесью человека и насекомого, мемрилей сотворил волшебник Пикаркас, используя в качестве прототипов самые устрашающие разновидности жуков-палачей.

Там-Тол, повелитель Последнего Царства, стоял весь день на парапетах Васкес-Тохора. Он наблюдал за тем, как его элитные рыцари на крылатых ящерах пикировали к фургонам-истре-

бителям и сгорали подобно спичечным головкам в лучах «красных поджигателей». Его двадцать потенциев, под предводительством «неукротимых» штурмовиков, выступили из столицы под древними штандартами. Их охраняли сверху эскадроны издающих устрашающий рев черных воздушных львов семиметровой длины, вооруженных газовыми огнеметами и арбалетами, стрелявшими взрывными дротиками.

Там-Тол неподвижно ждал, пока бохулийские банды, ругающиеся и потные, расстреливали и рубили его храбрых благородных воинов; он ждал еще долго после того, как была утрачена всякая надежда, не обращая внимания на настойчивые призывы к бегству. Мало-помалу все придворные покинули Царя Царей, оставив его одного, слишком ошеломленного или слишком гордого, чтобы бежать.

За парапетами толпы сновали по городу, собирая все ценности, какие можно было унести с собой, после чего спешили прочь из столицы через Преклонные ворота, направляясь на запад, к священному городу Люид-Шугу; чтобы туда добраться, нужно было пройти восемьдесят километров по долине Джохайма.

Бежавший по воздуху Риальто остановился

и снова осмотрел небо с помощью плермалиона. Темно-синяя точка нависла над западным районом города. Риальто стал постепенно перемещаться в этом направлении, не совсем представляя себе, как он мог бы найти и похитить Персиплекс достаточно быстро и ловко посреди всеобщей суматохи. Он заметил Там-Тола, стоявшего в одиночестве на городской стене, и не успел отвести от него глаза, как металлический шип, выпущенный из башенки фургона-истребителя, пронесся на фоне вечерней зари и воткнулся Царю Царей прямо в лоб; тот медленно и беззвучно упал с парапета на землю, лицом вниз.

Грохот, наполнявший Финнейскую долину, превратился в отдаленное рокочущее бормотание. Все летучие существа и машины уже приземлились, и Риальто, двигаясь высоко над землей легкими пружинистыми шагами, беспрепятственно приблизился к умирающему городу еще на полтора километра. Снова задержавшись, чтобы воспользоваться плермалионом, он обнаружил, к некоторому своему облегчению, что синяя точка в небе больше не висела над городом: теперь она появилась над долиной Джохайма. Судя по всему, Персиплекс находился в толпе беженцев, среди других награбленных вещей.

Риальто пробежал по воздуху туда, где синяя точка в небе находилась прямо над ним, но тут же столкнулся с новой проблемой: человека, который нес Персиплекс, невозможно было распознать среди тысяч бредущих фигур и бледных лиц.

Солнце зашло, испуская разноцветные закатные сполохи, и синюю точку уже не было видно на потемневшем небе. Риальто раздраженно засунул плермалион в кошель и побежал в сумерках на юг над долиной Джохайма, широкой извилистой реки. Спустившись на окраине городка под наименованием Десять Шпилей, он остановился на ночь в небольшой гостинице, окруженной садом розовых деревьев.

В трактирном зале все говорили о войне и о неожиданном преобладании бохулийских боевых банд. Высказывались всевозможные предположения и слухи — постояльцы дивились, мрачно покачивая головами, бесславному концу Последнего Царства.

Риальто сидел в дальнем углу, прислушиваясь к беседам, но не принимая в них участия, и через некоторое время потихоньку удалился к себе в комнату.

12

Позавтракав дыней и поджаренными клецками с моллюсками в сиропе из роз, Риальто расплатился по счету и, покинув город, вернулся на север.

Поток беженцев все еще струился по долине Джохайма. Толпы приблизились к священному городу, но их туда не пускали, и лагерь новоприбывших раскинулся под стенами Люид-Шуга подобно темной шевелящейся кайме. Над этой полосой из людей в небе висела синяя точка.

Люид-Шуг был наречен святыней в раннюю эпоху шестнадцатого эона легендарным Гулкудом, Другом Богов. Спустившись в кратер небольшого потухшего вулкана, Гулкуд был охвачен двадцатью пароксизмами просвещения, позволившими ему предначертать формы и местонахождение двадцати храмов, симметрично рассредоточенных в кратере вокруг центрального вулканического конуса. Сооружения пребендария, бани, фонтаны и убежища паломников занимали дно кратера; по верхнему краю устроили узкую кольцевую аллею. Кругом, в нишах, вырубленных в наружных склонах вулкана, стояли двадцать гигантских изображений

богов, каждое из которых соответствовало одному из храмов города.

Риальто спустился на землю. Где-то посреди орды, теснившейся вокруг городских стен, скрывался Персиплекс, но синяя точка в небе, казалось, все время блуждала — несмотря на попытки Риальто оказаться прямо под ней. Тем временем толкотня в толпе нанесла ему несколько болезненных ушибов.

В центре города, на вершине останца горловины вулкана, красовалось навершие из розового кварца и серебра. Верховный жрец взошел на площадку, устроенную на этом наконечнике, возвел руки к небу и обратился к беженцам голосом, усиленным шестью огромными спиральными раковинами:

— Жертвы и пострадавшие! Примите двадцать глубочайших соболезнований! Тем не менее, если вы все еще надеетесь войти в наше святилище, оставьте упования. Здесь нет ни пропитания для голодных, ни воды для утоления жажды!

Кроме того, знамения не предвещают ничего хорошего. Слава этого мира померкла — и не вернется прежде, чем пройдут сто мрачных веков! Только после этого изобилие и надежда возродят Землю, и добро наконец восторжествует над

злом! И грядущая эра счастья и благополучия продолжится, пока над сценой земного бытия не опустится, в завершение всему, бархатный занавес Гвеннарта.

Для того чтобы подготовиться к блаженному финалу, ныне будут избраны лучшие и самые достойные, а именно пять тысяч шестьсот сорок два человека — Сакральное Число Спасения, исполненное неизъяснимых таинств.

Половина избранных станет «Лучшими из лучших» — героями-основателями древних династий! Другая половина, «Пенистый покров Нефрины», — девы безукоризненного целомудрия и несравненной красоты, не менее отважные и галантные, нежели их собратья мужского пола. Вместе они составят общину Парагонов, образцов совершенства, — наивысшей знати поднебесного царства, цветов человеческой расы!

Благодаря «Заклятию Ста Веков» они проспят, безмятежно и невредимо, всю предстоящую Темную Эпоху. А затем, когда заклятие рассеется и наступит Славный Век, Парагоны поведут за собой человечество, чтобы учредить Царство Света на Земле!

Всем остальным предписываю: продолжайте путь! Ступайте в земли Кабанолы и Эйо, а если

не найдете там убежища — в страну Фарван. Тот, кто не боится морских просторов, может отправиться в плавание по Лютическому океану к Скандкским островам.

Время не ждет! Мы обязаны принять Парагонов. Пусть выйдут вперед компаньоны Царя Царей с их семьями, выжившие наездники из эскадрильи Тысячи рыцарей, девицы из Института Глейена и лицея Поющих Цветов, а также служительницы святилища Пенистого покрова Нефрины и прочие, достаточно гордые происхождением и доблестью, чтобы надеяться на призвание в Парагоны!

Чтобы не возникали лишние затруднения, все отщепенцы из низших каст — юродивые, лицедеи и паяцы, тупицы и ублюдки, преступники и шлюхи, уроды с обрезанными ушами и необрезанными ногтями на ногах — пусть по-прежнему идут своей дорогой.

То же самое предлагается представителям несколько более благородных сословий, каковые, несмотря на их высоконравственность, не могут быть отнесены к числу избранных Парагонов!

Те, кто надеется проснуться в Золотом Веке, выходите вперед! Отбор будет производиться в кратчайшие возможные сроки.

Риальто снова попытался разместиться точно под ориентировочной точкой в небе, надеясь каким-нибудь способом определить, кто из беженцев нес с собой Персиплекс, но не добился успеха.

Движимые либо тщеславием, либо отчаянием, немногие последовали указаниям верховного жреца — к числу тех, кто протискивался вперед, объявляя себя Парагонами, относились не только кандидаты внушительной внешности и благородного происхождения, но и беззубые нищие, ожиревшие обжоры, гидроцефалы, страдающие хронической икотой невротики, отъявленные воры и головорезы, исполнители популярных песенок и даже несколько старцев, стоявших одной ногой в могиле.

Процесс отбора замедлялся всеобщим замешательством и сутолокой — так прошел целый день. К вечеру некоторые беженцы, способные воспринимать действительность такой, какая она есть, отказались от надежды найти убежище в священном городе и побрели дальше по равнине. Риальто внимательно наблюдал за темно-синей точкой в небе, но она висела почти неподвижно и в конце концов растворилась в сумерках. Риальто угрюмо вернулся в гостиницу

городка Десять Шпилей и провел там еще одну беспокойную ночь.

Утром он снова направился к стенам Люид-Шуга. Оказалось, что жрецы продолжали отбор всю ночь и Парагонов в полном составе уже пропустили в город, после чего городские ворота наглухо закрыли.

Две бохулийские армии, медленно продвигаясь по долине Джохайма, подступили к Люид-Шугу, в связи с чем ночевавшие под склонами вулкана беженцы разбежались кто куда.

Темно-синяя точка теперь висела над городом. Спустившись на землю, Риальто подошел к боковой нише у западных ворот. Ему не разрешили войти. Голос из темной глубины проема в стене произнес:

— Иди своей дорогой, чужеземец! Сто веков пройдут, прежде чем ворота Люид-Шуга откроются снова. Мы заколдованы «Заклятием растяжения времени». Уходи без оглядки — ты ничего не увидишь за плечами, кроме спящих богов.

Тем временем бохулийские армии подступили к городским стенам. Риальто поднялся в воздух и спрятался в нижнем слое белого кучевого облака.

В долине наступила странная тишина. В городе ничто не шелохнулось. С неспешностью более устрашающей, нежели стремительность, фургоны-истребители подкатились к восточным воротам Люид-Шуга. Вслед за фургонами шли бохулийские ветераны, недовольно ворча и переваливаясь с ноги на ногу — так, словно у них болели ступни.

Из спиральных громкоговорителей города раздался голос:

— Бойцы, отступите! Не пытайтесь нанести нам ущерб. Отныне Люид-Шуг недостижим.

Полностью игнорируя объявление, командиры готовились снести городские ворота залпом разрывных снарядов. В нишах вулканического склона возникло движение — пять гигантских статуй протянули руки вперед. Воздух задрожал; фургоны-истребители мгновенно превратились в кучки обугленного праха. Раздраженные ветераны разлетелись, как шелуха, оставшаяся от высохших насекомых. Долину Джохайма снова объяла тишина.

Риальто повернулся и, задумчиво переходя из облака в облако, направился на юг. Там, где начинали возвышаться холмы, километрах в тридцати-сорока от Тучеворота, он спустился на

пригорок, покрытый сухой травой, и присел в тени одинокого дерева, прислонившись спиной к толстому стволу.

Уже почти наступил полдень. Теплый ветерок доносил приятный аромат нагревшегося сена. Вдалеке, на северо-востоке, над руинами Васкес-Тохора все еще поднимался вьющийся столб дыма.

Пожевывая соломинку, Риальто сидел и размышлял о возникшей ситуации. Несмотря на то что местонахождение Персиплекса было более или менее определено, положение вещей оставляло желать лучшего. На Ошерля, обиженного и безразличного, никак нельзя было положиться. Ильдефонс? Его интересы больше совпадали с целями Риальто, чем с предательством Хаш-Монкура. Тем не менее Ильдефонс был известен склонностью к приспособленчеству и оппортунизму. Будучи Настоятелем, Ильдефонс, даже в отсутствие чага, мог заставить Сарсема вести себя надлежащим образом. В целом, однако, учитывая все обстоятельства, Сарсем был еще ненадежнее Ошерля.

Риальто приложил к глазу трубку плермалиона: темно-синяя точка по-прежнему висела над Люид-Шугом. Отложив прибор, Риальто вызво-

лил Ошерля из скорлупы грецкого ореха.

Инкуб появился в обличии синего зеленоволосого сильфа высотой чуть больше метра. Он выражался вежливо, тщательно выбирая слова:

— Приветствую вас, Риальто! Примите мои наилучшие пожелания. Хорошая погода! Прекрасный день шестнадцатого эона! Солнечные лучи греют с характерной для этой эпохи настойчивостью. А вы жуете травинку, как крестьянский сын. Рад, что вы наслаждаетесь покоем и забыли о неприятностях.

Риальто пропустил болтовню Ошерля мимо ушей.

— У меня в руках все еще нет Персиплекса, и ответственность за эту неудачу в равной степени несете вы с Сарсемом.

Беззвучно рассмеявшись, сильф провел синими пальцами по зеленым волосам.

— Дорогой мой! Вам не идет такая манера выражаться!

— Как бы то ни было, — отозвался Риальто, — отправляйся сию минуту в священный город Люид-Шуг и принеси мне Персиплекс.

Сильф снова рассмеялся:

— Дражайший Риальто, никто не умеет шутить так, как вы! Только представьте себе (шедевр

абсурда!) такую картину: беднягу Ошерля схватили, таскают за волосы, избивают, топчут ногами, пытают на дыбе и разрывают на части двадцать безжалостных богов!

— Я не шучу, — сухо сказал Риальто. — Там находится Персиплекс, и ты должен его достать.

Ошерль тоже подобрал соломинку и принялся размахивать ею в воздухе, подчеркивая движениями свои слова:

— Возможно, вам следует отказаться от своих намерений. Шестнадцатый эон во многих отношениях благополучнее двадцать первого. Вы тут сидите и жуете траву так, словно родились, чтобы жить в этой эпохе. Это ваше время, Риальто! Так предначертано силами, намного превосходящими ваши и мои возможности!

— Мои возможности вполне достаточны, — возразил Риальто. — В частности, я подружился с чагом и могу начислять и погашать пункты задолженности с безрассудной щедростью.

— Не смешно! — прорычал Ошерль.

— Ты отказываешься доставить Персиплекс из Люид-Шуга?

— Это невозможно, пока город охраняют боги.

— Значит, ты должен перенести нас в будущее точно на сто веков — в ту эпоху, когда обитатели

Люид-Шуга проснутся в Золотом Веке и у нас появится шанс вернуть похищенное имущество.

Ошерль хотел было обсудить обременительный характер своей задолженности, но Риальто отказался его слушать.

— Всему свое время. Мы рассмотрим этот вопрос, когда вернемся в Бумергарт с Персиплексом в руках!

— Персиплекс? Это все, что вам нужно? — с внезапным притворным благодушием спросил Ошерль. — Почему же вы не сказали об этом раньше? Вы готовы?

— Готов, конечно. Смотри, не ошибись!

13

Холмик и одинокое дерево исчезли. Риальто стоял на склоне каменистой долины; внизу лениво струилась извилистая река.

По-видимому, только что наступило утро, хотя небо затянули тяжелые тучи. Сырой холодный ветер пощипывал кожу; на востоке темные хвосты дождя нависли над черным лесом.

Глядя вокруг, Риальто не замечал никаких признаков человеческого обитания: ни оград, ни фермерских домов, ни дороги, ни даже колеи или тропы. Кроме того, он был один. Куда подевался

инкуб? Риальто раздраженно поворачивался то в одну, то в другую сторону:

— Ошерль! Появись!

Ошерль появился — все еще в обличии синего сильфа.

— Я здесь.

Риальто обвел рукой унылый пейзаж:

— Это непохоже на Золотой Век. Ты уверен, что мы продвинулись на сто веков в будущее? Где Люид-Шуг?

Ошерль указал на север:

— Люид-Шуг — там, на краю леса.

Риальто вынул плермалион, но из-за сплошной пелены туч синюю точку не было видно.

— Подойдем поближе.

Волшебник, в сопровождении инкуба, направился туда, где когда-то был священный город, и нашел только развалины. Риальто недоуменно спросил:

— Неутешительная картина! Куда подевались все боги?

— Я навещу Серые Пески и наведу справки, — предложил Ошерль. — Подождите здесь: через некоторое время я вернусь и сообщу все известные сведения.

— Стой! Никуда не отлучайся! — воскликнул

Риальто. — Мой вопрос носил чисто риторический характер. Прежде всего найди Персиплекс, а после этого можешь заниматься судьбой богов, сколько тебе заблагорассудится.

Ошерль проворчал себе под нос:

— Вы проскочили сто веков, а мне, если бы я провел всего лишь год в Серых Песках, по возвращении пришлось бы выслушивать все те же угрозы и оскорбления. Это лишает всякого желания проявлять инициативу.

— Довольно болтовни! — отрезал Риальто. — Меня интересует только Персиплекс.

Они приблизились к руинам. Дожди и ветры постарались на славу: от конуса древнего кратера остались едва заметные следы. Храмы обрушились и превратились в кучи камней; двадцать гигантских изображений богов, вырезанные из мрамора, полностью эродировали — вместо них торчали какие-то покосившиеся, почерневшие каменные огрызки. Все могущество богов утонуло в болоте.

Риальто и Ошерль медленно прошлись по окраине бывшего города — время от времени Риальто проверял показания плермалиона, но безрезультатно.

На севере лес подступал вплотную к оставше-

муся от парапета фундаменту, и с той стороны ветер доносил запах дыма. Отправившись на поиски, через некоторое время Риальто и Ошерль обнаружили на краю леса селение, состоявшее из пары десятков хижин.

— Нужно расспросить местных жителей, — сказал Риальто. — Рекомендую тебе изменить облик, иначе мы будем производить впечатление исключительно странной парочки.

— Вам тоже следовало бы изменить внешность. Ваша шляпа, например, выглядит как перевернутая кастрюля, да еще малинового цвета. Сомневаюсь, что эта мода пережила десять тысяч лет.

— В том, что ты говоришь, есть какой-то смысл, — признал Риальто.

Облачившись в блестящие латы «доблестных лаврентинцев», утыканные зазубренными шипами, в шлемах с высокими гребнями, испускавшими язычки голубого пламени, инкуб и волшебник приблизились к грязному, вонючему селению.

Вооружившись глоссоларием, Риальто позвал:

— Селяне, внимание! Вас посетили знатные лаврентинские рыцари — пора их приветствовать согласно вашим наилучшим традициям!

Один за другим местные жители стали вылезать из хижин, позевывая и почесываясь. Одежда их была сшита из птичьих шкурок; во всей деревне не было заметно никаких цивилизованных удобств, причем обитатели хижин явно недоедали уже много лет. При виде Риальто и Ошерля несколько мужчин обменялись радостными возгласами, после чего схватили сети с длинными рукоятками и стали подходить с явно недобрыми намерениями.

Риальто приказал:

— Стойте! Мы — волшебники! Любая попытка причинить нам вред навлечет на вас заклятие, чреватое самыми печальными последствиями! Предупреждаю!

Разбойники ухом не повели и только расставили сети пошире и повыше. Риальто подал знак инкубу. Сети обволокли тех, кто их нес, и стянули их так туго, что те свернулись калачиками и не могли пошевелиться. Одним движением большого пальца Ошерль отправил сети вместе с их содержимым высоко в небо — они скрылись в пелене туч и больше не появлялись.

Обведя глазами собравшихся селян, Риальто спросил женщину с плоским лицом:

— Кто предводитель вашего отвратительного

сборища?

Женщина показала пальцем:

— Вот, Дулька, — он у нас мясник и загибатель. Не нужен нам никакой предводитель — начальники всегда жрут больше, чем им положено.

Пузатый старик с серым бородавчатым лицом неохотно приблизился на несколько шагов и произнес льстивым гнусавым тоном:

— Неужели обязательно выражать свое отвращение настолько откровенно? Правда, мы — антропофаги. Правда, что незнакомцев мы рассматриваем как питательную добавку к скудному ежедневному меню. Но разве это достаточный повод для неприязни? Мир таков, каков есть, и каждый из нас должен надеяться, что тем или иным образом окажется полезен своим товарищам, даже если сгодится только на суп.

— У нас другие намерения, — отозвался Риальто. — Если я увижу еще какие-нибудь сети, ты первый вознесешься выше туч.

— Не беспокойтесь, нам уже известны ваши предпочтения, — заверил его Дулька. — В чем состоят ваши пожелания? Вы проголодались?

— Нас интересует древний Люид-Шуг. Пророчества гласили, что теперь, с наступлением Золотого Века, город должен был проснуться. И

что мы видим? Одни развалины и плесень, не говоря уже о вони, исходящей от вашей деревни. Что случилось? Почему город постигла такая печальная судьба?

К Дульке вернулась самоуверенность — он часто моргал, поглядывая на посетителей с туповатой ухмылкой. Рассеянно, словно по привычке, он переплетал, сгибал и разгибал пальцы обеих рук с ловкостью, показавшейся Риальто любопытной, даже удивительной. Мясник ответил тем же монотонным гнусавым тоном:

— Тайна, окружающая руины, носит скорее воображаемый, нежели действительный характер. — Говоря, Дулька продолжал загибать, сжимать и разжимать пальцы. — Столетия проходили за столетиями, одно за другим, и боги стояли незыблемо, днем и ночью. Но в конце концов ветры и дожди повергли их на землю. Они превратились в прах, их власти пришел конец.

Дулька сплетал, сжимал и разжимал пальцы.

— Здесь никого не было, покой развалин никто не нарушал. Парагоны продолжали спать в алебастровых оболочках. Юноши и девушки (первоклассный продукт!) покоились на шелковых ложах, и никто про них не знал!

Пальцы Дульки сплетались, образуя сложные

конфигурации. Риальто начинал ощущать приятную расслабленность, каковую он приписал усталости, ведь сегодня ему пришлось приложить немало усилий.

— Я вижу, что вы устали, уважаемый! — не преминул заметить Дулька. — А я заставляю вас стоять!

Принесли плетеные церемониальные кресла с резными деревянными спинками, изображавшими искаженные гримасами боли человеческие лица.

— Садитесь! — успокоительно предложил Дулька. — Отдохните!

Дулька тяжеловесно опустил жирные ягодицы на затрещавшее под его весом кресло. Риальто тоже уселся, чтобы протянуть затекшие ноги. Повернувшись к Ошерлю, он спросил на языке двадцать первого эона:

— Что со мной делает этот старый хитрец? Я чувствую, что отупел.

Ошерль обронил как бы между прочим:

— Он повелевает четырьмя инкубами низшего ранга — мы их называем доводягами. Они постепенно расслабляют мышцы, в том числе глазные; у вас, например, уже начали косить глаза. Дулька отдал тайный приказ готовиться к пиршеству.

Риальто возмутился:

— И ты не предотвратил эти ухищрения? Как на тебя можно полагаться?

Ошерль только смущенно прокашлялся.

— Сейчас же прикажи доводягам вытянуть нос Дульки на полметра и сделать так, чтобы на конце этого носа вздулся болезненный волдырь, а на обеих его ягодицах образовались чирьи!

— Как вам угодно.

После того как эти указания были, к его удовлетворению, исполнены, Риальто продолжил:

— Ошерль! Странно, что тебе приходится об этом напоминать, но ты обязан также строго запретить доводягам причинять какие-либо дальнейшие неудобства моей персоне.

— Да-да, вы правы. Мы не хотели бы, чтобы Дулька принял сходные ответные меры.

— После этого отпусти его доводяг на свободу — пусть вернутся туда, откуда они происходят. И скажи им, чтобы они ни в коем случае не возвращались на службу к этому мяснику.

— Щедрое решение! — похвалил Ошерль. — Относятся ли эти указания в равной степени ко мне?

— Ошерль, не отвлекай меня! Несмотря на постигшие его новые неприятности, мне нужно

расспросить Дульку. — Риальто повернулся к испуганному загибателю и произнес на языке местных жителей: — Ты наказан за предательский обман. В общем и целом я считаю себя человеком милосердным — будь благодарен этому обстоятельству! А теперь готов ли ты продолжать нашу беседу?

Дулька обиженно пробормотал:

— Вы слишком легко раздражаетесь! Я не хотел причинить вам никакого вреда! Что еще я могу сказать?

— Ты обыскивал развалины города?

— Нас развалины мало интересуют — разве что иногда удается найти нетронутую алебастровую скорлупу. Тогда мы устраиваем пир на весь мир.

— Понятно. И скольких спящих Парагонов вы уже сожрали?

— За многие годы мы насчитали пять тысяч шестьсот сорок одного. Надо полагать, их осталось немного.

— Немного? — Риальто усмехнулся: — Если вы не осчитались, все еще ждет Золотого Века только один Парагон. Вы съели всех остальных.

На какой-то момент Дулька даже забыл о чирьях и о волдыре на носу.

— Только один? Какая жалость! Нашим пирше-

ствам приходит конец!

— А как насчет сокровищ? — спросил Риальто. — Вы забрали драгоценности и кристаллы из городских склепов?

— Конечно. Нам нравятся красивые вещи — особенно красные, розовые и желтые самоцветы. Синие и зеленые приносят неудачу, мы используем их для развлечения.

— Каким образом?

— Привязываем их к хвостам богадилов, медведеедов или даже манков, что заставляет их выкидывать смехотворные трюки от испуга и стыда, после чего они сломя голову убегают в лес.

— Хммф. Как насчет светящегося голубого кристалла в форме призмы, примерно вот таких размеров? — Риальто показал руками. — Вы когда-нибудь видели такой?

Дулька скорбно ощупал пальцами нос, прикидывая в уме его длину.

— Кажется, что-то такое помню, но это было давно.

Риальто сочувственно спросил:

— Неужели такой длинный нос тебе не нравится?

— Нет, совсем не нравится!

— А ягодицы тебя очень беспокоят?

— Болят! Просто невыносимо!

— Когда мне принесут голубую призму, у тебя все пройдет.

Дулька уныло хмыкнул:

— Это не так-то просто.

Риальто больше нечего было сказать. Они с Ошерлем отошли на некоторое расстояние от селения, после чего инкуб устроил удобный шатер из темно-синего шелка. На толстом ковре, расшитом сложными красными и синими орнаментами, Ошерль установил массивный стол из резного темного дерева, окруженный четырьмя низкими креслами с темно-красными бархатными подушками. Снаружи он расстелил сходный ковер и установил второй стол — на тот случай, если небо прояснится. Сверху он растянул навес, а в каждом из четырех углов шатра сотворил тяжелый чугунный столб с многогранным фонарем.

Оставив в шатре сидевшего за столом Ошерля, Риальто поднялся высоко в небо и вынырнул из туч в залитое киноварными лучами Солнца пространство, подернутое слегка слепящей голубой дымкой.

Послеполуденное Солнце уже наполовину опустилось к горизонту. Сплошная пелена туч про-

стиралась во все стороны настолько, насколько мог видеть глаз. Взглянув в трубку плермалиона, он с облегчением обнаружил темно-синюю точку, висевшую в небе не слишком далеко на северо-востоке от того места, где находился он сам.

Пробежав по воздуху над облаками, Риальто остановился прямо под ориентировочной меткой, после чего быстро спустился сквозь тучи в лес. Достигнув, наконец, лесной подстилки, он тут же обыскал окружающий его участок, но ничего не нашел.

Вернувшись в шатер, Риальто обнаружил Ошерля там, где он его оставил, и рассказал о своих поисках:

— Надо полагать, я недостаточно точно определил место под ориентиром. Завтра тебе предстоит подняться настолько высоко, насколько возможно, с плермалионом в руках, и спускать веревку с грузилом, пока грузило не повиснет над самыми вершинами деревьев, после чего, надеюсь, нам удастся отыскать Персиплекс… Почему из деревни доносятся дикие вопли?

Ошерль встал, раздвинул шелковые завесы входа в шатер и выглянул наружу.

— Антропофаги возбуждены — что-то вызвало у них энтузиазм.

— Странно! — заметил Риальто. — Может быть, Дулька, вместо того чтобы проявить стремление к сотрудничеству, решил отрезать себе нос… Не вижу, что еще могло бы вызвать у них такую радость… Кстати, мне пришел в голову еще один вопрос. Почему синее ориентировочное пятнышко должно находиться так высоко в небе?

Ошерль пожал плечами:

— Не вижу в этом никакой тайны. Это позволяет видеть его издалека.

— Все это прекрасно и замечательно, но другой ориентир мог бы оказаться гораздо более полезным — например, луч голубого света, хорошо заметный издалека, но точно указывающий местонахождение призмы на уровне земли.

— Честно говоря, побуждения Сарсема мне не совсем понятны — если, конечно, он не принял слишком близко к сердцу инструкции Хаш-Монкура.

— Даже так? И в чем заключались эти инструкции?

— Насколько я понимаю, все это пустая болтовня. Хаш-Монкур поручил Сарсему изготовить плермалион так, чтобы он указывал местонахождение призмы настолько приблизительно, чтобы вам никогда не удавалось на самом деле найти

Персиплекс и чтобы вы вместо этого гонялись за ним, как сумасшедший, преследующий неуловимый призрак.

— Понятно. И почему же ты мне не сообщил об этом раньше? Неважно! Наступит день, когда ты наконец поймешь, от кого зависят размеры твоей задолженности — от меня или от Хаш-Монкура… Эти завывания и крики в деревне не прекращаются! Похоже, что Дулька отрезает свой нос постепенно, по кусочкам. Ошерль, прикажи им замолчать.

— На мой взгляд, их веселье достаточно безобидно — они просто-напросто готовятся к пиршеству.

Риальто тревожно встрепенулся:

— К пиршеству? Какого рода?

— Они поймали последнюю из Парагонов — девушку, только что вылупившуюся из алебастровой ячеи. После того как они ее сожрут и начнут переваривать, шума, надо полагать, поубавится.

Риальто вскочил:

— Ошерль, мы с тобой никогда не поймем друг друга. Следуй за мной, живо!

Поспешно вернувшись в селение, Риальто нашел Дульку, сидевшего перед входом в свою

хижину на паре огромных пуховых подушек; на его забинтованном носу красовалась горячая примочка. Подготовка к праздничной трапезе шла полным ходом — женщины чистили и нарезали корнеплоды, овощи и приправы в соответствии с традиционными рецептами. В клетке, устроенной неподалеку, стояла последняя из Парагонов: девушка, которую мясник охарактеризовал бы как «несколько меньше средних размеров», «отборного качества», «нежную, но не слишком жирную». Ее одежда распалась в прах на протяжении многотысячелетнего сна; на ней ничего не было, кроме ожерелья из меди и бирюзы. Осунувшись от страха, она смотрела сквозь прутья клетки на то, как два увальня, помощники мясника, устанавливали разделочный стол и точили ножи.

Загибатель Дулька нахмурился, заметив приближение Риальто и Ошерля:

— Что еще вам понадобилось? Мы собираемся устроить наш последний банкет. С вашими делами придется подождать — если, конечно, вы не пришли, чтобы избавить меня от болячек.

Риальто сказал:

— Банкет не состоится — если, конечно, ты сам не согласишься залезть в котел. Ошерль, вызволи

девушку из клетки и одень ее как следует.

Ошерль разнес деревянную клетку на миллионы щепок и облачил девушку в бледно-голубой халат. Дулька закричал от отчаяния, а другие сельчане дошли до того, что схватились за оружие. Для того чтобы отвлечь их внимание, Ошерль создал четырех синих гоблинов трехметрового роста. Прыгая вперед и щелкая клыками, гоблины заставили антропофагов прытко убежать в лес.

Риальто, Ошерль и ошеломленная девушка вернулись к шатру, где Риальто подал ей укрепляющую нервы настойку и тихим, ровным голосом объяснил ей сложившиеся обстоятельства. Она слушала, устремив неподвижный взгляд в пространство, и, возможно, что-то поняла из того, что ей говорил волшебник, потому что через некоторое время расплакалась навзрыд. Риальто подмешал к настойке успокаивающее средство, и скорбь последней из Парагонов постепенно сменилась рассеянным сонным состоянием, в котором катастрофа ее жизни почти не вызывала эмоций; теперь она просто хотела сидеть рядом с Риальто, испытывая облегчение в присутствии спасителя.

Ошерль цинично поглядывал на сидевшую

напротив парочку.

— Риальто, вы — любопытный субъект, представитель упрямой и загадочной породы.

— Почему же?

— Бедняга Дулька безутешен, его племя бродит по лесу в темноте — гоблины их так напугали, что они не отваживаются вернуться домой. Тем временем вы утешаете безмозглую самку и говорите ей любезности.

Риальто ответил спокойно и с достоинством:

— Я руководствуюсь соображениями галантности, выходящими за рамки твоего понимания.

— Вот еще! — Ошерль хрюкнул. — Вы тщеславны как павлин и уже подумываете о том, какие хвастливые позы произведут наилучшее впечатление на это едва половозрелое несмышленое существо, с которым впоследствии вы, несомненно, попытаетесь провести время в любовных утехах. Тем временем Дульке нечего жрать, а моя задолженность раздражает меня по-прежнему.

Риальто поразмышлял несколько секунд.

— Ошерль, ты хитер, но недостаточно. Меня не так просто отвлечь, как ты думаешь. Следовательно, вернемся к нашему прерванному разговору. Что еще — касательно сговора Сарсема с Хаш-Монкуром — ты позаботился от меня скрыть?

— Я не уделял особого внимания их замыслам. Вам следовало бы точнее определить, какие именно стороны их взаимоотношений вас интересуют.

— С упреждением? Как я могу знать, что именно меня заинтересует, до тех пор, пока не получу какие-нибудь сведения об их сговоре?

— По правде говоря, я знаю немногим больше вашего. Хаш-Монкур надеется осуществить свои планы с помощью Сарсема, но это неудивительно.

— Сарсем играет с огнем. В конечном счете он будет сурово наказан за двоедушие! Так наказан, чтобы его судьба послужила примером и предупреждением всем инкубам!

— Вы говорите так, будто конечный результат предопределен! — беззаботно заметил Ошерль.

— Что ты имеешь в виду?

Но Ошерль больше ничего не сказал, и Риальто, чтобы подчеркнуть свое недовольство, приказал ему выйти наружу и охранять шатер всю ночь. Ошерль упростил свою задачу, соорудив по углам шатра четыре огромные головы гоблинов, озаренные изнутри призрачным голубым сиянием; когда Риальто решил выглянуть из шатра, чтобы поинтересоваться, как идут дела, он сам

испугался.

Вернувшись внутрь, Риальто устроил девушке постель; она легла и тут же заснула от полного эмоционального истощения. Через некоторое время Риальто тоже прилег отдохнуть.

Наутро девушка проснулась в сосредоточенно-безразличном настроении. Риальто устроил ей ванну в отдельном помещении и наполнил ее надушенной водой, а Ошерль, превратившись по такому случаю в служанку, приготовил для нее новый опрятный костюм: белые полотняные брюки, алую блузу с золотистыми пуговицами и черной бахромой, а также черные полусапожки, расшитые красными нитями. Девушка выкупалась, оделась и привела в порядок не слишком длинные черные локоны, после чего осторожно вышла в основное помещение, где Риальто присоединился к ней во время завтрака.

Пользуясь возможностями глоссолария, он обратился к ней на ее родном языке:

— Тебе пришлось пережить ужасную трагедию — позволь мне выразить сожаления по этому поводу. Меня зовут Риальто; так же как ты, я не родился в эту тоскливую эпоху. Могу ли я поинтересоваться, как тебя зовут?

Сначала девушка, казалось, не хотела отвечать,

но потом произнесла упавшим голосом:

— Мои тайны больше не имеют значения. В своем внутреннем представлении я называю себя Фарудой, дочерью Зари или изысканной дочерью Рассвета. В школе меня прозвали Шалуке — «лучшая пловчиха». Так меня и называли подруги.

— Прозвище тебе подходит — и если ты не возражаешь, я так и буду тебя называть.

Девушка скорбно улыбнулась:

— Статус больше не дает мне права выбирать — это было бы непозволительной роскошью.

Риальто угадал, что имеет дело с какой-то сложной концепцией, и даже в какой-то степени ее понял.

— Верно, что основой самооценки должно быть некое «внутреннее преимущество» или «смелое утверждение о существовании заслуги». Если я назову тебя «Шалуке, победительница Смерти», разве это не станет основанием для гордости?

— Не сказала бы, ведь меня спасла только твоя помощь.

Услышав это замечание, Ошерль прокомментировал его:

— Тем не менее ты инстинктивно выбрала правильную тактику. Когда имеешь дело с Риальто Изумительным (да, я говорю о хозяине

этого шатра и эксплуататоре моей задолженности), необходимо постоянно подбрасывать дрова в костер его неутолимого тщеславия. Громко расхваливай его привлекательную внешность, притворяйся потрясенной его мудростью — и в твоих руках он станет послушным, как глина.

Риальто сдержанно произнес:

— У Ошерля нередко бывает язвительное настроение. Невзирая на его сарказм, я действительно хотел бы заслужить твое расположение.

Шалуке не смогла удержаться от улыбки:

— Ты уже его заслужил, Риальто! Кроме того, я благодарна и Ошерлю за его помощь.

— Вот еще! — воскликнул Риальто. — Он гораздо больше сочувствовал проголодавшемуся каннибалу Дульке.

— Неправда! — возмутился Ошерль. — Вы не понимаете шуток!

— Так или иначе, — осмелилась спросить девушка, — могу ли я поинтересоваться, что теперь со мной будет?

— Когда мы закончим дела в этом эоне, мы вернемся ко мне в Альмерию и обсудим этот вопрос. А пока что считай себя моей помощницей — ты будешь присматривать за Ошерлем. Следи за тем, чтобы он прилично выглядел, внимательно

выслушивал указания и послушно их выполнял!

Слегка усмехнувшись, Шалуке взглянула на инкуба:

— Как присматривать за таким хитрецом?

— Очень просто! Как только он станет лениться, достаточно произнести два слова: «пункты задолженности».

Ошерль неубедительно рассмеялся:

— Риальто Изумительный уже расставляет ловушки!

Риальто не обратил на инкуба никакого внимания. Взяв девушку за руки, он помог ей встать.

— А теперь — за работу! Ты уже не так опечалена, как вчера?

— Уже совсем не так! Риальто, благодарю тебя за доброту!

— Шалуке, дитя Зари (или как бы ты предпочла себя называть), тень катастрофы все еще висит над тобой, но меня радует, что ты уже иногда улыбаешься.

Ошерль произнес на языке двадцать первого эона:

— Физический контакт успешно осуществлен, программа переходит во вторую фазу… Несчастная беззащитная жертва, как она может сопротивляться Риальто?

— Ты судишь на основании однобокого жизненного опыта, — возразил Риальто. — В данном случае вопрос, скорее, можно было бы поставить следующим образом: «Как Риальто может сопротивляться несчастной беззащитной жертве?»

Девушка переводила взгляд с волшебника на инкуба и обратно, пытаясь догадаться о сущности их перепалки. Риальто вернулся к использованию понятного ей диалекта:

— За дело, за дело! Ошерль, возьми плермалион, — он передал инкубу прибор, — и поднимись выше туч, чтобы найти пятнышко в небе. Опускай на веревке тяжелый мигающий красный фонарь прямо под этой точкой, пока он не повиснет над самой землей там, где находится Персиплекс. Сегодня безветренная погода, никакой ошибки не должно быть.

Руководствуясь очередным капризом, Ошерль придал себе обличье вальвунского лавочника средних лет, одетого в мешковатые черные бриджи, жилет горчично-охряного оттенка и широкополую черную шляпу. Вложив плермалион в пухлую ладонь, он взмыл в небо тремя стремительными шагами.

— Если нам повезет, — сообщил девушке Риальто, — моя неприятная задача вскоре будет

решена, после чего мы сможем вернуться в относительно спокойные времена двадцать первого эона… Но что это? Ошерль уже вернулся?

Инкуб спрыгнул с неба на ковер перед шатром и отрицательно покачал головой. Риальто в отчаянии воскликнул:

— Почему ты не нашел Персиплекс?

Дородный лавочник — то есть Ошерль — горестно пожал плечами:

— Пятнышко невозможно различить в тумане. Плермалион бесполезен.

Риальто схватил устройство и взлетел высоко в воздух. Проникнув через пелену туч в ослепительно-голубое пространство, озаренное киноварным светом, он приложил плермалион к глазу, но, как и предупреждал Ошерль, не смог найти синюю точку.

Некоторое время Риальто оставался в небе, отбрасывая на облака длинную бледно-голубую тень. Нахмурившись, он внимательно рассмотрел плермалион, после чего снова попробовал найти ориентир, но безуспешно.

Что-то было не так. Задумчиво глядя сверху на белое море облаков, Риальто перебирал в уме возможные причины новой неудачи. Кто-то переместил Персиплекс? Магическая сила

плермалиона истощилась?.. Риальто спустился на землю.

Ошерль стоял в сторонке, рассеянно рассматривая замшелые руины священного города. Риальто позвал его:

— Ошерль! Будь так добр, мне нужно с тобой поговорить.

Ошерль неспешно приблизился и встал, засунув руки в карманы полосатых панталон. Риальто ждал его, перебрасывая плермалион из одной руки в другую и устремив на инкуба расчетливый взгляд.

— Да, Риальто? Что еще вам понадобилось? — Ошерль попытался придать голосу оттенок спокойного безразличия.

— Ошерль, ты предположил, что ориентир невозможно различить из-за тумана?

Инкуб вынул одну руку из кармана и отозвался жестом, выражавшим удивление необходимостью повторять очевидное:

— К такому выводу пришло бы любое проницательное разумное существо.

— Но ты недостаточно проницателен. Кто тебя подговорил?

— Я получаю информацию из множества различных источников, — проворчал Ошерль. — Нет

никакой возможности регистрировать происхождение всех доступных мне сведений.

— Позволь мне изложить возможную последовательность событий, — сказал Риальто. — Ошерль, ты меня слушаешь?

Ошерль стоял в безутешной позе; он нервно играл желваками, его глаза увлажнились. Инкуб пробормотал:

— Разве у меня есть выбор?

— Тогда оцени правдоподобность следующего сценария. Ты поднимаешься над пеленой туч, и там тебя приветствует Сарсем. Он завязывает с тобой разговор, заключающийся примерно в следующем.

Сарсем: Чем занимаешься, Ошерль? Что тебе поручили?

Ошерль: Бессердечный эксплуататор Риальто хочет, чтобы я нашел в небе с помощью плермалиона ориентир, указывающий местонахождение Персиплекса.

Сарсем: В самом деле? Дай-ка мне взглянуть… Ничего не вижу.

Ошерль: Нет? Очень любопытно. Что же мне сказать Риальто?

Сарсем: Его легко привести в замешательство. Скажи ему, что ориентир потерялся в облаках.

Теперь плермалион бесполезен. Возьми его.

Ошерль: Но это не тот плермалион, который я тебе дал! Это всего лишь металлическая трубка с какими-то стеклышками внутри!

Сарсем: И что с того? Оба прибора теперь одинаково бесполезны. Возьми эту трубку и отдай ее размечтавшемуся идиоту Риальто, он не заметит подмену.

Ошерль: Хм! Даже если Риальто — идиот, он весьма проницательный идиот.

Сарсем: Он не дает покоя моему хорошему знакомому, Хаш-Монкуру, обещавшему оказать мне множество одолжений… Вот что я тебе посоветую: надуй его как-нибудь, чтобы он погасил твою задолженность, а потом брось его в этой сырой и голодной эпохе — ему будет только полезно немного поостыть.

Ошерль: Было бы неплохо, если бы у меня это получилось.

После чего вы оба усмехнулись, ты расстался с давним приятелем, спустился с поддельным плермалионом и сообщил мне, что не увидел в небе никакого ориентира, потому что этому помешал туман.

Ошерль сжимал и разжимал зубы.

— Разве мое утверждение не заслуживает до-

верия? У вас нет никаких причин считать, что новый плермалион — подделка или что Сарсем ошибается в своей оценке ситуации!

— Прежде всего: почему ты не сообщил мне о разговоре с Сарсемом?

Ошерль пожал плечами:

— Вы об этом не спрашивали.

— Будь так любезен, объясни, почему я четко различал ориентир вчера вечером, а ведь погода ничуть не изменилась?

— У меня это вызывает полное недоумение.

— Разве не логично предположить, что Персиплекс переместили или что плермалион заменили подделкой?

— Полагаю, что можно было бы выдвинуть любую из этих гипотез.

— Вот именно. Ошерль, моему терпению пришел конец! В данный момент, не сходя с места, я официально увеличиваю размер твоей задолженности на три пункта — в наказание за предательство!

Ошерль издал протестующий вопль, но Риальто поднял руку, призывая к молчанию.

— Кроме того, теперь я задам очень серьезный вопрос, на который ты обязан ответить правдиво, изложив любые подробности, способствующие

моему всестороннему и точному пониманию сложившейся ситуации. Сарсем взял у тебя плермалион. Взял ли он также Персиплекс, прикасался ли он к нему, спрятал ли он его, переместил ли он его в пространстве, уничтожил ли он Персиплекс, переместил ли он его во времени, осуществил ли он какое-либо иное перемещение или какую-либо иную передачу Персиплекса, изменил ли он каким-либо образом состояние Персиплекса или повлиял ли он каким-либо образом на его состояние? При этом я ссылаюсь на оригинальный, настоящий Персиплекс, который Сарсем должен был охранять в святилище на Тучевороте Охмура. Я ненавижу многословие, но, когда имеешь дело с тобой, приходится к нему прибегать.

— Нет.

— Нет? Что это значит? Отвечай по существу!

— Несмотря на настойчивые просьбы Хаш-Монкура, Сарсем не посмел прикоснуться к Персиплексу.

— Вызови Сарсема.

После очередного обмена язвительными замечаниями Ошерль вызвал Сарсема, и тот появился перед шатром в прежнем обличии юного гермафродита с чешуей лавандового оттенка.

— Сарсем, верни мне плермалион! — спокойно

приказал Риальто.

— Невозможно! Я уничтожил его — по приказу нового Настоятеля.

— Кто этот новый Настоятель?

— Хаш-Монкур, конечно.

— И откуда тебе это известно?

— Он сам меня в этом заверил — или по меньшей мере однозначно намекнул на то, что вскоре станет Настоятелем.

— Он ввел тебя в заблуждение. Тебе следовало проверить полученную информацию, обратившись к Ильдефонсу. Я накладываю на тебя штраф в размере трех пунктов!

Так же как Ошерль, Сарсем яростно возмутился:

— У вас нет таких полномочий!

— Отсутствие полномочий у Хаш-Монкура тебя нисколько не беспокоило.

— Это совсем другое дело.

— Теперь я приказываю тебе и Ошерлю обыскать лес, найти Персиплекс и сразу принести его мне.

— Никак не могу этого сделать. Я выполняю поручения другого лица. Пусть Ошерль ищет призму. Ему поручили вас обслуживать.

— Сарсем, слушай внимательно! Ошерль, будь

моим свидетелем! Мне не пристало произносить Великое Имя в связи с таким несущественным делом, но твои трюки и уловки все больше меня раздражают. Если ты еще раз воспрепятствуешь моим поискам Персиплекса, мне придется вызвать…

Ошерль и Сарсем одновременно закричали:

— Не упоминайте Имя! Он может услышать!

— Сарсем, я достаточно ясно выражаюсь?

— Слишком ясно, — пробормотал сиреневый гермафродит.

— И как ты намерен себя вести теперь?

— Хммф… Теперь мне придется прибегать к уловкам, обслуживая Хаш-Монкура. Как иначе я могу угодить и вам, и ему?

— Я предупредил тебя: с этой минуты не потерплю никаких уловок. Ты оштрафован на три пункта по заслугам — с меня довольно, ты причинил мне слишком много неприятностей и затруднений!

Сарсем издал нечленораздельный звук и растворился в воздухе.

14

Риальто обратил внимание на Ошерля:

— Вчера мне показалось, что Персиплекс дол-

жен был находиться где-то неподалеку от того высокого дерева-дождевика. Пора приниматься за работу!

— И всю работу, конечно, буду делать я, — проворчал Ошерль.

— Если бы ты меня не предал, мы бы уже покончили со всеми делами и сидели в Бумергарте, определяя размеры наказаний, более чем заслуженных Хаш-Монкуром, а тебе, скорее всего, простили бы пару пунктов, вместо того чтобы оштрафовать еще на три; таким образом, преступный сговор обойдется тебе в пять пунктов задолженности!

— Это трагедия, с которой (увы!) я пока что ничего не могу поделать.

Риальто проигнорировал скрытую угрозу.

— Так что изволь, наконец, потрудиться! Нужно произвести тщательные поиски.

— И всем этим я буду заниматься один? Это непростая задача.

— Совершенно верно. Обыщи лес и собери здесь, как на параде, всех богадилов, медведеедов, манков, флантиков и прочих более или менее разумных тварей.

Ошерль облизал сморщенные губы лавочника.

— Антропофаги относятся к их числу?

— Почему нет? Нам подобает руководствоваться принципами терпимости и равноправия. Но прежде всего подними шатер на семиметровый пьедестал, чтобы его не сокрушила толпа лесного зверья. Строго прикажи всем тварям вести себя прилично.

В свое время Ошерль собрал перед шатром всех поименованных существ. Риальто поднялся на возвышение и обратился к обитателям леса с речью, выраженной глоссоларием в общепонятных терминах:

— Существа, люди, полулюди и твари! Примите мои наилучшие пожелания — и мои глубокие соболезнования в связи с тем, что вам приходится находиться так близко друг от друга.

Так как ваш интеллект, в общем и целом, не позволяет вам надолго сосредоточиться, я буду краток. Где-то в этом лесу, скорее всего неподалеку от заметного отсюда высокого дерева-дождевика, потерялся голубой кристалл примерно таких размеров, — Риальто показал руками. — Мне нужен этот кристалл. Каждому надлежит искать этот кристалл. Тот, кто его найдет и принесет мне, получит большую награду. Для того чтобы стимулировать в вас желание найти этот кристалл как можно скорее, я вызову

у вас ощущение нестерпимого жгучего зуда, которое будет повторяться все чаще и чаще, пока кристалл не окажется у меня в руках. Ищите повсюду — в грудах камней, в лесной подстилке, среди валежника и опавших листьев. Антропофаги когда-то привязали этот кристалл к хвосту одного из присутствующих — пусть это обстоятельство послужит вам наводкой. Каждому из вас следует хорошенько порыться в памяти и припомнить, где этот кристалл мог сорваться с хвоста. Начинайте искать вокруг дерева-дождевика, после чего постепенно расширяйте зону поисков. Ошерль, будь так любезен, заставь их почувствовать первый приступ зуда!

Твари взвыли от боли и разбежались.

Через несколько секунд медведеед вернулся с осколком голубой фарфоровой вазы и потребовал награду. Риальто надел ему на шею венок из красных перьев и отправил обратно в лес продолжать поиски.

За несколько утренних часов под шатром накопилась целая коллекция голубых предметов, с надеждой принесенных к ногам Риальто в зубах, в руках и в лапах. Голубой призмы среди них не было, в связи с чем волшебник повысил интенсивность и частоту приступов жгучего зуда.

Приближался полдень, когда Риальто заметил, что Ошерль ведет себя как-то странно, и сразу поинтересовался:

— Что случилось, Ошерль? В чем дело?

Инкуб натянуто произнес:

— В сущности, это не мое дело, хотя, если бы я поступал согласно своему разумению, мне никогда не удалось бы избавиться от ваших домогательств. Снова начались бы мстительные угрозы по поводу пунктов задолженности…

Риальто закричал:

— Что тебе известно? Говори!

— Это имеет отношение к Персиплексу — так как вы приложили некоторые усилия, с тем чтобы заполучить этот кристалл…

— Ошерль, отвечай! Приказываю! Не наводи тень на плетень! Что случилось с Персиплексом?

— Ну, короче говоря, у меня есть основания считать, что его нашел флантик[11]. Сначала он хотел было принести его вам, но его побудило отказаться от этого намерения встречное предложение лица, имя которого лучше не упоминать, и в данный момент флантик никак не может решить, кому отдать предпочтение… Вот он!

---

[11] Notes: 11

Флантик — крылатое существо с уродливой головой, напоминающей человеческую; предок пельграна. (*Прим. авт.*)

Видите? Судя по всему, он принял решение. Он сжимает Персиплекс в когтях правой ноги… Нет! Он все еще сомневается… Флантику пришла в голову какая-то другая мысль — надо полагать, ему предложили более выгодные условия.

— Скорее же! Догони его! Сразу его судорогами первульсий! Заставь его вернуться или отними у него Персиплекс! Ошерль, почему ты стоишь столбом?

Ошерль отступил на шаг:

— Вы вступили в прямое противоборство с Хаш-Монкуром — разбирайтесь сами. У меня нет возможности вмешиваться в конфликты между чародеями, и в этом отношении Ильдефонс меня поддержит.

Риальто разразился потоком яростных ругательств.

— Тогда следуй за мной — я догоню эту тварь! Флантика постигнет судьба, о которой он боится даже догадываться! Заряди мои летучие сапоги до предела!

Риальто взмыл в воздух и побежал огромными частыми прыжками за хлопающим крыльями черным флантиком — повернув назад серую голову на длинной шее, тот заметил приближение Риальто и полетел еще быстрее.

Погоня вела их все дальше на юго-запад — над горным хребтом, над лесом охряных и серых пальматиков, над болотами, пестрящими заросшими разноцветной плесенью лужами, извилистыми ручейками и зарослями черного тростника. Вдали, под непрерывной пеленой туч, сверкнуло свинцовым блеском Сантунское море.

Флантик начинал уставать; взмахи его крыльев становились вялыми, и Риальто, с каждым прыжком пересекавший воздушную пропасть, уже догонял похитителя голубой призмы.

Оказавшись над морем, не обещавшим никакого убежища, флантик внезапно развернулся, чтобы атаковать Риальто, выпустив когти и нанося удары кожистыми крыльями; ему почти удалось застать волшебника врасплох. Риальто увернулся от неожиданного столкновения, но едва-едва — костистый край крыла ударил его по плечу. Кувыркаясь в воздухе, Риальто падал; флантик спикировал на него, но отчаянное сальто-мортале позволило волшебнику снова уклониться. Дрейфовавший в сторонке Ошерль позволил себе комплимент:

— Вы проворнее, чем я ожидал! Впечатляющий маневр!

Риальто бросился в сторону, чтобы не столк-

нуться с флантиком в третий раз, — длинные когти летучего монстра успели сорвать с волшебника плащ, снова заставив его перевернуться в воздухе. Риальто успел наконец выкрикнуть эффективное «Заклятие Синего Хаоса» — ослепительные молнии пронзили надвигавшийся торс флантика и разорвали в клочья его крылья. Отброшенный и продырявленный монстр издал вопль страха и боли:

— Отродье обезьян, убийца! Ты отнял у меня драгоценную жизнь — другой у меня нет! Будь ты проклят! Я унесу твой голубой кристалл туда, где ты его никогда не найдешь, — в Царство Смерти!

Флантик, превратившийся в беспорядочное сплетение ног, обрывков крыльев, кровоточащего торса и изогнутой под невозможным углом шеи, упал с головокружительной высоты в море и сразу скрылся под волнами.

— Ошерль! — закричал разгневанный Риальто. — Вниз, в море! Достань Персиплекс!

Инкуб спустился и неуверенно повис над водой.

— Где утонул флантик?

— Прямо под тобой. Ныряй! Ныряй глубоко, Ошерль, — мы здесь оказались из-за твоей оплошности!

Прошипев сквозь зубы что-то неразборчивое, инкуб отрастил длинное щупальце с глазом на конце и опустил его в воду. Через некоторое время он сказал:

— Ничего не могу найти. Там глубоко и темно. Дно покрыто толстым слоем ила.

— Не хочу слышать никаких оправданий! — бушевал Риальто. — Ныряй, ищи на ощупь — и не показывайся, пока не найдешь Персиплекс!

Ошерль с обреченным стоном скрылся под водой. Через некоторое время он вынырнул.

— Ты нашел его? — Риальто перекрикивал ветер. — Давай его сюда!

— Не все так просто, — развел руками Ошерль. — Призма погребена в иле. Она не светится и даже не резонирует, когда я прощупываю дно высокочастотным звуком. Короче говоря, Персиплекс следует считать потерянным.

— В отличие от тебя, меня такой результат нисколько не устраивает, — возразил Риальто. — Оставайся точно на этом месте и ни в коем случае не позволяй вмешиваться Хаш-Монкуру или Сарсему. Я скоро вернусь.

— Поспешите! — отозвался Ошерль. — В глубинах моря темно и холодно, а какие-то их обитатели уже пощипывают мое щупальце.

— Терпение! Для тебя важнее всего не перемещаться ни на йоту — теперь ты должен быть чем-то вроде буйка, отмечающего место погружения Персиплекса.

Риальто вернулся в шатер на окраине развалин древнего Люид-Шуга. Там, к облегчению лесных тварей, он отменил заклятие, вызывавшее зуд, и тем самым прекратил бесплодные поиски.

Устало бросившись в кресло, Риальто сосредоточил внимание на Шалуке, последней из Парагонов Васкес-Тохора, задумчиво сидевшей на софе. К ней уже в какой-то степени вернулось самообладание, и она смотрела на волшебника темными, печально-задумчивыми глазами. Риальто подумал: «У нее было время подумать о своей судьбе. И будущее не вызывает у нее никакого оптимизма».

Вслух Риальто сказал:

— Прежде всего нужно навсегда покинуть эти мрачные места. А потом…

— Что потом?

— Посмотрим, какие у тебя есть возможности. Увидишь — все не так плохо, как может показаться.

Шалуке недоуменно покачала головой:

— Зачем ты тратишь на меня время? У меня нет

никаких богатств, мое знатное происхождение осталось в прошлом — теперь я никто. Я почти ничего не умею и не отличаюсь особым прилежанием. Я могу взбираться по стволам хилласов и собирать стручки, а также выжимать сок из плодов хиссопа. Я могу цитировать наизусть «Неприличные мечты проказливых девчонок». Такие способности редко находят спрос. И все же… — Она пожала плечами и улыбнулась: — Мы практически незнакомы, и ты даже не несешь передо мной кастовую повинность.

Довольный отсутствием насмешливого наблюдения со стороны Ошерля, Риальто подсел к ней поближе и взял ее за руки:

— Ты спасла бы беззащитного цивилизованного человека от каннибалов, готовых сварить его в котле, если бы у тебя была такая возможность?

— Разумеется.

— Ну вот, я так и сделал. Но, совершив сей не столь затруднительный подвиг, я познакомился с тобой — сначала ты была в моих глазах растерянным, одиноким призраком из далекого прошлого, а затем превратилась в Шалуке, девушку очаровательного характера и весьма привлекательной внешности. На такого тщеславного и самовлюбленного субъекта, как я, подобное сочетание

качеств производит неотразимое впечатление. Тем не менее, так как мне, пожалуй, свойственно чрезмерное самоуважение, мне и в голову не пришло бы позволять себе интимные любезности без приглашения — так что, если у тебя есть какие-нибудь опасения на этот счет, забудь о них. Прежде всего и превыше всего, я — человек чести.

Уголки губ Шалуке подернулись.

— А также большой умелец делать экстравагантные комплименты, многие из которых, пожалуй, не следует воспринимать всерьез.

Риальто поднялся на ноги:

— В этом, дорогая моя, тебе остается только доверять своим инстинктам. Тем не менее ты можешь рассчитывать на защиту с моей стороны и на предоставление тебе всех необходимых удобств.

Шалуке рассмеялась:

— По меньшей мере, Риальто, ты умеешь меня развеселить.

Риальто вздохнул и отвернулся.

— Теперь мне предстоит иметь дело с Ошерлем. Подозреваю, что он сговорился с моими врагами — даже если его участие в сговоре ограничивается тем, что он смотрит на него сквозь пальцы.

Это, конечно же, недопустимо. Давай-ка полетим в этом шатре над хребтом Мэг к Сантунскому морю, где меня ждет капризный инкуб. А уже там подумаем о том, что делать дальше.

Риальто произнес «Заклинание пространственного перемещения», и шатер полетел к морю — туда, где флантик скрылся под волнами. Для того чтобы упростить выполнение своих обязанностей, Ошерль превратил себя в буек, выкрашенный в красный и черный цвета согласно регламенту морской навигации. Из буйка выступала наверх чугунная человеческая голова с ходовым огнем на макушке.

— Риальто вернулся! — металлическим голосом прозвенел Ошерль. — И как раз вовремя! Меня тошнит от морской качки.

— Я тоже не большой любитель морских приключений. Как только мы достанем Персиплекс, можно будет вернуться в Бумергарт.

Ошерль издал скорбный вопль, напоминавший крики морских птиц.

— Разве я не объяснил, что Персиплекс потерян в толще придонного ила? Вам пора избавиться от навязчивой идеи и смириться с неизбежностью!

— Это тебе пора смириться с неизбежностью, — откликнулся Риальто. — Пока Персиплекс не

окажется у меня в руках, тебе придется качаться на волнах, обозначая место, где утонул флантик.

Сигнальный колокольчик на буйке возбужденно зазвенел.

— Почему бы не воспользоваться магией и не оттеснить море подальше? Тогда мы смогли бы искать призму в более комфортных условиях.

— Я больше не располагаю достаточными для этого заклинаниями — их похитили Хаш-Монкур и другие чародеи. Тем не менее благодаря твоему нытью у меня возникла удачная мысль… Я запамятовал — как называется это море?

— Какое это имеет значение? Разве я похож на справочник?

— Это имеет огромное значение! Мой вопрос непосредственно связан с решением нашей задачи!

Ошерль тяжело застонал и выругался.

— В настоящее время это Сантунское море, залив Акцического океана. В семнадцатом эоне Гархский пролив станет сухопутным мостом, море постепенно высохнет. В последнюю эпоху семнадцатого эона дно высохшего моря будет называться Чаксматарской степью. Во второй эпохе восемнадцатого эона в семи километрах к северу от того места, где мы находимся, вырастет город,

Высокобашенный Балтанк; он просуществует до тех пор, пока не будет захвачен архивёльтом Айзилем Скильте. Позже, в восемнадцатом эоне, море вернется. Надеюсь, я удовлетворил ваш внезапный интерес к географической истории Среднеземелья?

— Вполне, — кивнул Риальто. — А теперь я отдам несколько приказов, каковые должны быть исполнены неукоснительно и в точном соответствии с инструкциями. Не изменяя свое местоположение, ты перенесешь меня и мою помощницу, Шалуке, в подходящий период семнадцатого эона, когда дно Сантунского моря станет сухим и, следовательно, удобным для поисков Персиплекса.

Тем временем тебе надлежит не оставлять свой пост ни на секунду, не перемещаясь ни на йоту, с тем чтобы заниматься какими-нибудь другими делами, и никому не позволяя себя заменять — в особенности Сарсему.

Ошерль отозвался причудливым плачущим воем, но Риальто даже ухом не повел.

— В данный момент Персиплекс находится прямо под тобой; если он не будет там же, когда мы окажемся в семнадцатом эоне, тебе останется винить только себя в том, что с тобой произойдет.

Посему неусыпно сохраняй бдительность! Не позволяй ни Сарсему, ни Хаш-Монкуру и никому другому пускать тебе пыль в глаза и отвлекать тебя от выполнения долга!

Мы готовы к переносу во времени. Смотри, чтобы не было никаких ошибок! Обнаружение настоящего, оригинального, Персиплекса и возвращение его мне отныне стало твоей обязанностью! От того, как ты ее выполнишь, зависит множество пунктов задолженности! А теперь — вперед, в семнадцатый эон!

15

Шатер стоял в зареве солнечных лучей оттенка пунцовых соцветий герани. Под безоблачным небом воздух был теплым, сухим и наполненным едковато-дымчатым ароматом низкорослого черного кустарника. На западе еще можно было заметить блеск отступающего Сантунского моря, а примерно в километре ближе к морю виднелся поселок — беленые коттеджи в роще невысоких деревьев. Во всех остальных направлениях степь простиралась до горизонта.

Поблизости, метрах в тридцати, находился отдельный беленый коттедж с двумя развесистыми чернолиственными деревьями шайро по бокам.

На крыльце сидел Ошерль в обличии неприкасаемого бродяги — идиота с тупо моргающими глазами, растрепанными волосами песчаного оттенка и уродливо торчащими над почти не существующим подбородком верхними зубами. На инкубе была грязная длинная рубаха из домотканого полотна и плоская шляпа с обвисшими полями.

Заметив Риальто, Ошерль апатично махнул рукой:

— А, Риальто! После такого долгого бдения вас даже приятно видеть!

Риальто отреагировал в более прохладных тонах. Окинув взглядом коттедж, он заметил:

— Ты неплохо устроился. Надеюсь, наслаждаясь незаслуженным отдыхом, ты не забыл об охране Персиплекса?

Ошерль сдержанно ответил:

— Мой так называемый отдых носил самый примитивный характер, а это жилище я соорудил главным образом для того, чтобы ко мне не приставали ночные хищники. Шелковых диванов и услужливых помощниц у меня нет.

— А Персиплекс?

Ошерль указал большим пальцем на ржавый чугунный столб, торчавший из земли в полусотне

метров от коттеджа.

— Прямо под этим столбом, на неизвестной глубине, погребен Персиплекс.

Осматривая окрестности, Риальто не мог не заметить несколько штабелей пустых стеклянных фляг у боковой стены коттеджа.

— Не воспринимай это как критическое или презрительное замечание, но может ли быть, что ты пристрастился к выпивке?

— Даже если и так, что с того? — проворчал Ошерль. — Мне пришлось долго ждать. Для того чтобы чем-то развлечься, я стал приготовлять настойки из различных ингредиентов и продавать их жителям поселка.

— Почему же ты не стал производить раскопки, чтобы найти Персиплекс?

— Разве это нуждается в объяснении? Если бы я этим занялся и ничего не нашел, я снова навлек бы на себя бесконечные упреки. Поэтому я предпочел не проявлять инициативу.

— А наши конкуренты — если можно так выразиться — проявляли какую-нибудь инициативу?

— Мне никто не причинял никакого ущерба.

Риальто расслышал в ответе инкуба едва уловимую уклончивость, выразившуюся в тщательном выборе слов, и резко спросил:

— Появлялись ли здесь, в каком-либо виде, Сарсем или Хаш-Монкур?

— Они не принимали никаких существенных мер. Они прекрасно понимают, что мы заняты важным делом, и даже не подумали бы вмешиваться.

— В самом деле? Им не пришло в голову, например, что они могли бы сотворить шахту — скажем, на расстоянии пятнадцати километров — и проделать ведущий сюда горизонтальный туннель, чтобы незаметно стащить Персиплекс у тебя из-под носа?

— Невозможно! Меня не так легко обвести вокруг пальца. Я установил устройства, сигнализирующие о любых попытках проникновения — темпорального, торсионного, сотрясательного или размерностного. Персиплекс остался там, где был.

— Превосходно. Значит, ты можешь начать раскопки сию минуту.

Ошерль устроился поудобнее в кресле, стоявшем на крыльце.

— Прежде всего следует учесть важнейшие обстоятельства. Участок, под которым погребена призма, принадлежит некоему Ум-Фоаду, жителю заметного отсюда поселка Аз-Хаф. С ним

придется договориться, прежде чем мы воткнем лопату в землю. Предлагаю вам посетить этого землевладельца и согласовать с ним условия производства работ. Не забудьте, однако, одеться примерно так, как здесь одеваюсь я, иначе вас поднимут на смех.

Изменив костюмы в соответствии с рекомендациями инкуба, Риальто и Шалуке направились в Аз-Хаф — исключительно опрятный поселок из безукоризненно выбеленных небольших домов, окруженных посадками гигантских красных подсолнухов.

Риальто расспросил прохожего, указавшего им на дом с окнами, застекленными голубыми панелями, и с крышей, выложенной голубой же черепицей. Риальто остановился на улице напротив входа, не заходя в проход между плотными зарослями подсолнухов. Ему пришлось несколько раз звать хозяина, прежде чем на крыльцо вышел Ум-Фоад — белобрысый коротышка с проницательно бегающими глазами и роскошными усами, закрученными вверх на концах. Он громко и неприязненно спросил:

— Кто зовет Ум-Фоада и зачем? Вполне может быть, что его нет дома.

— Меня зовут Риальто, я произвожу раскопки в

поисках древностей. Это моя помощница, Шалуке. Не могли бы вы подойти или впустить нас к себе, чтобы нам не приходилось кричать?

— Кричите, если вам так приспичило, я и отсюда вас услышу.

Риальто тихо произнес:

— Я хотел бы поговорить о деньгах.

Ум-Фоад тут же сделал несколько быстрых шагов навстречу, его усы словно распушились сами собой.

— Говорите, говорите! Кажется, вы упомянули деньги?

— Возможно, вы меня неправильно поняли. Мы хотели бы вырыть яму на вашем участке.

— С какой целью и сколько вы готовы заплатить?

— Скорее следовало бы спросить, сколько готовы заплатить вы? — парировал Риальто. — Наши раскопки повысят стоимость вашей никчемной необработанной земли.

Ум-Фоад презрительно рассмеялся:

— До такой степени, что, когда я пойду туда ночью, я свалюсь в яму и сломаю себе шею? Нет уж! Если вы собрались копать, извольте платить! А затем вам придется заплатить снова — за засыпку ямы! Таково первое и непременное условие.

— И в чем заключается второе?

Ум-Фоад хитро усмехнулся и постучал пальцем по носу:

— Вы меня за дурака принимаете? Я прекрасно знаю, что под землей на моем участке скрываются драгоценности. Если вы найдете сокровище, оно будет принадлежать мне. Когда вы заплатите за раскопки, копайте, но ваши права распространяются только на яму — любые находки останутся моими.

— Совершенно неприемлемо! Еще какие-нибудь условия?

— Конечно, а вы как думали? Подряд на раскопки должен получить мой брат, Ум-Звик. Я лично буду выполнять функции руководителя проекта. Кроме того, оплату следует производить исключительно золотыми зикко последнего выпуска.

Риальто пытался торговаться, но в этом отношении навыки Ум-Фоада значительно превосходили его собственные, и во всех существенных отношениях усатый коротышка добился своего.

Когда Риальто и Шалуке вернулись к шатру, девушка заметила:

— На мой взгляд, ты заключаешь очень щедрые сделки. Ум-Фоад просто обезумел от алчности.

Риальто согласился:

— Почуяв деньги, Ум-Фоад ведет себя, как взбесившаяся от голода акула. Тем не менее почему бы не порадовать человека? Ведь посулить двести золотых зикко так же легко, как пообещать сто.

— Риальто, ты добрый человек! — сказала Шалуке.

Ум-Фоад и его брат Ум-Звик привели к коттеджу Ошерля бригаду работников и начали копать яму диаметром пятнадцать метров вокруг места, указанного инкубом. Извлеченная земля просеивалась через грохот под бдительным наблюдением Ошерля, Риальто и Ум-Фоада.

Сантиметр за сантиметром, метр за метром землекопы погружались в дно древнего моря, но скорость выполнения работ не устраивала Риальто. Наконец он пожаловался Ум-Фоаду:

— Почему ваш персонал отлынивает? Они расхаживают туда-сюда, смеются и сплетничают у бочки с водой, останавливаются и подолгу считают ворон. Возьмите этого старика, например, — он так редко движется, что я иногда спрашиваю себя: он все еще жив или только притворяется?

Ум-Фоад нисколько не смутился:

— Послушайте, Риальто! Нельзя же без конца придираться и капризничать! Работникам хоро-

шо платят, ставка у них почасовая. У них нет ни малейшего желания поскорее закончить такую выгодную работу. А упомянутый вами старик — мой дядюшка Яа-Йимп, у него очень болит спина; кроме того, он глух как пень. Неужели его следует за это наказывать? Пусть пользуется привилегиями, доступными другим!

Риальто пожал плечами:

— Как хотите. Нашим договором предусмотрены подобные обстоятельства.

— Каким образом?

— Позвольте мне процитировать следующее положение: «Риальто по своему усмотрению может оплачивать выполненную работу на основе объема грунта, извлеченного из ямы. Окончательная сумма, подлежащая оплате, определяется с учетом скорости, с которой Риальто, стоящий на отвале рассыпчатого извлеченного грунта, может переместить, работая обычной крепкой лопатой, четверть кубометра вышеупомянутого грунта в другой, находящийся рядом отвал».

Ум-Фоад испуганно вскрикнул и сверился с текстом подрядного договора.

— Не помню, чтобы наш контракт содержал такое положение!

— Я его предусмотрел на всякий случай, —

пожал плечами Риальто. — Надо полагать, вы не заметили это условие, когда подписывали договор.

Ум-Фоад бросился к землекопам и устроил им яростный выговор. Недовольно ворча, те взялись за лопаты и стали изображать бурную деятельность; даже старый Яа-Йимп теперь время от времени перемещался с места на место.

По мере углубления раскопа в грунте стали попадаться предметы, когда-то упавшие в море с проплывавших по заливу судов. Все эти предметы Ум-Фоад проворно выхватывал из грохота и пытался продать Риальто:

— Только посмотрите! Это настоящее сокровище — глиняный кувшин! Жаль только, что ручка откололась… Бесподобный образец раскованного самовыражения, недоступного стесненным предрассудками ремесленникам нашей вульгарной эпохи!

Риальто охотно согласился:

— Красивый кувшин! Несомненно, он украсит каминную полку у вас в доме и доставит вам большое удовольствие, когда вы будете разглядывать его по вечерам.

Ум-Фоад раздраженно прищелкнул языком:

— Значит, вы ищете что-то другое?

— Конечно. Тем не менее положите этот кувшин в кучу вместе с другими находками — вполне может быть, что впоследствии я куплю у вас всю коллекцию.

— Не могли бы вы в таком случае точнее определить, что именно вы рассчитываете найти? — требовал Ум-Фоад. — Если б нам это было известно, мы могли бы внимательнее присматриваться ко всему этому мусору в грохоте.

— А кроме того, вы могли бы заломить неслыханную цену за тот предмет, который я ищу.

Ум-Фоад расплылся в пренеприятнейшей алчной улыбке:

— Тогда мне придется запрашивать высокую цену за любую находку, вот и все.

Поразмышляв немного, Риальто ответил:

— Тогда мне придется применить другую тактику поиска.

Во время обеденного перерыва Риальто обратился к землекопам:

— Рад видеть, что яма быстро становится глубже. Теперь то, что я ищу, должно быть уже близко. Думаю, описание этого предмета позволит вам внимательнее относиться к работе — тем более что тот из вас, кто его найдет, получит дополнительную премию в размере десяти золотых

зикко.

— Премию, разумеется, выплатит Риальто, — поспешил вставить Ум-Фоад.

— Разумеется, — кивнул Риальто. — Слушайте же! Не пропустите ни слова! — Все работники повернулись к волшебнику — даже старый Яа-Йимпе, казалось, почувствовал важность происходящего. — Мы ищем Священный Фонарь, некогда украшавший гальюнную фигуру на носу развлекательной баржи Повелителя Туч. Во время ужасной бури этот фонарь был сорван разрядом голубой леденящей молнии. Тот, кто найдет фонарь, получит десять золотых зикко! Тот, кто найдет осколок фонаря — или даже небольшую голубую стекловидную призму, оставшуюся после разряда леденящей молнии, получит премию в размере одного неподдельного золотого зикко — такой осколок или такая призма будут свидетельствовать о том, что до фонаря рукой подать. Такой осколок или такую стекловидную призму легко распознать — они должны быть характерного ярко-голубого оттенка разряда молнии. Их следует сразу передавать мне для дальнейшего изучения. А теперь возьмитесь за работу — внимательно ищите осколки и голубые кристаллы, оставшиеся после разряда молнии!

Ум-Фоад подал землекопам знак, и те снова взялись за лопаты.

— Давайте-ка поднажмите с двойным прилежанием! Не забывайте о словах Риальто!

Через несколько секунд Ум-Фоад отвел волшебника в сторону:

— Раз уж об этом зашла речь, будьте добры уплатить мне первый взнос в размере десяти золотых зикко, покрывающий понесенные мной до сих пор расходы, а также еще пять золотых в качестве лицензионного сбора. Скажем, всего с вас причитается двадцать зикко.

— Пяти будет достаточно.

Ум-Фоаду пришлось удовольствоваться пятью золотыми монетами.

— У меня вызвало недоумение одно из ваших обещаний. Вы посулили работнику, который найдет осколок, премию в размере «одного неподдельного золотого зикко». Что в точности вы имели в виду, когда упомянули о «неподдельном» зикко?

Риальто отозвался небрежно:

— Я так выразился для того, чтобы подчеркнуть привлекательность награды. Преувеличение своего рода — людей стимулирует мысль о золоте.

— Любопытное преувеличение! — заметил Ум-

Фоад. — Вполне понятное, однако, и в своем роде полезное… А это еще что? Кто этот странный субъект, марширующий по моей земле так, словно он — святой Пулулиас, покровитель дубовых рощ?

Риальто обернулся — на краю раскопа стоял и внимательно смотрел вниз красивый высокий человек с копной кудрявых волос каштанового оттенка. Риальто сухо ответил Ум-Фоаду:

— Мы с ним встречались раньше. Скорее всего, он прибыл, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение. Хаш-Монкур! Что вас сюда привело? Обычно вы предпочитаете не посещать дальние края.

— Как правило, так оно и есть. — Хаш-Монкур отвернулся от раскопа и приблизился. — Любезнейший Сарсем, однако, упомянул о том, что вы развлекаетесь где-то в этих местах, а у меня были другие дела поблизости, и я решил вас навестить по пути. Для вас вырыли большую, глубокую яму — поздравляю! Хотя не могу себе представить, зачем вам понадобилась яма в этой безрадостной степи.

Ум-Фоад недовольно вмешался:

— Риальто — знаменитый ученый, интересующийся древностями, а тот участок этой, как вы изволили выразиться, «безрадостной степи», на

котором вы находитесь, является моей частной собственностью!

— Прошу прощения за нарушение ваших прав землевладельца. Столь примечательная собственность, несомненно, не может не вызывать восхищение и зависть! А Риальто и в самом деле пользующийся широкой известностью специалист… Ну ладно, я пойду. Было очень приятно обменяться с вами парой слов.

Хаш-Монкур прошелся к коттеджу Ошерля и скрылся за углом.

— В высшей степени подозрительный тип! — заявил Ум-Фоад. — Надеюсь, он не относится к числу ваших ближайших друзей?

— Нет, мы всего лишь знакомы.

Из-за раскидистых деревьев шайро, обступивших коттедж инкуба, в небо поднялся почти невидимый воздушный пузырь. Нахмурившись, Риальто наблюдал за тем, как этот пузырь переместился к раскопу и повис над ямой.

— Тем не менее, — продолжал Риальто, — Хаш-Монкур — проницательный человек, отличающийся множеством выдающихся способностей.

— Он поспешил удалиться, как только я собирался намекнуть, что ему следовало бы уплатить штраф за пребывание на частной территории без

разрешения владельца… Эй, что там случилось?

К ним подбежал землекоп с керамической миской в руках:

— Риальто, вот ваш фонарь! Мне полагается награда.

Риальто рассмотрел миску.

— Это не фонарь. Это детская миска для каши — скорее всего, выброшенная за борт ребенком, которому каша не понравилась. Извольте заметить затейливые картинки с нижней стороны миски. Вот флантик, подлетающий к гнезду с младенцем в когтях. Здесь лангомир пожирает ребенка постарше, а здесь, на палубе судна, морское чудовище с головой попугая тащит за борт маленькую девочку. Любопытная находка — но это не призматический кристалл голубой молнии и не священный фонарь.

Риальто передал миску Ум-Фоаду и, взглянув вокруг как бы между прочим, заметил, что воздушный пузырь повис прямо у него над головой.

После захода Солнца, когда кайма цвета спелой хурмы еще озаряла горизонт, Риальто отвел Ошерля в сторону:

— Кто наблюдает за нами из воздушного пузыря? Сарсем?

— Нет, это всего лишь доводяга с глазом, пере-

дающим изображение Хаш-Монкуру, — чародей следит за нами лично.

— Поймай доводягу сетью и запри в ящике, чтобы Хаш-Монкур мог отдохнуть и выспаться.

— Как вам угодно… Сделано!

— Кто теперь следит за нами? Кто нас подслушивает?

— Никто. Мы одни.

— Ошерль, я никак не могу понять, почему ты постоянно пытаешься меня обмануть?

Ошерль удивился:

— Почему вы так думаете? Что опять случилось?

— Сегодня из ямы достали детскую миску. Она была выброшена в Сантунское море в эпоху, предшествовавшую тому времени, когда был потерян Персиплекс. Об этом однозначно свидетельствуют силуэт изображенного на ней корабля и его парусная оснастка; кроме того, два вида хищных тварей, изображенных на этой посуде, уже вымерли, когда мы посетили антропофагов. Следовательно, слой донного ила, в который погрузился Персиплекс, уже раскопан. Но Персиплекс так и не нашелся! Как ты объясняешь это обстоятельство?

— Любопытная ситуация, спору нет! — самым

благожелательным тоном отозвался инкуб. — Давайте хорошенько рассмотрим раскоп.

— Возьми с собой источники света.

Ошерль и Риальто подошли к краю ямы и заглянули вниз, ярко освещая дно двумя фонарями. Ошерль протянул руку:

— Видите? Вон там! — Лучом фонаря он указал на участок стенки раскопа, над самым дном, где образовалась ниша глубиной в полметра. — Здесь была найдена миска — в самой глубокой части раскопа. Теперь вы удовлетворены, наконец?

— Не вполне. Если этот слой предшествовал тому, где погребен Персиплекс, а все остальные слои не позволили найти призму, значит, она находится в небольшом возвышении грунта, прямо в центре ямы.

— Возможно.

— Так чего же ты ждешь? Возьми лопату, спустись туда и копай, а я буду светить фонарем!

Из сумрачной мглы проворно вынырнула приземистая фигура:

— Ошерль? Риальто? Что вы тут делаете с фонарями, у моей ямы? Это нарушение договора! Почему именно сегодня вечером вы решили заняться раскопками самостоятельно?

— Один вечер ничем не хуже другого, — ото-

звался Риальто. — Вы не разрешаете нам даже прогуляться после ужина и подышать свежим воздухом?

— Конечно разрешаю! Но почему вы обзавелись такими яркими, ослепительными фонарями?

— Для того чтобы не свалиться невзначай в какую-нибудь яму или в раскоп, для чего еще? Как видите, фонари уже оказались полезными. Осторожно, Ошерль! Посвети назад! Ты отступаешь в куст терновника.

— Никогда нельзя забывать о безопасности! — заявил инкуб. — Риальто, вы уже надышались вечерним воздухом?

— Пожалуй, прогулку можно закончить. Спокойной ночи, Ум-Фоад.

— Один момент! Я хотел бы получить очередной взнос в счет вашей задолженности.

— Ум-Фоад, вы слишком часто требуете взносы! Вот еще пять золотых зикко — на какое-то время этого должно быть достаточно.

На следующее утро Риальто встал пораньше и с напряженным вниманием наблюдал за грохотом после загрузки в него каждой порции грунта. Ум-Фоад, заметив бдительность волшебника, стал вести себя наглее прежнего, нередко отпихивая Риальто в сторону, чтобы первым рассмотреть

результаты просеивания. Землекопы, в свою очередь, заметили, что Ум-Фоад отвлекся, и замедлили темп работы настолько, что перерывы между засыпкой новых порций грунта становились все более продолжительными. Наконец Ум-Фоад понял, что работники халтурят, и, подбежав к краю раскопа, разразился упреками и командами. Но работники больше не проявляли особого энтузиазма. Яа-Йимпе, в частности, жалуясь на возраст и поясничные судороги, отказался продолжать работать на условиях Риальто, которого он обозвал скупердяем. Выбравшись из раскопа, старик побрел обратно в Аз-Хаф.

Через некоторое время из поселка прибежал молодой человек, тут же обратившийся к Риальто:

— Яа-Йимпе плохо слышит: он не сразу понял, что вы предложили золотые монеты в обмен на кристалл голубого льда. Теперь он просил передать, что сегодня нашел такой кристалл. Вы можете вручить награду мне, я его внук. Яа-Йимпе слишком устал и сегодня не сможет сюда вернуться. — Внук Яа-Йимпе, энергичный и деловитый юноша с яркими круглыми глазами, улыбнулся, обнажив блестящие зубы, и протянул руку, чтобы получить золото.

— Я должен проверить качество этого обломка леденящей молнии, — сухо сказал Риальто. — Пойдем, отведи меня к Яа-Йимпе.

Молодой человек нахмурился:

— Он не хотел бы, чтобы его донимали по мелочам. Вручите мне золотые монеты сейчас же и не забудьте про чаевые!

— Заткнись! — взорвался Риальто. — И отведи меня в поселок к деду!

Приунывший юноша подвел волшебника к дому, где родственники и друзья Яа-Йимпе уже вовсю праздновали получение стариком заслуженной награды. На вертелах жарились окорока, открыли несколько бочонков с вином. В стороне, на сооруженном наспех возвышении, шесть музыкантов развлекали гостей, наигрывая танкли, джиги и тайрины.

Как раз в тот момент, когда Риальто подходил к его жилищу, Яа-Йимпе, одетый всего лишь в нечто вроде мешковатых трусов, вышел на крыльцо. Гости разразились приветственными криками и аплодисментами, музыканты тут же «врезали» оживленный марш. Яа-Йимпе резво сбежал по ступеням с крыльца и пустился в пляс, с огоньком исполняя сальтареллу — высоко вскидывая ноги, совершая прыжки из стороны

в сторону с полным оборотом в воздухе и встряхивая на потеху зрителям гордо выпяченным животом.

Охваченный приступом веселья, Яа-Йимпе вскочил на стол, чтобы изобразить, размахивая руками, нечто вроде чечетки голыми пятками. У него на шее, на ремешке, болтался Персиплекс.

Яа-Йимпе внезапно заметил стоящего рядом Риальто и спрыгнул на землю.

Риальто вежливо сказал:

— Рад видеть, что вас больше не беспокоят поясничные боли.

— Верно! Видите осколок льда, оставшийся от молнии? Вы должны мне двадцать золотых зикко!

— И заплачу их сейчас же! Но прежде всего позвольте мне рассмотреть призму.

Хаш-Монкур мигом материализовался рядом:

— Одну минуту! Этот предмет надлежит передать на хранение мне! Вот, сударь, возьмите двадцать зикко! — Хаш-Монкур бросил пригоршню золотых монет в раскрытые с готовностью ладони Яа-Йимпе, сорвал призму с ремешка на шее старика и тут же отошел в сторону.

Риальто бросился было к нему, но Хаш-Монкур закричал:

— Назад, Риальто! Нужно удостовериться в подлинности этой призмы! — Он рассмотрел находку на свет. — Я так и думал! Откровенная подделка! Риальто, вас надули! — Бросив призму на землю, Хаш-Монкур направил на нее указательный палец — призма исчезла, разлетевшись сотней огненных голубых брызг.

Риальто обреченно смотрел на обугленное пятно, оставшееся на земле. Хаш-Монкур посочувствовал:

— Ищите в другом месте, Риальто, раз уж вы этим занялись, — ваш труд поистине полезен! Если вы найдете случайно еще какую-нибудь фальшивку, посоветуйтесь со мной. А теперь — до встречи! — Хаш-Монкур испарился так же быстро, как появился, — Яа-Йимпе и его приятели только рты разинули.

Риальто медленно вернулся к месту раскопа. Ошерль стоял на крыльце своего коттеджа, задумчиво глядя в небо. Шалуке сидела, скрестив ноги, на ковре перед шатром и ела виноград. Ум-Фоад, наблюдавший за углублением ямы, тут же подбежал:

— Риальто, о чем все эти слухи?

— У меня нет времени на слухи. Но раскопки можно прекратить.

— Уже? А как же быть с фонарем Повелителя Туч?

— Начинаю подозревать, что это не более чем миф. Мне нужно вернуться к себе и свериться с хрониками и справочниками.

— В таком случае я требую выплаты всего остатка вашей задолженности!

— Разумеется, — кивнул Риальто. — Где ваш счет?

— Я еще не подготовил постатейную фактуру. Тем не менее остаток составляет пятьдесят два зикко.

— Невероятно! — воскликнул Риальто. — Вы, конечно же, ошиблись в расчетах?

— В эту сумму входят плата за круглосуточное землепользование, заработок землекопов, учитывая дальнейшие работы по засыпке ямы, стоимость озеленения места раскопа и других работ по восстановлению естественных условий проживания фауны и флоры, мои гонорары в качестве руководителя проекта и консультанта, пошлины и…

Риальто поднял руку:

— Довольно! Вы уже сказали больше, чем я готов выслушать. С моей стороны я хотел бы получить только найденную детскую миску —

просто на память.

Усы Ум-Фоада снова распушились.

— Вы шутите! Это ценный древний экспонат стоимостью не меньше десяти золотых зикко!

— Ладно, так и быть.

Ум-Фоад отыскал миску для каши и протянул ее волшебнику:

— Теперь, будьте добры, уплатите причитающуюся мне сумму — и проследите за тем, чтобы не было никаких ошибок!

Риальто передал ему мешочек с монетами. Ум-Фоад пересчитал их, к своему удовлетворению, и спросил:

— Насколько я понимаю, вы намерены освободить принадлежащую мне территорию?

— В ближайшее время.

— Начисление сборов возобновится в полночь! — Попрощавшись решительным взмахом руки, Ум-Фоад прошествовал к раскопу, позвал работников и вернулся с ними в поселок.

Солнце, пунцовое, как цветы герани, плавно опускалось по западному небосклону. После того как кончились земляные работы, в степи наступила непривычная тишина. Риальто задумчиво стоял на краю ямы. Шалуке лениво разлеглась на ковре перед шатром. Ошерль оставался на

крыльце своего коттеджа, глядя в степные дали с нарочито рассеянным выражением лица.

Глубоко вздохнув, Риальто повернулся к инкубу:

— Так что же, Ошерль? Что скажешь? С нетерпением жду твоих откровений.

Глаза инкуба слегка разъехались в стороны.

— Да-да… Очень рад тому, что здоровье бедняги Яа-Йимпе поправилось.

— И это все? Ты в трудном положении. Не желаешь ли что-нибудь сказать по поводу Персиплекса?

Ошерль почесал щеку:

— Разве вы не сторговались с Яа-Йимпе?

— Почему бы я стал с ним торговаться? Найденный Персиплекс был очевидно фальшивым.

— В самом деле? Но каким образом даже такой проницательный человек, как вы, мог в этом убедиться прежде, чем призма оказалась у него в руках?

Риальто скорбно покачал головой:

— Дорогой мой! Ты сам безошибочно подтвердил, что это была подделка, когда позволил ее найти в том же слое грунта, где лежала древняя детская миска.

— Совсем не в том же! Вы сами видели, что

участок, где была погребена миска, находился ниже центрального возвышения дна раскопа, содержавшего Персиплекс!

— Совершенно верно — на уровне того же слоя, тогда как разница во времени должна была соответствовать разнице глубины не меньше двух метров.

— Хммф! — Ошерль задумался. — Вы где-то в чем-то ошиблись. Нельзя решать такие важные вопросы на основании столь ничтожного свидетельства, как детская миска для каши.

— По сути дела, если уж говорить начистоту, вы с Сарсемом — безнадежные недотепы, хотя я уверен, конечно, что вы посмеялись надо мной на славу, хихикая, подталкивая друг друга локтями в ребра и представляя себе, как огорчится бедняга Риальто.

Уязвленный Ошерль воскликнул:

— И опять вы ошибаетесь! Все планировалось в деловой атмосфере сотрудничества и взаимного уважения! Кроме того, у вас нет никаких доказательств справедливости ваших гипотез. Миска может быть не более чем имитацией древнего стиля — или пережила свое время на много столетий и только после этого была выброшена в море!

— Ошерль, твои рассуждения граничат с полной нелепостью. Мои так называемые гипотезы обоснованы, во-первых, логической дедукцией и, во-вторых, простым наблюдением. Невозможно не признать, что предмет, который вы позволили найти старику Яа-Йимпе, внешне напоминал Персиплекс. Настолько, что вам удалось обмануть Хаш-Монкура, но не меня.

Ошерль недоуменно моргнул:

— Вы считаете, что у вас настолько острое зрение? Или что Хаш-Монкур стал плохо видеть?

— Я не только справедлив, Ошерль, я еще умен и наблюдателен — в то время как Хаш-Монкуру свойственна лишь примитивная хитрость животного, в каковом отношении он ненамного превосходит Сарсема и тебя.

— Вы все еще не смогли ничего объяснить.

— Ты ослеп? Призма висела на шее Яа-Йимпе в горизонтальном положении! Настоящий Персиплекс всегда поворачивается вершиной вверх — чтобы никто не мог неправильно прочесть проецируемый священный текст. Хаш-Монкур не обратил на это никакого внимания и проявил самоуверенную торопливость глупца, за что я ему премного благодарен. А теперь что ты можешь сказать?

— Мне нужно подумать.

— Остаются два вопроса. Первый вопрос: кто из вас прячет Персиплекс — ты или Сарсем? Второй вопрос: каким образом вы с Сарсемом можете быть одновременно награждены за службу и наказаны за предательство?

— Первый вопрос значительно важнее второго — по меньшей мере в том, что касается меня, — пожал плечами Ошерль. — По поводу Сарсема не стану высказывать никаких предположений. Позволю себе заметить только одно: Хаш-Монкур его околпачил.

— Так где же Персиплекс?

— А! Это щекотливая проблема, я не вправе обсуждать ее с неуполномоченными лицами.

— Что?! — взорвался наконец Риальто. — Ты смеешь причислять меня к числу неуполномоченных лиц? После того как Ильдефонс однозначно приказал тебе отчитываться передо мной?

— В границах здравого смысла.

— Хорошо! Мы изложим все фактические обстоятельства дела в Бумергарте, перед Ильдефонсом, и я искренне надеюсь, что мне удастся представить беспристрастный отчет! Тем не менее я вынужден буду отметить твое упрямое непослушание, способное добавить эоны к твоей

задолженности.

Ошерль моргнул и поморщился:

— Неужели все это так важно? Ну хорошо, я могу по меньшей мере намекнуть на истинное положение дел. Хаш-Монкур и Сарсем подготовили свой план в шутку. Я немедленно указал им на то очевидное обстоятельство, что они шутят с огнем, в связи с чем подменил Персиплекс подделкой, найденной стариком Яа-Йимпе, — инкуб нервно хихикнул. — Теперь, разумеется, Персиплекс остается в распоряжении Сарсема, и его вина, таким образом, гораздо тяжелее моей.

Сидевшая перед шатром Шалуке вскочила на ноги:

— В поселке что-то случилось! Оттуда доносятся вопли… Похоже, местные жители чем-то возмущены, причем их голоса становятся все громче — они бегут сюда.

Риальто прислушался.

— Надо полагать, золотые зикко Хаш-Монкура превратились в жаб или в желуди — или, возможно, монеты, которыми я заплатил Ум-Фоаду, тоже преждевременно преобразовались… Так или иначе, нам пора возвращаться в двадцать первый эон. Ошерль, перенеси нас в Бумергарт, на минуту позже того момента, когда мы отпра-

вились в прошлое.

16

Чародеи собрались в Большом Зале Бумергарта по срочному вызову Ильдефонса. По-видимому, на конклаве отсутствовал только Риальто, но никто не упоминал о нем.

Ильдефонс молча сидел в тяжелом кресле на возвышении, опустив голову так, что его желтоватая борода покоилась на скрещенных на груди руках. Другие волшебники переговаривались вполголоса, время от времени поглядывая на Ильдефонса и обсуждая возможное назначение собрания.

Одна за другой проходили минуты, но Ильдефонс продолжал хранить молчание. Все разговоры в Зале постепенно затихли — чародеи смотрели на Настоятеля, ожидая какого-нибудь объявления или объяснения… Наконец Ильдефонс — возможно, получив незаметный сигнал — встрепенулся, поднял голову и торжественно произнес:

— Благородные собратья-чародеи! Наше сегодняшнее совещание имеет судьбоносное значение! Сосредоточив всю свою мудрость и руководствуясь всем своим опытом, мы обязаны

рассмотреть важнейшие вопросы.

Повестка дня необычна — даже беспрецедентна. Для того чтобы предотвратить всякую возможность вмешательства извне, я окружил Бумергарт непроницаемой магической сетью, в связи с чем возникает неприятное, но неизбежное последствие: в то время как никто не может сюда проникнуть и помешать нам, никто из нас не может покинуть Бумергарт — ни посредством пространственного перемещения, ни посредством переноса во времени или в другое измерение.

Хуртианц, со свойственной ему дерзостью, возмутился:

— К чему все эти неслыханные запреты? Я не потерплю никаких вынужденных задержек или ограничений! Я требую, чтобы мне объяснили, на каких основаниях меня практически содержат в заключении!

— Я уже объяснил причины, по которым мне пришлось принять такое решение, — ответил Ильдефонс. — Короче говоря, пока это совещание не закончится, никому не разрешается входить в Большой Зал или выходить из него.

— Продолжайте! — сухо сказал Хуртианц. — Постараюсь сдерживать по возможности свое

нетерпение.

— В качестве вступления, подчеркивающего существо дела, позволю себе сослаться на авторитет Фандаала, величайшего мастера нашего искусства. Его предостережения суровы и однозначны — они служат теоретической основой протокола, определяющего наши свободы и обязанности. Таким протоколом, само собой, являются «Голубые принципы».

Хаш-Монкур вмешался:

— Помилуйте, Ильдефонс! Ваша риторика звучит внушительно, но вы увлекаетесь длиннотами. Предлагаю поскорее перейти к делу. Если я не ошибаюсь, объявляя о созыве конклава, вы упомянули о том, что обнаружение новых фактических обстоятельств делает необходимым перераспределение имущества Риальто. В связи с чем могу ли я поинтересоваться, какие новые артефакты подлежат такому распределению и каковы их характеристики?

— Вы предвосхищаете события! — прорычал Ильдефонс. — Тем не менее, раз уж вы затронули этот вопрос, надеюсь, что каждый из присутствующих взял с собой подробный перечень имущества, конфискованного им после того, как было вынесено решение о распределении

собственности Риальто? Все выполнили это требование? Нет? Честно говоря, я ничего другого не ожидал… Ну что ж, о чем, бишь, я? Можно считать, что я отдал должное памяти Фандаала.

— Верно, — кивнул Хаш-Монкур. — А теперь, будьте добры, опишите новые находки. В частности, где они спрятаны?

Ильдефонс поднял ладонь:

— Терпение, Хаш-Монкур! Вы помните, к каким последствиям привело импульсивное поведение Хуртианца в Фалу́? Он порвал принадлежавшую Риальто копию «Голубых принципов», что, помимо прочего, побудило Риальто подать иск.

— Прекрасно помню! Все это буря в стакане воды — по меньшей мере на мой взгляд.

Высокая фигура в свободном черном костюме, с мягким черным беретом на голове, надвинутом на лоб, выступила из теней.

— На мой взгляд, это не так, — произнес человек в черном и скрылся в тени.

Ильдефонс проигнорировал это замечание.

— Рассматриваемое дело заслуживает пристального внимания хотя бы с теоретической точки зрения. Истцом был Риальто, а собравшиеся здесь чародеи были ответчиками. Как указал в исковом заявлении Риальто, сущность

дела предельно проста. По его словам, «Голубые принципы» запрещают какое-либо намеренное изменение или повреждение «Монстрамента» или очевидной либо подразумеваемой копии такового — нарушение этого запрета влечет за собой наложение штрафа в размере трехкратной стоимости любых убытков, понесенных в результате такого преступления; максимальная степень наказания сводится к полной конфискации имущества нарушителя. Таково утверждение Риальто, и он принес с собой разорванную копию «Монстрамента» в качестве вещественного доказательства факта преступления, а также в качестве юридического документа, подтверждающего справедливость его иска.

Ответчики, побуждаемые Хаш-Монкуром, Хуртианцем, Гильгадом и другими, отвергли обвинения не только как лишенные всяких оснований, но и как нарушающие «Голубые принципы» со стороны самого истца. По их утверждению, Риальто, возбудив судопроизводство, тем самым создал повод для встречного иска. С тем чтобы обосновать такую позицию, Хаш-Монкур и другие присутствующие здесь отправились на Тучеворот Охмура, где рассмотрели спроецированный текст «Монстрамента» и где Хаш-Монкур заявил,

по существу, что любая попытка представить в суде поврежденную или намеренно измененную копию «Голубых принципов» сама по себе составляет тяжкое преступление.

Таким образом, Хаш-Монкур и его сторонники согласны с тем, что, представив в суд поврежденную копию «Монстрамента» в качестве доказательства, Риальто совершил преступление, которое должно быть наказано еще до того, как можно будет приступить к рассмотрению предъявленных им обвинений. Хаш-Монкур и его сторонники заявляют, что Риальто очевидно виновен в преступлении и что не только предъявленные им обвинения должны быть отвергнуты, но что единственным существенным вопросом остается определение степени наказания, которому должен быть подвергнут Риальто.

Здесь Ильдефонс сделал паузу, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Я достаточно точно изложил сущность дела?

— Вполне! — отозвался Гильгад. — Сомневаюсь, чтобы кто-либо из присутствующих не согласился с вами. Риальто давно уже стал основным источником неприятностей в нашем сообществе. Давно пора от него избавиться.

— Не думаю, что Риальто заслуживает «безыс-

ходной инкапсуляции»[12], — заметил Вермулиан. — Пусть он закончит свои дни в теле саламандры или ящерицы на берегу Ганга.

Ильдефонс прокашлялся:

— Перед тем как выносить приговор (или, если уж на то пошло, перед тем, как судить опрометчиво), необходимо учесть несколько из ряда вон выходящих фактов. Прежде всего, позвольте мне задать вам следующий вопрос: кто из вас сверился со своими собственными копиями «Голубых принципов» в связи с рассматриваемым делом?.. Как так? Никто?

Нежнейший Лоло беззаботно рассмеялся:

— В этом вряд ли была необходимость, не так ли? В конце концов, мы все посетили полное промозглых сквозняков святилище, совершив паломничество к Тучевороту, — именно с этой целью!

— Вот именно, — кивнул Ильдефонс. — Странным образом, однако, текст, процитированный Риальто, на основании его разорванной копии соответствовал настоящему тексту «Голубых принципов» в том виде, в каком я его помню, а

[12] Notes: 12

«Заклинание безысходной инкапсуляции» приводит к бессрочному заключению несчастной жертвы в тесной оболочке на глубине шестидесяти километров под землей. (*Прим. ред.*)

текст, спроецированный на плиту в святилище, противоречил моим представлениям.

— Мозг порой играет с нами в странные игры, и памяти не всегда можно доверять, — возразил Хаш-Монкур. — А теперь, Ильдефонс, чтобы ускорить процесс, угрожающий стать обременительным…

— Подождите, всему свое время! — остановил его Ильдефонс. — Сначала позвольте мне прибавить, что я сверился с принадлежащей мне копией «Голубых принципов» и обнаружил, что текст моего экземпляра в точности соответствует положениям, процитированным Риальто на основании его разорванной копии.

В зале наступила тишина всеобщего замешательства. Ее нарушил, яростно взмахнув рукой, Хуртианц:

— Чепуха! Зачем запутываться в петлях крючкотворства? Невозможно отрицать, что Риальто совершил преступление, четкое определение которого приводится в «Монстраменте» и было спроецировано Персиплексом! О чем еще тут можно говорить?

— Только об одном! Как справедливо заметил наш коллега Хаш-Монкур, мозг порой играет с нами в странные игры. Возможно ли, что во

время нашего последнего посещения святилища мы стали жертвами массовой галлюцинации? Если вы помните, сперва мы увидели спроецированный текст «Монстрамента» в перевернутом отображении, что никак не поддается простому объяснению, — и это привело в замешательство не только меня.

И снова фигура в черном выступила из тени:

— Особенно учитывая тот факт, что Персиплекс невозможно перевернуть, чем и предотвращается возможность неправильной проекции.

Темная фигура вернулась в тень, и снова никто не обратил никакого внимания ни на фигуру так таковую, ни на ее слова — как если бы она не существовала.

Хаш-Монкур убедительно произнес:

— Может ли быть, чтобы все мы — чародеи, известные своей проницательностью и наблюдательностью, — стали свидетелями одной и той же галлюцинации? Склоняюсь к тому, чтобы усомниться в такой возможности.

— Я тоже! — воскликнул Хуртианц. — У меня никогда не бывает галлюцинаций!

— Тем не менее, — продолжал Ильдефонс, — в своей роли Настоятеля я постановляю, что теперь мы все взойдем на борт моей воздушной яхты,

также защищенной от любого вмешательства извне, и снова посетим Тучеворот, чтобы окончательно поставить точку в этом деле.

— Если это необходимо, придется так и сделать, — капризно отозвался Нежнейший Лоло, — но к чему вся эта сложная система сетей и запретов? На нас никто не может напасть, но в то же время никто из нас не может удалиться по неотложному делу — например, если у кого-нибудь в усадьбе начнется пожар.

— Верно! — согласился Ильдефонс. — Вы совершенно правы. Будьте добры, пройдите к яхте.

Не сдвинулся с места только человек в черном, сидевший в тени.

17

Воздушный корабль летел высоко в красных вечерних лучах (на юг, через весь Асколаис, к россыпи пологих холмов) и наконец опустился на лысую вершину Тучеворота Охмура.

От трапа воздушной яхты ко входу шестиугольного святилища протянулся арочный туннель магической сети.

— Для того чтобы никакой архивёльт не воспользовался редкой возможностью уничтожить всех нас одновременно! — пояснил чрезвычай-

ные меры предосторожности Ильдефонс.

Члены ассоциации чародеев прошествовали в святилище — Ильдефонс шел последним. Как всегда, Персиплекс покоился на черной атласной подушке в застекленной нише. В кресле рядом с нишей сидело бледнокожее человекообразное существо с белыми глазами и пучком мягких розовых перьев вместо волос.

— А, Сарсем! — самым дружелюбным тоном обратился к существу Ильдефонс. — Как идут дела на вахте?

— Все хорошо, — угрюмо ответил Сарсем.

— Никаких трудностей? Никто сюда не заходил и никто отсюда не выходил с тех пор, как мы виделись в последний раз? Все в полном порядке?

— Никаких инцидентов с тех пор не отмечено.

— Превосходно! — заявил Ильдефонс. — А теперь рассмотрим проекцию текста. Возможно, раньше мы чего-то не поняли, так что на этот раз будем внимательны, чтобы больше не было никаких ошибок. Сарсем, будь так любезен!

На доломитовой плите загорелся текст «Голубых принципов». Ильдефонс довольно усмехнулся:

— Вот именно, так я и думал! Мы действительно стали жертвами групповой галлюцинации

— даже доблестный Хуртианц. Теперь он может прочесть «Монстрамент» в третий раз и окончательно уяснить себе его положения. Хуртианц! Прошу вас — прочтите вслух интересующий нас отрывок!

Хуртианц монотонно прочел:

— «Любое лицо, преднамеренно и целенаправленно изменяющее, повреждающее, уничтожающее или скрывающее “Голубые принципы” или какую-либо их копию, тем самым совершает преступление и подлежит, наравне с его соучастниками и сообщниками, наказанию, предусмотренному разделом D. Если такие действия совершаются в ходе осуществления другого преступного намерения или в незаконных целях, наказание определяется в соответствии с разделом G».

Ильдефонс повернулся к Хаш-Монкуру — тот выпучил глаза, у него отвисла челюсть.

— Вот таким образом, Хаш-Монкур! Значит, память меня все-таки не подвела, и вам придется это признать.

Хаш-Монкур рассеянно пробормотал:

— Да-да, возникает такое впечатление. — Нахмурившись, он покосился в сторону Сарсема, но тот старался не встречаться с ним белыми

глазами.

— Этот вопрос решен! — объявил Ильдефонс. — Теперь вернемся в Бумергарт и приступим к дальнейшему расследованию.

Слегка запинаясь, Хаш-Монкур произнес:

— Мне что-то стало нехорошо. Позвольте мне вернуться к себе, сделайте исключение!

— Это невозможно! — отказал Ильдефонс. — В суде должны присутствовать все члены ассоциации. Позвольте напомнить, что мы рассматриваем иск, возбужденный ассоциацией против Риальто.

— Но никаких оснований для встречного иска больше нет! — проблеял Некроп Бизант. — Тут уже нечего рассматривать! Нам нужно вернуться домой, пока не расхитили все наше имущество!

— Все в Бумергарт! — прогремел Ильдефонс. — Никаких возражений!

Чародеи неохотно взошли по трапу воздушной яхты и молча сидели на протяжении всего обратного полета. Трижды Хаш-Монкур поднимал палец, собираясь обратиться к Ильдефонсу, и трижды он опускал его и придерживал язык.

В Бумергарте чародеи мрачной вереницей вернулись в Большой Зал и заняли свои места. В тени стоял человек в черном — так, словно никогда

оттуда не выходил.

Ильдефонс обратился к собравшимся:

— Продолжим рассмотрение иска, возбужденного Риальто, а также встречного иска, возбужденного против него. Есть какие-нибудь вопросы?

В зале царила тишина.

Ильдефонс повернулся к человеку в черном:

— Риальто, вы желаете что-нибудь сказать?

— Я уже изложил сущность моих претензий к Хуртианцу и его сообщникам. Теперь я ожидаю решения суда.

Ильдефонс кивнул.

— Присутствующие подразделяются на следующие категории: Риальто является истцом, а все остальные, включая меня, — ответчиками. В данном случае мы можем руководствоваться только положениями «Голубых принципов», и в этом отношении не может быть никаких сомнений. Риальто, в качестве Настоятеля я постановляю, что вы достаточно обосновали свой иск. Я постановляю, что вы имеете право на возвращение вам конфискованного имущества и на выплату вам предусмотренного «Монстраментом» штрафа в размере трехкратной стоимости этого имущества.

Риальто вышел вперед и облокотился на пюпитр:

— Я одержал достойную сожаления и бесприбыльную победу над теми, кого считал, в той или иной степени, своими друзьями.

Риальто обвел взглядом Большой Зал. Немногие осмелились встретиться с ним глазами. Риальто продолжал бесцветным тоном:

— Победа дорого мне обошлась. Мне пришлось тяжело трудиться и пережить множество опасностей и разочарований. Тем не менее я не намерен мстительно использовать свое преимущество. Я предъявляю каждому из вас — за одним исключением — одно и то же требование: верните мне все имущество, конфискованное вами в Фалу́, а в качестве штрафа вручите мне по одному звездоцвету, и этого будет достаточно.

Ао Опалоносец сказал:

— Риальто, твое решение свидетельствует о щедрости и мудрости. Конечно, твоя победа не делает нам чести и многих донельзя раздражает. Не могу не заметить, что Хуртианц и Зилифант буквально скрежещут зубами. Тем не менее новых врагов у тебя не будет. Я признаю свою ошибку, подчиняюсь решению суда и смиренно передам в твое распоряжение звездоцвет. Рекомендую

коллегам сделать то же самое.

Эшмиэль воскликнул:

— Хорошо сказано, Ао! Разделяю твои чувства. Риальто, для кого из нас ты сделал исключение и почему ты избавил его от наказания?

— Я исключаю Хаш-Монкура, так как его поступкам нет оправдания. Совершив нападение на наш основной закон, он напал на всех нас, вместе взятых. Вы все стали его жертвами — не в меньшей степени, чем я, хотя ваша очередь понести ущерб настала бы позже.

Хаш-Монкуру предстоит лишиться всех магических средств и возможностей. Пока я к вам обращался, Настоятель Ильдефонс уже лишил Хаш-Монкура статуса чародея. Хаш-Монкур, которого вы видите перед собой, — уже не тот человек, который сопровождал нас в полете на Тучеворот. Ильдефонс уже вызвал служителей, чтобы те препроводили Хаш-Монкура в местную кожевню, где ему предложат подходящую работу.

Я же теперь вернусь к себе в Фалу́, где моя жизнь, надеюсь, будет примерно такой, какой была прежде.

18

Шалуке сидела на берегу реки Тс под синими осинами, частично заслонявшими вид на усадьбу Фалу́. Восстановив порядок в усадьбе, Риальто решил прогуляться и присоединиться к ней. Обернувшись, девушка заметила его приближение, но тут же вернулась к созерцанию реки.

Усевшись неподалеку, Риальто прислонился спиной к стволу осины и стал наблюдать за игрой темных бликов солнечного света на струящейся поверхности воды. Через некоторое время он повернул голову, изучая сначала деликатный профиль Шалуке, а затем изящные формы ее фигуры. Сегодня на ней были бриджи песочного оттенка, обтягивающие в лодыжках, но свободные в бедрах, черные тапочки, белая блуза и широкий черный пояс. Темные волосы она перевязала красной лентой. «Когда-то, — думал Риальто, — она была Парагоном, образцом совершенства, “лучшей из лучших”, но кто об этом догадается теперь?»

Девушка почувствовала, что он ее разглядывает, и ответила вопросительным взглядом.

Риальто нарушил молчание:

— Шалуке, дочь Зари, Фаруда! Что мне с тобой

делать?

Последняя из Парагонов снова обратила взор на реку.

— Я тоже не могу понять, что мне с собой делать…

Риальто поднял брови:

— Невозможно не признать, что моя эпоха — последняя на этой планете — во многих отношениях кажется темной и тревожной. И все же ты ни в чем не нуждаешься, тебя не беспокоят враги, ты можешь делать, что хочешь. Что тебе не нравится?

Шалуке пожала плечами:

— Если бы я стала жаловаться, я показалась бы тебе капризной. Ты вел себя с безукоризненной вежливостью и обращался со мной достойно и щедро. Но я одинока. Я наблюдала за твоими разговорами с другими чародеями, и вы напомнили мне сборище крокодилов, тявкающих на грязевых отмелях реки Кайике.

Риальто поморщился:

— И я тоже?

Погруженная в блуждающие мысли, Шалуке проигнорировала вопрос.

— Во дворце Восходящей Луны я была Парагоном, лучшей из лучших! Знатные господа

спешили подойти, чтобы почтительно прикоснуться к моей руке. Струившийся вслед за мной аромат духóв вызывал тоскливые страстные вздохи; иногда я слышала за спиной приглушенные восклицания — насколько я понимаю, они означали восхищение. А здесь меня все сторонятся, словно я худшая из худших! Никого не интересует, какой аромат я распространяю — духóв или свинарника. Я помрачнела, меня мучают сомнения. Неужели я настолько непривлекательна, бездарна и скучна, что все вокруг меня становится вялым и поникшим?

Риальто поднял лицо к небу:

— Нелепость! Химера! Сны наяву!

Шалуке ответила печальной, дрожащей улыбкой:

— Если бы ты подвергал меня позорному обращению, если бы ты сделал меня игрушкой своих страстей, по меньшей мере я могла бы утешаться гордостью, но твое вежливое отчуждение не оставляет мне ничего.

Риальто наконец обрел дар речи:

— Ты самая извращенная из всех капризных девчонок! Ты даже не представляешь себе, сколько раз у меня руки чесались схватить тебя — и каждый раз я сдерживался, чтобы ты могла себя

чувствовать беззаботно и безопасно! И теперь ты обвиняешь меня в хладнокровии и обзываешь крокодилом! Ты предпочитаешь рассматривать мое элегантное, поэтическое самоотречение как беспомощность импотента. Кто из нас должен испытывать муки одиночества?

Риальто вскочил на ноги, сел рядом с ней и взял ее за руки:

— Самые обворожительные девушки — самые жестокие! Даже теперь ты разрываешь мне сердце едва заметными коварными чарами!

— Даже так? Расскажи, как это у меня получилось, — я попробую снова.

— Ты беспокоишься, потому что тебе кажется, что я игнорирую твое присутствие. Но по той же причине твоя гордость была бы уязвлена любым другим мужчиной, намеренным вести себя прилично, будь то Нежнейший Лоло, выражающий эмоции разрисованными ногами, или Зилифант, или даже Бизант Некроп! Тот факт, что тебя оскорбил своим благородством именно я, Риальто, — всего лишь случайность судьбы. Мое тщеславие становится пыткой — неужели я настолько непривлекателен? Неужели я тебе нисколько не дорог?

Шалуке наконец улыбнулась:

— Риальто, вот что я тебе скажу. Если бы на твоем месте был Нежнейший Лоло, Зилифант или Бизант (или кто-нибудь, кроме тебя), я ни в коем случае не сидела бы здесь, нежно сжимая твои руки.

Риальто облегченно вздохнул и привлек ее к себе — их лица соприкоснулись.

— Замешательство, недоразумения — мы от них наконец избавились! Возможно, теперь двадцать первый эон покажется тебе не таким тоскливым.

Шалуке покосилась на багровое Солнце, будто собравшееся утопиться в реке Тс.

— В какой-то мере. И все же, что, если Солнце погаснет, пока мы тут сидим? Что тогда?

Риальто встал, помог ей подняться на ноги и поцеловал ее обращенное к нему лицо.

— Кто знает? Солнце может подмигивать и морщиться еще добрую сотню лет!

Девушка вздохнула и протянула руку к дневному светилу.

— А! Смотри, оно словно подернулось рябью! Солнце устало, ему надоело все на свете. Может быть, однако, сегодня ночью я еще успею выспаться.

Риальто прошептал ей на ухо замечание, суть

которого сводилась к тому, что ей не следовало на это рассчитывать. Она потянула его за руку, и они, прижавшись друг к другу, стали медленно подниматься к усадьбе Фалу́.

Глава III
Моррейон

1

Выкапывая корнеплоды джентиана в Случайном лесу, архивёльт Ксексамедес разгорячился от напряженных усилий. Он сбросил плащ и вернулся к работе, но Эрарк Предвестник и дьяволист Шрю заметили блеск его синей чешуи. Приблизившись тайком, они выскочили из чащи, обступив архивёльта слева и справа, и тут же набросили на его гибкую шею две петли, чтобы он не мог им ничем навредить.

С большим трудом, выслушивая сотни угроз и сдерживая сотни попыток вырваться, вывернуться и наброситься на них, два волшебника притащили Ксексамедеса в замок Ильдефонса, Бумергарт, где уже собрались исключительно возбужденные новостью чародеи Асколаиса и Альмерии.

В прошлом Ильдефонс выполнял функции Настоятеля ассоциации чародеев и теперь взял на себя координацию судопроизводства. Прежде всего он попросил архивёльта назвать свое имя.

— Как вы прекрасно знаете, старина Ильдефонс, меня зовут Ксексамедес!

— Да-да, — кивнул Ильдефонс. — Теперь я тебя припоминаю, хотя во время нашей последней встречи я заметил только твою спину: ты бежал со всех ног, потому что тебя изгнали обратно на Музорг. Неужели ты не понимаешь, что, вернувшись на Землю, ты тем самым навлек на себя смерть?

— Это не так, Ильдефонс, потому что я больше не архивёльт — я вернулся в качестве иммигранта и заявляю, что снова приобрел человеческую сущность. Даже мои сородичи теперь меня презирают.

— Все это хорошо и замечательно, но ты нарушил действовавший ранее и продолжающий действовать теперь запрет, — возразил Ильдефонс. — Где ты нынче поселился?

Последний вопрос был задан как бы между прочим, и Ксексамедес ответил столь же безразличным тоном:

— Я брожу то там, то сям — и с наслаждением вдыхаю сладкий воздух Земли. Насколько лучше здесь дышится, чем среди химических испарений Музорга!

Но Ильдефонса не так-то просто было отвлечь.

— Какие магические средства ты взял с собой? В частности, сколько у тебя звездоцветов?

— Поговорим о других вещах, — предложил Ксексамедес. — С этих пор я хотел бы присоединиться к местному кругу избранных мастеров магии, в связи с чем в качестве вашего будущего коллеги прошу освободить меня от этих унизительных петель.

— Довольно дерзостей! — взревел нетерпеливый Хуртианц. — У тебя есть звездоцветы? Говори!

— Я запасся на всякий случай несколькими побрякушками, — с достоинством отозвался Ксексамедес.

— Где они?

Архивёльт обратился к Ильдефонсу:

— Прежде чем я отвечу на этот вопрос, могу ли я поинтересоваться, в чем состоят ваши дальнейшие намерения?

Ильдефонс дернул себя за желтоватую бороду и поднял глаза к люстре:

— Твоя судьба будет зависеть от многих факторов. Рекомендую тебе отдать звездоцветы.

— Они спрятаны под деревянным настилом пола в моем коттедже, — пробурчал архивёльт.

— И где находится твой коттедж?

— На дальнем краю Случайного леса.

Риальто Изумительный вскочил:

— Подождите здесь! Надлежит подтвердить достоверность его показаний — я этим займусь!

Колдун Гильгад поднял обе руки:

— Не торопитесь, Риальто! Мне хорошо известны тропинки Случайного леса! Лучше поручить это мне!

Ильдефонс произнес нарочито беспристрастным тоном:

— Настоящим я назначаю комиссию в составе Риальто, Гильгада, Мага Мьюна, Хуртианца, Ао Опалоносца и Барбаникоса. Комиссия отправится к коттеджу архивёльта и доставит сюда всю обнаруженную там контрабанду. Объявляю перерыв вплоть до возвращения комиссии.

2

Через некоторое время магические средства Ксексамедеса были выставлены на длинном столе вдоль боковой стены Большого Зала Ильдефонса — в том числе тридцать два звездоцвета: сферические, эллипсоидные и веретенообразные кристаллы, переливающиеся внутренними сполохами бледного пламени, каждый размером примерно с небольшую сливу. Они плавали в воз-

духе над столом, но невидимая сеть не позволяла им улететь подобно пузырькам пойманных грез.

— Теперь у нас есть основания для дальнейшего расследования, — объявил Ильдефонс. — Ксексамедес! Откуда в точности происходят эти мощные магические артефакты?

Длинные черные перья на голове Ксексамедеса взъерошились от удивления — искреннего или притворного. Архивёльта все еще сдерживали две петли. Проказник из Снотворной Заводи держал одну веревку, а Барбаникос — другую, чтобы архивёльт не мог прикоснуться ни к кому из них. Ксексамедес спросил:

— Вы не знаете? Разве Моррейон не раскрыл эту тайну?

Ильдефонс недоуменно нахмурился:

— Моррейон? Я уже почти забыл это имя… На какие обстоятельства намекает архивёльт?

Эрарк Предвестник, изучивший легенды двадцати эонов, вызвался ответить на этот вопрос:

— После того как архивёльты потерпели поражение, был заключен договор. Архивёльтам сохранили жизнь, но с тем условием, что они раскроют тайну источника звездоцветов. Благородному Моррейону поручили получить и подтвердить эту информацию, после чего его

больше никогда не видели.

— Ему предоставили подробные инструкции, — вмешался Ксексамедес. — Если вы хотите узнать, откуда берутся звездоцветы, найдите Моррейона!

— Почему он не вернулся? — спросил Ильдефонс.

— Не могу сказать. Кто-нибудь еще желает узнать, как добываются звездоцветы? Я с удовольствием продемонстрирую соответствующие методы.

Несколько секунд никто ничего не говорил. Затем Ильдефонс предложил:

— Гильгад, как насчет вас? Ксексамедес выдвинул любопытное предложение.

Гильгад облизал тонкие коричневые губы.

— Прежде всего я хотел бы выслушать словесное описание процесса.

— Разумеется, почему нет? — развел руками Ксексамедес. — Позвольте мне свериться с документацией. — Архивёльт сделал шаг в направлении длинного стола у боковой стены, что заставило Проказника и Барбаникоса приблизиться друг к другу, после чего отпрыгнул назад. Воспользовавшись тем, что в результате его маневра веревка провисла, Ксексамедес

схватил Барбаникоса, испустив гальванический разряд. Из ушей Барбаникоса вылетели искры — он подскочил в воздух и упал, потеряв сознание. Ксексамедес выхватил веревку из рук эльфа Проказника и, прежде чем кто-либо успел его задержать, выбежал из Большого Зала.

— Догоните его! — взревел Ильдефонс. — Не позволяйте ему сбежать!

Чародеи погнались за быстроногим архивёльтом. По холмам над долиной Скаума и вокруг Случайного леса бежали и летели волшебники, как гончие за лисой. Ксексамедес скрылся в Случайном лесу и тут же выскочил из чащи в другом месте, но чародеи заранее угадали, что он прибегнет к такой уловке.

Выбежав из леса, Ксексамедес приблизился к усадьбе Риальто и спрятался за вольером. Гарпии подняли шум, и старый Фанк, служитель Риальто, вышел, прихрамывая, из усадьбы, чтобы разобраться, в чем дело.

К тому времени Гильгад уже заметил синюю чешую Ксексамедеса и провозгласил «Заклинание молниеносного разгрома» — из его руки вырвался чудовищный, ослепительный ветвистый разряд, не только испаривший Ксексамедеса, но и разнесший вдребезги вольер Риальто, разломавший

на куски его древний дорожный указательный столб и заставивший несчастного старого Фанка плясать по заливному лугу, как на ходулях, на потрескивающих голубых молниях.

3

К входной двери усадьбы Риальто прижался липовый лист, пришпиленный шипом терновника. «Ветер шутки шутит!» — подумал Риальто и сбросил лист на крыльцо. Его новый служитель, Пюирас, однако, решил подобрать лист и произнес характерным для него сварливым хриплым голосом:

— Здесь какая-то странная надпись — «НИЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ».

— Ты что-то сказал про Моррейона? — переспросил Риальто. Взяв у служителя липовый лист, он рассмотрел мелкие серебряные символы на его поверхности. — Беспричинное уведомление! — Снова отбросив лист в сторону, он дал Пюирасу последние указания: — Через два часа после полудня приготовь что-нибудь поесть минускулам — каши с чаем будет достаточно. Перед заходом Солнца подай им паштет из дроздов. Я хотел бы, чтобы после этого ты начистил до блеска плитку на полу большого приемного зала.

При этом не пользуйся песком — он лишает плитку глянца. Затем убери мусор с южного газона; с этой целью можно применять эолус, но будь осторожен — продувай только желтый тростник, черный вызывает бурю, а мы уже потерпели достаточный ущерб. Начни восстанавливать вольер; прежде всего собери все оставшиеся полезные материалы. Если найдешь трупы, захорони их надлежащим образом. Все понятно?

Пюирас, худощавый и словно слегка развинченный субъект с костлявым лицом и длинными черными волосами, уныло кивнул:

— Все ясно, кроме одного. Что еще потребуется, после того как я сделаю все это?

Риальто, надевавший сотканные из золоченых нитей перчатки, покосился на служителя. Чем объяснялся последний вопрос? Несмышленостью? Излишним рвением? Неучтивой издевкой? Неподвижная физиономия Пюираса не позволяла об этом судить. Риальто сдержанно произнес:

— После выполнения моих поручений у тебя будет свободное время. Не балуйся с магическими устройствами и, если тебе дорога жизнь, не заглядывай в папки со списками заклинаний, в либрамы или в компендиумы. В свое время, может быть, я научу тебя нескольким фокусам,

но до тех пор соблюдай осторожность!

— Я буду осторожен.

Риальто поправил на голове шестиярусную шляпу из черного атласного фетра и накинул плащ одним из тех естественно-изящных движений, благодаря которым и заслужил прозвище Риальто Изумительного.

— Мне нужно навестить Ильдефонса. Как только я выйду за наружные ворота, окружи усадьбу «Пограничным заклятием» — и ни в коем случае не отменяй его, пока я не подам знак. Скорее всего, я вернусь к заходу Солнца или даже раньше, если все будет в порядке.

Даже не пытаясь уяснить себе смысл угрюмого нечленораздельного звука, которым отозвался служитель, Риальто направился размашистым шагом к северным воротам, старательно отводя глаза от жалких разбросанных остатков своего чудесного вольера. Он еще не успел выйти за ворота, как Пюирас привел в действие «Пограничное заклятие», что заставило Риальто поспешно прыгнуть вперед. Ему пришлось снова поправить шляпу. Неопытность Пюираса была всего лишь одной из множества неприятностей, постигших его по вине архивёльта Ксексамедеса. Вольер был уничтожен, драгоценный древний

столб разбился на куски, а старый Фанк погиб! Каким-то образом кто-то должен был возместить ему эти потери!

4

Ильдефонс жил в замке Бумергарт над руслом Скаума — в огромном здании сложной планировки с десятками башенок, балконов, павильонов на выступающих террасах и прочими архитектурными капризами. На протяжении последних столетий двадцать первого эона Ильдефонс служил Настоятелем ассоциации чародеев, и Бумергарт был средоточием бурной деятельности. Теперь использовался только один из флигелей этого чудовищного сооружения; остальные помещения пустовали и пылились — там обитали только совы и архаические призраки.

Ильдефонс встретил Риальто под бронзовым арочным порталом.

— Дражайший коллега! Как всегда, в великолепном костюме — несмотря на характер нашего сегодняшнего совещания! Мне остается только позавидовать вам! — Ильдефонс отступил на пару шагов, чтобы полюбоваться суровой, но элегантной фигурой Риальто — в роскошном синем плаще, розовых бархатных брюках и блестящих

сапогах. Сам Ильдефонс, по никому не известным причинам, предпочитал появляться в обличии добродушного пожилого мудреца с округлой лысиной, морщинистым лицом, бледно-голубыми глазами и растрепанной желтоватой бородой. Вполне возможно, что такова была его естественная внешность, с которой тщеславие не позволяло ему расстаться.

— Проходите же! — воскликнул Ильдефонс. — Как обычно, вы сумели произвести театральный эффект, явившись последним!

Они прошли в Большой Зал. Присутствовало еще четырнадцать чародеев: Зилифант, Пердастин, Эрарк Предвестник, Проказник из Снотворной Заводи, Ао Опалоносец, Эшмиэль, Кильгас, Некроп Бизант, Гильгад, Лунатик Вермулиан, Барбаникос, дьяволист Шрю, Маг Мьюн и Хуртианц. Ильдефонс объявил:

— Наконец наша группа заговорщиков в полном составе: прибыл Риальто Изумительный, около усадьбы которого молния правосудия поразила архивёльта!

Риальто снял шляпу и слегка поклонился коллегам. Одни приветствовали его, другие (в частности, Гильгад, Некроп Бизант, Маг Мьюн и Кильгас) ограничились холодным взглядом

через плечо.

Ильдефонс взял Риальто под руку и провел к буфету, где тот принял от него бокал вина, не преминув предварительно проверить вино амулетом.

Ильдефонс шутливо притворился оскорбленным:

— Это вино превосходного сбора! Разве я пытался когда-нибудь вас отравить?

— Нет. Но сегодняшние обстоятельства еще никогда не возникали.

Ильдефонс удивленно поднял брови:

— Обстоятельства нам благоприятствуют! Мы повергли в прах древнего врага, а его звездоцветы — в нашем распоряжении!

— Верно, — согласился Риальто. — Не забывайте, однако, об ущербе, который мне причинили! Я требую его возместить — хотя мои недруги хотели бы уклониться от этой обязанности.

— Ну что вы! — упрекнул его Ильдефонс. — Давайте обсудим ситуацию в более доброжелательных тонах. Как продвигается восстановление вашего придорожного столба? Минускулы не отлынивают от реставрации резьбы?

— Работы продолжаются, — ответил Риальто. — Вкусы минускулов никак нельзя назвать

примитивными. Только на этой неделе их стюард потребовал две унции меда, рюмку «Мизерикордии» и полторы драхмы солодового дистиллята — в дополнение к бисквитам, растительному маслу и суточному рациону моего лучшего паштета из дроздов.

Ильдефонс неодобрительно покачал головой:

— Они порядком избаловались, а кому приходится за это платить? Вам и мне. Ничто не ново в этом мире! — Повернувшись, Ильдефонс снова наполнил бокал примостившегося у буфета грузного Хуртианца.

— Я провел расследование, — громогласно заявил Хуртианц, — и определил, что Ксексамедес жил среди нас четыре года! Судя по всему, ему пришлось бежать с Музорга, где его не терпели так же, как на Земле.

— Он все еще может быть неподалеку, — напомнил Ильдефонс. — Кто-нибудь нашел его останки? Нет! А Проказник утверждает, что в электромагнитном поле архивёльт чувствует себя как рыба в воде.

— Так оно и есть! — заявил Проказник из Снотворной Заводи, зеленый эльф с горящими глазами.

— В таком случае ущерб, нанесенный моему

имуществу, становится еще более неоправданным! — воскликнул Риальто. — Я требую возмещения потерь прежде, чем получу другую причитающуюся мне компенсацию.

Хуртианц нахмурился:

— Не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Все проще простого, — сказал Риальто. — Мне причинили существенные убытки, в связи с чем должно быть восстановлено справедливое равновесие. Я намерен требовать передачи звездоцветов в мое распоряжение.

— Вы не одни, — обронил Хуртианц.

— Требуйте, сколько вам заблагорассудится! — Проказник язвительно фыркнул.

Маг Мьюн подошел ближе:

— Мы еще не убедились в том, что архивёльт мертв. Зачем преждевременно торговаться?

Эшмиэль вмешался:

— Действительно, кто может подтвердить, что он мертв? Смотрите! — Эшмиэль продемонстрировал окружающим липовый лист. — Я нашел это на своем куртиване, выложенном голубой плиткой. На листе надпись: «НИЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ».

— Я тоже нашел такой листок! — заявил Проказник.

— И я! — откликнулся Хуртианц.

— Как летят века, один за другим! — покачал головой Ильдефонс. — Славные были времена, когда мы обратили в бегство архивёльтов — они прыснули во все стороны, как стая гигантских летучих мышей! Бедняга Моррейон! Теперь я часто задумываюсь о том, какая судьба его постигла.

Нахмурившись, Эшмиэль разглядывал листок:

— Некто заверяет нас в том, что Ничто угрожает Моррейону… Если так, подобное извещение представляется излишним и хотя бы поэтому вызывает подозрения.

— Мне все понятно, — проворчал Гильгад. — Моррейон отправился искать источник звездоцветов; он его нашел, и теперь ему ничто не угрожает.

— Можно истолковать это сообщение и таким образом, — назидательно произнес Ильдефонс. — Но во всем этом скрывается нечто незаметное с первого взгляда.

— В данный момент не следует об этом беспокоиться, — заметил Риальто. — Звездоцветы под рукой и в безопасности. Тем не менее я официально требую передать в мою собственность эти магические средства в качестве компенсации ущерба, понесенного мной во имя защиты инте-

ресов ассоциации.

— Возможно, у вашего требования есть какие-то основания, — усомнился Гильгад. — По существу, однако, каждый должен получить долю наследства архивёльта, пропорциональную вкладу в общее дело. И я упоминаю об этом не только потому, что именно мой «молниеносный разгром» нанес Ксексамедесу окончательное поражение.

Ао Опалоносец резко возразил:

— Еще одно казуистическое допущение, подлежащее немедленному опровержению, — тем более что ваша судьбоносная молния позволила Ксексамедесу сбежать!

Споры продолжались целый час. В конце концов была выдвинута и утверждена пятнадцатью голосами против одного формулировка, предложенная Ильдефонсом. Имущество, ранее принадлежавшее архивёльту Ксексамедесу, надлежало подвергнуть инспекции. Каждый из чародеев должен был представить список интересующих его магических средств Ильдефонсу — для последующего сравнения предпочтений. В случаях совпадения интересов конфликт подлежал урегулированию по жребию. С учетом ущерба, понесенного Риальто, ему предоставлялось право свободного выбора после распределения первых

пяти артефактов. Гильгаду такая же привилегия предоставлялась после распределения десяти артефактов.

Риальто выступил с последним возражением:

— Какую ценность будет представлять для меня то, что останется после первых пяти раундов распоряжения наследством? Архивёльту не принадлежало ничего, кроме звездоцветов, нескольких общеупотребительных магических инструментов, корнеплодов, трав и эликсиров.

Его доводы, однако, не приняли во внимание. Ильдефонс раздал листы бумаги, и каждый из чародеев составил список самых желательных, с его точки зрения, артефактов. Ильдефонс рассмотрел все списки по очереди.

— По всей видимости, — объявил он, — всех присутствующих в первую очередь интересуют звездоцветы.

Чародеи то и дело поглядывали на звездоцветы, мерцавшие и подмигивавшие бледным огнем.

— Поэтому, — заключил Ильдефонс, — их придется распределить по жребию. — Он поставил на стол глиняный горшок и выложил шестнадцать небольших дисков из слоновой кости. — Пусть каждый пометит одну из фишек своим символом и поместит ее в горшок — вот

таким образом. — Ильдефонс обозначил фишку и бросил ее в горшок. — Когда все это сделают, я позову служанку, чтобы она вытянула жребий.

— Один момент! — воскликнул Бизант. — Тут отчетливо пахнет мошенничеством!

Ильдефонс смерил известного чувствительностью к магии Некропа холодным вопросительным взглядом:

— О каком мошенничестве вы говорите?

— Невозможно не заметить противоречие — диссонанс, если хотите. Происходит что-то странное: среди нас находится кто-то, кого здесь быть не должно.

— Движется кто-то невидимый! — подтвердил Маг Мьюн. — Ильдефонс, охраняйте звездоцветы!

Ильдефонс оглядывался по сторонам, всматриваясь в тени Большого Зала. Наконец он подал тайный знак и протянул руку, указывая в дальний угол:

— Призрак! Ты на страже?

— Я здесь, — ответил скорбный шепот.

— Отвечай! Кто, кроме видимых людей, находится в Зале?

— Застоявшиеся завихрения прошлого. Я вижу лица — даже не призраков, но призраков мерт-

вых призраков… Они то исчезают, то появляются, то смотрят, то пропадают.

— Других живых существ здесь нет?

— Нет жгучей крови, нет пульсирующей плоти, нет пылко бьющихся сердец.

— Наблюдай, бди! — Ильдефонс повернулся к Некропу: — Ну, что теперь?

— Я чувствую присутствие незнакомца.

— Что же вы предлагаете?

Бизант говорил тихо, тем самым подчеркивая деликатность своего восприятия:

— Из всех присутствующих только я достаточно чувствителен к неизъяснимому влиянию звездоцветов. Их следует передать под мою опеку…

— Начнем лотерею! — перебил его Хуртианц. — Хитроумные планы Бизанта неосуществимы.

— Я вас предупредил! — бросив мрачный взгляд на Хуртианца, Некроп Бизант отошел в сторону.

Ильдефонс вызвал одну из служанок:

— Успокойся, все в порядке! Ты должна опустить руку в этот горшок, хорошенько перемешать фишки, вытащить одну и положить ее на стол, только и всего. Ты понимаешь?

— Да, господин чародей.

— Так сделай это!

Девушка подошла к горшку и протянула к

нему руку. В этот момент Риальто прошептал «Заклятие темпорального стаза» — подозревая, что может возникнуть именно такая ситуация, он подготовился заранее.

Время остановилось для всех, кроме Риальто. Он посмотрел вокруг — на чародеев, застывших в случайных позах, на девушку, опустившую руку в горшок, на неподвижно уставившегося на ее локоть Ильдефонса.

Риальто неспешно прошелся к столу, где лежали звездоцветы. Он мог бы сейчас же их присвоить, но такой поступок вызвал бы всеобщее возмущение и привел бы к формированию союза его ненавистников. Нет, тут следовало действовать не столь провокационно… Его встревожил тихий звук, раздавшийся из дальнего угла, — в отсутствие течения времени не должно было быть никаких звуков.

— Кто там? — спросил Риальто.

— Я пошевелился, — ответил шепотом призрак.

— Время остановилось. Ты не должен быть в состоянии двигаться, говорить, наблюдать или каким-либо образом знать, что происходит.

— Движется ли время, остановилось ли оно — мне все равно. Мне известно каждое бесконечно

повторяющееся мгновение.

Риальто пожал плечами, вернулся к горшку и вынул из него фишки. К его удивлению, на каждой был обозначен символ Ильдефонса.

— Ага! — воскликнул Риальто. — Некий изобретательный мерзавец выбрал предыдущий момент, чтобы устроить эту проделку! Поистине, ничто не ново на Земле! Что ж, в конце концов, он и я лучше узна́ем друг друга! — Риальто стер символ Ильдефонса с фишек и заменил его своим, после чего положил фишки обратно в горшок.

Вернувшись на прежнее место, он отменил «темпоральный стаз».

Зал тут же заполнился тихим шумом. Девушка, опустившая руку в горшок, перемешала фишки, вынула одну из них и положила ее на стол. Риальто наклонился над столом; то же сделал Ильдефонс. Фишка слегка вздрогнула. Нарисованный на ней символ расплылся и сменился другим — прямо у них на глазах.

Ильдефонс поднял фишку и удивленно объявил:

— Гильгад!

Риальто яростно повернулся к Гильгаду — тот ответил ему невозмутимым взглядом. Гильгад тоже остановил время, но подождал до того мо-

мента, когда выбранная фишка уже лежала на столе.

Ильдефонс глухо сказал служанке:

— Это все. Можешь идти. — Девушка удалилась. Ильдефонс высыпал остальные фишки на стол. Каждая из них была правильно обозначена символом того или иного из присутствующих чародеев. Ильдефонс погладил седеющую желтоватую бороду и объявил:

— Похоже, звездоцветы выиграл Гильгад.

Гильгад прошел к длинному столу у боковой стены и громко вскрикнул:

— Звездоцветы! Что с ними случилось? — Магическая сеть поникла над опустившимся содержимым. Завораживающее мерцание сполохов исчезло — лежавшие на столе стекляшки тускло блестели. Гильгад схватил одну из них и бросил на пол — она разбилась на мелкие осколки. — Это не звездоцветы! Это подлый обман!

— В самом деле, — согласился Ильдефонс. — Очевидный подлог.

— Где мои звездоцветы? — громко возмущался Гильгад. — Отдайте их, или я обрушу «Заклятие мучительной тоски» на всех присутствующих!

— Одну минуту! — прорычал Хуртианц. — Не спешите с заклятиями! Ильдефонс, позовите

охранного призрака — пусть расскажет, что тут случилось.

Ильдефонс с сомнением дернул себя за бороду, после чего ткнул указательным пальцем в направлении дальнего угла:

— Призрак! Ты здесь?

— Я здесь.

— Что случилось, когда мы бросали жребий?

— Было движение. Одни двигались, другие оставались на месте. Когда служанка положила фишку на стол, в зале появилась странная фигура. Она взяла звездоцветы и скрылась с ними.

— Как выглядела эта фигура?

— Как синее чешуйчатое существо с черными перьями на голове, но в нем теплилась человеческая душа.

— Архивёльт, — пробормотал Хуртианц. — Не сомневаюсь, что это был Ксексамедес!

— Как же так? Что теперь делать? — жаловался Гильгад. — Как быть с моими чудесными звездоцветами? Кто вернет мое имущество? Почему меня всегда лишают всего самого ценного?

— Перестаньте ныть! — оборвал его дьяволист Шрю. — Нужно распределить остающиеся артефакты. Ильдефонс, будьте добры, просмотрите списки.

Ильдефонс взял со стола стопку списков.

— Так как Гильгад выиграл в первом раунде, его список следует отложить. Вторым артефактом значится…

Гильгад не унимался:

— Я протестую! Это недопустимая несправедливость! Я не выиграл ничего, кроме цветных стекляшек!

Ильдефонс пожал плечами:

— Претензии следует предъявлять грабителю архивёльту — тем более что лотерея сопровождалась несколькими темпоральными нарушениями, о которых, надеюсь, не следует лишний раз упоминать.

Гильгад воздел руки к потолку — его угрюмая физиономия гримасничала, выражая противоречивые эмоции. Коллеги бесстрастно наблюдали за ним.

— Продолжайте, Ильдефонс! — произнес Лунатик Вермулиан.

Ильдефонс разложил перед собой списки.

— Судя по всему, только Риальто выбрал второй артефакт — причудливой формы устройство, относящееся, насколько я понимаю, к категории «претеритных рекордиумов» Уларта. Он его получает, в связи с чем список Риальто можно

отложить вместе со списком Гильгада. Пердастин, Барбаникос, Ао Опалоносец и я выразили желание получить в свое распоряжение «шлем шестидесяти направлений», в связи с чем дальнейшая судьба этого артефакта будет разыграна по жребию. Опустим в горшок четыре фишки…

— На этот раз, — вмешался Пердастин, — пусть служанка зайдет сюда предварительно и закроет ладонью горловину горшка. Мы сбросим фишки в горшок, просунув их между ее пальцами, и таким образом предотвратим искажение законов вероятности.

Ильдефонс надул щеки, поглаживая желтые усы, но Пердастин настоял на своем. Таким же образом разыгрывались и последующие жребии. Через некоторое время настала очередь Риальто выбрать шестой артефакт по своему усмотрению.

— Так что же, Риальто? — спросил Ильдефонс. — Каков ваш выбор?

Риальто едва заставил себя говорить — от возмущения у него перехватило дыхание.

— В качестве возмещения за потерю семнадцати породистых гарпий и уникального указательного столба, сохранившегося на протяжении десяти тысяч лет, я должен быть удовлетворен

этим пакетиком «отупляющего порошка»?

Ильдефонс примирительно сказал:

— Человеческие взаимодействия, стимулируемые неравенством возможностей, никогда не позволяют достигнуть полного равновесия. Даже в рамках самой взаимовыгодной сделки одна из сторон — независимо от того, сознаёт она это или нет, — в конечном счете что-то проигрывает.

— Мне это хорошо известно, — слегка успокоившись, отозвался Риальто. — Тем не менее…

Зилифант удивленно воскликнул:

— Смотрите! — он указывал на полку огромного камина, где, едва заметный среди завитков роскошной каменной резьбы, висел липовый листок. Ильдефонс взял его дрожащими пальцами. На нем было написано серебряными буквами:

МОРРЕЙОН ЖИВЕТ ВО СНЕ.

НИЧТО НЕИЗБЕЖНО!

— Я уже ничего не понимаю, — пробормотал Хуртианц. — Ксексамедес настойчиво заверяет нас в том, что Моррейон жив-здоров? Загадочная настойчивость!

— При этом необходимо учитывать, — заметил осторожный Проказник, — что перебежчик Ксексамедес — всеобщий враг.

Эрарк Предвестник поднял указательный па-

лец с ногтем, покрытым черной эмалью:

— Я всегда анализирую проблематичные утверждения, формулируя обратное. Следуя этому правилу, первое сообщение, «НИЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ», можно преобразовать следующим образом: «НЕЧТО УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ» или «НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ МОРРЕЙОНУ».

— Словоблудие, буквоедство! — проворчал практичный Хуртианц.

— Нет уж, подождите! — вмешался Зилифант. — Анализ Эрарка исключительно глубок! «НИЧТО» в данном случае можно истолковать как ссылку на смерть — своего рода стилистический прием, если хотите.

— Не помню, чтобы Ксексамедес слыл выдающимся стилистом или любителем иносказаний! — саркастически вспылил Хуртианц. — Так же как я, он не стал бы, имея в виду «смерть», ходить вокруг да около.

— Вы совершенно правы! — воскликнул Эрарк. — Именно поэтому я спрашиваю себя: какое «Ничто» могло бы угрожать Моррейону? Шрю, что такое Ничто и где оно?

Шрю пожал тощими плечами:

— В демонических мирах такое понятие не встречается.

— Вермулиан! Вы блуждали в мирах, недоступных обычному воображению. Что есть Ничто и где оно находится?

Лунатик Вермулиан тоже признался в неведении:

— Мне никогда не попадалось Ничто.

— Маг Мьюн? Что такое Ничто, где его можно найти?

— Где-то оно есть, — задумчиво сказал Маг Мьюн. — Я видел ссылку на Ничто, но не могу припомнить, в каких обстоятельствах.

— Ссылка! Это чрезвычайно важно! — заявил Эрарк. — Ильдефонс, будьте добры, загляните в «Большой глоссарий».

Ильдефонс снял с полки огромный том и раскрыл его широкие страницы.

— Ничто… Имеются различные тематические ссылки… Метафизическое описание… Местонахождение? «Ничто — несуществующая область пространства за границами Вселенной».

Хуртианц предложил:

— Раз уж мы этим занялись, почему бы не посмотреть, что говорится в «Глоссарии» о Моррейоне?

Не проявляя особого энтузиазма, Ильдефонс нашел соответствующую статью и прочел:

— «Моррейон — легендарный герой двадцать первого эона, победивший архивёльтов и изгнавший их, объятых ужасом, на Музорг, после чего архивёльты сумели перенести его так далеко, как способно простираться воображение, в сияющие поля, где добываются звездоцветы. Соратники Моррейона, поклявшиеся его защищать, предпочли забыть о нем, и с тех пор о нем ничего не известно». — Ильдефонс прибавил от себя: — Предубежденное и ошибочное изложение фактов, но тем не менее любопытное.

Лунатик Вермулиан поднялся на ноги:

— В любом случае я собирался отправиться в дальние странствия, пользуясь своим дворцом. Возможно, по пути мне представится возможность найти Моррейона.

Гильгад хрипло застонал от раздражения и обиды:

— Вы подумываете о том, чтобы добраться до «сияющих полей» и набить карманы звездоцветами, но это право принадлежит мне, а не вам!

Вермулиан, высокий худощавый человек с бледным непроницаемым лицом, чем-то напоминавшим лоснящуюся морду тюленя, заявил:

— Моя цель — только в том, чтобы вызволить героя Моррейона. Если мне и удастся добыть ка-

кие-то звездоцветы, то исключительно в качестве побочного эффекта.

— Хорошо сказано! — похвалил Ильдефонс. — Но ваши труды скорее приведут к желаемому результату, если вам окажут помощь достойные доверия коллеги — по меньшей мере я не откажусь составить вам компанию.

— Совершенно верно! — откликнулся Риальто. — Кроме того, еще один спутник, известный своей находчивостью, может оказаться незаменимым в опасной ситуации. Мне придется разделить с вами тяготы поисков, иначе я не смогу сохранить самоуважение.

Хуртианц провозгласил со свойственной ему прямотой:

— Я еще никогда не отступал перед трудностями! Можете на меня положиться.

— Вы не сможете обойтись без Некропа, — вмешался Бизант. — Мне придется вас сопровождать.

Вермулиан возражал, ссылаясь на то, что предпочитает странствовать в одиночку, но никто его не слушал. В конце концов Вермулиан сдался, хотя его обычно безмятежное лицо обиженно вытянулось.

— Я отправлюсь в путь безотлагательно. Если

вы не прибудете ко мне во дворец в течение часа, мне придется заключить, что вы решили остаться.

— Послушайте, куда вы торопитесь? — укоризненно спросил Ильдефонс. — Мне понадобятся три с половиной часа только для того, чтобы проинструктировать персонал! Дайте нам больше времени.

— В сообщении говорится: «Ничто неизбежно», — напомнил Вермулиан. — Терять время нельзя.

— Это выражение следует толковать, исходя из контекста, — настаивал Ильдефонс. — Известно, что Моррейон находится в нынешнем положении уже в течение десятков тысяч лет; под «неизбежностью» в данном случае может подразумеваться период протяженностью в пятьсот лет.

Вермулиан неохотно согласился отложить начало своего странствия до следующего утра.

5

Древнее Солнце зашло за холмы над Скаумом; тонкая пелена черных туч перечеркнула красновато-коричневую вечернюю зарю. Риальто прибыл к наружным воротам своего владения, подал знак и спокойно ждал отмены «Пограничн-

ного заклятия».

В усадьбе никто не ответил на его сигнал.

Нетерпеливо топнув ногой, Риальто снова подал знак. Откуда-то из близкого Случайного леса, из-под раскидистых кангов, послышались стоны вурдалака — у Риальто невольно встали дыбом волосы на шее. Он еще раз испустил лучи света, пошевелив пальцами. Куда запропастился Пюирас? В сумерках крыша усадьбы, выложенная черепицей из белого нефрита, казалась бледной тенью. В доме не зажигались огни. В лесу снова застонал вурдалак, горько жалуясь на голод и одиночество. Риальто подобрал ветку и проверил магическую завесу — заклятия не было, усадьбу ничто не охраняло.

Отбросив ветку, Риальто раздраженно зашел в усадьбу. По-видимому, все было в порядке, но Пюирас не появлялся. Если даже он занимался очисткой пола в вестибюле, результаты его усилий не давали о себе знать. Неодобрительно покачав головой, Риальто решил проверить, как продвигалась работа минускулов, ремонтировавших древний придорожный указатель. Бригадир вылетел ему навстречу на комаре, чтобы представить отчет: по его словам, Пюирас пренебрег обязанностями и не подал им ничего на ужин.

Риальто занялся этим сам и, чтобы как-то возместить оплошность служителя, добавил к паштету из дроздов половину унции студня из заливного угря.

Риальто налил себе полстаканчика «Голубого пожара», присел за стол и стал рассматривать переплетение бронзовых трубок, доставшееся ему в Бумергарте, — так называемый претеритный рекордиум. Он пытался проследить изгибы и соединения трубок, но они скручивались и перекрещивались настолько сложным лабиринтом, что беглый осмотр не позволял разобраться в конструкции. Риальто осторожно нажал на один из клапанов — из раструба послышался тихий, но резкий шипящий звук. Риальто прикоснулся к другому клапану, и на этот раз услышал далекое сбивчивое, неразборчивое гортанное пение. Пение доносилось не из раструба рекордиума, а с дорожки, ведущей к усадьбе, и уже через несколько секунд Пюирас ввалился из вестибюля в гостиную. Увидев Риальто, служитель расплылся в дурацкой ухмылке и, пошатываясь, направился к своей комнате.

Риальто резко позвал его:

— Пюирас!

Служитель неуклюже развернулся на месте:

— Чего?

— Ты слишком много выпил — и теперь ты пьян.

Пюирас хитро подмигнул:

— Вы очень наблюдательны и сумели определить положение вещей с безукоризненной краткостью и точностью. В связи с чем я не рассматриваю ваше замечание как оскорбительный намек.

— Мне не нужны услуги безответственного пьяницы, — сказал Риальто. — Ты уволен.

— Нет уж, не выйдет! — хрипло возмутился Пюирас, сопроводив слова громкой отрыжкой. — Мне говорили, что у вас можно неплохо устроиться, если красть не больше, чем крал старый Фанк, и превозносить до небес ваши благородные манеры. Что вам не нравится? Сегодня я не так уж много украл, а отсутствие ругани с моей стороны — лучшая похвала. Так что мне нравится у вас работать, коль скоро я могу прогуляться в деревню и выпить, как полагается уважающему себя человеку.

— Пюирас, ты наклюкался до того, что потерял всякое уважение к себе. — Риальто поморщился: — На тебя смотреть противно.

— Это никак нельзя назвать комплимен-

том! — взревел Пюирас. — Не каждый может себе позволить оставаться вечно молодым и одеваться с иголочки, изобретая наряды одним мановением руки!

Риальто яростно вскочил из-за стола:

— Довольно! Убирайся в спальню, пока я не сотворил тебе заворот кишок!

— А я туда и шел, пока вы меня не позвали, — угрюмо пробурчал Пюирас.

Риальто решил, что с его стороны было бы недостойно продолжать перепалку с пьяным мужланом. Едва держась на ногах и хватаясь за стены, Пюирас удалился, что-то бормоча себе под нос.

6

Когда чудесный странствующий дворец Вермулиана, со всеми его лоджиями, ухоженным парком и павильоном перед парадным входом, покоился на земле, он занимал восьмиугольный участок площадью больше гектара. В плане дворец как таковой представлял собой четырехконечную звезду с хрустальным шпилем на конце каждого луча и с еще одним шпилем, повыше, в центральной части, где находились личные апартаменты Вермулиана. Входной павильон

окружала мраморная балюстрада. Посреди высокого павильона искрились сотни белоснежных струй роскошного фонтана, окруженного лимонными деревьями с серебряными соцветиями и серебряными плодами. По обеим сторонам дворца были устроены просторные квадратные газоны с аккуратно подстриженными кустами причудливых форм, а за дворцом зеленел огород, где выращивались свежие травы и овощи для кухни волшебника.

Гости Вермулиана занимали номера в «лучевых» флигелях, а под центральным шпилем находились различные салоны, утренняя и вечерняя студии, библиотека, музыкальный зал, парадная столовая и гостиная с баром.

Через час после рассвета начали прибывать чародеи — Гильгад явился первым, а Ильдефонс — последним. К Вермулиану уже вернулось его обычное душевное равновесие — он приветствовал каждого из гостей с дружелюбием, не выходившим, однако, за рамки профессиональной сдержанности. Познакомившись с обстановкой отведенных им номеров, чародеи собрались в большом салоне. Вермулиан обратился к ним:

— Для меня большая честь принимать столь выдающуюся группу специалистов! Наша цель

— спасение древнего героя, Моррейона! Все присутствующие — опытные мастера своего дела. Но понимаете ли вы, что нам придется посетить самые далекие пространства? — Вермулиан помолчал, переводя безмятежный взгляд с одного лица на другое. — Готовы ли вы к тяготам, неудобствам, опасностям? Мы вполне можем столкнуться с такими препятствиями. Если у вас есть сомнения по этому поводу или если вы преследуете цели, не связанные непосредственно с нашей основной задачей (например, если вас в первую очередь интересуют поиски звездоцветов), настоятельно рекомендую вам вернуться в свои соответствующие усадьбы, замки, пещеры и кельи. Все готовы отправиться в странствие? Хорошо! В таком случае — в путь!

Вермулиан поклонился гостям, теперь чувствовавшим себя не очень удобно. Взойдя по ступеням в бельведер управления, волшебник облек дворец «Заклятием левитации», и все сооружение воспарило на крыльях утреннего ветерка, как облако с пятью остроконечными шпилями. Вермулиан сверился с «Небесным альманахом» и записал последовательность символов, после чего нанес эти символы на обод навигационного колеса, вырезанного из красноватого сердолика, и рас-

крутил колесо. Символы соскользнули с обода, подхваченные межпространственным потоком, и тем самым обозначили маршрут перемещения по Вселенной. Вермулиан зажег тонкую свечу и поднес ее к кадильнице ускорителя — дворец устремился в даль, оставив позади древнюю Землю и ее гаснущее светило.

Риальто стоял у мраморной балюстрады. Ильдефонс присоединился к нему; некоторое время оба наблюдали за тем, как уменьшался бледно-розовый полумесяц Земли. Ильдефонс меланхолически произнес:

— Отправляясь в такое странствие, когда будущее непредсказуемо, сами по себе приходят в голову неутешительные мысли. Надеюсь, вы успели привести в порядок свои дела?

— Нельзя сказать, что у меня в усадьбе все в порядке, — ответил Риальто. — Пюирас не справляется с обязанностями. Напиваясь, он горланит кабацкие песни и дурачится самым непозволительным образом, а в трезвом состоянии становится мрачным и неподатливым, как пиявка на трупе. Сегодня утром я понизил его в должности — теперь он трудится в бригаде минускулов.

Ильдефонс рассеянно кивнул.

— Меня беспокоит очевидное намерение наших коллег — при всем моем уважении к ним — воспользоваться поисками Моррейона в качестве предлога для личного обогащения.

— Вы имеете в виду «сияющие поля», усеянные звездоцветами? — осторожно поинтересовался Риальто.

— Вот именно. Как предупредил в самых категорических выражениях Лунатик Вермулиан, наша цель заключается в спасении Моррейона. Звездоцветы могут только отвлечь нас от осуществления этого проекта. Даже если мы обнаружим залежь звездоцветов, подозреваю, что всем заинтересованным лицам будет полезно предусмотреть в высшей степени избирательный процесс распределения драгоценностей, невзирая на бесконечные жалобы корыстного Гильгада.

— В пользу вашей точки зрения можно выдвинуть множество аргументов, — признал Риальто. — Достижение предварительного взаимопонимания имеет большое значение для решения такого чреватого противоречиями и конфликтами вопроса. Вермулиану, разумеется, причитается справедливая доля.

— Само собой.

Тем временем Вермулиан спустился в павильон, где его окружили Маг Мьюн, Хуртианц и другие. Мьюн поднял вопрос о пункте назначения:

— Определение пределов начинает играть важную роль. Каким образом, Вермулиан, вы знаете, что направление нашего перемещения приведет нас к Моррейону?

— Хорошо сформулированный вопрос! — отозвался Вермулиан. — Для того чтобы на него ответить, мне придется указать на изначально свойственную Вселенной характеристику. Мы можем лететь в любом направлении, которое кажется более или менее удобным, но каждое из направлений приведет нас в одно и то же место, а именно — к концу Вселенной.

— Любопытно! — воскликнул Зилифант. — В таком случае мы неизбежно должны найти Моррейона. Такая перспектива внушает оптимизм!

Гильгад не был полностью удовлетворен:

— А как насчет «сияющих полей», упомянутых в «Глоссарии»? Где они находятся?

— Это имеет лишь вторичное (даже третичное) значение, — напомнил ему Ильдефонс. — Наши помыслы должны быть сосредоточены на спасении Моррейона.

— Ваша озабоченность судьбой героя опоздала на несколько эонов, — ядовито заметил Гильгад. — Вполне возможно, что Моррейон давно потерял терпение.

— Его своевременному избавлению помешали другие обстоятельства, — раздраженно нахмурившись, возразил Ильдефонс. — Не сомневаюсь, что Моррейон поймет причины, по которым ситуация сложилась таким образом.

— Поведение Ксексамедеса, однако, становится все более необъяснимым! — вмешался Зилифант. — В качестве архивёльта-перебежчика у него нет очевидных оснований делать одолжение Моррейону, другим архивёльтам или ассоциации чародеев.

— В свое время тайное станет явным, — изрек предсказание Эрарк Предвестник.

7

Странствие продолжалось. Дворец бесшумно летел среди звезд, под облаками пылающего газа и над ними, в пучинах глубокого черного космоса. Чародеи медитировали в беседках, обменивались мнениями, сидя в салонах с бокалами изысканных настоек в руках, отдыхали на мраморных скамьях в павильоне или, облокотившись на

балюстраду, смотрели на проплывающие мимо галактики. Завтрак чародеям подавали в индивидуальных номерах, обедали они, как правило, на свежем воздухе под прозрачным куполом павильона, а роскошный ужин продолжался, в самой торжественной обстановке, до глубокой ночи. Для того чтобы оживить эти долгие вечера, Вермулиан вызывал самых очаровательных, остроумных и прекрасных женщин давно прошедших эпох, в причудливых великолепных нарядах. Они находили странствующий дворец не менее достопримечательным, нежели факт их собственного пребывания в нем. Одни считали, что видят сон, другие предполагали, что они умерли и уже находятся на том свете, а некоторые, самые развитые в умственном отношении, высказывали гипотезы, близкие к действительности. Стремясь облегчить их общение с гостями, Вермулиан наделял их способностью говорить на современном чародеям языке, и вечернее застолье нередко становилось шумным и веселым.

Риальто обворожила некая Мерсеи из страны Мифф, давно погрузившейся в воды Шаньского океана. Мерсеи привлекала к себе изяществом грациозной фигуры и серьезным бледным лицом, позволявшим чувствовать, но не читать,

ее мысли. Риальто обрушил на нее весь арсенал своих галантных манер, но она не реагировала и только смотрела на него, сохраняя безразличное молчание, пока Риальто не стал подозревать, что она была либо туповата, либо гораздо проницательнее его самого. Обе возможности заставляли его ощущать неудобство, и он не слишком сожалел о ней, когда Вермулиан отправил восвояси очередную группу приглашенных дам.

Дворец мчался сквозь созвездия и облака космической пыли, мимо пламенеющих спиралей галактик и вьющихся звездных потоков, сквозь необычную область космоса, где звезды мерцали с мягко-фиолетовым отливом в облаках бледно-зеленого газа, а затем — в пустоте, где ничего не было, кроме редких и далеких светящихся туманностей. Через некоторое время они оказались в новом секторе, где вокруг ослепительно-белых гигантских светил плавали вихри розового, голубого и белого газа; чародеи выстроились вдоль балюстрады, любуясь этим редким зрелищем.

Наконец звезды поредели, их казавшиеся бесконечными потоки потускнели в невообразимых далях. Космос теперь казался темнее и тяжелее, и наступил момент, когда все звезды остались позади, а впереди не было ничего, кроме тьмы.

Вермулиан торжественно объявил:

— Мы приближаемся к концу Вселенной! Необходимо сохранять бдительность: впереди — Ничто!

— И где же Моррейон? — недовольно спросил Хуртианц. — Не блуждает же он в вечно холодном кромешном мраке?

— Пространство еще недостаточно опустело, — возразил Вермулиан. — То и дело встречаются погасшие звезды и разлетевшиеся в случайных направлениях остатки взорвавшихся звезд. Если можно так выразиться, мы пересекаем свалку Вселенной, где погибшие звезды ожидают скончания веков. Кроме того, извольте заметить, что далеко впереди горит одинокая звезда, последняя во Вселенной. Приближаться к ней следует с осторожностью — за ней начинается Ничто!

— Пока что Ничто невозможно заметить, — сказал Ао Опалоносец.

— Взгляните внимательнее! — посоветовал Вермулиан. — Видите непроницаемо черную стену, преградившую нам путь? Это и есть Ничто.

— Опять же, возникает вопрос, — нахмурился Пердастин, — где Моррейон? Когда мы строили предположения в Бумергарте, возникало впечатление, что конец Вселенной — некое

определенное место. А теперь мы здесь, но перед нами, по-видимому, все еще бесконечный выбор направлений.

Гильгад пробормотал, словно разговаривая сам с собой:

— Вся эта экспедиция — бессмысленная клоунада. Не вижу никаких «полей» — ни сияющих, ни каких-либо других.

— Судя по всему, подходящим первоначальным предметом изучения является одинокая последняя звезда, — размышлял Вермулиан. — Мы слишком быстро к ней приближаемся; нужно охладить кадильницу ускорителя.

Чародеи стояли у балюстрады, глядя на единственную звезду, становившуюся все ярче. Поднявшийся в бельведер Вермулиан громко сообщил, что вокруг этого светила обращалась одна планета.

— Вполне возможно, — заметил Маг Мьюн, — что именно на этой планете мы найдем Моррейона.

8

Дворец занял орбиту вокруг одинокой звезды; теперь ее единственная планета выглядела как диск оттенка крыльев ночной бабочки. Дальше,

поперек всего сущего, вырастала зловещая черная стена. Хуртианц сказал:

— Предупреждение Ксексамедеса становится понятным — допуская, конечно, что Моррейон обитает на этой унылой, заброшенной планете.

Последний мир Вселенной постепенно увеличивался — действительно, его поверхность, открывшаяся взорам чародеев, выглядела безрадостной и бесплодной. Над равнинами поднимались редкие, почти стертые эрозией холмы; в солнечных лучах тускло блестели столь же редкие водоемы. Привлекавшими внимание ориентирами служили только развалины некогда многонаселенных городов; некоторые здания — приземистые, с причудливо искривленными очертаниями — все еще упрямо выдерживали давление времени.

Странствующий дворец приземлился неподалеку от таких развалин; при этом бросилась врассыпную стайка небольших пронырливых грызунов — других признаков жизни заметно не было. Дворец снова поднялся в воздух и направился на запад, совершая облет планеты. Через некоторое время Вермулиан, стоявший в бельведере управления, сообщил спутникам:

— Обратите внимание на эту каменную пира-

мидку — она осталась от древней дороги.

Разделенные промежутками длиной примерно пять километров, встречались и другие пирамидки — двухметровой высоты, сложенные из тщательно подогнанных каменных блоков, они, судя по всему, отмечали путь вокруг планеты.

Завидев следующее скопление развалин, Вермулиан, заметивший ровный участок, осторожно опустил на него дворец, чтобы можно было изучить древний город и, в частности, группу все еще не обрушившихся зданий.

Чародеи разошлись кто куда — каждый приступил к исследованиям согласно своим предпочтениям. Гильгад вышел на безлюдную площадь, Пердастин и Зилифант направились к зрелищному амфитеатру, Хуртианц углубился в ближайший лабиринт рассыпавшихся блоков песчаника. Ильдефонс, Риальто, Маг Мьюн и Эрарк Предвестник бесцельно бродили — пока все они не застыли как вкопанные, услышав неожиданное в полной тишине громкое хриплое пение.

— Странно! — воскликнул Эрарк. — Кажется, это голос Хуртианца, вполне достойного человека, не подверженного внезапным приступам беспричинного веселья!

Чародеи прошествовали по узкому проходу среди развалин в обширное помещение, защищенное от песчаных наносов огромными глыбами скальной породы. Свет просачивался сюда через многочисленные прорехи и отверстия; посередине этого зала тянулась вереница из шести длинных каменных скамей. В дальнем конце помещения на скамье сидел Хуртианц, невозмутимо наблюдавший за приближением других чародеев. Перед ним стоял сферический предмет из темно-коричневого стекла или глазурованного камня. За ним на нескольких полках стояли другие подобные сосуды.

— Похоже, — заметил Ильдефонс, — Хуртианц нашел древнюю таверну.

— Хуртианц! — позвал Риальто. — Мы услышали, как вы поете, и пришли, чтобы узнать, что тут происходит. Что вам удалось найти?

Хуртианц отхаркался и сплюнул на землю.

— Хуртианц! — повторил Риальто. — Вы меня слышите? Или вы уже ничего не соображаете, нализавшись древнего зелья?

Хуртианц отчетливо ответил:

— В каком-то смысле я выпил слишком много, но, с другой стороны, еще недостаточно.

Маг Мьюн взял пузатую бутыль из коричневого

стекла и понюхал ее содержимое.

— Пахнет терпкими, вяжущими травами. — Он попробовал жидкость и заметил: — Очень неплохо, освежает!

Ильдефонс и Эрарк Предвестник взяли с полки по бутыли и вскрыли их запломбированные горлышки; Риальто и Маг Мьюн последовали их примеру.

Ильдефонс пил и становился словоохотливым и уже через некоторое время принялся излагать гипотезы, относившиеся к древнему городу:

— Так же, как по одной кости опытный палеонтолог может определить, как выглядел весь скелет, знаток истории на примере одного артефакта может угадать различные аспекты породившей этот артефакт цивилизации. Пробуя этот напиток и разглядывая содержащую его бутыль, я спрашиваю себя: «О чем говорят размеры, формы, текстура материала, его расцветка, вкус жидкости?» Любое действие разумного существа несет в себе символический смысл.

Подвыпивший Хуртианц становился угрюмым и ворчливым. Теперь он безапелляционно заявил:

— Все это не имеет почти никакого значения!

Ильдефонса это замечание нисколько не сму-

тило.

— В этом отношении прагматичный Хуртианц и я, человек с широким взглядом на вещи, расходимся во мнениях. Я собирался развить свою мысль и все еще намерен это сделать, стимулируемый этим эликсиром вымершей расы. Таким образом, я допускаю, по аналогии с упомянутыми раньше примерами, что естествоиспытатель, изучающий один-единственный атом, может с уверенностью судить о структуре и происхождении всей Вселенной!

— Чепуха, — пробормотал Хуртианц. — Руководствуясь тем же ошибочным логическим построением, можно было бы утверждать, что разумному человеку достаточно услышать от собеседника, отъявленного болтуна и лжеца, одно слово, чтобы угадать содержание всего последующего безосновательного измышления.

Погруженный в размышления о гипотезах, Ильдефонс игнорировал Хуртианца. Эрарк воспользовался случаем заявить, что, по его мнению, для понимания сущности цивилизации требовалось изучение как минимум двух или, еще лучше, трех объектов, относящихся к различным качественным категориям.

— Например, в математике последовательность

функционального ряда невозможно определить, если неизвестны как минимум три составляющие.

— Охотно предоставлю ученому возможность изучить три атома, — уступил Ильдефонс, — хотя, строго говоря, даже двух было бы более чем достаточно.

Поднявшись со скамьи, Риальто отошел в сторону, чтобы заглянуть в почти заваленное каменными обломками отверстие в стене, и обнаружил коридор, спускавшийся под землю широкими ступенями. Сотворив яркий источник света, плывущий перед ним по воздуху, он стал спускаться по ступеням. Коридор повернул в одну сторону, потом в другую, после чего вывел его в большой зал, выложенный коричневыми каменными плитами. В стенах зала были устроены многочисленные ниши двухметровой длины, полуметровой высоты и метровой глубины; заглянув в одну из ниш, Риальто увидел в ней скелет исключительно любопытного устройства — настолько хрупкий, однако, что, как только Риальто на него взглянул, скелет рассыпался в прах.

Риальто задумчиво почесал подбородок. Заглянув в следующую нишу, он обнаружил похожий

скелет. Отступив на пару шагов и поразмышляв несколько секунд, он стал возвращаться, поднимаясь по ступеням коридора. По мере его приближения к древней таверне голос Ильдефонса звучал все громче:

— …Таким же образом следует рассматривать вопрос: «Почему Вселенная кончается здесь, а не на полтора километра дальше?» В любом вопросе слово «почему» — самое неуместное. Оно наводит на ответ, позволяет изначально допустить значительную часть ответа, внушает безосновательную уверенность в том, что осмысленный ответ существует.

Ильдефонс прервался, чтобы приложиться к бутыли, и Риальто воспользовался этой возможностью, чтобы сообщить о своих находках в подземном зале.

— По всей видимости, это склеп, — предположил Риальто. — В стенах устроены многочисленные ниши, и в каждой из них содержится почти истлевший скелет, распадающийся в прах при малейшем дуновении воздуха.

— В самом деле? — пробормотал Хуртианц. Приподняв бутыль из коричневого стекла, он тут же ее опустил.

— Возможно, мы ошиблись, когда приняли это

место за таверну, — продолжал Риальто. — Жидкость в этих бутылях, скорее всего, не предназначена в качестве опьяняющего напитка — ее использовали для бальзамирования мертвецов.

Ильдефонса не так-то просто было отвлечь.

— И теперь я предлагаю обсудить фундаментальную, элементарную истину: что есть «ЕСТЬ»? Именно в этом заключается основная проблема магии. Чародей не спрашивает «Почему?», чародей спрашивает «Как?». Вопрос «Почему?» заводит в смехотворный тупик. Каждый ответ на него заставляет задавать еще один вопрос следующим образом.

Вопрос: «Почему Риальто носит черную шляпу с золотыми кисточками и плюмажем из красных перьев?»

Ответ: «Потому что он желает хорошо выглядеть».

Вопрос: «Почему Риальто желает хорошо выглядеть?»

Ответ: «Потому что он стремится вызывать восхищение и зависть у коллег».

Вопрос: «Почему он стремится вызывать восхищение?»

Ответ: «Потому что, будучи человеком, он — животное, движимое социальными инстинктами».

Вопрос: «Почему человек — животное, движимое социальными инстинктами?»

И так далее — вопрос порождается каждым ответом, до бесконечности. Поэтому…

Охваченный страстным порывом, Хуртианц вскочил на ноги. Размахнувшись, он швырнул коричневую бутыль на пол и разбил ее вдребезги.

— С меня довольно невыносимой бессмысленной болтовни! Подобное недержание речи выходит за рамки зловредности — это порок, разврат, заразная болезнь!

— Деликатный вопрос, — спокойно заметил Эрарк. — Что вы можете сказать по этому поводу, Ильдефонс?

— Хуртианца следовало бы наказать за грубость, — заявил Ильдефонс. — Но он уже притворяется безмозглой пьяной свиньей, чтобы избежать моего гнева.

— Ложь, наглая ложь! — взревел Хуртианц. — Ничего я не притворяюсь!

Ильдефонс пожал плечами:

— При всех его недостатках в том, что касается полемики и магии, по меньшей мере откровенности Хуртианцу не занимать.

Хуртианц сдержал ярость и произнес:

— Кто может сравниться с вами в словоблу-

дии? В качестве чародея, однако, мои навыки превосходят ваши жалкие потуги настолько же, насколько внешность Риальто Изумительного превосходит вашу немощную дряхлость.

Теперь Ильдефонс разозлился:

— Посмотрим, кто из нас немощен! — Одним взмахом руки он разбросал во всех направлениях окружавшие их массивные каменные блоки — теперь чародеи стояли на обнаженных плитах, озаренные ярким полуденным светом.

— Тривиально! — фыркнул Хуртианц. — Смотрите! — Он поднял обе руки, выпустив из десяти пальцев десять струй яркого дыма различных оттенков.

— Жалкий фокус циркового шарлатана! — заявил Ильдефонс. — Наблюдайте и учитесь! Я произношу одно слово! Крыша! — Сорвавшись с его уст в форме магического символа, слово повисло в воздухе, после чего отлетело в сторону по широкой дуге и закрепилось на крыше одного из все еще не развалившихся причудливых строений. Символ исчез; крыша загорелась ярко-оранжевым огнем и расплавилась, разлетевшись, как брызгами, сотнями символов, подобных тому, который испустил Ильдефонс. Взметнувшись высоко в воздух, символы вдруг

остановились и пропали. Тут же из неба, подобно оглушительному раскату грома, раздался голос Ильдефонса: — КРЫША!

— Подумаешь! — пожал плечами Хуртианц. — Я могу…

— Тише! — вмешался Маг Мьюн. — Прекратите пьяную склоку! Вы что, не видите?

Из сооружения, с которого Ильдефонс сорвал крышу, вышел человек.

9

Человек впечатляющего роста стоял у входа. Длинная седая борода легла ему на грудь, длинные седые волосы росли до плеч, черные глаза блестели. На нем был элегантный кафтан с темно-красными, коричневыми, черными и синими ткаными узорами. Он сделал пару шагов вперед, и теперь стало заметно, что за ним по воздуху тянулось облачко мерцающих драгоценностей. Гильгад, только что вернувшийся с площади, закричал:

— Звездоцветы!

Человек сделал еще несколько шагов. На его лице сохранялось спокойное вопросительное выражение. Ильдефонс пробормотал:

— Это Моррейон! Нет никаких сомнений: его

поза, его рост распознаются безошибочно.

— Да, это Моррейон, — согласился Риальто. — Но почему он так спокоен, как будто еженедельно принимает гостей, уничтожающих крыши у него над головой, и как если бы Ничто угрожало кому-то другому?

— Со временем он мог потерять чувствительность восприятия, — предположил Эрарк. — Как видите, он не подает никаких признаков того, что нас узнал.

Моррейон медленно шел вперед; за ним кружились роем звездоцветы. Чародеи собрались у мраморных ступеней странствующего дворца, чтобы вместе приветствовать его. Вермулиан выступил ему навстречу и поднял руку:

— Здравствуй, Моррейон! Мы прибыли, чтобы избавить тебя от невыносимого одиночества.

Моррейон переводил взгляд с одного лица на другое. Он издал какой-то гортанный звук, затем — нечто вроде хриплого короткого стона, словно испытывая давно запущенные голосовые связки.

Ильдефонс представился:

— Моррейон, старый товарищ! Это я, Ильдефонс! Помнишь, как мы славно проводили время в Каммербранде? Говори же!

— Я слышу, — прохрипел Моррейон, — я гово-

рю. Но я не помню.

Вермулиан пригласил его жестом взойти по мраморной лестнице.

— Заходи во дворец, и мы сразу покинем эту мрачную планету.

Моррейон не сдвинулся с места. Нахмурившись, он напряженно разглядывал лица.

— Ваше летучее жилище приземлилось там, где я сушу пряжу.

Ильдефонс указал на черную стену конца Вселенной — в атмосферной дымке она выглядела как смутная зловещая тень.

— Ничто приближается. Скоро оно поглотит этот мир, и тебя больше не будет. Другими словами, ты погибнешь.

— Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, — отозвался Моррейон. — Прошу меня извинить, мне пора заниматься делами.

— Один вопрос, будьте любезны! — задержал его Гильгад. — Откуда берутся ваши звездоцветы?

Моррейон ответил ему непонимающим взглядом. Наконец он обратил внимание на быстро кружащиеся у него за спиной магические камни. По сравнению с ними те, что хранились в коттедже Ксексамедеса, были вялыми и тусклыми. Эти

танцевали и резвились, полыхая всевозможными цветами. Ближе других вокруг головы Моррейона вращались сиреневые и бледно-зеленые летучие драгоценности — так, словно они считали себя любимыми, самыми привилегированными спутниками волшебника. Чуть дальше перемещались звездоцветы, полыхавшие одновременно розовым и зеленым светом, за ними — гордого чисто-розового оттенка, затем — королевского карминового цвета, красные и синие, а внешнюю орбиту занимали несколько звездоцветов, испускавших интенсивные голубые сполохи.

Пока Моррейон размышлял, чародеи не могли не заметить странное обстоятельство: некоторые из ближайших к голове Моррейона сиреневых звездоцветов потускнели и стали почти такими же, как драгоценности Ксексамедеса.

Моррейон медленно, задумчиво кивнул.

— Любопытно! По всей видимости, я о многом забыл… Я не всегда здесь жил! — удивленно встрепенулся он. — Когда-то было какое-то другое место, я смутно припоминаю… Но это было так давно!

— Ты жил на Земле! — напомнил Вермулиан. — Ты полетишь туда с нами.

Моррейон улыбнулся и покачал головой:

— Я уже собрался отправиться в немаловажное странствие.

— Неужели это необходимо? — спросил Маг Мьюн. — У нас мало времени. Кроме того, если уж на то пошло, мы не хотим, чтобы Ничто поглотило нас вместе с этим миром.

— Мне нужно позаботиться о моих пирамидках, — произнес Моррейон голосом человека, принявшего бесповоротное решение.

На несколько секунд наступило молчание, после чего Ильдефонс поинтересовался:

— Каково назначение этих пирамидок?

Моррейон ответил так, словно объяснял простейшую вещь несмышленому ребенку:

— Они указывают скорейший путь вокруг планеты. Без пирамидок можно было бы заблудиться.

— Но все эти указатели больше не нужны, — возразил Ао Опалоносец. — Ты вернешься с нами на Землю!

Моррейон не смог удержаться от усмешки — упрямая настойчивость посетителей забавляла его.

— Кто в таком случае будет присматривать за моим имуществом? Как я смогу совершать обходы, если мои пирамидки обрушатся? Что я буду

делать, если сломаются мои ткацкие станки? Если остынут мои обжигательные печи, если я заброшу все остальные проекты — кто еще о них позаботится? Они требуют постоянного внимания.

— По меньшей мере зайди во дворец и отужинай с нами, — вкрадчиво предложил Вермулиан.

— С удовольствием! — отозвался Моррейон. Поднявшись по мраморным ступеням и оказавшись в павильоне, он принялся с живым интересом смотреть по сторонам.

— Очаровательно! Мне нужно будет придумать что-нибудь в этом роде на переднем дворе нового особняка.

— На это уже не хватит времени, — сообщил Риальто.

— Времени? — Моррейон повторил это слово так, будто оно было ему незнакомо. Еще один сиреневый звездоцвет потускнел.

— Ах да, время! Но для того чтобы хорошо делать свое дело, нужно много времени. Возьмите, например, эту мантию, — он указал на свой расшитый великолепными узорами кафтан. — Одна только работа на ткацком станке заняла четыре года. А перед этим я десять лет собирал шерсть грызунов. Я строил пирамидки, укладывая каж-

дую по одному камню, и обошел планету столько раз, сколько было камней в каждой пирамидке. С тех пор у меня поубавилась охота к перемене мест, но все же время от времени я делаю обход, чтобы производить ремонт по мере необходимости — ну, и подмечать изменения ландшафта.

Риальто указал на местное солнце:

— Ты понимаешь, что это такое?

Моррейон нахмурился:

— Я называю это солнцем — хотя не помню, откуда взялось это слово.

— Таких солнц очень много, — сказал Риальто. — Вокруг одного из них обращается древний и примечательный мир, в котором ты родился и вырос. Ты не помнишь Землю?

Моррейон с сомнением взглянул на небо.

— Я никогда не видел другие солнца, о которых вы говорите. По ночам здесь темное небо — во всем мире нет никакого света, кроме пламени моих костров. О, это мир безмятежного покоя… Кажется, я припоминаю другие, более тревожные времена. — Последний из сиреневых звездоцветов и некоторые из зеленых поблекли. Глаза Моррейона зажглись любопытством. Он подошел к бассейну, окружавшему центральный фонтан павильона, чтобы лучше рассмотреть плававших

в нем миниатюрных русалок. — Привлекательные создания, гладкие и блестящие! Кто они?

— Это очень хрупкая порода, чисто декоративная. Больше ни на что они не годятся, — объяснил Вермулиан. — Пойдем, Моррейон, камердинер поможет тебе приготовиться к банкету.

— Очень любезно с вашей стороны, — отозвался седой волшебник.

10

Чародеи ожидали гостя в большом салоне.

Каждый составил свое мнение о сложившихся обстоятельствах. Риальто заметил:

— Лучше всего взлететь сейчас и отправиться в обратный путь. Сразу после этого Моррейон встревожится, но когда ему все объяснят, он не сможет не понять неизбежность возвращения.

Осторожный Пердастин возразил:

— Он все еще повелевает сокрушительными магическими силами! Некогда его способности вызывали почтение и трепет. Что, если в приступе раздражения он причинит нам непоправимый ущерб?

Гильгад поддержал Пердастина:

— Все мы видели его звездоцветы. Где он их добыл? Может ли их источник находиться на

этой планете?

— Такой возможностью не следует пренебрегать, — признал Ильдефонс. — Завтра, после того как ему подробно разъяснят неизбежность погружения в Ничто, Моррейон, конечно же, согласится вернуться на Землю без особых сожалений.

Чародеи перешли к обсуждению других аспектов затерянной в конце Вселенной планеты.

Эрарк Предвестник, обладавший способностью к ясновидению, пытался угадать характер расы, от которой остались рассредоточенные по всей планете руины городов, но не добился заметного успеха.

— Они вымерли слишком давно, их влияние почти не чувствуется. Кажется, мне удалось различить существ с тонкими белыми ногами и большими зелеными глазами… Слышу едва заметные, шепчущие звуки их музыки — позвякивание цимбал, переливы колокольчиков на фоне довольно-таки заунывного облигато басовитых труб… Но не ощущаю никакой магии. Сомневаюсь, что они могли бы распознать значение звездоцветов, даже если магические камни существуют на этой планете.

— Откуда еще они могли бы взяться? — наста-

ивал Гильгад.

— Что-то не вижу вокруг никаких «сияющих полей», — заметил Проказник из Снотворной Заводи.

В банкетный зал зашел Моррейон. Его внешность драматически изменилась. Он сбрил длинную седую бороду, а его пышная шевелюра была подстрижена примерно так, как того требовали вкусы последних дней Земли. Вместо великолепного кафтана он надел шелковый костюм оттенка слоновой кости, опоясанный синим кушаком, и пару пунцовых тапочек. Теперь Моррейон выглядел как высокий худощавый человек — наблюдательный, даже бдительный. Блестящие черные глаза оставались главной отличительной чертой его напряженного лица с выступающими скулами и подбородком, широким и высоким лбом, строго поджатым ртом. В нем невозможно было заметить каких-либо признаков апатии или скуки, вызванных бесчисленными тысячелетиями одиночества, он двигался легко и непринужденно, а за ним кружился дрожащий рой испускавших радужные сполохи звездоцветов.

Моррейон приветствовал собравшихся вежливым наклоном головы и сразу обратил внимание

на интерьер салона:

— Величественный, роскошный зал! Но мне придется использовать кварц вместо белоснежного мрамора, и в моем мире редко встречается серебро — саха́ры истощили поверхностные рудники. Когда мне нужен металл, приходится бурить глубокие шахты.

— Вы нашли для себя множество занятий, — заметил Ильдефонс. — А кто были саха́ры?

— Развалины их городов все еще рассыпаны по всей планете. Легкомысленная, безответственная раса — хотя не могу не признать, что их поэтические головоломки меня забавляют.

— Значит, саха́ры еще существуют?

— О нет! С тех пор как они вымерли, прошли тысячелетия. Но от них осталось множество записей, гравированных на бронзе, и я мало-помалу их переводил.

— Длительный и неблагодарный труд, надо полагать! — воскликнул Зилифант. — Как вам удалось решить такую сложную задачу?

— Методом исключения, — объяснил Моррейон. — Я последовательно проверял возможность осмысления надписей посредством замены элементов надписей словами различных вымышленных языков и через некоторое время

выявил соответствие. Как вы справедливо заметили, на это потребовалось много времени. Тем не менее меня часто развлекали хроники саха́ров. Я хотел бы также устроить исполнение их праздничных музыкальных какофоний, но этот проект придется отложить до тех пор, пока я не построю запланированный новый дворец.

Ильдефонс серьезно сказал:

— Моррейон, необходимо разъяснить вам несколько важных вопросов. Вы упомянули о том, что не занимались изучением небес…

— Не особенно, — признал Моррейон. — В небе практически ничего не видно, кроме солнца. Кроме того, иногда, в особо благоприятных условиях, можно различить огромную непроницаемую черную стену.

— Эта черная стена — Ничто, к которому ваш мир бесповоротно приближается. Вести какие-либо дальнейшие работы на этой планете бесполезно.

В черных глазах Моррейона блеснули искорки сомнения и подозрения.

— Вы можете обосновать это заключение?

— Разумеется. По сути дела, мы прибыли с Земли, чтобы вас спасти.

Моррейон нахмурился. Несколько зеленых

звездоцветов за его спиной внезапно потускнели.

— Почему же вас не было так долго?

Ао Опалоносец не сдержал нервный смешок, но тут же прикрыл рот ладонью. Ильдефонс обжег его яростным взглядом.

— Мы лишь недавно получили известия о вашей судьбе, — объяснил Риальто, — после чего тут же убедили Вермулиана привезти нас сюда в его странствующем дворце.

Безмятежная физиономия Вермулиана раздраженно поморщилась.

— Ни в каком убеждении не было необходимости! Я уже отправлялся в экспедицию, когда ко мне присоединились другие. А теперь, с вашего разрешения, я хотел бы обменяться с Моррейоном парой слов наедине.

— Подождите-ка! — вмешался Гильгад. — Я тоже хотел бы знать, откуда берутся звездоцветы.

— Позвольте мне задать этот вопрос во всеуслышание, — решил Ильдефонс. — Моррейон, где вы взяли звездоцветы?

Моррейон обернулся, чтобы взглянуть на роящиеся пламенеющие камни.

— Честно говоря, у меня на этот счет довольно-таки расплывчатые воспоминания. Кажется,

меня окружало огромное сияющее пространство… Но почему вы спрашиваете? Они не приносят никакой особенной пользы. В голове теснятся давно забытые мысли. Кажется, у меня когда-то были враги, а также друзья — друзья, которые меня предали. Как-нибудь придется все это вспомнить.

Ильдефонс заверил его:

— В данный момент вы находитесь среди преданных друзей, чародеев древней Земли. И если не ошибаюсь, благородный Вермулиан собирается устроить самый роскошный пир из всех, на каких нам удалось побывать!

Моррейон печально улыбнулся:

— Вы, наверное, представляете себе, что я тут жил как дикарь. Но это не так! Я изучил кухню саха́ров и усовершенствовал ее! Лишайник, покрывающий здешние равнины, можно приготовить как минимум ста семьюдесятью способами. В торфяной подстилке водятся питательные черви. При всем ее унылом однообразии эта планета богата дарами природы. Если вашим предсказаниям суждено сбыться, мне будет очень жаль ее покинуть.

— Невозможно игнорировать факты, — откликнулся Ильдефонс. — Значит, судя по всему,

звездоцветы происходят из северных просторов этого мира?

— Насколько мне известно, это не так.

— Значит, их источник — где-то на юге?

— Я редко посещал южные края — слой лишайника утончается по мере продвижения на юг, и там водятся только жесткие глисты.

Прозвенел гонг; Вермулиан провел всю компанию в трапезный зал, где на длинном столе сверкали серебряные столовые приборы и хрустальные бокалы. Чародеи расселись под пятью люстрами — в знак почтения к гостю, прожившему в одиночестве несколько эонов, Вермулиан пока что воздержался от приглашения красавиц древности.

Моррейон ел осторожно, пробуя все, что ему подавали, и сравнивая блюда с различными вариантами приготовления лишайника, как правило служившего ему пропитанием.

— Я почти забыл о существовании такой еды, — сказал он наконец. — Смутно припоминаю другие подобные пиршества — это было так давно, так давно… Куда пропали все эти годы? Что было сном, что не было? — По мере того как он размышлял, некоторые розово-зеленые звездоцветы за его спиной заметно потеряли яркость. Моррей-

он вздохнул:

— Мне предстоит многому научиться заново, многое вспомнить. Кое-какие лица вокруг вызывают мимолетные проблески памяти… Я когда-то знал этих людей?

— В свое время вы все вспомните, — заверил его дьяволист Шрю. — А теперь, так как мы убедились в том, что на этой планете невозможно найти звездоцветы…

— Но мы в этом вовсе не убедились! — резко возразил Гильгад. — Их нужно искать, их нужно найти, прилагая все возможные усилия!

— И если мы их найдем, прежде всего должны быть удовлетворены мои требования, — заявил Риальто. — Никому не следует об этом забывать.

Гильгад приблизил свое хищное лицо:

— О чем вы говорите? Чепуха! Ваши требования удовлетворили, когда вам предоставили выбор при распределении имущества архивёльта Ксексамедеса!

Моррейон встрепенулся и обернулся:

— Архивёльт Ксексамедес! Мне знакомо это имя… Где я его слышал? Каким образом? Когда-то я знавал архивёльта Ксексамедеса — кажется, он был моим врагом… А, мысли, мысли! Сколько мыслей копошится в уме! — Все розово-зеленые

звездоцветы Моррейона потускнели. Он застонал, схватившись за голову руками. — Прежде чем вы прилетели, я вел безмятежную жизнь. Вы принесли мне сомнения и неуверенность.

— Сомнения и неуверенность — судьба большинства людей, — изрек Ильдефонс. — Не исключая чародеев. Вы готовы покинуть планету саха́ров?

Моррейон сидел, опустив взор на бокал вина.

— Мне нужно собрать книги. Это все, что я хочу взять с собой.

11

Моррейон показал чародеям свои помещения. Здания, казалось, каким-то чудом пережившие бесконечные века, на самом деле были возведены Моррейоном в стиле архитектуры саха́ров. Он продемонстрировал три ткацких станка: первый — для изготовления тонких тканей из льна и шелка, другой — позволявший вышивать сложные орнаменты и третий — с помощью которого он ткал толстые ковры. В том же сооружении размещались чаны с красильными, выбеливающими и травильными составами. В другом здании находились стеклянный котел и обжигательные печи — в них Моррейон изготовлял керамическую

посуду, лампады и плитку. В соседней кузнице Моррейона можно было заметить, что она использовалась редко.

— Саха́ры практически истощили все рудники планеты. Я добываю металл только тогда, когда он абсолютно необходим.

Моррейон привел группу чародеев в библиотеку, где хранились бронзовые оригиналы письменного наследия саха́ров, а также книги, написанные и проиллюстрированные Моррейоном от руки: энциклопедия естественной истории, сборники размышлений и гипотез, а также описание географии планеты с детальными картами в приложении. Вермулиан приказал своему персоналу перенести эти древности и манускрипты в странствующий дворец.

Моррейон бросил последний взгляд на привычный унылый пейзаж, который успел полюбить. Затем, не говоря ни слова, он направился к дворцу и поднялся по мраморным ступеням. Притихшие и слегка подавленные, чародеи последовали за ним. Вермулиан сразу взошел в бельведер управления и совершил обряды, придававшие дворцу невесомость и ускорение. Дворец воспарил над последней планетой Вселенной.

Ильдефонс испуганно вскрикнул:

— Ничто уже близко — гораздо ближе, чем мы подозревали!

Действительно, черная стена почти надвинулась на последнюю звезду и ее одинокую планету.

— Дальнейшее трудно определить с какой-либо степенью точности, — сказал Ильдефонс. — Нет никаких ориентиров, позволяющих оценить перспективу, но возникает впечатление, что мы улетели как раз вовремя.

— Подождем и посмотрим, — предложил Эрарк. — Моррейон сможет убедиться в судьбе своего мира собственными глазами.

Дворец висел в пространстве — бледный свет обреченного солнца отражался от пяти хрустальных шпилей, отбрасывая длинные тени чародеев, выстроившихся вдоль балюстрады.

Первой встретила Ничто планета саха́ров. Она скользнула по краю загадочной границы всего сущего, после чего, движимая инерцией орбитального движения, примерно четверть планеты отлетела в сторону — напоминающий курган объект с совершенно ровным плоским основанием, позволявшим видеть скрытые ранее в толще слои, области, складки, включения и часть ядра. Одинокое солнце вплотную приблизилось к чер-

ной стене, прикоснулось к ней, превратилось в нечто вроде половины пылающего апельсина на черном зеркале и утонуло в небытии. Странствующий дворец погрузился во мрак.

Стоявший в бельведере Вермулиан нанес символы на обод навигационного колеса, раскрутил колесо, запустив символы в межпространственный поток, после чего поднес пламя двух свечей к кадильнице ускорителя. Дворец поплыл в пространстве обратно к скоплениям звезд.

Моррейон отошел от балюстрады, направился в большой салон, сел и погрузился в глубокие думы.

Через некоторое время к нему приблизился Гильгад:

— Может быть, вы вспомнили, где находится источник звездоцветов?

Моррейон поднялся на ноги и направил твердый взгляд черных глаз на Гильгада — тот отступил на шаг. Розово-зеленые звездоцветы древнего волшебника поблекли, потускнели и многие чисто-розовые.

Лицо Моррейона стало суровым и холодным.

— Я многое вспомнил! Я помню, что мои враги вступили в сговор и предали меня, — но все это смутно, как далекая россыпь еще не различи-

мых по отдельности звезд. Каким-то образом звездоцветы связаны с этим обманом, были его частью. Почему вы проявляете такой острый интерес к звездоцветам? Вы входили в состав кабалы моих врагов? Вы все меня обманули и продолжаете обманывать? Если так, берегитесь! Я человек кроткий — но только пока мне никто не угрожает.

Дьяволист Шрю успокоительно произнес:

— Среди нас нет ваших врагов! Разве мы не увезли вас с планеты саха́ров, чтобы вас не поглотило Ничто? Разве это не доказательство наших наилучших намерений?

Моррейон угрюмо кивнул; тем не менее он больше не производил впечатление человека мягкого и доброжелательного — такого, каким сначала появился перед чародеями на планете саха́ров.

С тем чтобы восстановить прежнюю атмосферу гостеприимного дружелюбия, Вермулиан поспешил в комнату матовых зеркал, где хранил огромную коллекцию красавиц в форме матриц. Каждую из матриц можно было материализовать простой антинегативной магической формулой. Через некоторое время в салон, одна за другой, вступили очаровательные создания прошлого,

которых решил оживить Вермулиан. Каждая из материализованных красавиц переживала воскрешение заново, не вспоминая ничего о своих предшествовавших появлениях во дворце, — каждое посещение было новым, независимо от того, что происходило раньше.

Среди тех, кого Вермулиан вызвал из прошлого, снова была изящная Мерсеи. Она зашла в большой салон, все еще часто моргая от изумления, обычного для возвращенных к жизни, и тут же застыла, чем-то пораженная. Пробежав несколько шагов вперед, она воскликнула:

— Моррейон! Что ты здесь делаешь? Нам сказали, что ты выступил в поход против архивёльтов и что тебя убили! Но, клянусь Священным Лучом, ты здесь, ты цел и невредим!

Моррейон в замешательстве разглядывал молодую женщину. Розовые и красные звездоцветы кружились вокруг его головы.

— Где-то я вас видел. Когда-то мы были знакомы.

— Я — Мерсеи! Разве ты не помнишь? Ты принес мне красную розу в фарфоровой вазе. Куда она делась? Я ее сохранила, она всегда была рядом… Но где я? И где моя роза? Неважно! Я здесь — и ты здесь, со мной!

Ильдефонс пробормотал на ухо Вермулиану:

— Очень неосторожно с вашей стороны! Неужели вы не могли быть предусмотрительнее?

Вермулиан огорченно поджал губы:

— Она жила в самом конце двадцать первого эона, но я ничего подобного не ожидал!

— Предлагаю вам пригласить ее обратно туда, где хранятся ваши матрицы, и сразу же редуцировать ее. Судя по всему, Моррейон переживает период внутренней неустойчивости — ему нужны тишина и покой. Лучше не подвергать его стимуляции, последствия которой непредсказуемы.

Вермулиан подошел к красавице:

— Мерсеи, дорогая моя! Будьте добры, пройдите со мной в соседнее помещение.

С сомнением покосившись на Лунатика, Мерсеи продолжала умолять Моррейона:

— Неужели ты меня не узнаёшь? Происходит что-то странное, я ничего не понимаю — я как будто во сне. Моррейон, мы во сне?

— Пойдемте, Мерсеи! — ласково настаивал Вермулиан. — Нам нужно поговорить.

— Не мешай! — приказал ему Моррейон. — Отойди, чародей! Я когда-то любил это обворожительное существо — в далеком прошлом, в давно

забытые времена.

Девушка потрясенно воскликнула:

— В давно забытые времена? Мы были вместе еще вчера! Я гладила лепестки сладчайшей красной розы, глядя в небо: они послали тебя на Музорг, на планету красной звезды Керкаджу́, что в средоточии созвездия Полярной Гориллы. А теперь ты здесь и я здесь — что это значит?

— Нежелательная, опасная ситуация, — пробормотал себе под нос Ильдефонс. Он поспешно обратился к Моррейону: — Давайте пройдем к балюстраде! Кажется, я заметил звездное скопление, где вполне может находиться колония саха́ров.

Моррейон положил руку на плечо девушки и заглянул ей в лицо:

— Сладчайшая красная роза цветет и будет цвести вечно. Мы среди чародеев — происходят самые странные вещи. — Грозно покосившись в сторону Вермулиана, он снова повернулся к Мерсеи: — А сейчас Лунатик Вермулиан проводит тебя в отведенную тебе комнату.

— Пусть так, Моррейон! Но когда мы увидимся снова? Ты сам не свой — изможденный, постаревший и говоришь так, будто заставляешь себя говорить…

— Ступай, Мерсеи! Мне нужно посоветоваться с Ильдефонсом.

Вермулиан повел девушку обратно к комнате матовых зеркал. У выхода из салона она с сомнением задержалась и обернулась через плечо, но Моррейон повернулся к ней спиной. Мерсеи последовала за Вермулианом. За ними закрылась дверь.

Моррейон вышел под купол павильона, миновал темные лимонные деревья с серебряными плодами и облокотился на балюстраду. В космическом пространстве все еще было очень темно — виднелось лишь несколько блуждающих галактик. Моррейон приложил ладонь ко лбу; розовые звездоцветы и несколько красных потускнели.

Моррейон повернулся лицом к Ильдефонсу и другим чародеям, молча собравшимся в павильоне, и сделал несколько быстрых шагов им навстречу. Звездоцветы, догоняя и перегоняя друг друга, поспешили за ним. Одни еще горели красным пламенем, другие полыхали то синими, то красными сполохами, иные испускали холодное голубое сияние. Остальные бледно поблескивали, как жемчужины. Одна из жемчужин пролетела перед глазами Моррейона — он поймал ее и, на-

хмурившись, рассмотрел повнимательнее, после чего подбросил в воздух. Вращаясь и бросаясь из стороны в сторону, освобожденный звездоцвет на мгновение загорелся прежним сиянием, но быстро потускнел и присоединился к другим подобно смущенному нашкодившему ребенку.

— Память то возвращается, то уходит, — размышлял вслух Моррейон. — Я сам не свой, в уме и в сердце. Лица проплывают перед глазами и пропадают во мгле, вслед за ними вспоминаются другие события. Архивёльты, звездоцветы — я что-то обо всем этом знаю, но многое все еще смутно, все еще затянуто пеленой времени. Мне лучше придержать язык…

— Зачем же? — воскликнул Ао Опалоносец. — Нас всех интересует ваш опыт.

— В высшей степени! — поддакнул Гильгад.

Губы Моррейона растянулись в улыбке — язвительной и суровой и в то же время отчасти меланхолической.

— Хорошо, я расскажу вам эту историю — так, как если бы рассказывал о кошмаре. Судя по всему, меня послали на Музорг с особым поручением. Может быть, чтобы я нашел источник звездоцветов? Может быть. Что-то мне нашептывает, что так оно и было. Вполне возможно. Я

прибыл на Музорг. Хорошо помню все, что там видел. Помню удивительный за́мок, вырезанный из гигантской розовой жемчужины. В этом за́мке я встретился лицом к лицу с архивёльтами. Они боялись меня и пытались избежать этой встречи, но после того, как я разъяснил свои требования, возражений не было. Они согласились отвезти меня туда, где я смогу собрать магические самоцветы, и мы вместе отправились в космос в аппарате, устройство которого я не могу вспомнить. Сначала архивёльты молчали и наблюдали за мной искоса, но затем стали вести себя дружелюбно и даже развеселились. Я никак не мог понять, что их позабавило. Но страха во мне не было. Мне были известны все их магические средства, я держал наготове охранные заклинания и мог мгновенно поразить ими архивёльтов. Так мы летели в космосе, причем архивёльты смеялись и шутили — мне это казалось признаком безумия. Я приказал им перестать. Они тут же послушались и после этого просто сидели молча и смотрели на меня.

Мы прибыли на край Вселенной и спустились на обугленную поверхность мертвого мира. Это было ужасное место! Там мы долго ждали в области пространства, усеянной останками

сгоревших звезд: одни из них уже остыли, другие еще пылали жаром, многие превратились в обугленные сфероиды — такие, как планета, на которой мы приземлились. Возможно, она тоже была погасшей звездой. Время от времени мы замечали останки карликовых звезд — блестящие шары из материи настолько плотной и тяжелой, что одна ее крупица тяжелее земной горы. Я видел сферы не больше десяти-пятнадцати километров в поперечнике, содержавшие такое же количество вещества, какое составляет гигантскую звезду типа Керкаджу́. Архивёльты сообщили мне, что звездоцветы можно найти внутри этих мертвых звезд. «Но как их добывают? — спросил я. — Неужели на блестящей поверхности сверхплотной погасшей звезды можно пробурить шахту?» Архивёльты рассмеялись, издеваясь над моим невежеством; я резко упрекнул их, и они замолчали. Их представителем был Ксексамедес. От него я узнал, что никакая сила, известная человеку или чародею, не может даже нанести царапину на сверхплотную поверхность! Нам оставалось только ждать.

Сравнительно недалеко начиналось Ничто. Нередко вращавшиеся одна вокруг другой мертвые звезды пролетали рядом с великой черной сте-

ной конца Вселенной. Архивёльты внимательно следили за их пертурбациями, указывая то на одну, то на другую потухшую звезду, производя расчеты, раздражаясь и вступая в крикливые споры. Наконец одна из блестящих сфер прикоснулась к стене небытия, и от нее осталась только половина. Кувыркаясь в пространстве, половина погасшей звезды избежала поглощения; архивёльты подлетели к ней в своем экипаже и приземлились на плоской поверхности разреза. Все они высыпали наружу, но при этом тщательно принимали меры предосторожности. На поверхности остывшей звезды человек, не защищенный от силы притяжения, мгновенно становится не более чем едва заметным контуром — даже не пятном. Поэтому мы передвигались по разрезу звезды на салазках из материала, непроницаемого для гравитации.

Там открывался невероятный вид! Ничто создало безукоризненно отполированную поверхность. Зеркальная равнина простиралась примерно на двадцать километров, и ее однородность нарушалась только редкими черными вкраплениями в самом центре. Именно там, в гнездах черной пыли, можно найти звездоцветы.

Добыча звездоцветов — трудное дело. Черная

пыль, так же как салазки архивёльтов, отличается антигравитационными свойствами. Находясь посреди этой пыли, можно было безопасно сойти с салазок, но для этого требовался еще один особый трюк. В то время как пыль отражает притяжение находящегося под ней звездного вещества, другие небесные тела продолжают притягивать, поэтому архивёльты ввинчивают в пыль небольшие зазубренные крючки и привязывают себя к ним шнуром, закрепленным на поясе. Я тоже так сделал. Пыль прощупывается особым инструментом — исключительно трудоемкое занятие! Звездная пыль плотно утрамбована. Тем не менее я энергично принялся за работу и через некоторое время нашел первый звездоцвет. Я торжествующе поднял его над головой — но где были архивёльты? Они обвели меня вокруг пальца, они вернулись к своему экипажу! Я пытался найти салазки, но их тоже не было! Архивёльты их потихоньку стащили, пока я пыхтел, прощупывая черную пыль.

У меня опустились плечи, я боролся с отчаянием. Я напустил на предателей страшное заклинание, но вокруг них вращались только что найденные звездоцветы, впитавшие мою магию, как губка впитывает воду.

Без дальнейших слов (даже без каких-либо признаков ликования — настолько они меня презирали) архивёльты забрались в экипаж и улетели. Они были совершенно уверены в том, что на этом космическом кладбище, граничащем с небытием, мне суждено было остаться навсегда.

Пока Моррейон говорил, поблекли его красные звездоцветы — теперь в его голосе звучала страстность, прежде незаметная.

— Я стоял один посреди зеркальной равнины разреза потухшей звезды, — хрипловатым голосом продолжал Моррейон. — Защищенный «Заклятием неистощимой бодрости», я не мог умереть, но не мог и отойти ни на шаг, ни на миллиметр за пределы впадины, заполненной черной пылью, если не хотел превратиться в не более чем бледный отпечаток на поверхности сияющего поля.

Я неподвижно стоял. Как долго? Не могу сказать. Годы? Десятилетия? Не помню. Теперь мне кажется, что я пребывал в состоянии ошеломленного отупения. Но я перебирал в уме любые (малейшие!) возможности избавления, и отчаяние придавало мне отвагу. Я продолжал искать звездоцветы и нашел те, что охраняют меня по

сей день. Они стали моими друзьями, они меня утешают.

Я поставил перед собой новую задачу — и если бы не обезумел от отчаяния, никогда не решился бы на это. Подбирая крупицы черной пыли и смачивая их своей кровью, я изготовил пасту, а из этой пасты слепил толстую круглую подстилку диаметром чуть больше метра.

Закончив работу, я вступил на подстилку и закрепился на ней зазубренными крючками — притяжение небесных тел стало поднимать меня над поверхностью половины звезды.

Я освободился! Я стоял на черном диске посреди пустоты! Да, я был свободен, но я был одинок. Вы никогда не сможете понять, что я ощущал, пока не окажетесь в полном одиночестве посреди безразличного, безжизненного космоса, не понимая, в каком направлении следует двигаться. Где-то вдалеке я заметил одну-единственную звезду и, за неимением лучшего, направился к ней.

Как долго я летел? Опять же, не могу сказать. Когда я решил, что преодолел примерно половину пути, я развернулся так, чтобы мой диск был обращен к звезде, и таким образом стал замедляться.

Что я делал в пути? А что я мог делать? Я разго-

варивал со звездоцветами, я передавал им свои мысли. Такие монологи меня успокаивали, ибо в полете к звезде саха́ров, как минимум на протяжении первых нескольких сот лет, я был объят всепоглощающим гневом, затмевавшим любые рациональные помыслы. Я готов был тысячу раз умереть под пытками, чтобы нанести единственный булавочный укол хотя бы одному из врагов! Я планировал сладостную месть, меня наполняли жизнерадостная энергия и буйная радость, когда я воображал боль, причиняемую предателям! И в то же время воображение заставляло меня испытывать невыразимую печаль: пока другие наслаждались лучшими плодами жизни (пирами, дружескими беседами, ласками любовниц), я плыл один во мраке пустоты. Я убеждал себя в том, что равновесие будет восстановлено. Враги пострадают не меньше, а больше моего! Но страсть остывала, а звездоцветы светились тем ярче, чем лучше меня узнавали. Теперь у каждого из них — свое имя, каждый наделен индивидуальным характером, каждого я могу распознать по свойствам движения. Архивёльты считают, что звездоцветы — эмбрионы мыслительных органов разумных огненных существ, живущих в недрах звезд. В этом отношении у меня еще нет

никакого определенного мнения.

Наконец я спустился на планету вымерших саха́ров. К тому времени вся моя ярость успела испариться. Я стал спокойным и безмятежным — таким, каким вы меня встретили. Я осознал тщетность былой жажды мщения. Я сосредоточился на новом существовании и в течение многих эонов возводил здания и путеводные пирамидки. Я жил новой жизнью.

Саха́ры возбудили во мне интерес. Я прочел их книги, я изучал их легенды… Возможно, я стал жить во сне. Прежняя жизнь была так далека, что превратилась в несущественное противоречие, которому я уделял все меньше внимания. Меня просто поражает, что мне удалось вспомнить земной язык так быстро и так легко. Скорее всего, звездоцветы сохранили мои знания и предоставили их мне, как только в этом возникла необходимость. А! Мои чудесные звездоцветы! Что бы я без них делал?

Теперь я снова среди людей. Теперь я помню почти все, что со мной было. Остались еще кое-какие не совсем ясные детали, но их я тоже вспомню.

Моррейон помолчал, погрузившись в раздумье; несколько голубых и пунцовых звездоцветов

быстро потускнели. Моррейон задрожал, словно прикоснувшись к источнику гальванического напряжения; его аккуратно подстриженные седые волосы, казалось, взъерошились. Он сделал медленный шаг вперед; некоторые из чародеев беспокойно пошевелились.

Моррейон заговорил другим тоном, не таким задумчивым и гораздо более решительным — в нем невозможно было не уловить резкость, свидетельствующую о нарастающем гневе:

— А теперь должен кое в чем признаться. — Его блестящие черные глаза останавливались то на одном лице, то на другом. — Я дал понять, что на протяжении эонов моя ярость истощилась. Это действительно так. Рыдания, разрывавшие мне грудь, злоба, заставлявшая меня скрежетать зубами, гнев, из-за которого содрогался и ныл мозг, — все это прошло; вокруг не было ничего, что могло бы подогревать эти эмоции. Горькие думы сменились трагической меланхолией, а затем, наконец, покоем — покоем, который нарушило ваше прибытие.

И теперь меня охватило новое стремление! По мере того как ко мне возвращается прошлое, вместе с ним возвращается желание воздать по заслугам тем, кто меня обманул и предал. Но при

этом наблюдается разница. Теперь я холоден и осторожен. Возможно, я больше никогда не смогу испытывать поглощавшие меня когда-то бешеные страсти. С другой стороны, кое-какие периоды моей жизни еще недостаточно прояснились. — Снова несколько красных и пунцовых звездоцветов потеряли яркий блеск; Моррейон напрягся, его голос зазвенел: — Я стал жертвой преступлений, и преступники должны быть наказаны! Архивёльты Музорга заплатят сполна за то, что сделали со мной! Им нет прощения, они не заслуживают никакого снисхождения! Лунатик Вермулиан, сотрите прежние символы с обода навигационного колеса! Отныне наш пункт назначения — планета Музорг!

Вермулиан взглянул на коллег, чтобы узнать их мнение.

Ильдефонс прокашлялся:

— Рекомендую Вермулиану сперва высадить на Земле тех из нас, кого ждут неотложные дела. Затем другие смогут сопровождать Вермулиана и Моррейона к Музоргу. Думаю, так будет удобнее для всех.

Моррейон произнес, тихо и зловеще:

— Мои дела важнее любых других — я их и так откладывал слишком долго. — Повернувшись к

Вермулиану, он приказал: — Хорошенько разожгите кадильницу ускорителя! И направьте дворец прямо к Музоргу!

Проказник из Снотворной Заводи смущенно заметил:

— Было бы целесообразно напомнить, что архивёльты располагают мощными магическими средствами. В частности, так же как у вас, у них есть звездоцветы.

Моррейон яростно разрубил воздух ладонью — при этом посыпались искры.

— Магия порождается внутренней силой! Одна моя жажда мести нанесет поражение архивёльтам! Я заранее предвкушаю битву и торжество победы. А как они пожалеют о том, что со мной сделали!

— Говорят, что сдержанность и снисходительность — наилучшие из добродетелей, — осмелился возразить Ильдефонс. — Архивёльты давно забыли о вашем существовании — ваша месть покажется им несправедливой и необоснованной жестокостью.

Моррейон резко повернулся, вперив в лицо Ильдефонса неукротимый взгляд блестящих черных глаз:

— Я отвергаю эту концепцию! Вермулиан, под-

чиняйтесь!

— Мы уже летим к планете Музорг, — отозвался Лунатик Вермулиан.

12

Ильдефонс сидел на мраморной скамье между парой лимонных деревьев, блестевших серебряными фруктами. Риальто стоял рядом, элегантно поставив ногу на скамью, — такая поза позволяла ему демонстрировать белую подкладку розового атласного плаща самым эффектным образом. Странствующий дворец летел среди скопления тысяч звезд; великолепные светила проплывали сверху, снизу и по обеим сторонам павильона — хрустальные шпили дворца переливались миллионами мерцаний.

Риальто уже успел выразить беспокойство по поводу последних событий. Теперь он заговорил снова, еще настойчивее:

— Было бы полезно отметить тот факт, что Моррейон не располагает достаточными магическими средствами, хотя утверждает, что его внутренняя сила способна преодолеть любые ухищрения.

— Магическая сила Моррейона носит истерический характер, она расплывчата, не сфокусиро-

вана! — выпалил Ильдефонс.

— В этом и заключается опасность! Что, если по ошибке — или просто по неосторожности — его гнев обрушится на нас?

— Почему это вас так беспокоит? — поднял брови Ильдефонс. — Вы сомневаетесь в своих способностях — или в моих?

— Следует предусмотреть любые возможности, — с достоинством возразил Риальто. — Не забывайте о том, что Моррейон еще не имеет четкого представления о некоторых событиях своей жизни.

Ильдефонс задумчиво дернул свою седеющую желтоватую бороду:

— С тех пор прошли эоны, мы все изменились — и Моррейон изменился не меньше нашего.

— В этом и заключается суть моих замечаний, — настаивал Риальто. — Всего лишь час тому назад я поставил небольшой эксперимент. Моррейон прогуливался по балкону третьего яруса, глядя на плывущие мимо звезды. Я воспользовался тем, что он отвлекся, и попробовал напустить на него незначительное раздражающее заклятие, а именно — «Кишечный спазм» Уларта, но оно не произвело никакого заметного действия. Затем я попытался применить, в небольшой дозе,

«Неутолимую чесотку» Лугвайлера — и снова безуспешно. При этом звездоцветы Моррейона пульсировали сполохами, поглощая магическую энергию! Наконец, я подверг Моррейона изобретенному мной «Заклятию вызывающей позеленение тошноты». Звездоцветы ярко зажглись, и на этот раз Моррейон обратил внимание на мои шалости. К счастью, как раз в тот момент на балкон вышел Некроп Бизант. Моррейон обвинил его в хулиганстве, Бизант отрицал свою вину, а я удалился, пока они спорили. Результаты эксперимента ясны. Во-первых, звездоцветы охраняют Моррейона от враждебной магии. Во-вторых, он бдителен и подозрителен. В-третьих, он не из тех, кто оставляет без внимания попытки ему насолить.

Ильдефонс понимающе кивнул:

— Несомненно, следует учитывать эти обстоятельства. Теперь я начинаю понимать, в чем заключался хитроумный замысел Ксексамедеса: он намеревался навредить всем чародеям. Но взгляните на небо! Разве это не Электа? С Земли это созвездие выглядит в зеркальном обращении. Мы снова в знакомой части космоса. Надо полагать, Керкаджу́ и ее достопримечательная планета Музорг уже где-то недалеко.

Они прошлись к выходу из павильона.

— Вы правы! — воскликнул Риальто и протянул руку: — Вот Керкаджу́, ее можно узнать по пунцовому блеску!

Появился Музорг — тусклый мир странного безрадостного оттенка.

Следуя указаниям Моррейона, Вермулиан опустил летучий дворец на утес Пляшущих Курений на южном берегу Ртутного океана. Предусмотрев средства защиты от ядовитой атмосферы, чародеи спустились по мраморным ступеням и подошли к обрыву, откуда открывался вдохновляющий вид. Чудовищный диск Керкаджу́, испещренный отчетливыми пятнами и наплывами, выпятился на зеленом небосклоне — из Ртутного океана на него смотрело такое же огромное рябое отражение. Внизу, у основания утеса, на бугорчатой черной поверхности роговой обманки блестели лужи и ручейки ртути. Здесь паслись, пожевывая пучки мха, музоргские драгоны — красновато-фиолетовые, похожие сверху на анютины глазки существа двухметрового диаметра. На востоке к берегу спускались террасы города Калеше.

Остановившись на краю утеса, Моррейон глубоко вдохнул ядовитые испарения, поднимавшиеся из океана, — так, словно местный воздух был

насыщен свежими, бодрящими ароматами.

— Моя память восстанавливается все быстрее. Я помню этот ландшафт так же ясно, как если бы побывал здесь вчера. Но с тех пор кое-что изменилось, конечно. Далекий пик слева эродировал примерно до половины прежней высоты. Утес, на котором мы стоим, был как минимум на тридцать метров выше. Неужели прошло столько времени? Пока я строил пирамидки и корпел над книгами, пролетели эоны! Не говоря уже о том сроке неизвестной продолжительности, который я провел в космосе на диске, слепленном из звездной пыли и крови. Направимся в Калеше — когда-то там прозябал архивёльт Персэйн.

— Что будет, когда вы встретитесь лицом к лицу с врагами?.. — спросил Риальто. — Вы приготовили заклинания?

— Мне не нужны заклинания! — обронил Моррейон. — Смотрите! — Он указал пальцем на огромный валун; едва заметное движение пальца разнесло валун вдребезги. Моррейон сжал кулаки; послышался треск — такой, словно рвался жесткий пергамент: из кулаков волшебника пытались вырваться яростные разряды. Моррейон стал спускаться к террасам Калеше; группа чародеев последовала за ним.

Туземцы, кальши, видели, как спускался странствующий дворец; многие из них уже поднимались на утес, чтобы взглянуть на такое чудо. Так же как архивёльтов, их покрывала бледно-голубая чешуя. Особи мужского пола перевязывали черные плюмажи шнурами из осмия; перистые зеленые плюмажи их подруг, однако, свободно покачивались при ходьбе. Все они, гибкие как ящерицы, были более чем двухметрового роста.

Моррейон остановился:

— Персэйн, выйди вперед!

Один из самцов отозвался:

— В Калеше нет Персэйна.

— Как так? Архивёльта Персэйна нет?

— Мы такого не знаем. Местный архивёльт — Эворикс, но он сбежал, как только увидел ваш летучий дворец.

— Кто из вас хранитель городских архивов?

Другой кальш сделал шаг вперед:

— Я выполняю эту функцию.

— Ты знаком с архивёльтом Персэйном?

— Я о нем слышал. Персэйна проглотила гарпия в конце двадцать первого эона.

Моррейон огорченно застонал:

— Неужели он от меня ускользнул? Как насчет Ксексамедеса?

— Ксексамедес покинул Музорг — никто не знает, где он.

— Джорин?

— Джорин жив, но обычно не показывается за стенами замка, вырезанного из розовой жемчужины, что на другом берегу океана.

— Ага! Как насчет Оспро?

— Оспро умер.

Моррейон снова недовольно крякнул.

— Вексель?

— Мертв.

Моррейон опять застонал. Одно за другим он называл имена своих врагов. Из них выжили только четверо.

Когда Моррейон, наконец, отвернулся от кальшей, у него было осунувшееся, тревожное лицо. Земных чародеев он словно не замечал; все его пунцовые и синие звездоцветы потускнели.

— Всего лишь четверо! — бормотал он. — Всего лишь четверо познáют неистовство моего гнева! Этого недостаточно, недостаточно! Равновесие должно быть восстановлено! — Моррейон протянул руку к океану: — Туда! К зáмку Джорина!

Дворец Вермулиана плыл по воздуху над Ртутным океаном, между огромным красным шаром Керкаджý и ее огромным красным отражением.

Впереди появились утесы из крапчатого кварца с включениями киновари; на высокой скале, нависшей над океаном, высился замок в форме гигантской розовой жемчужины.

Странствующий дворец опустился на ровную площадку; Моррейон спрыгнул со ступеней и сразу направился к замку. Круглая дверь из цельного осмия открылась внутрь; из нее вышел трехметровый архивёльт с метровым пучком дрожащих черных перьев над головой.

Моррейон приказал:

— Позови Джорина. У меня к нему дело.

— Джорин внутри! У нас было предчувствие! Ты — земной примат Моррейон, из далекого прошлого. Предупреждаю: мы приготовились тебя встретить.

— Джорин! — закричал Моррейон. — Выходи!

— Джорин не выйдет! — заявил архивёльт. — Не выйдут также Арвианид, Исхикс, Геркламон и другие музоргские архивёльты, прибывшие, чтобы совместно от тебя защищаться. Если ты жаждешь мести, отомсти настоящим виновникам твоих несчастий — не раздражай нас своими капризными жалобами. — Архивёльт вернулся внутрь; дверь из осмия захлопнулась.

Моррейон стоял неподвижно, как статуя. Маг

Мьюн подошел к нему и сказал:

— Я их оттуда выкурю «Синим экстрактором» Уларта.

Он провозгласил заклинание в сторону замка, но оно не возымело никакого эффекта. Риальто попробовал «Заклинание почкования мозгов», но его магия была поглощена; вслед за ним Гильгад испустил разряд «молниеносного разгрома», но он разбился о блестящую розовую поверхность гигантской жемчужины.

— Бесполезно! — заключил Ильдефонс. — Их звездоцветы поглощают магию.

Архивёльты решили открыть ответный огонь. Из трех открывшихся амбразур одновременно вылетели три заклятия, перехваченные звездоцветами Моррейона, на мгновение вспыхнувшими ярким пламенем.

Моррейон сделал три шага вперед и указал пальцем на за́мок. Поток энергии ударил в дверь из осмия. Она затрещала от жара и задрожала, но выдержала.

Моррейон указал на казавшуюся хрупкой поверхность розового перламутра; поток энергии обогнул ее и был растрачен впустую.

Моррейон указал на каменные опоры за́мка. Они разлетелись в куски. За́мок дрогнул, пере-

валился набок и покатился вниз по уступчатому склону скалы. Покрываясь трещинами и разламываясь, огромная жемчужина перескакивала с уступа на уступ и плюхнулась в Ртутный океан, где ее подхватило течение, — за́мок плыл в открытое море, как разбитая скорлупа. Из трещин в перламутровой поверхности выбирались наружу и карабкались наверх архивёльты. Наконец их собралось слишком много на вершине плывущей сферы, и она перевернулась, сбросив архивёльтов в мелкое ртутное море, доходившее им до бедер. Одни пытались пройти по дну и выскочить на берег, другие плыли на спине, загребая ртуть руками. Порыв ветра подхватил треснувшую розовую скорлупу — она покатилась по серебристой поверхности ртути, разбрасывая оставшихся в ней архивёльтов, как крутящееся колесо разбрасывает капли воды. С прибрежных скал вспорхнула стая музоргских гарпий — подхватывая ближайших архивёльтов, они тут же заглатывали их целиком. Другие архивёльты позволили течению отнести их в открытый океан и постепенно пропали в серебристых далях.

Моррейон медленно повернулся к земным чародеям. Лицо его посерело.

— Фиаско, — бормотал он. — Все это ни к чему.

Тяжелыми шагами он возвращался к летучему дворцу, но, не дойдя до мраморных ступеней, неожиданно остановился.

— Настоящие виновники? Что он имел в виду?

— Попытка ввести в заблуждение, больше ничего, — отозвался Ильдефонс. — Давайте пройдем в павильон и освежимся прохладным вином. Возмездие свершилось. И теперь… — Его голос замер — Моррейон уже поднимался по ступеням. Один из ярких синих звездоцветов поблек. Моррейон резко выпрямился, словно от острой боли в спине. Развернувшись на месте, он переводил взгляд с одного чародея на другого.

— Я вспомнил одно лицо — лицо лысого человека с черными бакенбардами. Это был дородный субъект… Как его звали?

— Все это в далеком прошлом, — сказал дьяволист Шрю. — Лучше об этом забыть.

Потускнели оставшиеся ярко-голубые звездоцветы: в потухших черных глазах Моррейона снова зажглись искры.

— Архивёльты напали на Землю. Мы их победили. Они молили сохранить им жизнь. Это я помню… Главный чародей требовал, чтобы они раскрыли тайну происхождения звездоцветов. А! Как его звали? У него еще была привычка дергать

себя за бакенбарды… Другой — красавец, расфуфыренный, как попугай (его лицо появилось у меня перед глазами), предложил главному чародею… А! Теперь все ясно! — Голубые звездоцветы тускнели один за другим. Лицо Моррейона засветилось, словно охваченное белым пламенем. Поблек последний голубой звездоцвет.

Теперь Моррейон говорил тихо, вкрадчиво, словно пробуя на вкус каждое слово:

— Главного чародея звали Ильдефонс, а расфуфыренного щеголя — Риальто. Теперь я все помню, во всех подробностях. Риальто предложил отправить меня на поиски источника звездоцветов; Ильдефонс поклялся охранять меня так, как если бы он защищал свою собственную жизнь. Я им поверил. Я доверял чародеям, собравшимся вокруг: там был Гильгад, там были Хуртианц, Маг Мьюн и Пердастин. Мои ближайшие друзья, все они торжественно поклялись взять архивёльтов в заложники, чтобы обеспечить мою безопасность. Теперь я знаю, кто настоящие виновники! Архивёльты расправились со мной как с врагом, но именно друзья предали меня и никогда обо мне не вспоминали. Ильдефонс! Что скажешь? Что скажешь — перед тем как я отправлю тебя отсиживать двадцать эонов в одному мне извест-

ном месте?

Ильдефонс откликнулся с притворным дружелюбием:

— Помилуйте, Моррейон, не следует принимать все это так близко к сердцу. Все хорошо, что хорошо кончается: мы снова вместе и вы нашли источник звездоцветов!

— За каждый приступ отчаяния и боли ты ответишь двадцатью! — продолжал Моррейон. — И Риальто тоже! И Гильгад, и Мьюн, и Эрарк Предвестник, и вся ваша свора! Вермулиан, поднимай дворец в небо! Мы вернемся туда, откуда прилетели. Зажги две свечи под кадильницей!

Риальто глянул на Ильдефонса — тот пожал плечами.

— Другого выхода нет, — сказал Риальто и провозгласил «Заклятие темпорального стаза». Наступила мертвая тишина. Окружающие превратились в один неподвижный монумент из множества фигур.

Пользуясь большим мотком липкой ленты, Риальто плотно привязал руки Моррейона к его бокам, связал его лодыжки и заклеил ему рот несколькими слоями ленты, чтобы он не мог вымолвить ни слова. Затем он нашел во дворце магическую сеть и, собрав в нее все звездоцветы,

обернул ими голову Моррейона — так, чтобы каждый звездоцвет прижался к черепу волшебника. Закончив эту процедуру, он на всякий случай заклеил Моррейону глаза.

Больше Риальто ничего не мог сделать. Он отменил перерыв во времени. Ильдефонс уже подходил ближе. Потрясенный Моррейон мычал и дергался. Ильдефонс и Риальто осторожно уложили его на мраморный пол.

— Вермулиан! — позвал Ильдефонс. — Будьте добры, позовите слуг. Нужно положить Моррейона в тачку и отвезти в темную комнату. Ему полезно будет отдохнуть.

13

Риальто нашел усадьбу Фалу́ в том же состоянии, в каком ее оставил, с тем исключением, что древний указательный столб теперь был полностью восстановлен. Будучи вполне удовлетворен, Риальто зашел в одно из дальних помещений, проделал проход в подпространство и разместил там магическую сеть с принесенными звездоцветами. Одни пылали голубым сиянием, другие перемигивались алыми и синими вспышками, остальные мерцали глубокими красными, розовыми, розово-зелеными, бледно-зелеными и

бледно-сиреневыми сполохами.

Скорбно покачав головой, Риальто закрыл другое измерение — звездоцветы исчезли. Вернувшись в лабораторию, он нашел Пюираса среди минускулов и вернул ему изначальные размеры.

— Я принял окончательное решение, Пюирас! Мне больше не потребуются твои услуги. По своему усмотрению ты можешь работать в бригаде минускулов или получить расчет и удалиться.

Пюирас возмущенно взревел:

— Я сработал пальцы до костей! И это называется благодарностью?

— Не хочу спорить. По сути дела, я уже нашел тебе замену.

Пюирас взглянул на зашедшего в лабораторию высокого человека с пустым остановившимся взглядом.

— Вот этого? Что ж, желаю ему удачи. Давайте мои деньги — и никакого магического золота, рассыпающегося в песок!

Пюирас забрал монеты и ушел. Риальто обратился к новому служителю:

— В качестве первого поручения вы можете убрать остатки вольера. Если найдете трупы, оттащите их в сторону, я их потом ликвидирую. После чего займитесь плиткой в большом при-

емном зале...